ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИ ГЛАВЪ

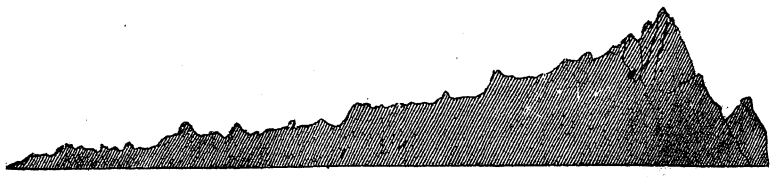
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Ткпо-Литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 17 апрѣля 1890 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*



767
37

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Просвѣщеніе Римлянъ вѣрою.

Апостолъ Павелъ пишетъ къ Римлянамъ, не видавши ихъ. Ибо не онъ просвѣтилъ ихъ вѣрою: она зашла къ нимъ помимо его,—зашла и образовала изъ нихъ славное христіанское общество, слава котораго, ко времени написанія посланія, возвѣщалась во всемъ мірѣ (1, 8). Какъ же это сдѣлалось?

Какъ это сдѣлалось, опредѣленныхъ указаній не имѣется. Но можно построевать о семъ предположенія очень вѣроятныя

Въ Климентовыхъ рекогниціяхъ (1, 6) говорится, что, еще во время пребыванія Господа видимо на землѣ, вѣсти о Немъ и о дѣлахъ Его доходили до Римлянъ и возбуждали не удивленіе только къ Нему, но и вѣру въ Него. Это сказаніе не можетъ быть подвергаемо сомнѣнію. Въ Римѣ, со времени подчиненія ему Іудеи Помпеемъ (63 г. до Р. Хр.), начало жить множество Іудеевъ, для которыхъ потомъ отведенъ былъ и особый кварталъ за Тибромъ. Но живя здѣсь, они не отчуждались отъ своего отечества, особенно отъ Іерусалима, и бывали тамъ на праздникахъ, и паче на главномъ—Пасхѣ. Бывавшіе въ Іерусалимѣ могли не только слышать о Господѣ, но и видѣть Его и вѣровать въ Него; затѣмъ, возвратясь въ Римъ; разсказать о Немъ другимъ, и возбудить у однихъ желаніе самимъ видѣть Его, чтобъ и

себѣ вѣровать, у другихъ—прямо вѣру. Новые посѣтители Іерусалима могли возвращаться новыми вѣрующими и приносить новыя возбуждающія вѣру вѣсти. Такимъ образомъ, еще до крестной смерти и воскресенія, Господь могъ имѣть многихъ чтителей среди жившихъ въ Римѣ Іудеевъ.

Въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ въ числѣ другихъ свидѣтелей сего событія были и Римляне (Дѣян. 2, 10). Крестилось въ этотъ день три тысячи вѣрующихъ. Очень невѣроятно, чтобы въ такомъ количествѣ не оказался ни одинъ Римлянинъ, особенно если былъ среди ихъ кто-либо изъ подготовленныхъ прежде. Этотъ увѣровавшій и крестившійся, если онъ былъ одинъ, или нѣсколько такихъ, если не одинъ, возвратясь въ Римъ; могли окрестить всѣхъ подготовленныхъ прежде и приложить къ нимъ новыхъ вѣрующихъ. Крещеніе сопровождалось тогда дивными измѣненіями крещенныхъ, и служило несомнѣннымъ знаменіемъ истины вѣры крещаемыхъ. А это не могло не привлекать къ Господу тѣхъ, кои были предназначены быть отъ двора Его. Допустивъ это, должны будемъ согласиться, что поелику квасъ вложенъ въ смѣшеніе муки, то онъ не могъ оставаться безъ дѣйствія. Общество вѣрующихъ должно было расти, привлекая новыхъ чтителей Господа не изъ Іудеевъ только, но и изъ прозелитовъ, а чрезъ нихъ и изъ прочихъ язычниковъ. Это дѣйствіе могло усугубляться, если примемъ, что изъ числа новыхъ посѣтителей Іерусалима, иные возвращались вѣрующими и крещенными; что очень не дивно. Къ тому же въ Римъ всегда стекалось изъ разныхъ мѣстностей множество лицъ, изъ которыхъ иные тамъ и оставались, или по дѣламъ своимъ, или и совсѣмъ на жительство. Въ числѣ такихъ могли быть увѣровавшіе, Іудеи и язычники, которые не могли тамъ быть внѣ связи съ обществомъ вѣрующихъ. По всѣмъ этимъ вѣроятностямъ, сколько могло образоваться вѣ-

рующихъ въ Римѣ, въ продолженіи двадцати пяти уже лѣтъ существованія церкви Христовой на землѣ, до написанія посланія къ Римлянамъ?—Вотъ и общество вѣрующихъ. вѣра котораго возвѣщалась во всемъ мірѣ!

Но симъ путемъ можно объяснить только, какъ образовалось въ Римѣ такое множество вѣрующихъ и крещенныхъ; а устроенія изъ нихъ церкви, въ полномъ ея чинѣ и составѣ, нельзя такъ объяснить. Крестить могъ всякій, и крещеніе тотчасъ являло всю силу свою очевидно для всѣхъ; но пріятіе даровъ Св. Духа было невозможно иначе, какъ чрезъ возложеніе рукъ св. Апостоловъ, или ими рукоположенныхъ предстоятелей—епископовъ (нынѣ муропомазаніе). Между тѣмъ св. Павелъ, пиша въ посланіи для Римлянъ правила жизни, поминаетъ о разныхъ благодатныхъ дарахъ, дѣйствовавшихъ въ нихъ,—о пророчествѣ, ученіи, предстояніи или настоятельствѣ церковномъ (—12, 6 –8). Это значитъ, что тамъ церковь была въ полномъ ея устройствѣ. Какъ же это могло состояться?—Или былъ тамъ кто-либо изъ Апостоловъ и лично устроилъ тамошнюю церковь, или кто-нибудь изъ Апостоловъ рукоположилъ другаго достойнаго и довѣреннаго, и ему поручилъ устроить ее и управлять ею. Она и является вполнѣ устроенною и хранящею общій всѣмъ церквамъ чинъ и порядокъ.—Что же принять?

Преданіе Римской церкви говоритъ, что въ Римѣ былъ св. Петръ и устроилъ тамъ Христову церковь,—что прибылъ онъ туда послѣ чуднаго освобожденія изъ темницы, въ которую заключенъ былъ Иродомъ (Дѣян. 12, 3. 9), въ 43 г. по Р. Х., и съ этого времени 25 лѣтъ епископствовалъ въ Римѣ. Что св. Петръ могъ быть въ Римѣ, этого нельзя отвергать на томъ основаніи, что онъ есть Апостолъ Іудеевъ: ибо и въ этомъ качествѣ ему надлежало дѣйствовать не въ одномъ Іерусалимѣ, и не въ одной Іудеѣ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Іудеи

жили въ большомъ количествѣ. Нельзя этого отвергать и на томъ основаніи, что, по указанію Дѣяній, св. Петръ, послѣ освобожденія изъ темницы, былъ въ Іерусалимѣ, во время Апостольскаго собора, потомъ вскорѣ въ Антіохіи, а далѣе въ Вавилонѣ, египетскимъ ли его считать городомъ, или признать древнимъ Вавилономъ. Изъ этихъ указаній видно только, что св. Петръ не сидѣлъ постоянно въ Римѣ; но на основаніи ихъ нельзя считать невозможнымъ, чтобъ св. Петръ былъ въ Римѣ и устроилъ тамъ церковь. Онъ могъ быть тамъ и, сдѣлавъ свое дѣло, отбыть въ другія мѣста, какъ требовалъ его апостольскій долгъ. Между освобожденіемъ св. Петра изъ темницы и соборомъ прошло лѣтъ пять; а чтобы побывать въ Римѣ изъ Палестины и устроить тамъ нужное, достаточно одного года.

При всемъ томъ бытіе св. Петра въ Римѣ и личное дѣйствованіе его въ устроеніи тамошней церкви нельзя считать несомнѣннымъ. Что св. Петра не было въ Римѣ, когда писано св. Павломъ посланіе, объ этомъ и говорить нечего. И писать бы его не сталъ св. Павелъ, еслибъ тамъ былъ св. Петръ; или, еслибъ ужь и рѣшился писать по какимъ-либо важнымъ причинамъ, не могъ бы писать прямо къ обществу христіанъ, безъ всякаго отношенія къ св. Петру, съ которымъ былъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Но и то, что устроеніе тамошней церкви не св. Петру одолжено своимъ началомъ, тоже видно изъ посланія. Ибо какимъ-либо образомъ намекнулъ бы объ этомъ св. Павелъ, по обычнымъ между людьми порядкамъ. Надо же прибавить, что онъ и долженъ былъ это сдѣлать, еслибъ это было дѣйствительно, чести ради вѣры и апостольства Христова. Ибо что это за Апостолы, когда и знать не хотятъ труда единовластныхъ себѣ лицъ, и что за вѣра, исходящая отъ такихъ учителей?—Хвалитъ Апостолъ вѣру ихъ: какая бы могла быть выше для нихъ въ семъ отношеніи похвала.

какъ указаніе, что она насаждена у нихъ первоверховнымъ Апостоломъ, и что самая вѣрность ихъ вѣрѣ чрезъ то получаетъ особенный вѣсъ? Если ничего такого нѣтъ въ посланіи, то надо принять, что св. Петръ дотолѣ не дѣйствовалъ лично въ Римѣ. Къ тому же, если писать посланіе и учить значитъ созидать,—Апостолъ же Павелъ не имѣлъ обычая строить на чужомъ основаніи; то трудно допустить, чтобы онъ рѣшился и писать посланіе, развѣ только по порученію самого св. Петра. Если пишетъ и—самъ отъ себя, значитъ,—въ Римѣ не была еще апостольская нога.

Такимъ образомъ навѣрное надо полагать, что св. Петра не было въ Римѣ, до написанія св. Павломъ посланія къ Римлянамъ. Не было его тамъ и до окончанія первыхъ узъ св. Павла: ибо иначе онъ помянулъ бы объ этомъ въ какомъ-либо изъ своихъ посланій, а онъ, если пишетъ что о себѣ, всегда такъ говоритъ, что пребыванія въ то время другаго какого Апостола въ Римѣ предположить нельзя. Если былъ св. Петръ въ Римѣ, то уже послѣ первыхъ тамъ узъ св. Павла.—Итакъ, кто же властно устроялъ Римскую церковь?

Кто-нибудь изъ полномочныхъ апостольскихъ. Этимъ можно удовольствоваться, не доискиваясь точнѣйшаго опредѣленія, кто именно. Что дары Св. Духа и предстоятельство въ церкви не иначе могли явиться въ Римѣ, какъ чрезъ преемство отъ Апостоловъ, это несомнѣнно; но какъ именно это совершилось, по недостатку свидѣтельствъ, сказать нельзя.—Гадать можно, и именно такъ: лица, къ которымъ св. Павелъ шлетъ свои цѣлованія, очевидно, были ему очень близки и извѣстны. Гдѣ же онъ и какъ спознался съ ними и сблизился? Тамъ же и такъ, какъ спознался и сблизился онъ съ Прискиллою и Акилою, которые стоятъ во главѣ привѣтствуемыхъ лицъ. Т.-е. всѣ они суть изгнанники изъ Рима, разсѣявшіеся по Греціи, Македоніи и Асіи, гдѣ встрѣчались

со св. Павломъ, и иные просвѣщены имъ вѣрою, другіе болѣе утверждены въ вѣрѣ, а нѣкоторые поступили къ нему въ сотрудники въ дѣлѣ благовѣстія. По смерти Клавдія при Неронѣ, они теперь всѣ возвратились въ Римъ, и св. Павелъ шлетъ имъ свои благожеланія. Итакъ, они были и прежде въ Римѣ; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ названы избранниками, труженниками о Господѣ и искусными въ дѣлѣ Его. Андроникъ же и Юнія прямо названы нарочитыми во Апостолѣхъ, прежде самого св. Павла увѣровавшими въ Господа. Вотъ и устроители церкви Римской, по полномочію отъ Апостоловъ, хотя нельзя дѣло это опредѣленно приписать тому-то, или тому-то.

При этомъ приходитъ на мысль такое предположеніе объ образованіи преданія, будто церковь Римская лично св. Петромъ основана. Если принять, что первые вѣрующіе въ Римѣ были изъ числа обращенныхъ и крещенныхъ въ день Пятьдесятницы, когда дѣйствующимъ представляется преимущественно св. Петръ, другіе же вѣрующіе тамъ или этими обращены, или познали вѣру подобно имъ въ другіе праздники въ Іерусалимѣ; то вѣрующимъ въ Римѣ совершенно справедливо было отцомъ своимъ духовнымъ почитать св. Петра и вѣру свою производить отъ него. Всѣ послѣдующіе вѣрующіе, сколько ихъ не прилагалось, прививались къ этому корню, и мысль о происхожденіи Христовой вѣры въ Римѣ отъ св. Петра могла быть общею среди христіанъ. Когда потомъ св. Петръ принялъ мученическую кончину въ Римѣ, преданіе, сливъ конецъ съ началомъ, самое происхожденіе вѣры Римлянъ стало производить отъ личнаго дѣйствованія св. Петра въ Римѣ. Такъ это потомъ внесено и въ историческіе памятники: Евсевіеву хронику подъ 43 годомъ, Іеронимову книгу De vir illust. с. I, Орозіеву исторію (7, 6).

2.

Составъ церкви Римской.

Однимъ кажется, что Римская церковь состояла преимущественно изъ Іудеевъ, другимъ — что изъ язычниковъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что сначала больше было Іудеевъ, а потомъ стало больше язычниковъ,— и это даже ко времени написанія посланія. Вотъ что наводитъ на эту мысль! Какъ только показались Іудеи въ Римѣ, они начали привлекать къ себѣ прозелитовъ полныхъ или неполныхъ. Благороднымъ душамъ тяжело становилось отъ языческихъ суевѣрій и недобрыхъ нравовъ. Истина, скрывавшаяся въ іудейскомъ исповѣданіи вѣры, успокоительно повѣяла на ихъ духъ, и они стали преклоняться предъ нею. Это дѣло пошло такъ успѣшно, что не могло не быть замѣченнымъ; и Сенека, смотря на это сказалъ, что побѣжденные даютъ законы вѣры побѣдителямъ, а Ювеналъ смѣялся надъ іудействующими Римлянами и особенно Римлянками. Но если іудейство такъ привлекало возбужденныя души, не тѣмъ ли паче могло это дѣлать христіанство? Христіанство давало не одну истину, но вмѣстѣ съ нею сообщало и новую благодатную жизнь. Это было для всѣхъ осязательно. Такое осязательное преимущество могло ли оставаться безъ особаго дѣйствія на тѣхъ, кои искали лучшаго?!—И видимъ, что прозелиты іудейскіе вездѣ почти тотчасъ переходили къ Евангелію, какъ только оно касалось ихъ слуха, и становились христіанами. Это и потому, что христіанство давало полное удовлетвореніе ихъ духу, и потому, что, становясь христіанами, они дѣлались полными членами вѣрующаго общества, тогда какъ іудейское прозелитство держало ихъ будто за воротами дома Божія, въ какомъ живущими представляли себя Іудеи. Какъ бывало вездѣ, такъ было и въ Римѣ. Съ самаго нача-

ла больше было вѣрующихъ изъ Іудеевъ, но не подавляющимъ множествомъ. Было не мало ихъ и изъ язычниковъ.

За что іудеи изгнаны были Клавдіемъ изъ Рима? За то, какъ замѣтилъ Светоній, что среди ихъ поднимались все смуты изъ-за Христа. Это даетъ мысль, что вѣра во Христа Господа побѣдоносно дѣйствовала среди Іудеевъ и сильно раздражала безпокойныхъ ревнителей іудейства. Если припомнимъ, что было съ архидіакономъ Стефаномъ, или потомъ съ Апостоломъ Павломъ въ Филиппахъ и Солуни, въ Коринѳѣ и Ефесѣ; то можемъ вообразить, что происходило и въ Римѣ отъ Іудеевъ,—смятеніе за смятеніемъ. Нынѣ шумъ и крикъ завтра—тоже. Правительство унимало, унимало, и порѣшило—выгнать ихъ всѣхъ изъ Рима, чтобъ не нарушали общаго спокойствія. Оно не входило глубоко въ дѣло; слышало только, что возмутители покоя выкрикивали имя Христа, и остались при мысли, что это онъ какъ-нибудь возбуждалъ ихъ. Разбредутся по разнымъ мѣстамъ, полагало оно, и не будутъ имѣть возможности составлять такихъ буйныхъ партій, какія составляются ими въ Римѣ; но всяко Римъ останется безъ нихъ въ покоѣ.

Изъ этого обстоятельства нельзя заключать, что первые христіане были только изъ Іудеевъ, и что смуты поднимались среди ихъ, то отцами на сыновъ, то сыновьями на отцовъ, то сосѣдями на сосѣдей, и подобное,—по причинѣ отступленія ихъ отъ вѣры отцовъ. Не мало могло быть и такихъ случаевъ, когда смятеніе зарождалось изъ-за потери прозелитовъ или прозелитокъ, какъ даютъ разумѣть смуты противъ св. Павла, бывшія въ Филиппахъ, Солуни и другихъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ смятеніе изъ ихъ квартала должно было переходить и въ самый городъ. Это-то можетъ быть особенно и побудило правительство принять строгія мѣры. — Отсюда вотъ что выходитъ: какъ изгнаніе Іудеевъ было не за вѣру, а за смуты, то эта кара не должна была коснуться

вѣрующихъ изъ язычниковъ. Они остались въ Римѣ, и начали христіанствовать одни, развиваясь и внутренно въ духѣ и внѣшно въ числѣ: ибо благодать Божія не вяжется внѣшними стѣснительными мѣрами и не зритъ на лица. Могли остаться среди ихъ и пастыри—руководители,—и общество зрѣть и полнѣть.— Вотъ обстоятельство, которое дало въ Римѣ перевѣсъ вѣрующимъ изъ язычниковъ надъ вѣрующими изъ Іудеевъ. Ибо хотя и изъ изгнанныхъ Іудеевъ иные могли увѣровать въ Господа въ изгнаніи и воротиться въ Римъ вѣрующими, но другіе изъ вѣровавшихъ прежде изгнанія могли найти себѣ покойное мѣсто гдѣ-либо во время изгнанія и остаться тамъ навсегда. Такимъ образомъ вѣрующіе изъ Іудеевъ могли не возрасти въ числѣ; тогда какъ вѣрующіе изъ язычниковъ, покойно пребывая на мѣстѣ, не могли не привлекать къ себѣ другихъ вѣрующихъ и не рости въ числѣ.

Это же обстоятельство послужило поводомъ и къ тому, что христіанское общество совсѣмъ отособилось отъ Іудеевъ. Вѣрующіе изъ язычниковъ и сами по себѣ не могли тяготѣть къ нимъ, а теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житія и дѣйствованія особо отъ нихъ, и заставить ихъ нельзя было вступать съ ними въ какое-либо общеніе. Но и вѣрующіе изъ Іудеевъ, въ изгнаніи, имѣя болѣе свободы жить сами по себѣ, по духу новой вѣры, привыкли особиться отъ другихъ Іудеевъ, а особенно удалявшіеся въ мѣстности, которыя входили въ кругъ дѣйствованія св. Павла Тутъ они всюду встрѣчали общества христіанъ, отособленныя отъ Іудеевъ, и отъ нихъ научались, какъ вести подобнаго рода жизнь религіозную.—Съ такою подготовкою вѣрующіе Іудеи, возвратясь въ Римъ, не затруднялись, и никакимъ недоумѣніемъ не были смущаемы касательно того, какъ имъ отнестись къ Іудеямъ. Они прямо отдѣлились отъ нихъ, и вступили въ общеніе съ вѣрующими изъ язычниковъ, составивъ съ

ними такимъ образомъ единое цѣлое. Изъ привѣтствій св. Павла нѣкоторымъ изъ сихъ возвратившихся видно, что они вступили тамъ и въ чинъ руководящихъ и заправляющихъ дѣлами религіозной жизни. У Акилы и Прискиллы уже есть и домашняя церковь; другіе привѣтствуются не одни, но съ сущею съ ними братіею. или всѣми святыми сущими съ ними,—что также указываетъ на домашнія у нихъ церкви.—Изъ сего заключить надобно, что вѣрующіе Іудеи, возвратившись въ Римъ совсѣмъ очищенными отъ іудейства, слились съ вѣрующими изъ язычниковъ. Церковь Римская стала церковію совершенно въ духѣ св. Павла, т.-е. такою, какъ слѣдуетъ быть истинно-христіанской церкви Такое отособленіе вѣрующихъ отъ Іудеевъ рѣзко обозначилось при вступленіи св. Павла въ Римъ, года два спустя послѣ посланія. Вѣрующіе выходятъ къ нему на встрѣчу до Аппіева торга и трехъ корчемницъ; изъ прочихъ Іудеевъ никого. И потомъ цѣлыхъ три дня прошло, а изъ нихъ никто не пришелъ привѣтить его: такъ что св. Павелъ принужденъ былъ самъ пригласить ихъ къ себѣ, чтобъ дать имъ точное о себѣ свѣдѣніе, — что онъ не по винѣ какой въ узахъ, а *надежды ради Израилевы обложенъ веригами сими* (Дѣян. 28, 20). Это сдѣлалъ онъ для того, чтобъ не распустили о немъ невѣрные худой молвы и не помѣшали тѣмъ приходить къ нему желавшимъ слышать слово благовѣстія. Приглашены были перваки;—и съ какою холодностью отвѣчали они св. Павлу: не слышали о тебѣ и писемъ не получали!—Это притворно сказано. А въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *да слышимъ, яже мудрствуеши: о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду сопротивъ глаголемо есть* (Дѣян. 28, 22), - слышится и нескрываемое уже отвращеніе къ евангельскому благовѣстію. Но не всѣ были таковы; ибо когда въ назначенный день св. Павелъ потолковалъ съ собравшимися въ большомъ числѣ Іудеями,

многіе увѣровали (——24), а многіе приходили слушать его послѣ и, конечно, тоже прилагались къ вѣрующимъ.

Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія о Римской церкви; но и ихъ достаточно, чтобъ составить правильный взглядъ на посланіе св. Павла къ Римлянамъ.

3.

Когда и гдѣ написано посланіе.

Еще прежде написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ, св. Павелъ положилъ *въ дусѣ, прошедъ Македонію и Ахаію, идти во Іерусалимъ, рекъ, яко бывшу ми тамо подобаетъ ми и Римъ видѣти* (Дѣян. 19, 21). Затѣмъ, пиша первое посланіе къ Коринѳянамъ, говоритъ: *пріиду къ вамъ, егда Македонію прейду* (1 Кор. 16, 5). Пиша же посланіе къ Римлянамъ, онъ говоритъ: *нынѣ гряду во Іерусалимъ, служай святымъ: благоволишя бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ въ Іерусалимѣ* (—15, 25—27). Значитъ, Македонія и Ахаія пройдены, Апостолъ въ Коринѳѣ и собирается въ Іерусалимъ съ милостынею, собранною въ тѣхъ мѣстахъ. Вотъ гдѣ и когда написано посланіе къ Римлянамъ! Въ Коринѳѣ, въ послѣднее трехмѣсячное пребываніе тамъ св. Павла,—о чемъ въ книгѣ Дѣяній пишется, что св. Павелъ, во исполненіе начертаннаго прежде плана, точно прошелъ Македонію, прибылъ въ Элладу (Ахаію) и пробылъ тамъ три мѣсяца (—20, 1—3). Что слова посланія къ Римлянамъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ,* не означаютъ, что посланіе писано гдѣ-нибудь на дорогѣ въ Іерусалимъ, а сказываютъ только, что Апостолъ лишь совсѣмъ собрался въ путь сей, видно изъ того, что онъ рекомендуетъ Римлянамъ Фиву, діакониссу Кенхрейскую, съ которою отправлялось и посланіе; Кенхрея же есть предмѣстіе Коринѳское. По вѣроятному размѣщенію дѣяній св. Павла по го-

дамъ, —посланіе къ Римлянамъ надо поставлять подъ тѣмъ же годомъ, подъ какимъ и оба посланія къ Коринѳянамъ, т.-е. подъ 58 или 59.

4.

Поводъ, побужденіе и цѣль написанія.

Когда Апостолъ Павелъ былъ въ Коринѳѣ, въ Римъ собралась отправиться Фива, Кенхрейская діаконисса, особа, оказавшая немалыя услуги дѣлу вѣры и церкви. Она имѣла дѣла въ Римѣ; и Апостолъ Павелъ, зная, какъ она сама *заступница бысть многимъ* и ему самому (—Рим. 16, 2), считалъ долгомъ своимъ рекомендовать ее тамошнимъ христіанамъ и просить ихъ споспѣшествовать ей въ дѣлахъ ея.—Это рекомендованіе могло быть изображено коротко; но св. Павелъ по сему поводу разсудилъ написать цѣлое посланіе, большее по объему и значительнѣйшее по содержанію, чѣмъ всѣ другія посланія. Что его къ тому побудило?

Духъ Божій, осязательно руководившій во всемъ св. Павла, внушилъ ему сдѣлать это.—Языческіе народы—всѣ составляли область, ввѣренную св. Павлу: онъ считалъ себя обязаннымъ возвѣстить благовѣстіе Христово и Еллинамъ и варварамъ (—1, 14). Слыша, что въ Римѣ засѣменена вѣра и образовалось общество вѣрующихъ,—онъ искренно радовался тому; но вмѣстѣ не могъ избавить себя отъ тревожнаго помышленія—такъ ли идетъ тамъ дѣло, какъ предначертано свыше ему самому вести его среди языковъ. Отсюда желаніе—поскорѣе побывать въ Римѣ, чтобъ своими очами удостовѣриться, что у нихъ все хорошо. Объ этомъ и пишетъ онъ: сколько разъ, говоритъ, порывался я придти къ вамъ Зачѣмъ? Не затѣмъ, чтобы просвѣтить ихъ вѣрою, но чтобы утвердить ихъ въ ней; *соутѣшитися*, говоритъ, *общею вѣрою вашею и моею* (—1, 11. 12). Другими словами это можно такъ

пересказать: чтобъ въ бесѣдѣ съ вами перебрать по пунктамъ ваше вѣрованіе, и привесть его въ полное соглашеніе съ моею вѣрою, или. что тоже, съ нормою вѣры, которая дана мнѣ свыше самимъ Господомъ. Сколько естественно такое желаніе, столько же естественно и безпокойство въ св. Павлѣ. что время посѣщенія ихъ все будто отдаляется и отдаляется. Наконецъ время это подошло. Ему оставалось только посѣтить Іерусалимъ, чтобъ оттуда направиться и въ Римъ. Кажется, зачѣмъ бы и писать?!

Но эту близость только Апостолъ предполагаетъ; на дѣлѣ же она отдалялась еще года на два и съ половиною. Такого отдаленія не видѣлъ Апостолъ. Но его видѣлъ Духъ Божій, руководившій Апостола, и внушилъ ему написать посланіе, чтобъ оно на время замѣнило его личное посѣщеніе. Внушеніе сіе могло выражаться у Апостола непреодолимымъ желаніемъ написать, *да плодъ нѣкій имѣетъ и въ нихъ, якоже и во всемъ мірѣ,* въ общихъ чертахъ изобразивъ имъ путь спасенія. Онъ и написалъ, желаніе свое исполняя и долгу Апостольскому удовлетворяя. Не напиши онъ въ это время, во сколько бы утяжелились ожидавшіе его узы?! Блюдущій и покоящій своихъ слугъ Господь и расположилъ его сдѣлать пока на письмѣ то, что предполагалъ онъ дѣлать лично.

Такъ думать заставляетъ то, что изъ посланія не видно, чтобы побужденіемъ къ писанію его послужило что-либо со стороны вѣрующихъ Римлянъ. Посланіе имѣетъ совершенно общій характеръ и ни на какихъ случайныхъ частностяхъ не останавливается. Напрасно думаютъ, будто споры и разлады вѣрующихъ изъ Іудеевъ съ вѣрующими изъ язычниковъ побудили св. Павла написать умиротворяющее посланіе, подводя тѣхъ и другихъ подъ одинъ уровень въ дѣлѣ спасенія, т.-е. излагая, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ въ себѣ силъ ко спасенію, но что оно дается туне благодатію о Христѣ

Іисусѣ Господѣ. Но ни одною чертою не дается намекъ, чтобы точно такія разномыслія, простиравшіяся до споровъ, дѣйствительно существовали въ Римѣ среди вѣрующихъ. Пишется точно объ этомъ; но въ общихъ чертахъ. Кто ни станъ разсуждать о дѣлѣ спасенія, не другое бы что сказалъ, какъ то же, что писалъ тогда св. Павелъ. Грѣшны мы и безотвѣтны передъ Богомъ. Судъ ожидаетъ насъ и нѣтъ намъ спасенія. Но милостивый Богъ устроилъ намъ спасеніе Самъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Прилѣпись къ Нему вѣрою и спасешься. Другаго же пути къ спасенію нѣтъ. Это и есть главнымъ образомъ содержаніе посланія. Та разность въ поведеніи язычниковъ и Іудеевъ относительно употребленія яствъ, которую смягчить и сгладить старается Апостолъ въ 14 и въ началѣ 15 главы, не касается основъ вѣры.

Такимъ образомъ побужденіе къ написанію посланія— все было въ самомъ св. Павлѣ. Если привходило сюда что-либо и со стороны Римлянъ, то развѣ то обстоятельство, что не слишкомъ давно, можетъ быть только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, вѣрующіе въ Римѣ изъ язычниковъ снова срѣтились съ вѣрующими изъ Іудеевъ, возвратившихся туда. Что точно это случилось недавно, можно заключить изъ того, что, пиша первое къ Коринѳянамъ посланіе, св. Павелъ привѣтствовалъ Коринѳянъ отъ лица Акилы и Прискиллы: значитъ они были въ Ефесѣ, а пиша посланіе къ Римлянамъ, онъ привѣтствуетъ Акилу и Прискиллу, уже въ Римѣ находящихся. Промежутокъ времени былъ полгода или около года. Итакъ Акила и Прискилла недавно въ Римъ возвратились. Если всѣ, кому пишетъ Апостолъ привѣтствія, были изъ изгнанниковъ, спознавшихся съ св. Павломъ въ своемъ изгнаніи, то вѣроятно, что и они всѣ воротились въ Римъ тоже недавно, въ этотъ же промежутокъ времени.

Какого-либо столкновенія при сей встрѣчѣ св. Павелъ

не могъ ожидать. Ибо изъ возвратившихся вѣрующихъ Іудеевъ, лицъ нарочитыхъ, какъ видится, въ церкви, сколько было искреннихъ учениковъ св. Павла, единодушныхъ ему и единомышленныхъ, навыкшихъ уже образу жизни и дѣйствованія, словомъ и дѣломъ, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ іудейства! Смотрите, какъ онъ ихъ называетъ? Возлюбленные мнѣ, споспѣшники, сплѣнники, много потрудившіеся о Господѣ. На такихъ Апостолъ вполнѣ могъ положиться, что они не только не возбудятъ разнорѣчія и спора, а напротивъ, еслибъ и стало что возраждаться подобное, способны были всѣхъ умиротворить и привесть въ соглашеніе. Если въ семъ отношеніи требовалось что-либо со стороны Апостола, то развѣ только то, чтобъ, на всякій случай, придать своимъ апостольскимъ авторитетомъ большую силу слову ихъ. Ученики его толковали бы въ Римѣ о дѣлѣ спасенія конечно по той нормѣ, какую свыше получилъ св. Павелъ, какъ они отъ него узнали. Но ихъ слову могло недоставать авторитетной силы. Чтобъ ее придать, пишетъ онъ посланіе, начертывая въ немъ общую программу ученія христіанскаго. Не къ нимъ онъ пишетъ, а ко всему обществу христіанъ. Они же предполагаются только вѣрнѣйшими истолкователями излагаемаго ученія, еслибъ оно показалось гдѣ темноватымъ, на что привѣты имъ въ концѣ посланія будто уполномочивали ихъ. А чрезъ это и всякому ихъ слову давался вѣсъ, обязывавшій ко вниманію и послушанію. Все же сіе въ совокупности способствовало къ тому, чтобы все общество скрѣпить единодушіемъ—этимъ высокимъ благомъ, которымъ св. Павелъ дорожилъ паче всего.

Подобное начертаніе христіанскаго ученія послать въ Римъ, можетъ быть, и прежде не разъ приходило желаніе св. Павлу; но ему недоставало тогда точки соприкосновенія съ Римлянами. Самъ онъ имъ былъ неизвѣстенъ, и изъ нихъ никого не зналъ. Теперь же, какъ

только открылась дорога, онъ не медлитъ писать. Ученики его тамъ уже все разсказали о немъ и приготовили добрый пріемъ его посланію. Представился случай — отъѣздъ Фивы, онъ и пишетъ. Пишетъ о томъ, чѣмъ всегда полна была душа его, о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Можно спросить только, чего ради помѣщенъ въ посланіи особый трактатъ о промыслительномъ значеніи народа еврейскаго,—гл. 9—11? Вотъ почему, думается.

Вѣрующіе изъ Іудеевъ ученики св. Павла не могли не приходить въ столкновеніе съ невѣровавшими. Что сказать въ оправданіе себя, что увѣровали и въ обличеніе тѣхъ, что не вѣруютъ, они знали. Относительно сего руководствомъ имъ могло служить посланіе къ Галатамъ, или выраженныя въ немъ положенія св. Павла, отъ него самого слышанныя. Но изъ подобнаго объясненія могли выходить смутительныя недоумѣнія: какъ же это вышло? Обѣтованія Божіи Израилю были такъ рѣшительны, а между тѣмъ сколько невѣрующихъ Іудеевъ! Апостолъ объясняетъ, что, и въ теперешнемъ положеніи дѣла, невѣріе Іудеевъ не дѣлаетъ невѣрными обѣтованій Божіихъ, а тѣмъ паче неумѣстно такое помышленіе, если приложимъ къ сему, что имѣетъ быть по сихъ, т.-е. что ослѣпленіе Израилеви отчасти бысть. Отклонились они немного отъ праваго пути, чтобъ дать мѣсто языкамъ; но когда эти войдутъ, возвратятся и тѣ, и спасеніе содѣлается всеобщимъ. Послѣднихъ положеній ученики его могли не знать: ибо это возвѣщается по новому особому откровенію. Между тѣмъ сколько въ такихъ истинахъ вразумленія для Іудеевъ! Могли ли они изъ сего не видѣть, что, несмотря на невѣріе, все еще состоятъ во вниманіи у Бога? Чувство же милости Божіей могло ли не умягчать ожестѣвшаго ихъ сердца? Сознавъ все прописанное, они должны были видѣть себя среди двухъ возбудителей, равно чувствительныхъ: тамъ страхъ рѣ-

шительнаго отверженія, если останутся въ невѣріи, а здѣсь готовность вступить опять въ полную милость Божію, если бросятъ невѣріе. Такое представленіе дѣла углаждало путь къ обращенію необратившихся еще Іудеевъ.

Таковы побужденія къ написанію посланія къ Римлянамъ: имъ соотвѣтствуютъ и цѣли. Писалъ, чтобъ плодъ нѣкій имѣть и въ нихъ, свѣтло начертивъ ликъ вѣры яснымъ изображеніемъ дѣла нашего спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, и тѣмъ сводя всѣхъ къ единомыслію, — чтобъ нарочитымъ ученикамъ своимъ, лицамъ, какъ видно, вліятельнымъ въ обществѣ тамошнемъ, придать авторитета и дать руководство для веденія бесѣдъ и въ обществѣ вѣрующихъ и, когда случится, среди Іудеевъ невѣрныхъ. Можно къ этому приложить и третье,—чтобы дать вѣрующимъ предохранительное средство на случай, еслибъ проникли къ нимъ іудействующіе лжеучители. Эти всюду втѣснялись и вездѣ по неразумной ревности возмущали покой вѣрующихъ. Что дивнаго, если дойдутъ и до Рима? Но чтобъ они были уже тамъ не видно. Краткое предостереженіе отъ нихъ высказалъ Апостолъ въ концѣ посланія (16, 17—20). Приложимъ еще и четвертое, — чтобъ прежде личнаго посѣщенія Рима познакомить съ собою тамошнихъ вѣрующихъ, которыхъ надѣялся вскорѣ увидать лицомъ къ лицу. Посланіе не содержало только образъ ученія свыше ввѣреннаго Павлу, но изображало характеръ, духъ и сердце и его самого. Въ посланіи они не могли не увидѣть его самого и спознаться съ нимъ заочно, какъ иные изъ нихъ спознались лично. Такъ посылая посланіе, онъ имѣлъ въ виду подготовить пріемъ себѣ въ Римѣ, и вмѣстѣ успособить свое тамъ дѣйствованіе ко благу вѣры. Ибо онъ не имѣлъ въ мысли долго оставаться въ Римѣ, а зайти туда мимоходомъ, направляясь въ Испанію. Чтобъ не пришлось ему много трудиться у нихъ, настроивая ихъ умы

на должныя воззрѣнія, онъ предпослалъ ихъ впередъ, чтобъ, при личномъ свиданіи, соуслаждаться только общею вѣрою и разъяснять ее, если что еще оставалось неяснымъ.

5.

Содержаніе и раздѣленіе.

Главный предметъ—единственный способъ спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. какъ для язычника, такъ и для іудея. Изложеніе его занимаетъ большую часть посланія. 11 главъ. Къ сему потомъ прилагаются общія наставленія и о жизни христіанской. Но, какъ и во всѣхъ посланіяхъ, предшествуетъ всему предисловіе, которое составляютъ надписаніе и привѣтствіе съ приличнымъ началомъ, —а въ концѣ всего слѣдуетъ соотвѣтствующее послѣсловіе съ извѣстными цѣлованіями и пр.

Итакъ посланіе расположено слѣдующимъ образомъ:

1. За Предисловіемъ, состоящимъ изъ а) надписи, привѣтствія 1, 1—7 и б) приличнаго начала посланія 1, 8—17, слѣдуетъ—

2. Вѣроучительная часть—о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. —1, 18– 11, 36. Потомъ—

3. Нравоучительная часть.—гл. 12—15, 13. И

4. Наконецъ послѣсловіе—15, 14—16, 24.

Болѣе подробное раздѣленіе будетъ предполагаемо при самомъ толкованіи.

Вопроса о подлинности посланія не ставимъ, находя его окончательно рѣшеннымъ тѣмъ самымъ, что его даетъ намъ Церковь, какъ посланіе св. Павла. Рѣшеніе это сильнѣе и успокоительнѣе всякаго другаго. Слышимъ голосъ матери и не тревожимъ себя никакими недоумѣніями.

Руководствомъ при толкованіи служили исключительно древніе толковники: св. Іоаннъ Златоустъ, блаженный Ѳеодоритъ, Августинъ, Амвросіастъ (Августинъ cont. duas epist. Pelag... L. 4. c. 7 приводитъ одно мѣсто изъ сего толкованія подъ именемъ св. Иларія), св. Дамаскинъ, Экуменій, Ѳеофилактъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИ ГЛАВЪ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ

РИМЛЯНАМЪ.

Предисловіе.

1, 1—17.

а) Надпись и привѣтствіе.

1, 1—17.

Надпись и привѣтствіе. подобно какъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и Титу, имѣютъ и въ семъ посланіи ту особенность, что заключаютъ въ себѣ вводныя положенія высокаго догматическаго достоинства. Довольно было сказать, какъ обычно св. Павелъ и дѣлалъ вездѣ: *Павелъ Апостолъ сущимъ въ Римѣ званнымъ святымъ благодать и миръ* (Θеод. и Экум.). Но онъ не довольствуется этимъ, а привноситъ мысли о своемъ особенномъ избраніи, о предъизображеніи Евангелія въ Ветхомъ Завѣтѣ и о Богочеловѣчествѣ Христа Спасителя. Объясняя это, блаж. Θеодоритъ пишетъ: „все это помѣстилъ Апостолъ между тѣхъ словъ съ намѣреніемъ показать, чьимъ проповѣдникомъ онъ поставленъ, о чемъ повелѣно ему проповѣдывать, и кому назначено предложить проповѣдь“. – Можно и то предположить, что св. Павелъ имѣлъ намѣреніе въ краткомъ словѣ предуказать, о чемъ будетъ посланіе. Имѣлъ онъ писать о единственномъ для всѣхъ способѣ спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—и предначертываетъ ликъ Его, яко Богочеловѣка; имѣлъ онъ объяснить промыслительные планы Божіи въ прекраще-

ніи особности, въ какой держаны были дотолѣ Іудеи,— и говоритъ напередъ, что такъ издревле было предвозвѣщено; о своемъ же избраніи на проповѣдь языкамъ помянулъ затѣмъ, чтобъ сказать чрезъ то, что если онъ пишетъ къ нимъ, не видавъ и не зная ихъ, то не втѣсняется незаконно въ чужую область, а исполняетъ долгъ свой. Можно допустить и то, что такія прибавленія невольно проторглись въ слово. Мысль о спасеніи въ Господѣ всего человѣчества глубоко обняла все сознаніе св. Павла, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не освятить указаніемъ на то первыхъ своихъ словъ, обращенныхъ къ тѣмъ, къ кому расположился писать о томъ.

Ст. 1. *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе.*

Имя свое ставитъ Апостолъ впереди, по тогдашнему обычаю. Такъ и Лисій, пиша къ Феликсу, начинаетъ: *Лисій достопочтенному правителю Феликсу* (Дѣян. 23, 26) (Фотій у Экум.).—Но какъ изъ Савла Павелъ?

Наши толковники всѣ даютъ сей перемѣнѣ имени небесное происхожденіе. Такъ св. Златоустъ полагаетъ, что Самъ Богъ перемѣнилъ Апостолу имя,— и рѣшаетъ только вопросъ, для чего это Онъ сдѣлалъ: „для чего Богъ перемѣнилъ ему имя и изъ Савла переименовалъ Павломъ? Для того, чтобы ему и въ этомъ не быть меньше Апостоловъ; напротивъ какое преимущество имѣлъ верховный изъ Апостоловъ, такое же получилъ и Павелъ, для тѣснѣйшаго съ Нимъ союза.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Называетъ себя Павломъ, не первоначально и отъ родителей получивъ сіе наименованіе, но удостоившись онаго по призваніи, какъ Симонъ наименованъ Петромъ, сыны Зеведея — сынами громовыми.“ — Такъ полагаютъ и другіе. Противъ этого ничего нельзя сказать основательнаго. То, что объ этомъ не помянуто ни въ Дѣяніяхъ, ни въ посланіяхъ — не основаніе: ибо св.

Павелъ самъ говоритъ, что много имѣлъ откровеній, о которыхъ умолчалъ.

Другіе объясняютъ это естественнымъ путемъ. Изъ восточныхъ такъ дѣлаетъ Оригенъ. Онъ пишетъ: „почему Савлъ—Павелъ? Находимъ въ Писаніи, что какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ перемѣняемы были имена, напр. Аврама и Сары—въ Авраама и Сарру; такъ и въ новой благодати Симонъ переименованъ въ Петра, сыны Зеведеевы—въ сыновъ громовыхъ. Но это дѣлалось по повелѣнію Божію, о святомъ же Павлѣ не видимъ такого повелѣнія. Почему надо поискать простаго человѣческаго объясненія такой перемѣны. Инымъ думалось, что Апостолъ взялъ это имя отъ проконсула Кипрскаго Павла, въ знакъ покоренія его вѣрѣ, какъ цари побѣдители брали иногда себѣ имена отъ побѣжденныхъ. Можно не бросать такой мысли; но какъ въ Писаніи не находимъ такого обычая, то намъ надо разрѣшить этотъ вопросъ своими примѣрами. Находимъ въ Писаніи, что иные по два, а другіе даже и по три имѣли имени: такъ Соломонъ—Іедиди, Седекія—Іоахинъ (2 Цар. 12, 25; 4 Цар. 25, 27); и въ Евангеліи—Матѳей - Левій (Мѳ. 9, 9; Лк. 5, 27); Ѳаддей—Леввей (Мѳ. 10, 3. 4; Мр. 3, 18).—Матѳей говоритъ такъ, а Маркъ или Лука иначе. Не ошибались Евангелисты; но поелику въ обычаѣ было носить разныя имена, то одинъ—одно, а другой—другое употребилъ наименованіе нѣкоторыхъ Апостоловъ.—По этому обычаю и Павелъ имѣлъ два имени. И пока дѣйствовалъ среди своего народа, именовался Савломъ, а какъ перешелъ въ среду грековъ и римлянъ, сталъ называться Павломъ. Само Писаніе, когда говоритъ: *Савлъ, иже и Павелъ* (Дѣян. 13, 9), даетъ разумѣть, что не тогда только придано ему это имя, но что оно издавна принадлежало ему“.—Но если Господь переименовалъ его въ началѣ обращенія, то и это будетъ давно.

Рабъ Іисусъ Христовъ. „Вмѣсто великаго почетнаго титла употребляетъ наименованіе раба“ (св. Злат.). „Правители областей и военачальники въ началѣ своихъ писаній ставятъ наименованія своихъ достоинствъ, надмеваясь этимъ и по мѣрѣ чина возвышая и горделивую о себѣ мысль; но божественный Павелъ... именуетъ себя *рабомъ Іисуса Христа*, котораго всѣ невѣрующіе называли мертвымъ, распятымъ, сыномъ тектоновымъ, тогда какъ Апостолъ рабство Ему возлюбилъ паче всякаго царства“ (Θеод.). Рабъ имѣетъ здѣсь обыкновенное уничижительное значеніе. Поелику имѣлъ сказать о себѣ нѣчто великое, то предпосылаетъ тому смиренное, чтобы внушить, что если говоритъ великое, то говоритъ не по самовозношенію. Я рабъ, говоритъ, Христовъ, будто послѣдній въ дому Его, не независимый какой распорядитель, а слуга послушный, исполняющій одни повелѣнія. Все, что ни говорю, ни дѣлаю, говорю и дѣлаю потому, что такъ приказано.

Или въ той мысли рабомъ себя исповѣдуетъ Христовымъ, что прежде войну велъ противъ Него. Съ какимъ жаромъ и съ какою самонадѣянностію преслѣдовалъ онъ Имя сіе! а теперь говоритъ—я рабъ, побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ; и не оплакиваю узы рабства, а величаюсь ими, самымъ высокимъ для себя благомъ почитая то, что есмь рабъ Іисусъ Христовъ. Кого гналъ, тому теперь вседушно рабствую.

Званъ Апостолъ. И всѣхъ христіанъ св. Павелъ называетъ званными, какъ тутъ же и римлянъ: но то званіе есть званіе только къ вѣрѣ, такъ что вся церковь есть совокупность званныхъ (св. Злат.). О себѣ же говоритъ онъ здѣсь, что званъ не къ вѣрѣ только, но и къ апостольству (Экум.). Для него оба званія совершились въ одинъ моментъ, подобно какъ это было и съ 12 Апостолами. Какъ имъ говорилъ Господь: идите въ слѣдъ Ме-

не, сотворю васъ ловцами человѣковъ, въ самомъ началѣ ихъ увѣрованія,—такъ эту же благодать явилъ и на св. Павлѣ. Самъ онъ сказываетъ о семъ въ рѣчи своей предъ Агриппою и Фестомъ, говоря, что когда Господь явился ему на пути въ Дамаскъ, то тутъ же сказалъ: *на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ: изимая тя отъ людей Іудейскихъ и отъ языкъ, къ нимже азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыхъ, вѣрою, яже въ Мя* (Дѣян. 26, 16—18).

Но зачѣмъ прибавилъ—*званъ*, когда слово *Апостолъ* предполагаетъ уже званіе?—Этимъ словомъ онъ ставитъ себя въ рядъ 12-ти, которыхъ лично позвалъ и послалъ на проповѣдь Самъ Господь. Въ то время многіе назывались апостолами, которые благовѣстили, или по своей ревности, или по порученію другихъ Апостоловъ и вѣрующихъ Но настоящіе Апостолы, — законодатели и основоположители вѣры и церкви, были только 12, Самимъ Господомъ избранные и посланные. Какъ св. Павелъ избранъ подобно имъ, и подобно имъ посланъ; то и говоритъ о себѣ: *званъ Апостолъ*. Это то же, что въ посланіи къ Галатамъ: Я Апостолъ ни отъ человѣкъ, ни человѣками, но Іисусъ-Христомъ.

Съ какою цѣлію поминается о семъ здѣсь?—Съ одной стороны это есть продолженіе выраженія того же смиреннаго чувства, о которомъ свидѣтельствуютъ слова—*рабъ Іисусъ Христовъ*. „Не самъ искалъ и нашелъ; но былъ призванъ и повиновался“ (св. Злат. и Θеоф.). И то, чтобъ проповѣдывать, и то, о чемъ проповѣдывать—ничто отъ меня не зависитъ. Я въ семъ исполнитель воли не своей. Почему къ Коринѳянамъ пиша, говорилъ:

въ томъ, что благовѣствую, *нѣсть мнѣ похвалы: строеніе мнѣ предано* (1 Кор. 9, 17).

Но съ другой стороны этимъ же самымъ намекаетъ и на свое великое достоинство, и говоритъ такъ, выставляя похвалы достойную черту въ себѣ, послѣ изъявленія своего смиренія (св. Дамаск.). Ибо не все одно, кѣмъ ни быть звану, и къ чему ни быть позвану. Званъ св. Павелъ; но—Богомъ и Господомъ, и званъ къ апостольству,—дѣлу, выше котораго ничего на землѣ не было и не будетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „и вѣрные всѣ званы, но званы только къ тому, чтобы увѣровать, а Павлу вручено еще апостольство,—служеніе, заключающее въ себѣ тысячи совершенствъ, всѣ дарованія совмѣщающее и превосходящее“.

Такъ совмѣстилъ здѣсь св. Павелъ смиреніе съ достоинствомъ; тѣмъ и другимъ внушаетъ внимать и покоряться своей проповѣди. Я апостольствую, но не есмь самозванецъ въ семъ чинѣ. Не восхищаю апостольства, но принялъ оное отъ Владыки, который сказалъ мнѣ: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя*“ (Дѣян. 22, 21) (Θеод.). *Званъ* и творю волю позвавшаго и пославшаго. Поелику же позвавшій и пославшій есть Богъ всѣческихъ, то покорствуйте безпрекословно слову моему. Ибо общій повсюду законъ—принимать посла какъ пославшаго. Кто посмѣетъ Богу противорѣчить? Не дерзайте же противиться и моему слову.—Такое внушеніе предпосылаетъ Апостолъ не въ томъ смыслѣ, какъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и къ Коринѳянамъ. Тамъ пространно выяснялъ онъ и образъ своего званія апостольскаго, потому что были не признававшіе его, а здѣсь говоритъ онъ о семъ, только чтобъ расположить къ вниманію не видѣвшихъ его. а только слышавшихъ о немъ.

Это же внушеніе продолжается и въ слѣдующихъ за симъ словахъ: *избранъ въ благовѣстіе Божіе.*

Избранъ,—ἀφωρισμένος,—отряженъ. „Какъ въ домѣ каждый назначается для особаго дѣла, такъ и въ церкви различны жребіи служенія“ (св. Злат.). Св. Павлу назначено благовѣствовать, или быть Апостоломъ. Потому эти слова: *избранъ въ благовѣстіе* служатъ поясненіемъ предъидущихъ: *званъ Апостолъ*. Какъ тѣми, такъ и этими онъ говоритъ какъ бы: „не самъ на себя возложилъ я это, но отъ самого Бога принялъ служеніе проповѣди“ (Θеод.). Говоритъ же это „въ самомъ началѣ, возбуждая вниманіе слушателей“ (св. Дамаск.). „Поелику писалъ тщеславнымъ Римлянамъ, которые всѣмъ надмевались, то и внушаетъ вездѣ, что онъ поставленъ отъ Бога, что Самъ Богъ призвалъ, Самъ избралъ его. Внушаетъ же для того, чтобы посланіе его признали достойнымъ вѣры и приняли“ (св. Злат.).

Когда и кѣмъ отряженъ на проповѣдь? Въ самомъ началѣ предназначенъ онъ на это Самимъ Господомъ; потомъ Имъ же, явившимся ему въ храмѣ, и прямо отряженъ; ибо Господь сказалъ: иди къ язычникамъ благовѣствовать (Дѣян. 22, 17—21). Это для св. Павла было то же, что для прочихъ Апостоловъ: *шедше научите вся языки*. Затѣмъ отряженіе его на проповѣдь, по внушенію Духа Божія, изъ Антіохіи было только исполненіемъ прежняго опредѣленія Господня (Дѣян. 13, 2). Но и все это, во времени происходившее, было исполненіемъ того, что предопредѣлено прежде времени. Если св. Павелъ хотя однажды доходилъ до сознанія, что онъ избранъ прежде, чѣмъ вышелъ на свѣтъ (а онъ доходилъ. Гал. 1, 15); то нельзя отрицать, чтобъ онъ не имѣлъ такой мысли и всякій разъ, какъ говорилъ о своемъ избраніи. Почему св. Златоустъ говоритъ: „я думаю что Павелъ разумѣетъ здѣсь не только выборъ на служеніе, но и предопредѣленіе къ оному еще до рожденія. Такъ и Іеремія свидѣтельствуетъ о себѣ, что

Богъ сказалъ о немъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложесенъ, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя* (Іер. 1, 5).“

Въ благовѣстіе Божіе. „Благовѣстіемъ называетъ свою проповѣдь св. Апостолъ; потому что пришелъ не съ печальною какою вѣстію, какъ приходили пророки съ обличеніями укоризнами, угрозами, но съ добрыми вѣстями, съ благовѣстіемъ Божіимъ о неисчетныхъ сокровищахъ, постоянныхъ и непреложныхъ благахъ,—не настоящихъ только, но и будущихъ“ (св. Злат.). Евангеліе есть то же, что вѣсть больному о выздоровленіи, плѣнному о искупленіи, заключенному въ узы—о дарованіи свободы. Проповѣдь Апостола была, какъ и изображается она въ посланіи къ Римлянамъ, слѣдующая: вы грѣшны, состоите подъ гнѣвомъ Божіимъ, и по смерти должны идти въ адъ на вѣчныя муки; Богъ сжалился надъ вами и Сына Своего единороднаго послалъ, чтобы Онъ смертію своею загладилъ грѣхи ваши и открылъ вамъ входъ въ царство небесное. Вѣруйте и креститесь,—и получите отпущеніе грѣховъ, и благодать Духа Святаго пріимете, чтобъ жить свято и непорочными выдти изъ сей жизни и прейти туда, гдѣ и Спаситель нашъ. Которые вѣровали—все это получали и удостовѣреніе въ себѣ имѣли, что все то у нихъ есть и вѣчно имъ принадлежитъ. Почему бл. Θеодоритъ пишетъ: „проповѣдь назвалъ благовѣстіемъ, потому что обѣщаетъ дарованіе многихъ благъ, благовѣствуетъ примиреніе съ Богомъ, низложеніе діавола, отпущеніе грѣховъ, прекращеніе смерти, воскресеніе изъ мертвыхъ, вѣчную жизнь, царство небесное.“

Божіимъ называетъ благовѣстіе, потому что „оно отъ Бога дано и о Богѣ даетъ истинное вѣдѣніе“ (Θеоф.),—что оно „не есть что-либо человѣческое, но божественно, неизреченно, превыше всякаго естества“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Еже прежде обѣща Пророки своими въ писанiихъ святыхъ.*

Всѣ эти слова можно замѣнить такою фразою: въ благовѣстіе прежде обѣщанное. Довольно уже возбуждено вниманіе тѣмъ, что онъ сказалъ о себѣ, — что избранъ свыше и посланъ на благовѣстіе Божіе. Теперь усиливаетъ его Апостолъ, говоря, что благовѣстіе его не ново, а издревле предположено. Мысль о новости ученія колеблетъ довѣріе къ нему и требуетъ отъ предлагающаго его усиленныхъ доказательствъ. Напротивъ указаніе, что оно издавна предсказано, располагаетъ умъ къ покорности. Почему всегда считалось и есть однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ божественности христіанскаго откровенія то, что оно предвозвѣщено Пророками. И св. Павелъ нерѣдко имъ пользовался. Такъ въ рѣчи къ Ироду съ Фестомъ онъ говоритъ, что немолчно свидѣтельствуетъ истину Божію *и малу и велику, ничтоже вѣщая развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти и Моисей* (Дѣян. 26, 22). На тоже наводитъ онъ мысли и здѣсь, чтобъ проложить путь слову своему въ сердца, какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Іудей и слышать не могъ что либо новое, напротивъ становился агнцемъ покорнымъ, когда говорили къ нему словомъ отцовъ его и пророковъ. Язычника это не могло преклонить къ вѣрѣ, ибо не его отцы предвозвѣщали; но онъ не могъ не почтить ученія, столь давно предвозвѣщеннаго и предъизображеннаго. Предвозвѣщеніе, по общему всѣхъ понятію, есть дѣло Божіе: Божіе дѣло—и исполненіе предвозвѣщеннаго. Кто возвѣщаетъ такое ученіе, и самъ не можетъ не быть изъ Божіей области и сразу обязываетъ къ вѣрѣ. Къ тому же и среди язычниковъ, какъ увѣряютъ Светоній и Тацитъ, ходили тогда рѣчи, что вотъ-вотъ выдутъ изъ Іудеи учители, которые покорятъ своему ученію весь

міръ. Слыша слова Апостола: *еже прежде обѣща*, они не могли не подумать: вѣрно это то, о чемъ у насъ ходитъ слухъ; а подумавши такъ, не могли не сказать себѣ: надо послушать, если не повѣрить сразу. Св. Златоустъ и говоритъ на это: „ты не оставляй безъ вниманія, почему о семъ предвозвѣщено за столько времени. Ежели Богъ предуготовляетъ что-либо великое, то предсказываетъ о томъ за долгое время, дабы настроить слухъ къ принятію сего при исполненіи.“

Апостолъ говоритъ, что обѣщано было благовѣстіе. Такъ и было. Моисей далъ законъ, но тутъ же сказалъ: смотрите, пошлетъ вамъ Богъ другаго Пророка, того послушайте. Пророки убѣждали народъ быть вѣрнымъ закону данному, но въ то же время говорили, что дастъ ему Богъ другой законъ, который начертается на сердцахъ ихъ. Св. Давидъ провидѣлъ, какъ *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. 67, 12), а св. Исаія предъизобразилъ и красныя ноги благовѣствующихъ (Исаіи 52, 7).

Но благовѣстіе потому и есть благая вѣсть, что возвѣщаетъ о благахъ. Потому обѣщаніе благовѣстія было обѣщаніемъ благъ роду человѣческому. Т. е. обѣщано было не слово только благое, но и самое дѣло благое. Такое обѣщаніе точно и началось тотчасъ по паденіи, и во все послѣдующее время не прекращалось, а шло непрерывно, раскрывая имѣющее совершиться дѣло благое во всѣхъ его подробностяхъ. Евангельскія событія какъ на картинѣ предъизображены всѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Богопросвѣщенные мужи знали, что готовится нѣчто дивно-великое, и желали видѣть лично событіе того, но не видѣли (Мѳ. 13, 17). Только одному Аврааму дано было видѣть все особеннымъ нѣкіимъ образомъ. *И видѣ и возрадовася* (Ін. 8, 56).

Для предвозвѣщенія Богъ воздвигалъ Пророковъ,

просвѣщалъ ихъ умъ Духомъ Святымъ, и они видѣли будущее, и о видѣнномъ говорили. „И не только говорили, но и писали, что говорили“ (св. Злат.). Такъ благовѣстіе предобѣщено Пророками въ писаніяхъ святыхъ.

Стт. 3. 4. *О Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти, нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ, по Духу святыни изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа Господа нашего.*

Вотъ предметъ благовѣстія и обѣщаннаго, и дѣломъ совершившагося—Единородный Сынъ Божій воплотившійся!—Приступая къ сему, св. Златоустъ взываетъ: „Что ты дѣлаешь, Павле? Куда восхищаешь души наши, на какую возводишь высоту, какіе высокіе и неизреченные предметы открываешь нашему созерцанію?!“

О Сынѣ своемъ. Намѣренно поставлено слово сіе впереди, чтобъ заранѣе дать мысль,—что когда услышатъ: *бывшемъ отъ сѣмени Давидова,* то не должны думать, что Онъ тутъ только началъ и существовать, но чтобъ внушить, что Онъ былъ прежде яко Сынъ Божій и Богъ, потомъ благоволилъ стать Сыномъ Давида, сокрывъ свѣтъ Божества подъ покровомъ человѣческаго естества, сквозь который просіяло однакожь величіе Божества и всѣми было признано и исповѣдано. Ту же истину подкрѣпляетъ онъ затѣмъ и словомъ *во плоти.* Ибо симъ ясно дается разумѣть, что если Онъ сынъ Давидовъ, то только однимъ естествомъ, и что слѣдовательно должно исповѣдать въ Немъ другое естество, не созданное, предваряющее явленіе Его въ міръ чрезъ рожденіе отъ сѣмени Давидова.

„Устами всѣхъ Пророковъ Отецъ предвѣщалъ о Сынѣ, Который прежде вѣковъ рожденъ Имъ по естеству; именованъ же Сыномъ Давидовымъ, какъ отъ Давидова сѣмени пріявшій естество человѣческое; посему, упомянувъ о Давидѣ, по всей необходимости Апостолъ при-

совокупилъ: *по плоти,* чтобы не почли Его сыномъ Давидовымъ по естеству, а Сыномъ Божіимъ по благодати. Ибо сіе присовокупленіе *по плоти* даетъ разумѣть, что дѣйствительно Онъ—Сынъ Бога и Отца по божеству; такъ какъ не находимъ, чтобы и въ разсужденіи тѣхъ, которые не больше того, что въ нихъ видимо, присовокуплялось сіе—*по плоти.* Свидѣтель тому блаженный Евангелистъ Матѳей. Ибо, сказавъ: *Авраамъ роди Исаака, Исаакъ же роди Іакова, Іаковъ же роди Іуду* (Мѳ. 1, 12), и изложивъ по порядку все родословіе. нигдѣ не присовокупилъ—*по плоти.* Имъ, какъ людямъ, и не приличествовало такое присовокупленіе. Но здѣсь, поелику вочеловѣчившійся Богъ-Слово, есть не человѣкъ только, но и предвѣчный Богъ, божественный Апостолъ, упомянувъ о сѣмени Давидовомъ, по необходимости присовокупилъ *по плоти,* ясно научивъ тѣмъ насъ, въ какомъ смыслѣ Онъ есть Сынъ Божій, и въ какомъ именованъ сыномъ Давидовымъ" (Θеод.). „Итакъ не о человѣкѣ простомъ—Евангеліе: ибо оно есть о Сынѣ Божіемъ, и не о Богѣ нагомъ: ибо есть о бывшемъ отъ сѣмени Давидова по плоти,—объ одномъ и томъ же бывшемъ обоя—и Сыномъ Божіимъ и сыномъ Давидовымъ. Да постыдится убо Несторій" (Θеоф.). „Но для чего началъ Апостолъ съ рожденія по плоти?—Для того, что такъ начинаютъ Матѳей, Лука и Маркъ. Да и чтобы возвесть кого на небо, необходимо должно вести его снизу вверхъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Сына Божія сперва видѣли на землѣ человѣкомъ, а потомъ признали Его Богомъ. А какой способъ ученія употребилъ Самъ Онъ, такимъ же и ученикъ Его пролагаетъ путь, ведущій къ Нему. Сначала говоритъ о рожденіи по плоти не для того, что оно было первое, но для того, чтобъ отъ него возвесть слушателей и къ тому, что Онъ есть безъ плоти" (св. Злат.).

Нареченнымъ Сынъ Божіи. Нареченнѣмъ ὁρισθέντος,—

опредѣлившемся. Какъ смотря на идущаго издали Государя, сначала видятъ въ немъ только образъ человѣка, а потомъ, когда онъ ближе подойдетъ, признаютъ въ немъ какого-либо вельможу; когда же онъ станетъ совсѣмъ близко, взглянувъ на него, восклицаютъ: Государь! — такъ было и въ отношеніи къ Сыну Божію, зракъ раба пріявшему ради нашего спасенія. Сначала всѣ смотрѣли на Него, какъ на человѣка, сына древодѣля, исключая, можетъ быть, только слагавшей въ сердцѣ своемъ всѣ о немъ глаголы Владычицы-Богородицы а потомъ, когда Онъ явилъ Себя міру, и сталъ являть божественную въ Себѣ силу, всѣ съ изумленіемъ вопрошали: *кто есть сей?* (Мѳ. 8, 27), признавая однакожь Его только необыкновеннымъ человѣкомъ: *пророкъ велій воста* (Лук. 7, 16). Къ концу видимаго пребыванія Его на землѣ увидѣли, что никакое человѣческое величіе не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, которое являетъ въ Себѣ Іисусъ Христосъ—Господь силъ, но что же Онъ есть, все еще не опредѣлялось. Апостолы исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ, но это просвѣтленіе вѣры не держалось на сродной высотѣ, и величіе Господа было затемняемо земными помышленіями. Уже по воскресеніи Его и сошествіи Св. Духа, когда о имени Его начали повсюду совершаться Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ и вѣрующихъ предивныя знаменія, всѣ уразумѣли, что Тотъ, о имени Коего все сіе творится, есть Единородный Сынъ Божій и Богъ. Опредѣлился наконецъ ликъ Господа и всѣ, узрѣвавшіе то вѣрою, восклицали со св. Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой.* „Вотъ что значитъ: *нареченнѣмъ!* Указанномъ, открывшемся, исповѣданномъ по суду и приговору всѣхъ“ (св. Злат.). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „До креста и страданія не только прочіе Іудеи, но и самые Апостолы не были увѣрены о Владыкѣ Христѣ, что Онъ Богъ. Преткно-

веніемъ было для нихъ во Христѣ человѣческое, — когда видѣли, что ѣстъ, пьетъ, спитъ, утруждается; и чудеса не приводили ихъ къ увѣренію въ семъ. Поэтому, напримѣръ, увидѣвъ чудо на морѣ, сказали: *Кто есть Сей* человѣкъ, *яко и вѣтры и море послушаютъ Его?* (Мѳ. 8, 27). Почему и Господь сказалъ имъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Ін. 16, 12. 13). Посему до страданія Апостолы имѣли о Немъ таковыя мысли, но по воскресеніи и восшествіи на небо, по сошествіи Всесвятаго Духа, и послѣ чудесъ всякаго рода, какія совершили, призывая досточтимое имя Христово, всѣ вѣрующіе познали, что Христосъ есть Богъ и Единородный Сынъ Божій. Посему и здѣсь божественный Апостолъ научилъ тому, что названный Сыномъ Давидовымъ по плоти, нареченъ и явленъ Сыномъ Божіимъ по силѣ, какою воздѣйствовалъ Всесвятый Духъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ Самого Господа нашего Іисуса Христа.“

Слова: *въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ,* указываютъ источники, изъ которыхъ вѣра вѣрующихъ черпала себѣ убѣжденіе въ божествѣ Господа Іисуса Христа. *Въ силѣ*—указываетъ на дивныя знаменія, которыя Господь совершалъ Своею собственною, а не по благодати полученною силою (Экум.), и особенно которыя совершались потомъ Апостолами и вѣрующими именемъ Его: ибо эти послѣднія убѣдительнѣе первыхъ. *По Духу святыни*—указываютъ на обновленіе вѣрующихъ Св. Духомъ съ приложеніемъ къ сему и особыхъ даровъ благодатныхъ. Вѣрующіе чрезъ таинства становились совершенно иными, новою преисполнялись жизнію, которая ставила ихъ выше всѣхъ окружающихъ, и по нравамъ, и по просвѣтленію ума, и по явленіямъ силы. Это всѣ испытывали въ себѣ, и

предъ всѣми являли. Какое доказательство убѣдительнѣе этого, что Тотъ, по вѣрѣ въ Коего все сіе дается, есть Владыка всяческихъ?—*Изъ воскресенія отъ мертвыхъ*—указываетъ на воскресеніе Господа собственною силою, и притомъ такъ, что Онъ уже не видѣлъ смерти: смерть имъ не обладаетъ. Это убѣдительнѣйшее доказательство пріобрѣтало изумляющую силу, когда вѣра вводила вѣрующаго въ созерцаніе общаго всѣхъ воскресенія, имѣющаго совершиться Господомъ, основаніе и силу которому положилъ Онъ своимъ воскресеніемъ: ибо Апостолы учили, что воскресшій Господь своскресилъ всѣхъ.

Св. Златоустъ спрашиваетъ: „Чѣмъ доказывается, что воплотившійся (бывшій отъ сѣмени Давидова по плоти) есть Сынъ Божій?“ И отвѣчаетъ, что,—послѣ помянутаго выше исполненія на Немъ всѣхъ пророчествъ и чуднаго, превышающаго уставъ природы, рожденія Его отъ Приснодѣвы,—это доказывается „въ третьихъ,—чудесами, какія совершилъ Христосъ, доказавъ тѣмъ необыкновенную силу; что и выражено словомъ — *въ силѣ*. Въ четвертыхъ, — Духомъ, Котораго даровалъ вѣрующимъ въ Него, и чрезъ Котораго всѣхъ содѣлалъ святыми, почему сказано—*по Духу святыни;* такъ какъ единому Богу свойственно раздавать таковые дары. Въ пятыхъ, воскресеніемъ Господа, потому что Онъ первый и одинъ только воскресилъ Самъ Себя; и сіе самъ Онъ называетъ знаменіемъ, преимущественно предъ всѣми другими достаточнымъ заградить уста даже безстыднымъ. Ибо сказалъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Ін. 2, 19). И еще: *егда вознесете* Мене отъ земли, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Ін. 8, 28). И въ другомъ мѣстѣ: *родъ сей знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка*“ (Мѳ. 12, 39).

Такъ понимаютъ сіи слова всѣ наши толковники.

Слова: *Іисуса Христа Господа нашего,* по-словянски

стоятъ въ зависимости отъ—*воскресенія*,—такъ: *изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа Господа нашего*: Но лучше поставлять ихъ въ соотношеніе съ словомъ. *о Сынѣ Своемъ*, чтобъ выходило: *о Сынѣ своемъ*, — *бывшемъ.... нареченномъ....* т.-е.—объ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ. Ибо о Немъ все Евангеліе и вся проповѣдь Апостоловъ.

Стт. 5. 6. *Имже пріяхомъ благодать, и апостольство въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ, о имени Его, въ нихже есте и вы звани Іисусу Христу.*

Уже сказалъ, что званъ и избранъ; теперь указываетъ, что это совершилось не однимъ словеснымъ назначеніемъ, какъ бываетъ у людей, но паче подаяніемъ силъ выше человѣческихъ, дарованіемъ благодати всепобѣждающей, которой не могутъ противиться и сами противящіеся истинѣ. Господь облекъ, говоритъ, насъ благодатію, но не затѣмъ, чтобъ мы одни услаждались ею, но чтобъ шли и другихъ дѣлали въ ней участниками. Почему благодать сія есть особенная благодать. Благодать и всѣ вѣрующіе получаютъ, но намъ дарована апостольская благодать, по коей мы облечены силою свыше—покорять вѣрѣ всѣ народы.

„Замѣть признательность служителя (Христова въ апостольствѣ); онъ ничего не хочетъ приписать себѣ, но все приписываетъ Господу. Не своими усиліями и трудами достигли мы того, чтобы стать Апостолами, а получили благодать; и апостольство есть даръ свыше“ (св. Злат.). „Оно дѣло высшаго устроенія и промышленія Божія о родѣ нашемъ“ (св. Дамаск.). Почему *благодать и апостольство*—тоже, что благодать къ апостольствованію (Экум.) или апостольская благодать.

Мы, говоритъ, *пріяхомъ*. Кто это мы?—Прямѣе будто,—св. Павелъ себя одного здѣсь разумѣетъ; но можно

думать, что онъ говоритъ такъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ, и изображаетъ силу и значеніе апостольскаго чина вообще. Или о себѣ одномъ имѣя нужду сказать, выразился такъ, что подалъ мысль и о всѣхъ Апостолахъ, какъ бы такъ: какъ они, такъ и я, или и я, какъ они. Ибо какъ имъ Господь сказалъ: *шедше научите вся языки*, такъ и ему: *иди, яко далече во языки пошлю тя.*— Бл. Ѳеодоритъ и пишетъ: „Самъ Онъ (Господь Іисусъ Христосъ) поставилъ насъ проповѣдниками, поручивъ намъ спасеніе всѣхъ народовъ и даровавъ соотвѣтственную сей проповѣди благодать, чтобы пріемлющіе проповѣдь и намъ повиновались и вѣровали слову.“

Въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ.—Въ послушаніе.—чтобъ всѣ услышали о вѣрѣ и, услышавши, послушались вѣры или увѣровали. Однимъ словомъ хотѣлъ выразить св. Павелъ, что назначеніе Апостоловъ есть пронести имя Господа по всей вселенной, но не для того только, чтобъ слышали о Немъ всѣ, но чтобъ и покорились Ему, — чтобъ между всѣми народами были истинно вѣрующіе въ Него и искренно Ему работающіе по вѣрѣ. Слово исходило изъ устъ Апостоловъ; вмѣстѣ съ словомъ шла благодать и покоряла сердца избранныхъ вѣрѣ Св. Златоустъ говоритъ: „Успѣхъ проповѣди зависѣлъ не отъ Апостоловъ, но отъ предшедшей (и сопутствовавшей) имъ благодати. Хотя ихъ было дѣло ходить и проповѣдывать, но убѣжденіе производилъ самъ Богъ, дѣйствовавшій въ Апостолахъ. Такъ и св. Лука сказалъ: *отверзе сердце* (Дѣян. 16, 14).“ И потому покорность вѣрѣ должно почитать дѣломъ Божіей силы, что проповѣди сопутствовали знаменія. Они удостовѣряли, что проповѣдь есть дѣло, по волѣ Божіей совершаемое, и потому требовали покорности проповѣдуемому, несмотря на непостижимость его. „Сила свыше есть свидѣтельство истины ученія, чтобъ, по причинѣ ея было

безпрекословно принимаемо вѣрою то. что казалось невѣроятнымъ въ проповѣди“ (Амвр.).

Если апостольская проповѣдь въ послушаніе вѣрѣ, то предъ нею надо слагать орудія ума и душу свою представлять чистою хартіею для безпрепятственнаго напечатанія на ней истинъ вѣры. Апостолы приняли ее безъ умствованія, и передаютъ, какъ приняли; и слушающимъ ихъ слово надлежитъ принимать оное безъ муничанія. Св. Златоустъ и говоритъ: „Не сказалъ: для изслѣдованія и доказательства, но—въ послушаніе. Мы посланы, говоритъ, не умозаключенія дѣлать, но передать, что намъ ввѣрено. Когда произноситъ что-нибудь Владыка,—слушающіе должны только принимать слова Его, не разбирая и не перетолковывая ихъ сами. И Апостолы были посланы для того, чтобы пересказать, что слышали, ничего не прибавляя къ тому отъ себя, дабы и мы тому увѣровали“.

Во всѣхъ языцѣхъ. Таково назначеніе апостольства, чтобъ проповѣдь Евангелія пронести по всѣмъ народамъ. Пронесли ли? Въ продолженіе жизни своей Апостолы только и дѣлали, что проносили слово Евангелія, и пронесли его всюду, куда только можно было достигнуть, или докуда достигнуть достало ихъ жизни. Но и по смерти ихъ проповѣдь ихъ не умолкаетъ, чрезъ писанія ихъ и чрезъ устное слово преемниковъ ихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Что это? Ужели Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ народамъ? Изъ посланія къ Римлянамъ видно, что онъ проповѣдывалъ многимъ: ибо обошелъ всѣ страны отъ Іерусалима до Иллирика, и оттолѣ опять доходилъ до послѣднихъ предѣловъ земли; впрочемъ, если онъ и не у всѣхъ былъ народовъ, сказанное имъ нимало не ложно. Потому что говоритъ не объ одномъ себѣ, но о двѣнадцати Апостолахъ и о всѣхъ благовѣствовавшихъ слово съ ними. Между тѣмъ нельзя оспорить сказаннаго

разумѣя оное и объ одномъ Павлѣ, если представить себѣ усердіе Павлово и то, что онъ послѣ кончины своей не перестаетъ проповѣдывать въ цѣлой вселенной. Не оставь безъ вниманія того, сколько Павелъ превозноситъ даръ апостольства, показываетъ его величіе и большее превосходство предъ ветхозавѣтнымъ. Обѣтованія ветхозавѣтныя простирались на одинъ народъ; а апостольство привлекло сушу и море."

О имени Его. Это выраженіе всеобъемлющее. Оно означаетъ—и именемъ Его и во имя Его или славу, и опираясь на имя Его, и о Немъ и въ Него. Ибо въ вѣрѣ Христовой все отъ Господа исходитъ и все къ Нему возвращается и на Немъ стоитъ Св. Златоустъ говоритъ: „о имени Его (значитъ что мы не должны углубляться въ сущность Его, но вѣровать во имя Его. Ибо имя сіе творило чудеса. *Во имя Іисуса Христа,* говоритъ Петръ, *востани и ходи* (Дѣян. 3, 6). Оно само требуетъ вѣры: и всего этого постигнуть нельзя разумомъ".—Экуменій прибавляетъ: „вѣра была во имя Его. Ибо самого Его не видѣли, но увѣровали по одному благовѣстію о имени Его. Воистину полно благодати было апостольство учениковъ, когда они убѣдили увѣровать и покориться Христу народы, будучи людьми неучеными, простыми рыболовами."

Въ нихже есте и вы. Если говоря предъ симъ объ апостольствѣ: *пріяхомъ благодать* и проч., св. Павелъ себя только разумѣлъ, то словами: *въ нихже есте и вы,* онъ сказываетъ: и вы къ моей области принадлежите и въ васъ я долженъ апостольствовать, покоряя васъ вѣрѣ и утверждая въ ней. Ѳеодоритъ и пишетъ: „и вы въ числѣ сихъ народовъ, дѣланіе которыхъ поручено мнѣ. Ибо не думайте, что присвояю себѣ чуждое, и восхищаю нивы. предоставленныя другимъ. Меня поставилъ Владыка проповѣдникомъ у всѣхъ народовъ."

Если же тамъ говорилъ онъ вообще объ апостольствѣ, то здѣсь выражаетъ: и вы не забыты Богомъ и васъ имѣлъ Онъ въ промыслительномъ опредѣленіи—покорить вѣрѣ чрезъ апостольское слово, которое уже и достигло васъ. Этимъ сколько воодушевляетъ ихъ и обвеселяетъ, столько же и смиряетъ. Почему св. Златоустъ говоритъ: „Не оставь безъ замѣчанія и того, сколько душа Павлова далека отъ всякой лести. Обращая рѣчь къ Римлянамъ, которые были какъ бы главою цѣлой вселенной, онъ не отдаетъ имъ никакого преимущества предъ прочими народами Хотя Римляне тогда владычествовали и господствовали; но Павелъ не говоритъ, чтобы они имѣли сколько-нибудь больше духовныхъ дарованій. Но какъ проповѣдуемъ всѣмъ народамъ, пишетъ онъ, такъ и вамъ, ставя ихъ на ряду съ Скиѳами и Ѳракіянами. А еслибы не это хотѣлъ онъ сказать, то были бы излишни слова: *въ нихже есте и вы.* Поступаетъ же такъ, дабы низложить ихъ высокомѣріе, смирить киченіе ума и научить не превозноситься предъ другими. Для сего присовокупилъ слова: *въ нихже есте и вы звани Іисусу Христу,* т.-е. съ которыми и вы призваны. Не сказалъ, что Христосъ другихъ призвалъ съ вами, но говоритъ, что васъ призвалъ съ другими. Ибо если во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго, а тѣмъ паче ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собою пришли.“

Звани Іисусу Христу—погречески,—Іисуса Христа. Мысль таже: Господь Іисусъ Христосъ призвалъ васъ къ Себѣ чрезъ благовѣстіе, до васъ достигшее; и вы стали званники Христовы. Какъ будто Апостолъ хотѣлъ этимъ словомъ, послѣ предыдущей смирительной фразы, нѣсколько и приподнять ихъ, давая однакожъ вмѣстѣ разумѣть, что тутъ нѣтъ мѣста превозношенію. Если позваннымъ быть къ царю только на бесѣду есть велико

и честно: сколько выше и честнѣе быть позвану къ Господу не затѣмъ только, чтобы видѣть Его и слышать, но чтобъ быть едино съ Нимъ и въ Немъ съ Богомъ Отцемъ благодатію Духа Святаго? Такъ приподнимаетъ онъ ихъ и будто въ уровень съ собою подводитъ; но вмѣстѣ и отъ смиренныхъ мыслей о себѣ не отвлекаетъ ихъ; ибо говоритъ—*звани*, а не сами дошли и вошли, и—званный есть еще только предназначенный. Званіе на великое не поводъ кичиться, а побужденіе всеусильно трудиться, чтобъ оказаться достойнымъ званія.

Ст. 7. *Всѣмъ сущымъ въ Римѣ, возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Всѣмъ сущымъ въ Римѣ. Всѣмъ равное свидѣтельствуетъ благорасположеніе и тѣмъ продолжаетъ держать всѣхъ въ смиренныхъ чувствахъ. „Между вѣрующими находились вѣроятно и префекты, и консулы, и бѣдные, и простолюдины; но св. Павелъ, не обращая никакого вниманія на различіе чиновъ, ко всѣмъ посылаетъ одно привѣтствіе. Ибо если рабы и свободные одинаково участвуютъ во всемъ нужнѣйшемъ и духовномъ, каковы: любовь Божія, званіе, благовѣстіе, усыновленіе, благодать, миръ, освященіе и все прочее; то не крайнее ли будетъ безуміе различать по земнымъ принадлежностямъ тѣхъ, которыхъ Богъ соединилъ и содѣлалъ равночестными въ важнѣйшемъ? Посему-то Апостолъ въ самомъ началѣ, изгоняя сей тяжкій недугъ, утверждаетъ Римлянъ въ смиренномудріи, которое есть матерь всего добраго. Смиренномудріе и слугъ содѣлывало лучшими, научая ихъ, что рабство не причиняетъ вреда имѣющимъ истинную свободу, и господъ обращало къ умѣренности, вразумляя ихъ, что нѣтъ пользы въ свободѣ,

если они не отличаются преимущественно вѣрою“ (Св. Злат.; то же и Θеод.).

Возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ. „Вотъ какъ часто св. Павелъ употребляетъ слово *званный!* Таковое повтореніе однакожь не излишне: Апостолъ хочетъ чрезъ то въ памяти Римлянъ укоренить благодѣяніе Божіе“ (Св. Злат.). Избранныхъ своихъ Богъ отъ вѣка возлюбилъ; приближается же къ нимъ въ дѣйствительности благоволеніемъ любви чрезъ призваніе. *Никтоже ко Мнѣ пріидетъ, аще не Отецъ мой небесный привлечетъ его* (Ін. 6, 44), говоритъ Господь. Призваніе и есть влеченіе къ Господу. Званнымъ и призваннымъ надлежитъ считать того, кто, услышавъ гласъ зовущій, пошелъ въ слѣдъ его, а не того, кто слышалъ только его: ибо такой, услышавъ, можетъ презрѣть его и идти своею дорогою. Пошедшіе въ слѣдъ гласа зовущаго куда идутъ?—Къ Господу Спасителю, чтобъ чрезъ Него придти ко Отцу: ибо, говоритъ, *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.* Этимъ заключается круговращеніе званія. Любовь Отчая позвала къ Господу, позванный пошелъ къ Господу, чрезъ Господа пришелъ къ Зовущему и сочетался съ Нимъ. Въ таковыхъ любовь Отчая почиваетъ и насыщается ими; въ отношеніи же къ непокорнымъ, любовь простирается поверхъ всѣхъ ихъ, не входя внутрь, ибо они заперты въ себѣ. Когда св. Павелъ называетъ Римлянъ возлюбленными Богу, то разумѣетъ эту любовь Божію, насыщающуюся ими и ихъ насыщающую. Римляне ощущали ее и ясно понимали сердцемъ, что говоритъ имъ Апостолъ.

Званнымъ святымъ. Позваны, увѣровали, по вѣрѣ обновились въ крещеніи, воспріявъ начала духовной жизни, а потомъ чрезъ возложеніе рукъ (нынѣ муропомазаніе) въ сосудъ обновленнаго естества своего приняли благодать Святаго Духа, и содѣлались святыми;

въ образѣ мыслей, въ начинаніяхъ воли и въ чувствахъ сердца содѣлались храмомъ Божіимъ святымъ. Не потому ли и возлюбленны Богу, что такъ святы? Да, не иначе. Какъ же это? Святость приходитъ по измѣненіямъ въ духѣ вслѣдствіе призванія; призваніе же само есть дѣло любви. Слѣдственно возлюбленіе предшествуетъ тому, что дѣлаетъ боголюбезнымъ.—Вѣсть Господь сущія Своя и возлюбляетъ ихъ, по предувѣдѣнію, что послушаютъ званія Его и воспріимутъ освященіе, Его устроеніемъ подаваемое,—возлюбляетъ. яко чистыхъ и святыхъ, и тѣхъ, кои еще не чисты и не святы, но имѣютъ возлюбить чистоту и святость и стать благодатію Духа святыми и непорочными.

Благодать вамъ и миръ. Они уже имѣли и благодать и миръ. Потому смыслъ сего благожеланія такой же какой прямо выражается у св. Петра: *да умножится* въ васъ благодать и миръ. Вступили вы подъ потоки благодати—да изливается она на васъ паче и паче, и да преисполняетъ васъ обильнѣе и обильнѣе; воспріяли вы миръ съ Богомъ, умиротворились въ себѣ, сочетались между собою любовію во взаимный союзъ мира, да входитъ въ васъ сіе благо глубже, и глубже проникая васъ и всѣ отношенія ваши. Бл. Θеодоритъ пишетъ на сіе: „Испрашиваетъ Римлянамъ: вопервыхъ благодати Божіей, потому что при ея помощи всѣ увѣровавшіе получили спасеніе. потомъ мира, подъ которымъ даетъ разумѣть всякое преспѣяніе въ добродѣтели. Ибо тотъ въ мирѣ съ Богомъ, кто возлюбилъ евангельское житіе и ревностно старается во всемъ угождать Богу.“ Св. же Златоустъ говоритъ: „Привѣтствіе, приносящее несчетныя блага. Такъ Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ, чтобы, когда входятъ въ домъ, это слово произносимо было первое. Такъ и Павелъ всегда начинаетъ тѣмъже: *благодать вамъ и миръ.* Брань, которую прекратилъ Христосъ,

была не легкая, но съ разныхъ сторонъ, всякими способами и долговременно насъ тревожившая: прекращена оная не нашими трудами, но Его благодатію. И какъ любовію дарована благодать и благодатію миръ, то Апостолъ, такому именно порядку слѣдуя въ своемъ привѣтствіи, молитъ о непрерывномъ и ненарушимомъ пребываніи любви, благодати, мира, дабы опять не воспорѣлась новая брань, и проситъ Подателя сохранить ихъ непреложными.“

Отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. „Здѣсь показываетъ Апостолъ, что податель даровъ сихъ есть не только Отецъ, но и Сынъ: чѣмъ вполнѣ научаетъ насъ равенству Отца и Сына“ (Θеодор.). „Ибо не сказалъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, но говоритъ: отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. О какъ всесильна любовь Господня! Враги и отверженные стали вдругъ святыми и сынами. Ибо Апостолъ, назвавъ Бога Отцемъ, далъ разумѣть, что они сыны; а наименовавъ сынами, открылъ все сокровище благъ. Итакъ не престанемъ являть жизнь достойную дара,—блюсти миръ и святость“ (Св. Злат.).

б) Начало посланія.

8—17.

Въ началѣ посланія, какъ обычно сіе дѣлать въ письмахъ, св. Павелъ помѣщаетъ такія мысли, какія сильны расположить въ пользу посланія и заохотить къ чтенію его. Для сего аа) хвалитъ вѣру Римлянъ, благодаря за нее Бога (——8), и бб) свидѣтельствуетъ свое къ Римлянамъ расположеніе, выражая желаніе видѣть ихъ и сдѣлать ихъ причастниками благъ апостольства своего

(——9—13). Указывая же вв) причину такого желанія въ лежащей на немъ обязанности всѣхъ просвѣщать вѣрою (——14. 15), переходитъ къ гг) предмету всего посланія,—что спасеніе устрояется лишь вѣрою въ Господа Іисуса Христа (——16. 17).

аа).

Ст. 8. *Первое убо благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ.*

„Вступленіе приличное блаженному Апостолу!“ (Злат.). Имѣя нужду похвалить Римлянъ, онъ хвалитъ ихъ, такъ однакожь, что вмѣстѣ отнимаетъ всякій поводъ къ превозношенію· ибо не имъ приписываетъ хвалимое имъ въ нихъ добро, но Богу, источнику всякаго добра. Говоря: благодарю Бога за вѣру вашу, онъ и ихъ возбуждаетъ къ благодаренію, отвлекая вниманіе отъ себя и приковывая оное къ Божію благодѣянію и къ Божіей любви. Этимъ и каждаго Апостолъ „достаточно вразумляетъ, что начатки добрыхъ дѣлъ и словъ надлежитъ посвящать Богу и благодарить Его не только за свои успѣхи въ добрѣ, но и за успѣхи другихъ. Чрезъ сіе душа дѣлается чистою отъ зависти и недоброжелательства, и на благодарныхъ привлекается большее благоволеніе Божіе“ (Св. Злат.).

Благодарю Бога моего. „Съ какою горячностію благодаритъ онъ! Сказалъ не просто: *Бога,* но — *Бога моего.* Такъ поступаютъ Пророки, присвояя себѣ принадлежащее всѣмъ. И удивляться ли въ томъ Пророкамъ? Не то же ли, повидимому, наблюдаетъ всегда самъ Богъ касательно рабовъ Своихъ, называя себя исключительно Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Іаковлевымъ?“ (Св. Злат.). Совершенные богобоязненники и боголюбцы

имѣютъ Бога своимъ въ чувствахъ сердца, и себя — Божіими. Чувствуя великую любовь Божію лично къ себѣ и сами пламенѣя любовію къ Богу, они естественно Бога себѣ присвояютъ и себя—Богу. И это есть полное выраженіе истиннаго богообщенія, не мысленно представляемаго, а самымъ дѣломъ установляющагося между духомъ вѣрующаго и Богомъ. Пока Богъ зрится, какъ нѣчто чужое и общее, вѣра еще слаба, еще не вошла въ силу. Равно кто не служитъ Богу всѣми силами, а привязанъ бываетъ къ чему-либо другому, не можетъ имѣть Бога своимъ Богомъ.

Благодарю... Іисусомъ Христомъ. Все отъ Бога къ намъ нисходитъ чрезъ Господа Іисуса Христа и отъ насъ къ Богу все должно восходить чрезъ Него же; не смѣемъ мы являться предъ Бога, не нося печати Христовой, не имѣя Его въ умѣ и сердцѣ вѣрою, упованіемъ, преданностію. Почему и въ молитвѣ приступать къ Богу заповѣдалъ Господь—во имя Его, увѣряя, что если такъ кто помолится, то непремѣнно получитъ просимое (Ін. 14, 13. 14). И жертвы никакой не принимаетъ отъ насъ Богъ, кромѣ Господа. Всюду приносятъ жертвы Богу. Мы же христіане что приносимъ?—небольшой хлѣбъ и малую чашу вина растворенная водою. Столько ли намъ слѣдуетъ приносить?! Но эти хлѣбъ и вино содѣлываются тѣломъ и кровію Господа, и чрезъ это наша жертва, столь малоцѣнная по себѣ, становится безцѣнною. Такъ благоволилъ устроить Богъ.—Если ни съ чѣмъ не имѣемъ мы являться предъ Бога иначе какъ чрезъ Господа Іисуса Христа, то и съ благодареніемъ. Это и внушаетъ Апостолъ, благодаря Бога за Римлянъ Іисусомъ Христомъ. „Онъ есть посредникъ благодаренія нашего Богу не потому только, что научилъ насъ благодарить Бога, но и потому, что самъ приноситъ наше благодареніе предъ Бога“ (Θеоф.).

Благодарю Бога моего, яко вѣра ваша возвѣщается во

всемъ мірѣ. „Замѣть, за что благодаритъ Павелъ,—не за земное и гибнущее, какъ-то за власть, могущество, славу,—сіе не стоитъ вниманія; но за блага истинныя, вѣру и дерзновеніе (предъ Богомъ)“! (Св. Злат.). Благодаритъ, что вѣра возвѣщается; но какъ ей возвѣщаться нельзя бы было, еслибы она не была тверда, свѣтла и совершенна, то, выражая благодареніе за возвѣщеніе ихъ вѣры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ за нею и сіи качества, давая разумѣть, что она высока и по познанію предметовъ вѣры и по дѣламъ соотвѣтствующимъ вѣрѣ и вмѣстѣ столько воодушевлена, что не кроется, а дерзновенно являетъ себя предъ всѣми. Но и самое возвѣщеніе вѣры есть предметъ достойный благодаренія: ибо примѣръ Римлянъ могъ побѣдоносно дѣйствовать на преклоненіе къ вѣрѣ всѣхъ слышавшихъ о ней. „Не угождая имъ, но по самой истинѣ сказалъ сіе Апостолъ. Ибо не могло утаиться отъ живущихъ по вселенной совершавшееся въ Римѣ. Въ немъ издревле Римскіе цари имѣли дворъ свой; оттуда посылались правители народовъ и собирающіе дань съ городовъ; въ него также стекались всѣ искавшіе царскихъ милостей, и всѣ они повсюду дѣлали извѣстнымъ, что и городъ Римъ принялъ ученіе Христово. А это весьма великую доставляло пользу слышащимъ. Почему бл. Апостолъ и прославилъ за сіе Владыку “ (Θеод.).

Возвѣщается во всемъ мірѣ. „Какъ это? Ужели вся земля слышала о вѣрѣ Римлянъ? По словамъ Павла, вся; и сіе нимало не странно. Римъ былъ не маловажнымъ городомъ, но, будучи поставленъ какъ бы на нѣкоторой высотѣ, обращалъ на себя взоры всѣхъ. И не сказалъ: явною стала, но *возвѣщается*, т.-е. для всѣхъ составляетъ предметъ разговоровъ“ (Св. Злат.).

„Представь же себѣ силу проповѣди, какъ она въ короткое время чрезъ мытарей и рыбарей покорила се-

бѣ первый изъ городовъ, и какъ нѣсколько Сиріанъ стали учителями и наставниками Римлянъ. О двоякомъ успѣхѣ проповѣди свидѣтельствуетъ здѣсь Павелъ: что Римляне увѣровали, и увѣровали съ полною твердостію, такъ что слава о нихъ обтекла всю землю. Римляне, недавно возобладавъ вселенною, слишкомъ много мечтали о себѣ, жили богато и роскошно, а проповѣдь принесли рыбари—Іудеи, люди принадлежавшіе къ народу презрѣнному, которымъ всѣ гнушались. И сіи рыбари повелѣвали покланяться Распятому, воспитанному въ Іудеѣ; и сіи учители людямъ, изнѣженнымъ и погруженнымъ только въ настоящее, вмѣстѣ съ этимъ ученіемъ внушали строгую жизнь; и сіи проповѣдники были люди бѣдные, неученые, изъ низкихъ низкіе. И однакоже все сіе не попрепятствовало успѣху вѣры. Такова была сила Распятаго, что слово распространялось всюду. Проповѣдь нигдѣ не останавливалась, но быстрѣе огня обхватывала цѣлую вселенную“ (Св. Злат.).

бб).

Стт. 9. 10. *Свидѣтель бо ми есть Богъ, Емуже служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его, яко безпрестани память о васъ творю, всегда въ молитвахъ моихъ молялся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею, пріити къ вамъ.*

Похваливъ теперь благораспоряженіе свое къ нимъ, св. Павелъ свидѣтельствуетъ тѣмъ, что помнитъ о нихъ и порывается къ нимъ. Помнитъ, значитъ, носитъ ихъ всегда въ мысляхъ; порывается къ нимъ, значитъ, не довольствуется однимъ мысленнымъ общеніемъ, ищетъ живаго общенія лицемъ къ лицу, жаждетъ объятій любви. То и другое есть свидѣтельство теплаго расположенія и горячей любви, коими и дышатъ эти и послѣдующія слова.

Само дѣло не такъ велико и важно, именно, что св. Павелъ помнитъ Римлянъ и порывается къ нимъ; но великой важности дѣло есть, чтобъ никто не усумнился въ искренности словъ Апостола о семъ: ибо сіе сомнѣніе могло потомъ перейти и на все посланіе. Вотъ почему, говоря о семъ, Апостолъ призвалъ Бога во свидѣтели, Бога, коему посвящена вся жизнь его, предъ Которымъ, слѣдовательно, онъ не можетъ позволить себѣ подумать, или сказать что-либо не истинное.

Свидѣтель, говоритъ, *ми есть Богъ*. „Конечно это языкъ апостольскаго духа и сердца, выраженіе отеческой попечительности; но что именно значатъ слова сіи, и для чего Павелъ призываетъ во свидѣтели Бога?— У него шла рѣчь о его привязанности; и какъ еще не видался онъ съ Римлянами, то призываетъ во свидѣтели не людей, но Испытующаго сердца. — Сказавъ—*люблю васъ* и въ доказательство того представивъ, что всегда молится и желаетъ придти къ нимъ, что однакожъ не было для нихъ извѣстно, прибѣгаетъ въ достовѣрному свидѣтельству“ (Св. Злат.).

Емуже служу духомъ моимъ, во благовѣствованіи Сына Его. „Упомянулъ о благовѣствованіи, дабы показать родъ служенія. Ибо много есть разныхъ родовъ служенія вообще, какъ и служенія Богу. Какъ при земныхъ царяхъ, хотя всѣ подчинены одному государю, впрочемъ не всѣ одинаково служатъ; но служба одного состоитъ въ начальствѣ надъ войскомъ, другого въ управленіи городами, а иного въ храненіи казны: такъ и въ дѣлахъ духовныхъ, одинъ служитъ и работаетъ Богу тѣмъ, что вѣруетъ и строго наблюдаетъ за своею жизнію; другой тѣмъ, что обязался прислуживать странникамъ, а иной тѣмъ, что взялъ на свое попеченіе ходатайствовать за нуждающихся. Подобно и у самихъ Апостоловъ Стефанъ и его сослужители работали Богу тѣмъ, что снабжали

вдовицъ, а иной служилъ ученіемъ слова, каковъ былъ и Павелъ, служившій Богу проповѣдію Евангелія. Вотъ родъ его служенія, къ сему онъ былъ приставленъ! Посему не только призываетъ Бога во свидѣтели, но и сказываетъ, что ему было ввѣрено, давая тѣмъ знать, что удостоенный такой довѣренности не призоветъ ложно во свидѣтели Довѣрившаго" (Св. Злат.).

Итакъ служеніе, коимъ св. Павелъ служилъ Богу, было благовѣстіе. Какъ исправлялъ онъ это служеніе? — *Духомъ*, говоритъ, *моимъ*. Что же значитъ служить Богу въ благовѣстіи духомъ? Даннымъ ему дарованіемъ. Такъ отчасти разумѣетъ и св. Златоустъ, говоря: „симъ показываетъ намъ Апостолъ вмѣстѣ и благодать Божію и свое смиренномудріе; благодать Божію въ томъ, что ему ввѣрено такое дѣло, а свое смиренномудріе въ томъ, что все приписываетъ не своему раченію, но помощи Духа".—Но яснѣе эту мысль высказываетъ бл. Ѳеодоритъ: „Много видовъ служенія Богу. Ему служатъ и кто молится, и кто постится, и кто внимаетъ божественнымъ словесамъ, и также кто имѣетъ попеченіе объ услугахъ страннымъ. А божественный Апостолъ сказалъ, что служитъ Богу, предлагая народамъ благовѣствованіе Сына Его, и служитъ духомъ, т.-е. даннымъ ему дарованіемъ". Такъ и другіе толковники. То, что св. Павелъ называетъ духъ сей своимъ, не препятствуетъ видѣть подъ симъ словомъ даръ св. Духа: ибо духовное дарованіе усвояется тому, кому даруется. Апостолъ могъ такъ сказать, разумѣя: духомъ благодати, даннымъ мнѣ. Подкрѣпляетъ сію мысль то, что онъ духомъ симъ служилъ во благовѣстіи; въ благовѣстіи же все—и усердіе, и сила, и самыя истины отъ Духа суть.

Можно подъ тѣмъ, какъ св. Павелъ служилъ Богу духомъ своимъ въ благовѣстіи, разумѣть и—всѣмъ существомъ моимъ, всѣми силами, со всею искренностію,

или, какъ говоритъ онъ о себѣ къ св. Тимоѳею, *чистою совѣстію* (2 Тим. 1, 3). Можно и такъ полагать: Апостолъ служитъ Богу не тѣломъ только и душею, но паче высшею своею частію, т.-е. духомъ: ибо онъ въ человѣкѣ различаетъ три сія, пиша къ Солунянамъ: *всесовершенъ вашъ духъ, душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23). Въ комъ духъ возстановленъ въ правахъ своихъ благодатію Духа, у того онъ властвуетъ надъ душею и тѣломъ и увлекаетъ ихъ въ слѣдъ себя; и таковой духомъ служа Богу служитъ всѣмъ существомъ своимъ. Такой мысли можно не считать чуждою ума Апостола въ сказанномъ выраженіи.

Можно подъ служеніемъ духомъ разумѣть и служеніе духовное, въ противоположность служенію плотскому—ветхозавѣтному, какъ и въ посланіи къ Филиппійцамъ говоритъ Апостолъ: *мы есмы обрѣзаніе, иже духомъ Богу служимъ, а не въ плоти надѣемся* (Фил. 3, 3). Св. Златоустъ говоритъ: „словами—*духомъ моимъ* Апостолъ внушаетъ еще, что служеніе его Богу гораздо выше языческаго и іудейскаго. Ибо служеніе языческое есть ложное, а іудейское, хотя истинное, но плотское; служеніе же церкви языческому противоположно, а іудейскаго несравненно выше. Потому что въ нашемъ служеніи Богу не приносится ни овецъ, ни тельцовъ, ни дыма, ни куренія, а приносится духовная душа, что изобразилъ Христосъ, сказавъ: *Духъ есть Богъ; и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Ін. 4, 24)“. Такъ и другіе наши толковники. Благовѣстіе есть духовнѣйшее служеніе.

Во благовѣствованіи Сына Его—или о Сынѣ, или которое отъ Сына. Евангеліе все—о Сынѣ, какъ пришелъ, воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца и, яко Глава церкви, пра-

вить ею и всѣмъ во благо ея. Но оно же есть и отъ Сына: ибо Онъ началъ благовѣстіе, а пронести его по міру поручилъ Апостоламъ; въ Апостолахъ хотя дѣйствовалъ Духъ, но Онъ все принялъ отъ Сына же. Св. Златоустъ говоритъ: „благовѣстіе, приписавъ выше Отцу, приписываетъ теперь Сыну; такъ безразлично говорится объ Отцѣ и Сынѣ! Ибо Апостолу, по блаженному изреченію Христову, извѣстно было, что Отцево принадлежитъ Сыну, и Сыновнее Отцу. *Моя вся*, говоритъ Христосъ, *Твоя суть, и Твоя Моя* (Ін. 17, 10)“. Такъ и всѣ наши толковники.

Яко безпрестани память о васъ творю, всегда въ молитвахъ моихъ молялся. „Вотъ истинная любовь! Повидимому, говоря объ одномъ, четыре мысли совмѣщаетъ здѣсь Павелъ: воспоминаетъ, воспоминаетъ непрестанно, воспоминаетъ въ молитвахъ, воспоминаетъ моляся о дѣлѣ для нихъ пріятномъ. Не разъ, два или три воспоминаетъ, а непрестанно; непрестанно же носить кого нибудь въ памяти нельзя, не имѣя великой любви. Такъ разсуди, какую означаетъ привязанность и любовь—воспоминать въ молитвахъ, и воспоминать непрестанно“ (Св. Злат.).

Молялся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею, пріити къ вамъ. Таково настроеніе богопреданныхъ душъ—не только творить угодное Богу, но и такъ творить, какъ угодно Богу. Таковъ былъ Апостолъ. „Соблюдая точность, сказалъ не просто, что просилъ Бога о пришествіи къ нимъ, но волею Божіею, т.-е., если угодно сіе Правителю всяческихъ“ (Θеод.). „Апостолъ и сильно желалъ видѣть Римлянъ, однакоже не рѣшается на то противъ воли Божіей, но желаніе свое умѣряетъ страхомъ Божіимъ. Какъ ни любилъ ихъ, какъ ни влекло его къ нимъ; однакоже не захотѣлъ видѣться съ ними противъ воли Божіей. Вотъ какъ обильно преисполненъ онъ былъ тѣмъ и другимъ,—и страхомъ Божіимъ и усерді-

емъ къ Римлянамъ! Его сильная любовь открывалась въ томъ, что онъ непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получалъ просимаго, а страхъ Божій въ томъ, что, любя, не переставалъ быть покорнымъ мановенію Божію. Нѣкогда Павелъ трижды просилъ Господа, но не получилъ просимаго; и не получивъ просимаго, счелъ за великую милость то, что не былъ услышанъ. Сколько во всемъ преданъ былъ онъ Богу! Теперь хотя получилъ просимое, однакоже не въ то время, какъ просилъ, а послѣ; но и тѣмъ не огорчился. Говорю это для того, чтобы и намъ не скорбѣть, когда бываемъ не услышаны, или услышаны позже. Мы не лучше Павла, который то и другое признаетъ за милость; и совершенно справедливо. Однажды отдавъ себя всеуправляющей Рукѣ, онъ подчинился ей такъ, какъ глина горшечнику; и всегда слѣдовалъ водительству Божію“ (Св. Злат.). „Если, гдѣ было въ виду спасеніе столькихъ тысячъ, божественный Апостолъ не просилъ безусловно, но съ прошеніемъ сопоставлялъ волю Божію; то достойны ли мы какого извиненія, когда и разсуждая и молясь о вещахъ чувственныхъ, касающихся до насъ, не поставляемъ сего въ зависимость отъ изволенія Божія“ (Θеод.).

Ст. 11. *Желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, ко утвержденію вашему.*

Сказавши, что молитъ Бога, да поблагоуспѣшитъ ему побыть у нихъ, теперь объясняетъ, въ какомъ смыслѣ этого желаетъ. Желаетъ побыть у нихъ не какъ путешественники, чтобъ полюбопытствовать, что есть въ городѣ, или подивиться на ихъ бытъ столичный,—и вообще не ради чего-либо человѣческаго, но все въ видахъ того духовнаго дѣла, которое призванъ онъ насаждать въ душахъ всѣхъ повсюду. „Желаетъ онъ предпринять путешествіе къ нимъ не даромъ, не такъ, какъ многіе путешествуютъ нынѣ безъ цѣли и нужды; напро-

тивъ его побуждали дѣла необходимыя и требующія крайней поспѣшности, хотя не хочетъ сказать сего ясно, а только намекаетъ“ (Св. Злат.).

Какимъ же словомъ намекаетъ? *Да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное.* Какое дарованіе, не сказываетъ, а говоритъ—нѣкое,—что-нибудь изъ сокровищницы апостольства. Апостолы были носители всѣхъ благодатей, и когда являлись куда, Господь раздавалъ чрезъ нихъ все, что оказывалось нужнымъ для живущихъ тамъ: кому вѣру, кому утвержденіе въ ней, кому утѣшеніе, кому какое-либо сверхъестественное пособіе для души, или для тѣла, кому облагодатствованіе чрезъ таинства. Апостолы не что хотѣли, то и давали, но что угодно было Господу взять изъ ихъ сокровищницы и передать другимъ, то и передавалось. Не распорядители они, а исполнители высшихъ распоряженій. Вотъ почему и Апостолъ не говоритъ прямо, что именно подастъ, а выражается неопредѣленно: *нѣкое дарованіе,* хотя несомнѣнно, что то будетъ изъ круга апостольскихъ даяній.

Примѣнительно къ этому употребилъ онъ и глаголъ *подамъ,*—μεταδῶ,—что значитъ—передамъ. Какъ хозяинъ приказываетъ прикащику своему: тому-то то дай, а тому-то это, и прикащикъ ни какъ не подумаетъ, что самъ далъ: такъ Апостоламъ Господь внушалъ, что гдѣ излить благодатное, и они изливали это, и не дерзали думать и говорить, что сами раздаютъ, а—только передаютъ: ибо хотя бы сами они и захотѣли что дать, не далось бы, еслибы то не согласовалось съ волею Божіею. Вотъ почему и св. Павелъ говоритъ здѣсь: да передамъ, „давая тѣмъ знать, что не свое (и не по своему произволу) имъ дастъ, а передастъ что получилъ (и что внушено будетъ ему передать)“ (Св. Злат.). „Слова сіи исполнены смиренной о себѣ мысли; не сказалъ: желаю дать, но да подамъ (передамъ); ибо передаю что самъ получилъ“

(Θеод.). Почему одно слово сіе приводитъ на мысль трехъ: Бога дающаго, Апостола передающаго и вѣрующихъ пріемлющихъ (Амвр.).

Ко утвержденію вашему. Что бы ни сообщилъ имъ Апостолъ изъ благодатной сокровищницы своего апостольства, все то послужитъ къ утвержденію ихъ въ вѣрѣ и въ жизни по вѣрѣ. Таковъ обыкновенный плодъ соприкосновенія Апостоловъ съ вѣрующими. Это можетъ быть и выражаетъ только Апостолъ, не содержа въ мысли, что въ нихъ слѣдовало бы что нибудь утверждать. А можетъ быть и это было, какъ говоритъ св. Златоустъ: „сказавъ — *ко утвержденію вашему*, скрытнымъ образомъ даетъ разумѣть, что Римлянъ надлежитъ во многомъ исправить. Ибо вотъ что хочетъ сказать имъ: съ давняго времени желалъ и просилъ я Бога видѣться съ вами не для чего другаго, но чтобы установить, утвердить, сдѣлать васъ неподвижными въ страхѣ Божіемъ, дабы вы никогда не колебались“.—Но и безъ этого предположенія Св. Павелъ могъ такъ сказать, потому что нѣтъ степени въ жизни, на которой не требовалось бы нѣкое утвержденіе. Всякая степень свои приноситъ нужды и недоумѣнія; удовлетвореніе этихъ нуждъ и рѣшеніе недоумѣній и есть утвержденіе духа въ порядкахъ своей жизни.

Ст. 12. *Сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею.*

О чемъ будетъ рѣчь у Апостола, когда придетъ къ нимъ? Конечно о вѣрѣ и о всемъ до нея касающемся. При этомъ когда по всѣмъ пунктамъ пересмотрѣна будетъ вѣра, вѣрующіе увидятъ, что у нихъ въ отношеніи къ вѣрѣ все находится въ должномъ порядкѣ, и премного утѣшатся—и тѣмъ, что такъ есть, и тѣмъ. что отъ лица Апостола получатъ печать утвержденія своей вѣрѣ высшимъ авторитетомъ. И то послужитъ въ утѣшеніе, если окажется что неисправнымъ и будетъ исправлено:

ибо кто, ища вѣры спасительной, не желаетъ вѣровать совершеннѣйшимъ образомъ? Для Апостола же здѣсь утѣшительно будетъ то, что найдетъ ихъ исправными, или исправитъ неисправное. Ибо если онъ изнемогалъ вмѣстѣ съ изнемогающими, то какъ могъ не утѣшаться, встрѣчая сильныхъ въ вѣрѣ, или жаждущихъ исправности во всемъ, и исправляющихся? Почему онъ говоритъ какъ-бы: да ужь одно то, что при свиданіи соутѣшимся общею нашею вѣрою, будетъ не малое дарованіе духовное; ибо и это все отъ Духа, и духовно.

Св. Златоустъ раскрываетъ, какъ особенно утѣшительно бывало тогда для христіанъ увидѣть среди себя Апостола по причинѣ тѣснотъ, въ какихъ находились тогда христіане почти повсюду. „Симъ какъбы сказалъ Апостолъ: не подозрѣвайте, что я говорилъ (слова: *по утвержденію вашему*) въ обвиненіе ваше. Не съ такимъ расположеніемъ сказаны слова мои. А что же хотѣлъ я выразить? То, что вы окружены гонителями и терпите много притѣсненій; почему мнѣ желательно стало видѣться съ вами, дабы утѣшить, или, лучше сказать, не только утѣшить, но и самому принять утѣшеніе.—А какъ же можемъ взаимно утѣшать другъ друга? *Общею вѣрою вашею же и моею.* Что бываетъ съ огнемъ,—когда кто вмѣстѣ возжигаетъ много свѣтильниковъ, чрезъ это усиливаетъ пламя: то же случается обыкновенно и съ вѣрными. Когда раздѣлены мы между собою, тогда слабѣе духомъ. А когда, взирая другъ на друга, взаимно себя поддерживаемъ, тогда много получаемъ утѣшенія. Не суди по настоящимъ временамъ, когда по благодати Божіей и въ селѣ, и въ городѣ, и въ самой пустыни многочисленны сонмы вѣрныхъ, всякое же нечестіе изгнано; напротивъ вообрази, какъ въ тѣ времена вожделѣнно было и учителю увидѣть учениковъ, и братіямъ свидѣться съ братіями, пришедшими изъ другаго города.

Чтобы яснѣе представить вамъ сказанное, приведу примѣръ. Еслибы случилось (чего избави Богъ), что по какимъ нибудь обстоятельствамъ, увели бы насъ въ Персію, или въ Скиѳію, или въ другую варварскую землю, и въ тамошнихъ городахъ разсѣяли насъ по двое и по трое, а потомъ нечаянно увидѣли бы мы кого-нибудь прибывшаго отсюда; то представь себѣ, какого исполнились бы мы утѣшенія! Развѣ не видывали вы, какъ заключенные въ темницахъ, свидѣвшись съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, вскакиваютъ и прыгаютъ отъ радости? И не дивись, если тогдашнія времена сравниваю съ плѣномъ или съ темницею. Гораздо большія напасти терпѣли тогда христіане: разсѣянные, преслѣдуемые терпѣли голодъ и брань повсюду, ежедневную боязнь смерти; не смѣли положиться на друзей, домашнихъ, родныхъ, въ цѣломъ мірѣ были какъ странники, или лучше сказать, больше переносили трудностей, нежели живущіе на чужой сторонѣ. Посему-то говоритъ Апостолъ: *ко утвержденію вашему,* и—*соутѣшитися общею вѣрою.* Но не въ томъ смыслѣ сказалъ сіе, чтобы самъ нуждался въ ихъ содѣйствіи; ни мало. Ибо въ чемъ нуждаться тому, кто былъ столпомъ церкви, твердѣйшимъ желѣза и камня, духовнымъ адамантомъ, у котораго доставало силъ проповѣдывать въ тысячѣ городовъ? Если же кто скажетъ, что въ семъ случаѣ утѣшало и веселило Апостола приращеніе вѣры въ Римлянахъ, и что въ этомъ св. Павелъ имѣлъ нужду, то и такое изъясненіе словъ не будетъ погрѣшительно.“

Ст. 13. *Не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ, да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ.*

Усиливаетъ рѣчь: не только желалъ побывать у нихъ и молился о томъ, но и самымъ дѣломъ покушался на

то,—порывался, и все были препятствія. Какія препятствія, не сказываетъ. Къ Солунянамъ пиша, говоритъ тоже, что разъ и два покушался придти къ нимъ, но возбранилъ ему сатана (1 Сол. 2, 18) тѣмъ, что возбуждалъ противъ него враждебныхъ Іудеевъ. Прежде же того, хотѣлъ онъ идти изъ Галатіи и Фригіи въ Асію, но возбраненъ былъ отъ Святаго Духа, какъ свидѣтельствуетъ св. Лука (Дѣян. 16, 6), какимъ либо извѣщеніемъ, внутреннимъ ли только, или и внѣшнимъ.—Здѣсь же ничего такого не указываетъ, а говоритъ только: *возбраненъ бывъ доселѣ*. Надо полагать что это возбраненіе устроялось обстоятельствами и теченіемъ его апостольскаго служенія. Ниже онъ поминаетъ, что потому до сихъ поръ не пришелъ къ нимъ, что въ этихъ странахъ не всѣхъ обошелъ; теперь же, какъ здѣсь вездѣ побывалъ, собираюсь и къ вамъ (Рим. 15, 22 и д.). Апостолы были строго внимательны къ указаніямъ Промысла Божія въ обстоятельствахъ ихъ служенія. Вѣровали они, что и благодатное слово всю силу дѣйствія своего являетъ надъ тѣми и другими только во время, Богомъ опредѣленное. Потому не насиловали событій и не порывались чрезъ преграду ихъ куда либо съ проповѣдію, а напротивъ ихъ принимали въ руководство, куда направлять шествіе свое. Они всѣ не куда хотѣли ходили, но куда были водимы, какъ ведомые. Эту именно мысль и хотѣлъ здѣсь внушить св. Павелъ, говоря: *возбраненъ бывъ*. „И свое намѣреніе показалъ, и далъ видѣть Божіе смотрѣніе. Ибо говоритъ: мною управляетъ Божественная благодать, какъ ей угодно“ (Θеод.). Пространнѣе излагаетъ сію мысль св. Златоустъ. „Но спросятъ: ежели желаешь, молишься, надѣешься получить утѣшеніе и подать оное; что препятствуетъ тебѣ придти? Въ разрѣшеніе такого недоумѣнія Павелъ присовокупляетъ только: *возбраненъ бывъ доселѣ*. Вотъ мѣ-

ра рабскаго послушанія, и примѣръ глубокой признательности! Сказываетъ только, что были ему препятствія; а какія, не говоритъ. Потому что не изслѣдуетъ велѣній Владыки, а только повинуется; хотя естественно было затрудниться, почему Богъ столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры цѣлой вселенной, препятствовалъ такъ долго пользоваться такимъ учителемъ. Овладѣвши главнымъ городомъ, легче нападать на прочіе; а, миновавъ столицу, покорять подвластные ей города, значитъ нерадѣть о главнѣйшемъ. Впрочемъ Апостолъ не разсуждаетъ ни о чемъ подобномъ, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая тѣмъ благонастроенность души своей, и научая всѣхъ насъ ни мало недопытываться отъ Бога о причинахъ дѣлъ Его, хотя бы опыя, повидимому, смущали многихъ. Ибо господинъ долженъ повелѣвать, а рабъ долженъ повиноваться. Посему Павелъ хотя сказываетъ, что были ему препятствія, но не говоритъ, какія. Я самъ не знаю, разсуждалъ онъ, и ты не спрашивай о намѣреніи и волѣ Божіей. *Еда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако?* (Рим. 9, 20).—И скажи мнѣ, для чего стараешься ты узнать? Развѣ не знаешь, что Богъ о всемъ печется? Что Онъ премудръ? Что ничего не дѣластъ безъ цѣли и напрасно? Что любитъ тебя больше родителей и несравненно превосходитъ отца любовію и мать сердоболіемъ? Итакъ не спрашивай больше, не простирайся далѣе; и сего довольно для твоего успокоенія. Судьба Римлянъ доселѣ устроялась премудро. Если не знаешь, какими способами, не безпокойся. Тѣмъ больше докажешь вѣру, когда, не зная способовъ домостроительства Божія, признаешь однако пути Промысла.—Итакъ Павелъ достигъ того, о чемъ заботился. Чего же именно? Доказалъ, что не по нерадѣнію о Римлянахъ не приходилъ къ нимъ, но что были

ему препятствія, какъ ни сильно желалъ придти. Отклонивъ же отъ себя нареканіе въ безпечности и увѣривъ, что не менѣе ихъ желаетъ свиданія съ ними, приводитъ новыя доказательства любви своей. При всѣхъ препятствіяхъ, говоритъ онъ, я не переставалъ домогаться; и хотя при всѣхъ домогательствахъ непрестанно встрѣчалъ препятствія, однакожъ никакъ не оставилъ своего намѣренія; хотя волѣ Божіей не противоборствую, но и любовь храню. Тѣмъ, что располагался придти и не оставлялъ своего намѣренія, доказалъ Апостолъ усердіе къ Римлянамъ; а тѣмъ, что былъ удерживаемъ и не противился, обнаружилъ всю любовь свою къ Богу."

Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Эти слова надо ставить впереди—*возбраненъ бых*ъ, послѣ — *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ* (Экум.). Они показываютъ, что побуждало Апостола порываться къ нимъ. „Хотя выше представлялъ уже причину своего желанія и показалъ, сколько оное прилично Апостолу (*да нѣкое подамъ дарованіе духовное*); впрочемъ и здѣсь приводитъ причину того вновь, дабы въ нихъ никакого не осталось подозрѣнія. Такъ какъ Римъ былъ славный, единственный на сушѣ и морѣ городъ, и одно любопытство посмотрѣть его завлекало многихъ къ путешествію; то Павелъ непрестанно повторяетъ причину своего желанія, дабы и о немъ не заключили подобнаго, и не стали подозрѣвать, что хочетъ побывать въ Римѣ единственно въ намѣреніи прославиться своимъ общеніемъ съ Римлянами" (Св. Злат.).

Да нѣкій плодъ имѣю въ васъ—говоритъ Апостолъ примѣнительно къ притчѣ о талантахъ. Благодать апостольства есть, какъ талантъ. Пустить въ обращеніе сей талантъ и пріобрѣтать на него прибыль значитъ посѣвать вѣру въ сердцахъ невѣдающихъ Бога, научать ихъ

благонравію, освящать благодатію,—словомъ содѣлывать людей спасающимися. Чѣмъ больше кто приводитъ людей на путь спасенія, тѣмъ болѣе талантъ его приноситъ прибыли, или плода. Всѣ Апостолы на то и избраны, чтобъ это именно плодоприносить, какъ говоритъ Господь: *Азъ избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ* (Ін. 15, 16). Апостолъ Павелъ во многихъ мѣстахъ уже принесъ свой плодъ Господу; но такой-же плодъ желаетъ онъ принесть и въ средѣ Римлянъ. Тамъ, хотя вѣра уже насаждена была, но было еще надъ чѣмъ потрудиться и въ самихъ вѣрующихъ, а тѣмъ паче надъ не увѣровавшими еще. Для принесенія такого плода апостольства онъ и порывается въ Римъ. Само собою очевидно, что мысль здѣсь таже, что и въ словахъ: *да нѣкое подамъ дарованіе духовное.* Кто раздаетъ порученное ему, тотъ приноситъ достойный плодъ тому, кто поручилъ ему это дѣлать.

Св. Златоустъ съ особенною силою раскрываетъ при семъ нравственную сторону словъ: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ.* „Властелиновъ поставилъ Апостолъ наравнѣ съ подвластными; несмотря на тысячи трофеевъ, на побѣды, на знаменитость государственныхъ сановниковъ, помѣстилъ Римлянъ на ряду съ варварами. И весьма справедливо. Ибо гдѣ благородство вѣры, тамъ нѣтъ ни варвара, ни еллина, ни чужеземца, ни гражданина, но всѣ стоятъ на одной степени чести.—Не подумайте, говоритъ онъ, что такъ какъ вы богаты и имѣете у себя больше всякаго, то о другихъ прилагаю я меньше старанія. Мы ищемъ не богатыхъ, а вѣрныхъ.—Проповѣдь предлагается для всѣхъ вообще, безъ наблюденія и различія чиновъ, и преимущества народовъ и тому подобнаго. Она требуетъ одной вѣры, а не умствованій. Тѣмъ особенно и достойна удивленія, что не только полезна

и спасительна, но легка, удобна, для всѣхъ вразумительна. Въ семъ особенно заключается дѣйствіе Промысла Божія; потому что Богъ дары Свои предлагаетъ всѣмъ безъ различія. Какъ распорядился Онъ солнцемъ, луною, сушею, моремъ, и тому подобнымъ, не далъ большой доли богатымъ и мудрымъ, а меньшей бѣднымъ, напротивъ всѣмъ дозволилъ пользоваться въ равной мѣрѣ; такъ распорядился и съ проповѣдію, и еще гораздо болѣе, поколику проповѣдь нужнѣе всего исчисленнаго выше".

вв).

Ст. 14. *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь.*

Округливъ свое желаніе повидѣть Римлянъ указаніемъ и его напряженія, и цѣли, и препятствій, теперь выставляетъ главное ему основаніе въ сознаніи долга всѣмъ проповѣдать: *долженъ есмь.* Я приставникъ, говоритъ, мое дѣло раздавать всѣмъ въ свое время житомѣріе. Господу угодно было облечь меня въ чинъ апостольства и снабдить благодатями его съ тѣмъ, чтобы я передавалъ то людямъ. Въ семъ передаваніи—моя жизнь; въ задержаніи—смерть. Я и стремлюсь всѣмъ передавать, потому что это мой неотложный долгъ. „Говоритъ сіе Апостолъ, объясняя Римлянамъ, что не милость какую оказываетъ имъ, но исполняетъ повелѣніе Господа, научая воздавать благодареніе Богу всяческихъ" (Св. Злат.).

Подъ *еллинами* разумѣетъ онъ образованныхъ; равно какъ и подъ *мудрыми.* А подъ *варварами* разумѣетъ необразованныхъ, равно какъ и подъ *неразумными.* Этимъ хочетъ онъ сказать, что долженъ есть всѣмъ безъ различія, и народамъ и частнымъ лицамъ. Всякій можетъ требовать отъ него ученія, какъ долга; и онъ сознаетъ, что обязанъ воздать сему сей долгъ. „Поставленъ я учителемъ всѣхъ народовъ. Поэтому обязанъ всѣмъ воздать

долгъ ученія, не еллинамъ только, но и варварамъ. Для сего благодать Духа даровала намъ и разные языки, и надлежитъ уплачивать долгъ сей и высокодумающимъ о своей образованности, и непосвященнымъ въ словесныя науки. Ибо мудрыми называетъ величающихся искусствомъ въ словѣ, а неразумными тѣхъ, которыхъ такими именуютъ за необразованность такъ называемые у нихъ мудрецы" (Θеод.).

Ст. 15. *Тако есть еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити.*

Вотъ откуда, говоритъ, мое усердное желаніе быть у васъ,—изъ сознанія долга. Когда фонтанъ въ дѣйствіи, вода бьетъ изъ него не останавливаясь. Такъ и сознаніе долга моего проповѣдывать въ непрестанномъ находится дѣйствіи и, приводя въ движеніе сердце, возжигаетъ въ немъ усердіе взыскивать тѣхъ, кои желали бы слушать слово. Итакъ что касается до меня, то у меня всегда кипитъ сердце усердіемъ благовѣствовать. *Еже по моему усердію* (τὸ κατ᾽ ἐμὲ πρόθυμον),—что до меня, то у меня всегда присуща готовность благовѣствовать, готовность жаждущая благовѣстія и стремящаяся къ тому. Какъ ко всѣмъ, такъ и къ вамъ. Въ этомъ не сомнѣвайтесь. А на соприкосновенности благовѣстія, на труды путные, на опасности отъ невѣровъ, на сопротивленія неблагонамѣренныхъ, на всегдашнія смерти Апостолъ и вниманія не обращалъ. Мое дѣло, говоритъ, благовѣствовать, лишь только найду и встрѣчу слушающихъ; а что съ этимъ сопряжено, то все устроитъ Богъ во благое. „Подлинно благородная душа, предпріемлющая дѣло исполненное столькихъ опасностей, предпріемлющая путешествіе моремъ, подвергающаяся искушеніямъ, навѣтамъ, нападеніямъ! Ибо, намѣреваясь проповѣдывать въ такомъ городѣ, гдѣ владычествовало нечестіе, естественно было ожидать бури искушеній. Но ожиданіе

такихъ бѣдствій не охладило его усердія; напротивъ онъ спѣшилъ, мучился отъ нетерпѣнія, сгаралъ желаніемъ“ (Св. Злат.).

гг).

Главный предметъ посланія.

Ст. 16. 17.

Ст. 16. *Не стыждуся бо благовѣствованіемъ Христовымъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Іудеови же прежде и Еллину.*

Не стыждуся... „Что ты говоришь, Павелъ? Надлежало сказать: хвалюсь, ставлю себѣ въ честь, превозношусь; но ты не только не говоришь сего, а еще сказываешь нѣчто меньшее, именно, что ты не стыдишься, какъ обыкновенно отзываемся мы о чемъ-нибудь не очень важномъ. Итакъ что значатъ слова Павловы? Почему онъ такъ выражается, хотя благовѣствованіемъ дорожилъ болѣе, чѣмъ небомъ?“ (Св. Злат.).

Впереди сказалъ: и у васъ готовъ благовѣствовать, а теперь прибавляетъ: ибо не стыжусь благовѣствованіемъ. Могутъ быть двѣ мысли: не стыжусь войти съ вами въ сношеніе личное. Есть люди, съ которыми порядочному человѣку дѣло вести стыдно. Апостолъ говоритъ какъ бы: будьте вы столько низки по положенію въ обществѣ, или среди другихъ народовъ, что съ вами общиться было бы стыдно, я и тогда не постыжусь благовѣствовать вамъ. Мой долгъ не лица разбирать, а сѣять слово благовѣстія, лишь бы открыты были уши для слышанія, чьи бы они ни были. Другая мысль: не стыжусь явиться къ вамъ съ такимъ благовѣстіемъ. Вы такъ высоки, а слово благовѣстія такъ просто и такъ съ перваго раза представляется не сообразнымъ, что оно будто и не къ лицу вамъ; но я не стыжусь предлагать его. Какъ ни будь высоки слушающіе, я всегда съ дерзно-

веніемъ проповѣдую Христа распята, хотя знаю, что это для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе.

Св. Златоустъ говоритъ „Римляне были слишкомъ привержены къ мірскому занятію богатствомъ, владычествомъ, побѣдами и самыми царями своими. Много были они надменны; а Павелъ долженъ былъ проповѣдывать Іисуса, мнимаго плотникова сына который былъ воспитанъ въ Іудеѣ, въ домѣ незнатной женщины, не имѣлъ при себѣ оруженосцевъ, не нажилъ денегъ, а напротивъ умеръ съ злодѣями, какъ преступникъ, и претерпѣлъ множество разныхъ поруганій. И всего этого естественно было стыдиться Римлянамъ, которые не знали неизреченныхъ и великихъ таинъ. Посему Апостолъ говоритъ: *не стыждуся*, научая между прочимъ и ихъ не стыдиться. Ибо зналъ, что успѣвши въ семъ, простругся вскорѣ на большее и будутъ хвалиться. Посему и ты, услышавъ вопросъ: ужели покланяешься Распятому? не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся, съ смѣлымъ взоромъ, съ поднятымъ вверхъ челомъ подтверди свое исповѣданіе. И если спросятъ: такъ ты Распятому покланяешься? опять отвѣчай: но не прелюбодѣю, не отцеубійцѣ, не дѣтоубійцѣ, каковы всѣ языческіе боги; а напротивъ крестомъ побѣдившему демоновъ, и уничтожившему тысячи ихъ чародѣйствъ. Ибо крестъ для насъ есть дѣло неизреченнаго человѣколюбія, знакъ великаго попеченія.—Сверхъ того, поелику славящіеся витійствомъ и напитанные мірскою мудростію надмѣваются; то я, говоритъ о себѣ Павелъ, навсегда отказавшись отъ такихъ умствованій, иду проповѣдывать крестъ,—и не стыжуся того.“

Сила бо Божія есть во спасеніе. Вотъ почему *не стыджуся!*—Какъ стыдиться предъ больными тому, кто приноситъ имъ цѣлительное врачевство? Или предъ заключенными въ узы тому, кто приходитъ помочь имъ раз-

бить сіи узы? Благовѣстіе не слово только, но и сила. Надлежитъ разумѣть здѣсь подъ нимъ не одну совокупность явленныхъ во Христѣ Іисусѣ таинъ, или богооткровенныхъ новозавѣтныхъ истинъ; но все домостроительство спасенія человѣческаго во Христѣ Іисусѣ. Съ нимъ всюду приходили Апостолы и въ него вводили вѣрующихъ. Они всѣмъ говорили: мы безотвѣтно грѣшны предъ Богомъ; и нѣтъ намъ спасенія. Ждетъ насъ судъ неумытный и по суду кара. Но Богъ сжалился надъ нами и послалъ Сына Своего Единороднаго, Который воплотился и пострадалъ за насъ, снялъ съ насъ вину; по воскресеніи же, вознесшись на небо и сѣдши одесную Отца, Духа Святаго ниспослалъ отъ Отца, Который всѣхъ вѣрующихъ въ Сына обновляетъ, и дѣлаетъ сильными всякую благую волю Божію исполнять и Ему благоугождать, чтобы, потрудившись здѣсь, сподобиться пріятія туда, гдѣ и Сынъ Божій воплотившійся. Вотъ вамъ путь спасенія!—Внимавшіе воодушевлялись надеждою. и приходили въ нравственное напряженіе и готовность на все. Но еслибы благовѣстіе тѣмъ и ограничивалось, то сила сія нравственная скоро бы испарялась, и жизнь каждаго опять принимала бы прежній не богоугодный видъ. Потому тѣхъ, кои вѣровали и такъ воодушевлялись, оно приводило къ таинствамъ и въ нихъ обновляло и исполняло благодатными силами. Послѣ таинствъ вѣрующій не воодушевленіе только имѣлъ, но исполнялся чувствомъ силы, которое, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, переходило въ дерзновеніе, ничѣмъ не сокрушимое. Это всякій испытывалъ; но уже по вѣрѣ и принятіи благодати въ таинствахъ. И всѣ вѣрующіе были свидѣтели того, что благовѣстіе, — домостроительство спасенія, вѣра Христова, — точно есть сила во спасеніе.—На первый разъ какая сила: вѣруй въ Распятаго, и спасешься? Но потомъ она тотчасъ открывалась и

была ощущаема,—только увѣруй и прими таинства. Униженіе Христово, мракомъ непроницаемымъ покрывая силу домостроительства, цѣлою бездною раздѣляло слышащихъ благовѣстіе отъ Христа Господа. Вѣра разсѣевала мракъ и переводила чрезъ сію бездну. Но какъ зараждалась и зараждается вѣра, сіе есть тайна Божія. Господь сказалъ, что никто къ Нему не придетъ, если Отецъ небесный не привлечетъ его. Это какъ тогда, такъ и теперь, среди не носящихъ и носящихъ имя Христово: ибо и изъ христіанъ не всѣ христіане.—Итакъ кто миновалъ эту первую преграду, для того тотчасъ раскрывалась сила благовѣстія; а на первый разъ оно являлось уничиженнымъ. Горчичное зерно мало и холодно; но кто раскуситъ его и разжуетъ, тотчасъ ощутитъ. какъ велика сила его жженія. Подобнымъ сему сравненіемъ и бл. Θеодоритъ объясняетъ тайну силы благовѣстія. Онъ пишетъ: „Взираю, говоритъ Апостолъ, не на кажущееся безчестіе, но на происходящее отъ сего благодѣяніе. Ибо увѣровавшіе пожинаютъ въ немъ спасеніе. Такъ и во многомъ чувственномъ собственная сила его бываетъ сокровенна. Ибо перецъ имѣетъ холодную наружность, и для незнающихъ не показываетъ ни малаго признака своего горячительнаго свойства. Но кто разжуетъ зубами, тотъ ощущаетъ его, подобную огню, воспаляющую силу. Потому врачи называютъ въ возможности только горячительнымъ то, что не таково по видимости, но можетъ таковымъ оказаться. Такъ и пшеничное зерно можетъ быть корнемъ, соломою, колосомъ. но не кажется таковымъ, пока не посѣяно въ бразды земли. Посему божественный Апостолъ справедливо спасительную проповѣдь нарекъ силою Божіею, такъ какъ сила ея однимъ вѣрующимъ открыта и даруетъ спасеніе.“ — И св. Златоустъ говоритъ: „какъ благовѣстіе сила Божія есть? – Выслушай слѣдующее: *всякому вѣрую-*

щему. Не просто всѣмъ, но пріемлющимъ. Хотя ты Еллинъ, хотя погруженъ во всѣ пороки, хотя Скиѳъ, хотя варваръ, хотя настоящій звѣрь, лишенъ всякаго знанія, обремененъ тысячами грѣховъ; но коль скоро принялъ слово крестное и крестился, ты загладилъ все."

Благовѣстіе есть сила во спасеніе всякому вѣрующему, но, говоритъ Апостолъ, *Іудѣови прежде*. Іудеевъ предпоставилъ онъ Еллинамъ, потому что отъ нихъ Христосъ, изъ нихъ Апостолы, они блюли обѣтованія (Θеод.). Но въ дѣлѣ спасенія они ничего липняго не имѣютъ. Ко Христу Господу всѣмъ открытъ доступъ —и всякій получаетъ отъ Него все, положенное по домостроительству спасенія; плотское происхожденіе не оказываетъ на это никакого вліянія. Если есть мѣра, то она опредѣляется вѣрою. Св. Златоустъ говоритъ: „Почему же говоритъ здѣсь Павелъ: *Іудеови же прежде и Еллину?* Въ чемъ состоитъ сія разность? Самъ часто говорилъ, что обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто; какъ же теперь различаетъ, и Іудея ставитъ выше язычника? Что это значитъ? Первый не больше получаетъ благодати потому только, что онъ первый. Тотъ же даръ дается Іудею и язычнику, а слово *прежде* означаетъ только порядокъ. Іудей не больше получаетъ оправданія, а удостоенъ только получить оное прежде. Просвѣщенные всѣ приступаютъ ко крещенію, но не всѣ крещаются въ одно время; впрочемъ хотя одинъ бываетъ первымъ, другой вторымъ; но первый получаетъ не больше втораго, и вторый не больше за нимъ слѣдующаго; напротивъ, всѣмъ подается одно и то же. Итакъ, словомъ *прежде* выражается здѣсь первенство въ порядкѣ рѣчи, а не какое-либо преимущество въ благодати."

Ст. 17. *Правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ.*

Сказалъ, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, но не всякому безъ различія, а только вѣрующему, Іудей ли онъ или язычникъ. Теперь подтверждаетъ то и другое, и то, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, и то, что она бываетъ такою силою не иначе какъ чрезъ вѣру. Что оно сила,—сіе подтверждается словами: *правда бо Божія является въ немъ,* а что оно—сила чрезъ вѣру, сіе подтверждается словами: *отъ вѣры въ вѣру,* и послѣдующимъ свидѣтельствомъ пророческимъ. Но того и другаго положенія Апостолъ не раскрываетъ подробно, а только изрекаетъ ихъ. На разъясненіе ихъ у него опредѣлено все посланіе, такъ что справедливо признается, что симъ мѣстомъ указываетъ Апостолъ главный предметъ всего посланія.

Однакожь содержаніе сего мѣста надлежитъ намъ опредѣлительно уяснить, чтобъ видно было, чего ожидать и отъ послѣдующей рѣчи.

Правда Божія является. — *Правда Божія* — можетъ означать свойство Божіе,—что Богъ праведенъ, всегда и во всемъ праведно дѣйствуетъ; и можетъ означать праведность Божескую — полную и совершенную, отъ Бога человѣку сообщаемую и дѣлающую его праведнымъ и святымъ. Какая здѣсь разумѣется? По ходу рѣчи прямѣе послѣдняя. Ибо словами сими подтверждается сказанное выше, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе. А это ничѣмъ столько не подтверждается, какъ тѣмъ, что оно пріемлющихъ его съ вѣрою дѣлаетъ праведными и святыми. Св. Златоустъ то дивнымъ, знаменитымъ и славнымъ находитъ въ благовѣстіи, что чрезъ него прелюбодѣй, сластолюбецъ, чародѣй вдругъ не только освобождается отъ наказанія, но и становится праведнымъ. “

Но отъ сего не можемъ не перейти къ мысли и о правдѣ, какъ свойствѣ Божіемъ: ибо Богъ явилъ намъ

такую безпредѣльную милость праведно, благоволивъ, чтобъ Единородный Сынъ Божій, воплотившись, умеръ за насъ и тѣмъ открылъ къ намъ путь всеосвящающему дѣйствію Св. Духа. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Благовѣстіемъ *является правда Божія,* не только намъ подаваемая, но и явственно показуемая въ самой тайнѣ домостроительства. Ибо не властію домостроительствовалъ Богъ наше спасеніе, не повелѣніемъ и не словомъ сокрушилъ державу смерти, но милость сраствориль и съ правдою. И само единородное Слово Божіе, облекшись въ естество Адамово и сохранивъ оное чистымъ отъ всякаго грѣха, принесло сіе за насъ и, воздавъ долгъ естества, уплатило общую повинность всѣхъ людей.—Сіе божественный Павелъ яснѣе излагаетъ въ послѣдствіи.“

Итакъ св. Апостолъ, сказывая, что благовѣстіе есть сила Божія потому, что въ немъ является правда Божія, даетъ разумѣть, что чрезъ Евангельское домостроительство Богъ дѣлаетъ насъ, благодатію Своею, праведными и святыми по непреложнымъ законамъ правды своей,— или праведно дѣлаетъ насъ праведными и святыми.

Правда Божія является,—явною для всѣхъ дѣлается. Если при словѣ—*правда Божія* будемъ имѣть въ мысли праведность и святость, вѣрующимъ сообщаемую, то *является правда* — будетъ: для всѣхъ явлено бываетъ, какъ неправедные дѣлаются праведными, лишь только повѣрятъ Евангелію и по вѣрѣ примутъ благодать въ таинствахъ. Сердитый становится кроткимъ: отпадаетъ отъ сердца гнѣвливость и онъ становится кроткимъ, какъ агнецъ, такъ что и разсердить его не разсердишь; блудный дѣлается цѣломудреннымъ: отпадаетъ всякая похотливость, такъ что когда товарищи старые тянутъ опять на блудныя дѣла, онъ отвѣчаетъ: я уже теперь не тотъ. Такъ и всякій другой неправедный нравъ отпадаетъ, и

мѣсто ихъ заступаютъ праведныя и святыя расположенія. Въ этомъ видна осязательно сила Божія.

Если при словѣ—*правда Божія* остановимся на мысли о праведности Божіей, или на томъ, что, оставляя намъ грѣхи и дѣлая насъ праведными по домостроительству спасенія, Онъ дѣйствуетъ праведно, то *правда является*—будетъ: чрезъ благовѣстіе открывается, какъ, въ силу домостроительства спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, праведность Божія является во всей своей силѣ. Богъ милуетъ праведно: ибо правда Его удовлетворена смертію Единороднаго Сына Божія. Это тайна, сокрытая отъ вѣкъ и отъ родовъ. И никому бы недомыслиться до нея, еслибы не возвѣстило о ней Евангеліе. Она была сокрыта въ писаніяхъ пророческихъ и въ образахъ подзаконныхъ; на всемъ этомъ лежалъ покровъ. Самые пророки недоумѣвали о многомъ, что являлъ имъ Духъ. Но еще прежде пророковъ совѣтъ о семъ сокровенъ былъ въ Богѣ. Пришествіемъ Господа во плоти покровъ Ветхаго Завѣта снятъ и стало всѣмъ явлено, что тамъ скрывалось; явленъ сталъ и предвѣчный совѣтъ Божій о спасеніи нашемъ. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „научаетъ насъ св. Павелъ, что такъ издревле домостроительствовалъ о насъ Богъ и предвозвѣщалъ о семъ чрезъ пророковъ, а прежде пророковъ въ Немъ самомъ сокрытъ былъ совѣтъ о семъ. Ибо сіе говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *Тайна сокровенная въ Богѣ создавшемъ всяческая* (Еф. 3, 9); и еще: *глаголемъ премудрость, въ тайнѣ сокровенную, юже предъустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7). Такъ и здѣсь сказалъ Апостолъ: *является правда,* потому что сокрытое прежде дѣлается явнымъ.“

Та и другая правда въ пріемлющихъ благовѣстіе, и съ нимъ усвояющихъ всю силу домостроительства является совокупно. Правда, освященіе и избавленіе, благодатію

Божіею всуществляемыя вѣрующихъ, явны бываютъ не имъ только, но и всѣмъ видящимъ ихъ; такъ что они справедливо могутъ быть названы *свѣтомъ, свѣтящимъ предъ человѣки;* Божественная же правда въ устроеніи сего дивнаго намъ благодѣянія явною дѣлается только въ сознаніи вѣрующихъ, когда, пріявъ благовѣстіе по вѣрѣ мысленной, пріобщаются потомъ благъ его, и ставъ чистыми и святыми, вступаютъ въ вѣру чувства,—осязающую, хотя не постигающую умомъ осязаемаго,—и вводятся въ созерцаніе таинъ Божіихъ сокровенныхъ.

Но въ сихъ дивныхъ дѣйствіяхъ и измѣненіяхъ все условливается вѣрою. Вѣрою пріемлется благовѣстіе, вѣрою усвояется сила домостроительства, вѣры ради освящается естество человѣка и вѣрою вводится онъ въ созерцаніе таинъ Божіихъ. Сіе выражаетъ Апостолъ словами: *отъ вѣры въ вѣру*, и слѣдующимъ затѣмъ изреченіемъ пророческимъ. Нельзя не видѣть, что указаніе на вѣру и было цѣлію Апостола въ семъ мѣстѣ; ибо оставивъ безъ подтвержденія, какъ является правда Божія въ благовѣстіи, подтверждаетъ только, что она является подъ условіемъ вѣры.

Апостолъ сказалъ не просто: отъ вѣры, а: *отъ вѣры въ вѣру*, чтобы показать, что въ Евангельскомъ домостроительствѣ все отъ вѣры: вѣрою начинается, вѣрою продолжается, вѣрою кончается, и по достиженіи конца, на вѣрѣ стоитъ, какъ и пророческое изреченіе подтверждаетъ, что праведный не начинаетъ только жить, но и непрерывно живетъ и жить будетъ отъ вѣры. Можно бы такимъ пониманіемъ изреченія: *отъ вѣры въ вѣру* и ограничиться; но какъ оно представляется нѣсколько особеннымъ, и этою особенностію останавливаетъ на себѣ вниманіе, то наши толковники считали не безполезнымъ уяснить, чего ради сказано: *отъ вѣры въ вѣру*. Общая у нихъ мысль та, что въ дѣлѣ нашего спасенія, по Еван-

гелію устрояемаго, все условливается вѣрою, но вѣрою не на одной степени стоящею, а восходящею все выше и выше, по мѣрѣ, конечно, дѣятельнаго углубленія всякаго въ содѣваніе своего спасенія. Сію общую мысль выражаетъ бл. Θеофилактъ: „потому такъ сказано у Апостола, что вѣра должна возрастать въ большую и большую вѣру; ибо недостаточно того, чтобы сначала увѣровать, но мы должны восходить отъ первоначальной вѣры въ вѣру совершеннѣйшую, т.-е. въ состояніе непоколебимое и твердое, какъ и Апостолы сказали Господу: *умножь намъ вѣру* (Лк. 17, 5)".

Какія же восхожденія по степенямъ или измѣненія на высшую и высшую должна проходить вѣра? Экуменій пишетъ: „*правда Божія*, говоритъ Апостолъ, *является* въ благовѣстіи, т.-е. полная добродѣтельность чрезъ Евангеліе приходитъ въ совершенство; ибо правдою часто называется добродѣтельность. Какъ же является и въ комъ? Въ тѣхъ, кои съ вѣрою приступаютъ къ благовѣстію. Благовѣстіе всѣмъ проповѣдуетъ добродѣтель и всѣхъ убѣждаетъ ятися за нее; но красоту добродѣтели открываетъ и любителями ея дѣлаетъ только тѣхъ, которые съ вѣрою приступаютъ къ нему. Что же? — Престаетъ вѣра, когда справится добродѣтель? Никакъ, но восходитъ на совершеннѣйшую и высшую степень. Первая вѣра была нѣкое сокрушеніе и готовность души (престать отъ грѣха и приступить къ добродѣтели). Вѣра же, дѣланіемъ добродѣтелей возращаемая, усовершенствовавшаяся, есть убѣжденіе (вкушеніе истины чувствомъ) непоколебимое и непреложное. Та подобна сѣянію, а эта, въ дѣланіи добродѣтелей дѣйствующая, есть плодоприношеніе. Та же, которая чрезъ нихъ восходитъ къ совершенству, есть блаженное упокоеніе и почитіе (отъ трудовъ). Вотъ какъ правда Божія въ благовѣстіи является отъ вѣры въ вѣру. Божіею же правдою называетъ

Апостолъ добродѣтель потому, что она есть нѣчто божественное и что всякое добро отъ Бога есть".

„Можно и такимъ образомъ это понимать: правда Божія является въ благовѣстіи тѣмъ, что Богъ, взявъ начальную нашу вѣру, какъ сѣмя, возращаетъ ее и укореняетъ, и насъ совершенствуетъ въ сей самой вѣрѣ. Это поистинѣ будетъ Божія правда, когда Богъ, взявъ только начало и поводъ въ нашемъ произволеніи (вѣровать), прочее все совершаетъ уже Самъ. Такъ какъ св. Павелъ сказалъ выше, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, то чтобъ не возразилъ кто, какъ можно сему повѣрить слыша о страданіяхъ, о крестѣ и смерти? онъ прибавилъ къ тому: *правда Божія въ немъ является*,—какъ бы такъ говоря: не останавливайся на такихъ предлогахъ; ибо какъ только явишь ты произволеніе (вѣровать), удивишься Божію о тебѣ попеченію и благоволенію Его къ тебѣ; потому что, взявъ твою, въ произволеніи лишь, вѣру, Онъ возраститъ ее въ тебѣ,—претворивъ ее въ вѣру, въ чувствѣ сердца укорененную, твердую и непоколебимую. Потомъ чтобы не подумалъ ты, что тутъ говорится нѣчто новое и неслыханное, Апостолъ приводитъ свидѣтельство пророка. То же самое, говоритъ, и древній пророкъ Аввакумъ утверждаетъ, когда говоритъ, что жизнь праведнаго объемлется вѣрою, которая зачинаясь вѣрою, въ произволеніи зараждающеюся, восходитъ потомъ къ вѣрѣ по воздѣйствію Божію на сердце и сокровеннымъ его удостовѣреніямъ" (Экум. же).

Святый Исаакъ Сиріанинъ въ своихъ писаніяхъ указываетъ на разныя степени вѣры такъ: Вѣра въ Бога естественно насаждена въ духѣ нашемъ, равно какъ и вѣдѣніе добра и зла въ совѣсти. Вѣра сія пробуждаясь раждаетъ страхъ; сей страхъ оживляетъ совѣсть и раждаетъ покаяніе. Все сіе вмѣстѣ понуждаетъ желать и искать Спасителя и спасенія въ Немъ. Услышавъ благо-

вѣстіе, таковый охотно приступаетъ къ нему вѣрою. Сія начальная вѣра есть только вѣра отъ слуха. Когда вступитъ онъ въ область Евангельскаго устроенія жизни, тогда опытно вкуситъ благъ Евангелія и вѣра его преобразится въ вѣру чувства. Но и эта вѣра есть только вѣра въ таинства Божіи,—въ догматы. Вѣра окончательная есть увѣренность въ Богѣ и почитіе въ Немъ. Такъ неизбѣжно восхожденіе отъ вѣры въ вѣру. Что однакожъ есть вмѣстѣ явленіе правды Божіей, или силы Его дѣйствующей во спасеніе наше въ Евангельскихъ порядкахъ.

Экуменій приводитъ и другія мнѣнія о смыслѣ словъ: *отъ вѣры въ вѣру*. „Это значитъ и то, что дѣло жизни святой и праведной какъ начинается вѣрою, такъ должно характеризоваться вѣрою и стоять на ней. Вступивъ въ Евангельскіе порядки, не должно пытливо изслѣдовать всего усматриваемаго въ нихъ, но все принимать вѣрою. Или такъ: должно вѣровать пророкамъ и въ нихъ почерпать руководство къ вѣрѣ Евангельской. Иначе еще: вѣрующій Христу Господу и благодать крещенія пріявшій чрезъ сіе руководится къ тому, чтобъ вѣровать несомнѣнно будущимъ благамъ,—воскресенію мертвыхъ, жизни вѣчной и царству небесному. Ибо вѣровать должно, что Богъ явился на землѣ во плоти,—что есть начало,—и что наслѣдіемъ вѣрующихъ будетъ царство небесное,—что есть конецъ вѣры. (Послѣднія два мнѣнія слово въ слово взяты у бл. Θеодорита). Или такъ: *отъ вѣры въ вѣру*—для Іудея, отъ вѣры подзаконной въ вѣру Іисусъ Христову, а для Эллина отъ вѣры естественной въ ту же Іисусъ-Христову вѣру“ (Мнѣніе Акакія).

Всѣ эти пониманія не чужды назиданія для того, кто ищетъ его. Но всѣ же они сводятся къ тому, чтобъ внушить, что въ дѣлѣ спасенія все отъ вѣры,—что, можно полагать, и Апостолъ имѣлъ въ виду внушить. Ибо при-

водя вслѣдъ за симъ свидѣтельство пророческое въ подтвержденіе выраженной имъ мысли, привелъ такое, въ коемъ говорится просто о вѣрѣ: *якоже есть писано: праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. 2, 4). Онъ какъ бы говоритъ: благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, но вѣрующему; чрезъ него является во всякомъ правда Божія, или всякій дѣлается праведнымъ, но отъ вѣры въ вѣру. Итакъ вѣруй и вѣруй. Кто вѣруетъ, живъ будетъ жизнію святою и праведною; а невѣрующій остается въ области смерти, грѣхомъ всѣхъ мертвящей и губящей (слова Господа. Ін. 6, 8; 3, 15—18). Жизнь истинная есть жизнь праведная; но праведный можетъ праведно жить только вѣрою. Безъ вѣры нѣтъ истинной праведной жизни, нѣтъ и спасенія. Это подтверждаетъ и Пророкъ, когда говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ.*

Слова Пророка не требуютъ особаго разъясненія; они ясны сами собою. Приложимъ только слѣдующее наведеніе.—Дѣла правды человѣкъ и самъ собою можетъ творить—не обижать, не присвоять чужаго, быть воздержнымъ, помогать нуждающимся, и во всемъ поведеніи своемъ можетъ являться правымъ и досточестнымъ. Но при всей своей праведности, пока одинъ пребываетъ, онъ похожъ на истуканъ исправно выдѣланный, но бездушный. Душу вдыхаетъ въ него вѣра тѣмъ, что привлекаетъ благодать, оживляющую всякаго, истинно-праведнаго. Предшествующая сему праведность, если она и бываетъ, бываетъ только подготовкою къ принятію благодати чрезъ вѣру, дѣлаетъ сосудомъ способнымъ пріять благодатное оживленіе, а не заканчиваетъ всего дѣла. Возьмите Іудея, въ совершенствѣ ходящаго по закону своему: его надлежитъ счесть праведнымъ. Возьмите язычника исправно живущаго по началамъ правды, написаннымъ въ сердцѣ его,—и онъ будетъ праведенъ. Но ни того, ни другаго не слѣдуетъ считать оживлен-

нымъ истинною жизнію. Сія жизнь явится въ нихъ, когда они сподобятся оживленія божественною благодатію по вѣрѣ въ Господа Спасителя. Очевиднѣйшее свидѣтельство сему представляетъ Корнилій сотникъ. Онъ былъ праведенъ, но истинно-живымъ сталъ, когда снишелъ на него Духъ Святый.

Св. Златоустъ сопровождаетъ слова Пророка такимъ наведеніемъ: „Пусть еретики услышатъ сей духовный гласъ! Умствованіе, подобно лабиринту и грифамъ, нигдѣ не имѣетъ конца, не даетъ мыслямъ установиться на камнѣ и ведетъ начало отъ самохвальства. Тѣ, которые стыдятся допустить вѣру, не знаютъ небеснаго и кружатся въ вихрѣ безчисленныхъ умствованій. Жалкій бѣднякъ, стоющій того, чтобъ непрестанно о тебѣ плакать!—Неприлично тебѣ спорить и безвременно любопытствовать. И что говоритъ о членахъ вѣры? Отъ самыхъ пороковъ настоящей жизни освобождаемся мы не иначе, какъ чрезъ вѣру. Вѣрою просіяли доселѣ жившіе: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. Вѣрою спаслася блудница (Раавъ. Евр. 11, 31). Не стала она разсуждать, какъ возмогутъ сіи плѣнники, бѣглецы, бродяги одолѣть городъ, защищенный стѣнами и башнями. Еслибъ такъ разсуждала, то погубила бы и себя и ихъ, какъ и дѣйствительно погибли предшественники спасенныхъ Раавою. Ибо тѣ, увидѣвъ людей великорослыхъ и сильныхъ, стали изыскивать средства, какъ побѣдить ихъ, и всѣ погибли безъ войны и сраженія. Видишь ли, какова бездна невѣрія, и какъ тверда стѣна вѣры! Невѣріе довело до погибели безчисленное множество людей, а вѣра жену блудницу не только спасла, но и содѣлала покровительницею народа Израильскаго. Зная сей и другіе многіе примѣры, не будемъ никогда доискиваться причины дѣлъ Божіихъ; но безъ изслѣдованія и излишней пытливости станемъ принимать повелѣнія Божіи,

хотя бы оныя казались несообразными съ человѣческимъ разумомъ. Ибо, скажи, что кажется несообразнѣе, какъ отцу самому умертвить единороднаго и возлюбленнаго сына? Однакоже праведникъ, получивъ такое приказаніе, не сталъ разсуждать о томъ, а принялъ повелѣніе единственно по достоинству повелѣвающаго и повиновался. Но другой, получивъ отъ Бога повелѣніе бить пророка, задумался надъ симъ дѣломъ, и не послушался просто. За сіе наказанъ онъ смертію, а бившій угодилъ Богу (3 Цар. 20, 35). И Саулъ, противъ воли Божіей спасшій жизнь людямъ, низложенъ съ престола, и подвергся строгой казни. Не трудно найти и другіе многіе примѣры, которые согласно научаютъ насъ никогда не изыскивать причины повелѣній Божіихъ, а въ простотѣ повиноваться имъ ни противясь. Если же опасно углубляться въ то, что повелѣно, и любопытныхъ ожидаетъ крайнее наказаніе, то какое извиненіе будутъ имѣть тѣ, которые судятъ о предметахъ непостижимыхъ и страшныхъ, напримѣръ, какъ Отецъ родилъ Сына? Какая Его сущность? (какъ Онъ воплотился, и смертію Своею спасъ родъ нашъ?). Итакъ, зная сіе, со всѣмъ благорасположеніемъ примемъ матерь всѣхъ благъ—вѣру, дабы намъ, какъ плывущимъ въ безмятежную пристань, соблюсти правильное ученіе, и со всею безопасностію направляя жизнь свою, получить вѣчныя блага.“

Установивъ такимъ образомъ вниманіе Римлянъ, а съ ними и всѣхъ насъ, на вѣрѣ, Апостолъ далѣе разъясняетъ и подробно излагаетъ существо ея, со всѣми къ тому соприкосновенностями, что и составляетъ вѣроучительную часть посланія.

ВѢРОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

О спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

1, 18—11, 36.

Въ вѣроучительной части святый Павелъ

I. Указываетъ, что помимо вѣры въ Господа Іисуса Христа нѣтъ спасенія. 1, 18—3, 30.

II. Убѣждаетъ, привлекаетъ и склоняетъ къ ней. 3, 31—5, 21.

III. Излагаетъ главнѣйшее для вѣрующихъ обязательство вѣры—быть святыми. 6—7, 6.

IV. Изображаетъ благотворность ея для падшаго естества нашего и для всей твари съ утѣшительнымъ показаніемъ, сколь прочны основанія упованія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. 7, 7—8, 39.

V. И заключаетъ пространнымъ разъясненіемъ вопроса о невѣріи Іудеевъ,—гл. 9—11.

I.

Помимо вѣры въ Господа Іисуса Христа нѣтъ спасенія.

1, 18—3, 30.

Это изъясняетъ Апостолъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: а) положенъ судъ на всѣхъ, содержащихъ истину въ неправдѣ, 1, 18. Но б) въ этомъ виновны аа) какъ язычники 1, 19—2, 16—такъ бб) Іудеи 2, 17—3, 20.

Потому нѣтъ имъ обоимъ спасенія: судъ и осужденіе праведно падаютъ на главу тѣхъ и другихъ. И гибнуть бы имъ, но человѣколюбивый Богъ сжалился надъ ними и устроилъ имъ в) особый дивный образъ спасенія въ Сынѣ Своемъ, воплотившемся и умершемъ на крестѣ, и Своею смертію омывшемъ грѣхи всѣхъ,—3, 21—30. Итакъ, инаго спасенія нѣтъ, какъ ятися за вѣру въ Господа Іисуса Христа.

а).

Судъ Божій непреложенъ на всѣхъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.

Ст. 18. *Открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.*

Положеніе сіе св. Апостолъ не доказываетъ, а только выставляетъ на видъ. Истину его всякій сознаетъ по свидѣтельству совѣсти. Согрѣшилъ ли, жди должнаго воздаянія. Почему и говоритъ: *открывается...* положено неизмѣнно быть суду и воздаянію, и вотъ-вотъ разверзутся небеса и явится Судія всѣхъ. Гнѣвъ Божій означаетъ судъ, осужденіе и наказаніе. Гнѣвомъ назвалъ это Апостолъ человѣкообразно. Къ человѣку гнѣвному не подходи и не говори ему: слушать не станетъ. Такъ и судъ Божій неумолимъ и неизмѣненъ: какъ рѣшено на немъ, такъ и пребудетъ во вѣки. Положена грѣшнику вѣчная мука, не избѣжать ему ея, если не удовлетворитъ правдѣ Божіей. Потому или спѣши снискать примиреніе съ Богомъ, или не ожидай ничего другаго, кромѣ вѣчныхъ мученій. И грозность суда Божія также выражается симъ. Грознымъ изобразилъ его и Самъ Господь Спаситель, умершій для того, чтобъ всѣхъ избавить отъ суда сего. Да онъ и потому уже грозенъ,

что есть судъ. Какой преступникъ не трепещетъ предъ судомъ? Въ школахъ экзамены отъ начальства, всегда благосклоннаго, какимъ страхомъ сопровождаются?! Какъ не быть страху и грозности на судѣ томъ, который рѣшаетъ вѣчную участь?—Апостолъ вмѣсто *открывается* праведный судъ Божій,—и сказалъ: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе.* Вотъ-вотъ разверзутся небеса и явится Судія всѣхъ.—*Съ небесе*, говоритъ, чтобъ означить, что въ семъ божественномъ дѣйствіи ничего не будетъ земнаго. На землѣ можно бываетъ еще какъ нибудь покривить вѣсы правды, а тамъ будетъ все проницать и рѣшать неумытная правда Божія.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Апостолъ угрожаетъ будущимъ наказаніемъ, которое называется гнѣвомъ Божіимъ, не потому что Богъ наказуетъ по страсти, но чтобы именованіемъ симъ устрашить прекословящихъ; и сказалъ, что *гнѣвъ открывается съ небесе*, потому что съ неба явится Богъ и Спаситель нашъ. Ибо сіе изрекъ и самъ Господь: *тогда узрите Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Мѳ. 24, 30)“.

Св. Златоустъ, поставляя сіи слова въ соотношеніе съ предыдущими, гдѣ поминалось о Евангеліи, яко силѣ Божіей *во спасеніе всякому вѣрующему*, говоритъ: „замѣть искусство Павла, съ какимъ онъ, начавъ рѣчь краткими увѣщаніями, обращается къ угрозамъ. Сказавъ, что Евангеліе—причина спасенія и жизни, сила Божія, что имъ совершается спасеніе и оправданіе, онъ употребляетъ теперь выраженія, которыя могутъ устрашить даже невнимательныхъ. И какъ, обыкновенно, большая часть людей привлекается къ добродѣтели не столько обѣщаніемъ благъ, сколько страхомъ скорбей, Апостолъ влечетъ ихъ чрезъ то и другое. По сей причинѣ и Богъ не только обѣщаетъ царство, но и угрожаетъ геенною; и пророки, проповѣдуя Іудеямъ, всегда къ обѣтованіямъ

присоединяли угрозы. По той же причинѣ и Павелъ разнообразитъ рѣчь, и не безъ намѣренія предлагаетъ прежде пріятное, а потомъ непріятное; но показываетъ тѣмъ, что первое есть дѣло предваряющей воли Божіей, а послѣднее есть слѣдствіе худой жизни нерадивыхъ. Такъ и пророкъ о благахъ упоминаетъ прежде, говоря: *аще хощете и послушаете, благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ* (Ис. 1, 19. 20). Въ такомъ же порядкѣ располагаетъ рѣчь свою и св. Павелъ.—*Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе.* И въ настоящей жизни часто открывается гнѣвъ Божій, и на каждаго въ особенности, и на всѣхъ вообще, чрезъ голодъ, язвы, брани. Что же тогда, на будущемъ судѣ, произойдетъ чрезвычайнаго? То, что наказаніе будетъ большее, общее и другаго рода; то, что нынѣ бываетъ, служитъ къ исправленію, а что случится тогда, будетъ казнь. Въ семъ смыслѣ сказалъ Павелъ (въ другомъ мѣстѣ), что нынѣ мы *наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32). Нынѣ многіе во многомъ видятъ не гнѣвъ свыше, по обиду отъ людей, а тогда явно будетъ, что наказаніе отъ Бога:—Судія возсядетъ на страшномъ престолѣ и повелитъ влечь кого въ огонь, кого во тьму внѣшнюю, кого на другія, неизбѣжныя и нестерпимыя казни.—Почему же Апостолъ не сказалъ сего ясно,—что, напримѣръ Сынъ Божій придетъ со тьмами Ангеловъ и потребуетъ отчета у каждаго, а говоритъ: *открывается гнѣвъ Божій?* Потому, что слушатели недавно еще обращены были въ вѣру. И Апостолъ сначала на нихъ дѣйствуетъ тѣмъ, что они сами признавали. Притомъ, мнѣ кажется, говорится сіе язычникамъ; и потому Апостолъ начинаетъ съ общихъ понятій, а послѣ говоритъ о судѣ Христовомъ.“

То общій всему человѣчеству догматъ, въ сердцѣ написанный, что есть Богъ, что Ему должно угождать

исполненіемъ воли Его, и что тѣ, которые не дѣлаютъ сего, виновны предъ Нимъ. Почему всѣ исповѣдуютъ, что судъ Божій лежитъ *на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.* „Ибо природа научила ихъ тому и другому,—и тому, что Богъ есть Создатель всѣхъ, и тому, что должно бѣгать неправды и любить правду“ (Θеод.). *Нечестіе* означаетъ грѣхи противъ Бога: невѣріе, или неправое вѣрованіе, ложныя вѣры; а *неправда* означаетъ грѣхи противъ ближняго, когда не соблюдаютъ къ нему должныхъ отношеній: любви, мира, справедливости, всякаго вспоможенія. Но и нечестіе есть неправда: ибо что можетъ быть несправедливѣе, какъ не знать Бога, не почитать Его, Создателя своего, какъ должно, и не благодарить Его за жизнь и за все подаемое Имъ въ жизни? И неправда есть нечестіе; ибо Богъ повелѣлъ соблюдать всякую правду къ соестественнику своему, и кто не соблюдаетъ ея, тотъ идетъ противъ Бога, потому истинно есть не честивецъ.

Когда говоритъ св. Павелъ: *всякое нечестіе,* то „показываетъ, что путей нечестія много, а путь истины одинъ. Ибо зублужденіе есть нѣчто разнообразное, многовидное и смѣшанное, а истина одна“ (Св. Злат.). Этимъ словомъ Онъ подвергаетъ праведному суду Божію всѣ вѣры, измышленныя людьми, противныя здравому познанію о Богѣ. И *неправду* тоже разумѣетъ онъ всякую, т.-е. всякую несогласную съ волею Божіею и святыми заповѣдями Его жизнь. „Ибо неправды бываютъ разныя,—касаются или имѣній, когда въ этомъ обижаетъ кто ближняго, или женъ, когда бросивъ кто свою жену, расторгаетъ чужой бракъ. Иные вмѣсто жены и имѣнія похищаютъ честь ближняго; и это неправда, потому что доброе имя дороже огромнаго богатства“ (Св. Злат.). И не одно нарушеніе заповѣдей въ отно-

шеніи къ ближнему есть неправда, но и всякое неисполненіе того, что долженъ кто дѣлать для ближняго и не дѣлаетъ. И не помочь ближнему, когда видишь и можешь, есть неправда. Этимъ словомъ Апостолъ подвергаетъ суду Божію всякую грѣшную жизнь, въ какихъ бы видахъ ни являлась грѣшность ея.

Что значитъ: *содержащихъ истину въ неправдѣ?*—То, что знаютъ, а не исполняютъ; жизнь не отвѣчаетъ знанію; одно у нихъ въ умѣ и совѣсти, иногда и на словахъ, а другое—въ жизни и дѣлахъ, въ чувствахъ сердца и въ настроеніи воли. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что должно помнить Бога и благодарить Его, а между тѣмъ не помнитъ и не благодаритъ Его: тотъ содержитъ истину въ неправдѣ. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что не должно обижать ближняго, и напротивъ всячески благотворить ему, а между тѣмъ не только не благотворитъ, но и обижаетъ; тотъ содержитъ истину въ неправдѣ. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что не должно развратничать, только ѣсть, пить и веселиться, не помня о смерти, а между тѣмъ такъ живетъ: тотъ содержитъ истину въ неправдѣ.—И сія неправда во сто кратъ увеличивается, когда кто дѣлаетъ неправое въ то самое время, когда умъ и совѣсть претятъ ему и не велятъ того дѣлать. Истину содержащій въ неправдѣ тоже дѣлаетъ, какъ еслибы кто взялъ царскую дочь и отдалъ ее въ блудилище, или бы царскую порфиру драгоцѣнную затопталъ въ грязь. Въ семъ состоитъ хула на Духа Святаго, о которой Господь изрекъ страшное опредѣленіе—непрощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

б).

Показалъ св. Павелъ, на кого открывается гнѣвъ Божій съ небесе, показалъ это отвлеченно, изрекая законъ

правды Божіей. Теперь переходитъ къ дѣйствительности и указываетъ, кому придется подпасть подъ сей гнѣвъ. Съ сею цѣлію онъ обозрѣваетъ всѣхъ живущихъ на землѣ по ихъ отношенію къ правдѣ, чтобъ опредѣлительно сказать, что такіе-то содержатъ истину Божію въ неправдѣ, а такіе-то содержатъ ее въ правдѣ; и слѣдовательно тѣ гнѣву подпадутъ, а эти нѣтъ. Какъ тогда весь міръ въ религіозномъ отношеніи справедливо дѣлился на двѣ части—Іудеевъ и язычниковъ; то Апостолъ и испытываетъ тѣхъ и другихъ, какъ они содержатъ истину Божію. Что же находитъ? Находитъ, что ни тѣ, ни другіе не содержатъ истины Божіей въ правдѣ. О язычникахъ и говорить нечего; сами Іудеи свѣтомъ откровенія руководимые не лучше ихъ.—Итакъ слѣдуетъ теперь у Апостола разъясненіе, какъ—

аа).

Язычники содержатъ истину Божію въ неправдѣ.

1, 19—2, 16.

Начинаетъ съ язычниковъ потому, что если они окажутся безотвѣтными, то тѣмъ паче безотвѣтны будутъ Іудеи. Разъясняетъ же онъ сію ихъ безотвѣтность, обличая:

α) Нечестіе ихъ: знали Бога, но не какъ должно относились къ Нему,—19—23.

β) Неправду ихъ: знали какъ жить должно, а жили порочно и развращенно,—24—31.

Объяснивъ это Апостолъ прилагаетъ γ) потомъ наведеніе, насколько они въ слѣдствіе сего безотвѣтны, и сколько праведно будетъ осужденіе ихъ,—вставляя здѣсь и такія мысли, которыя служатъ переходомъ къ обличенію Іудеевъ 2, 1—16.—Итакъ—

α).

Язычники обличаются въ нечестіи.

19—23.

Ст. 19. *Зане разумное Божіе явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ.*

Приступая къ объясненію, какъ язычники содержатъ истину въ неправдѣ, св. Павелъ встрѣтилъ будто возраженіе: чтобъ обличить кого, что онъ содержитъ истину въ неправдѣ, надо доказать, что онъ зналъ ее, а язычники откуда могли знать истину, когда не имѣли откровенія? Почему и ставитъ на первомъ мѣстѣ утвержденіе, что язычники знали, что нужно было знать о Богѣ и волѣ Его. Это имъ Богъ открылъ своимъ образомъ.— *Разумное Божіе,*—то, что можно знать о Богѣ, что доступно въ Немъ уму человѣческому и постиженію, то *явь есть въ нихъ,*—явно среди ихъ, въ ихъ кругу, или —въ нихъ—внутри ихъ, въ сердцахъ ихъ. *Явь*—такъ, какъ то, что предъ глазами стоитъ. Когда что предъ глазами находится, то оно неотразимо видится, пока открытъ глазъ. Такъ Богъ неотразимо зрится душею. Глазъ тѣлесный можно закрыть, а душевнаго нельзя закрыть: онъ непрестанно смотритъ. Таково вѣдѣніе души о томъ, что есть Богъ что Онъ все сотворилъ и все содержитъ, и что должно исполнять волю Его, въ совѣсти изрекаемую. „Богъ вѣдѣніе о Себѣ вложилъ въ человѣковъ при самомъ ихъ рожденіи“ (Св. Злат.). Это и значитъ: *Богъ бо явилъ есть имъ.*

Кромѣ того Писаніе удостовѣряетъ, что первоначально въ раю Богъ училъ человѣка разуму; потомъ, по паденіи и изгнаніи изъ рая, неоднократно являлся Самъ и Ангеловъ посылалъ для возвѣщенія ему истиннаго вѣ-

дѣнія. Такъ было до потопа и послѣ потопа до столпотворенія и смѣшенія языковъ. Когда вслѣдствіе сего смѣшенія люди разселились по разнымъ мѣстамъ—всякой языкъ особо, тогда они понесли съ собою все, что было открыто роду человѣческому дотолѣ Богомъ и Ангелами Его. Такимъ образомъ языки знали о Богѣ и вещахъ божественныхъ не только изъ того, что въ душѣ ихъ напечатлѣно, но и изъ того, что Богъ потомъ особо открылъ и что, по преданію, переходило изъ рода въ родъ. Со временемъ источникъ преданія забытъ; и познанія сіи слились съ естественными. Все сіе въ совокупности Апостолъ указываетъ въ словахъ: *Богъ бо явилъ есть имъ.*

Но и это еще не все. Что говоритъ душа о Богѣ, то могло быть не услышано по причинѣ шума хлопотъ и заботъ человѣческихъ. Что шло путемъ преданія отъ лица самого Бога, то могло какъ-нибудь пресѣчься, или покрыться сомнѣніемъ. Почему, чтобы не дѣлалось неявнымъ среди языковъ *разумное Божіе*, Богъ раскрылъ предъ ними книгу природы, которой нельзя не читать, ибо она всегда предъ глазами, и въ которой Онъ предписалъ Себя и явилъ взору всѣхъ. „Онъ поставилъ предъ нами Свое твореніе, которое чрезъ одно созерцаніе красоты всего видимаго научало и мудреца и невѣжду, и скиѳа и варвара, возноситься мыслію къ Богу“ (Св. Злат.).

Ст. 20. *Невидимая бо Его отъ созданія міра творенъми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ.*

Невидимъ Богъ самъ въ себѣ, но Онъ ясно видится умомъ, при размышленіи о твореніяхъ, откуда онѣ, какъ устроились и явились въ такомъ дивномъ порядкѣ. То же подтверждаетъ Пророкъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Пс. 18, 1) (Св. Злат.). „Тварь и совершающееся

въ твари, смѣна годовыхъ временъ, перемѣна въ продолжительности дней, преемство дня и ночи, порожденіе облаковъ, вѣяніе вѣтровъ, плодоносіе растеній и сѣмянъ, и все иное сему подобное, даютъ намъ ясно разумѣть, что Богъ есть Творецъ всего и что Онъ премудро управляетъ кормиломъ твари. Ибо, сотворивъ все по единой благости Своей, никогда сотворенное Имъ не оставляетъ безъ попеченія" (Θеод.).

Въ Богѣ все невидимо—и божеское естество Его, и божественныя свойства Его какъ они есть, не для насъ только, но и для высшихъ духовъ. — Самыя дѣйствія Божіи невидимы. Еслибы былъ ты въ минуту творенія міра и смотрѣлъ, какъ все происходитъ, то видѣлъ бы только, что тварь за тварію являются на сцену бытія, образа же появленія сего не могъ бы видѣть. Пророкъ говоритъ: *рече и быша.* Но это *рече* не слышно для слуха чьего-либо,—это—внутреннее опредѣленіе воли Божіей всемогущей о бытіи твари: тварь и являлась. Явленіе сіе видѣлъ бы ты, а самое опредѣленіе Божіе не видѣлъ бы и не слышалъ. И теперь Богъ, создавшій міръ, держитъ его силою Своею, и онъ стоитъ. Что стоитъ, видимъ, а вседержительная сила Божія невидима для глаза.

Но для глаза все сіе невидимо; для ума же не можетъ быть невидимо, пока онъ не обуялъ. Слѣдъ бытія Своего, Своихъ божественныхъ свойствъ и присносущной силы Своей отпечатлѣлъ Богъ ясно на твореніи Своемъ. Не закрывай только очей ума, и не скашивай ихъ, и будешь видѣть. Какъ на снѣгу оставленный слѣдъ ясно показываетъ, кто проходилъ, человѣкъ или звѣрь; такъ ясно отпечатлѣнъ слѣдъ Божій на твореніи, обпій ли сдѣлаешь ему обзоръ, или вникнешь въ каждую тварь особо.

Отдались мысленно отъ нашей солнечной системы, и

смотри, какъ махаютъ вокругъ солнца эти огромныя тѣла, то по-одиночкѣ, то со спутниками бѣгущими вокругъ ихъ; смотри далѣе, какъ само солнце имѣетъ свое движеніе, — не вокругъ ли это своего солнца? и не въ сообществѣ ли со многими подобными себѣ солнцами?— Смотри не имѣетъ ли и это общее ихъ солнце само своего же солнца, вокругъ коего движется въ сонмѣ подобныхъ себѣ солнцевъ? и такъ далѣе,— пока наконецъ досмотришься, если только досмотришься, — до единаго общаго всѣмъ центральнаго солнца. Стань потомъ, обозри все это заразъ, пробѣгши мысленно съ востока на западъ, съ сѣвера на югъ, съ высшей точки до нисшей, и увидишь на этомъ необъятномъ пространствѣ, котораго предѣловъ и мысль опредѣлить не можетъ, хотя они есть, неисчетныя множествомъ тѣла, кои составя хоры движутся въ разнообразныхъ направленіяхъ одни вокругъ другихъ, пресѣкая свои пути, то отвѣсно, то подъ угломъ, идя то рядомъ, то поперекъ, то насупротивъ одно другому, и однакожъ не мѣшая другъ другу и не возмущая взаимно путей а движась въ стройныхъ сочетаніяхъ и соотношеніяхъ. Увидѣвъ все это, можешь ли удержаться, чтобъ не воззвать съ Пророкомъ: *дивна дѣла Твоя, Господи, и душа моя знаетъ зѣло. Исповѣмся Тебѣ, яко удивился еси?* (Пс. 138, 14). — И Ангелы не могли удержаться отъ хвалебныхъ восклицаній Творцу всяческихъ, когда въ первый разъ пущена была въ ходъ эта огромнѣйшая, многосложнѣйшая, премудро устроенная, неподвижно стоящая и живо движущаяся въ себѣ, машина, какъ самъ Богъ засвидѣтельствовалъ о нихъ, говоря у Іова: *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велiимъ вси Ангели Мои* (Iов. 38, 7). Подавляющее впечатлѣніе вынесъ изъ подобнаго созерцанія и св. Пророкъ Давидъ, исповѣдавъ: *Господи Господь нашъ! яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся*

великолѣпіе Твое превыше небесъ.—Яко узрю небеса—дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси, что есть человѣкъ, яко помнишіи его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? (Пс. 8, 2. 4).

Послѣ этого слабаго начертанія всякій можетъ понять, какимъ образомъ умъ, помышляя о твореніяхъ, не можетъ не узрѣть *присносущной силы Божіей* такъже ясно, какъ ясно видитъ кто тѣлесными глазами вещь, предъ нимъ находящуюся. Первое впечатлѣніе отъ созерцанія міра есть неотразимое сознаніе и исповѣданіе безпредѣльнаго всемогущества Божія, по коему Онъ столь необъятный міръ создалъ единымъ словомъ, и держитъ его единымъ хотѣніемъ Своимъ, и единымъ мановеніемъ воли Своей ведетъ его къ предназначенному концу.

Вникни въ творенія по частямъ и увидишь ясно отпечатлѣнными всюду непостижимую премудрость Божію и благость безпредѣльную, то, что Апостолъ означаетъ словомъ: *Божество.* Прямѣе этимъ означается вся совокупность свойствъ Божества, но изъ нихъ очевиднѣе для насъ премудрость и благость: премудрость въ устроеніи всякаго существа, благость въ окруженіи его всѣмъ потребнымъ для благобытія. И нѣтъ человѣка, который бы этого не видалъ и не исповѣдывалъ. Возьми снѣжинку, возьми цвѣтокъ, возьми крыло насѣкомаго, возьми глазъ — и стань разбирать, какъ все это устроено, и не надивишься премудрости сего устроенія. Посмотри далѣе: былинка травная прикрѣплена къ землѣ и двигаться не можетъ, но она находитъ нужное себѣ корнемъ въ землѣ и листьями въ воздухѣ и живетъ; маленькое насѣкомое на листѣ раждается, на листѣ и умираетъ, но тутъ же оно находитъ и все потребное для своей жизни: животныя раждаются слабыми дѣтенышами, но матерямъ ихъ вложена неотразимая забота о нихъ, не дающая имъ покоя, пока не воспитаютъ дѣтей. Кто окружилъ твари

такою попечительностію? — А о человѣкѣ, какъ много встрѣчаетъ онъ невѣдомо откуда исходящей попечительности о себѣ, что и говорить? - Все сіе и подобное не есть ли ясное зерцало безпредѣльной благости Божіей?

Не сила только Божія и божество видимы въ твореніяхъ Божіихъ, но и присносущіе Божіе, то, что когда все отъ Него, самъ Онъ ни отъ кого. Онъ—основа всего. Безъ Него все виситъ надъ бездною все-поглощающею. Общее сознаніе и чувство непосредственно исповѣдуетъ присносущіе Божіе, что Онъ отъ Себя есть и не быть не можетъ; и умъ разумный, ищущій основанія всему, тогда только успокоивается, когда доходитъ до убѣжденія въ присносущіи Божіемъ. Здравая часть человѣчества всегда почивала и будетъ почивать на этомъ убѣжденіи и вѣрованіи. Только больные умомъ теряютъ его, и на мѣсто его сплетаютъ положенія, несообразности которыхъ и несоизмѣримости съ дѣломъ, для объясненія котораго сплетаются, надивиться нельзя. Но такого рода отступленія отъ общей нормы вѣрованія и религіознаго сознанія никакъ не могутъ колебать той истины, которая выражается сею нормою.

Такъ всюду видимы *невидимая Божія,* „т.-е. Его творчество, промыслъ, правдивый о каждой вещи приговоръ и домостроительство всякаго рода. Потому недостойны извиненія имѣющіе столь строгихъ учителей и не извлекшіе никакой пользы изъ столькихъ уроковъ. Ибо сіе и присовокупилъ Апостолъ: *во еже быти имъ безотвѣтнымъ.* Ибо едва не вопіютъ самыя дѣла, что такіе не имѣютъ никакого оправданія къ освобожденію отъ угрожающихъ имъ золъ“ (Θеод.).

Богъ окружилъ людей такимъ множествомъ свидѣтельствъ о Себѣ для того, чтобъ они не могли не познать Его и не разумѣть. Если послѣ сего оказываются люди, не разумѣющіе Его, кто виноватъ? Никто какъ сами

Богъ все сдѣлалъ для сего; не уразумѣли по собственной винѣ. и въ оправданіе себя ничего представить не могутъ. Не та мысль у Апостола въ словахъ: *во еже быти имъ безотвѣтнымъ*, будто Богъ нарочно устроилъ все такъ, чтобъ подвергать людей безотвѣтному осужденію. Напротивъ—та, что Богъ все устроилъ, чтобъ люди не могли не познать и не уразумѣть Его, и тѣмъ избѣгнуть всякаго осужденія. Апостолъ изображаетъ полноту Божія руководства къ познанію Его, такъ что, если кто не познаетъ Его послѣ сего, не можетъ вину того возлагать на Бога: самъ виноватъ и виноватъ безотвѣтно. „Не для сей цѣли (т.-е. чтобъ сдѣлать безотвѣтными) сотворенъ міръ Богомъ, хотя это и случилось. Людямъ предложенъ сей урокъ (боговѣдѣнія отъ твари) не для того, чтобъ лишить ихъ извиненія, но для того, чтобы они познали Бога. Содѣлавшись же неблагодарными, они сами себя лишили всякаго извиненія.—Представь, что тотъ, кому ввѣрена царская казна и поручено издерживать оную для славы царя, истратитъ ее на блудницъ и чародѣевъ, содержа ихъ на царскія деньги,—какъ оскорбитель царскаго величія, понесетъ онъ наказаніе. Такъ и язычники, получившіе вѣдѣніе о Богѣ и славѣ Его, но приписавшіе оную идоламъ, поступили противъ сообщеннаго имъ вѣдѣнія, употребивъ оное не какъ слѣдовало“ (Св. Злат.). Кто потому не сочтетъ ихъ безответными?

Ст. 21. *Зане разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце.*

Высказалъ Апостолъ положеніе, что на содержащихъ истину въ неправдѣ опредѣленъ судъ Божій и кара Божія; потомъ объяснилъ, что язычники знали истину; теперь указываетъ, какъ они истину сію содержали въ неправдѣ. Въ немногихъ словахъ (ст. 21—23) очерчи-

ваетъ онъ весь ходъ ниспаденія людей отъ истиннаго боговѣдѣнія и богопочтенія къ идолопоклонству не со внѣшней стороны (исторически), а съ внутренней (психологически). Всѣмъ этимъ онъ установляетъ ту мысль, что идолопоклонство не первоначальная религія, какъ инымъ кажется, а есть плодъ ниспаденія съ высоты истинной религіи, по развращенію сердецъ и умовъ.

Зане,—поелику,—грамматически связывается съ непосредственно предыдущимъ (*безответны*), а по ходу мысли со всѣмъ, что сказано выше, и особенно съ держаніемъ истины въ неправдѣ, ибо слѣдуетъ указаніе именно того, какъ это сдѣлалось.

Разумѣвше Бога. Что разумѣли? Не только то, что есть Богъ, но и что Онъ есть, что Онъ Творецъ, все содержитъ и о всемъ промышляетъ, что должно покланяться Ему и во всемъ угождать, съ сознаніемъ отвѣтственности предъ Нимъ, и наконецъ, что по смерти будетъ судъ и воздаяніе всѣмъ за всѣ дѣла ихъ добрыя и злыя. Эти истины въ сердцѣ напечатлѣны, и нѣтъ народа, который бы не исповѣдывалъ ихъ. Бл. Θеодоритъ объясняя, что язычники разумѣли о Богѣ, говоритъ: „они, какъ сами свидѣтельствуютъ, познали, что есть Богъ, потому что всегда въ устахъ ихъ сіе достопоклоняемое имя“. Это свидѣтельство язычниковъ о себѣ самихъ св. Златоустъ видитъ въ признаніи ими боговъ. „Признакомъ того, что язычники знали Бога, Апостолъ поставляетъ то самое, что они признавали многихъ боговъ“. А Фотій у Экуменія утверждаетъ, что они знали не только то, что есть Богъ, но и то, „что Онъ есть, что подъ Нимъ разумѣть должно, именно, — что Онъ есть Творецъ и Промыслитель всеблагій, что есть Владыка всяческихъ, и что Его должно почитать.“

Разумѣя такъ Бога, язычники однакожь, *не яко Бога прославиша (Его) или благодариша.* „Не воспользовались

симъ знаніемъ, какъ надлежало“ (Св. Злат.). „Невосхотѣли имѣть о Немъ достойныхъ Его мыслей“ (Θеод.).

Прославлять Бога значитъ исповѣдывать Его безпредѣльныя совершенства и дивныя Его дѣла и соотвѣтственныя тому питать чувства благоговѣинства, любви, поклоненія, паденія во прахъ предъ Нимъ и преданности Ему. *Благодарить Бога* значитъ,— исповѣдуя, что и наше бытіе и все, что есть въ насъ и всѣ блага, намъ ниспосланныя, равно какъ и видимыя во всѣхъ тваряхъ, суть непосредственный даръ многопопечительной любви Божіей къ намъ и тварямъ, любви, обнимающей не настоящее только наше, но и будущее на нескончаемые вѣки,—питать къ Нему благодарныя чувства, съ готовностію Ему посвящать всю жизнь свою, стараясь всевозможно благоугождать Ему строгимъ исполненіемъ святой воли Его. То и другое выражаетъ религію сердца, какъ ей должно быть, главная черта которой богобоязненность, все направляющая къ богоугожденію и его имѣющая главною и господственною цѣлію.

Первая степень ниспаденія изъ сего состоянія есть богозабвеніе, когда выпадаетъ изъ сознанія пресвѣтлый и предивный ликъ Божества; Богъ забывается,—и помышленіе о Немъ когда-когда вспадаетъ на умъ. Вмѣстѣ съ симъ охлаждаются и религіозныя чувства къ Богу и страхъ Божій испаряется. Богъ превращается въ нѣчто мысленное и перестаетъ заправлять всѣми внутренними движеніями человѣка. Сердце уже не славитъ и не благодаритъ Бога, хотя языкъ читаетъ славословія и благодаренія. Богоугожденіе уже перестаетъ быть главною цѣлію жизни; на мѣсто этого выступаютъ другія цѣли и занимаютъ всего человѣка.—Богъ есть еще, но уже не славится и не благодарится, яко Богъ. Это самое и выразилъ бл. Θеодоритъ словами: „не восхотѣли имѣть

о Немъ достойныхъ Его мыслей",—или хранить должныхъ Ему сердечныхъ чувствъ и расположеній.

Но осуетишася помышленіи своими. Это вторая степень ниспаденія, образующаяся вмѣстѣ съ первою, то какъ слѣдствіе, то какъ причина ея Они взаимнопроизводительны и взаимноподдержательны. Осуеченіе помышленіями надо понимать такъ, какъ оно представлено Соломономъ въ Екклезіастѣ,—какъ преданіе себя заботамъ о благахъ земныхъ, кои не даютъ однакожъ благобытія, а только манятъ имъ къ себѣ, всегда обманывая всякія надежды. Отвратившись отъ Бога, обращаются къ тварямъ, и въ тѣхъ хотятъ найдти, что можетъ дать единый Богъ, хотятъ благобытіе свое устроить безъ Бога, сами своими силами и своими, подручными имъ, средствами. Объ этомъ вся забота, тутъ всѣ помышленія, всѣ планы и всѣ цѣли жизни, — т.-е. какъ устроить земное счастіе, чувственными услаждаясь благами. Отношеніе къ Богу соблюдается только внѣшно, дѣла благочестія исполняются по обычаю, безъ участія не только сердца, но и мысли. Все стало земля, земля, земля. И то не вразумляетъ, что испытывается постоянно обманъ. Суетливость продолжается безъ устали въ суетной надеждѣ, можетъ быть, еще достанемъ, чего ищемъ. Какъ извинить такой образъ дѣйствія?! — И Богъ чрезъ Іеремію въ осужденіе имъ сказалъ: *два зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя* (Іер. 2, 13).

И омрачися неразумное ихъ сердце. Третья степень ниспаденія—плодъ двухъ первыхъ—омраченіе внутренняго человѣка. *Сердце*—внутреннѣйшій человѣкъ, или духъ, гдѣ самосознаніе, совѣсть, идея о Богѣ съ чувствомъ зависимости отъ Него всесторонней, вся духовная жизнь вѣчно-цѣнная. Вмѣстѣ съ осуеченіемъ помышленій идетъ и омраченіе сего человѣка. Правила жизни устанавли-

ваются несогласныя съ совѣстію,—и совѣсть заглушается, страхъ Божій отходитъ и помышленіе о Богѣ не занимаетъ; вмѣстѣ съ этимъ и здравыя истины о Богѣ забываются и темнѣютъ, равно скрываются истинныя понятія и о самомъ человѣкѣ, о значеніи его и цѣляхъ его. Внутри водворяется полный мракъ. Да туда и не заглядываетъ осуеченный человѣкъ, и некогда, и непріятно. Онъ весь вовнѣ.

Ст. 22. *Глаголющеся быти мудри, объюродѣша.*

Четвертая степень ниспаденія,—подведеніе всего этого превратнаго порядка жизни подъ начала разума, и установленіе его, какъ единой должной нормы жизни, свойственной человѣку. Это есть верхъ безумія; но по ихнему, это верхъ мудрости. Такими сознаютъ себя сіи люди, такимъ титломъ величаютъ свои порядки и по нимъ составленныя воззрѣнія. Самомнѣніе и самонадѣянность есть отличительная черта сей мудрости: всего надѣется она отъ себя, отъ своихъ способовъ и отъ своего умѣнія. Экуменій пишетъ: „мудрыми они считали себя, полагая, что ихъ самихъ достанетъ на все“.—Св. Исаакъ Сиріанинъ такъ изображаетъ мудрость сихъ мудрецовъ: „Она именуется голымъ вѣдѣніемъ, потому что исключаетъ всякое Божественное попеченіе, и все попеченіе его (вѣдѣнія, или разума) о семъ только мірѣ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человѣкомъ, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Посему не Божію Промыслу приписываетъ оно управленіе міромъ, но все доброе въ человѣкѣ, спасеніе его отъ вреднаго для него, и естественное его остереженіе отъ затруднительнаго и отъ многихъ противностей, тайно и явно сопровождающихъ наше естество, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Таково понятіе о себѣ глумящагося вѣ-

дѣнія. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію; и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ міромъ. Впрочемъ не можетъ оно пребывать безъ непрестаннаго попеченія и безъ страха за тѣло, а потому овладѣваютъ имъ: малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь отъ людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость о болѣзни, попечительность въ скудости и недостаткѣ потребнаго, страхъ страданій и злыхъ звѣрей, и все прочее, сходное съ симъ и уподобляющееся морю, въ которомъ ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцевъ волны" (Сл. 26). Сколько самонадѣянія и самоувѣренности, столько же, или еще болѣе, трусости: и въ этомъ послѣднемъ—самое видное обличеніе буйства мудрости міра.—Св. Златоустъ такъ дополняетъ изображеніе сихъ лицъ: „мечтая о себѣ много и не восхотѣвши идти путемъ, какой предписанъ имъ Богомъ, они погрязли въ помыслахъ неразумія.—Кто въ безлунную ночь пускается идти неизвѣстною дорогою, или плыть по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но чаще губитъ себя. Такъ и язычники подверглись ужаснѣйшему кораблекрушенію, когда, предпринявъ идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, безтѣлеснаго ища въ тѣлахъ и неописуемаго въ образахъ." Въ этихъ послѣднихъ словахъ св. Златоуста—переходъ къ послѣдней степени ниспаденія въ идолопоклонство.

Ст. 23. *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ.*

Все доселѣ сказанное было только подготовленіе, или путь.—Чего наконецъ достигли?—Идолопоклонства. Вмѣсто живаго Бога истиннаго стали богомъ почитать истуканы человѣковъ и другихъ тварей.—Въ этомъ собственно и состояло ихъ объюродѣніе. Въ иныхъ отношеніяхъ они были не мало мудры, какъ показываютъ остатки отъ

городовъ Ниневіи, Θивъ и другихъ; но въ религіозномъ оказались совершенными юродами. И умудреніе въ первомъ отношеніи не только не закрываетъ и не ослабляетъ объюродѣнія во второмъ, но напротивъ отяжеляетъ его безотвѣтною виновностію въ извращеніи истины. Превозношенію ихъ своею мудростію мѣры не было, а тутъ противъ ней стоитъ дѣло крайне нелѣпое и ни съ чѣмъ несообразное, неразумное до послѣднихъ предѣловъ. „Это увеличиваетъ ихъ обвиненіе. Ибо называя себя мудрыми, дѣлами показали, что они неразумны“ (Θеод.).

И измѣниша. Отъ чего еще большей подлежатъ винѣ. *Измѣнили,*—слѣдовательно прежде имѣли другое. Если теперь, *измѣнивъ,* впали въ ложь, то, значитъ, прежде обладали истиною. *Славу Бога*—безпредѣльныя совершенства, которыя разными путями явилъ имъ въ себѣ Богъ, какъ прежде указано, особенно въ твореніи и промышленіи (Экум). *Нетлѣннаго*— или безсмертнаго, вѣчно живаго,—или невещественнаго, невидимаго, духовнаго. *Въ подобіе образа*—въ истуканъ, изображающій человѣка, или другое что. Фраза взята изъ псалма 105, 20 ст. Греки боготворили человѣческіе истуканы, а Египтяне—истуканы птицъ, четвероногихъ и гадовъ. Боготворили солнце, луну, звѣзды и другіе предметы тварные; но Апостолъ беретъ то, что тогда дѣлалось на глазахъ. *Измѣнили славу Бога*—можно иначе сказать такъ: Бога всесовершеннаго, вѣчно живаго Духа замѣнили истуканами, мертвыми и вещественными: эти грубые, мертвые, вещественные истуканы стали почитать богомъ, не представителями, или напоминателями о Богѣ, а самымъ Богомъ.

Непонятно, какъ могли дойдти до такого безумія, и притомъ послѣ того, какъ имѣли прежде истинныя понятія о Богѣ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ доказываетъ здѣсь,

что мудрость язычниковъ сама въ себѣ и внѣ всякаго сравненія есть юродство, одно обнаруженіе самохвальства. А дабы ты зналъ, что язычники имѣли знаніе о Богѣ, но сами погубили оное, Павелъ сказалъ: *измѣнища;* ибо измѣняющій, прежде нежели измѣнитъ, имѣетъ у себя нѣчто другое. Язычники хотѣли найти нѣчто большее, не удержались въ данныхъ предѣлахъ, за то и ниспали; ибо любили вводить новыя мнѣнія. Далѣе, усиливая обвиненіе, Апостолъ осмѣиваетъ идолослуженіе въ цѣломъ его составѣ. Если измѣнить только славу Божію само-по-себѣ чрезвычайно смѣшно, то измѣнить въ такія вещи совершенно неизвинительно. Разсуди же, во что измѣнили язычники, и чему воздали славу? О Богѣ надлежало представлять себѣ, что онъ Богъ, Господь всего; что Онъ сотворилъ несуществовавшихъ, что Онъ промышляетъ и печется. Въ семъ состоитъ слава Божія. Къ кому же приложили ее язычники? Не къ человѣкамъ, но къ *подобію образа тлѣнна человѣка.* Даже на семъ не остановились, но низошли до скотовъ, и до образовъ скотскихъ. И ты замѣть мудрость Павла, какъ онъ выставилъ двѣ крайности: Бога, Который выше всего,—и гадовъ, которые ниже всего, - или не гадовъ, а подобія гадовъ, дабы въ полномъ свѣтѣ показать безуміе язычниковъ. Познаніе, которое надлежало имѣть о существѣ безъ сравненія все превосходящемъ, приложили они къ предмету безъ сравненія всего презрѣннѣйшему... Діаволъ всѣми мѣрами старался низвесть людей до подобія гадовъ и самымъ несмысленнѣйшимъ тварямъ подчинить тѣхъ, которыхъ Богъ хотѣлъ возвести превыше небесъ.“

И безъ участія этого мудраго на зло дѣятеля нельзя объяснить происхожденіе идолопоклонства. Подготовку, то, какъ люди, низпадши отъ Бога въ самость и чувственность, стали жить въ богозабвеніи, такъ, какъ бы

не было Бога, можно еще объяснить развитіемъ прившедшей грѣховности, которую только раздувалъ и направлялъ отецъ грѣха: но какъ начали боготворить бездушныя вещи и истуканы, этого ничѣмъ не объяснишь кромѣ какъ тѣмъ, что—наткнулъ на это діаволъ. Дѣло шло такъ: стали забывать о Богѣ, осуетились, омрачилось сердце,—затмились здравыя понятія о Богѣ и о вещахъ Божіихъ, все вниманіе и заботы обращены на земное и житейское. Но того, что есть Богъ и что должно чтить Его, выбить не могли изъ сознанія. Мысль эта возвращалась, но вниманія къ ней не имѣлось. Она сама собою вмѣстѣ съ огрубѣніемъ и овеществленіемъ чувствъ и расположеній огрублялась и овеществлялась. При такомъ настроеніи приди вопросъ: что же есть Богъ? Онъ поразитъ нечаянностію, но потребуетъ рѣшенія. Пришелъ и рѣшили: вотъ боги твои! То солнце, то звѣзды, то животныя, то человѣкъ. Какъ не возвратились къ тому, что давало преданіе? Врагъ закрылъ ту сторону и наткнулъ на это. Согласились принять ради того, что симъ путемъ представляется удобнѣйшій способъ исполнять то, что требовалось сознаніемъ обязательныхъ отношеній къ Богу: стоитъ истуканъ,—воскури ѳиміамъ, — и правъ,—все сдѣлано. Для Бога же, о Коемъ свидѣтельствовало преданіе, этого не могло быть достаточно.

У Оригена, въ объясненіе явленія идолопоклонства, говорится, что язычники въ суетности своихъ помышленій, ища образовъ для Бога, потеряли истиннаго Бога. И Экуменій выражаетъ нѣчто подобное, когда говоритъ, что язычники заблудились, потому что взыскали въ очертаніи нѣкоемъ представить необъятнаго и въ образахъ тѣлесныхъ безтѣлеснаго.

Ходъ ниспаденія отъ Бога одинъ и тотъ же и нынѣ, какъ тогда. Разность въ томъ, что тогда совсѣмъ безъ Бога остаться не могли, а нынѣ на это смѣло дерзаютъ.

Состояніе тѣхъ изъ живущихъ нынѣ, которые долго живутъ въ богозабвеніи, не имѣя Бога ни въ мысли, ни въ чувствѣ, такое же, какъ оно всегда было и будетъ. Безъ того, чтобъ не приходила мысль о Богѣ и не требовала рѣшенія, обойтись нельзя. Наши смѣло рѣшаютъ: нѣтъ Бога. Они правы въ томъ отношеніи, что нѣтъ Его въ ихъ мысляхъ и чувствахъ, и что не умѣютъ они видѣть Его въ дивныхъ дѣлахъ Его. Но кто можетъ согласиться, что ихъ рѣшеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Сказать: нѣтъ Бога, не большее ли есть безуміе, чѣмъ сказать камню: ты мой Богъ?!

Объяснилъ Апостолъ, какъ язычники дошли до того, что стали содержать истину Божію въ неправдѣ, ниспадши въ идолопоклонство. Теперь приступаетъ къ изложенію того, какими вмѣстѣ съ тѣмъ, или въ слѣдствіе того, стали они въ нравственномъ отношеніи, или какъ содержали они въ неправдѣ и нравственную истину.

β.

Язычники обличаются въ неправдѣ.

24—32.

Съ потерею и извращеніемъ вѣры и благочестія шли въ рядъ извращеніе должнаго характера жизни и потеря добрыхъ нравовъ: αα) предались чувственности, 24—27; а ββ) затѣмъ стали чинить всякую неправду, 28—31.

αα.

Предались чувственности.

24—27.

Ст. 24. *Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту, во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ.*

Тѣмже—вслѣдствіе того; поелику они такъ нечество-

вали предъ Богомъ, то Богъ и *предаде ихъ.—Предаде,*— не понудительно и противъ воли ихъ, такъ что они, хотѣли ль того или не хотѣли, должны были ниспасть въ такую грубую жизнь; но потому, что они сами хотѣли и съ неудержимостію къ тому стремились. Когда дитя на рукахъ матери рвется отъ ней, ботая и руками и ногами, то мать, спуская его съ рукъ, дѣлаетъ только то, чего хотѣлось дитяти, хотя и видитъ, что это хуже для него. Такъ поступилъ и Богъ: рванулись отъ Него люди, и вмѣсто угодной Ему жизни стали предаваться чувственности; и Богъ предалъ ихъ возжеланной ими жизни, оставилъ ихъ идти избраннымъ ими путемъ; ибо не хотѣлъ стѣснять данной имъ при сотвореніи свободы, а только не несвидѣтельствована Себе и законъ Свой оставилъ, въ твореніяхъ и въ совѣсти.

Такъ слово *предаде* понимаютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „Слово *предаде* значитъ здѣсь: попустилъ. Какъ предводитель воинства, оставивъ начальство и удалившись во время продолжающагося сраженія, предаетъ воиновъ врагамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей помощи, такъ Богъ не восхотѣвшихъ принять Его внушеній и самовольно отъ Него отпадшихъ оставилъ послѣ того, какъ употребилъ съ Своей стороны все, что было можно. И разсуди: Богъ предложилъ людямъ вмѣсто урока міръ, даровалъ имъ разумъ и разсудокъ, способный постигать правое; но они ничѣмъ тѣмъ не воспользовались для своего спасенія, а напротивъ превратили все, что получили. Что же дѣлать? Влечь ли ихъ силою и по неволѣ? Но это не значило бы сдѣлать ихъ добродѣтельными. И такъ надлежало ихъ оставить, что Богъ и сдѣлалъ, дабы люди, извѣдавъ опытомъ все, къ чему такъ сильно стремились, сами наконецъ бѣжали позора Если царскій сынъ къ безчестію отца начнетъ жить съ ворами,

убійцами, грабителями мертвыхъ, и общество такихъ людей предпочтетъ отцовскому дому; то отецъ конечно оставитъ его, дабы собственнымъ опытомъ могъ онъ убѣдиться въ непомѣрной своей глупости.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*предаде* — попустилъ. Богъ, увидѣвъ ихъ непожелавшими, чтобы тварь возводила ихъ къ Творцу, и чтобы самимъ чрезъ различіе помысловъ въ дѣлахъ своихъ избирать лучшее, а избѣгать худшаго, лишилъ ихъ Своего промышленія, попустилъ имъ носиться, подобно неоснащенной ладьѣ. не восхотѣвъ управлять впадшими въ крайнее нечестіе, которое породило и беззаконную жизнь.“

Въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту. Предалъ ихъ Богъ въ *нечистоту,*—срамнымъ плотскимъ грѣхамъ,—*въ похотѣхъ сердецъ ихъ,* т.-е не понудительно столкнулъ ихъ въ эту пропасть, а попустилъ имъ туда низринуться, потому что сами они воспохотствовали того, всѣмъ сердцемъ возжелали, вседушно предались похотному сластолюбію. Похоже однакожь на то, что это есть и наказаніе за нечестіе, какъ неизбѣжное его слѣдствіе. Есть законы правды Божіей—естественные, которые караютъ виновныхъ по естественному теченію дѣлъ, какъ напримѣръ: разстройство здоровья отъ пьянства есть наказаніе за пьянство, естественнымъ путемъ постигающее. Шелъ бы кто по твердой дорогѣ, окруженной трясиною. Если онъ самъ соступитъ съ твердой дороги, то погрузится въ трясину самъ же собою, безъ воздѣйствія на его погруженіе сторонняго лица. Такъ случилось и съ погруженіемъ язычниковъ въ похотную срамную жизнь. По назначенію человѣка въ сотвореніи, ему надлежитъ жить духомъ въ Богѣ, чтобы духъ, чрезъ жизнь въ Богѣ пріемля свойственную ему силу, властвовалъ надъ душею и тѣломъ и правилъ ими. Условіе такого нормальнаго состоянія или такой силы духа —

то, чтобы человѣкъ духомъ жилъ въ Богѣ. Коль же скоро отпадаетъ онъ отъ Бога и начинаетъ нечествовать, духъ его теряетъ силу, и не только не властвуетъ надъ душею и тѣломъ, но подпадаетъ въ рабство имъ, служа имъ въ похотяхъ ихъ. Такъ какъ жизнь наша направляется наиболѣе исканіемъ пріятнаго, послѣ того какъ потеряетъ она исканіе достодолжнаго,—пріятное же чувственное сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и влечетъ: то, за ниспаденіемъ духа отъ Бога и обезсиленіемъ его, чрезъ то естественно слѣдуетъ жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, и какъ изъ этихъ удовольствій слаще всѣхъ удовольствіе похоти плотской,—жизнь похотная. За ослабленіемъ вѣры и благочестія всегда слѣдовало и слѣдуетъ разліяніе блуда, въ разныхъ нерѣдко самыхъ срамныхъ видахъ. На основаніи сего преданіе язычниковъ въ похотяхъ сердецъ ихъ въ нечистоту можно назвать наказаніемъ естественнымъ, и какъ законы естества отъ Бога,—Божіимъ наказаніемъ.

Оригенъ, объясняя, почему за нечестіемъ послѣдовала жизнь плотская, говоритъ: „часто въ Писаніяхъ находимъ, что человѣкъ состоитъ изъ духа, души и тѣла. Но когда говорится, что *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть* (Гал. 5, 17), то очевидно душа полагается въ срединѣ, или устремляющеюся къ требованіямъ духа, или склоняющеюся къ похотямъ плоти. Когда она связывается съ плотію, то становится едино съ нею въ похоти и сластолюбіи; а когда вступаетъ въ общеніе съ духомъ, то бываетъ съ нимъ единъ духъ. Посему-то о тѣхъ, души которыхъ всецѣло связались съ плотію, Господь говоритъ въ Писаніи: *не имать духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3); а о тѣхъ, которыхъ душа содружилась съ духомъ, Апостолъ говоритъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. 8, 9). У того и другаго

рода жизни есть свои покровители и помощники. Когда плоть похотствуетъ на духа, ей покровительствуетъ діаволъ и ангелы его, всѣ духи нечистые, и всѣ, противъ кого слѣдуетъ вести брань человѣку, начала, власти и заправители тьмы вѣка сего. Напротивъ, когда духъ старается властвовать надъ плотію и душу человѣческую, посредѣ стоящую, къ себѣ привлечетъ,—помогаютъ и благопріятствуютъ ему всѣ оные ангелы, о коихъ сказалъ Господь: *яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѳ. 18, 10),—и Апостолъ: *не вси ли суть служебніи дуси въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14). Благопріятствуетъ и Самъ Господь, душу Свою положившій за овцы Своя (Ін. 10, 15). Вотъ какъ бываетъ, что когда душа, познавши Бога, не какъ Бога Его прославляетъ, или благодаритъ, но осуечается въ помышленіяхъ своихъ и измѣняетъ *славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ*, и во всемъ уклоняется къ плоти, и къ тѣмъ, кои благопріятствуютъ похотямъ плотскимъ; то она бываетъ оставляема тѣми, кои своимъ вліяніемъ возбуждали и воодушевляли ее сочетаваться съ духомъ, и предаема похотямъ сердца ея, въ коихъ она вся прилѣпляется къ плоти. Ибо не стать же влеци ее насильно къ тому, что она отвергаетъ и отъ чего бѣжитъ. Если это еще не такъ ясно, поясню это сравненіемъ. Представимъ себѣ жилище, гдѣ съ тѣломъ и духомъ, какъ съ какими-либо совѣтниками и сообщниками, обитаетъ душа; внѣ же сего жилища стоятъ съ одной стороны (со стороны духа) благочестіе и всѣ добродѣтели съ нимъ, а съ другой (со стороны тѣла)—нечестіе и всѣ виды похотей и грѣховъ плотскихъ,—стоятъ и ждутъ мановенія души какой изъ двухъ совнѣ наблюдающихъ за ея движеніями хоровъ пожелаетъ она ввести къ себѣ, и какой отогнать. Если,

лучшему послѣдуя совѣтнику, покорится она духу и призоветъ къ себѣ хоръ благочестія и чистоты,—не отступитъ ли тотъ другой, какъ презрѣнный и отверженный? Если же она, склонясь на внушенія плоти, введетъ къ себѣ толпу нечестія и похотей, то конечно все то содружество святости и благочестія, которому она предпочла совѣтъ злыхъ, отступитъ отъ ней съ праведнымъ негодованіемъ, оставляя ее похотямъ сердца ея, чтобъ безчестіемъ и срамотами осквернилось тѣло ея въ себѣ самомъ."

Во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самыхъ.— Сквернится тѣло при беззаконномъ сожительствѣ. Но здѣсь соединяется мущина и женщина. Апостолъ говоритъ о скверненіи тѣлъ удовлетвореніемъ похоти безъ этого соединенія, и обличаетъ его, какъ дѣло неестественное и срамное. Это есть крайнее ниспаденіе въ похотствованіе, обезумленіе отъ него. Плотское возбужденіе само-по-себѣ ничего грѣшнаго не имѣетъ. Оно дано вмѣсто проводника къ дѣторожденію для распространенія и сохраненія рода, и въ естественномъ порядкѣ престаетъ вмѣстѣ съ исполненіемъ сего назначенія животнаго организма. Видимъ у животныхъ, что у нихъ это дѣло исполняется однажды въ годъ. Потомъ они успокоиваются и никакой тревоги съ этой стороны не испытываютъ, какъ исполнившіе долгъ естества. Въ людяхъ видится безпорядочность возбужденія плотскаго и похотствованіе непрестающее, даже помимо того возбужденія. Отъ чего это? Видимо, что здѣсь порядокъ естества извращенъ. Чѣмъ и какъ? Тѣмъ, что душа ниспала въ плоть, сочеталась съ нею во едино, и ея потребности восприняла въ себя, какъ бы онѣ были ея собственныя потребности. Восприняла она и плотскую потребность, превративъ ее въ похотѣніе. Потребность не можетъ непрестанно дѣйствовать, а только когда возбуждается,

и бывъ удовлетворена, престаетъ. Похотѣніе, какъ дѣло души, всегда дѣятельной, можетъ возвращаться поминутно и тревожить душу. Душа, присвоившая себѣ сіе похотѣніе, ищетъ удовлетворенія ему въ соотвѣтственныхъ сластяхъ, какъ бы это было ея собственное естественное желаніе. При этомъ потребность тѣла и назначеніе ея выпадаютъ изъ вниманія: имѣется въ виду одна похотная сласть и ея удовлетвореніе помимо готовности къ тому тѣла. Еслибъ можно было удовлетворить такое похотѣніе безъ тѣла, душа и на то рѣшилась бы. Но какъ нельзя, то она безъ разбора бросается на всякаго рода тѣла, лишь бы сласть была. Отсюда всѣ плотскіе грѣхи, въ самыхъ срамныхъ видахъ, — слѣдствіе одуренія похотію или маніи похотной. Въ словахъ Апостола, что язычники, въ похотяхъ сердецъ ихъ преданы въ нечистоту, чтобъ сквернiться тѣламъ ихъ въ себѣ самихъ,—вопервыхъ обличается рабство похотѣнію съ совершеннымъ погрязновеніемъ въ него, — вовторыхъ удовлетвореніе похоти въ одномъ своемъ тѣлѣ, при чемъ собственно и сквернится тѣло въ себѣ самомъ. Это кажется имѣлъ въ виду бл. Θеофилактъ: „язычники преданы нечистотѣ собственнымъ непотребствомъ, такъ что не было надобности въ другихъ, которые бы оскорбляли ихъ (срамотою), но они сами себѣ причиняли оскорбленіе (осрамленіе); ибо таковы нечистыя страсти тѣ.“ По связи же рѣчи съ послѣдующимъ (ст. 26, 27) видно, что онъ указываетъ здѣсь и на удовлетвореніе похоти женщины съ женщиною, мущины съ мущиною.

Ст. 25. *Иже премѣниша истину Божію во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца, иже есть благословенъ во вѣки, аминь.*

Снова поминаетъ объ ихъ нечествованіи противъ Бога, чтобъ сильнѣе напечатлѣть убѣжденіе, что такое нравственное униженіе было слѣдствіемъ ихъ нечестія, го-

воря какъ бы: и по дѣломъ имъ: это имъ за то, что истину Божію премѣнили во лжу. Можно и такъ: вотъ какъ низко пали тѣ, которые въ гордости ума своего дерзнули презрѣть истиннаго Бога и замѣнить Его ложными богами. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „за что же преданы они нечистотѣ? За то, что оскорбили Бога, ибо кто не хочетъ знать Бога, тотъ тотчасъ развращается и въ нравственности, какъ и Давидъ говоритъ: *рече безумень: нѣсть Богъ*,—потомъ *растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1). Они измѣнили то, что поистинѣ принадлежало Богу, и приложили это къ ложнымъ богамъ.“

Премѣниша истину Божію во лжу, т.-е. истину о Богѣ, что Онъ есть Духъ, вѣчно живый, невидимый, нетлѣнный, замѣнили ложью, начавъ думать, что рукотворенный идолъ или другая какая тварь есть Богъ (Экум.). Или слова сіи можно переложить такъ: истиннаго Бога замѣнили ложными. Такъ бл. Θеодоритъ: „*истиною Божіею* называетъ Апостолъ имя: Богъ, а ложью рукотвореннаго идола. Они должны были покланяться истинному Богу, а воздавали божеское чествованіе твари.“—Или потому такъ сказалъ, что „Богъ истинно есть Богъ, а идолы, коимъ покланялись, ложно именовались богами“ (Севиріанъ у Экум.).

И почтоша и послужиша твари паче Творца. Вотъ въ чемъ состояло премѣненіе истины Божіей во лжу, или, какъ выше сказано, содержаніе истины въ неправдѣ! Вмѣсто Творца, явно о себѣ свидѣтельствовшаго, тварь почтили и ей послужили. *Почтоша* поставлено вмѣсто: воздавали честь; *и послужиша*—вмѣсто: „оказывали служеніе дѣлами; ибо λατρεία означаетъ честь оказываемую на дѣлѣ“ (Θеоф.). Нечестіе было не внѣшнее только, но и внутреннее. И упованіе, вмѣсто Бога, на тварь возлагали, и страхъ къ ней, вмѣсто страха Божія, пріяли. Тварь стала какъ настоящій Богъ.

Паче Творца, - не вмѣсто только Творца, но и паче, какъбы такъ: прежде, когда слѣдовали истинѣ, Творцу Богу истинному такъ не служили, какъ теперь служатъ твари. Этимъ сопоставленіемъ Апостолъ усиливаетъ обличеніе. „И замѣть, какъ выразилъ онъ свою мысль. Сказалъ не просто: *послужиша твари*, но присовокупивъ: *паче Творца*, дабы сколько можно увеличить вину язычниковъ, и такимъ присовокупленіемъ лишить ихъ всякаго извиненія“ (Св. Злат.).

Иже есть благословенъ во вѣки, аминь. Не удержался Апостолъ, чтобы къ воспоминанію о Богѣ не приложить славословія Ему—знакъ всегда присущаго въ душѣ страха Божія и сердечнаго благоговѣйнства предъ Нимъ. Или потому сіе сдѣлалъ, чтобъ духъ свой, будто осквернённый воспоминаніемъ о нечестіи языческомъ. очистить и освятить снова славословіемъ Бога истиннаго. Такъ, въ житейскомъ быту спѣшатъ провѣять комнату свѣжимъ воздухомъ, когда привтечетъ туда какъ-нибудь зловоніе. И та можетъ быть здѣсь мысль: они такъ нечествовали, но Богъ все же пребываетъ благословенъ во вѣки. Св. Златоустъ говоритъ: „но сіе (премѣненіе истины Божіей во лжу) не повредило славѣ Божіей, говоритъ Павелъ, потому что Богъ благословенъ во вѣки. Симъ Апостолъ даетъ разумѣть, что Богъ не мстилъ за Себя язычникамъ, когда оставилъ ихъ, такъ какъ Самъ Онъ ничего не потерпѣлъ. Если язычники и оскорбляли Его; слава Его не умалилась, напротивъ всегда пребываетъ Онъ благословеннымъ “ Это и въ наше время можно напомнить нечествующимъ: Богъ всегда пребываетъ Богомъ благословеннымъ во вѣки, какія лжи ни сплетали бы вы въ отношеніи къ Нему. Вредъ весь падаетъ на васъ самихъ. Кто о скалу ударяетъ лбомъ, чтобъ раздробить ее, не скалѣ вредитъ, а свою голову разбиваетъ. Такъ

и нечествующіе въ своихъ мудрованіяхъ противъ Бога, не Божію умаляютъ славу, а себя самихъ губятъ.

Ст. 26. *Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ презъестественную.*

Сего ради—за это-то и предалъ ихъ Богъ соотвѣтственному униженію. Не почтили Бога, и Онъ предалъ ихъ страстямъ, ихъ безчестящимъ: не послужили они Богу, Который есть по естеству Богъ, и Онъ предалъ ихъ противоестественнымъ срамотамъ. „Беззаконіе соотвѣтствовало злочестію Ибо какъ *истину Божію премѣниша во лжу,* такъ и законное употребленіе пожеланія обратили въ беззаконное“ (Θеод.). Напечатлѣть хочетъ Апостолъ убѣжденіе, что нечестіе противъ Бога само въ себѣ носитъ наказаніе, тотчасъ низвергая нечествующаго въ крайнее нравственное растлѣніе. Когда Бога оставляютъ, тогда и Богъ оставляетъ. „Но когда Богъ оставляетъ, тогда все приходитъ въ безпорядокъ. Посему у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но и жизнь діявольская“ (Св. Злат.). „Опять называетъ преданіемъ оставленіе Богомъ, происшедшее отъ того, что они служили твари. Какъ въ ученіи о Богѣ они развратились, оставивъ руководство творенія: такъ и въ жизни сдѣлались гнусны, оставивъ естественное удовольствіе (которое всего удобнѣе и пріятнѣе) и предавшись удовольствію противоестественному (которое всего затруднительнѣе и непріятнѣе)“ (бл. Θеоф.).

Эта общая мысль выясняется за тѣмъ примѣрами страстей безчестія между женщинами и далѣе между мущинами.

Между женщинами происходило нѣчто непонятное: они измѣнили естественную подобу,—χρῆσιν, употребленіе, въ такое, которое было παρὰ φυσιν, помимо естества. Удовлетвореніе плотскаго возбужденія чрезъ законнаго мужа—была естественная подоба. Вмѣсто этого они

придумали что-то другое, чрезъ что удовлетвореніе происходило помимо естества. Если истолковывать это сравненіемъ съ тѣмъ, что было у мущинъ, то это было какое-то удовлетвореніе похоти у женщинъ чрезъ женщинъ. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, какъ Апостолъ и здѣсь лишаетъ возможности къ извиненію. Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что дошли до того, не имѣя случая къ законному соитію, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своему похотѣнію. Ибо измѣнять можетъ только имѣющій. Могли имѣть удовольствіе сообразное съ природою, которымъ можно наслаждаться съ большею свободою. и притомъ безъ стыда. Но они не захотѣли сего и, нарушивъ уставы естества, содѣлались вовсе неизвинительными. Безчестнѣе же всего то, что женщины изобрѣли такія соитія, которыхъ имъ надлежало стыдиться болѣе, нежели соитія съ мущинами. И въ семъ случаѣ должно подивиться благоразумію Павла. Онъ хотѣлъ и выразиться благопристойно, и сильнѣе дать почувствовать слушателю. А сіе-то и невозможно было. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателей; а дабы сильнѣе поразить ихъ, надлежало представить дѣло во всей ясности и наготѣ. Но разумная и святая душа Павла успѣла въ томъ и другомъ; имя естества усилило обвиненіе, и послужило какъ бы нѣкоторымъ покровомъ для благопріятности рѣчи.“

Ст. 27. *Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга, мужи на мужехъ студъ содѣвающе, и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще.*

„Высказавъ прикровенно о женщинахъ нѣчто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говоритъ о мущинахъ, что они *разжегошася другъ на друга,* показывая, что они предались сладострастію и неистовой любви“ (Θеоф.).

„Замѣть, какія сильныя выраженія употребляетъ Апостолъ. Не сказалъ, что они питали взаимную любовь и вожделѣніе; но что *разжегошася похотію своею другъ на друга*. Видишь ли, что все произошло отъ неистоваго вожделѣнія, которое не любитъ держаться въ должныхъ предѣлахъ? Ибо всякій, преступающій законы постановленные Богомъ, питаетъ вожделѣніе къ несродному и незаконному. Такъ язычники воскипѣли сею беззаконною любовію. И если спросишь: отъ чего такая стремительность вожделѣнія? За беззаконіе, за то, что сами оставили Бога. *Мужи на мужехъ студъ содѣвающе. Содѣвающе* говоритъ, показывая, что они совершали грѣхъ на самомъ дѣлѣ, и непросто совершали, но съ ревностію. Не сказалъ также: вожделѣніе, но ясно: *студъ:* потому что поругали природу, попрали законъ“ (Св. Злат.).

„Смотри, какое большое замѣшательство произошло съ обѣихъ сторонъ (въ мущинахъ и женщинахъ). Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сдѣлались врагами себѣ самимъ и другъ другу; открыта жестокая брань въ разныхъ видахъ и съ разныхъ сторонъ,—брань, которая беззаконнѣе всякаго междоусобія; она раздѣлена на четыре рода, которые всѣ суетны и преступны. Такъ не двухъ и трехъ, но четырехъ родовъ происходила у нихъ брань. Разсуди самъ. Двоимъ, разумѣю жену и мужа, надлежало составлять одно, какъ сказано: *будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). А сіе производилось склонностію жить не поодиночкѣ (не особо другъ отъ друга); но взаимно сопрягались оба пола. Діаволъ, истребивъ сію склонность и давъ ей иное направленіе, раздѣлилъ между собою полы и вопреки закону Божію изъ одного цѣлаго сдѣлалъ двѣ части. Хотя Богъ сказалъ: *будета два въ плоть едину,* но діаволъ единую раздѣляетъ на двѣ. Вотъ первая брань! Опять каждая изъ сихъ двухъ частей начала брань, какъ одна

съ другою, такъ и сама съ собою. Ибо женщины наносили поруганіе не только мущинамъ, но и женщинамъ; а мущины возставали другъ на друга и на женскій полъ, какъ бываетъ въ военной суматохѣ ночью. Видишь ли вторую и третію брань, четвертую и пятую? Но вотъ и еще брань! Они сверхъ сказаннаго возстали на самую природу. Діаволъ видѣлъ, что самое вожделѣніе всего болѣе соединяетъ полы; посему старался разорвать сей узелъ, дабы не только противозаконнымъ разсточеніемъ сѣмени пресѣчь родъ человѣческій, но истребить, вооруживъ людей другъ противъ друга“ (Св. Злат.).

И возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ пріемлюще.—Возмездіе,—воздаяніе, и, какъ воздаяніе за грѣхъ,—наказаніе.—*Еже подобаше прелести ихъ.* Прелесть, πλάνη, заблужденіе. — то, что уклонились отъ истины Божіей и измѣнили ее во лжу. Наказаніе, которое слѣдовало получить имъ за такое нечестіе, они въ себѣ самихъ получали, получали въ самомъ униженіи и посрамленіи естества своего. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „они получали возмездіе за отступленіе отъ Бога и идолопоклонническое заблужденіе въ этомъ самомъ срамѣ и въ этомъ самомъ самоуслажденіи, имѣя въ немъ, какъ противоестественномъ и полномъ нечистоты, наказаніе для себя.“— При наказаніи обыкновенно бьютъ; а они безъ боя сами себя больнѣе наказывали, чѣмъ бы истязалъ ихъ какой-нибудь злодѣй. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „какъ не покусился бы поступить съ ними ни одинъ изъ враговъ, то возлюбили они со всѣмъ усердіемъ,—и сами на себя навлекли наказаніе, къ которому не приговорилъ бы ихъ ни одинъ судья.“ Объяснивъ это мѣсто, св. Златоустъ прилагаетъ усовѣщиваніе, чтобы отстали отъ такихъ неестественныхъ срамныхъ дѣлъ виновные въ нихъ. Выразивъ мысль Апостола, что обезчещеніе естества такими дѣлами есть для дѣлающихъ ихъ наказаніе, онъ

будто слышалъ возраженіе: что за наказаніе, когда не чувствуютъ, а сами бросаются на него? — и отвѣчаетъ: „Не дивись, что они не чувствуютъ того, а услаждаются. Бѣшеные и страждущіе помѣшательствомъ ума, сами себя мучая и находясь въ жалкомъ положеніи, смѣются и забавляются тѣмъ, хотя другіе о нихъ плачутъ. Нельзя назвать и тѣхъ не наказываемыми а напротивъ въ томъ, что они не знаютъ своего положенія, должно видѣть жестокость наказанія, и т. д.“

33).

Язычники стали чинить всякое беззаконіе, и всякую неправду.

28—31.

Ст. 28. *И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, (сего ради) предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная.*

Ниспали въ чувственность крайнюю и огрубѣли; всѣ высшія стремленія духа и требованія правды и любви заглохли; самость взяла верхъ надъ всѣмъ и никакого закона знать не хотѣла, кромѣ самоугодія въ похотяхъ, своихъ интересовъ и своей гордости. Отсюда распложеніе всякихъ пороковъ, не какъ случайныхъ дѣяній, а какъ постоянныхъ порядковъ жизни. Но какъ источникъ и этого нравственнаго развращенія тотъ же — забвеніе Бога и извращеніе истинныхъ о Немъ понятій, то Апостолъ и ставитъ сіе впереди.

Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ. Имѣть Бога въ разумѣ значитъ и памятовать о Немъ, содержать Его въ умѣ и въ сознаніи, съ соотвѣтственными тому религіозными чувствами и расположеніями, и имѣть о Немъ здравыя понятія, истинно о Немъ умствовать, истинное содержать исповѣданіе вѣры. Ἐν ἐπιγνώσει, — можетъ означать то и другое. Язычники сначала, по при-

чинѣ осуеченія, стали забывать Бога, а забывая омрачаться и въ понятіяхъ о Немъ. Омрачавшіяся понятія рождали еще большее богозабвеніе, а большее богозабвеніе вело еще къ болѣе неправымъ о Немъ понятіямъ.

Не искусиша, — οὐκ ἐδοκίμασαν, не искусились, не сумѣли, даже болѣе, — не дѣлали опытовъ, не старались, не поставляли сего цѣлію своей жизни,—того т.-е., чтобъ помнить о Богѣ и заботиться объ угожденіи Ему, и чтобъ истинное хранить о Немъ вѣдѣніе.

Сего ради предаде ихъ Богъ.—Опять *предаде.* Сначала предалъ ихъ похотямъ сердецъ (—24), потомъ въ страсти безчестія (—26), а здѣсь—въ неискусенъ умъ творити неподобная. Какая постепенность ниспаденія! Она шла естественнымъ порядкомъ, но какъ и этотъ порядокъ низвращенія коренится въ законахъ естества, кои отъ Бога: то Апостолъ прямо относитъ его къ Богу, какъ къ непосредственно дѣйствующей причинѣ, или карающему правосудію Его. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „Вотъ въ третій разъ повторяетъ туже мысль и употребляетъ тоже слово, говоря: *предаде,* а причиною того, что они оставлены Богомъ, вездѣ представляетъ нечестіе людей, какъ и теперь поступаетъ. Оскорбленіе, говоритъ, причиненное Богу, было не грѣхомъ невѣдѣнія, но намѣреннымъ. Ибо не сказалъ: поелику не познали, но говоритъ: *якоже не искусиша,* т.-е. рѣшили не имѣть Бога въ разумѣ и добровольно избрали нечестіе. Значитъ, грѣхи ихъ суть грѣхи не плоти, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики (не тѣла, не вещественнаго организма, какъ думали Манихеи), но неправильныхъ сужденій. Сначала они отвергли познаніе Бога, а потомъ уже Богъ попустилъ имъ вдаться въ превратный умъ; ибо отвращеніе Бога и оставленіе Имъ называется въ Писаніи преданіемъ. Богъ предалъ ихъ. Почему? Потому что они не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что

не разсудили и не рѣшили познать Его.“ „Ибо если бы восхотѣли знать Его, продолжимъ словами Ѳеодорита, то послѣдовали бы божественнымъ законамъ. Но поелику отреклись Творца, то совершенно лишились Его промышленія; а потому небоязненно отважились на пороки разнаго рода.“

Предаде въ неискусенъ умъ творити неподобная. Неискусный умъ, неумѣющій дѣйствовать достодолжно, и вслѣдствіе сего, такъ какъ онъ не дѣйствовать не можетъ,—дѣйствующій недостодолжно, или творящій неподобная. По природѣ умъ вѣдаетъ, что добро и что зло, что право и что неправо, и умѣетъ дѣйствовать соотвѣтственно тому. Но жизнь чувственная извратила его, и онъ сталъ называть доброе лукавымъ, и лукавое добрымъ. У язычниковъ и въ законодательство вошло много вопіющихъ неправдъ. Такъ онеискусился умъ! *Не искусивша* и *неискусенъ* — не игра словъ, а современное соотвѣтствіе слѣдствія причинѣ, или грѣху — наказанія. Умъ νοῦς—владычественная сила, тоже что духъ—отражатель Богоподобія, вдунутый въ лице человѣка. Въ немъ укоренены чувства Божества и правды Его, или страхъ Божій и совѣсть Страхъ Божій держится истиннымъ Боговѣдѣніемъ и памятію о Богѣ и оживляетъ совѣсть—вѣдѣніе воли Божіей, и сообщаетъ ей энергію. Когда память о Богѣ выходитъ изъ ума,—и Боговѣдѣніе омрачается ложью, страхъ Божій слабѣетъ, а отъ ослабленія страха Божія слабѣетъ и совѣсть. Вслѣдствіе сего чувственность возвышаетъ голосъ и увлекаетъ въ слѣдъ себя. Совѣсть возстаетъ сначала, но ее не слушаютъ, а заставить себя слушать она не имѣетъ силы, по причинѣ отсутствія страха Божія, въ коемъ ея жизнь. Она потомъ и смолкаетъ. Вмѣсто ея начинаетъ писать законы чувственность, руководимая самостію. И пошли всякаго рода *неподобія.* Склоняется на это наконецъ и умъ владыче-

ственный, и только придумываетъ ложныя начала въ оправданіе неправостей жизни. Въ древности плѣнныхъ царей употребляли вмѣсто подножки, когда садились на лошадь. Это очень хорошо изображаетъ показанное состояніе ума. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику умъ ихъ сталъ превратенъ, то у неисправнаго ѣздока все пришло въ безпорядокъ и смятеніе.“

Выразивъ эту общую мысль о томъ, какъ развилась неподобная жизнь, Апостолъ за тѣмъ показываетъ, въ какихъ дѣйствіяхъ она выражалась, перечисляетъ самые пороки, заправлявшіе порядками жизни. Подобное сему перечисленіе дѣлаетъ св. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ (5, 19) и въ посланіи второмъ къ св. Тимоеею (3, 2—4),—въ томъ и другомъ производя ихъ отъ преобладанія чувственности.—Въ перечисленіи не видится порядка: можно думать, что Апостолъ выставляетъ преимущественно то, что Римляне видѣли своими глазами среди своихъ согражданъ и въ чемъ иные изъ нихъ до обращенія, можетъ быть, сами были виноваты.

Ст. 29. *Исполненыхъ всякія неправды, блуженія, лукавства, лихоимства, злобы: исполненыхъ зависти, убійства, рвенія, лсти, злонравія.*

Исполненныхъ. Связь рѣчи такая: предалъ ихъ—исполненныхъ. А мысль такая: предалъ, и они исполнились всякой неправды. Неправдѣ ихъ не было мѣры, ни ограниченія, ни удержи. И чѣмъ бы могла она удерживаться? Богъ забытъ, совѣсть заглушена, умъ извратился, совнѣ—среда, представляющая повсюдные соблазны. *Неправда* здѣсь можетъ означать и вообще неправедность,—„то, что прямо противоположно правдѣ“ (Θеод.), или частный видъ неправаго дѣйствованія—несправедливость, нарушеніе правъ ближняго и должныхъ къ нему отношеній. Первую мысль указываютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „замѣть. какъ усиливаетъ рѣчь; на-

зываетъ ихъ *исполненными* и притомъ *всякія неправды*. Сперва употребилъ общее наименованіе порока, а потомъ исчисляетъ виды онаго, и о подверженныхъ онымъ тоже выражается съ усиліемъ, называя ихъ *исполненными*,"— т.-е., дополнимъ изъ бл. Θеофилакта, „достигшими крайней степени всякаго порока." Но и вторая можетъ быть терпима, потому что общая мысль выражена уже въ словахъ: *предаде— творити неподобная*.

Блуженія. Прежде обличилъ противоестественные плотскіе грѣхи; здѣсь обличаетъ естественные, именемъ *блуженія*,—πορνεία.—„означая сожительство безъ брака" (Θеод.), или и нарушеніе брачныхъ отношеній.

Лукавства, —πονηρία—злокозненность, хитро подкапывающаяся подъ благо и покой ближняго (Геннадій у Экум.). „Это коварство противъ ближняго" (Θеоф.). „Звѣрскій нравъ" (Θеод.).

Лихоимапія,—πλεονεξία, страсть имѣть все больше и больше, отъ коей умноженіе стяжаній безъ разбора средствъ, чрезъ обманъ въ сдѣлкахъ и торговлѣ, чрезъ неправый ростъ и воровство. - „Это вожделѣніе имѣній" (Θеоф.),—„болѣзнь душевная, причиняемая чрезмѣрнымъ похотѣніемъ большаго и большаго" (Ген. у Экум.),—желаніе большаго и похищеніе непринадлежащаго" (Θеод.).

Злобы, κακία—„наклонность души къ худшему и помыслъ, устремленный ко вреду ближняго" (Θеод.), по которому находятъ „удовольствіе въ томъ, чтобы чѣмънибудь озлобить ближняго" (Ген. у Экум.), словомъ, взглядомъ, дѣломъ, большимъ или малымъ. Или этимъ означается злопамятство (Θеоф.), и месть, которая сидитъ и думаетъ, какъ бы отплатить зломъ за зло.

Исполненныхъ зависти. Повторяя: *исполненныхъ*, Апостолъ имѣетъ въ виду или напомнить, что все это у нихъ было безмѣрно, или заставить подумать о предыдущихъ и послѣдующихъ порокахъ, чтобы отыскать

какую-либо нить ихъ послѣдовательности и взаимнаго отношенія—или просто дать нѣкоторый роздыхъ при перечисленіи, *Зависти*, φθόνος, которая терзаетъ сердце по поводу благосостоянія и успѣховъ ближняго (Генн.). „Это мучительная страсть: не можетъ она терпѣть благоуспѣшности ближняго“ (Θеод.).

Убійства, φόνος, — крайняя непріязненность, нетерпящая, чтобъ жилъ нелюбимый, и удовлетворяющаяся лишь тогда, когда успѣетъ стереть его съ лица земли. Разбойники и грабители убиваютъ ради прибытка: убійство тутъ не цѣль, а средство; его не учиняютъ когда можно и безъ него обойтись. Но ненависть, зависть, ревность желаютъ и ищутъ прямо крови, и ею только удовлетворяются. Такъ Авель убитъ по зависти; убійство между сынами Давида случилось по ревнивости (Генн., Θеод., Θеоф., св. Злат.).

Рвенія, — ἔρις, „достойное осужденія соревнованіе“ (Генн.), которое рвется изъ всѣхъ силъ не къ тому, чтобъ сдѣлаться такимъ, какимъ слѣдуетъ быть и внутренно и внѣшно, но къ тому одному, чтобъ не отстать отъ другихъ и не допустить кому-либо стать впереди себя. При этомъ, конечно, не истинное достоинство, добро и польза имѣются въ виду, а одна показность, видимость, молва, которыя нерѣдко удовлетворяютъ его и утишаютъ. Само же по себѣ оно истощаетъ, какъ и зависть: зависть сердце изсушаетъ, а рвеніе дѣятельныя силы истомляетъ и истощаетъ. То и другое—мученіе человѣку.

Лсти, — δόλος, — лесть и обманъ, льстивыя рѣчи съ цѣлію одурачить ближняго и настроить его такъ, что онъ самъ себѣ причиняетъ зло. Это панданъ лукавства,— πονηρία. Одна словомъ направляетъ въ яму; другое безъ словъ на дѣлѣ опутываетъ сѣтями скрытно. Оно исчадіе злобы, — κακία, но можетъ происходить и отъ зависти.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „завистію порождено убійство и зачата лесть. Ибо завистію уязвившись Каинъ, и въ содѣйствіе употребивъ обманъ (δόλος), вывелъ брата въ поле, и отважился на убійство."

Злонравія, κακοήθεια Можетъ быть это сердитость и злючесть, отъ коихъ непрестанныя вспышки гнѣва, брани и ссоръ; подладить нельзя, все не по немъ, и за все серчаніе. Или злонравіе означаетъ „скрытную злобу" (Θеоф.). Или „злонравными называетъ Апостолъ обращающихъ помыслы на злокозненность, и устрояющихъ вредъ ближнему" (Θеод.).

Стт. 30, 31. *Шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителемъ непокорливы, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивны.*

Новый оттѣнокъ въ образѣ выраженія: прежде исчислялись пороки, а теперь вниманіе переносится на людей порочныхъ. Можно предполагать, что это произошло не случайно какъ. Предоставляя домыслиться до сего желающимъ, замѣтимъ только, что прежде перечислялись пороки подобно тому, какъ они перечисляются въ посланіи къ Галатамъ, а теперь будутъ перечисляться такъ, какъ они перечисляются въ посланіи второмъ къ Тимоѳею, и что это сходство состоитъ не въ одномъ образѣ выраженія, но и въ содержаніи.

Шепотники,—ψιθυριστάι,—„тайные наушники," (Θеоф.), „наговаривающіе другому на ухо, и худо отзывающіеся о комь-либо" (въ тихомолку) (Θеод.).

Клеветники, καταλάλοι,—„явные поносители" (Θеоф.), „небоязненно дѣлающіе доносы на отсутствующихъ" (Θеод.). То и другое, и потихоньку, и открыто. Худое говорить о другомъ заставляетъ злонравіе, ищущее уязвить другаго, неразбирая, правду ли говоритъ, или ложь. Говорить худо о другомъ не должно, хотя бы и

въ самомъ дѣлѣ водилось за нимъ что-либо худое; тѣмъ паче не должно говорить не увѣрившись, что онъ точно въ чемъ-либо погрѣшаетъ. Отсюда исходитъ худая молва, которая не всегда соотвѣтствуетъ истинѣ.

Богомерзски,—θεοστυγεῖς,— что можетъ означать „и ненавидящихъ Бога, и ненавидимыхъ Богомъ“ (Θеоф.); но здѣсь оно значитъ „не ненавидимыхъ Богомъ, ибо не объ этомъ теперь рѣчь Апостола, а нен видящихъ Бога“ (Генн.),—„исполненныхъ вражды на Бога“ (Θеод.). Вотъ до чего дошли. Отвыкшіе отъ памятованія о Богѣ и о вещахъ божественныхъ и пристрастившіеся къ вещамъ видимымъ не находятъ удовольствія, когда кто наводитъ мысли ихъ на эти предметы. Иной можетъ и открыто выразить, сколько это ему непріятно. Но эго еще не вражда на Бога, хоть достаточное сѣмя вражды. Откуда же вражда? Когда иной въ гордости полагаетъ, что Богъ долженъ для него сдѣлать то и то, и видитъ, что Онъ не только сего не дѣлаетъ, а наводитъ на него противное желаемому и требуемому,—вмѣсто прибыли убытокъ, вмѣсто повышенія отставку, вмѣсто успѣха раззореніе; тогда считая себя оскорбленнымъ отъ Бога, позволяетъ онъ себѣ враждовать на Бога, выражая сію вражду и въ словѣ хуленіемъ и ропотомъ. Но надо замѣтить, что это дѣло безъ участія врага нашего не обходится.

Досадители,—ὑβρισταί, — бранчивые,—„всегда готовые оскорбить другаго словомъ“ (Θеод.), „продерзые ругатели“ (Генн.). Сюда можно отнести ругающихся срамными словами. Все, что шепотникъ скажетъ на ухо, что клеветникъ облечетъ въ приличное слово, прикрываясь одною ревностію по правдѣ,—все это досадливый ругатель выскажетъ съ плеча, безъ удержи, словами, то колкими, то срамными.

Величавы, — ὑπερήφανοι — „высокодумающіе о своихъ

преимуществахъ“ (Θеод.), „которые, имѣя какія-либо достоинства, надымаются и свысока смотрятъ на тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ“ (Генн.). Кто богатствомъ, кто властію, кто почетомъ, кто умомъ, тѣлесною силою и красотою величается; но чѣмъ бы кто ни величался, погрѣшаетъ: ибо все то не его, а дары Божіи, данные для славы Божіей и на благотвореніе братіямъ. Не величаться, а бояться отвѣтственности должно: и потому тѣмъ больше смиряться, чѣмъ больше кто имѣетъ. Это похитители славы Божіей.

Горды,—ἀλάζονες—„спѣсивые, чванные, надутые, которые не имѣютъ основанія къ высокому о себѣ мнѣнію и напрасно надымаются“ (Θеод.), „не имѣя достоинствъ, высятъ себя, какъ бы имѣли ихъ“ (Генн.). Это настоящая сатанинская гордость, въ коей пагуба наша. Св. Златоустъ говоритъ на это: „поставивъ въ число преступленій то, что для многихъ кажется ни худымъ, ни добрымъ, усиливаетъ обвиненіе, восходя къ твердынѣ золъ и присовокупляя: *горды*. Согрѣшить и думать о себѣ много—хуже самаго грѣха. Почему и Коринѳянъ въ томъ-же обвиняетъ Апостолъ, говоря: *и вы разгордѣсте* (1 Кор. 5, 2). Ежели гордящійся добрымъ дѣломъ все тѣмъ губитъ, то какого наказанія стоитъ грѣшникъ? Такой человѣкъ неспособенъ уже и раскаяться. — Бл. Θеофилактъ прибавляетъ къ сему: „Знай же, что величавость есть презрѣніе Бога, а гордость есть презрѣніе людей, отъ котораго раждается оскорбленіе, ибо презирающій людей, оскорбляетъ и попираетъ всѣхъ. Гордость по природѣ предшествуетъ оскорбленію; но намъ сначала становится явнымъ оскорбленіе, а потомъ уже дѣлается извѣстною мать его - гордость.“

Обрѣтатели злыхъ, —Ἐφευρέται κακῶν, — выдумщики зла, новые для него пролагающіе пути, руководители другихъ, коноводы. Апостолъ „показываетъ, что они не

довольствовались сдѣланнымъ уже зломъ, но изобрѣтали новое и новое“ (Св. Злат.) — „не только отваживались на вошедшія уже въ обычаи, но измышляли новыя худыя дѣла“ (Θеод.).

Родителемъ непокоривы,—„язычники и здѣсь (какъ въ похотствованіяхъ) возстали противъ природы“ (Св. Злат.). „Это величайшая несообразность: обвинителемъ сама природа“ (Θеод.). *Непокоривы,*—ἀπειθεῖς,—не внимательны къ ихъ слову и внушенію. Какъ ни будь худы родители, все не чуждо имъ бываетъ желаніе дѣтей своихъ направить на истинный путь, а тѣ не слушаютъ, что ни говорили. И это отъ потери страха Божія и преобладанія чувственности.

Неразумны, — ἀσύνετοι, — „потому что, поползнувшись на житіе беззаконное, утратили отличительныя черты разумности“ (Θеод.). Или *неразумны* — „ἀσυνειδήτοι, — не сознательны, безсовѣстны, неразумнѣе которыхъ нѣтъ“ (Генн.).

Непримирительны: — ἀσυνθετοι, съ которыми нельзя ладить, и которые сами не хотятъ жить въ ладу съ другими, вздорные и задорные,—„т.-е. возлюбившіе жизнь необщительную и лукавую“ (Θеод.). „Чѣмъ и доказываетъ Апостолъ, что они погубили самый даръ природы. Ибо мы имѣемъ природное расположеніе къ общенію другъ съ другомъ, свойственное даже самымъ звѣрямъ. Такъ сказано: *всяко животно любитъ подобное себѣ, и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Сир. 13, 19). Но язычники сдѣлались свирѣпѣе звѣрей“ (Св. Злат.). Или можетъ быть ἀσύνθετοι—указываетъ на то, что они несчитали долгомъ быть вѣрными договорамъ. или сдѣлкамъ,— συνθήκαι,—въ которыя вступаютъ съ другими (Генн.), „неустойчивы въ договорахъ, вѣроломны“ (Θеоф.).

Нелюбовны,—ἄστοργοι. — Στοργή — любовь родственная, родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, также вза-

имная любовь супруговъ, а далѣе братьевъ и сестеръ, и еще далѣе друзей. Не ищи у нихъ любви человѣка къ человѣку ради человѣчества; у нихъ нѣтъ даже той, которая естественно насаждена бываетъ въ сердцѣ: они и эту заглушаютъ въ сердцѣ. „И Господь сказалъ, что за *умноженіе беззаконій изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. 24, 12)“ (Св. Злат.). Почему *нелюбовны* можно понять — „жестокосерды, не дружелюбны“ (Генн.), „не пожелавшіе изучить законы дружбы“ (Θеод.).

Неклятвохранительны, ἄσπονδοι. — О врагѣ непримиримомъ говорятъ — ἄσπονδος. Потому здѣсь тоже, говорится, что „непримиримы и злопамятны“ (Генн.). Но можетъ означать это и тоже, что ἀσύνθετοι; — ибо и σπονδή означаетъ договоръ и сдѣлку. Будетъ: ἄσπονδοι, — „небоязненно нарушающіе взаимные договоры“ (Θеод.), тоже что вѣроломные. Но первое, кажется, ближе выражаетъ силу слова.

Немилостивы, — ἀνελεήμονες, — неподатливы, несострадательны, не склонны на милость (Генн.). Ожестѣло сердце, не чувствуетъ позыва облегчать участь другихъ, пособлять, утѣшать. „Они подражаютъ въ жестокости звѣрямъ“ (Θеод.). „Корень всѣхъ золъ охлажденіе любви: отсюда происходитъ, что одинъ съ другимъ не мирится, одинъ другаго не любитъ, одинъ другаго не милуетъ“ (Θеоф.).

γ).

Наведеніе о безотвѣтности знающихъ и нетворящихъ.

1, 32—2, 16.

Изобразивъ худой нравъ язычниковъ, въ послѣднемъ стихѣ этой главы Апостолъ наводитъ, что они и въ семъ отношеніи безотвѣтны, какъ и въ отношеніи религіозномъ: ибо знали, но не дѣлали. Очевидно слѣдова-

тельно, что они и здѣсь содержали истину Божію въ неправдѣ и должны подлежать суду и осужденію.

Ст. 32. *Ньцыи же и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящымъ.*

Ньцыи же,—οἵτινες,—какъ и *иже* 25-го стиха, тоже οἵτινες—значитъ: которые, или они: относится не къ части, а ко всѣмъ, о коихъ была рѣчь впереди. *Оправданіе*, δικαίωμα, право Божіе или Божія правда и правосудіе, праведный судъ и осужденіе съ наказаніемъ.

Достойны смерти: подъ смертію разумѣется или естественная смерть въ смыслѣ: дѣлающіе таковое недостойны и жить, или переносно—самое строгое наказаніе, или смерть вторая по послѣднемъ судѣ и осужденіи—адъ. Апостолъ утверждаетъ: язычники знали, что дѣлающимъ такія дѣла ни избѣжать праведнаго воздаянія. Это отнимаетъ у нихъ всякое извиненіе; не могутъ они прикрываться тѣмъ изворотомъ, что не знали. Вѣра въ судъ и воздаяніе по смерти обща всѣмъ народамъ земли.

Зная же все это, они не только сами беззаконновали, но и другихъ къ тому поощряли.

Соизволяютъ—συνευδοκοῦσι—означаетъ не то только, что снисходительно смотрятъ на грѣхъ другихъ, но смотрятъ благоволительно, покровительственно, одобрительно, съ желаніемъ, чтобы они грѣшили и грѣшили. А въ этомъ нельзя не видѣть большей степени развращенія, чѣмъ въ томъ, когда кто самъ только грѣшитъ, не содѣйствуя ничѣмъ другимъ въ грѣховныхъ дѣлахъ ихъ. Впадающій въ грѣхъ можетъ еще говорить въ облегченіе вины своей: страсть увлекла; но сознавая свою вину, другому покрайней мѣрѣ внушать: ты же поостерегись. Если же онъ, впадши въ тину, и другаго туда же заводитъ, то дважды виновенъ, и за себя и за другаго.

Св. Златоустъ говоритъ: „Предположивъ себѣ два воз-

раженія, Апостолъ оба рѣшилъ здѣсь предварительно. Можешь ли сказать, говоритъ, будто ты не зналъ, какъ поступать тебѣ должно?—Еслибы и не зналъ, то главнымъ образомъ самъ виновенъ; потому что оставилъ Бога, дающаго познаніе. Но теперь представлено тебѣ много доводовъ, что ты зналъ и грѣшилъ добровольно.—Скажешь, что ты увлеченъ былъ страстію? Для чего же увлекаешь другихъ и хвалишь? *Не точію сами творятъ*, говоритъ Апостолъ, *но соизволяютъ творящимъ*. Такъ, чтобъ осудить язычника, онъ прежде всего ставитъ на видъ самый тяжкій грѣхъ; потому что одобрять грѣхъ гораздо хуже, чѣмъ самому грѣшить." Послѣднюю мысль бл. Ѳеодоритъ такъ выражаетъ: „сама природа учитъ избирать доброе и избѣгать противоположнаго тому; а они мало того, что не почитаютъ достаточнымъ дѣлать послѣднее, но еще сплетаютъ похвалы дѣлающимъ подобное сему. А это крайній предѣлъ развращенія."

Нѣкоторымъ казалось, что соизволять другимъ слабѣе, чѣмъ дѣлать; потому они полагали, что слѣдовало бы сказать: не только соизволяютъ другимъ, но и сами дѣлаютъ. Иные и чтеніе текста такое же подъискали. Св. Исидоръ обличивъ ихъ, что не слѣдуетъ такъ извращать текстъ обычнаго чтенія, потому что это дало бы неправую мысль, прибавляетъ затѣмъ: „хвалить грѣшащихъ большаго достойно наказанія, чѣмъ грѣшить только самому. Потому справедливо сказано: *не точію сами творятъ, но соизволяютъ творящимъ*. Кто грѣша сознаетъ, что не хорошо грѣшить и осуждаетъ свое дѣло, тотъ современемъ можетъ востать отъ паденія, имѣя сильное побужденіе и пособіе къ раскаянію въ семъ сознаніи и осужденіи грѣха. Хвалящій же худую жизнь, самъ себя лишаетъ пособія къ покаянію (—возбудителя къ раскаянію). Итакъ поелику такое сужденіе (хваленіе грѣха) есть знакъ крайняго развращенія сердца и

ума, то справедливо того, кто хвалитъ грѣхъ грѣшащаго, почитать болѣе беззаконнующимъ“ (у Экум.).

Иные толковники полагаютъ, что св. Апостолъ, съ перваго стиха второй главы обращаетъ рѣчь къ Іудеямъ. Но древніе наши толковники этого не дѣлаютъ. Св. Златоустъ говоритъ, что слова сіи относятся къ народнымъ правителямъ; такъ какъ Римъ у себя въ рукахъ имѣлъ тогда власть надъ всѣмъ свѣтомъ. Но сказавъ это, потомъ переходитъ къ той мысли, что Апостолъ говоритъ здѣсь вообще о всѣхъ судящихъ: всякъ, кто бы ты ни былъ. Вслѣдъ за нимъ такъ понимали и всѣ другіе наши толковники. Бл. Августинъ подразумѣваетъ Іудеевъ только потому, что и они должны заключаться подъ словомъ—*всякъ*. Амвросіастъ видитъ здѣсь отвѣтъ Апостола на предполагаемое возраженіе: нѣтъ, я не соизволяю, но осуждаю другихъ, хотя самъ грѣшу. Итакъ, чтобы кто изъ беззаконнующихъ не сталъ извинять себя, или облегчать свою вину тѣмъ, что хоть самъ и грѣшитъ, но другимъ грѣшащимъ не соизволяетъ, а осуждаетъ ихъ, Апостолъ говоритъ какъ бы такому: и тебѣ не легче; судя другаго, себя осуждаешь. — Итакъ, и это пониманіе древнихъ, и самый составъ рѣчи заставляетъ признать, что здѣсь св. Апостолъ продолжаетъ разъяснять виновность знающихъ и осуждающихъ, но не творящихъ, въ намѣреніи возбудить чувство страха суда, чтобъ тѣмъ охотнѣе приняли они потомъ его благую вѣсть о томъ, какъ избавиться отъ сего суда. Къ Іудеямъ же рѣчь обращается собственно съ 17-го стиха; а здѣсь идетъ общее разсужденіе, или общее внушеніе страха суда. Это похоже на ту часть нашихъ рѣчей, которую называютъ *приложеніемъ*.

Гл. 2, 1. *Сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче, всякъ судяй: имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши: таяжде бо твориши судяй.*

Бл. Θеофилактъ пишетъ: „Всѣ мы люди неодинаковаго настроенія: иногда покровительствуемъ злу, иногда бываемъ судьями чужихъ золъ, осуждаемъ подобныхъ себѣ. Итакъ, сказавъ прежде о тѣхъ, которые одобряли злыхъ, теперь ведетъ рѣчь объ осужденіи и говоритъ: *сего ради безотвѣтенъ еси.* То-есть, ты зналъ, что правосудіе Божіе состоитъ въ томъ, чтобы достойно наказывать злыхъ; поэтому и не имѣешь извиненія ты, осуждающій дѣлающихъ тоже, что и ты дѣлаешь. Кажется, что слова эти относятся къ народнымъ правителямъ, особенно же къ Римлянамъ, какъ тогдашнимъ властителямъ вселенной; ибо судить есть дѣло правителей. Впрочемъ это приличествуетъ и всякому человѣку; ибо всякій человѣкъ можетъ судить, хотя бы и не было у него судейскаго стула. Итакъ, когда осуждаешь, говоритъ, прелюбодѣя, а самъ прелюбодѣйствуешь, то осуждаешь себя самого.“

Изъ того, что сами дѣлали худое и поощряли къ тому другихъ, не слѣдуетъ, чтобъ и въ совѣсти своей, —въ сужденіи о дѣлахъ, какое ведутъ сами съ собою, они оправдывали худое. Нѣтъ, они разумѣли правду Божію, что худое худо и достойны кары, но, не умѣя совладать съ собою, и сами грѣшили и другихъ на тоже наводили. Апостолъ и выставляетъ теперь на видъ эту противоположность дѣлъ и жизни съ этимъ внутреннимъ судіею, чтобъ возвесть къ сознанію неправости своей и возбудить чувство опасенія, —быть нѣкогда осужденными предъ лицемъ правды Божіей. Какъ примѣръ осужденія грѣха, не смотря на свои грѣхи, можетъ быть, въ мысли Апостола въ самомъ дѣлѣ представлялся судъ судей. Законъ осуждалъ и наказывалъ убійство, воровство, прелюбодѣяніе, нарушеніе правъ другаго, обиды и подобное. Судья не могъ оправдывать всего этого, а долженъ былъ осуждать и присуждать виновнымъ наказаніе, не смотря на

то, что и самъ въ томъ же или въ другихъ отношеніяхъ не менѣе былъ виновенъ, какъ и осуждаемый. И народъ, смотрѣвшій на судопроизводство, тоже соглашался съ приговоромъ судьи, находя его правымъ.

Такимъ образомъ недостатка въ сужденіи о правости и неправости дѣлъ у насъ предполагать нельзя. Что же не право?—Не право направленіе нашего суда въ томъ, что осужденіе строгое мы переносимъ на другихъ, минуя себя, или отдаляя его отъ себя. Замѣчаютъ, кто чѣмъ самъ виновнѣе, тѣмъ строже судитъ другаго за то, въ чемъ самъ виновенъ. Апостолъ, кажется, здѣсь главнымъ образомъ и имѣетъ то въ намѣреніи, чтобъ расположить — это общее всѣмъ правосудіе отъ другихъ переводить на себя, съ приложеніемъ къ себѣ и послѣдствій осужденія, т.-е. безотвѣтности и каранія. — *Сего ради.* Чего же ради? Ради того, что знаютъ правду Божію, и вслѣдствіе того судятъ грѣшащихъ и осуждаютъ правильно. —*Безотвѣтенъ еси,*—ничего не можешь сказать въ оправданіе себя. *Всякъ судяй.* „Апостолъ рѣшительно говоритъ: всякій, кто бы ты ни былъ, самъ себя лишаешь извиненія“ (Св. Злат.). *Имже бо судомъ судиши друга,* ἐν ᾧ γὰρ κρίνεις, — тогда какъ судишь,—тѣмъ же дѣйствіемъ сужденія, коимъ судишь другаго, и себя осуждаешь. Сужденіе есть приложеніе общаго начала къ частному случаю. Когда осуждаешь кого за какое дѣло. сознаешь неправость вообще такого рода дѣлъ. Это сознаніе есть движитель сужденія и осужденія. Осуждаешь блудника. Почему? По сознанію, что блудъ есть грѣшное дѣло. Но если самъ ты блудишь, твой блудъ развѣ не столько же грѣшенъ? — Да. Такъ сознай же и это. — Св. Златоустъ говоритъ: „Всякій человѣкъ какъ въ разговорѣ и общихъ бесѣдахъ, такъ и предъ своею совѣстію судитъ проступившихся. Никто не осмѣлится сказать, что любодѣй не заслуживаетъ наказанія. Но всѣ, говоритъ Апостолъ, судятъ

другихъ, а не себя.“ Недостатокъ такого самоосужденія есть общій недостатокъ. Судъ отъ себя устремляемъ на другихъ, не захватывая себя. Апостолъ и хочетъ возвратить его на себя, и для этого беретъ правое осужденіе другихъ и говоритъ: право судишь другихъ; но это правое сужденіе о другихъ не менѣе право и въ отношеніи къ тебѣ. Всѣ грѣшатъ; и общее всѣхъ взаимносужденіе должно возвесть всѣхъ къ сознанію, что всѣ безотвѣтны.

Ст. 2. *Вѣмы же, яко судъ Божій есть поистиннѣ на творящихъ таковая.*

Вѣмы же: кто это? Мы, всѣ люди, всякъ человѣкъ. Обращается Апостолъ къ общему вѣрованію и убѣжденію, что есть судъ Божій: ибо всѣ живущіе на землѣ ожидали и будутъ ожидать такого суда. Это тоже, что выше: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе.* Положенъ судъ,—никому не миновать его. Св. Златоустъ замѣчаетъ при семъ, что Апостолъ, говоря о вѣдѣніи Бога, указалъ и источникъ Боговѣдѣнія,—разсматриваніе природы,—а здѣсь не указываетъ, откуда знаютъ о судѣ, ибо это было всѣмъ вѣдомо само собою, и безъ всякихъ колебаній. И Θеодоритъ пишетъ: „для здравомыслящихъ явно, что отваживающіеся на беззаконія по Божественному опредѣленію подвергаются наказанію.“ Имѣя въ намѣреніи расположить каждаго судъ надъ другими перевесть на себя, Апостолъ внушаетъ: вѣдь то ужь несомнѣнно, что есть судъ Божій за такія дѣла; объ этомъ и говорить нечего, всѣ это знаютъ. Чего недостаетъ?—Недостаетъ того, чтобъ всякій себя подводилъ подъ этотъ судъ и себя созналъ безотвѣтнымъ предъ нимъ. Это внушить и старается онъ съ слѣдующаго стиха. Мысль настоящаго стиха можетъ быть двоякая,—что есть судъ Божій, и что судъ Божій истиненъ. Людской судъ иногда сфальшивитъ, Божій же судъ есть по истинѣ; ни лице-

пріятія, ни прикрытія дѣлъ не будетъ на немъ; насколько кто виновенъ, на столько и осужденъ будетъ,—точь въ точь по мѣрѣ дѣлъ своихъ.

У нашихъ толковниковъ проводится и эта мысль. Вотъ слова Экуменія за всѣхъ: „здѣсь (у людей) бываетъ судъ и не поистинѣ, потому что иные виновные оправдываются, а невинные осуждаются; въ будущемъ же вѣкѣ судъ будетъ поистинѣ. Впрочемъ и нынѣ, Богъ ни неправеднаго не оправдываетъ, ни праведнаго не осуждаетъ, когда являетъ Свой судъ.“ Прибавимъ и то, что говоритъ Амвросіастъ: „не безъизвѣстно намъ, что Богъ будетъ судить о таковыхъ по истинѣ, когда и мы осуждаемъ ихъ. Если намъ не нравятся такія дѣла, тѣмъ паче Богу, праведнѣйшему и ревнителю дѣла Своего! Когда говоритъ, что Богъ будетъ судить о таковыхъ по истинѣ, наводитъ страхъ, внушая, что Тотъ самый, о Коемъ они думаютъ, что Ему нѣтъ дѣла до ихъ дѣлъ (не взыщетъ), будетъ судить ихъ по истинѣ, т.-е. истиннѣйше воздастъ каждому по мѣрѣ дѣлъ его, и не пощадитъ.“ Та и другая мысль сообразна съ намѣреніемъ Апостола. Потому можно ихъ соединить въ одну такъ: то несомнѣнно, что на творящихъ такія дѣла есть судъ Божій, и судъ истиннѣйшій. Отсюда прямо слѣдуетъ: если есть, то какъ же ты самъ думаешь избѣжать сего суда?

Ст. 3. *Помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящымъ, и творя самъ таяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?*

Есть судъ Божій, и ты это знаешь. Перестань же думать, что ты избѣжишь сего суда за дурныя дѣла, особенно когда самъ же осуждаешь ихъ въ другихъ. Наведи мечь суда Божія на свою голову и проникнись страхомъ, какому естественно налегать на сердце, при ожиданіи, что вотъ-вотъ ниспадетъ сей мечъ на главу твою. Не допускай мысли, что онъ минуетъ тебя, когда

ты виноватъ. Вопрошая: *помышляеши ли?*—Апостолъ внушаетъ, что, при здравомъ сужденіи, такая мысль невозможна. Неужели думаешь?—Было бы изумительно, еслибъ кто такъ подумалъ, или, изумляться надо, если кто такъ думаетъ. „Своего суда не избѣжалъ, и избѣжишь суда Божія? Кто скажетъ сіе?—Ты самъ себя осудилъ; такова строгость сего судилища, что ты не могъ пощадить себя; такъ не гораздо ли больше осудитъ тебя Богъ, безгрѣшный и праведный? Или самъ ты себя осудилъ, а Богъ одобритъ и похвалитъ? Какъ это возможно? Ибо ты стоишь большаго наказанія, нежели осуждаемый тобою. Наказавши (осудивши) другаго за грѣхъ, самому впасть въ оный значитъ уже болѣе, нежели просто согрѣшить. Видишь ли, сколько Апостолъ увеличилъ вину? Если ты, говоритъ онъ, наказываешь (осуждаешь) за меньшій грѣхъ, между тѣмъ какъ самъ не перестаешь осквернять себя грѣхами; то Богъ, никогда не причастный грѣху, не паче ли осудитъ и обвинитъ за гораздо большіе проступки тебя, уже осужденнаго собственными твоими помыслами?“ (Св. Злат.).

При этомъ иной могъ подумать: сколько уже я нагрѣшилъ, но не вижу, чтобъ меня Богъ наказывалъ; не покараетъ и тогда. Апостолъ предотвращаетъ эту мысль, говоря:

Ст. 4. *Или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?*

Теперешнее Божіе снисхожденіе и долготерпѣніе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который ты даешь ему. Здѣсь благость Божія на покаяніе тебя ведетъ. Бери въ этомъ побужденіе не къ тому, чтобы погрязать во грѣхахъ, къ пагубѣ своей мечтая по сему поводу о всегдашней ненаказанности, а къ тому. чтобы отстать отъ грѣховъ и раскаяться. „Долготерпѣливъ

Богъ, но если не обратишься, заблистаетъ мечъ Его (надъ головою твоею). Милостивъ Господь, но не для того, чтобы ты бралъ отсюда поводъ къ большей закоренѣлости, а для того, чтобы ты имѣлъ время вступить на поприще покаянія“ (Экум.). Но если таково намѣреніе Божія ненаказыванія тебя здѣсь, то когда не воспользуешься сею милостію, какъ должно, навлечешь на себя еще большее осужденіе, какъ презритель милости Божіей. И самъ ты вмѣстѣ съ судомъ Божіимъ себя строже осудишь, когда увидишь, что въ рукахъ твоихъ было спасеніе и ты упустилъ его. Св. Златоустъ говоритъ: „если же самъ признаешь, что ты достоинъ наказанія, но полагаешься на Божіе долготерпѣніе, и поелику не былъ наказанъ во время преступленія, думаешь, что и впередъ не будешь наказанъ; то смотри, сіе самое должно тебя страшить и ужасать. Господь медлитъ наказаніемъ не для того, чтобы оставить тебя безъ наказанія, но для того, чтобы, если не исправишься, наказать тебя съ большею строгостію. И не дай Богъ случиться сему съ тобою! Итакъ Апостолъ, восхваливъ долготерпѣніе Божіе, и показавъ важнѣйшую его пользу для внимательныхъ — обращать согрѣшившихъ къ покаянію, усиливаетъ страхъ. Для пользующихся, какъ должно, служитъ оно виною спасенія; а для презрителей — напутствіемъ къ большей казни. А что касается до обыкновенной поговорки: благъ Богъ и долготерпѣливъ; Онъ не любитъ наказывать,—то, произнося оную,—внушаетъ Апостолъ, ты навлекаешь только на себя тягчайшее наказаніе. Богъ являетъ Свою милость, дабы ты освободился отъ грѣховъ, а не присовокуплялъ новые. Какъ скоро не сдѣлаешь сего, казнь будетъ ужаснѣе. Потому особенно, что Богъ долготерпѣливъ, тебѣ и должно не грѣшить, не должно Его благодѣяній обращать въ поводъ къ неблагодарности. Хотя

долготерпѣливъ, но безъ всякаго сомнѣнія и наказываетъ."

Ст. 5. *По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія.*

Долготерпя Богъ ведетъ грѣшника на покаяніе. Но если онъ не внимаетъ сему и, несмотря на то, все остается въ тѣхъ же грѣхахъ, то все больше и больше углубляется въ грѣшность; а отъ этого жестѣетъ сердце и чувство тупѣетъ къ воспріятію возбуждающихъ къ покаянію впечатлѣній отъ представленія утѣшительныхъ и страшныхъ истинъ Божіихъ. Когда страсть увлекаетъ и совершается грѣхъ, возстаетъ совѣсть, грозящая судомъ, и понуждаетъ покаяться и исправиться. Внимаетъ кто,—благо ему. Не внимаетъ, - опять падаетъ во грѣхъ. Но и совѣсть опять возстаетъ, только слабѣе противъ прежняго. Если еще повторится то же, голосъ сей еще будетъ слабѣе. Наконецъ совсѣмъ смолкнетъ. Грѣшникъ грѣшитъ равнодушно. Равнодушіе къ грѣху—переходъ къ ожестѣнію сердца, но еще не ожестѣніе. Равнодушнаго можно еще разбудить, а ожестѣвшаго развѣ особая сила Божія претворитъ. Доходятъ до ожесточенія нѣсколькократнымъ пробужденіемъ отъ равнодушія и исправленіемъ жизни,—и опять ниспаденіемъ въ него чрезъ повтореніе грѣховъ. Возбуждаютъ истины Божіи. Когда всѣ истины сіи истощатъ надъ грѣшащимъ свою возбудительную силу, чѣмъ возбудишь его?—Сердце его стало, какъ камень, котораго не беретъ никакое орудіе. „Когда человѣка не смягчаетъ благость, не преклоняетъ страхъ; что можетъ быть жестокосерднѣе?" (Св. Злат.). Вслѣдъ за такимъ ожесточеніемъ приходитъ враждованіе на Бога и все божественное, а за этимъ отчаяніе—конечная пагуба. Жестокость или жестокосердіе объясняется непокаяннымъ сердцемъ.

Дошелъ до нераскаянности и преспокойно валяется во грѣхахъ грѣшникъ, не подозрѣвая уже никакой себѣ опасности. Между тѣмъ что онъ дѣлаетъ? *Собираетъ себѣ гнѣвъ.* Гнѣвъ,—праведное воздаяніе Божіе за всякое дѣло, слово и помышленіе худое. Гнѣвомъ это названо „по чувству грѣшника“ (Амвр.), принимающаго опредѣленіе Судіи, а не по состоянію Судіи. „Смотри, какія приличныя употребляетъ Апостолъ реченія. Говоритъ: *собираеши себѣ гнѣвъ*, показывая, что причиною гнѣва не судія, а подсудимый. Самъ ты собираешь себѣ, а не Богъ. Онъ сдѣлалъ все, что было нужно, снабдилъ тебя способностію распознавать доброе и недоброе, явилъ долготерпѣніе, призвалъ къ покаянію, угрожалъ страшнымъ днемъ, всѣми мѣрами побуждая тебя покаяться Если же ты непреклоненъ, то самъ *собираешь себѣ гнѣвъ, въ день гнѣва*“ (Св. Злат.).

Собираешь, — θησαυρίζεις, — сокровиществуешь. Какъ иной, рубль за рублемъ слагая въ сундукъ, большое наконецъ собираетъ сокровище: такъ всякій, живущій на землѣ, дѣло къ дѣлу прилагая, собираетъ себѣ сокровище на небѣ, которое будетъ служить для него вѣчнымъ провіантомъ или вѣчнымъ лишеніемъ. „Прекрасно сказалъ Апостолъ: *собираеши себѣ*, показывая, что ни одно изъ нашихъ словъ или дѣлъ не предастся забвенію, а напротивъ того, и любители добродѣтели собираютъ себѣ блага, и дѣлатели лукавства тоже дѣлаютъ (собираютъ, хоть не блага)“ (Θеод.). Теперь не видно это сокровище, но оно непремѣнно откроется въ день праведнаго суда Божія. Что для кого откроется, это можно и теперь предвидѣть. Но для многихъ-многихъ откровенія сіи будутъ неожиданны, какъ даетъ разумѣть Господь въ изображеніи производства суда; ибо многіе скажутъ: *когда же Тя видѣхомъ?*

Такъ всѣ сокровиществуютъ, — сокровиществуетъ и

грѣшникъ; но что? *Гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія.* Что гнѣвъ?—Злыя дѣла, за которыя послѣдуетъ строгое наказаніе, имѣющее въ сердцѣ грѣшника отразиться, яко гнѣвъ Божій. Что день гнѣва,—это объясняютъ слѣдующія слова: *и отровенія праведнаго суда Божія.* Въ тотъ день будетъ производиться праведный судъ Божій; но какъ грѣшники, потерявъ всякое правое чувство, будутъ представлять сію правду, какъ гнѣвъ, то для нихъ онъ есть день гнѣва. Милость Божія и тамъ будетъ изобрѣтать, какъ бы оправдать грѣшника, и будетъ предавать его правдѣ Божіей уже послѣ того, какъ не къ чему рукъ приложить въ оправданіи его: но, несмотря на это, для грѣшниковъ все-же это будетъ день гнѣва, имѣющаго проникать все ихъ существо. Апостолъ и ставитъ два выраженія, что будетъ день тотъ для грѣшниковъ и что онъ есть самъ въ себѣ: для грѣшниковъ *день гнѣва*, а самъ въ себѣ *день праведнаго суда Божія.* „Дабы, слыша о гнѣвѣ, не почелъ ты онаго дѣйствіемъ страсти, Апостолъ присовокупляетъ: *праведнаго суда Божія*“ (Св. Злат.). Слово: *откровеніе* означаетъ явленіе. *День откровенія*—день, когда явится Судія и откроется судъ Божій. Но вмѣстѣ съ симъ можно домышлять, что день сей откроется внезапно: какъ молнія отъ края неба до края возсіяваетъ нежданно, такъ откроется и судъ Божій. И на той мысли можно при семъ остановиться, что тогда все раскроется, ничего утаить нельзя будетъ. „Будетъ тогда отровеніе всего; и воздаяніе сообразно будетъ съ тѣмъ, что откроется, а вслѣдствіе этого судъ праведный. Здѣсь правда не всегда одерживаетъ верхъ, потому что дѣла скрываются, а тамъ за откровеніемъ слѣдуетъ судъ праведный“ (Θеоф.).

Ст. 6. *Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его.*

Въ этомъ и состоитъ праведность суда. Мѣра дѣлъ—мѣра воздаянія. Что надѣлалъ, то и получишь: отъ дѣлъ твоихъ оправдишися и отъ дѣлъ твоихъ осудишися. Ничто

стороннее не будетъ взято во вниманіе. Сознавалъ, что должно дѣлать, могъ сдѣлать и не сдѣлалъ или сдѣлалъ совсѣмъ противное,—неси наказаніе. Созналъ, что должно дѣлать, понудилъ себя на сдѣланіе и сдѣлалъ, несмотря на противности внутри и внѣ,—прими воздаяніе. И вѣра—дѣло, но только начальное и руководительное, а не конечное и всеобъемлющее. Вѣра вводитъ въ путь спасенія, снабжаетъ силами; самое же спасеніе совершается дѣлами, соотвѣтствующими вѣрѣ. Повѣровалъ,—и принятъ въ число спасаемыхъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ къ содѣянію спасенія: содѣлай же его; будь святъ и непороченъ въ дѣлахъ, словахъ, чувствахъ и расположеніяхъ. Ибо ничто нечистое не войдетъ въ царство Божіе. Когда услышишь: вѣрь только и спасешься; затыкай уши. Это рѣчь змѣиная.

Ст. 7. *Овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы чести и нетлѣнія ищущымъ, животъ вѣчный.*

На судѣ будетъ воздано каждому по дѣламъ его. Кому же что? Праведнымъ—рай, а грѣшнымъ—адъ. Ставитъ впереди воздаяніе праведнымъ, чтобъ дать мысли утѣшительный предметъ и нѣсколько смягчить грозную рѣчь, какую велъ доселѣ и будетъ вести далѣе. „Сказавъ, что Господь воздастъ каждому, началъ съ награды добрымъ, дѣлая такимъ образомъ рѣчь свою пріятною“ (Θеоф.). „Въ бесѣдѣ о судѣ и будущемъ наказаніи бывъ грознымъ и строгимъ, Апостолъ не вдругъ изображаетъ казнь, какъ ожидать надлежало, но обращаетъ рѣчь къ болѣе пріятному, къ наградѣ добрыхъ“ (Св. Злат.).

Тѣмъ, которые по терпѣнію дѣла благаго ищутъ славы, чести и нетлѣнія, воздастъ Богъ жизнь вѣчную.—*По терпѣнію дѣла благаго.* Дѣло благое означаетъ и каждое доброе дѣло, какое бы ни встрѣтилось, и вообще добродѣланіе или жизнь добродѣтельную и святую. Съ жизнію

такою терпѣніе такъ существенно связано, что безъ него въ ней шагу нельзя сдѣлать. Терпѣніе необходимо и въ началѣ, и въ продолженіи, и въ концѣ какъ каждаго дѣла, такъ и всей жизни. Вездѣ требуется напряженіе силъ, всегда упасть готовыхъ, преодолѣніе препятствій, какъ внутри, такъ и вовнѣ, придумываніе средствъ и приведеніе ихъ въ дѣло. Все же сіе безъ терпѣнія выдержано быть не можетъ. Терпѣніе—субстратъ (подстилка) святой и богоугодной жизни. Вотъ почему св. Павелъ, минуя другія соприкосновенности благаго дѣла спасительной жизни, помянулъ только о терпѣніи. Ибо когда оно есть, то и все есть: есть и ревность, есть и вниманіе ко всякому встрѣчающемуся случаю добра, есть и рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ опустить что изъ предлежащаго добраго, а тѣмъ паче—допустить что противное тому. Потому терпѣніе благаго дѣла можетъ означать постоянство въ добродѣланіи или въ доброй и святой жизни.

Славы, чести и нетлѣнія ищущымъ. Искать славы—славолюбіе, искать чести,—честолюбіе. То и другое—не добрыя стремленія; какъ же за нихъ животъ вѣчный? Исканіе славы и чести, когда оно обращено къ славѣ и чести пустымъ и непрочнымъ, человѣческимъ, питающимъ самость человѣческую, раждаетъ пороки: славолюбіе и честолюбіе. Но когда оно обращено къ вѣчной славѣ и чести у Бога въ царствіи небесномъ, то оно не пороки раждаетъ, а добрыя расположенія, наводящія на добрыя дѣла, кои не самость питаютъ, а самоотверженія требуютъ. Чтобы возжелать и взыскать той славы и чести, надо отвергнуться себя и всего высокаго и высящагося на землѣ и низойти на самую смиренную и уничиженную долю,—бросить, что предъ глазами, и ятися за то, что невидимо и для ума безвѣстно. Между здѣшнимъ и тамошнимъ—цѣлая бездна. Какъ перейти ее и кто перенесетъ черезъ нее? Какъ бы это ни совершилось, но оче-

видно, что это есть великій подвигъ. Ибо взыскавшій тамошняго, бываетъ весь тамъ сердцемъ и мыслію, хотя видимо остается здѣсь. Будущія блага объемлетъ надежда. Но надеждѣ нельзя установиться безъ любви; ибо она крѣпка только тѣмъ, что полагается на любимаго и любящаго. А любви нельзя породиться безъ вѣры; ибо только вѣра вводитъ въ созерцаніе достолюбезнаго. Такимъ образомъ взысканіе славы, чести и нетлѣнія имѣетъ высокое духовное совершенство, которому, поколику оно таково, не можетъ не принадлежать вѣчная жизнь: ибо оно ею уже и дышетъ.

Тамъ будутъ слава и честь; но никто ими не будетъ занятъ. То будетъ состояніе славное и пречестное: самое естество человѣческое станетъ славно и честно; вниманіе же обладающихъ имъ будетъ занято другимъ—высшимъ, созерцаніемъ Бога, всеблаженнаго и всеублажающаго. И здѣсь, на землѣ, взыскавшіе тамошняго, чаютъ его; но вниманіе ихъ обращено не къ нему, а къ тому, что ведетъ къ нему надежно, къ святой и богоугодной жизни и ко всякаго рода трудамъ, которые требуются для достиженія такой цѣли. Потому можно сказать, что въ чаяніи у нихъ неизреченныя будущія блага, безъ окачествованія ихъ какою-либо чертою. Апостолъ же называетъ ихъ славою, честію и нетлѣніемъ, заимствуя черты отъ того, что есть великаго у людей, не существо ихъ изображая, а намекомъ нѣкіимъ предъугадывать научая ихъ величіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Замѣть, что, говоря о будущемъ, самъ Апостолъ не въ состояніи изобразить всѣхъ благъ, но говоритъ о славѣ и чести. Поелику блага сіи превосходятъ все человѣческое, и на землѣ ничего нѣтъ, что могло бы служить имъ подобіемъ, Апостолъ, сколько можно, объясняетъ чрезъ сравненіе съ тѣмъ что у насъ почитается блистательнымъ—съ славою, честію и жизнію, такъ какъ сіе для людей вожделѣннѣе. Въ самомъ же дѣлѣ небес-

ныя блага не таковы, но, какъ нетлѣнныя и безсмертныя, несравненно превосходнѣе.

Такимъ образомъ—*славы, чести и нетлѣнія ищущымъ*, то же значитъ, что ищущимъ небесныхъ благъ.—А то, что Богъ воздастъ имъ животъ вѣчный,—значитъ, что Богъ и обогатитъ ихъ сими благами. Все же мѣсто сіе можно выразить такъ: тѣмъ, которые, рѣшившись жить свято и богоугодно, терпѣливо и неуклонно идутъ симъ путемъ благимъ, воодушевляясь надеждою будущаго пресвѣтлаго состоянія, Богъ воздастъ животъ вѣчный,—дастъ имъ вѣчно вкушать неизреченныя блага небесныя. Здѣсь Апостолъ „и труды добродѣтели далъ видѣть, показалъ и вѣнцы. Словами: *по терпѣнію дѣла благаго* означаются труды. Ибо должно терпѣть и преуспѣвать въ добродѣтели, и такимъ образомъ ожидать вѣнцевъ ея. Но трудъ—временный, а пріобрѣтеніе вѣчное“ (Θеод.). „Тѣмъ, говоритъ, которые ищутъ чести, славы и нетлѣнія и никогда не выпускаютъ ихъ изъ мыслей своихъ, Богъ воздастъ въ воскресеніе жизнь вѣчную. Какимъ же образомъ снискиваются будущая слава, честь и нетлѣніе?—Постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ. Ибо постоянный въ добромъ дѣлѣ и твердо стоящій противъ всякаго искушенія дѣйствительно снискиваетъ и славу, и честь, и безсмертіе или наслажденіе нетлѣнными благами въ нетлѣнномъ тѣлѣ“ (Θеоф.).

Ст. 8. *А иже по рвенію противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ.*

„Какъ въ другомъ отдѣлѣ людей обѣщавалъ Богъ оныя блага не просто кому ни есть, и не тѣмъ, которые не съ усиліемъ упражняются въ добродѣтели, но рѣшившимся понести на себѣ труды ея; такъ и въ разсужденіи порока изрекаетъ такія угрозы не тѣмъ, которые по какому-либо обстоятельству поползнулись въ по-

рокъ, но предающимся пороку съ великимъ раченіемъ“ (Θеод.). *Рвеніе*—ἐριθεία, - ретивость, по которой всѣ усилія употребляютъ, чтобы не дать кому-нибудь себя опередить. „Рвеніе, усиліе; *по рвенію*—съ усиліемъ“ (Θеоф.). Усиліе дѣятельное исходитъ отъ сильнаго желанія; а это отъ возлюбленія желаемаго; любовь же означаетъ вседушную преданность. Такимъ образомъ рвеніе здѣсь означаетъ самоохотное возлюбленіе и усердную преданность жизни, противной правдѣ и добру,—раболѣпство страстямъ.

По рвенію противляются истинѣ. Когда кто хочетъ удержать другаго, а тотъ рвется у него изъ рукъ, очевидно, сей послѣдній противляется первому. Истина Божія, призывающая насъ къ вѣрѣ и добродѣтели, удерживаетъ порывы нашего суемудрія и нашихъ порочныхъ пожеланій. Кто стоитъ въ истинѣ, любя ее вседушно, тотъ противится симъ порывамъ; а кто имъ поддался и пошелъ въ слѣдъ ихъ, тотъ противится истинѣ. вырывается изъ рукъ ея, говоритъ ей: отойди, путей твоихъ вѣдать не хочу. Въ этомъ рвеніи на свободу суемудрія и пожеланій своихъ и состоитъ существо богопротивной жизни въ грѣхѣ и страстяхъ. Хоть она въ существѣ есть рабство, но рабствующій по самопрельщенію думаетъ, что онъ состоитъ на правахъ вольности и мечтательно усвояетъ ее себѣ, свысока посматривая на ревнителей добродѣтели, какъ на низкихъ рабовъ, не смѣющихъ ни сужденія своего имѣть, ни позволить себѣ какое-либо вольное дѣйствованіе. Истина здѣсь означать можетъ всякую истину,—и ту, которою опредѣляется вѣра, и ту, которою заповѣдуется добрая жизнь. Въ такомъ случаѣ и правда будетъ тоже означать всякую правду,—и ту, которая требуется отъ ума, и ту, которая требуется отъ сердца. Но по ходу рѣчи ближе будетъ разумѣть здѣсь истину дѣятельную,—тоже, что

правду. Ибо и впереди и послѣ говорится у Апостола о праведной жизни и о противоположной ей.

Когда говоритъ Апостолъ: *противляются истинѣ,* даетъ разумѣть, что они знаютъ истину, какъ истину, и сознательно противляются ей. И когда говоритъ: *повинуются неправдѣ,* даетъ разумѣть, что они знаютъ неправду, какъ неправду, и сознательно повинуются ей. Какъ знаютъ то и другое, ниже объясняетъ онъ: совѣсть ихъ научаетъ. А что возможно такое противосовѣстное дѣйствованіе,—это мы всѣ знаемъ по себѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „словомъ: *по рвенію,* Апостолъ доказываетъ, что они впали въ пороки по упорству и безпечности. Но вотъ и еще новая у нихъ вина: *противляются истинѣ,—повинуются же неправдѣ!* Какое извиненіе можетъ имѣть тотъ, кто убѣгаетъ свѣта и любитъ тьму? Не сказалъ Апостолъ: которые принуждены и терпятъ насиліе, но: которые *повинуются* неправдѣ, давая тѣмъ знать, что ихъ паденіе и преступленіе не отъ необходимости, но отъ произвола.“

Ярость и гнѣвъ. Если предъ: животъ вѣчный доразумѣваемъ—воздастъ, то и здѣсь тоже доразумѣть можно. Въ такомъ случаѣ подъ словами: *ярость и гнѣвъ* надо будетъ разумѣть состояніе, противоположное вѣчному животу, или совокупность вѣчныхъ нестерпимыхъ мученій. И безъ—воздастъ можно такъ читать: а этимъ—ярость и гнѣвъ. Ярость и гнѣвъ собственно выражаютъ отверженіе Божіе: *отойдите отъ Меня.* Это отверженіе и само въ себѣ есть страшнѣйшее наказаніе; но его усиливаютъ еще послѣдующія за нимъ душевныя терзанія и тѣлесныя муки. Хотѣлъ Апостолъ дать понять сими словами, что рабствующихъ неправымъ пожеланіямъ и страстямъ ожидаютъ крайнія муки. Ибо обычно тому, кто горитъ яростію и гнѣвомъ, желать подгнѣвному крайняго зла.

Ст. 9. *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое, Іудеа же прежде и Еллина.*

Снова повторяетъ, что уже высказалъ, подтверждая какъбы: да, такъ это будетъ, и иначе сему быть нельзя. Хочетъ посильнѣе напечатлѣть ту истину, что будетъ судъ, и на немъ всякій дастъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ и соотвѣтственное тому получитъ воздаяніе. Только малый оттѣнокъ въ семъ изображеніи примѣчается въ томъ, что упоминаются раздѣльно Іудеи и Еллины. Этимъ дѣлается переходъ къ обличенію послѣ язычниковъ и Іудеевъ (Θеод.); къ сему однакожь онъ приступаетъ ниже—со стиха 17-го.

Скорбь и тѣснота,—будетъ или низпадетъ: *скорбь* — душевная мука, *тѣснота*—мука тѣлесная. Но и скорбь, терзая душу, мучитъ тѣло; и тѣснота, муча тѣло, томитъ душу. Оба слова, можно думать, выражаютъ всесторонніе страданія и мученія, глубоко чувствуемыя. - *На всяку душу*—не тоже, что на всякое лицо, или на всякаго человѣка: ибо человѣкъ тутъ же стоитъ. Апостолъ хотѣлъ указать, что и внѣшніе и внутреннія страданія и мученія—всѣ сходятся въ душѣ. Она и за себя страдать будетъ и за тѣло: ибо все отъ нея. Въ ней зачинается грѣхъ, въ ней изрекается согласіе на грѣхъ, она услаждается имъ, и навыкъ къ нему усвояетъ. Ей и страдать за все слѣдуетъ. Можно и ту здѣсь видѣть мысль, что на судѣ будетъ имѣться въ виду одна душа съ дѣлами своими безъ всякихъ внѣшнихъ земныхъ отличій. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе значитъ, что богатъ ли кто, начальникъ ли кто вольнаго государства, или самодержавный царь,—слово суда никого не уважаетъ; достоинства не имѣютъ на судѣ мѣста.“

Одно только отличіе будетъ имѣть вѣсъ на судѣ,—Іудей кто, или Еллинъ; но и это не по внѣшнему чему, а тоже по внутреннему состоянію. Іудей осязательнѣй-

шее имѣлъ удостовѣреніе, что есть Богъ—Творецъ, Промыслитель и Судія, и о волѣ Его и заповѣдяхъ имѣлъ полнѣйшее и яснѣйшее вѣдѣніе. То и другое имѣлъ и язычникъ, но въ меньшей мѣрѣ ясности и полноты. Потому тотъ больше виновенъ, забывая Бога и заповѣди Его преступая, нежели этотъ. Тому и наказаніе строже, нежели этому. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ тягчайшимъ наказаніемъ угрожаетъ Іудею: *Іудеа же прежде и Еллина.* Кто большее получилъ наставленіе, тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе. Чѣмъ мы свѣдущѣе и могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе будемъ наказаны за грѣхи. Если ты богатъ, отъ тебя требуется больше пожертвованій, нежели отъ бѣднаго; если уменъ—больше послушанія; если облеченъ властію, покажи блистательнѣйшія заслуги. Такъ и во всемъ прочемъ ты дашь отчетъ по мѣрѣ силъ своихъ.“

Нельзя оставить безъ вниманія и замѣчанія бл. Ѳеофилакта на греческое слово, отвѣчающее нашему: *творящаго злое.* „Не сказалъ, говоритъ, Апостолъ: ἐργαζόμενος—дѣлающій, но κατεργαζόμενος—дѣлающій зло со тщаніемъ,—такой, который не только творитъ злое, но остается во злѣ и не раскаивается.“ На судъ хотя всѣ предстанутъ, но осужденію подпадутъ только нераскаянные. Раскаяніе извергаетъ худое изъ души; потому хоть и значится сіе худое за человѣкомъ, но не носится имъ въ себѣ самомъ. Раскаянный предстанетъ на судъ не имѣющимъ въ себѣ зла; а какъ быть съ тѣмъ зломъ, которое записано за нимъ? Это рѣшитъ милость Божія. Вѣруемъ, впрочемъ, что слезы покаянія изглаждаютъ и ту запись, силою таинства покаянія, по благодати Господа нашего Іисуса Христа.

Ст. 10. *Слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину.*

Прибавляетъ будто въ утѣшеніе Іудеевъ, что ихъ

строже осудилъ, говоря какъбы: не сѣтуйте, что присуждается строжайшее наказаніе вамъ; ибо и награда назначается богатѣйшая. — *Слава и честь и миръ* — можно, не опредѣляя особо значенія каждаго слова, полагать, что ими выражаетъ Апостолъ всю полноту благъ воздаянія, примѣняясь къ тому, что на землѣ почитается высокимъ и утѣшительнымъ; ибо поистинѣ сами въ себѣ тѣ блага непостижимы и неизъяснимы для насъ. Превелики они и преблаженны, а что именно суть, того ни понять, ни высказать невозможно. Ибо не съ чѣмъ ихъ сравнить изъ вѣдомаго намъ: все высокое и утѣшительное у насъ — ничто въ сравненіи съ ними.

Слава и честь выше нѣсколько пояснены. Что миръ? Миръ въ себѣ, миръ со всѣми, миръ паче съ Богомъ. Когда миръ водворяется и царствуетъ, то тѣ, которые имѣютъ счастіе жить подъ его царствомъ, наслаждаются непрестанно отраднымъ состояніемъ, повсюду разливающимъ радость жизни. Можетъ быть здѣсь прибавилъ Апостолъ — *миръ* къ прежде сказаннымъ: славѣ и чести, чтобъ означить верхъ тамошняго блаженства и вмѣстѣ указать, что тѣ слава и честь ничего раздѣляющаго и смущающаго не имѣютъ, какъ это имѣютъ онѣ на землѣ. Такъ св. Златоустъ: „какія бы блага ни имѣлъ кто на землѣ, обладаніе оными сопряжено со многими безпокойствіями; богачъ, владѣлецъ, царь, если не съ другими, то съ самимъ собою бываетъ часто въ раздорѣ, съ своими помыслами ведетъ жестокую брань. Но при обладаніи небесными благами не случается ничего подобнаго; напротивъ все тихо, безмятежно, наслаждается истиннымъ миромъ.“ — Тоже пишетъ и Ѳеофилактъ: „блага земныя всегда имѣютъ враговъ, сопряжены съ безпокойствами, подвержены зависти и кознямъ, и хотя бы совнѣ никто не угрожалъ имъ, самъ обладающій ими всегда безпокоится въ помыслахъ; а слава и честь у

Бога наслаждаются миромъ и чужды безпокойства въ помыслахъ, какъ не подлежащія кознямъ."

Бл. Θеофилактъ, обратившій выше вниманіе на греческое выраженіе—κατεργαζομενος—съ усиліемъ дѣлающій злое, располагаетъ обратить его на греческое выраженіе слова *дѣлающему* и здѣсь,—ἐργαζομένῳ. просто дѣлающему благое, хотя бы и безъ усилія. Апостолъ хотѣлъ будто намекнуть, что легче получить награду, чѣмъ подвергнуться наказанію, чтобъ воодушевить и отогнать безнадежность и нечаяніе въ чувствующихъ себя слабыми. Только начни хоть сколько-нибудь дѣлать добро,—и ты уже будешь на сторонѣ тѣхъ, которыхъ ожидаетъ слава и честь.

Іудееви же прежде и Еллину. Справедливо ли? Что большее наказаніе Іудею, дѣлающему злое, справедливость этого очевидна: ибо, имѣя болѣе побужденій и способовъ дѣлать добро, не только не дѣлалъ его, но уклонился къ противному, явно запрещенному злу. Награду же ему слѣдовало положить меньшую, потому же самому, что онъ большими былъ окруженъ побужденіями и способами къ добру, и потому ему легче было творить его. Язычнику труднѣе было противиться злу и устоять въ добрѣ; потому, если онъ окажется добрымъ, ему слѣдовать должна бы большая награда. Такъ казалось бы; но если Іудей больше имѣлъ побужденій дѣлать добро, то большій имѣлъ и кругъ добродѣланія. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ закону, онъ больше дѣлалъ добра, а потому больше несъ и труда. Это даже въ той части добра, которая вмѣстѣ съ писаннымъ закономъ была внушаема и совѣстію. Но на Іудея законъ возлагалъ многое такое, чего совѣсть не сказываетъ, что однакожь неуклонно должно было быть исполняемо, и требовало труда, который дѣлалъ изъ закона чувствительное иго. Понесшему вѣрно съ терпѣніемъ сіе иго развѣ несправедливо воз-

дать больше? Не одна мѣра усердія и напряженія нравственныхъ силъ опредѣляетъ достоинство дѣятеля, но и кругъ предметовъ дѣйствованія. Къ тому же хотя іудейство не было окончательное устроеніе Божіе къ преспѣянію человѣческому, но оно никакъ не могло оставаться безслѣднымъ для души, не могло не оставлять на ней печати, полагавшей рѣзкое отличіе ея отъ души, естественно лишь доброй. Тамъ былъ зачатокъ освящающей силы отъ Господа Спасителя. Ибо іудейство характеризовало вѣру въ имѣющаго придти Спасителя. Потому вѣрный своему іудейству Іудей не могъ не стоять выше всякаго язычника, вѣрнаго лишь естественнымъ законамъ совѣсти. Св. Златоустъ разсуждаетъ: „Какого Іудея разумѣетъ здѣсь Апостолъ, и о какихъ говоритъ Еллинахъ? О живших до пришествія Христова. Ибо не дошла еще рѣчь до пришествія благодати, напротивъ Апостолъ имѣетъ предметомъ времена отдаленнѣйшія. —Подъ Еллинами разумѣетъ здѣсь Павелъ не идолопоклонниковъ, но людей богобоязненныхъ, повинующихся естественному закону, которые, за исключеніемъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, сохраняли все относящееся до благочестія.“ Дополнимъ: вѣровали въ Бога Творца, Промыслителя и Воздаятеля, надежду свою всю на Него единаго возлагали и боялись оскорбить Его нарушеніемъ чего-либо, что совѣсть внушала имъ, какъ богоугодное, — и такъ бывъ настроены всегда, богатились дѣлами правды и любви, обязательность которыхъ сознавали.

Ст. 11. *Нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога.*

Какъ же нѣтъ на лица зрѣнія, когда Іудей больше награждается? — Апостолъ хочетъ сказать этимъ, что Іудей не награждается, поколику онъ Іудей, а поколику окажется вѣрнымъ предписанному ему закону заповѣдей; равно язычникъ не осуждается, поколику онъ язычникъ, а поколику окажется невѣрнымъ естественному закону

совѣсти. Іудей судится, а потомъ награждается или наказывается, яко Іудей, по его законамъ. Язычникъ судится, и затѣмъ награждается или наказывается, яко язычникъ, по его законамъ. И въ томъ и другомъ случаѣ участь рѣшится вѣрностію или невѣрностію тому закону, который каждый изъ нихъ считалъ для себя обязательнымъ. Исполненіе его сдѣлаетъ его достойнымъ награды въ мѣрѣ исполненія, а нарушеніе его сдѣлаетъ достойнымъ наказанія въ мѣрѣ нарушенія. Въ этомъ отношеніи всѣ равны—и Іудей и Еллинъ. *Нѣтъ на лица зрѣнія у Бога.* Св. Златоустъ говоритъ: „когда говорилъ, что Іудей и язычникъ наказываются за грѣхи, сіе не имѣло нужды въ доказательствахъ. Но когда хочетъ внушить, что и язычникъ удостоится чести, на это нужны уже доводы. Ибо казалось дивнымъ и страннымъ, чтобы не слышавшій Закона и Пророковъ удостоивался чести за добрыя дѣла. Апостолъ и внушаетъ намъ, что Богу несвойственно поступать иначе, потому что сіе было бы лицепріятіемъ, а въ Богѣ нѣтъ лицепріятія. *Нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*, т.-е. Богъ испытуетъ не качество лицъ, а разность дѣлъ.– Одинъ пріемлетъ честь, а другой поруганіе не потому, что тотъ Іудей, а сей язычникъ; напротивъ каждому воздается по дѣламъ.“

Нельзя не видѣть, что Апостолъ,—съ 9-го стиха доселѣ и далѣе,—далъ особое направленіе своей мысли. Видимо, онъ незамѣтно подходитъ къ главной своей мысли—равенству Іудея и язычника предъ благодатію. Вдругъ выразивъ эту мысль, онъ могъ изумить и оттолкнуть Іудеевъ. Чтобъ расположить ихъ къ принятію ея издали, онъ ставитъ напередъ Іудея и Еллина равными предъ судомъ Божіимъ. Въ этомъ присужденіи за него стояло врожденное всѣмъ чувство правды, заграждая уста Іудею и заставляя его покорно согласиться на высказанное Апостоломъ рѣшеніе вѣчной участи каждаго неумытною

правдою Божіею. Св. Златоустъ говоритъ: „Такъ Апостолъ напередъ подкапываетъ преграду между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, еще издали готовитъ уничтоженіе сего различія, дабы совершить сіе, не подавъ никакого подозрѣнія. Еслибы сталъ онъ доказывать сіе прямо о временахъ благодати, то слова его навлекли бы не мало подозрѣнія. Но когда, разсуждая о господствующихъ въ мірѣ нечестіи и развращеніи, по связи рѣчи доходитъ и до сего предмета; ученіе его дѣлается вовсе неподозрительнымъ. Вникни!—Апостолъ привелъ слушателя въ страхъ, поразилъ слухъ его напоминаніемъ о страшномъ днѣ, сказалъ, сколь худа порочная жизнь, доказалъ, что всякій грѣшитъ не по невѣдѣнію, а потому и несвободенъ отъ наказанія, и ежели еще не наказанъ, то неминуемо подвергнется казни. Здѣсь хочетъ онъ уже доказывать, что ученіе закона не есть что-либо крайне необходимое, потому что и наказаніе и награда бываетъ за дѣла, а не за обрѣзаніе и необрѣзаніе. Апостолъ сказавъ, что язычникъ будетъ наказанъ, изъ сего положенія, какъ неоспоримаго, вывелъ заключеніе, что язычникъ будетъ и награжденъ, а симъ обнаружилъ, что законъ и обрѣзаніе уже излишни. Іудеи по гордости считали низкимъ для себя стать наравнѣ съ язычниками. По сему Апостолъ сперва обвинилъ язычниковъ, о которыхъ завелъ рѣчь, дабы не возбудить подозрѣнія и сильнѣе напасть на Іудеевъ; потомъ переходитъ къ разсужденію о наказаніи, и доказываетъ, что законъ не только не пользуетъ Іудею, но даже обременяетъ его. Если язычникъ неизвинителенъ, что не сдѣлался лучшимъ при руководствѣ природы и разума, то гораздо болѣе неизвинителенъ Іудей, который кромѣ такого же руководства обученъ былъ и закону. Такимъ образомъ Апостолъ, убѣдивъ Іудея согласиться, что грѣхи язычниковъ неизвинительны, по неволѣ заставляетъ тоже заключить и о своихъ грѣхахъ.“

Ст. 12. *Елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ; и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ.*

Объясняетъ и утверждаетъ Божіе нелицепріятіе. Которые, говоритъ, *беззаконно*, т.-е., не имѣя писаннаго закона, а руководствуясь однимъ естественнымъ закономъ совѣсти, *согрѣшили*, тѣ *беззаконно* и погибнутъ, — т.-е. не по писанному закону будутъ осуждены на вѣчное мученіе, которое есть крайняя пагуба, а „по одному врожденному природѣ ихъ дару распознавать доброе и злое“ (Θеод.), — будутъ осуждены за то, что не слѣдовали сему естественному, въ сердцѣ ихъ написанному, закону. А которые *въ законѣ*, т.-е., имѣя писанный законъ, *согрѣшили*, тѣ по этому закону и судимы будутъ, и *судъ пріимутъ*, т.-е. будутъ осуждены на ту же вѣчную пагубу. Когда на горѣ Синайской изрекли они: все, что скажетъ Господь, сотворимъ и послушаемъ, тогда же приняли они всѣ предписанія закона въ совѣсть, и поставили себя отвѣтными предъ ними, какъ предъ совѣстію. Этимъ для нихъ разширилось пространство подсудности. Какъ постепенно возводитъ Іудеевъ къ сознанію большей для нихъ опасности, чѣмъ для язычника! Не говоритъ онъ этого явно; говоритъ только, что Богъ нелицепріятенъ и будетъ судить всякаго по тому закону, который онъ сознавалъ для себя обязательнымъ. Но поелику для Іудеевъ и предписанія закона были обширнѣе и вѣдѣніе ихъ яснѣе и полнѣе, то потому самому ему слѣдуетъ больше бояться за свою участь. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ доказываетъ, что не только Іудей и язычникъ равны между собою, но на Іудея возложено большее бремя дарованіемъ ему закона. Хотя язычникъ осуждается безъ закона, но сіе осужденіе безъ закона означаетъ не большую строгость, а большую снисходительность въ судѣ, — именно то, что язычникъ не имѣетъ обвинителемъ за-

кона. Судимый безъ закона, т.-е. неподлежащій осужденію по закону. судится по одному естественному разуму. А Іудей судится по закону, т.-е. сверхъ природы имѣетъ обличителемъ законъ. Чѣмъ больше приложено о немъ попеченій, тѣмъ большему подвергнется онъ наказанію. Видишь ли, какъ Апостолъ поставилъ Іудеевъ въ большую предъ язычниками необходимость прибѣгать къ благодати? Поелику они говорили, что не имѣютъ нужды въ благодати, какъ оправдываемые однимъ закономъ, то Апостолъ доказываетъ, что Іудеямъ, если только подвергнутся они большему наказанію, благодать нужнѣе, нежели язычникамъ."

Ст. 13. *Не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся.*

Видимо, что Апостолъ, оставляя язычниковъ, больше и больше налегаетъ на Іудеевъ. Какъ они хвалились закономъ, и за нимъ прятались, какъ за оградою; то законъ же обращаетъ онъ въ осужденіе имъ, и эту ограду подрывая, обрушиваетъ на нихъ судъ праведный, всею тяжестію подавляющій. Хорошо, что у васъ законъ, ясно изображающій, что должны вы дѣлать и чего не дѣлать, хорошо, что вы ясно слышали и слышите о всемъ этомъ. Это не малое преимущество. Но предъ Богомъ не то цѣнно, что у васъ есть Писаніе, изображающее законъ, и что вы слышите его, а то, если исполняете. Если исполняете, больше вамъ чести; а если не исполняете, что пользы отъ закона? Никакого не придастъ вамъ это вѣса. Одни творцы закона оправдятся.

Таковъ общій законъ божественнаго правосудія, по которому будетъ совершаться всемірный судъ. Творцы закона оправдятся: когда? *Въ день суда*—ст. 16. Потому ст. 16 стоитъ въ прямой связи съ настоящимъ 13-мъ, какъ его дополненіе. Въ стт. 14 и 15-мъ Апостолъ объясняетъ, что у язычниковъ есть свой законъ. Доселѣ не

разъ онъ говорилъ, что язычники знали законъ и, несмотря на то, грѣшили, потому безотвѣтны; но какъ знали,—не объяснялъ. Дѣлаетъ это теперь. Ибо поставивъ на одну линію предъ судомъ Іудея и язычника, и дѣлая того и другаго отвѣтнымъ—каждаго предъ своимъ закономъ, онъ долженъ былъ объяснить наконецъ и это. Что у Іудея былъ предъ глазами законъ, объ этомъ и говорить нечего. Но какой законъ у язычника?—Іудей могъ говорить: что ты его равняешь со мною? У него никакого закона нѣтъ, и всѣ дѣла его грѣшны и нечисты предъ Богомъ Какого ему ожидать оправданія, и соотвѣтственной награды?—Язычникъ могъ думать: если не данъ мнѣ законъ, за что меня осуждать? Пусть идутъ въ муку вѣчную одни Іудеи.—Апостолъ и объясняетъ, какъ у язычника написанъ законъ, и какъ потому и награда ему пристойна и наказаніе не неправедно.

Ст. 14 *Егда бо языцы, не имуще закона естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ.*

Говоритъ: *творцы закона оправдятся;* но гдѣ же у язычниковъ законъ? Да, ты смотри! Вѣдь язычники творятъ что-либо законное,—сообразное съ закономъ? Творятъ. А между тѣмъ писаннаго закона у нихъ нѣтъ?—Нѣтъ. Какъ же это они творятъ законное?—Естествомъ; т.-е., безъ особыхъ указаній свыше, своими естественными силами, руководствуясь тѣмъ однимъ, что Богомъ положено въ ихъ естество. Если такимъ образомъ они естествомъ законное творятъ, безъ писаннаго закона, то очевидно, что они сами себѣ суть законъ,—т.-е. сами въ себѣ носятъ законъ, сами въ себѣ его читаютъ, слушаютъ и исполняютъ. Ты, Іудей, слушаешь писанный законъ, принимаешь его на совѣсть, считаешь себя обязаннымъ исполнять его.—и исполняешь,—творишь законное; а у язычника все это совершается внутри, въ немъ самомъ,

въ естествѣ его: тамъ и слышится ему законъ, тамъ онъ внимаетъ ему, тамъ полагаетъ и творитъ его.

Какъ это происходитъ, объясняетъ Апостолъ въ слѣдующемъ стихѣ, а здѣсь только приводитъ опытное указаніе, что язычникъ творитъ законное, творитъ *естествомъ*,—безъ особаго свыше руководства,—и потому самъ себѣ есть законъ. Надо замѣтить, что когда Апостолъ говоритъ *естествомъ*, то не разумѣетъ: съ естественною необходимостію, а только: съ естественными силами, которыя имѣются отъ природы. Съ сими силами и узнаютъ законное, и рѣшаются на него и творятъ его, сохраняя полную свободу слѣдовать ему или не слѣдовать. „Говоря: *естествомъ*, разумѣетъ: по естественному разуму“ (Св. Злат.), „имѣя убѣжденіе въ мысляхъ, напечатлѣвъ въ сердцахъ своихъ не письмена, но дѣло, и вмѣсто закона пользуясь, во свидѣтельство о добромъ, совѣстію и природными мыслями“ (Θеоф.). Также когда говоритъ Апостолъ: *сами себѣ суть законъ*, не усвояетъ имъ права дѣйствовать, какъ кому ни захочется, а только то внушаетъ, что законъ не пришелъ къ нимъ совнѣ. По качеству же своему онъ столько же непреложенъ, какъ и писанный,—у всѣхъ одинаковъ, и равно для всѣхъ обязателенъ: ибо естество неизмѣнно, у всѣхъ одно, и дѣйствующій не по естеству разрушаетъ естество.

Но какъ же Апостолъ прежде изобразилъ язычниковъ такими непотребными, что сказать объ нихъ: *естествомъ законная творятъ*, уже не приходилось бы?—Тамъ онъ изобразилъ ихъ какими они сдѣлались по своему произволенію, низпадши въ похоти плоти; а здѣсь указываетъ, какими слѣдовало бы имъ быть по естеству, т.-е., творить законное, написанное въ естествѣ ихъ. Тамъ представленъ преобладающій характеръ язычества, до какого нравственнаго униженія оно низпало, а здѣсь говорится, что при всемъ томъ были же и такіе, которые творили

законное. Эти послѣдніе и служатъ въ обличеніе тѣхъ, что знали, могли творить законное и не творили. Не будь творящихъ законное, беззаконнующіе могли бы говорить: что дѣлать? такъ ужь вѣрно мы устроены.—Апостолъ здѣсь и даетъ разумѣть, что не такъ устроены, чтобы нечествовать и развратничать, а напротивъ такъ, чтобы творить законное.—Апостолу нужно въ настоящемъ мѣстѣ не то положеніе, что язычники—всѣ и все законное творятъ, а только одно то, что творятъ законное, чтобы отсюда вывесть: слѣдовательно у нихъ есть свой законъ, въ нихъ дѣйствующій.

Ст. 15. *Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ.*

Могъ иной сказать: что язычники творятъ иногда законное, это бываетъ случайно; между множествомъ беззаконныхъ дѣлъ выпадаетъ иногда какъ-нибудь и законное. Апостолъ предотвращаетъ эту мысль, изображая, какъ естественно совершается производство нравственныхъ дѣяній. Язычники *являютъ дѣло законное*. Какое? Всякое, какое ни являютъ,—что будетъ означать то же, что законныя дѣла. Или *дѣло законное* значитъ—дѣло закона, дѣло нравственности,—нравственное законодательство. То или другое являютъ *они написаннымъ въ сердцахъ своихъ*. Ибо всегда первое внушеніе на добро исходитъ изъ сердца. Встрѣтился страждущій,—изъ сердца исходитъ состраданіе, располагающее облегчить его участь. Видитъ кто обижающаго,—изъ сердца исходитъ неудовольствіе на него съ понужденіемъ защитить обижаемаго. Получилъ кто благодѣяніе,—сердце исполняется благодарностію къ благодѣтелю. Пришло помышленіе о Богѣ, въ сердцѣ чувствуется благоговѣйное Ему поклоненіе и преданность, хотя бы не имѣлъ кто правыхъ понятій о Божествѣ.—Такъ всякое дѣло закон-

ное является написаннымъ въ сердцѣ и у язычника. Но въ сердцѣ откуда оно? Сердце—производитель законнаго внушенія, или только проводникъ?—Само оно есть законное дѣло, или оно только являетъ, указываетъ дѣло законное, принимая внушенія отъинуды и служа имъ только истолкователемъ?—Глубже сердца, въ духѣ лежитъ совѣсть, страхомъ Божіимъ оживляемая. Она перстомъ своимъ пишетъ въ сердцѣ при всякомъ случаѣ дѣло законное,—то, какъ слѣдуетъ поступить, иногда—помоги, иногда—защити, иногда—не тронь, это чужое, и подобное. Дѣло законное и является написаннымъ въ сердцѣ, и свидѣтельствуется чувствомъ, указывающимъ образъ дѣйствованія.

Но все ли здѣсь? Нѣтъ. Надо дойти до исполненія дѣломъ того, что внушено чрезъ сердце. И это идетъ такъ. Чувство сердца отражается въ сознаніи; лучъ сознанія опять низпадаетъ на совѣсть и вызываетъ обязательство сдѣлать такъ или иначе. Сердце только сочувствуетъ законному дѣлу, — какъ внушила ему совѣсть; совѣсть же, когда съ дѣломъ обратилось къ нему сознаніе, возлагаетъ теперь на него нравственную необходимость дѣйствованія такъ, а не иначе. Это и значитъ: *спослушествующей имъ совѣсти.* Спослушествующей,—συμμαρτυρούσης — свидѣтельствующей. Кому? Чувствамъ сердца. Совѣсть говоритъ сознанію или лицу человѣка: да, да; такъ должно поступить, какъ внушаетъ сердце.

Этимъ внутреннее законоположеніе на всякій разъ и кончается. Дѣло законное указано и сознано обязательнымъ. Но такое рѣшеніе постановлено лишь во внутреннѣйшей высшей палатѣ, гдѣ ничто законное не встрѣчаетъ препятствій. Чтобы перейти этому рѣшенію въ дѣло, ему надобно пройти чрезъ низшую палату—душу съ ея потребностями, привычками и принятыми въ правило внѣшними отношеніями. Сюда и поступаетъ всякое

законное дѣло,—и какъ только поступаетъ, всегда встрѣчаетъ бурю противопомышленій.—Совѣсть между тѣмъ защищаетъ свое дѣло. Происходитъ борьба внутри—*между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ. Отвѣщающимъ*—ἀπολογουμένων,—защищающимъ, исполняющимъ адвокатскую должность. Слышится съ одной стороны осужденіе, съ другой—защита и оправданіе. Какая сторона одолѣетъ, по той и исполненіе слѣдуетъ,—дѣло законное, внутри законоположенное, на дѣлѣ или отвергается или исполняется. Кто рѣшитель?—Свободное лице человѣка дѣйствующаго. И никто не можетъ рѣшить, почему это лицо склоняется на ту или другую сторону, и рѣшеній его никакимъ образомъ нельзя подвесть подъ какіе-либо законы, чтобы по немъ можно было и предугадывать его рѣшенія. Ибо у него бываетъ сейчасъ одно, а черезъ часъ другое рѣшеніе, при совершенно равныхъ обстоятельствахъ.

Вотъ все производство нравственнаго дѣянія. Изъ него видно, что нравственный законъ написанъ въ сердцѣ человѣка и подкрѣпляется совѣстію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ всегда необходимо былъ исполняемъ: ибо встрѣчаетъ помыслы, въ борьбѣ съ которыми не всегда выходитъ побѣдителемъ. Виновникъ исполненія или неисполненія свободный человѣкъ, который за дѣла свои и дастъ отчетъ въ день, когда будетъ Господь судить тайная человѣковъ: ибо рѣшенія человѣка на дѣла совершаются втайнѣ, а они-то собственно и подлежатъ суду и осужденію.

Мы считаемъ стихи 14 и 15 вносными пояснительными положеніями. Но замѣтить слѣдуетъ, что древніе наши толковники такъ не думаютъ, а видятъ и здѣсь послѣдовательную рѣчь. Насъ заставляетъ видѣть здѣсь вносное то, что иначе нестройно будетъ стоять слѣдующій 16-й текстъ: *въ день, егда судитъ Богъ.* Но они слова

эти соединяютъ съ непосредственно предъидущими, и, когда толкуютъ, мѣсто все выписываютъ такъ: *и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ въ день, егда судитъ Богъ* и проч.—Показалъ выше Апостолъ, что на судѣ всѣ будутъ судимы по закону, который лежалъ на всякомъ, и объяснилъ затѣмъ, что и у язычниковъ былъ и есть свой, законъ, написанный въ сердцѣ и скрѣпляемый совѣстію;—теперь говоритъ, какъ будетъ происходить самый судъ. Именно, тамъ не нужны будутъ свидѣтели; всякой въ мысляхъ своихъ самъ надъ собою произнесетъ оправданіе или осужденіе: всякой будетъ видѣть свой законъ и дѣла свои, сличитъ то и другое. и рѣшитъ: виноватъ или нѣтъ. Св. Златоустъ говоритъ: „слова—*осуждающимъ* (и проч.) относитъ Апостолъ ко всему роду человѣческому. Ибо въ день суда предстанутъ собственныя наши мысли, то осуждающія, то оправдывающія. И человѣку на ономъ судилищѣ не нужно другаго обвинителя.“ Такъ Θеофилактъ и Амвросіастъ. Экуменій приводитъ кромѣ своихъ мыслей толкованіе и бл. Фотія. Θеодоритъ объясняетъ при семъ и то, какъ подымутся осуждающіе помыслы, слѣдующими примѣрами: „Не излишнимъ считаю пояснить слово сіе какимъ-либо примѣромъ. Когда чудный Іосифъ приводилъ въ дѣйствіе составленный имъ замыслъ надъ Веніаминомъ, и покушался взять его въ рабы, какъ будто укравшаго чашу, и тѣмъ, какъ огнемъ, искушалъ расположеніе братьевъ; тогда ясно открылась сила свидѣтельства совѣсти. Ибо тогда, именно тогда, меньше занялись настоящимъ горестнымъ событіемъ, вспомнили же о преступленіи, совершенномъ за двадцать два года, и одни сказали: кровь брата нашего юнѣйшаго взыскуется отъ рукъ нашихъ, а Рувимъ припоминалъ сдѣланныя имъ увѣщанія. Поэтому надобно представить себѣ и будущій судъ, и то, какъ совѣсть жившихъ и внѣ закона будетъ то

оправдываться, выставляя въ предлогъ невѣдѣніе, то принимать обвиненіе и провозглашать справедливость произносимаго приговора."

Это толкованіе не противорѣчитъ предъидущему и не отмѣняетъ его, а указываетъ только второй моментъ одного и того же суда: одинъ проявляется въ сей жизни, а другой наступитъ въ другой. Но въ существѣ и тотъ и другой одинаковы. И тамъ совѣсть такъже будетъ судить и осуждать, какъ это дѣлаетъ она здѣсь. Тамъ только голосъ ея будетъ сильнѣе и рѣшительнѣе: потому что не будетъ встрѣчать противорѣчій, какъ бываетъ здѣсь.

Ст. 16. *Въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ, по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ.*

Тамъ рѣшится вѣчная участь каждаго, т.-е. осудится онъ или оправдится, не поколику слышалъ законъ,—чрезъ слухъ ли уха или чрезъ сердце,—а поколику творилъ его;—и притомъ не какъ внѣшно творилъ его, а какъ построевалось всякое творимое дѣло внутренно. Ибо это внутреннее построеніе дѣлъ составляетъ душу дѣлъ, внѣшнее же производство ихъ есть только тѣло для того внутренняго, и постольку цѣнно, поскольку цѣнно то внутреннее. Эта внутренняя сторона дѣлъ обнимаетъ, какъ зарождались первыя мысли о дѣлахъ, какъ потомъ доходили они до вожделѣнія, какъ соприкасались совѣсти, какъ покарялись или сопротивлялись ей, какъ происходило рѣшеніе и почему, и каковъ вообще духъ и направленіе всѣхъ дѣлъ, всей жизни и дѣятельности. Все это и подобное составляетъ существо дѣлъ и рѣшаетъ достоинство ихъ въ осужденіе или оправданіе своего дѣятеля. Какъ все это невидимо, то Апостолъ и говоритъ, что въ послѣдній день Богъ будетъ судить тайная человѣковъ,—κρυπτὰ—сокровенная,—не то, что есть человѣкъ совнѣ, но что онъ есть по внутреннему

своему строю. „Апостолъ, дабы увеличить страхъ, не сказалъ: человѣческіе грѣхи (будетъ судить Богъ), но: *тайная человѣкомъ*,—чтобъ не заключилъ ты, что приговоръ Божій таковъ же, какъ и произносимый тобою, но зналъ, что оный гораздо строже твоего приговора. Ибо люди могутъ судить однѣ явныя дѣла“ (Св. Злат.), „а Богъ будетъ судить и тайное“ (Θеоф.).

По благовѣствованію моему Іисусомъ Христомъ. „Можешь и такъ разумѣть слова—*Іисусомъ Христомъ:* по благовѣствованію моему, предоставленному мнѣ Іисусомъ Христомъ“ (Θеоф.). Но прямѣе слова сіи относятся къ производству суда Іисусомъ Христомъ, такъ: „Богъ будетъ судить тайная чрезъ Іисуса Христа, т.-е. Отецъ чрезъ Сына, потому что Отецъ не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22)“ (Онъ же).

Когда Апостолъ говоритъ: *по благовѣствованію моему*, не то хочетъ симъ сказать, что онъ только объ этомъ возвѣщаетъ, а другой никто, а то, что въ проповѣди своей онъ никогда не опускалъ этого важнѣйшаго предмета. Кому бы ни проповѣдалъ, всѣмъ говорилъ о судѣ. Этимъ начиналъ проповѣдь, чтобы разбудить усыпленную совѣсть; потомъ за эту пробужденную совѣсть, какъ за поводъ взявши, и ко Христу приведши, обновивши благодатію и заповѣди христіанскія возложивши, заключалъ: такъ обновленный и благодатію укрѣпленный живи неуклонно по заповѣдямъ, каждую минуту чая втораго пришествія Христа Господа, Который пришедши воздастъ каждому по дѣламъ его. Мысль о послѣднемъ страшномъ судѣ—начало и конецъ въ проповѣди Апостольской: началомъ и концомъ она была и есть и въ жизни каждаго, ревнующаго о спасеніи. У кого она не выпадаетъ изъ вниманія, съ соотвѣтственными ей чувствами, тому нельзя грѣшить.

„Посему каждый, войдя въ сознаніе себя самого и раз-

мысливъ о грѣхахъ своихъ, потребуй отъ себя строгаго отчета, дабы тогда не быть осуждену съ міромъ. Ибо судилище сіе страшно, престолъ Судіи грозенъ, истязанія ужасны. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ?* (Пс. 48, 8).—Представь себѣ, что еслибы теперь предъ одною церковію обнаружить тайный проступокъ кого-либо изъ насъ, то уличаемый согласился бы лучше погибнуть, дать себя поглотить землѣ, чѣмъ имѣть столькихъ свидѣтелей своего преступленія. Что же будетъ съ нами тогда, какъ предъ цѣлою вселенной будетъ все выставлено на семъ блистательномъ и открытомъ позорищѣ, какъ все сдѣлается видимымъ для нашихъ знакомыхъ и незнакомыхъ?“—(Св. Злат.).

бб).

И Іудеи содержали истину Божію въ неправдѣ.

2, 17—3, 20.

Поставивъ такимъ образомъ предъ судомъ Божіимъ Іудея на одной линіи съ язычникомъ и тѣмъ возбудивъ въ немъ опасеніе осужденія, Апостолъ расположилъ его выслушать и слѣдующее теперь обличеніе его, въ которомъ онъ, подобно какъ и въ обличеніи язычниковъ, α) сначала указываетъ, что они и по назначенію и по сознанію своему суть боговѣдцы и вѣдцы воли Божіей, не только сами для себя, 2, 17—18, но и для другихъ, 19—20. β) Если теперь при всемъ этомъ они оказываются неисправно живущими, въ противорѣчіе и своему назначенію и своему сознанію,—21—24, то γ) всѣ, означенныя преимущества—ни къ чему,—они представляютъ Іудея худшимъ язычника,— —25—29.—δ) Этотъ выводъ не могъ не встрѣтить возраженія: что убо лишшее Іудею? Устранивъ его,—3, 1—8,—Апостолъ ε) снова

налегаетъ на обвиненіе Іудеевъ (касаясь отчасти и язычниковъ), уже не самъ отъ себя, а отъ лица пророковъ, и тѣмъ заставляетъ ихъ смолкнуть, 3, 9 - 20.

α).

Ст. 17. *Се ты Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ.*

Се ты. По-гречески въ иныхъ рукописяхъ стоитъ εἰ δὲ σύ, если же ты,—а въ иныхъ ἰδὲ σύ,—смотри, ты, или вотъ ты. Преимущество по рукописямъ принадлежитъ первому, а по смыслу и теченію рѣчи—второму. Его и удерживаетъ нашъ славянскій и русскій переводъ.—*Се ты Іудей именуешися.* Іудей отъ Іуды, сына Іакова, не перваго по рожденію, но перваго по обѣтованію; ибо ему обѣтованъ царскій скипетръ, и главное то, что отъ его племени имѣлъ родиться Тотъ, Кто есть чаяніе языковъ.—Назывались они также Израильтянами—отъ Израиля, какимъ именемъ названъ Іаковъ вслѣдствіе боговидѣнія,—и Евреями отъ Евера, предка Авраамова. Въ новозавѣтныхъ писаніяхъ они называются то Евреями, то Израильтянами, то Іудеями, то Жидами. Можетъ быть, въ то время, почетнѣйшимъ названіемъ считалось Іудей, какъ въ устахъ самихъ Іудеевъ, такъ и у другихъ. Его и употребилъ Апостолъ, желая показать, какое почетное они носятъ названіе, чтобы послѣ тѣмъ срамнѣйшимъ представилось ихъ несоотвѣтствіе сему имени въ жизни. Такъ и мы носимъ самое высокое имя—христіанинъ, какъ во Христа облеченные и Духомъ Святымъ помазанные; но сіе великое имя обращается намъ въ посрамленіе, если не соотвѣтствуемъ ему жизнію (Св. Злат.). Въ словѣ *Іудей* Апостолъ совмѣстилъ всѣ преимущества ветхозавѣтныя, которыя любилъ вращать въ мысли своей Іудей, говоря какъбы: вотъ ты любишь именовать себя Іуде-

емъ,—избраннымъ Божіимъ, пользующимся особымъ покровительствомъ Божіимъ, съ которымъ Богъ вступить благоволилъ въ особый завѣтъ, преимущественно предъ другими народами. Смотри же, таковъ ли ты на дѣлѣ?— Или, сказавъ: *именуешися Іудей,* этимъ самымъ сдѣлалъ уже намекъ на то, что онъ только именуетъ себя такъ, не будучи на дѣлѣ таковымъ, внушая, что за нимъ только одно это почетное имя осталось, какъ и намъ иногда говорятъ: ты по имени только христіанинъ (Св. Злат., Θеод.).

И почиваеши на законѣ,—ἐπαναπαύῃ.—Какъ иному покойно почивать, возлегши на хорошо приготовленномъ одрѣ: такъ покойно почивалъ Іудей на законѣ,— семъ несомнѣнно отъ Бога исшедшемъ спасительномъ учрежденіи, несомнѣнно приводившемъ къ предположенной въ немъ цѣли, обезопашивавшемъ отъ всякаго заблужденія въ дѣлѣ наиболѣе близкомъ къ сердцу всякаго,—въ богоугожденіи и спасеніи. Имѣя такое учрежденіе, Іудей почивалъ, отложа всѣ заботы по этой части, какъ будто имѣя это, онъ все имѣлъ, и ничего больше отъ него не требовалось; между тѣмъ какъ это только начало, а что требовалось по сему началу, тому и начало не положено. Такимъ образомъ въ словѣ—*почиваеши на законѣ* дается высокая похвала закону и намекается на укорное обличеніе состоящему въ законѣ. Это и къ намъ можетъ идти, когда успокоиваясь тѣмъ, что имѣемъ истинно-православное исповѣданіе, истинно-спасительныя таинства, боголѣпный чинъ приближенія къ Богу въ молитвахъ и вѣрное руководство въ дѣлѣ спасенія въ богоучрежденномъ пастырствѣ,—на этомъ одномъ почиваемъ, не двигаясь съ мѣста сами. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „*почиваеши на законѣ*: ибо не трудишься, подобно живущему внѣ закона, доискиваясь, что должно дѣлать, но имѣешь законъ, ясно научающій тебя всему.“ Тоже и

бл. Θеофилактъ: „не трудишься, не ходишь, не разузнаешь, что должно дѣлать, но имѣешь законъ, безъ труда наставляющій тебя на все.“—Не можетъ ли это выраженіе означать также и прилежнаго изученія закона, подобно тому, какъ мы говоримъ про инаго: спитъ на книгахъ? Любишь говорить, рыться въ книгахъ закона, чтобы знать навѣрное что угодно Богу; почему ниже и приложилъ: *научаемь отъ закона*. Іудеевъ нельзя похулить, что небрегли о знаніи закона. Съ этой стороны они исправны, исправнѣе насъ, христіанъ, которымъ, въ большинствѣ, заботы нѣтъ о томъ, что писано въ христіанскихъ книгахъ и чего хочетъ отъ нихъ Христосъ Господь, въ Коего вѣруютъ и Коего именемъ украшаются.

И хвалишися о Бозѣ — ἐν Θεῷ,—въ Богѣ, Богомъ. „Хвалишися о Бозѣ, какъ предпочтившемъ тебя предъ всѣми народами вселенной, какъ удостоившемъ тебя великаго попеченія, давшемъ законъ и руководителей пророковъ“ (Θеод.). „Хвалишься, что ты любимъ Богомъ, и предпочтенъ прочимъ людямъ“ (Св. Злат.). Говоришь: вотъ какой у меня Богъ! Онъ мнѣ то и то сдѣлалъ, то и то далъ, то и то обѣщалъ,—любитъ меня и всегда готовъ помочь мнѣ. Я—Божій и Богъ мой,—Богъ истинный. Хвалиться Богомъ—воистину есть выраженіе того, что отношенія наши къ Богу находятся въ настоящемъ видѣ. Такъ поступать можетъ только тотъ, кто состоитъ въ живомъ союзѣ съ Богомъ, въ Немъ Единомъ и Имъ Единымъ живетъ. Это плодъ послѣднихъ степеней нравственно-духовнаго совершенства. Имѣющіе истинную вѣру всѣ должны быть таковы. И слѣдовательно хвалиться Богомъ есть долгъ тѣхъ, которые приняли отъ Бога истинную вѣру. И ничѣмъ другимъ хвалиться имъ не пристойно. *Хваляйся о Господѣ да хвалится* (2 Кор. 10, 17). Но можно хвалиться лишь языкомъ, не имѣя въ сердцѣ такого хваленія. Въ сердцѣ и притвориться нель-

зя такимъ хваленіемъ: оно плодъ жизни. Апостолъ говоритъ: ты хвалишься Богомъ? Это хорошо; но посмотри, искренно ли и истинно ли сіе хваленіе. Можно языкомъ хвалиться о Богѣ, чтобъ повеличаться предъ другими, не имѣя въ сердцѣ соотвѣтственныхъ тому чувствъ.—Св. Златоустъ и наводитъ: „симъ, думаю, хочетъ Апостолъ осмѣять высокоуміе и непомѣрное честолюбіе Іудеевъ, которые обратили сей даръ Божій (что любимы и предпочтены Богомъ) не въ собственное свое спасеніе, но въ поводъ заводить распри и презирать другихъ.“—Не хотѣлъ ли Апостолъ сказать этимъ, что они хвалятся здравыми понятіями о Богѣ, что знаютъ Бога истиннаго и знаютъ истинно?—Въ язычникахъ онъ обличалъ извращеніе истины о Богѣ, а за тѣмъ и о должной жизни. Въ Іудеяхъ, напротивъ, видитъ онъ и здравыя понятія о Богѣ, и вѣдѣніе истинной воли Его, какъ поминаетъ вслѣдъ за симъ. А предъ симъ на это наводитъ можетъ почиваніе на законѣ, изучая который со всѣми писаніями святыми, Іудей пріобрѣталъ истинное вѣдѣніе о Богѣ, коимъ неложно могъ хвалиться предъ всѣми народами. Тутъ же онъ уразумѣвалъ и волю Божію.

Ст. 18. *И разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемъ отъ закона.*

И разумѣеши волю, „т.-е. волю Божію“ (Θеод., Θеоф.), опредѣленно выраженную въ законѣ и истолкованную пророками, съ опредѣленнымъ указаніемъ того, какъ Богу угождать, какъ богоугодно жить между собою, какъ заглаждать свои грѣхи и исправлять свои пороки,—и чего ожидать при всемъ этомъ въ жизни сей и по смерти. Все это, говоритъ, ты разумѣешь Іудей и былъ бы ты блаженъ, еслибы и творилъ такъ. Но какъ этого нѣтъ, то подобное разумѣніе служитъ только къ большему осужденію тебя. Св. Златоустъ говоритъ: „Разумѣть только—не важно, когда не свидѣтельствуется дѣлами,

хотя почиталось преимуществомъ; почему Апостолъ и замѣчаетъ сіе особенно. Не сказалъ онъ: исполняешь, но: разумѣешь, не слѣдуя тому и не дѣлая того."

И разсуждаеши лучшая δοκιμάζεις τὰ διαφέροντα.—Δοκιμάζειν—испытывать, опытно познавать, распознавать и удостовѣряться. Διαφέροντα—то, что выдается изъ ряду, лучшее, отличное. Если разумѣть вообще, то будетъ: „различаешь противоположное между собою, правду и неправду, цѣломудріе и непотребство, благочестіе и нечестіе" (Θеод.). Но какъ δοκιμάζειν указываетъ на частную дѣятельность, или на опыты ея, то въ этихъ словахъ скорѣе можно видѣть указаніе на то, что Іудей хорошо могъ опредѣлять, что, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ должно ему дѣлать въ видахъ богоугожденія, какой лучшій образъ дѣйствованія избрать ему. Что онъ разумѣлъ, что должно дѣлать вообще, это указано словами: разумѣеши волю;—словами же *разсуждаеши лучшая* указывается, что онъ могъ рѣшать и то, что лучше для него дѣлать въ частныхъ случаяхъ. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „подъ *лучшая* надобно разумѣть приличное или полезное каждому; а подъ *разсуждаеши*—рѣшаешь, что должно дѣлать, и чего не должно дѣлать (въ какомъ случаѣ)."

Научаемь отъ закона. „Ибо во всемъ этомъ онъ сталъ тебѣ учителемъ" (Θеод.). „*Научаемь*,—κατηχούμενος,—оглашаемь. Въ синагогахъ читали законъ и чрезъ слухъ уха всякій хотя и нехотя получалъ вѣдѣніе о достодолжномъ. Это оглашеніе закономъ научало точному различенію, какъ, въ какомъ случаѣ надлежало поступать. Но они, не исполняя ничего дѣломъ, величались однимъ этимъ умѣніемъ различать достодолжное" (Экум.).

Стт. 19. 20. *Уповая же себе вождя быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ.*

Обладая истиннымъ вѣдѣніемъ о Богѣ и волѣ Божіей, и видя, какъ всѣ другіе народы погрязаютъ во тьмѣ невѣдѣнія и влаются различными заблужденіями, Іудей не могъ не сознавать своего въ семъ отношеніи преимущества, и не счесть себя вождемъ, свѣтомъ и учителемъ для другихъ. Да и по назначенію Божію онъ долженъ былъ быть таковымъ; то и намѣреніе Божіе было, чтобъ храня истину въ Своемъ народѣ, посредствомъ непрерывнаго напоминанія и истолкованія ея свыше, чрезъ него мало-по-малу распространять ее и среди другихъ. И укоръ Апостола не на то падаетъ, что они таковы, а на то, что имѣя быть таковыми и сознавая такое свое назначеніе, они на дѣлѣ оказывались не лучше тѣхъ, которыхъ должны были руководить. Здѣсь только выставляетъ это преимущество, а далѣе,—съ 21 го ст.,—начинаетъ и самое обличеніе, говоря какъбы: все это такъ бы должно быть; но сами-то вы каковы?

Уповая же—πέποιθάς τε,—уповаешь притомъ, думаешь о себѣ, убѣжденъ о себѣ, что ты то и то.—Словамъ—*вождь, свѣтъ, наказатель, учитель*, можно не придавать особаго значенія, разумѣя подъ ними одно, въ разныхъ выраженіяхъ, указаніе на то, чѣмъ бываетъ обладающій истиною для невѣдающихъ ея, когда онъ ее сообщаетъ имъ. Сама истина тогда и учитъ, и наставляетъ, и просвѣщаетъ и руководитъ, будучи, какъ манна, пригодна ко всякому вкушенію. Но можно видѣть въ сихъ словахъ указаніе и на особенности просвѣщенія истиною. *Младенцы* сами по себѣ суть уже невѣдцы истины, ибо не доросли еще до употребленія разума, могущаго вѣдать истину.—*Безумные*—ἄφρονες—не лишенные ума, а не развившіе его, невѣжды, не позаботившіеся разумъ свой обогатить познаніемъ истины,—тѣ же младенцы, не понимающіе дѣла, только младенчествующіе не по естеству, а по своей винѣ.—*Сущіе во тмѣ* и глаза имѣютъ,

да не видятъ, ибо свѣта нѣтъ; *а слѣпые* и свѣтомъ окружены, да не видятъ, ибо глазъ не имѣютъ. Можно итакъ: младенцы, начинающіе учиться и познавать; неразумные—знаютъ, но не умѣютъ дѣйствовать по познанному. Первымъ нужно ученіе, ихъ и учатъ учители—διδάσκαλοι. Вторымъ нужно практическое наученіе умѣнію дѣлать; ихъ и обучаютъ наказатели—παιδεύται.—Такимъ образомъ здѣсь можно видѣть указаніе на двѣ стороны учительства: истолкованіе истины и обученіе, какъ жить по истинѣ. Тоже можно видѣть и въ послѣднихъ двухъ: сущему во тьмѣ подаютъ свѣчу—свѣтъ вѣдѣнія; а слѣпца берутъ за руку и ведутъ сказывая, какъ гдѣ ступить. Этимъ указывается на образъ руководства въ познаніи и въ обученіи жизни. Всѣмъ этимъ Іудей могъ быть для всѣхъ народовъ,—и былъ дѣйствительно для прозелитовъ. За тѣмъ далѣе и въ словахъ: *имуща образъ разума и истины въ законѣ*,—подъ *разумомъ* можно разумѣть вѣдѣніе, а подъ *истиною*—жизнь, соотвѣтственную вѣдѣнію (Фот. у Экум.). Ибо вѣдѣніе становится настоящимъ вѣдѣніемъ только тогда, какъ входитъ въ жизнь и осуществляется на дѣлѣ.—И то и другое Іудей имѣлъ въ законѣ. Законъ писанный и вѣдѣніе ему сообщалъ, и указывалъ, какъ жизнь свою должно устроять. Образъ того и другаго,—настоящій образъ, какъ чему слѣдуетъ быть,—печатлѣлся въ умѣ Іудеевъ отъ оглашенія закономъ и изученія его.

Во всемъ этомъ ничего нѣтъ укорнаго; все это такъ и должно быть. Не за это и укоряетъ Апостолъ; но выставляетъ это, чтобъ напередъ предпослать основаніе къ укору. Укоръ здѣсь только намекнутъ въ словѣ: уповаешь себе быти,—думаешь о себѣ. Богъ чрезъ него училъ, а онъ себѣ присвоилъ учительство, какъ самоисточнику его. Не отъ этого ли самомнѣнія неисправность и въ жизни?—И затѣмъ неисправность въ жизни не по-

портила ли и самаго учительства? Ибо чья жизнь не соотвѣтствуетъ истинѣ, того слово и не внятно и не убѣдительно. Оттого Іудей—по назначенію своему, думалъ, что онъ вождь и учитель, а на дѣлѣ уже пересталъ быть таковымъ, когда пересталъ жить достодолжно. Св. Златоустъ и говоритъ: „опять не сказалъ: ты путеводитель слѣпыхъ; но говоритъ: считая себя такимъ, величаешься тѣмъ.“ Фотій же у Экуменія пишетъ: „усвояетъ себѣ образъ разума и сущей въ законѣ истины тотъ, кто познаетъ законъ и живетъ по нему: образъ разума усвояетъ, когда познаетъ, а образъ истины, когда исполняетъ дѣломъ (познанное). Ибо тотъ только показываетъ истиннымъ вѣдѣніе, которое въ законѣ, кто дѣломъ исполняетъ его,—таковый только (показываетъ его) вѣрнымъ. Ты же, говоритъ, почитаешь себя наказателемъ, вождемъ и учителемъ, не просто (кое-какимъ), но имѣющимъ образъ сущаго въ законѣ вѣдѣнія, и сущей въ законѣ истины; живешь же такъ, какъ никогда не слыхавшій законнаго ученія. Итакъ думая о себѣ, что имѣешь образъ вѣдѣнія и истины, думая, что ты наказатель неразумныхъ, вождь, учитель, научи прежде себя самого. Когда же дѣломъ покажешь, что ученіе твое истинствуетъ въ тебѣ, тогда научишь (и другихъ).“

Эти слова служатъ хорошимъ переходомъ къ слѣдующему за симъ обличенію – что знаютъ, но не дѣлаютъ.

β).

Ст. 21. *Научая убо инаго, себе ли не учиши?*

Язычники безотвѣтны, что зная доброе по внушенію совѣсти, дѣлали злое. Ты же Іудей отъ Самаго Бога получилъ познаніе о достодолжномъ, и не только это имѣлъ, но и сознавалъ себя учителемъ другихъ. Посуди теперь, сколько ты безотвѣтнѣе, когда дѣлаешь худое? —Другихъ учишь, а самъ что? —„Какъ поступилъ Апостолъ,

обличая язычниковъ, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ сказалъ: *имже бо судомъ судиши другы, себе осуждаеши,* такъ и здѣсь говоритъ: *научая инаго, себе ли не учиши?*— Излагая мысль свою въ видѣ вопроса, стыдитъ Іудеевъ. Въ началѣ сказалъ, что одно слышаніе закона, если не присоединено будетъ исполненіе его, не приноситъ никакой пользы; а теперь доказываетъ гораздо больше, что не только слышаніе, но даже и важнѣйшее того, самое обученіе (другихъ) закону не поможетъ учащему, если онъ не исполняетъ того, чему учитъ. И не только не поможетъ, но еще навлечетъ большее наказаніе“ (Св. Злат.). Когда учишь другаго, то, значитъ, не только знаешь должное, но и желаешь, чтобы оно признано было таковымъ другими и вошло въ жизнь. Самъ же ты, что остаешься назади, и не трогаешься съ мѣста, подобно столбу, который указываетъ другимъ дорогу, а самъ недвижимъ пребываетъ? Замѣчаютъ, что когда кто самъ въ чемъ погрѣшаетъ, то ревностнѣе обличаетъ за тоже другихъ. Апостолъ говоритъ какъбы: не трать ты эту ревность попусту, и вмѣсто другихъ, обрати лучше всю ее на себя самого.

Ст. 22. *Проповѣдая не красти, крадеши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идолъ, святая крадеши.*

Отъ общаго обличенія, что уча другихъ, самъ остается не обученнымъ, т.-е. не дѣлающимъ того, чему другихъ учитъ, переходитъ Апостолъ къ указанію частныхъ подобнаго рода случаевъ. Указываетъ только на три порока—воровство, прелюбодѣяніе и святотатство. Почему такъ? — Можетъ быть потому, что изъ главныхъ трехъ порочныхъ склонностей, — своекорыстія, сластолюбія и гордости,—представителемъ первой служитъ воровство, представителемъ второй — прелюбодѣяніе, представителемъ третьей—святотатство, не людей только и людское

презирающее, но самого Бога и Божеское. Тѣ три страсти обнимаютъ все порочное и грѣховное, и порожденія ихъ многочисленны. Не перечисляя всѣхъ, Апостолъ выставляетъ по одному изъ порожденій каждой, болѣе обычному, или болѣе рѣзкому. Своекорыстіе заставляетъ пріобрѣтать усиленнымъ трудомъ, усиленною торговлею, нѣкоторыми неправостями въ торговлѣ и сдѣлкахъ, неправыми ростами и подобное. Но когда кто рѣшается похищать чужое, очевидно, корыстность его выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Равно блудящій когда отъ своей жены бѣжитъ къ другой, сластолюбіе его видимо дѣлается неудержимымъ. И святотатство есть плодъ корысти, — но по духу оно есть плодъ презорства ко всѣмъ и всему; презорство же составляетъ существенную черту гордости.

Слова Апостола о воровствѣ и прелюбодѣяніи ясны; но слова о святотатствѣ не совсѣмъ понятны. *Гнушаяся идоловъ, святая крадеши.* — Ἱεροσυλεῖς — святотатствуешь. До плѣна Іудеи нерѣдко впадали въ идолопоклонство; но послѣ плѣна были свободны отъ сего величайшаго грѣха. И справедливо объ нихъ сказать, что они гнушались идоловъ. Но что значитъ: святое крадешь? Чье и какъ? Гдѣ и какъ святотатствовали? Судя потому, что тутъ говорится объ идолахъ, можно думать, что и святое крали тоже идольское и въ идольскихъ капищахъ. Такъ понимаютъ наши толковники. Чрезъ это Іудей осквернялся; ибо скверно все жертвованное идоламъ и чрезъ нихъ бѣсамъ. Если при этомъ идоламъ посвященное кралъ онъ, какъ святое, то соприкасался идолопоклонству: гнушеніе идолами было только кажующееся, на дѣлѣ же онъ не считалъ ихъ ничѣмъ, а чѣмъ-то. Если же такъ, то отвлекая мысль отъ идоловъ и останавливая вниманіе на одномъ похищеніи святаго, увидимъ въ этомъ дѣйствіи богопрезорство, богоборство, гордую дерзость

противъ Бога—вообще.—Но инымъ кажется, что, какъ за Іудеями не водилось грѣха ограбленія идольскихъ храмовъ, то краденіе святаго лучше разумѣть о похищеніяхъ изъ своего храма. Какъ и это не было такъ обще, чтобы можно было приписывать такой порокъ всякому Іудею; то иные подъ святотатствомъ стали здѣсь разумѣть неблагоговѣйство Іудеевъ къ своему храму и къ тому, что посвящается ему, или присвоеніе себѣ того, что должно бы быть отдано въ храмъ. Что надлежало отдавать въ храмъ, онъ утаивалъ, и чрезъ сіе кралъ то у храма. Говоритъ какъбы Апостолъ: идоловъ гнушаешься, но и свое-то святое не чтишь нисколько. За Іудеями, жившими внѣ Палестины, очень обычно могли водиться преступленія противъ установленнаго отношенія ихъ къ храму и священнодѣйствіямъ. Это неисполненіе Апостолъ можетъ быть и называетъ святотатствомъ. Или, можетъ быть, святотатствомъ наименовалъ Апостолъ ихъ небогобоязненность, забвеніе Бога и должнаго къ Нему сердечнаго поклоненія. Идоловъ гнушаешься,—но и истиннаго Бога не чтишь, какъ должно; крадешь у него сердце, которое Ему должно быть посвящено, и предаешь его вещамъ земнымъ и тварнымъ. Послѣдующая рѣчь у Апостола идетъ о томъ, какъ Іудей Бога безчеститъ, и какъ *имя* Его чрезъ него *хулится во языцѣхъ*. Не истолкованіе ли это святотатства, здѣсь поминаемаго?

Ст. 23. *Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши.*

Въ законѣ хвалишися, — хвалишься закономъ, тѣмъ, что получилъ его отъ Самаго Бога, и потому имѣешь увѣренность, что Самъ Богъ не чуждымъ тебя имѣетъ, а особенно благоволитъ къ тебѣ. Но выставляя это преимущество, тебѣ слѣдовало быть вполнѣ вѣрнымъ закону, чтобы являть себя достойнымъ этой Божіей къ тебѣ милости—дарованія тебѣ закона,—предъ лицемъ всѣхъ

народовъ показать Божіе тебя избраніе непостыднымъ,— что Богъ правъ, сдѣлавъ тебѣ предпочтеніе предъ другими народами. А ты безпечно преступаешь законъ, и преступая его, безчестишь Бога, даровавшаго тебѣ его. Всѣ другіе народы могутъ жаловаться: вотъ кого избралъ! Избери Онъ насъ и дай намъ такой законъ, мы бы никогда не позволили себѣ оказаться преступленіемъ закона такими неблагодарными, какъ эти Іудеи. — „Двѣ выставилъ вины, или правильнѣе, три. Іудеи безчестятъ, безчестятъ тѣмъ, что служило къ ихъ чести; безчестятъ Того, Кто превознесъ ихъ честію, — а это самая крайняя неблагодарность“ (Св. Злат.).

Ст. 24. *Имя бо Божіе в ыми хулится во языцѣхъ, якоже єсть писано.*

„Дабы не подумали, что Апостолъ обвиняетъ Іудеевъ самъ собою, вводитъ онъ обвинителемъ Пророка Исаію (52, 5). Не я укоряю васъ въ томъ, говоритъ Павелъ, послушайте, что сказалъ Исаія: *имя Божіе вами хулится во языцѣхъ.* И въ семъ обвиненіи двѣ опять вины. Ибо говорится, что не только сами оскорбляютъ Бога, но и другихъ приводятъ къ томуже. Выше винилъ ихъ въ томъ, что уча другихъ, себя не учатъ; а теперь винитъ въ большемъ: вы не только сами себя, но и другихъ не учите тому, что должно дѣлать. А что всего хуже, не только не учите жить по закону, но учите противному,— учите хулить Бога, что противно закону“ (Св. Злат.).

Вами хулится,—не вашими устами, а изъ-за васъ, по причинѣ вашей невѣрности закону, который отъ Бога. *Во языцѣхъ,*—языческіе народы, смотря на вашу порочность, говорятъ: „этихъ ли долженъ любить Богъ? Неужели Богъ, любящій такихъ, есть истинный Богъ?“ (Θеоф.). „Не слѣдовало Ему избирать такихъ, или давать имъ что либо. Ужели Онъ не предвидѣлъ, что они худы и будутъ худыми?!“ (Экум.).—Такимъ образомъ ты

Іудей „не только не сдѣлался виновникомъ славословія Божія, но многія уста подвигъ на хулу. Ибо, смотря на твою беззаконную жизнь, языки явно хулили избравшаго тебя Бога“ (Θеод.).

γ).

Ст. 25. *Обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.*

Послѣ того, какъ сказалъ Апостолъ объ Іудеяхъ, что и они знали, но не дѣлали, слѣдовало бы ему и къ нимъ приложить приговоръ: слѣдовательно и вы безотвѣтны. Но какъ это уже само собою слѣдовало изъ сказаннаго выше, а между тѣмъ Іудей могъ выгораживать себя изъ-подъ сего приговора, приводя на мысль: у насъ обрѣзаніе, и прочее съ нимъ соединенное,—печать Божія избранія,—быть не можетъ, чтобы Богъ поставилъ насъ на одну линію съ язычниками: Апостолъ и разоряетъ теперь эти предубѣжденія Іудеевъ въ свою пользу. Обрѣзаніе, говоритъ онъ какъбы, конечно имѣетъ цѣну, но не безусловно. Оно пользуетъ, если исполняешь законъ: если же нарушаешь его, то почитай, что обрѣзанія будто не было. Ты уничтожилъ значеніе его преступленіемъ закона, и сталъ какъ необрѣзанный.

Какой законъ тутъ разумѣется у Св. Апостола?—Какъ здѣсь у Апостола выставляются двѣ стороны, изъ коихъ одна обрѣзаніе, и, надо полагать, все съ нимъ соединенное,—субботы, праздники, жертвы, омовенія, все внѣшнее религіозное устройство, весь внѣшній чинъ благочестиваго Іудея,—а другая—исполненіе закона; то надо признать, что подъ закономъ здѣсь разумѣется внутренній нравственно-религіозный строй благочестиваго Іудея, соотвѣтствующій тому внѣшнему,—страхъ Божій и подъ нимъ всѣ чувства, расположенія и дѣла, требуемыя прав-

дою и любовію. Для Іудея и весь внѣшній чинъ былъ закономъ, но не главнымъ. Религіозное устройство у Іудеевъ было таково, чтобы вести отъ внѣшняго къ внутреннему. Было цѣнно внѣшнее; но если подъ нимъ не выработывалось внутреннее, то оно теряло цѣну. Такъ и обрѣзаніе было цѣнно; но если обрѣзанный не видѣлъ въ семъ обязательства — обрѣзывать и свое сердце, и не обрѣзывалъ его, то обрѣзаніе теряло цѣну свою.

Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Два разумѣетъ (Апостолъ) обрѣзанія и два необрѣзанія: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрѣзаніе наружное есть обрѣзаніе плотское, когда обрѣзывается кто по плоти, а обрѣзаніе духовное состоитъ въ отверженіи плотскихъ страстей. И необрѣзаніе плотское бываетъ тогда, когда кто остается необрѣзаннымъ по плоти; а необрѣзаніе духовное бываетъ тогда, когда кто, имѣя языческую душу, нисколько не отсѣкаетъ страстей. Мысль Павла такая: если ты обрѣзанъ по плоти, но не выполняешь узаконеннаго, то ты еще необрѣзанный, необрѣзанный по духу; равнымъ образомъ, кто не обрѣзанъ по плоти, но выполняетъ узаконенное, тотъ обрѣзанный по духу, потому что у него отъяты плотскія страсти.“

Тоже пишетъ и бл. Ѳеодоритъ: „Апостолъ доказываетъ здѣсь, что обрѣзаніе (плотское) излишне, когда нѣтъ обрѣзанія душевнаго, потому что ради послѣдняго дано и первое. Если же нѣтъ послѣдняго, безполезно первое; потому что имѣетъ значеніе печати. Гдѣ лежитъ у насъ золото, или серебро, или драгоцѣнные камни, или дорогія одежды, тамъ обыкновенно прикладываемъ печати. Но когда внутри ничего не положено, тогда излишне приложеніе печатей.“

Слышать укоръ въ необрѣзаніи сердечномъ для Іудея не было новостію. Онъ нерѣдко слышалъ его прежде отъ пророковъ. Тамъ Пророкъ Іеремія говоритъ: *вси*

языцы необрѣзани плотію, домъ же Израилевъ необрѣзани суть сердцы своими,—и потомъ присовокупляетъ: *обрѣжите жестосердіе ваше* (Іер. 9, 26). Апостолъ, очевидно, подражаетъ слову Пророческому (Θеод.). Замѣть искусство Св. Павла. Онъ не сталъ нападать вдругъ на обрѣзаніе; но поставилъ значеніе его подъ условіе и указавъ, что Іудей не исполняетъ сего условія, тѣмъ самымъ расположилъ сего послѣдняго сознаться, что обрѣзаніе его ни къ чему. „Итакъ видишь, какъ Апостолъ, допуская обрѣзаніе на словахъ, уничтожаетъ его на дѣлѣ. Не сказалъ, что оно излишне, безполезно, ни къ чему не служитъ, но что говоритъ? *Обрѣзаніе пользуетъ,*—согласенъ, не спорю, что обрѣзаніе есть дѣло хорошее; но когда? Когда соблюдаешь законъ. *Аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.*—И здѣсь не сказалъ, что оно безполезно, дабы не подумали, что уничижаетъ обрѣзаніе. Напротивъ сперва доказалъ, что Іудей не имѣетъ обрѣзанія духовнаго, а потомъ уже его плотское поражаетъ. Теперь укоризна падаетъ не на обрѣзаніе, а на того, кто утратилъ оное по нерадѣнію. Какъ съ чиновника, уличеннаго въ важныхъ преступленіяхъ, судьи сперва снимаютъ отличія чиновъ, а потомъ уже наказываютъ его, такъ Павелъ поступаетъ съ Іудеемъ. Сказавъ: *аще же закона преступникъ еси,* присовокупилъ: *обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.* А доказавъ, что онъ необрѣзанный, небоязненно изрекаетъ уже надъ нимъ приговоръ“ (Св. Злат.).

Ст. 26. *Аще убо необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ, не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе вмѣнится?*

Слово—*необрѣзаніе* стоитъ вмѣсто *необрѣзанный.*—Поставивъ значеніе обрѣзанія подъ условіе исполненія закона и, указавъ такимъ образомъ, что Іудей, неисполняющій закона, сталъ то же что необрѣзанный,—теперь съ противоположной стороны впечатлительнѣе предста-

вляетъ туже мысль: положимъ, что необрѣзанный исполнитъ законъ; тогда онъ станетъ то же, что обрѣзанный. Апостолъ выставляетъ здѣсь недѣйствительный фактъ исполненія необрѣзаннымъ оправданій закона, а говоритъ это предположительно: если такъ случится, что необрѣзанный исполнитъ законъ. По теченію рѣчи у него прямо такъ выходило, а чтобъ и на дѣлѣ такъ было, отсюда заключить нельзя. Ибо на дѣлѣ хотя и бывали нехудые язычники, но строго говоря, всѣ они и понятій истинныхъ не имѣли о нравственномъ совершенствѣ, и тѣмъ паче силъ къ достиженію такого совершенства. Въ семъ смыслѣ можно только на частные указывать случаи, и грѣшника Іудея въ одномъ какомъ родѣ противопоставлять не грѣшащему въ семъ родѣ язычнику. Напримѣръ: иной Іудей воръ, а иной язычникъ не воръ: язычникъ исполняетъ въ семъ случаѣ требованіе закона, а Іудей нѣтъ; и въ семъ отношеніи тотъ обрѣзанный, а этотъ необрѣзанный. Полагать же на основаніи сихъ словъ, что Апостолъ почитаетъ возможнымъ, чтобъ язычникъ необрѣзанный явился нравственно совершеннымъ, нельзя. Онъ говоритъ о семъ только предположительно, чтобъ сильнѣе напечатлѣть въ умѣ Іудея мысль, какъ низко онъ падаетъ, нарушая законъ, и чрезъ то успѣшнѣе расположить его къ покаянію и ко взысканію иного оправданія, кромѣ обрѣзанія: въ чемъ вся цѣль у Апостола въ семъ отдѣленіи.

Смыслъ словъ: *аще необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ*—тотъ же, что въ предыдущемъ стихѣ смыслъ словъ: *аще законъ твориши*. Какъ тамъ разумѣется сердечное исполненіе нравственно-религіозныхъ требованій, такъ и здѣсь. *Оправданіе*—δικαιώματα,—права, требованія неотложныя. Кто исполнитъ ихъ или будетъ святъ, тотъ, хоть и не обрѣзанъ, сочтется обрѣзаннымъ. Θеодоритъ пишетъ: „Законъ требуетъ дѣла. Посему, если ты обрѣзанный дѣлъ не имѣешь, а необрѣзанный имѣетъ,

то не справедливо ли тебѣ называться беззаконнымъ, а ему принять на себя твое почетное названіе, и именоваться уже не необрѣзаннымъ, какъ ты въ укоризну называешь его, но паче обрѣзаннымъ, какъ обрѣзавшему порочность души?“ Св. Златоустъ даетъ понять, что здѣсь у Апостола идетъ разсужденіе отвлеченно. Именно: „онъ разбираетъ, что такое обрѣзаніе, и что такое необрѣзаніе, и говоритъ, что обрѣзаніе есть добрыя дѣла, а необрѣзаніе—худыя дѣла. И необрѣзаннаго, имѣющаго добрыя дѣла, включивъ въ понятіе обрѣзанія, а обрѣзаннаго, но ведущаго порочную жизнь, исключивъ изъ понятія обрѣзанія, отдаетъ преимущество необрѣзанному“.

Ст. 27. *И осудитъ еже отъ естества необрѣзаніе законъ совершающее, тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона.*

Еже отъ естества,—естественное *необрѣзаніе*—стоитъ вмѣсто человѣка, который какъ родился, такъ и остается съ необрѣзанною плотію. Апостолъ говоритъ: этотъ необрѣзанный если совершитъ, т.-е. исполнитъ законъ, осудитъ тебя, если ты окажешься преступникомъ закона, къ исполненію котораго обязываетъ тебя обрѣзаніе, и побуждаетъ непрестанно Писаніе. *Иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона.* Не при Писаніи и обрѣзаніи, а сильнѣе—чрезъ Писаніе и обрѣзаніе. И тотъ, кто не имѣя Писанія и обрѣзанія, преступаетъ законъ, есть преступникъ; но когда ты, имѣя Писаніе и обрѣзаніе, преступаешь законъ, то чрезъ сіе Писаніе и обрѣзаніе дѣлаешься вящшимъ и неизвинительнѣйшимъ преступникомъ.

На какомъ судѣ осудитъ?—На будущемъ. Апостолъ печатлѣетъ въ мысли картину будущаго суда, на немъ ставитъ Іудея противъ язычника необрѣзаннаго и говоритъ: этотъ необрѣзанный осудитъ тебя. „Не Іудей осудитъ Іудея, а необрѣзанный. Подобно сказалъ Христосъ: *мужіе ниневійстіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Матѳ.

12, 44)“ (Св. Злат.). Если Іудей принялъ въ чувство сказанное выше, то онъ не могъ не сознать, что это точно будетъ, и не возчувствовать опасности своего положенія, изъ-за котораго онъ есть неминуемо жертва суда и осужденія. Не можно было придумать сильнѣйшаго для Іудея побужденія раскаяться и взыскать средства избавиться отъ сего осужденія. Всѣмъ этимъ Апостолъ разоблачаетъ Іудея отъ чувства своей праведности, которое губило его, и вводитъ въ чувство безотвѣтности предъ Богомъ, даже большей, нежели сколько безотвѣтны необрѣзанные. Такъ почтенъ ты Богомъ, такимъ окруженъ Его попеченіемъ и такими снабженъ пособіями къ тому, чтобы жить свято; а на судѣ будешь осужденъ необрѣзаннымъ, на котораго теперь смотрѣть не хочешь и общеніе съ которымъ считаешь нечистотою. Можно ли не быть поражену этою возможностію, совершенно справедливою?!—Такихъ представленій не слѣдуетъ выпускать изъ мысли и намъ христіанамъ, которые получаемъ не внѣшнее обрѣзаніе, а внутреннее возрожденіе, и не Писаніе только, но и благодать Духа, просвѣщающую, укрѣпляющую, руководящую. Какой отвѣтъ, если все это попирается нами?!

Ст. 28. *Не бо иже явѣ, Іудей есть, ни еже явѣ во плоти, обрѣзаніе.*

Такъ стало быть—Іудеемъ быть ничего не значитъ? Ничего не значитъ и обрѣзаннымъ быть?—Нѣтъ; не та мысль у Апостола. Онъ хочетъ внушить, что не тотъ настоящій Іудей, кто по наружности Іудей только: Іудеи всегда имѣли и имѣютъ свой типъ, такъ что ихъ можно разузнавать съ перваго взгляда. И не то настоящее обрѣзаніе, которое только во плоти бываетъ. „Онъ не отвергаетъ ни Іудея, ни обрѣзанія, а отвергаетъ того, кто не (настоящій) Іудей и не (вполнѣ) обрѣзанный“ (Св. Злат.). Ветхозавѣтное устройство церкви представляло

богоучрежденное руководство отъ внѣшняго къ внутреннему. Правда, что вся жизнь Іудея во внѣшнихъ ея проявленіяхъ была опредѣлена закономъ, содержавшимъ внѣшнія чиноположенія; но не за тѣмъ, чтобы на этомъ одномъ онъ и останавливался, а чтобъ отъ этого внѣшняго восходилъ къ внутреннему, имѣя для него во внѣшнемъ и напоминаніе, и побужденіе, и поддержку. Это внутреннее тутъ же среди внѣшнихъ чиноположеній и указано. Настоящимъ Іудеемъ являлся только тотъ, кто при внѣшнемъ образовывалъ въ себѣ и соотвѣтственное внутреннее. Кто же внѣшно былъ исправенъ, а внутренняго не имѣлъ, тотъ не былъ настоящій Іудей. Но это тоже, что не-Іудей,—какъ не настоящая монета—не монета. Это и даетъ здѣсь разумѣть св. Павелъ, уясняя эту мысль еще полнѣе въ слѣдующемъ стихѣ, который составляетъ едино съ настоящимъ.

Ст. 29. *Но иже въ тайнѣ Іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, а не писаніемъ: емуже похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога.*

Вотъ кто настоящій Іудей!—Кто при внѣшнемъ имѣетъ и внутреннее,—то, что въ духѣ тайно созидается, и что будучи для людей невидимо и сокрыто, всегда видимо и открыто для Бога: не храмъ только вещественный чтитъ, но созидается самъ для Бога въ храмъ духовенъ; не жертвы только изъ своей собственности приноситъ Богу, но себя самого въ духѣ приноситъ Ему въ жертву живу и святу, готовъ будучи всегда и умереть славы ради имени Его; не устами только исповѣдуетъ и воспѣваетъ Бога, но и въ сердцѣ своемъ имѣетъ Его своимъ Богомъ, всегда о Немъ помнитъ, любитъ Его и боится оскорбить Его и всегда къ Нему единому прибѣгаетъ, все упованіе свое на Него возлагая; не дѣла только законныя внѣшно творитъ, но и соотвѣтственныя имъ питаетъ сердечныя чувства и расположенія—милосердъ, сострадателенъ, готовъ на всякую помощь брату.

уступчивъ, терпѣливъ, вѣренъ въ словѣ, цѣломудръ не тѣломъ только, но и окомъ, и сердцемъ,—и вообще украшенъ всѣми добродѣтелями въ сердцѣ своемъ. Вотъ настоящій Іудей!—Соотвѣтственно сему и обрѣзаніе настоящее не то только, которое во плоти, но то, когда при обрѣзаніи плоти совершается обрѣзаніе и сердца духомъ. Св. Моисей писалъ, что Богъ избралъ себѣ Іудеевъ и печатію избранія положилъ обрѣзаніе; но тутъ же приложилъ: *обрѣжите жестокосердіе ваше* (Второз. 10, 16), возводя чрезъ то обрѣзаніе къ полнотѣ его совершенства.—Обрѣзаніе сердца означаетъ отсѣченіе отъ него всѣхъ страстей,- гнѣва, похоти, зависти гордости, тщеславія, корыстолюбія, со всѣми ихъ порожденіями. Обрѣзанное сердце есть сердце чистое и непорочное, свободное отъ всего грѣховнаго и преисполненное святыхъ чувствъ и расположеній. Кто имѣетъ такое сердце, тотъ настоящій обрѣзанный.

Что значитъ—*обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ*? Поелику Апостолъ здѣсь противопоставляетъ внутреннее внѣшнему, то—*духомъ*—будетъ—въ духѣ, какъ и по-гречески стоитъ—ἐν πνεύματι, т.-е. внутри, сокровенно отъ очей, тоже что *въ тайнѣ; не писаніемъ*—οὐ γράμματι,—не по буквѣ, не то, какъ даетъ понять буква Писанія, которое въ законѣ объ обрѣзаніи точно говоритъ только объ обрѣзаніи плоти; т.-е. не то настоящее есть обрѣзаніе, которое по буквѣ Писанія явно во плоти совершается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно подразумѣвать, что Апостолъ намѣренно прибавилъ—*духомъ*, давая понять, что истинное обрѣзаніе можетъ быть совершено только Духомъ Святымъ. Писаніе ветхозавѣтное требовало при внѣшнемъ обрѣзаніи и внутренняго; но какъ сіе послѣднее могло совершиться только Духомъ, ветхозавѣтные же чины не давали Духа, то чрезъ сіе самое Іудей долженъ былъ расположиться—чаять новаго учреж-

денія, въ коемъ онъ могъ бы получать Духа, и чрезъ Него быть обрѣзаннымъ въ сердцѣ. Посему наши толковники всѣ говорятъ, что въ словѣ—*духомъ* Апостолъ „пролагаетъ путь Іудею къ христіанскому образу жизни и показываетъ необходимость вѣры“ (Св. Злат.). Ибо истинное обрѣзаніе сердца отъ грѣховъ и грѣховнаго совершается только у вѣрующихъ и совершается Духомъ. Обрѣзанный такимъ образомъ въ сердцѣ отъ всякой нечистоты и есть истинно Іудей, исполняющій какъ должно законъ (Экум.). Эта мысль сообразна съ цѣлію Апостола, къ которой онъ направляетъ свою рѣчь, именно—убѣдить не язычника только, но и Іудея въ необходимости особенной благодати Духа отъ Бога.

Емуже похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога. Завершаетъ Апостолъ рѣчь, заграждаетъ уста Іудею и смиряетъ его помышленіе. Іудеи внѣшно были исправны; эту исправность они другъ въ другѣ видѣли, другъ друга за нее хвалили и на ней опирались надеждами. Переведши ихъ вниманіе отъ внѣшняго къ внутреннему, Апостолъ конечно сильно поколебалъ сію увѣренность; но когда теперь поставилъ ихъ предъ лицемъ Бога, то это должно бы пожечь въ нихъ всякое вознесливое о себѣ помышленіе. Какъ ни думай кто о себѣ высоко, но когда поставитъ себя предъ Бога, испытующаго сердца, не можетъ болѣе оставаться въ томъже самомнѣніи. Не Богъ только есть огнь поядаяй, но и одна мысль о Богѣ поядаетъ всякое возношеніе. Іудеи знали, что не тотъ похваленъ, кто самъ себя, или кого люди хвалятъ, но кого Богъ похвалитъ. Убѣдившись изъ словъ Апостола, что предъ Богомъ цѣнно только внутренно доброе, которымъ они не могли похвалиться, должны были вмѣстѣ удостовѣриться, что имъ нельзя ожидать одобренія отъ Бога, видящаго сокровенное—такъ, какъ не видитъ его самъ человѣкъ.—*Емуже*—кому? Обрѣзанію,

или Іудею?—И тому и другому, Іудею съ обрѣзаннымъ сердцемъ, и обрѣзанному сердцу въ настоящемъ Іудеѣ.

б).

Всѣмъ, доселѣ сказаннымъ, и Іудей, подобно язычнику, не могъ не дойти до убѣжденія, что не только грѣшенъ, но и безотвѣтенъ предъ Богомъ, и, какъ безотвѣтный, имѣетъ нужду въ нѣкоемъ образѣ спасенія. Какъ въ этомъ и цѣль всей текущей рѣчи Апостола; то послѣ сего ему можно было прямо начать говорить то, что говорится съ 21 ст. 3 гл., то-есть прямо указать: вотъ вамъ образъ спасенія- вѣра въ Господа Іисуса Христа, мною проповѣдуемаго! Богъ провидѣлъ крайность, въ которой всѣ мы увидимъ себя находящимися, и устроилъ намъ образъ спасенія въ Сынѣ Своемъ, воплотившемся, умершемъ за насъ и воскресшемъ. И нигдѣ вы, кромѣ Его, не найдете себѣ спасенія.

Но Апостолъ вѣдалъ, что Іудею трудно сдѣлать вдругъ такой шагъ къ вѣрѣ. Какъ ни чувствовалъ онъ себя грѣшнымъ, не могъ однакожъ не держать въ умѣ, что принадлежитъ къ народу Божію и пользуется Богоучрежденнымъ служеніемъ Богу; и если не могъ не сознавать, что это еще не приводитъ его къ цѣли, то не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать и недоумѣнныхъ вопросовъ: къ чему же все это было и есть?—Какъ такое недоумѣніе, не бывъ устранено, могло замедлять ходъ обращенія Іудея къ вѣрѣ въ Господа, или колебать вѣру обращеннаго: то Апостолъ счелъ нужнымъ прежде указанія спасенія въ Господѣ, разсѣять его;—3, 1—8. Замѣтимъ, что мысли Апостола въ семъ отдѣленіи и особенно соотношеніе ихъ очень трудно уловить.

3, 1. *Что убо лишшее Іудею? или кая польза обрѣзанія?*

Теченіе рѣчи само собою привело къ такому вопросу. Предъ судомъ Божіимъ Іудей поставленъ наравнѣ съ

язычникомъ, такъ что и обрѣзаніе его не въ обрѣзаніе. Іудей, слыша сіе, не могъ воздержаться отъ вопроса: какъ же такъ?—Вѣдь это Божіе учрежденіе. Не мы придумали; все узаконилъ Самъ Богъ. Богъ не сталъ бы учреждать съ такою настойчивостію того, что ничего не значитъ. „Апостолъ предвидитъ естественно раждающееся возраженіе, и предотвращаетъ оное. Какое же это возраженіе? – Скажутъ: если во всемъ томъ нѣтъ никакой пользы, то на какой конецъ призванъ народъ и дано обрѣзаніе? (Св. Злат.).

Что убо лишшее Іудею? Лишшее,—περισσόν, большее, чѣмъ у язычника, особенное, преимущественное. Или „подъ *лишшее Іудею* Апостолъ разумѣетъ предпочтеніе предъ язычниками“ (Θеод.). *Іудею*,—всему народу Іудейскому, избранному отъ всѣхъ языкъ. Избранъ, особымъ завѣтомъ почтенъ: ужели это ни во что? А сколько потомъ явлено милостей и чудесныхъ руководствъ и избавленій по всей исторіи? Нельзя не видѣть, что Іудей состоитъ подъ особымъ Божіимъ покровительствомъ. Ужели же и это ни къ чему?—*Или кая польза обрѣзанія*? Обрѣзаніе—дверь въ завѣтъ Божій и печать его. Оно началось раньше всего закона; и когда пришелъ онъ, то установлялся весь на обрѣзаніи. О немъ одномъ и поминается, какъ главномъ. Ибо если оно стоитъ, то стоитъ и все ветхозавѣтное служеніе Богу; если оно падаетъ, падаетъ и все прочее. Обрѣзаніе вводитъ въ завѣтъ Божій, дѣлаетъ обрѣзаннаго своимъ Богу, и причастникомъ всѣхъ Божіихъ обѣтованій: какъ же можно, чтобъ обрѣзаніе было не въ обрѣзаніе, и никакой отъ него не было пользы?

Вопросы эти не могли не родиться и не смутить Іудея, слышавшаго: явный Іудей—еще не настоящій Іудей, и обрѣзаніе во плоти—еще не настоящее обрѣзаніе. Истины сего онъ не могъ не сознать; но не могъ избѣжать и недоумѣнія: что же Іудей? и что обрѣзаніе? *Что убо?*—

воззваніе души, ищущей разъясненія недоумѣнія и умиротворенія смущеннаго сердца. Но отвѣтъ на это уже данъ въ предыдущей рѣчи, родившей вопросъ. Тамъ ясно, что есть Іудей, и что есть обрѣзаніе. Іудей—цѣнное лице предъ Богомъ, если исполняетъ законъ, и обрѣзаніе имѣетъ великую силу при обрѣзаніи сердца. Каждый Іудей, сознавая, что въ немъ нѣтъ ни вѣрнаго исполненія закона, ни обрѣзанія сердца, долженъ былъ сознать вмѣстѣ, что и обрѣзаніе и іудейство въ лицѣ его, для него, теряютъ всю свою силу, и онъ остается ни при чемъ. Естественно бы спросить: что убо сотворю?—А здѣсь мысль отводится на Іудея и на обрѣзаніе вообще,—что же они суть?—возбуждается отвлеченное разсужденіе о значеніи ветхозавѣтнаго домостроительства.

Вопросъ Апостолъ задаетъ отъ себя; но надо полагать, что онъ всегда его слышалъ отъ Іудеевъ, когда они были имъ доводимы до крайности сознаться, что кругомъ виноваты и опереться имъ не на чемъ. — Что же дѣлаетъ Апостолъ? При личныхъ бесѣдахъ вѣрно онъ пространно изъяснялъ значеніе ветхозавѣтнаго домостроительства; пространно говоритъ онъ о семъ и въ настоящемъ посланіи ниже—гл. 9—11. Здѣсь же полное разсужденіе о семъ отвлекло бы его отъ главной цѣли; почему онъ дѣлаетъ только такое указаніе, помощію котораго всякій Іудей уже самъ собою могъ найти себѣ полный отвѣтъ на родившійся у него вопросъ. Прямо бы сказать, что все это домостроительство—на время. Кончилось время, и ему конецъ. Но Апостолъ не говоритъ этого, а указываетъ только на Слово Божіе, которое само могло привесть ихъ къ такому выводу. Такъ и Спаситель отсылалъ Іудеевъ къ Писанію, говоря: *испытайте Писанія... и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Ін. 5, 39).

Ст. 2. *Много, по всякому образу. Первѣе бо, яко вѣрена быша имъ словеса Божія.*

Онъ говоритъ какъбы: не отвергаю преимуществъ Іудеевъ, содержавшихъ истинное Божіе домостроительство. Ихъ много. Я могъ бы помянуть, что Богъ, избравъ ихъ предковъ, освободилъ отъ владычества Египтянъ, содѣлалъ пресловутыми, совершилъ чудеса всякаго рода, далъ въ помощь законъ, воздвигъ пророковъ. Но изъ всего этого поставляю на видъ одно то, что имъ *ввѣрены словеса Божія* (Θеод.).

Первѣе бо. Подается мысль, будто Апостолъ намѣренъ перечислять подъ рядъ преимущества, и говоритъ: πρῶτον μεν,—и вопервыхъ. Но какъ такого перечисленія нѣтъ, то πρῶτον μεν стоитъ здѣсь въ значеніи: и преимущественно,—наипаче же.

Яко ввѣрена быша имъ словеса Божія. „Что значитъ: ἐπιστεύθησαν? Даны, поручены, ввѣрены. Богъ призналъ Іудеевъ достойными и потому ввѣрилъ имъ небесныя откровенія“ (Θеоф.).

„Знаю, что нѣкоторые слово ἐπιστεύθησαν толкуютъ: ими словеса Божіи увѣрованы были, или—что они увѣровали словесамъ Божіимъ; но теченіе рѣчи не допускаетъ сего. Апостолъ говоритъ то, что Богъ ввѣрилъ имъ слово Свое, а не то, что они увѣровали слову“ (Св. Злат.).

Сказавъ это, Апостолъ сказалъ все. Возьмемъ сіи слова отвлеченно, и они наведутъ на слѣдующія мысли. „Это—высокая честь, что когда другіе народы имѣли только естественную способность—познавать (истину), Іудеи получили законъ (словеса Божіи)“ (Θеод.). Преимущество сіе въ томъ, что божественное откровеніе сообщало имъ точныя и полныя познанія о всемъ потребномъ, рѣшало всѣ тѣ вопросы, которые неотразимо стоятъ въ умѣ и не даютъ ему покоя, пока не найдетъ онъ рѣшенія ихъ,—что Богъ, что міръ, что человѣкъ, какъ жить и чего ожидать впереди,—рѣшало, и свои рѣше-

нія скрѣпляло Божественнымъ авторитетомъ, не допускавшимъ никакихъ колебаній и сомнѣній. Сколь многоцѣнно такое преимущество, знаютъ и дѣломъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые или не имѣютъ такой опоры убѣжденіямъ своимъ, или сдвигаются съ ней И язычники многое знали. то по преданію, то по собственному изслѣдованію и разсужденію; но ни тотъ, ни другой путь не сообщалъ ихъ вѣдѣнію непоколебимаго убѣжденія. и они увлекались всякими ученіями.—Такъ и это драгоцѣнное преимущество—имѣть Божіе откровеніе вообще; но оно становится несравненно выше при той истинѣ, что въ немъ сообщаемы были и суть вѣрныя предуказанія о имѣющемъ придти въ міръ Спасителѣ міра,—предуказанія, на которыхъ должна была первоначально опираться вѣра въ Спасителя—неотложное условіе спасенія. Поелику сіе спасеніе предназначалось и для язычниковъ, то благо отъ ввѣренія Іудею словесъ Божіихъ было сѣменемъ благъ, имѣвшихъ раскрыться и въ отношеніи къ язычникамъ. Въ этомъ отношеніи и сами язычники должны были признавать великое преимущество Іудея, и они дѣйствительно признавали его, коль скоро узнавали о словесахъ Божіихъ.

Такимъ образомъ преимущество Іудея выставлено ясно. Но удовлетворяя Іудея, Апостолъ не хотѣлъ, чтобъ чувство виновности, возбужденное предъидущею рѣчью, изсякло въ немъ. Почему выставилъ сіе преимущество такъ, что оно прямо указывало только на Божіе къ Іудею благоволеніе, относительно же себя самого, Іудея наводило на мысль объ отвѣтственности предъ Богомъ въ силу сего самаго благоволенія. Ввѣреніе словесъ Божіихъ тогда только сочтено можетъ быть преимуществомъ лично и Іудея, когда окажется, что онъ вѣрно хранитъ и содержитъ ввѣренное ему сокровище; а такъ, само по себѣ, это лишь Божіе благодѣяніе, Божія милость. И очевид-

но, что, при мысли о семъ, у Іудея могло родиться не какое либо самодовольство и возношеніе, а скорѣе смиренное самоосужденіе. Съ сей преимущественно стороны смотритъ на отвѣтъ Апостола св. Златоустъ и другіе наши толковники.

Но сей отвѣтъ естественно могъ привесть Іудея самого и къ узрѣнію временнаго лишь значенія ветхозавѣтнаго домостроительства. Ибо если, вмѣсто отвлеченнаго представленія преимущества—имѣть словеса Божіи, мы обратимся вниманіемъ къ тому, что должно было произойти при сихъ словахъ Апостола въ душѣ Іудея; то увидимъ тамъ такой рядъ помышленій. — Словеса намъ ввѣрены!—Вотъ слово Бога къ Аврааму, Исааку и Іакову о сѣмени отъ нихъ, имѣющемъ разлить благословеніе на всѣ народы. Вотъ слово Іакова о чаяніи языковъ, имѣющемъ явиться по престатіи князя отъ чреслъ Іудиныхъ; вотъ слово Моисея законодавца о имѣющемъ придти иномъ пророкѣ, коего слушать должно; вотъ неисчетное множество пророческихъ указаній о грядущемъ Начальникѣ и Отцѣ будущаго вѣка и установленіи новаго закона; вотъ седьмины Даніила, вотъ Малахіино указаніе объ Ангелѣ предъ лицемъ Господа и внитіи Самого Господа въ церковь Свою. Все сіе видимъ сбывшимся на глазахъ нашихъ. Преставъ князь отъ Іуды, миновали седьмины Даніиловы, былъ Предтеча и вслѣдъ за нимъ Нѣкто, Мужъ силенъ словомъ и дѣломъ, учившій яко власть имѣяй, большій субботы и Соломона. — Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что преставъ законъ. Се возвѣщается новый пророченный пророками завѣтъ. Долгъ всякаго истиннаго Іудея вступить въ него, чтобъ не оказаться противникомъ Божіимъ.

Такой рядъ помышленій могъ породить отвѣтъ Апостола. Можно думать, что Апостолъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Іудеями самъ проводилъ его предъ сознаніемъ

ихъ и чрезъ то побѣдительно дѣйствовалъ на нихъ. Какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, къ коимъ писано посланіе, были лично знакомы Апостолу и знали такой образъ его воззрѣнія на ветхозавѣтныя словеса, то можно полагать, что, поминая здѣсь о семъ, Апостолъ имѣлъ въ мысли заставить и ихъ припомнить, при сихъ словахъ, о его бесѣдахъ, и передать другимъ, что значитъ и къ чему долженъ приводить Іудея этотъ отвѣтъ о ввѣреніи ему словесъ Божіихъ.

Св. Апостолъ, Духомъ Божіимъ водимый, дѣйствовалъ здѣсь такъже, какъ Господь, когда въ первый разъ явился Онъ по воскресеніи Своемъ всѣмъ Апостоламъ. Евангелистъ пишетъ, что Господь, вмѣсто того, чтобъ приводить пророчества о Себѣ, *отверзъ* Апостоламъ *умъ разумѣти Писанія*. И когда по дѣйствію сему они узрѣли умомъ, что написано, Господь только заключеніе приложилъ отъ Себя. *И рече имъ: яко тако писано есть и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ* (Лук. 24, 45—47). Такъ и св. Павелъ, сказавши, что Іудеямъ ввѣрены словеса Божіи, не сталъ разъяснять, къ чему это приводило, а предоставилъ самимъ симъ словамъ породить въ душахъ ихъ, что желательно ему было видѣть тамъ порожденнымъ. Представляется, что Апостолъ видитъ уже все сіе порожденнымъ въ умахъ читающихъ его Іудеевъ. Ибо слѣдующія слова Апостола относятся прямо не къ предъидущимъ словамъ, а къ тѣмъ помышленіямъ, которыя видитъ онъ породившимися въ умахъ Іудеевъ.

Рядъ мыслей, порожденныхъ отвѣтомъ Апостола въ умѣ Іудея, приводитъ его къ заключенію: итакъ законъ пересталъ; надо принять, не смущаясь, новый завѣтъ, возвѣщаемый посланниками Божіими, подобно пророкамъ.

Но тогда какъ такъ успокоивались мысли Іудея, возставалъ новый смутительный помыслъ: какъ же это изъ нашихъ-то многіе и многіе не вѣрятъ новой проповѣди. и притомъ перваки, коимъ должно бы быть впереди?— Встрѣчаетъ этотъ помыслъ Апостолъ и отражаетъ его.

Ст. 3. *Что бо, аще не вѣроваша нѣцыи? Еда убо невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ?*

Не смотри ты на это невѣріе. Оно не мѣшаетъ дѣлу Божію издревле предначертанному. Не вѣруютъ: пусть ихъ. Но Богъ не смотритъ на это невѣріе. а дѣлаетъ Свое дѣло. Обѣтовалъ Богъ, что придетъ Избавитель: Онъ и пришелъ и благовѣстіе о Немъ разносится по всей вселенной. То, будто ветхій завѣтъ неотложимъ. есть не Божія вѣра, а ложная вѣра вашихъ первакоъ. Божія же вѣра та, чтобъ завѣтъ тотъ стоялъ до времени. и въ свое время престалъ, уступивъ мѣсто лучшему завѣту. Вотъ онъ нынѣ и престалъ, по Божію устроенію, и мы о семъ возвѣщаемъ вамъ. Такимъ образомъ вѣра Божія входитъ въ дѣло и самимъ симъ явленіемъ своимъ на дѣлѣ обличаетъ лживость вѣры тѣхъ и лишаетъ всякаго вѣса то, что они не вѣрятъ новому завѣту. Ихъ невѣріе никакой не наводитъ тѣни на вѣру Божію. Не колеблись ихъ невѣріемъ, и твердо держи въ сердцѣ, что престалъ законъ и уже вошелъ въ силу новый завѣтъ.

Надо замѣтить, что въ первое время распространенія Евангелія невѣріе Іудеевъ, особенно знатнѣйшихъ и ученѣйшихъ, естественно возмущало покой вѣры вѣрующихъ, и они, и сами для себя и для другихъ, держали наготовѣ противовѣсныя тому указанія исторіи, что невѣріе предержащихъ не есть несомнѣнно вѣрное доказательство правоты ихъ невѣрія и слѣдовательно неправоты вѣры. Замѣчательна въ семъ отношеніи рѣчь св. Стефана первомученика въ синедріонѣ. По всей исторіи проводитъ онъ цѣпь опытовъ упорнаго противленія силь-

ныхъ Іудеевъ намѣреніямъ и распоряженіямъ Божіимъ,— что самими слышащими его въ настоящее время признается неправымъ. Потомъ заключаетъ: *жестоковыйніи и необрѣзаннии сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы* (Дѣян. 7, 51). Изъ этого представленія прямо слѣдовало, что невѣріемъ предержащихъ Іудеевъ нечего смущаться. Они всегда были таковы. Ихъ невѣріе не должно колебать нашей вѣры и побуждать насъ отвергать вѣру Божію. Такого рода оправданія вѣры, надо полагать, нерѣдко происходили у христіанъ изъ Іудеевъ какъ въ бесѣдѣ съ другими, такъ и въ размышленіяхъ съ самими собою. Это же возставляется въ сознаніи Іудея и здѣсь Апостоломъ. Что же, говоритъ, что нѣкоторые не вѣровали? Нѣкоторые только не вѣровали, а нѣкоторые увѣровали. Тѣ знатны, богаты и славны; а эти невидны и не богаты. Двѣ стороны предъ тобою. Какъ первые уже не разъ оказывались не стоящими въ истинѣ противниками Божіихъ повелѣній, то тебѣ, по другимъ побужденіямъ склоняющемуся къ вѣрѣ, или уже склонившемуся къ ней и принявшему ее, нечего смущаться по причинѣ ихъ невѣрія. Ибо это предполагало бы въ тебѣ такое помышленіе, что Богъ можетъ не исполнить Своихъ предначертаній и отмѣнить Свои преднамѣренія, встрѣтивъ невѣріе нѣкоторыхъ. Но это значило бы, что Богъ отступился отъ Своего слова въ силу невѣрія ихъ, что невѣріе ихъ пересилило планы Божіи и сдѣлало, что Онъ оказался невѣренъ Своимъ обѣтованіямъ. А такъ думать можно ли? (Фот. у Экум.).

Ст. 4. *Да не будетъ. да будетъ же Богъ истинень, всякъ же человѣкъ ложь, якоже есть писано: яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши, внегда судити ти.*

Да не будетъ — желательная форма рѣчи, которая однакожъ есть рѣшительно утвердительная. Быть этому нельзя. Противъ этого возстаютъ всѣ религіозныя чув-

ства, и помышленіе то подавляютъ въ самомъ его возникновеніи. Не буди кому-либо такъ подумать о Богѣ и дѣлахъ Божіихъ.

Да будетъ же. Да содержитъ же всякій въ умѣ своемъ и въ сердцѣ своемъ, никакого не допуская въ семъ колебанія, что *Богъ истиненъ* всегда и во всемъ. – какъ обѣтовалъ, такъ и дѣлаетъ; и ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать Ему исполнить Свои преднамѣренія. — *Всякъ же человѣкъ ложь,* т.-е. да будетъ же —да будетъ онъ такимъ признаваемъ. *Ложь*—ψεύστης, лживъ. Богъ всегда истиненъ и неложенъ въ словесахъ Своихъ: а человѣкъ бываетъ лживъ, заблуждается и упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, себя обманывая и другихъ вводя въ обманъ, нерѣдко и съ намѣреніемъ. Потому если уже видѣть ложь, то полагай ее не на Божіей сторонѣ, а на людской. Въ томъ, что видишь ты совершившимся предъ очами твоими, понуждаешься ты видѣть исполненіе Божіихъ обѣтованій. Стань на сію сторону, и признай то истиннымъ, поколику Бога, явно свидѣтельствующаго истину сію, исповѣдуешь истиннымъ. А этихъ *нѣцыихъ* признай лживыми, претворяющими въ себѣ истину Божію во лжу. То, что они, какъ видишь, берутъ будто верхъ, незначительно. Это только на время. И здѣсь еще Богъ посрамитъ ихъ, прежде чѣмъ предъ всѣмъ міромъ обличитъ на судѣ Своемъ. Истина Божія восторжествуетъ: ибо Богъ всепобѣдителенъ.—Амвросіастъ пишетъ: „Оба положенія, что *Богъ истиненъ,* и что *всякъ человѣкъ ложь,* взяты изъ книги псалмовъ (85, 15; 115, 2). Лживымъ называетъ онъ человѣка, поколику онъ не вѣритъ тому, что обѣтовалъ Богъ; ибо отрицая, что Богъ дастъ то, что обѣтовалъ, онъ лжетъ. Будучи самъ лживъ, онъ по разнымъ поводамъ и Бога представляетъ лживымъ, когда не вѣритъ обѣтованіямъ Его. Апостолъ называетъ лживымъ всякаго человѣка, невѣрующаго обѣтованіямъ Божі-

имъ. Но больше это наименованіе прилично Іудеямъ, о которыхъ здѣсь разсуждаетъ онъ, въ томъ отношеніи, что они, видя Христа, отвергли, что Онъ есть Тотъ, Котораго обѣтовалъ Богъ. За это справедливо признать ихъ лживыми. Богъ же истиненъ, ибо Онъ послалъ Христа, какъ обѣтовалъ."

Въ подтвержденіе высказанной истины Апостолъ приводитъ слова пророка Давида изъ покаяннаго псалма: *яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши, внегда судити ти.* Ты всегда оправдываешься, или Ты всегда правъ во словесѣхъ твоихъ, и остаешься побѣдителемъ, *внегда судити ти,* когда произносить станешь судъ надъ кѣмъ; т.-е. когда станешь судить кого, то сей судимый самъ сознается и исповѣдуетъ, что Ты правъ. Примѣнительно къ теченію рѣчи Апостола будетъ: невѣріе Іудеевъ не опровергаетъ истинности Божіей. Богъ всегда истиненъ въ обѣтованіяхъ Своихъ всегда исполняетъ, что обѣтовалъ. Кто говоритъ иначе, тотъ лживъ. Это подтверждаетъ и пророческое слово, по коему Богъ всегда правъ бываетъ въ словахъ Своихъ и побѣдителемъ оказывается на судѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „Если разсудить и сравнить, что Богъ давалъ Іудеямъ, и какъ Іудеи вели себя предъ Богомъ; то побѣда на сторонѣ Божіей, Богъ правъ во всемъ. Богъ сдѣлалъ все съ Своей стороны; но Іудеи не стали отъ того лучшими."—Бл. Θеодоритъ приводитъ слѣдующіе примѣры, какъ Богъ оправдывается на судѣ. „Такъ и Израилю сказалъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ? Или чимъ оскорбихъ васъ? Или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте Ми* (Мих. 6, 3); потомъ (чтобъ заградить уста имъ) подробно напоминаетъ о благодѣяніяхъ. Такъ и устами Іереміи взываетъ: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ погрѣшеніе? яко удалишася отъ Мене, и ходиша въ слѣдъ суетныхъ и осуетишася* (Іер. 2, 5),— и также при-

лагаетъ перечисленіе благодѣяній.“—Такъ Богъ всегда оправдывается на судѣ обиліемъ благодѣяній,—тѣмъ, что всегда вѣрно исполняетъ обѣтованія Свои.“ „Побѣждаетъ Онъ, внегда судити, тѣмъ, что исполняетъ то, въ исполненіе чего не вѣрятъ: ибо когда Ему не вѣрятъ, значитъ, почитаютъ слово Его лживымъ. А Онъ, исполняя то, о чемъ думаютъ, что Онъ не исполнитъ того, побѣждаетъ, показывая, что Онъ истиненъ, а невѣрующій словамъ Его лживъ“ (Амвр.).

Можно нѣсколько и расширить предѣлы сего слова такъ: пусть нѣкоторые не увѣровали: Богъ же, несмотря на то, исполнилъ Свое обѣтованіе,—послалъ Сына Своего Избавителемъ міру,—и тѣмъ, что многіе увѣровали, показалъ, что точно словеса, ввѣренныя Іудеямъ, содержали предреченія о Немъ и все ветхозавѣтное учрежденіе служило приготовленіемъ къ принятію Его. Идетъ проповѣдь, Евангеліе распространяется,—и дѣло входитъ въ мѣру предреченія о Немъ. Но пусть иные останутся невѣрными: это только здѣсь. Настанетъ судъ, и истина Божія восторжествуетъ. „Узрятъ Сына Божія во славѣ, которой не хотѣли воздать Ему, и сознаются, что ихъ невѣріе обѣтованіямъ побѣждено истиною событія“ (Амврос.).

Такъ разсѣеваетъ Апостолъ недоумѣніе, навѣваемое невѣріемъ *нѣцыихъ*, и возставляетъ убѣжденіе въ побѣдоносности истины Божіей. Въ умѣ печатлѣется славное теченіе вещей по предначертанію Божію и возвеличивается Богъ во славѣ Своей, а Іудей видится за невѣріе свое тѣмъ паче оскудѣвающимъ и обездоливающимъ себя. „Говоря о величіи обѣтованій въ словесахъ Божіихъ, Апостолъ повидимому защищаетъ Іудеевъ; но при всемъ томъ выставляетъ на видъ новое обвиненіе, доказывая, что они не увѣровали словесамъ Божіимъ, которыя служили къ ихъ чести“ (Θеоф.). Но этимъ они

не только не повредили славѣ Божіей, а напротивъ еще болѣе возвысили ее.

Такое теченіе мыслей привело Апостола къ новому возраженію, которое, можетъ быть, приходилось ему слышать и въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ разсужденіяхъ съ Іудеями, особенно Коринѳскими, привыкшими, среди Грековъ, къ утонченностямъ.

Ст. 5. *Аще ли неправда наша Божію правду составляетъ, что речемъ? Еда ли неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?—По человѣку глаголю.*

Предъидущее поминаніе о невѣріи Іудеевъ главнымъ образомъ останавливаетъ мысль на невѣріи во Христа Господа, которое въ ту пору было на дѣлѣ, и всѣмъ явно.—Но невѣріе во Христа Господа, по пророческимъ обѣтованіямъ, должно сопровождаться страшными бѣдствіями для невѣрующихъ. Хоть эти бѣдствія тогда еще не послѣдовали, но Апостолъ не сомнѣвался, что они вотъ-вотъ настанутъ, или, можетъ быть, онъ уже прозрѣвалъ начатки ихъ. Приводя мѣсто изъ пророка Давида: *побѣдиши, внегда судити ти,* онъ, можетъ быть, на это намекалъ. Но какъ предъ этимъ онъ разъяснилъ, что невѣріе Іудеевъ явило истину Божію къ славѣ Божіей; то у Іудея, научившагося схоластикѣ у Грековъ, могли родиться такія мысли: если наша неправда возвеличиваетъ правду Божію, то за что же на насъ наносить гнѣвъ? Это было бы несправедливо. Какъ ни нелѣпо такое помышленіе, но оно могло умалять страхъ суда Божія, успокоивать начавшаго смущаться невѣра и тѣмъ пресѣкать путь его къ вѣрѣ. Провидя это, Апостолъ говоритъ какъ бы Іудею: ты не вѣруешь, и думаешь, что это—ничего. Нѣтъ, грозные суды Божіи падутъ на главу твою. Да не прельщаетъ тебя и тотъ изворотъ лжи, что будто поелику твоя неправда Божію являетъ правду, то Богъ не наведетъ на тебя заслуженной тобою кары за

твое невѣріе. Развѣ можно такъ разсуждать, что поелику наша неправда Божію правду составляетъ, то Богъ былъ бы неправеденъ, нанося гнѣвъ и потому не нанесетъ его?—Не изволь такъ разсуждать. Не миновать тебѣ кары Божіей, и Богъ, нанося на тебя гнѣвъ, нисколько не окажется неправеднымъ. Такая мысль прямо идетъ къ цѣли Апостола—поколебать самоувѣренность Іудея и, возбудивъ чувство опасенія за себя, расположить къ покаянію и вѣрѣ.

По человѣку глаголю, прибавилъ Апостолъ, чтобы показать, что у него самого не повернулся бы языкъ сказать такъ, и на мысль бы это никогда не пришло; но люди какъ я слышалъ, иногда такъ разсуждаютъ. Въ греческомъ такая мысль: если наша неправда правду Божію являетъ въ славѣ, то не будетъ ли несправедливъ Богъ, наводя гнѣвъ? Это, говоритъ, я по человѣку говорю. „Замѣть благоговѣніе Апостола! Сказавъ: не будетъ ли *неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?* присовокупилъ онъ: *по человѣку глаголю.* Такъ сказалъ бы всякій, разсуждая по человѣческому разуму“ (Св. Злат.). „Не о себѣ, говоритъ, произношу это, но привожу разсужденія другихъ“ (Θеод.). Или *по человѣку глаголю* лучше соединять съ слѣдующимъ: *да не будетъ,* въ той мысли, что если и почеловѣчески разсуждать, то этого никакъ сказать нельзя. У Бога же могутъ быть такія основанія, до которыхъ намъ и не домыслиться. „Такъ, говоритъ, я отвѣчаю въ оправданіе Божіе по человѣческому разуму, т.-е. какъ только можетъ отвѣчать человѣкъ здравомыслящій: ибо дѣйствія Божіи имѣютъ нѣкоторыя непостижимыя для насъ основанія и превосходятъ человѣческій разумъ, и не нуждаются въ защитѣ нашей“ (Θеоф.). „Ибо праведный судъ Божій несравненно превосходитъ то, что справедливо по нашему разсужденію“ (Св. Злат.).

Умствованіе,—будто Богъ былъ бы неправеденъ, если-

бы наказывалъ тѣхъ, неправда коихъ Его правду являетъ,— истины не составляетъ, а есть хитрая изворотливость лукаваго ума (адвокатскаго). Неправда означаетъ здѣсь тоже, что впереди невѣріе. Не увѣровали Іудеи, послѣ того какъ были къ тому руководимы во всю свою исторію, потому не правы. Но Богъ, несмотря на то, исполнилъ Свое обѣтованіе: пришелъ Господь и устроилъ спасеніе всѣхъ. Это оправдало истину обѣтованій и явило въ сильномъ свѣтѣ безпредѣльную благость Божію,—что и означаютъ слова: *правду Божію составляетъ.— Составляетъ*— съ греческаго представляетъ, являетъ, —дѣлаетъ то, что надъ нашею неправдою ярко сіяетъ правда Божія; но осіявая ее, сама съ нею не сочетавается, не составляетъ одно съ нею. Апостолъ здѣсь выставляетъ именно это несочетаніе, и правдѣ Божіей отдаетъ свое, и неправдѣ нашей свое. Наша неправда по своей ли природѣ и по нашему ли намѣренію являетъ правду Божію? Нѣтъ, неправда наша существенно есть неправда; и мы, предаваясь неправости, думать не думали, что чрезъ то проявится правда Божія, да и странно было бы такъ думать;—мы только своему мудрованію слѣдовали и свою волю творили. Если теперь надъ такимъ родомъ дѣйствованія нашего возсіяла правда Божія, то сія послѣдняя никакъ не можетъ быть относима къ первому, какъ плодъ, и слѣдовательно придавать ему право на вознагражденіе, или по крайней мѣрѣ прикрывать его отъ праведнаго гнѣва и наказанія. Богъ по безпредѣльной премудрости и благости Своей дѣлаетъ, что наша неправда являетъ Его правду. Ему и слава; намъ же гнѣвъ. Ибо это никакъ не превращаетъ нашей неправды въ правду.

Ст. 6. *Да не будетъ: понеже како судити имать Богъ міру?*

Къ общему вѣрованію въ безпредѣльную правду Божію

и относится Апостолъ въ опроверженіе того хитроумія. Какъ можно какую-нибудь неправду въ какомъ-либо отношеніи видѣть въ Томъ, Кто всѣми исповѣдуется Судіею всей вселенной? Это вѣрованіе нераздѣлимо съ чувствомъ правды Божіей и убѣжденіемъ въ Его правосудіи; потому одно сильно разсѣявать всякую тѣнь, наводимую хитроумiемъ на правду Божію. Если Богъ исповѣдуется Судіею вселенной, то Онъ безпредѣльно правосуденъ. Если правосуденъ, то нельзя видѣть какую-либо неправду въ томъ, что Онъ присудилъ вамъ наказаніе за ваше невѣріе, и наведетъ его на васъ вскорѣ.

Въ словахъ: *како имать судити?* можно видѣть и такую мысль: иначе и суду не зачѣмъ быть. Наказываетъ ли насъ здѣсь Богъ, или не наказываетъ, то и другое являетъ Его славу: если наказываетъ, это являетъ правду Его, если не наказываетъ, это являетъ Его долготерпѣніе. Въ первомъ случаѣ правосудіе удовлетворено, потому не для чего быть суду; во второмъ явлена слава Божія, потому не за что обвинять, слѣдовательно и судить.—Если такое умствованіе справедливо, то какъ же вѣруемъ, что Богъ имѣетъ судить міру? И наоборотъ, если это вѣрованіе такъ обще и такъ глубоко укоренено въ умахъ и сердцахъ нашихъ, что мы не можемъ отказаться отъ него, или допустить мысли противныя ему; то надобно признать ложнымъ то умствованіе и его отвергнуть (Амвр.).

Ст. 7. *Аще бо истина Божія въ моей лжи избыточествова въ славу Его, что еще и азъ яко грѣшникъ осуждаюся?*

Повторяетъ Апостолъ предъидущее ложное умствованіе яснѣе и полнѣе. Это вопрошеніе надо ставить въ связи съ предъидущимъ такъ: какъ Богъ имѣетъ судить міръ, если справедливо такое умствованіе, что поелику истина Божія съ избыткомъ проявилась въ моей лжи къ

славѣ Божіей, то меня не слѣдуетъ осуждать, какъ грѣшника?—Апостолъ поставляетъ себя на мѣстѣ Іудея невѣрующаго и отъ своего лица излагаетъ его хитроуміе. Если *истина Божія,* Божія истинность—то, что исходящее изъ устъ Божіихъ есть всегда совершеннѣйшая истина—если это неотъемлемое свойство Божескаго естества, *избыточествова*—съ избыткомъ проявилась, *въ моей лжи,* — въ томъ, что я не повѣрилъ обѣтованіямъ Божіимъ и извратилъ ихъ смыслъ. Богъ ясно предвозвѣстилъ, что придетъ Избавитель, и какъ придетъ, и каковъ Онъ будетъ. Іудеи, особенно знать ихъ предержащая, всѣ эти предреченія извратили и такимъ образомъ превратили истину Божію во лжу. Не смотря на это, Богъ исполнилъ Свое обѣтованіе: въ лицѣ Христа Спасителя скончалось все написанное во пророцѣхъ и псалмѣхъ. Ложь іудейская не затмила сей истины; а напротивъ послужила только къ тому, что Богъ въ явленіе Своей истины, усугубилъ вокругъ лица Господа Іисуса поразительнѣйшія свидѣтельства того, что Онъ есть истинно обѣтованный,—и притомъ, какъ въ жизни Его земной, такъ и послѣ нея во время проповѣди Евангелія о Немъ. Это избыточество свидѣтельствъ истины о Христѣ Іисусѣ въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ явило истину Божію, и являетъ, и всѣ, кои отъ истины, пріемлютъ ее. Кругъ вѣрующихъ расширяется, и вмѣстѣ съ тѣмъ множится слава Божія. Всѣ исповѣдуютъ сіе и прославляютъ всеблагаго Бога, спасающаго насъ чрезъ такое торжественное утвержденіе на землѣ истины Божіей, несмотря на невѣріе Іудеевъ. Все сіе оправдывалось тогда самыми событіями.

Такъ Богъ устроилъ; но это никакого не даетъ оправданія невѣрію Іудеевъ. Слава Божія славна, а невѣріе Іудеевъ остается мрачнымъ. Умствованіе Іудея: поелику мое невѣріе извлекло у благости Божіей разительнѣйшія

свидѣтельства истины Божіей, которыя чрезъ подтвержденіе ея и убѣжденіе въ ней явили славу Божію въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ; то за что меня осуждать?—скорѣе слѣдуетъ наградить меня (Θеоф.),—такое умствованіе остается нелѣпѣйшимъ,—и слѣдовательно наказаніе Іудея за невѣріе праведнѣйшимъ,—предъ лицомъ того одного всеобщаго убѣжденія, что Богъ имѣетъ судить міру.

Ст. 8. *И не якоже хулимся, и якоже глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да пріидутъ благая: ихже судъ праведенъ есть.*

Итакъ, умствовать такимъ образомъ никакъ нельзя, и Богъ, наказывая Іудея за невѣріе и превращеніе истины во лжу не неправеденъ. Пусть Богъ противъ неправды нашей проявляетъ вящшую правду Свою, пусть истину Свою среди мрака лжи нашей облиставаетъ ярчайшимъ свѣтомъ къ славѣ Своей, пусть изъ нашего зла извлекаетъ большее добро,—все сіе служитъ къ одному лишь прославленію Бога, а не къ нашему оправданію. Несмотря на такое устроеніе дѣлъ промышленіемъ Божіимъ, правда остается правдою, а неправда—неправдою, истина—истиною, а ложь—ложью, добро—добромъ, а зло—зломъ. Еслибы было иначе, еслибъ то, что Богъ изъ нашего зла извлекаетъ добро, служило въ оправданіе намъ, и не только уничтожало достойную кары злобу зла, но и дѣлало его достойнымъ награды; тогда слѣдовало бы: дѣлай больше зла, чтобъ пришло больше добра. А это возмутительная нелѣпость, которая вызываетъ отвращеніе къ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произносится.

Вотъ мое ученіе, вотъ что я внушаю и на чемъ настаиваю! Такъ учу, а не такъ, какъ иные говорятъ про меня, будто я говорю: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая.* Это явная на меня хула и клевета. Враги мои придумали это, чтобъ распространить предубѣжденіе противъ меня, и прежде чѣмъ кто услышитъ что отъ меня,

заградить слухъ его къ принятію проповѣдуемой мною истины Божіей. Если въ сей истинѣ Божіей—спасеніе людей, если то, чтобъ проповѣдывать ее всѣмъ всюду, есть непремѣнная воля Божія; то распространяющіе такіе лживые о мнѣ слухи противятся благимъ намѣреніямъ Божіимъ и пресѣкаютъ пути добра во спасеніе людей, т.-е. суть богоборцы и человѣконенавистники. На таковыхъ воистину праведенъ судъ Божій!

Такую клевету возносили на св. Павла враги его, надо полагать, изъ Іудеевъ. Св. Павелъ училъ, что для принятія въ царство Христово не требуется никакая заслуга предварительная. Какъ кто ни будь праведенъ, не правда его вводитъ въ сіе царство, а вѣра; и напротивъ какъ кто ни будь грѣшенъ, не грѣхъ заключаетъ ему входъ въ сіе царство, а то, если не увѣруетъ. Все сіе есть дѣло благодати Божіей, и бываетъ такъ, что *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествуетъ благодать* (Римл. 5, 20).—Но уча такъ. Апостолъ имѣлъ въ виду только вступленіе въ царство благодати; отъ тѣхъ же, которые вступили въ него, требовалъ совершеннѣйшей святости, даже и называлъ ихъ не иначе какъ святыми, показывая, что быть въ царствѣ Христовомъ и быть грѣшнувещи несовмѣстимыя и немыслимыя. *Что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣ?* (по принятіи благодати, или вступленіи въ царство Христово вѣрою). *Да не будетъ* (Рим. 6, 1). Такъ училъ Апостолъ; и такъ это самымъ дѣломъ совершалось. Въ царство Христово принимались всѣ безъ различія; но отъ вступившихъ въ него требовалась совершенная святость, и кто не являлъ ея и падалъ въ грѣхи, изгонялся вонъ.—Но враги св. Павла смѣшали эти два пункта, совершенно различные, и взводили на него хулу, будто онъ училъ вообще: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая.* Онъ и припомнилъ это теперь: изъ вашего хитрословія прямѣе выходитъ то положеніе,

которое вы мнѣ навязываете. Но если оно, по вашему суду, нелѣпо, то бросьте и то умствованіе, будто Богъ неправеденъ, если наводитъ гнѣвъ на тѣхъ, которые неправдою своею являютъ правду Его въ славѣ.

ε).

Отразивъ такимъ образомъ представившееся возраженіе, Апостолъ сильнѣе налегаетъ на осужденіе и представленіе безотвѣтности Іудеевъ, уже не своимъ словомъ, а пророческимъ, 9 - 20. Иные думаютъ, что въ этомъ отдѣленіи Апостолъ обличеніе свое обращаетъ какъ на Іудея, такъ и на язычника вмѣстѣ. Прежде порознь обличалъ ихъ, а теперь и вмѣстѣ. Можно и такъ. Но лучше—относить рѣчь Апостола къ Іудеямъ, потому что, кончивъ приводить пророческія слова, которыя дѣйствительно могутъ быть признаны общими, онъ снова обращается къ Іудею.

Ст. 9. *Что убо? Преимѣемъ ли? Никакоже: предъукорихомъ бо Іудеи же и Еллины вся подъ грѣхомъ быти.*

Кто спрашиваетъ? Можно полагать, что Апостолъ отъ себя спрашиваетъ, ставя и себя въ рядъ Іудеевъ; и можно полагать, что спрашиваютъ Іудеи.—Іудей предложилъ вопросъ: *что убо лишшее Іудею?*—надѣясь прикрыться отъ осужденія преимуществомъ Іудея. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Апостолъ прямо сказалъ: *много по всякому образу;* но потомъ въ дальнѣйшемъ объясненіи представилъ такія соображенія, изъ которыхъ выходило, что это многое не служитъ въ оправданіе Іудеямъ, что при всемъ томъ не избѣжать имъ суда, или потому самому паче и подлежатъ они ему. Предполагая, что это ясно вообразилось въ умѣ Іудеевъ, онъ обращается къ совопроснику своему и отъ себя даетъ ему вопросъ: послѣ всего сказаннаго мною, какъ думаешь, имѣемъ мы преимущества? Можемъ спрятаться за нихъ и ими прикрыться

отъ суда Божія? Онъ и себя ставитъ въ рядъ ихъ, чтобы смягчить очевидный отвѣтъ, непріятный.

Но такъ же могли спросить и Іудеи. Апостолъ не сказалъ прямо. что преимущества не укрываютъ отъ суда, а такую велъ рѣчь, чтобы Іудеи сами то вывели; а имъ этого не хотѣлось. Вотъ они и задаютъ вопросъ: и такъ что же? Скажи намъ прямо, *преимѣемъ ли?* Имѣемъ ли мы какое преимущество? Апостолъ удовлетворяетъ ихъ желаніе и говоритъ теперь прямо: *никакоже.*—Преимущества и были, но дѣла наши отняли у нихъ все значеніе; по причинѣ этихъ дѣлъ мы и остались безъ всякихъ преимуществъ. Бл Θеофилактъ пишетъ: „хотя и имѣли они, (т.-е. Іудеи) нѣкоторое преимущество, какъ избранные Богомъ; но какъ дѣлами своими они обезчестили почтившаго ихъ честію и избравшаго ихъ Бога, то не только уже не имѣютъ никакого преимущества, но и подвергаются большему осужденію. Говоритъ какъ бы отъ лица Іудеевъ: *что убо? Преимѣемъ ли?* т.-е. имѣемъ ли какое преимущество, превосходимъ ли другихъ, угоднѣе ли прочихъ Богу мы, Іудеи, которые получили законъ и обрѣзаніе? *Никакоже,* т.-е. нисколько. Ибо Іудеи, чтобы не сказать больше, согрѣшили такъже, какъ и язычники.“

Такой приговоръ изъ устъ Апостола Павла могъ показаться жесткимъ и помѣшать благотворному дѣйствію его обвинительной рѣчи. Почему онъ спѣшитъ отклонить это, говоря: не я это говорю: пророки гораздо прежде меня предукорили насъ въ этомъ. *Предукорихомъ—προητιασάμεθα,*—можетъ быть переведено и такъ: предукорены, прежде обвинены есмы,—какъ и дѣлаетъ славянскій нашъ переводъ въ подстрочномъ замѣчаніи. И это какъ по теченію рѣчи, такъ и по намѣренію Апостола должно почесть ближайшимъ къ подлиннику переводомъ. Апостолъ и себя ставитъ въ рядъ Іудеевъ,

хотя уже давно вышелъ изъ нихъ, чтобъ показать, что онъ и себя никакъ не исключаетъ изъ-подъ этихъ предосужденій, и что они-то послужили ему побужденіемъ укрыться отъ гнѣва Божія на основаніи ихъ подъ покровъ благодати, показавъ же это, и ихъ расположить къ скорѣйшему подражанію себѣ въ семъ дѣлѣ. Онъ говоритъ какъбы: давно уже это было предвидѣно; нечего потому этому дивиться, или этого дичиться и отрицаться, а скорѣе слѣдуетъ, сознавши истину сего, поискать вѣрнѣйшаго способа, какъ избыть отъ обвиненія.

Нѣтъ нужды возставать и противъ строчнаго перевода: *предукорихомъ*, т.-е. мы предъ симъ укорили, обвинили, доказали виновность. Если такъ, то будетъ значить, что Апостолъ указываетъ здѣсь на свою предыдущую рѣчь, въ коей точно онъ доказалъ, что и язычники, и Іудеи равно подъ грѣхомъ суть *Подъ грѣхомъ быти*, что грѣшны и безотвѣтны въ грѣшности, подлежатъ за нее суду и осужденію. Ибо не по неволѣ какой грѣшили, а по своему злому произволу, не по насильственному игу подведены подъ грѣхъ, а по самоугодію устремились къ нему и погрязли въ немъ. *Подъ грѣхомъ быти*—можетъ означать: и грѣшатъ, и подъ гнѣвомъ Божіимъ за грѣхъ состоятъ.—*Іудеи же и Еллины.* Мысль такая: Іудеи не меньше Еллиновъ, или подобно Еллинамъ, или также какъ Еллины. Ибо рѣчь объ Іудеяхъ; къ нимъ и пророческія обличенія обращаемы были. Еллины здѣсь стоятъ въ видѣ сопоставленія.

Ст. 10. *Якоже есть писано, яко нѣсть праведенъ никтоже.*

„Апостолъ обвинилъ язычниковъ, обвинилъ Іудеевъ; слѣдовало уже говорить объ оправданіи,—объ оправданіи чрезъ вѣру. Ибо если не помогъ законъ естественный, не больше сдѣлалъ и законъ писанный, напротивъ, тотъ и другой послужили бременемъ для людей, кото-

рые не воспользовались ими, какъ должно; то нѣтъ уже инаго средства спастися, кромѣ благодати. Итакъ, скажи и открой намъ оное, Павле!—Но Апостолъ еще не дерзаетъ, опасаясь безстыдства Іудеевъ, а снова обращается къ ихъ обвиненію. И сперва представляетъ обвинителемъ Давида, который пространно изображаетъ то, что Исаія выразилъ кратко. А симъ хочетъ наложить на слушателей крѣпкую узду, дабы всякій изъ нихъ, по загражденіи ему всѣхъ путей обвиненіями пророковъ, не могъ уже вырваться и ускользнуть, когда будетъ предъ нимъ раскрыто вполнѣ ученіе о вѣрѣ. Пророки же выставляютъ три самыя тяжкія вины, именно: что всѣ безъ исключенія дѣлали зло; что дѣлали зло безъ всякой примѣси добра, предаваясь единственно порокамъ; и наконецъ дѣлали зло со всѣмъ усиліемъ“ (Св. Злат.).

Якоже есть писано—прямѣе идетъ къ переводу; *предъукорены, прежде обвинены есмы.* Предобличенія беретъ св. Павелъ изъ псалмовъ и изъ пророка Исаіи. Сначала приводитъ такія пророченія, которыми обличается неправость вообще, а потомъ такія, которыми обличаются главнѣйшіе виды неправости—нечествованіе предъ Богомъ, нелюбіе и злотворство въ отношеніи къ ближнимъ. Замѣчательно, что нечестіе предъ Богомъ поставляется въ началѣ и въ концѣ, надо полагать, какъ источникъ и плодъ неправостей предъ ближними.

Слова: *Нѣсть праведенъ никтоже,* буквально не содержатся въ приводимыхъ мѣстахъ. Они выражаютъ общій смыслъ ихъ, и принадлежатъ св. Апостолу, какъ надписаніе пророческихъ изреченій, сводимыхъ во едино. Понимая это такъ, слову *праведенъ* надлежитъ дать обширное значеніе: праведенъ во всемъ, и предъ Богомъ, и предъ людьми, а по противоположности—неправеденъ,—тоже во всемъ и предъ Богомъ, и предъ людьми. Потому въ *нѣсть праведенъ* надо видѣть не ту мысль, что иногда

грѣшитъ или бываетъ неправеденъ, а ту, что совсѣмъ погрязъ въ неправдѣ, только и замышляетъ, только и дѣлаетъ, что неправду. И таковы всѣ, —никакого исключенія.

Ст. 11. *Нѣсть разумѣваяй, и нѣсть взыскаяй Бога.*

У пророка говорится, что Богъ приникъ только на землю, чтобъ посмотрѣть, есть ли кто *разумѣваяй или взыскаяй Бога* (Псал. 13, 52). Но какъ онъ въ слѣдъ за симъ прибавляетъ: *вси уклонишася;* то этимъ даетъ понять, что Богъ, приникши на землю, не увидѣлъ никого, кто бы разумѣвалъ и взыскивалъ Бога. - Св. Апостолъ эту мысль и беретъ, выражая ее по теченію рѣчи не вопросно, а утвердительно: *нѣсть разумѣваяй, нѣсть взыскаяй Бога.*

Этимъ означается вообще богозабвеніе, жизнь безъ всякаго вниманія къ Богу, какъ будто Бога совсѣмъ нѣтъ. Но можно различать въ каждомъ изъ сихъ терминовъ особенное значеніе. *Разумѣніе Бога*—занятіе ума Богомъ, чтобъ познать и созерцать Его безпредѣльныя совершенства, Его творчество и особенно промыслительное о насъ попеченіе. *Взысканіе Бога*—устремленіе къ Нему сердцемъ, и направленіе всей дѣятельности своей къ тому, чтобъ стяжать Его и въ себѣ Его имѣть, какъ первое всенасыщающее сокровище. Сіе послѣднее есть цѣль наша послѣдняя; разумѣваніе Бога, познаніе Его чрезъ разсужденіе о Немъ открываетъ въ Немъ наше сокровище; а это открытіе вызываетъ устремленіе къ Нему сердца и возбуждаетъ энергію дѣятельныхъ силъ къ достиженію Его и обладанію Имъ. Когда нѣтъ разумѣванія Бога, нѣтъ и взысканія Его. Нѣтъ взысканія—нѣтъ стяжанія и обладанія,—нѣтъ общенія съ Богомъ: человѣкъ внѣ цѣли своей. Почему долженъ блуждать и влаяться. Не Богомъ занятъ умъ, не къ Богу лежитъ и сердце. Но какъ ни умъ, ни сердце не могутъ пребывать праздными, то, отклонясь отъ Бога единаго, уст-

ремляются къ тварямъ—многимъ, и запутавшись среди ихъ, теряютъ правое свое направленіе и производятъ только всякую неправду. Въ ней только искусны, въ ней только находятъ вкусъ, къ ней только льнутъ сердцемъ и устремляютъ свои дѣятельныя силы.

Ст. 12. *Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго.*

Это слово въ слово 3-й стихъ 13-го псалма, или 4-й—52-го. Онъ показываетъ, какъ за упадкомъ благочестія и богобоязненности послѣдовалъ упадокъ доброй нравственности. *Вси уклонишася*—откуда и куда? Какъ выше говорилось о богозабвеніи и пресѣченіи стремленія къ Богу, *то уклонишася*, надо полагать, продолжаетъ туже мысль,—уклонились отъ Бога умомъ и сердцемъ. Уклониться же такъ отъ Бога значитъ уклониться и отъ воли Его и отъ путей Его, отъ заповѣдей Его,—или отъ богоугожденія къ самоугодію. Если теперь самоугодіе дѣйствуется чрезъ удовлетвореніе страстей—похоти, гнѣва, гордыни, своекорыстія, зависти и проч., то уклонившійся отъ Бога естественно ниспадаетъ въ страстность, которая, держа его въ своихъ узахъ, дѣлаетъ негожимъ ни на какое добро. Почему и говорится: *вкупѣ непотребни быша. Вкупѣ*, ἅμα,—вмѣстѣ съ тѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ уклонились отъ Бога, стали непотребными, т. т. негожими ни на какое добро; потому что овладѣвшія ими вслѣдствіе уклоненія отъ Бога страсти отбивали ихъ отъ добра и увлекали на противоположное зло.

Нѣсть творяй благостыню. Благостыня—χρηστότης,—благое, на всякое добро готовое сердце со всякимъ самопожертвованіемъ. Наблюдай за людьми, когда они бываютъ въ добромъ расположеніи духа, и поймешь, что есть эта благостыня. Люди въ такомъ состояніи отъ какого добраго дѣла откажутся, и отъ какой жертвы

уклонятся? Всѣ у нихъ стали братья и сестры, и все ихъ достояніе стало общимъ: и не достояніе только, но и жизнь готовы они отдать, чтобъ только благо было другимъ. Вотъ это благостыня!—Она есть прямое отраженіе благости Божіей, и изливается въ сердце отъ богообщенія, при богобоязненности и боголюбіи. Уклонившійся отъ Бога и низпадшій въ страстность не можетъ уже проявлять сей черты богоподобія. Ибо душа страстности есть эгоизмъ, который, поставивъ себя цѣлію, все прочее обращаетъ въ средство. Какое потому при немъ мѣсто благостыни? Благостыня имѣетъ въ виду благо только другихъ, а онъ только свое. Они отрицаютъ себя взаимно. Такимъ образомъ работающій страстямъ естественно *нѣсть творяй благостыню.*

Творитъ благостыню значитъ дѣломъ исполнять, къ чему клонитъ благорасположенное сердце. Потому въ изреченіи—*нѣсть творяй благостыню* можно видѣть такую мысль: нѣтъ никого, кто бы исполнялъ дѣломъ добрыя внушенія сердца и совѣсти. Это будетъ значить, что стали непотребны, но не до того, чтобъ ничего добраго ужь и на умъ имъ не всходило. Нѣтъ,—и на умъ всходитъ добро, и позывъ на него чувствуется; но въ тоже время поднимается страсть, подавляетъ сіе доброе и не даетъ имъ творить благостыню. Богъ создалъ наше естество добрымъ и вложилъ въ него всякаго рода добрыя расположенія. Пришли потомъ страсти и отодвинули назадъ сіи добротности. Онѣ живы, и даютъ о себѣ знать каждый разъ, какъ представляется случай; но власти не имѣютъ. Господинъ ихъ—человѣкъ—отталкиваетъ ихъ и даетъ силу страстямъ, какъ иной законную жену загоняетъ въ уголъ и любодѣйствуетъ съ чужими. Въ этомъ отношеніи нетвореніе благостыни бываетъ не просто потому, что одни злыя помышленія и желанія роятся въ душѣ, но потому, что въ борьбѣ

съ благостынею они подавляютъ всякій разъ добрыя внушенія, возникающія въ сердцѣ. Это усугубляетъ вину.

Нѣсть даже до единаго. Одинъ отъ другаго перенимали и стали всѣ, какъ одинъ, непотребны и безблагостны. Страсти, обобщившись и завладѣвши всѣми, не давали уже показаться среди ихъ ничему противному страстямъ, коимъ служатъ всѣ. Какъ внутри отталкивается всякое доброе помышленіе и чувство, такъ внѣ никто въ такомъ обществѣ не смѣетъ поднять голоса въ противность общей страсти. Всякій вновь раждающійся въ семъ обществѣ, или поступающій въ него совнѣ, поглощается общимъ духомъ, или извергается вонъ.

Ст. 13. *Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими лщаху: ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ.*

Первая половина стиха взята изъ 5-го псалма ст. 10; вторая изъ 3-го ст. 139-го псалма. *Гробъ отверстъ гортань ихъ.* Что внутри, то и на языкѣ. Что замышляютъ, въ чемъ находятъ удовольствіе, на что обращены всѣ планы, о томъ и рѣчь у нихъ всегда. И какъ тамъ преобладаетъ непотребство и безблагостность; то это же господствуетъ и въ бесѣдахъ. Гробъ отверстый распространяетъ зловоніе, и даетъ знать, что въ немъ тлѣетъ тѣло человѣка. И языкъ уклонившагося отъ Бога и впадшаго въ непотребство и злобу распространяетъ зловоніе нечестія, непотребства и злости и даетъ разумѣть, что душа его тлѣетъ отъ разлагающаго ее дѣйствія страстей.—Что въ каждомъ рѣчь, то въ обществѣ—литература. По ней можно узнавать, каково общество.

Языки своими лщаху. То вообще о языкѣ страстныхъ сказано; теперь переходитъ къ перечисленію видовъ непотребства языка. Первое—лесть. *Лщаху*—ἐδολιοῦσαν. Δόλος—злокозненность. Злокозненность языка есть искусство прикрывать злыя цѣли доброю рѣчью, и чрезъ то вводить другаго въ обманъ и въ ущербъ своихъ ради

выгодъ. Это прямое слѣдствіе эгоизма. Сходится ли эгоизмъ съ эгоизмомъ, или эгоизмъ съ благостынею, эгоизму безъ лести нельзя дѣйствовать. Тамъ потому, что иначе, раздраживъ эгоизмъ другаго, возбудитъ себѣ противодѣйствіе; здѣсь потому, что иначе, обнаживъ себя, обнаружитъ въ себѣ то, отъ чего отвращается благостыня. Страстному эгоизму неизбѣжно приходится потому хитрить, прикрывая себя лестію.

Ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Подъ устнами,—подъ рѣчами или въ рѣчахъ. *Ядъ аспидовъ*—зловредность и пагуба. Послушайся только того, что они говорятъ, и зло постраждешь. Будетъ съ тобою тоже, что съ пріявшимъ яда аспидова.—Этимъ означается высшая степень того, что означаетъ изреченіе: *языки своими лщаху.* Когда языкомъ льстятъ, еще наводятъ только на зло, вплетаютъ въ какія-либо дѣла и предпріятія, отъ которыхъ тѣмъ вредъ, а имъ выгода; а когда ядъ аспидовъ въ рѣчахъ, то зло впускается въ душу вмѣстѣ съ рѣчами. Тутъ можно разумѣть хулителей путей Божіихъ и распространителей злыхъ ученій. Прикрывъ ложь краснымъ правдоподобіемъ, вводятъ ее въ душу, и изгнавъ изъ ней истину, оядотворяютъ сею ложью.

Ст. 14. *Ихже уста клятвы и горести полна суть* (Пс. 9, 28).

Другіе два вида непотребства языка: *клятва и горесть.*—Прежде указано прикрытое зло языка, а здѣсь открытое. *Клятва*—ἀρά—клятьба; *горесть*—πικρία—рѣчь огорчающая, горечь въ душу вносящая. *Полна суть*—γέμει—кишатъ, биткомъ набиты. Указывается или особый классъ непотребныхъ по языку людей, или особое состояніе тѣхъже льстивыхъ и аспидоядныхъ: не всегда успѣваютъ прикрывать зло, прорывается оно. И тогда изрыгается то клятьба, — чтобъ тебѣ то и то пострадать, и подобное; то горечь,—рѣчи уязвляющія, въ ви-

дѣ ли тонкихъ намековъ, или въ видѣ грубой брани. То и другое въ средѣ страстныхъ въ ходу. Образованность и цивилизованность не спасаетъ. Когда сердце взяло, пошли и тутъ клятва и горечь, не рѣдко въ болѣе отвратительномъ видѣ, потому что болѣе имѣется способовъ выразиться посильнѣе.

Ст. 15. *Скоры ноги ихъ проліяти кровь* (Притч. 1, 16; Ис. 59, 7).

Послѣ безблагостности языка—безблагостность дѣлъ во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Ибо ноги, руки, пути—въ словѣ Божіемъ означаютъ поведеніе людей, обычный имъ образъ жизни и дѣятельности. *Скоры ноги*—потому что сильно желаніе, неудержимо влекущее къ дѣлу. Какъ то, къ чему такъ стремятся, есть пролитіе крови; то этимъ выражается кровожадность. Идти это можетъ только къ разбойникамъ. Но и у нихъ жажда крови не главное, а случайность, главное же — корысть. Прямо пролитіе крови имѣютъ въ виду только месть и личная вражда. Общимъ слѣдовательно этого вида безблагостности считать нельзя. Итакъ, если *пролитіе крови* понимать въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь указывается частное нѣкоторыхъ лицъ злодѣйство. Обобщаетъ его пророкъ и за нимъ Св. Апостолъ потому, что если оно является въ нѣкоторыхъ, то, значитъ, доходить до такого неистовства не чуждо Іудеямъ. Но можно подъ пролитіемъ крови разумѣть лишь чувствительное уязвленіе и раненіе другаго. Въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ выражаться состояніе гнѣвнаго и разсердившагося. Въ гнѣвѣ и сердцахъ, какъ отличительная черта, у всѣхъ является желаніе уязвить другаго, дать ему почувствовать не словомъ, а дѣломъ. И тутъ мелькаетъ маленькое желаніе пролитія крови. Если такъ понять пролитіе крови; то обобщеніе его не представля-

етъ ничего недоумѣннаго. Апостолъ обличаетъ въ Іудеяхъ преобладаніе нелюбовныхъ и враждебныхъ чувствъ и дѣлъ.

Ст. 16. *Сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ* (Ис. 59, 7).

Сокрушеніе—σύντριμμα,—сотреніе; *озлобленіе*,—ταλαιπωρία,—всякаго рода бѣды, чувствительныя и болѣзненныя. Гдѣ пройдетъ шайка злодѣевъ, тамъ домы разграблены, разорены и пожжены, жители побиты, изранены и разогнаны. Вотъ сокрушеніе и озлобленіе! Но выдаются такія личности, которыя, живя срѣди другихъ, съ кѣмъ ни сойдутся, непремѣнно озлобятъ его и сокрушатъ,—сдѣлаютъ чувствительное зло. Между тѣмъ уличить ихъ бываетъ не всегда возможно: дѣйствуетъ самъ озлобляемый, а тѣ будто ничего не знаютъ. Иные впрочемъ оглашаются такими, и народный приговоръ предостерегаетъ отъ нихъ: съ этимъ не связывайся,—жалѣть будешь. *На путехъ ихъ*,—въ слѣдъ за ними идетъ, или они оставляютъ по себѣ. Какъ огню нельзя пройти гдѣ не пожегши, такъ имъ—не сдѣлавши зла.

Ст. 17. *И пути мирнаго не познаша* (Ис. 59, 8).

Это будто сведеніе воедино всего, сказаннаго о безблагостности языка и обычнаго поведенія.—Когда языкомъ язвятъ и дѣломъ причиняютъ вредъ, какой отъ нихъ миръ? Немирность и распространяется ими всюду. Эгоизмъ,—страсти,—есть разлагающая сила, какъ симпатія,—благорасположеніе,—соединяющая. Гдѣ эгоизмъ съ страстями, тамъ невозможенъ миръ, и миролюбивое настроеніе: ибо они все къ себѣ тянутъ; тогда какъ при мирѣ многимъ надо жертвовать.—Почему справедливо о нихъ говорится: *пути мирнаго не познаша.* Ни въ мысли, ни въ цѣляхъ не имѣютъ того, чтобъ устроять и хранить миръ. И не понимаютъ, сколь это нужно, и для чего нужно, и какъ это дѣлать. Мирность—для нихъ невѣдомая земля.

Ст. 18. *Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ* (Пс. 35, 2).

Начато изображеніе худости Іудеевъ со словъ пророческихъ богозабвеніемъ, и кончено безстрашіемъ предъ Богомъ. То и другое означаетъ отпаденіе отъ Бога, вслѣдствіе котораго извращается нравъ. И народное присловіе тоже выражаетъ, когда въ лице злодѣю и обидчику говоритъ: Бога ты не боишься. Бога исповѣдуетъ, и судъ Его признаетъ, и ада не отвергаетъ; а между тѣмъ страха Божія не имѣетъ. Какъ это возможно и въ комъ?—Возможно подъ прикрытіемъ обольстительнаго изворота: нынѣ сдѣлаю по желанію своего сердца, а завтра покаюсь. Можно предполагать, что злодѣи не всѣ замышляютъ до конца злодѣйствовать, а злодѣйствуютъ будто вынужденные обстоятельствами. Но все же страха Божія и въ такихъ нѣтъ, а возможенъ. И бываетъ, что многіе изъ нихъ образумливаются. Но бываетъ и то, что отъ злодѣйства къ злодѣйству переходя, ожесточаются сердцемъ, и по множеству злодѣяній теряютъ всякую надежду помилованія: вслѣдствіе чего предаются въ руки злаго произволенія своего, и появляющуюся мысль о Богѣ прогоняютъ враждебно, съ непріязнію. Это настроеніе—сатанинское.

Таково изображеніе худости Іудеевъ въ параллель худости язычниковъ. Сличивъ то и другое, видимъ, что и тамъ и здѣсь все извращеніе нрава проистекаетъ изъ отпаденія отъ Бога умомъ и сердцемъ. Но замѣчательно, что тогда какъ язычники, отпадши отъ Бога, ниспали въ самую грубую похотливость, и потомъ уже во всякаго рода неправды,—Іудеи, переставъ разумѣвать и взыскивать Бога, предаются прямо дѣламъ неправымъ и безблагостыннымъ. И по исторіи видно, что хотя и Іудеи впадали въ грѣхи похоти плотской, но среди ихъ не было такого разліянія блуда, какъ среди язычниковъ. Св. Апостолъ и не счелъ нужнымъ особенно выставлять этого порока на видъ.

Ст. 19. *Вѣмы же, яко елика законъ глаголетъ, сущымъ въ законѣ глаголетъ: да всяка уста заградятся, и повинень будетъ весь міръ Богови.*

Какъ будто Апостолъ слышитъ возраженіе со стороны Іудеевъ: да это все, что ты привелъ, не къ намъ относится,—и спѣшитъ предотвратить его, говоря какъбы: не къ вамъ!—Къ кому же будетъ говорить законъ, какъ не къ сущимъ въ законѣ,—какъ не къ вамъ?—разумѣя подъ закономъ все ветхозавѣтное писаніе, такъ какъ выше приводилъ онъ мѣста изъ Псалмовъ, Притчей и пророка Исаіи.—Такъ разумѣетъ сіе св. Златоустъ: „Іудеи могли возразить: не объ насъ говорится сіе. Апостолъ и говоритъ: какая была нужда пророку, посланному для вашего исправленія, обличать другихъ? Законъ данъ не другому кому, а вамъ.—Закономъ здѣсь называетъ св. Павелъ весь Ветхій Завѣтъ". Такъ и всѣ наши толковники. Цѣль у Апостола та, чтобъ отнять у Іудеевъ всѣ предлоги, какими, къ своему самообольщенію, могли бы они высвобождать себя въ мысляхъ своихъ отъ суда и осужденія Божія. Къ этому направлена вся рѣчь его къ Іудеямъ съ перваго поминанія ихъ вмѣстѣ съ язычниками (2, 9. 10) доселѣ.

Да всяка уста заградятся. Объ язычникахъ ужь и говорить нечего: они безотвѣтны. Но и вы, хоть имѣли бы что-нибудь сказать въ свое оправданіе, не можете того выставлять; потому что своею невѣрностію сами себя лишили всѣхъ преимуществъ и праведно осуждаетесь пророками. И вы безотвѣтны. И такимъ образомъ всѣ уста заграждаются,—никто ничего не можетъ представить въ свое оправданіе. Даетъ доразумѣть св. Павелъ: пророки издали провидѣли, что вы будете выворачиваться изъ-подъ суда; потому такъ тяжко и обвинили васъ, чтобы заградить вамъ уста, дабы вы, вникнувъ въ дѣло, признали ихъ осужденіе справедливымъ, обвинили

себя, пришли въ раскаяніе, и искали оправданія въ томъ, въ чемъ искать его указываетъ вамъ Евангеліе.

Такъ излагаетъ теченіе мыслей св. Апостола св. Златоустъ: „Апостолъ доказываетъ симъ, что сіе сказано не просто въ обвиненіе, но дабы законъ пролагалъ также путь вѣрѣ. Таково согласіе Ветхаго Завѣта съ Новымъ, что обвиненія и обличенія имѣли безъ сомнѣнія цѣлію отверсть въ слушателяхъ свѣтлую дверь вѣры. Поелику Іудеевъ то особенно губило, что высоко о себѣ думали, что, не разумѣя правды Божіей и свою правду стараясь выставить, не покарялись они правдѣ Божіей; то законъ и пророки предварительно укрощали ихъ высокомѣріе и низлагали надменность, дабы, пришедши въ сознаніе своихъ грѣховъ, отложивши свое высокомѣріе и увидѣвши себя въ крайней опасности, притекли они съ полнымъ усердіемъ къ Давшему имъ прощеніе грѣховъ и приняли благодать чрезъ вѣру. Сіе самое и давалъ здѣсь разумѣть Павелъ, говоря: *да всяка уста заградятся.* Показываетъ онъ, что Іудеи хотя не смѣютъ похвалиться дѣлами, но хвастливы и безстыдны на словахъ. Посему въ собственномъ смыслѣ употреблено выраженіе: *да всяка уста заградятся*; имъ изображается безстыдное и непомѣрное хвастовство Іудеевъ, а равно и то, что языкъ ихъ надлежало всѣми силами обуздывать. Онъ былъ неудержимъ, подобно стремительному потоку; но пророкъ обуздалъ его. Когда же Павелъ говоритъ: *да*, — разумѣетъ не то, что для того грѣшили, дабы заградились уста ихъ; но для того были обличаемы, чтобы нагрѣшивши сознавали то.“

И повиненъ будетъ весь міръ Богови. Повиненъ Богови—виновенъ предъ Богомъ. Язычники и не поперечатъ тому, сознаютъ себя такими. Если теперь и вы примете на себя обличеніе пророковъ и сознаетесь, что не имѣете чѣмъ оправдаться, то выйдетъ, что весь міръ, не по суду

только внѣшнему, но и по собственному сознанію, виновенъ предъ Богомъ. Всѣ должны сознать, что открывающійся съ небесъ гнѣвъ Божій,—судъ и осужденіе,—праведенъ и неминуемъ. „Не сказалъ: Іудеи повинны будутъ, но—весь родъ человѣческій. Ибо какъ словами: *да всяка уста заградятся*, Апостолъ метитъ (болѣе) на Іудеевъ, хотя и не сказалъ того ясно, дабы рѣчь не сдѣлалась колкою; такъ слова: *повиненъ будетъ весь міръ Богови*, относятся вмѣстѣ и къ Іудеямъ и къ язычникамъ. Но и сіе не мало служитъ къ сокрушенію высокоумія Іудеевъ, когда они и въ семъ отношеніи не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками, но, въ дѣлѣ спасенія, наравнѣ съ ними поставлены. Ибо повиннымъ въ собственномъ смыслѣ называется тотъ, кто не можетъ защитить самъ себя, а имѣетъ нужду въ посторонней помощи. Таково и наше (съ вами) положеніе (говоритъ какъ бы Апостолъ), послѣ того, какъ мы погубили дарованныя намъ средства ко спасенію“ (Св. Злат.).

Ст. 20. *Зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ: закономъ бо познаніе грѣха.*

Что Іудеи виновны предъ Богомъ безотвѣтно, сіе доказалъ Апостолъ выше несообразнымъ съ закономъ поведеніемъ Іудеевъ и пророческими о нихъ приговорами. Теперь на тоже наводитъ изъ существа самаго закона, какъ-бы такъ: и думать не думайте—оправдаться дѣлами закона; не на то законъ данъ, а на то лишь, чтобъ всегда представлять предъ очи ваши познаніе грѣха и руководить васъ къ сознанію грѣшности. Вполнѣ раскрываетъ Апостолъ сіе положеніе ниже, здѣсь же только выставляетъ его.

Плоть—человѣкъ плоть носящій; *не оправдится всяка плоть*—тоже что никакой человѣкъ, плоть носящій, не оправдится предъ Богомъ *дѣлами закона.—Дѣла закона*—дѣла сообразныя съ закономъ. Но какой здѣсь разумѣет-

ся законъ?—Тотъ ли только, которымъ опредѣлялись жертвы и очищенія, или вмѣстѣ и тотъ, которымъ опредѣлялись благочестіе и добродѣтель?--И тотъ и другой. Первый не могъ оправдывать существенно потому, что не имѣлъ въ себѣ самомъ силы оправдательной, а служилъ лишь знаменіемъ и указаніемъ на то, въ чемъ истинно оправдательная сила. Ѳеодоритъ пишетъ: „это все служитъ знаменіемъ инаго, а само по себѣ, будучи исполнено, недостаточно къ тому, чтобы совершающаго это сдѣлать праведнымъ.“—Вторый хотя и могъ бы оправдывать самъ по себѣ, ибо въ чемъ и оправданіе, какъ не въ полномъ исполненіи законовъ благочестія и добродѣтели?—но нѣтъ надежды получить симъ путемъ оправданіе потому, что по немощи своей не можемъ мы исполнить сего въ должной полнотѣ: такъ что и сей законъ безсиленъ къ оправданію нашему, хотя не самъ по себѣ, а по нашей винѣ. Почему и выраженіе такое употребилъ: *всяка плоть*, чтобъ указать, гдѣ источникъ безсилія,—не въ законѣ, а въ насъ. Яко человѣки, плоть носящіе, не можемъ мы исполнить закона; потому и думать нечего, чтобъ кто-нибудь могъ оправдаться симъ путемъ. „Попользовалъ бы законъ, конечно, еслибъ сохранили его тѣ, которые получили заповѣди его; поелику же не сохранили, то по сей случайности онъ больше повредилъ, не по природѣ своей, но по злонравію тѣхъ, кои не соблюли его, — по ихъ худобѣ“ (Экум.).

Закономъ бо познаніе грѣха Законъ опредѣлялъ все, какъ надлежало дѣйствовать, во всякомъ случаѣ; но поелику не давалъ силы къ исполненію того, а плоть увлекала къ противному, то онъ освѣщалъ только грѣшность. Пріявшій законъ видѣлъ, въ какомъ случаѣ, какъ грѣшитъ, и не могъ не сознавать, что грѣшитъ, а какъ выпутаться изъ этихъ узъ грѣха, не видѣлъ. Только и давалъ ему законъ, что научалъ познавать свою грѣш-

ность; но какъ и при семъ познаніи грѣхъ все же дѣйствовалъ и увлекалъ, то это познаніе лишь увеличивало грѣхъ: „ибо кто грѣшитъ съ сознаніемъ, тому грозитъ большее наказаніе“ (Θеоф.). „Законъ больше стыдитъ тебя, потому что обнаруживаетъ грѣхи твои. Онъ былъ причиною того, что грѣхъ сталъ тебѣ извѣстенъ; но въ твоей было волѣ бѣжать грѣха. Поелику не бѣжалъ, то навлекъ на себя большее наказаніе, и вразумленіе закона привели тебя къ большей казни“ (Св. Злат.). Но и это послѣднее,—подлежаніе вящшему наказанію за грѣшеніе съ сознаніемъ,—соотвѣтствуетъ цѣли закона. Таково и назначеніе его, чтобъ держать въ сознаніи грѣшности и въ слѣдствіе того безотвѣтности предъ Богомъ.

При всемъ томъ однакожь никакъ нельзя думать, чтобы грѣхъ былъ нѣчто роковое,—такое, что невольно влечетъ къ преступленію, хочешь или не хочешь. Плоть дѣйствительно влечетъ, но преступленіе всегда совершается потому, что человѣкъ самъ самоохотно вожделѣваетъ противнаго закону. Почему по преступленіи закона человѣкъ стыдится и чувствуетъ угрызеніе совѣсти. Это есть свидѣтельство того, что согрѣшившій могъ не грѣшить, но не хотѣлъ отказать своему пожеланію злому.

Нельзя такъ же думать, что поелику дѣлами закона не оправдится никакая плоть, то дѣла закона уже не нужны. Нѣтъ; въ томъ и оправданіе, чтобъ явиться во всемъ исправнымъ, исполнивъ все требуемое закономъ. Исполни всю волю Божію и спасешься. Такъ неоднократно говорилъ Спаситель, такъ внушали Апостолы. Въ томъ и все домостроительство спасенія, чтобъ возвесть насъ въ состояніе, въ коемъ мы являлись бы совершенно правы предъ закономъ. Затѣмъ отпущеніе грѣховъ, затѣмъ благодать на дѣланіе всякаго добра. И для Іудея, и для Еллина, и нынѣ для христіанина—одна цѣль—совершенная вѣрность Закону Божію. Ее и въ виду надо

имѣть, нимало не ослабляя чувства обязательства къ сему вѣрою; напротивъ возгрѣваніемъ сего чувства непрестанно подновляя и оживляя вѣру, подающую все, что нужно для удовлетворенія сему обязательству.

в)

Богъ устроилъ особый дивный образъ спасенія въ Единородномъ Сынѣ Своемъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

3, 21—30.

Доказалъ св. Павелъ, что и Іудеи и язычники—безответно виновны предъ Богомъ и должны подлежать суду и осужденію,—открывающемуся съ небесъ гнѣву Божію (1, 18).—Этимъ возбудилъ у нихъ опасеніе за свою вѣчную участь и вмѣстѣ желаніе избавиться отъ угрожающей бѣды. Приведши же всѣхъ въ такое настроеніе, онъ предлагаетъ имъ теперь, гдѣ могутъ они укрыться. если не хотятъ погибнуть. Богъ, говоритъ, устроилъ для всѣхъ путь спасенія въ Сынѣ Своемъ: обратитесь къ Нему вѣрою и спасени будете. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Велъ Апостолъ рѣчь о жившихъ внѣ закона и подъ закономъ, и обличилъ, что одни преступили законъ естественный, а другіе законъ Моисеевъ, и достойны крайняго наказанія. Въ этомъ подражалъ онъ наилучшему врачу, который сперва даетъ видѣть страждущимъ тяжесть болѣзни, а потомъ уже предлагаетъ въ помощь цѣлительное врачевство. Ибо такъ и онъ, обличивъ беззаконіе тѣхъ и другихъ и показавъ, что подлежатъ они отвѣтственности и достойны наказанія,—предлагаетъ наконецъ врачевство вѣры, и открываетъ человѣколюбіе Божественнаго домостроительства.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ, послѣ того, какъ увеличилъ страхъ, начинаетъ уже слово о дарахъ благодати, и воз-

будивъ въ слушателяхъ сильное желаніе получить отпущеніе грѣховъ, говоритъ“—

Ст. 21. *Нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися, свидѣтельствуема отъ закона и пророковъ.*

Нынѣ же,—послѣ того, какъ и язычники и Іудеи довольно уже научены опытомъ, что ни тѣ, ни другіе не могутъ стяжать настоящей праведности предъ Богомъ, и не имѣютъ потому основанія надеждѣ спасенія. Апостолъ предыдущимъ обличеніемъ не насильно набивалъ сознаніе виновности и бѣды отъ нея, но раскрывалъ то, что смутно, или явственно, у всѣхъ лежало на совѣсти. Онъ приводилъ только въявь, или точнѣе опредѣлялъ. Потому – *нынѣ же* можно объяснять: по исполненіи положеннаго для пришествія Христова времени.

Кромѣ закона—какого? Конечно даннаго Іудеямъ. Но какъ ниже онъ говоритъ о правдѣ *во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ*: *нѣсть бо разнствія* (—22); то подъ словомъ: *кромѣ закона* можно доразумѣвать намекъ на все, чѣмъ до пришествія вѣрѣ надѣялся человѣкъ оправдаться предъ Богомъ, т.-е. не на писанный только законъ, но и на неписанный. Говоритъ же о писанномъ, потому что непосредственно предъ симъ шла о немъ рѣчь, и потому, что если *кромѣ его*, то тѣмъ паче кромѣ всего другаго. Дивное нѣчто предлагаетъ Апостолъ: ибо „если жившіе въ законѣ не только не избѣгли наказанія, но даже навлекли на себя тягчайшее; какъ можно безъ закона не только избѣгнуть казни, но еще оправдаться?“ (Св. Злат.). Почему—*кромѣ закона* не значитъ—при нарушеніи закона, но то значитъ, что предлагаемый новый способъ оправданія хотя есть *кромѣ закона*, таковъ однакожъ, что чрезъ него исполнится весь законъ, и правда явится въ совершенствѣ: ибо кромѣ правды нѣтъ спасенія.

Правда Божія явися. Правда Божія или божественная, совершенная и полная правда, или „правда, Богомъ

даруемая“ (Экум.). Можно соединить то и другое: полная правда, Богомъ даруемая. Богъ устроилъ и предлагаетъ всѣмъ такой образъ спасенія, въ коемъ всѣ силою Божіею вводятся въ совершенную праведность.—*Явися*, открылась, будучи доселѣ сокровенною, только какъ обѣтованная. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ не просто—*правда*, но *правда Божія*, достоинствомъ лица доказывая величіе дара, и твердость обѣщанія. такъ какъ Богу все возможно. И не сказалъ: правда дана, но—*явися*, дабы не могли винить его въ нововведеніи. Ибо являться можетъ только то, что существовало прежде, но было сокрыто.“

Или—*явися*—открылась на дѣлѣ. Указываетъ будто на христіанъ: ни у васъ Іудеи, ни у васъ—язычники нѣтъ праведности, но посмотрите на христіанъ, какъ они всѣ святы. Вотъ гдѣ явною для всѣхъ представляется праведность.

Свидѣтельствуема отъ закона и пророковъ. Подтверждаетъ, что это не новость; а такъ было предназначено въ началѣ и такъ предсказано и предъизображено въ законѣ и пророкахъ. Не мое это ученіе. Посмотрите въ законѣ и пророкахъ, и увидите, что всему сему такъ слѣдуетъ быть по Божескому предначертанію. „Не приходи въ смущеніе отъ того, что правда Божія дарована только нынѣ, говоритъ Апостолъ, и не затрудняйся симъ, какъ дѣломъ новымъ и необычайнымъ. О семъ издревле говорили законъ и пророки. Частію доказалъ это Апостолъ выше, а частію докажетъ въ послѣдствіи. Выше, когда приводилъ слова Аввакума: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*, а въ послѣдствіи, когда укажетъ на Авраама и Давида, которые говорили тамъ тоже. Ибо у Іудеевъ были въ большомъ уваженіи и Авраамъ и Давидъ; одинъ, какъ патріархъ и пророкъ, а другой, какъ царь и пророкъ; и обѣтованія о семъ даны были имъ обоимъ“ (Св. Злат.).

Ст. 22. *Правда же Божія вѣрою Іисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: нѣсть бо разнствія.*

Для устрашенныхъ судомъ, жаждущихъ однакожъ спасенія, очень утѣшительно было слышать: *нынѣ явися правда Божія.* Но тѣмъ неудержимѣе могло быть желаніе опредѣленнѣе знать, что это за правда Божія. Скажи намъ поскорѣе, какая это правда? и въ чемъ она?—Вотъ она! — *Правда Божія вѣрою Іисусъ Христовою,* — т.-е. чрезъ вѣру во Іисуса Христа. Какъ праведность совершается симъ путемъ, Апостолъ объясняетъ ниже, именно,—что увѣровавшій получаетъ отпущеніе грѣховъ и благодать Св. Духа, которая, вошедши въ сердце, изгоняетъ грѣхъ изъ него и вселяетъ въ немъ праведность. Здѣсь только общее объ этомъ ставитъ положеніе: правда Божія возможна и дѣломъ является только вѣрою Іисусъ Христовою, давая разумѣть здѣсь подъ вѣрою Іисусъ Христовою все новозавѣтное домостроительство спасенія, усвояемое искреннею, сердечною вѣрою въ Господа. Θеодоритъ пишетъ: этими словами „повторено сказанное прежде, чтобы восполнить недостающее. Поелику Апостолъ сказалъ: *правда Божія явися*, а потомъ внесъ въ рѣчь нѣчто иное; то, понеобходимости повторивъ слово сіе, указуетъ, что пользуются сею правдою по вѣрѣ во Владыку Христа, будутъ ли пожелавшіе улучить ее Іудеи, будутъ ли Еллины.“

Во всѣхъ и на всѣхъ—наши толковники въ слѣдъ за Θеодоритомъ понимаютъ такъ: „сказавъ: *во всѣхъ*, разумѣетъ Іудеевъ, а сказавъ: на всѣхъ—вѣровавшихъ изъ другихъ народовъ.“ Это пониманіе оправдывается слѣдующими за симъ словами: *нѣсть бо разнствія.* Можно и такъ понимать, что Апостолъ симъ повтореніемъ хотѣлъ крѣпче утвердить мысль о всеобщности спасенія вѣрою Іисусъ-Христовою, внушая и то, что это есть единственный для всѣхъ образъ спасенія, и что онъ

открытъ для всѣхъ и всѣмъ предлагается, никто изъ него не исключается. Можно еще и такъ понимать: *во всѣхъ* εἰς—внутри всѣхъ, а *на всѣхъ*—ἐπὶ—надъ всѣми, поверхъ всѣхъ. Правда Божія вѣрою Іисусъ-Христовою внутри всѣхъ дѣйствуетъ и совершается,—и на всѣхъ простирается. Тамъ разумѣются увѣровавшіе, вкусившіе праведности, а здѣсь указывается сила домостроительства Христова, довлѣющая для всего человѣчества, во всѣ вѣка и на всѣхъ простирающаяся. Тамъ ублажаются увѣровавшіе, здѣсь приглашаются еще не увѣровавшіе, указаніемъ на осѣняющую ихъ спасительную силу Христову.

Во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ. Сила домостроительства Христова простирается на всѣхъ, но усвояется только вѣрующими, — тѣми, кои съ искреннею вѣрою пріемлютъ благовѣстіе Евангелія и исполняютъ, чего оно требуетъ, кои, т.-е., рѣшаются, отвергшись нечестія и мірскихъ похотей, *цѣломудренно, благочестно и праведно* жить въ мірѣ. Въ словахъ: *вѣрою Іисусъ Христовою* указывается на домостроительство спасенія, совершенное Іисусомъ Христомъ; а въ словахъ: *на всѣхъ и во всѣхъ вѣрующихъ* указывается на усвоеніе его вѣрою,— на то, что въ благахъ сего домостроительства можно сдѣлаться участникомъ только посредствомъ живой вѣры.

Нѣсть бо разнствія. Только одно требуется: вѣрь искренно; прочія же всѣ отличія, коими различаются между собою люди и народы, не имѣютъ въ семъ дѣлѣ никакого значенія,—ни *за* ни *противъ,* не даютъ никакого права, и не отнимаютъ никакого. Искренняя вѣра сглаживаетъ всѣ разности, и всѣмъ равно открываетъ входъ въ дворъ правды Божіей. Поставляя это слово, Апостолъ однихъ, Іудеевъ, смиряетъ, а другихъ, язычниковъ, воодушевляетъ. Тѣмъ говоритъ какъбы: нечего вамъ выситься, а этимъ: нечего вамъ отчаяваться. Никто не

имѣетъ права, но и никто не отвержень безправіемъ. Кто бы ни пришелъ, не по другому чему облекается въ правду, а только по вѣрѣ. Когда нѣтъ вѣры, кто бы ты ни былъ, ничего не получишь; и когда есть вѣра, кто бы ты ни былъ, ничѣмъ задѣленъ не будешь. Принеси вѣру,—и купишь одежду правды, облечешься въ нее, и свѣтло прославишься въ ней, какъ бы ни было прежде низко состояніе твое.

Ст. 23. *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія.* Одна сторона, въ какомъ отношеніи нѣсть разнствія,—что всѣ согрѣшили и лишены за то славы Божіей; другая,—что всѣ оправдываются *туне* (—24). Что всѣ согрѣшили это доказалъ Апостолъ выше, изводя на судъ и язычника и Іудея. Знали, какъ надлежало жить, а жили противно тому: грѣшили слѣдовательно съ сознаніемъ грѣха, попереча совѣсти и подавляя ее, грѣшили грѣхомъ смертнымъ. „Не говори мнѣ: тотъ Еллинъ, тотъ Скиѳъ, тотъ Ѳракіянинъ (а я Іудей); всѣ равно виновны. Если ты получилъ законъ, то изъ закона научился единственно, какъ распознавать грѣхъ, а не какъ избѣгать онаго“ (Св. Злат.).

И лишени суть славы Божія. Лишени суть—ὑστεροῦνται—не имѣютъ славы Божіей, нѣтъ у нихъ славы Божіей. А это можетъ имѣть и такой смыслъ: нѣтъ у нихъ или отъ нихъ славы Богу. Согрѣшили и нѣтъ отъ нихъ славы Богу, не славится у нихъ и отъ нихъ Богъ, а напротивъ хулится имя Божіе ими. Такъ Экуменій: „отстали отъ прославленія Бога,—всѣ отпали отъ воздаянія Богу достодолжнаго чествованія; Іудеи, яко преступники заповѣдей закона, язычники, какъ идоламъ поклонявшіеся.“ — Но прямѣе здѣсь та мысль, что они грѣховъ ради лишены славы, коею были бы облечены отъ Бога, еслибы не грѣшили, а ходили въ волѣ Его и исполняли Его заповѣди. Тѣ, кои къ Богу прилѣпляются и вѣрными Ему пребываютъ, носятъ на себѣ отсвѣтъ славы Божіей. Богъ облекаетъ ихъ сею славою, ради

качествующаго въ нихъ богоподобія. Такъ быть предопредѣлено вначалѣ; и такъ было въ первозданныхъ. По преступленіи заповѣди померкла сія слава, и остается померкшею; и не только не возстановляется человѣкомъ, но еще болѣе и болѣе помрачается. Не почтили достодолжно Бога вѣрностію заповѣдямъ Его, и Богъ совлекъ ихъ предопредѣленной имъ славы.—Св. Златоустъ говоритъ: „дабы Іудеи не сказали: мы хотя и грѣшимъ, впрочемъ не такъ, какъ язычники, Апостолъ присовокупилъ: *и лишени суть славы Божія*. Хотя твои грѣхи и не одинаковы съ грѣхами другихъ; впрочемъ и ты равно лишенъ славы. Ибо и ты оскорбилъ Бога; а оскорбитель принадлежитъ не къ прославленнымъ, но къ постыдженнымъ.“—Θеофилактъ пишетъ: „Если онъ (Іудей) и не такъ согрѣшилъ, какъ язычникъ, но славы лишенъ одинаково; потому что оскорбилъ Бога, а оскорбитель такой пожинаетъ плодъ не славы, но безславія.“

Не одни впрочемъ Іудеи таковы, но всѣ вообще согрѣшившіе. Поминая о сей славѣ, Апостолъ хочетъ раздражить ихъ ревность—принять мѣры къ возстановленію ея. Ибо что можетъ быть достойнѣе нашихъ стремленій, какъ не то, чтобъ быть облеченными славою Божіею?—Но это возбужденіе ревности могло смѣниться отчаяніемъ по причинѣ повсюдной, прежде изображенной Апостоломъ, грѣшности, изъ которой вытти нѣтъ силъ, слѣдовательно и удостоиться славы. Въ предотвращеніе этого Апостолъ и спѣшитъ указать на богоучрежденный путь къ праведности, предлагаемой Евангеліемъ: *оправдаеми туне* и проч., говоря какъбы: „но ты не страшись; я сіе не для того сказалъ, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, а для того, чтобы показать человѣколюбіе Владыки“ (Св. Злат.).

Ст. 24. *Оправдаеми туне благодатію Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ.*

Оправдаеми —δικαιούμενοι—что значитъ: и получая отпущеніе грѣховъ, —будучи обезвиняемы, и получая праведность, дѣлаемы будучи праведными Дѣло спасенія неотложно состоитъ въ томъ и другомъ; то и другое, потому, можно и должно совмѣщать въ семъ единомъ словѣ.

Что касается до теченія самой рѣчи, то это слово съ предъидущимъ можно сочетать такъ: и оправдываются уже благодатію, или: такъ что они оправдываются уже благодатію. Мысль же здѣсь такая: они въ такомъ состояніи, что имъ оправдываться иначе нельзя какъ благодатію; или: если есть для нихъ возможность оправданія, то не иначе какъ благодатію, что Богъ и устроилъ для нихъ. Внушается, что все уже готово къ тому; приди только и возьми. Прежнее все негоже: единственно благоноспѣшное есть мною предлагаемое оправданіе *благодатію туне.*

Благодать здѣсь—благость и человѣколюбіе. Никакой нужды со стороны Божіей не было къ тому; устроено все по единой Божіей благости. И мы, человѣчество, съ своей стороны ничего не представили и не могли представить такого, чѣмъ бы заслуживалось это дивное оправданіе. Безпредѣльно человѣколюбивый Богъ сжалился надъ нами и туне устроилъ для насъ способъ оправданія. Благодатію означается источникъ или причина въ Богѣ домостроительства нашего спасенія; средство же къ тому—искупленіе.

Избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ. Избавленіемъ—διὰ τῆς ἀπολυτρώσεως, т.-е. чрезъ искупленіе. Искупленіе—вотъ единственный способъ оправданія!—Искупаютъ, когда уплачиваютъ за кого деньги и высвобождаютъ его изъ узъ рабства. Родъ человѣческій чрезъ паденіе прародителей попалъ въ рабство грѣху и діаволу, обладавшимъ имъ по причинѣ виновности его, привлек-

шей на него и державшей надъ нимъ клятву Божію. Для спасенія его надлежало снять клятву, давъ праведное основаніе къ обезвиненію его, и затѣмъ влить въ него новую силу во истребленіе силы грѣха, и чрезъ то отразить власть діавола. Все сіе совершилъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій Единородный и Богъ, принявъ на Себя естество человѣческое, и имъ умерши на крестѣ, воскресши, вознесшись на небеса, возсѣдши одесную Отца, и Духа Святаго низпославши на св. Апостоловъ, а чрезъ нихъ и во все человѣчество. Все сіе въ совокупности и есть домостроительство спасенія нашего, или искупленіе рода человѣческаго. Приступающіе къ нему вѣрою получаютъ отпущеніе грѣховъ, а потомъ и благодать Духа чрезъ таинства, и являются не только обезвиненными, но и праведными, во внутреннемъ строѣ своемъ. Искупленіемъ иногда означается и не все домостроительство спасенія, а одно то дѣйствіе его, что Господь крестною смертію Своею избавилъ насъ отъ лежавшаго на насъ осужденія и тяготившей насъ клятвы Божіей. Въ выкупъ за насъ—неоплатныхъ должниковъ—далъ Онъ кровь Свою. Она и вопіетъ паче Авелевой, но призываетъ свыше не кару, а совершенное оправданіе на всякаго вѣрующаго.

Стт. 25. 26. *Егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его, въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ, въ долготерпѣніи Божіи и въ показаніе правды Его въ нынѣшнее время, во еже быти Ему праведну, и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы.*

Выше все уже сказано о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ (—21—24). Можно бы прямо и къ заключенію: *гдѣ убо похвала?*—(27). Но таково свойство духа св. Павла, что, коснувшись спасенія въ Господѣ, не могъ онъ ограничиться краткимъ на то указаніемъ. Рѣчь его при семъ начинала течь быстрымъ потокомъ, чтобъ много-

сторонне обнять и полнѣе представить сіе великое дѣло Божія къ намъ благоволенія. Такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь, выясняя ту особенно истину, что Богъ, милуя насъ въ Господѣ, милуетъ правдою; не по поблажкѣ милуетъ на перекоръ правдѣ, а потому, что правда удовлетворена, и открыла путь къ намъ милованію Божію. Видѣлъ Богъ, что нѣтъ спасенія, если не помощь свыше: но мы заградили ей путь своею виновностію. Что же творитъ благость Его? — Сына Своего Единороднаго даетъ, чтобъ Онъ безвинно понесъ на себѣ вину всѣхъ и удовлетворилъ правдѣ Его. Когда же правда удовлетворена, что можетъ препятствовать низойти помощи къ намъ свыше? И нисходитъ; но нисходитъ праведно, чрезъ удовлетвореніе правдѣ вѣчной. И когда устроенъ путь сей, на всѣхъ ли безъ разбора изливается милость свыше? Нѣтъ.— а только на вѣрующихъ. И тутъ слѣдовательно правда. Представь вѣру,—и получишь восполненіе всего, въ чемъ недостаточествуешь ко спасенію. Такъ домостроительство спасенія все устроено туне, и всякой спасается туне, но все сіе совершается праведно. И въ семъ дѣлѣ безпредѣльной благости сіяетъ правда Божія. Въ показаніе ея-то такъ это и устроено.

Егоже предположи Богъ. — *Егоже* — Сына Своего Единороднаго, воплотитися имѣвшаго и плотію Своею подъять крестную смерть за грѣхи всѣхъ. *Предположи* — προέθετω—можетъ означать и — предложилъ; но какъ Апостолъ въ слѣдъ за симъ бросаетъ взоръ на предшествовавшее пришествію Господа состояніе, то правильнѣе будетъ—предположилъ. „Давая разумѣть, что сіе не есть что-либо недавное и новое, Апостолъ говоритъ: *предположи*“ (Св. Злат.); „дабы показать, что избавленіе кровію Христовою предопредѣлено издревле“ (Θеоф.); „приводя на мысль древній о семъ совѣтъ“ (Экум.). Слѣдовательно предположилъ отъ вѣка Богъ-Отецъ не безъ

Сына и Духа. „Сказавъ: предположи *Богъ*, и тѣмъ показывая, что сіе есть дѣло Отца, показываетъ также, что оно принадлежитъ и Сыну. Ибо Отецъ предположилъ, а Христосъ совершилъ сіе дѣло Своею кровію“ (Св. Злат.).

Очищеніе вѣрою въ крови Его. Очищеніе—ἱλαστήριον—очистилище. Такъ называлась златая дщица, покрывавшая ковчегъ, на которой по краямъ утверждались Ангелы, соединявшіе вверху свои крылья и образовывавшіе такимъ образомъ мѣсто, гдѣ Богъ давалъ отвѣты Свои. Въ день очищенія, или всеобщаго покаянія сыновъ Израиля,—и только въ этотъ день, первосвященникъ входилъ съ жертвенною кровію во святая святыхъ, и кропилъ кровію седмижды на очистилище (Исх. 25 Лев. 16). Богъ невидимо присущъ былъ надъ очистилищемъ и принималъ кровь сію, какъ жертву умилостивленія. Чрезъ это и святилище, и жертвы, и весь Израиль дѣлались очищенными отъ всего нечистаго, приражавшагося къ нимъ въ продолженіи года.—Въ этомъ нельзя не видѣть великаго символа очищенія всего человѣчества кровію Сына Божія. Очистилище, пріемля кровь на себя, предносило оную Богу, здѣсь же присущему. Господь Іисусъ Христосъ, орошенный собственною Своею кровію и на Себѣ ее имѣвшій, предноситъ оную Богу-Отцу, съ Коимъ нераздѣльно пребываетъ и по воплощеніи,—и есть такимъ образомъ непрестающее, вѣчно дѣйственное очистилище рода нашего. Что прообразовательное очистилище давало однократно и на одинъ годъ, то въ Господѣ кровію Его, на Немъ сущею, дается непрерывно и во всѣ вѣка вѣковъ. Сію истину и внушаетъ Апостолъ, когда говоритъ, что Богъ отъ вѣка положилъ быть Господу Іисусу Христу для насъ очистилищемъ, или умилостивилищемъ: ибо умилостивляетъ Бога и пріемлетъ отпущеніе грѣховъ нашихъ, которое и есть истинное очищеніе.—Такъ всѣ наши толковники. Полнѣе всѣхъ изобразилъ это бл. Θеодоритъ. Вотъ его слова:

„Очистилищемъ служила златая дщица возлежала же она на ковчегѣ, съ обѣихъ сторонъ имѣла изображенія херувимовъ; на немъ служащему архіерею дѣлалось явнымъ Божіе благоволеніе. Посему Божественный Апостолъ учитъ, что Владыко Христосъ есть истинное очистилище. Ибо оное древнее было прообразомъ сего истиннаго. Имя же сіе приличествуетъ Ему, какъ человѣку, а не какъ Богу. Ибо какъ Богъ, даетъ Онъ отвѣты чрезъ очистилище, а какъ человѣкъ, пріемлетъ и сіе наименованіе, какъ и другія, какъ-то: овча, агнецъ, грѣхъ, клятва, и тому подобное. Но древнее очистилище было безкровно, какъ неодушевленное, принимало же на себя каплю крови жертвенныхъ животныхъ; а Владыка Христосъ—и архіерей, и агнецъ, и собственною Своею кровію пріобрѣлъ спасеніе наше, востребовавъ отъ насъ одной вѣры.“

Вѣрою въ крови Его. Не вѣрою въ кровь, а очищеніе въ крови посредствомъ вѣры. Кто испачкался грязью, омывается водою, погружаясь въ нее, и чистъ бываетъ. Кто осквернен грѣхами, омывается, погружаясь въ кровь Христову и чистъ бываетъ отъ скверны грѣховныхъ. Кровь Христова есть баня, омывающая грѣхи всякаго, погружающагося въ нее. Какъ же совершается сіе погруженіе Вѣрою. Вѣрою всякъ привлекаетъ на себя очистительную кровь Христову. Кровь Христова, по силѣ своей, уже очистила грѣхи всего міра; но всякій лично содѣлывается очищеннымъ ею, когда вѣрою воспріемлетъ на себя окропленіе или орошеніе кровію Христовою. Таинственно сіе совершается въ водной купѣли крещенія, и послѣ въ слезной купѣли покаянія.

Устроилъ для насъ Богъ показанный образъ оправданія *въ явленіе правды Своея*, чтобъ для всѣхъ явно было, что Онъ милуетъ и оправдываетъ не по произволу, или преизбытку благости, а праведно. Миловать, когда правда не удовлетворена, не допустила бы правда; но когда

удовлетворена правда, сама правда требовала помилованія. Удовлетвореніе правдѣ устроено независимою благостію Божіею, есть свободная благодать, благодать туне даемая. А послѣ удовлетворенія оправданіе дѣйствуется уже не по одному преизобилію благости, но и по правдѣ. Апостолъ и говоритъ здѣсь о семъ,—что въ оправданіи насъ или въ очищеніи кровію Господа Іисуса Христа Богъ являетъ правду Свою.

Сіе явленіе правды представляетъ онъ въ двухъ видахъ—до пришествія Христова, и по пришествіи Христовомъ. Къ первому относятся слова: *въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ, въ долготерпѣніи Божіи;* ко второму: *и въ показаніе правды Его въ настоящее время, во еже быти Ему праведну, и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы.*

Какъ явлена правда Божія до пришествія Христова?—Такъ, что Богъ, взирая на имѣющую быть крестную смерть Господа, долготерпѣливо сносилъ грѣхи согрѣшавшихъ въ то время, не наказывалъ ихъ, какъ заслуживали, не погублялъ въ конецъ. Эту мысль подаетъ русскій переводъ, который гласитъ: *для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде.—Въ прощеніи.* Прощеніе πάρεσις,—что значитъ пропущеніе чего безъ вниманія, минованіе чего, будто не замѣчаешь. Апостолъ хотѣлъ посему выразить мысль, что Богъ, хотя и пропускалъ безъ вниманія, не наводилъ очей правды на прежде бывшіе грѣхи, тѣмъ не менѣе однакожъ и въ семъ являлъ правду, ибо напередъ положилъ быть Господу Іисусу очищеніемъ для всѣхъ въ крови Его. Итакъ, взирая на сію кровь, Онъ праведно миловалъ прежде согрѣшившихъ. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „и собственную Свою благость показалъ Богъ, въ продолженіе многаго времени являя долготерпѣніе людямъ, нарушающимъ законъ, но и правду Свою сдѣлалъ для всѣхъ явною. Не

напрасно терпѣлъ людей преступающихъ законъ, но уготовляя имъ сіе врачевство." Также и Амвр.

Такъ выходитъ, если смотрѣть изъ подзаконнаго времени въ благодатное. Но если смотрѣть изъ благодатнаго въ предшествовавшее, то породится другая мысль, именно: Богъ положилъ быть Господу Іисусу очищеніемъ для всѣхъ въ крови Его, по причинѣ отпущенія прежде бывшихъ грѣховъ, чтобъ въ семъ отпущеніи не нарушалась, а явлена была правда Его. Какъ будто вопросъ раждался у Апостола: Господь пречистый проливаетъ невинно кровь плоти Своей,—за что?—За отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ. Прощалъ Богъ милостію, а правда не была удовлетворена. Се воздаетъ Онъ должное и правдѣ, проливая неповинную кровь Сына Своего,—возмѣщаетъ правдѣ за прежнія милости: и такимъ образомъ дѣлаетъ, что чрезъ прощеніе прежнихъ грѣховъ правда никакого не понесла ущерба.—На сію мысль наводитъ славянскій переводъ: *за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ*, который (переводъ) точь-въ-точь соотвѣтствуетъ греческому: *διὰ τὴν πάρεσιν*.

Такія мысли подаются, если слову *πάρεσις*—давать значеніе: пропущеніе, отпущеніе. Но оно значитъ еще разслабленіе, крайній упадокъ силъ, смертная агонія. Наши толковники, кромѣ приведенныхъ, принимаютъ его въ семъ значеніи, и выраженіе *διὰ τὴν πάρεσιν*,—понимаютъ: по причинѣ крайняго растлѣнія нравственнаго или омертвѣнія. Св. Златоустъ говоритъ: „*διὰ τὴν πάρεσιν* значитъ: по причинѣ разслабленія отъ прежде бывшихъ грѣховъ. Сильно выражается. Не сказалъ: по причинѣ грѣховъ, но по причинѣ разслабленія или омертвѣнія отъ грѣховъ. Не было уже надежды къ выздоровленію; напротивъ какъ разслабленному тѣлу нужна была высшая помощь, такъ и умершей душѣ. Богъ оказалъ намъ великое долготерпѣніе и человѣколюбіе. Когда дошли

мы до отчаянія, зло возросло, грѣхи умножились; тогда Богъ явилъ силу Свою, дабы уразумѣлъ ты, какое у Него обиліе правды. Еслибъ сіе сдѣлано было въ началѣ, то не казалось бы столько чуднымъ и необычайнымъ, какъ теперь, когда испытаны уже были всѣ способы врачеванія.“ Также понималъ Фотій у Экуменія, самъ Экуменій и Ѳеофилактъ. И у св. Антонія великаго, св. Макарія, св. Ефрема, св. Василія великаго и другихъ встрѣчается мысль, что до Рождества Христова Богъ разные употреблялъ способы къ исправленію людей,—естественнымъ закономъ руководилъ, далъ законъ чрезъ Моисея, посылалъ пророковъ. Но какъ ничто не помогло и люди дошли до послѣдняго нравственнаго растлѣнія, то Онъ послалъ наконецъ Сына Своего, чтобъ уврачевать такую болѣзнь нашу очистить и обновить естество наше.

Въ такомъ случаѣ—*въ явленіе правды Своея*—будетъ означать—не въ явленіе правосудія, а въ явленіе праведности и святости. Увидѣлъ Богъ, что люди никакъ не могутъ управиться съ собою и стать на правый путь; почему рѣшилъ Свою влить правду въ нихъ, какъ свѣжую кровь впускаютъ въ растлѣнный организмъ,—и явить ее такимъ образомъ въ нихъ. А чтобъ это могло совершиться, Сына Своего Единороднаго далъ, да будетъ очищеніемъ для всѣхъ вѣрующихъ,—не такъ только, чтобъ ради Его грѣхи прощались, но такъ, чтобы вѣрующіе внутренно содѣлывались чистыми и святыми чрезъ воспріятіе благодати Духа Святаго вѣрою.—Св. Златоустъ говоритъ: „что значитъ явленіе правды?—Какъ явленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть богатымъ, но и другихъ дѣлать богатыми,—и явленіе жизни, чтобъ не только самому быть живымъ, но и мертвыхъ оживлять,—и явленіе силы, чтобы не только самому быть сильнымъ, но и укрѣплять изнемогшихъ;

такъ и явленіе правды состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть праведнымъ, но и другихъ, истлѣвшихъ во грѣхахъ, вдругъ дѣлать праведными.“ Въ явленіе такой-то праведности и положилъ Богъ Господа Іисуса очищеніе вѣрою въ крови Его.

Таковы мысли въ словахъ: *въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ*. Слѣдующія за симъ слова: *въ долготерпѣніи Божіи*, указываютъ на время предшествовавшее пришествію Сына Божія во плоти, когда Богъ долготерпѣлъ. И какую изъ показанныхъ мыслей ни избрать себѣ, они ко всякой подходятъ въ семъ значеніи, съ малымъ лишь примѣненіемъ къ избранной мысли. Но что терпѣлъ и чего ждалъ Богъ?—Ждалъ, пока исполнится время и люди сдѣлаются способными, принявъ Евангеліе, вступить на новый путь правды подъ освященіемъ и руководствомъ благодати. Или ждалъ, пока люди перепробуютъ всѣ свои способы, и наконецъ, выбившись изъ силъ, придутъ въ сознаніе, что самимъ имъ исправиться нѣтъ возможности. Или ждалъ, не покаются ли, не исправятся ли, какъ *ожидаше Божіе долготерпѣніе во дни Ноевы* (1 Петр. 3, 20), между тѣмъ какъ они все болѣе и болѣе погрязали въ грѣхи и растлѣвались въ нихъ; такъ что оставалось или совсѣмъ предать ихъ пагубѣ, или придти къ нимъ съ Своею чрезвычайною, для ума непостижимою, помощію. Богъ избралъ послѣднее и устроилъ особый дивный способъ спасенія, который и предлагается нынѣ въ Евангеліи.

Какъ является правда Божія въ нынѣшнее время, по воплощеніи Бога Слова?

Предпошлемъ маленькую филологическую замѣтку на слова: *И въ показаніе правды Его въ нынѣшнее время,*— именно, что союза *и* нѣтъ въ греческомъ, и что выше—*въ явленіе* по-гречески стоитъ εἰς ἔνδειξιν, а здѣсь *въ показаніе*—πρὸς ἔνδειξιν. Прибавленіемъ *и* наши перевод-

чики на славянскій языкъ показали, что здѣсь начинается новый рядъ мыслей, соотвѣтственныхъ однакожъ предыдущимъ,—что вполнѣ оправдывается и содержаніемъ той и другой половины сего малаго отдѣленія, изъ коихъ одна начинается словомъ—*въ явленіе,* а другая—*въ показаніе.*—Но какая причина, что одно и тоже слово ἔνδειξις—тамъ переведено *явленіе*, а здѣсь *показаніе?*—Никакая, какъ чтобъ выдержать въ переводѣ оттѣнокъ мысли, который подается—тамъ предлогомъ εἰς, а здѣсь предлогомъ πρός. Εἰς ἔνδειξιν—въ явленіе чего-то вдали, какъ чего-то чаемаго, ожидаемаго, какъ цѣли. Πρὸς ἔνδειξιν,—въ показаніе того-же предъ очами, какъ исполненія чаяннаго и ожиданнаго,—какъ цѣли достигнутой.

Послѣ сего замѣчанія обратимся къ рѣшенію предложеннаго вопроса. Какъ прежде въ отвѣтъ на вопросъ: какъ явлена правда Божія до пришествія Христова во плоти, представлена не одна мысль; такъ и здѣсь въ отвѣтъ на то, какъ является сія правда по пришествіи Христовомъ, можно представить тоже не одну мысль, ведя ихъ въ соотвѣтствіи съ предыдущими. Беремъ первую изъ прежнихъ: Богъ явилъ правду Свою въ милованіи грѣшниковъ до воплощенія Бога Слова тѣмъ, что миловалъ ихъ не по одному преизбытку благости и человѣколюбія, но взирая на имѣющую быть пролитою за нихъ кровь Сына Своего, очистительную силу которой они и восприняли, когда Онъ, сошедъ во адъ, воспроповѣдалъ имъ готовое для нихъ избавленіе, искупленіе и очищеніе вѣрою въ Него. Какъ при сей мысли является правда Божія, въ милованіи и оправданіи грѣшниковъ нынѣ, когда проповѣдуется Евангеліе?—Тоже и здѣсь,—тѣмъ является правда Божія, что милованіе и оправданіе дается не по безразборному преизбытку благости, а по вѣрѣ пріемлющихъ сію милость. Вѣра покрываетъ предъ лицемъ правды сущаго отъ

вѣры Іисусовы, и оправданіе нисходитъ на него не безъ удовлетворенія, и не безъ участія правды, но праведно, съ явленіемъ правды. Этимъ являетъ Богъ, что Онъ праведенъ; ибо оправдываетъ того, кто предноситъ вѣру въ Господа Іисуса Христа. Вѣра же сія сочетаваетъ и объединяетъ вѣрующаго со Христомъ Господомъ, и представляетъ его предъ лицемъ Бога тѣмъ же, что есть предъ нимъ самъ Господь. Вотъ въ чемъ правда Оправдывающаго нынѣ!—Какъ тамъ, такъ и здѣсь милованіе опирается на лице Христа Іисуса Господа, на всеочистительную силу крови Его, пролитой за грѣшниковъ.

Если изъ предыдущихъ примемъ такую мысль: Богъ тѣмъ явилъ правду Свою въ милованіи прежнихъ грѣшниковъ, что за отпущеніе грѣховъ ихъ Онъ далъ Сына Своего, да будетъ Онъ кровію Своею очищеніемъ для всѣхъ вѣрующихъ; то показаніе правды въ нынѣшнее время будетъ состоять въ томъ, что вѣрующій тотчасъ принимаетъ на себя капли очистительной крови, - не обратно дѣйствуетъ кровь сія, а прямо на сущаго отъ вѣры. По этой мысли крестъ Христовъ съ кровію Его представляется водруженнымъ посреди, и очистительною силою Своею осѣняющимъ и всѣхъ прежнихъ грѣшниковъ и всѣхъ настоящихъ.

Если примемъ мысль св. Златоуста и другихъ нашихъ толковниковъ,—что когда растлѣніе нравственное дошло до послѣднихъ предѣловъ, тогда Богъ рѣшилъ влить въ человѣчество Свою праведность, и такимъ образомъ явить ее въ нихъ; то слова: *въ показаніе правды въ нынѣшнее время* служитъ будутъ подтвердительнымъ повтореніемъ прежде сказаннаго, такъ: *въ явленіе правды* и проч.—*въ показаніе*, говорю, *правды въ нынѣшнее время*. Этимъ предыдущее и настоящее разсѣкается на двѣ половины: тамъ растлѣніе, а здѣсь начинается праведность и святость. Новая кровь потекла въ жилахъ человѣчества:

оно стало здравѣть и освящаться. Можно при семъ допустить, что здѣсь намекается и на дѣйствительный повсюдный опытъ, что вѣрующіе тотчасъ измѣнялись и изъ порочныхъ претворялись въ непорочныхъ и святыхъ.

Слова: *во еже быти Ему праведну и оправдающу* будутъ при этомъ имѣть такой смыслъ: чтобъ явно стало, что Онъ не только самъ праведенъ, но и другихъ дѣлаетъ праведными (Св. Злат.), подъ условіемъ вѣры въ Господа Іисуса. Вѣра знаменуетъ великій переворотъ въ вѣрующемъ, и великое измѣненіе отношеній къ нему Бога. Въ вѣрующемъ качествовать начинаетъ возлюбленіе всякой правды и возненавидѣніе всякаго беззаконія, ради любви къ Господу, а свыше разверзается заключенное прежде небо, и изливаетъ въ сердце вѣрующаго обильную благодать, дающую ему силу плодоприносить правду и святыню, подобно древу, посаженному при исходищахъ водъ.

Таково содержаніе стиховъ 25 и 26, изреченныхъ Апостоломъ въ поясненіе, что есть избавленіе еже о Христѣ Іисусѣ или оправданіе кровію Его. Изложивъ это, онъ снова налегаетъ на Іудея. Трудно было смять его гордыню. Потому Апостолъ разные употребляетъ къ тому пріемы: то изъ жизни ихъ выводилъ, что они не лучше язычниковъ, то пророческими обличеніями живописалъ, какъ они ниспали нравами. Теперь отнимаетъ у нихъ всякую похвалу указаніемъ на установленіе Новаго Завѣта.

Ст. 27. *Гдѣ убо похвала? Отгнася: которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, но закономъ вѣры.*

Какъбы такъ: вы могли бы хвалиться, имѣя богоучрежденные порядки; но какъ вы не исполняли сихъ порядковъ, то тѣмъ самымъ отнимали у себя всякое основаніе къ похвалѣ. Но теперь хотя бы вы, спохватясь, и обратились къ точному исполненію всего, что вамъ повелѣно, это ужь ни къ чему не послужитъ. Другой уже

Богъ установилъ завѣтъ, и первымъ хвалиться отнята у васъ всякая возможность.

Отгнася—ἐξεκλείσθη—исключена, отмѣнена. „Не сказалъ: *уничтожена*, но *отгнася*, т.-е. не имѣетъ болѣе мѣста“ (Θеод.). „Не сказалъ: исчезла и погибла, но *отгнася*, чѣмъ означается болѣе—неблаговременность похвалы. Хвалиться было время, а теперь уже не время. Какъ по наступленіи суда нѣтъ уже времени для желающихъ раскаяться, такъ и Іудеямъ не время уже было говорить: мы можемъ исправиться, исполняя законъ, когда приговоръ произнесенъ и пришелъ Тотъ, Кто благодатію уничтожаетъ всякое зло. Имъ должно было заботиться объ этомъ прежде пришествія Христова. А когда пришелъ Спасающій чрезъ вѣру, прекратилось уже время подвиговъ (подзаконныхъ). Поелику всѣ средства оказались недѣйствительными; Христосъ спасаетъ благодатію. Посему и пришелъ Онъ нынѣ. А еслибы пришелъ въ началѣ, могли бы сказать, что возможно было спастися съ помощію закона собственными трудами и заслугами. Итакъ, дабы не подать случая къ такимъ безстыднымъ словамъ, Христосъ выжидалъ долгое время. И когда по всему стало видно, что людямъ недостаточно собственныхъ силъ, тогда спасаетъ Своею благодатію. А кто станетъ противорѣчить, тотъ поступитъ подобно человѣку, который, совершивъ тяжкія преступленія, и будучи не въ состояніи оправдаться предъ судомъ, осужденъ и приговоренъ къ казни, но потомъ освобожденъ по царской милости, и по своемъ освобожденіи имѣетъ довольно безстыдства хвалиться и утверждать, что онъ не учинилъ никакого проступка. Сіе надлежало показать прежде полученія милости; а когда милость оказана, хвалиться уже не время. Тоже случилось и съ Іудеями. Поелику они сами себя не защитили; пришелъ Христосъ, и Своимъ пришествіемъ лишилъ ихъ похвалы. Кто вы-

даетъ себя учителемъ младенцевъ, хвалится закономъ, именуется наставникомъ невѣждъ, между тѣмъ наравнѣ съ ними имѣетъ нужду въ Учителѣ и Спасителѣ; тому нечѣмъ хвалиться. Если и прежде обрѣзаніе бывало необрѣзаніемъ; то тѣмъ паче нынѣ Ибо обрѣзаніе уничтожено и для прошедшаго и для настоящаго времени" (Св. Злат.).

Которымъ закономъ? „Сказавъ, что отгнася, Апостолъ показываетъ, какъ сіе случилось —какъ отгнася" (Св. Злат.). Слово *закономъ* можно и въ собственномъ смыслѣ разумѣть, и такъ: въ силу чего *отгнася?*

Дѣлы ли? Съ греческаго: дѣлъ ли?—т.-е. закономъ ли дѣлъ?—въ силу ли дѣлъ?—Нѣтъ; но въ силу вѣры, т.-е. въ силу Новаго Завѣта, установленнаго на вѣрѣ. Какъ въ силу вѣры отгнася похвала, это само-собою понятно. Но какъ она могла быть отгнана въ силу дѣлъ, или закономъ дѣлъ? Ибо хотя отрицаетъ сіе Апостолъ, но вопросомъ показываетъ, что сіе возможно. Какъ же это возможно?—Возможно въ томъ смыслѣ, что законъ обличаетъ Іудеевъ. Но это такъ и было, и этого отрицать Апостолъ не могъ, когда самъ закономъ обличаетъ Іудеевъ и отнимаетъ у нихъ похвалу имъ. Законъ обличалъ и отнималъ похвалу. И нельзя было сказать: *ни,* не закономъ дѣлъ отгнана похвала. Потому кажется, что этимъ вопросомъ и отрицательнымъ отвѣтомъ: *дѣлъ ли? ни,*— Апостолъ хотѣлъ только разительнѣе представить силу вѣры, поставивъ напередъ предъ лицемъ ея законъ. Ибо можно было сказать и прямо послѣ вопроса: которымъ закономъ?—Закономъ вѣры.

Ни, но закономъ вѣры. „Вотъ и вѣру Павелъ назвалъ закономъ; онъ для того держится старыхъ наименованій, дабы сдѣлать сноснымъ то, что казалось нововведеніемъ. Въ чемъ же состоитъ законъ вѣры? Въ томъ, чтобы спасаться по благодати. Здѣсь Апостолъ доказываетъ, что

все возможно Богу, Который не только спасъ, но и оправдалъ и далъ право хвалиться, не имѣя для того нужды въ нашихъ дѣлахъ, а требуя одной вѣры. И говоритъ сіе, дабы вѣрующаго Іудея пріобучить къ скромности, а невѣрующаго смирить и потомъ привлечь. Видишь ли, каково богатство вѣры?“ (Св. Злат.).

Отгнана похвала закономъ вѣры не затѣмъ, чтобъ всѣхъ покрыть безславіемъ, но чтобъ всѣмъ указать путь къ истинной славѣ. Вѣрою въ Господа получали отпущеніе грѣховъ и открывали входъ въ себя благодати, которая и дается въ таинствахъ, и вѣрнаго условіямъ благодатнаго завѣта освящаетъ и являетъ чистымъ и славнымъ предъ лицемъ Бога, Ангеловъ и человѣковъ. Вотъ похвала!—Такой законъ вѣры отмѣнялъ похвалу закономъ,—и чрезъ то, что давалъ вѣрующимъ, чего не давалъ законъ, и чрезъ то, что былъ установленъ не для однихъ Іудеевъ, но для всѣхъ людей вообще. „Какъ скоро явилась благодать и излилась на всѣ народы, похвала Іудеевъ прекратилась; потому что Богъ далъ людямъ короткій способъ ко спасенію—вѣру“ (Θеод.).

Ст. 28. *Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона.*

Доказавъ, что оправданіе въ крови Христовой, а не въ дѣлахъ закона, заключаетъ рѣчь, и говоритъ: „изъ всего сказаннаго заключаемъ, что всякій человѣкъ оправдывается вѣрою“ (Θеоф.). *Мыслимъ*, думаемъ,—мы говоримъ обычно о мысляхъ еще неустановившихся; кто думаетъ какъ, можетъ и передумать. Апостолъ же, говоря: *мыслимъ*,—λογιζόμεθα,—хочетъ сказать: таково непреложное правило для нашего умствованія—твердо содержать, что человѣкъ можетъ оправдаться только вѣрою. „Не сказалъ: *оправдится* Іудею, или живущему подъ закономъ, но выражаясь общѣе и отверзая дверь спасенія всему человѣческому роду, употребилъ родовое имя,—

общее названіе естества,—говоря: человѣку“ (Св. Злат., ср. Θеод.). Предъ этимъ только онъ обнажилъ Іудея отъ сей похвалы и у дѣлъ закона отнялъ силу къ тому, и все человѣчество въ семъ отношеніи поставилъ на одну линію, указавъ всѣмъ одинъ путь спасенія вѣрою въ крови Господа. Теперь тѣже мысли выражаетъ въ формѣ начала, имѣя въ виду однакожъ все Іудея: ибо онъ одинъ стоялъ съ мнѣніемъ о возможности спастися инымъ путемъ, нерѣдко даже и по принятіи Евангелія, и не умѣлъ скоро примириться съ тѣмъ воззрѣніемъ, что отнынѣ условіе спасенія одно для всѣхъ. Почему и присовокупилъ: *безъ дѣлъ закона*, т.-е. безъ жизни по уставу ветхозавѣтныхъ учрежденій Ни къ принятію благовѣстія, ни къ усвоенію благодатныхъ силъ его, ни къ спасительной жизни по духу его, дѣла закона не даютъ никому никакой подмоги и никакого преимущества. „Іудеевъ возмущали двѣ мысли: первая, что тѣмъ, которые не спаслись дѣлами, возможно спастись безъ дѣлъ; другая, что необрѣзаннымъ даны права, равныя съ Іудеями, которые столько времени были воспитываемы въ законѣ. Сія послѣдняя мысль смущала ихъ гораздо больше первой. Посему Апостолъ, доказывая первую, переходитъ уже къ послѣдней, которая столько устрашала Іудеевъ, что они и по принятіи вѣры, возмущаясь сною, обвиняли Петра за Корнилія и за все, что онъ дѣлалъ для его обращенія“ (Св. Злат.). И сказаннаго довольно было для вразумленія, но для большаго убѣжденія Апостолъ присовокупляетъ и общее къ тому разсужденіе здраваго смысла, говоря:

Ст. 29. *Или Іудеевъ Богъ токмо, а не языковъ? Ей, и языковъ.*

Апостолъ будто издали видитъ, какъ Іудеи, привыкшіе присвоять себѣ особыя преимущества предъ Богомъ, прочитавъ предъидущее слово, смутились отъ возродившихся

въ сердцахъ ихъ помышленій: какъ это можно, какъ это допустить?—Почему спѣшитъ укротить сіе волненіе, говоря какъбы: „не смущайся этимъ, Іудей, будто какою нелѣпостію“ (Θеоф.). *Или Іудеевъ Богъ токмо?* „Ужели Богъ есть частный какой Богъ?—Изъ сего видно, что желающіе унизить язычниковъ, унижаютъ тѣмъ славу Божію, не дозволяя Богу быть Богомъ всѣхъ. Если же Онъ есть Богъ всѣхъ, то о всѣхъ промышляетъ. А если о всѣхъ промышляетъ, то всѣхъ равно спасаетъ чрезъ вѣру“ (Св. Злат.). Обращается Апостолъ къ общему вѣрованію, у всѣхъ въ сердцѣ напечатлѣнному, и тѣмъ Іудею заграждаетъ уста, а язычника воодушевляетъ. И доселѣ Богъ не несвидѣтельствованна Себе оставлялъ и язычникамъ, хотя точно очевиднѣе руководилъ однихъ Іудеевъ. Такъ слѣдовало быть до времени; когда же время то прошло, теперь общее всѣмъ руководство ко спасенію предлагаетъ. Смыслъ словъ: *или Іудеевъ только Богъ*, будетъ посему такой: чтобы Богъ и навсегда только объ однихъ Іудеяхъ особое являлъ попеченіе, этому быть нельзя. Богъ—всѣхъ есть Богъ. До времени это нужно было; а теперь Богъ благоволитъ ко всѣмъ являть то, что доселѣ являлъ однимъ Іудеямъ.

Ст. 30. *Понеже единъ Богъ, иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою.*

Вотъ какой теперь для всѣхъ законъ спасенія! Вѣруй, и спасенъ будешь. Обрѣзанъ ли ты, или не обрѣзанъ, одна вѣра сильна явить тебя праведнымъ предъ Богомъ. Это не мое умствованіе. Такъ Богъ учредилъ; Самъ Онъ и оправдываетъ. Итакъ ты, Іудей, не упорствуй, и ты, язычникъ, не отчаявайся. Воспріимите вѣру,—и Богъ равно оправдаетъ, и необрѣзаннаго, какъ обрѣзаннаго, и того не задѣлитъ, и этого не упреизбыточествитъ. На высотѣ оправдательнаго устроенія предсѣдитъ Богъ, и

Онъ одинъ оправдываетъ; человѣкъ съ своей стороны ничего не представляетъ оправдательнаго, одну лишь вѣру. И за нее Богъ оправдываетъ всякаго. Или—*Единъ Богъ*—ту мысль подаетъ, что другаго Бога нѣтъ, къ которому за оправданіемъ могли бы обращаться язычники. Единъ есть Богъ, отъ Него Единаго можетъ только исходить оправданіе. Если нельзя думать, что Богъ бросилъ язычниковъ на пагубу, то надлежитъ принять, что Онъ и имъ подастъ оправданіе. Если теперь Богъ одинъ, и люди всѣ одного естества, то и условіе оправданія должно быть одно для всѣхъ. Оно и есть—вѣра; вѣрою оправдываются и обрѣзанные и необрѣзанные. „Единъ есть Богъ всѣхъ, единъ Создатель всѣхъ, и невозможно, чтобъ Онъ прилагалъ попеченіе объ однихъ, а другихъ оставилъ безъ попеченія о нихъ. Слѣдовательно всѣмъ вѣрующимъ подаетъ спасеніе“ (Θеод.). Правда, Апостолъ обрѣзаннымъ усвояетъ оправданіе ἐκ πίστεως—отъ вѣры, изъ-за вѣры, а необрѣзаннымъ διὰ τῆς πίστεως—чрезъ вѣру. Но нельзя опредѣлительно указать, какой оттѣнокъ мысли объ оправданіи однихъ и другихъ хотѣлъ тѣмъ выразить Апостолъ. Кажется онъ хотѣлъ только раздѣльно обозначить оправданіе тѣхъ и другихъ, но нераздѣльною вѣрою, которой сила одинакова для обоихъ. Всѣхъ одинаково подводитъ онъ подъ сѣнь вѣры. Есть конечно нѣкое отличіе Іудея отъ язычника: для того въ законѣ и писаніяхъ пророческихъ засѣменены были какъ благовѣстіе, такъ и вѣра, и онъ находился уже въ оградѣ Божіей; а этотъ могъ возвышаться только до чувства невозможности спастися иначе, какъ Божіею особенною помощію, и что Богъ и его не оставитъ, яко Богъ всѣхъ; въ ограду же Божію ему войти еще предстояло какою-либо дверію. Эта дверь для него—вѣра; чрезъ вѣру—διὰ πίστεως онъ и входитъ. Іудею же предлежало только ороситься изъ источника вѣры, ἐκ πίστεως,—внушеніе

которой онъ могъ извлечь изъ закона и писаній. Плодъ же отъ сего для того и другаго одинъ—оправданіе.— Не на это ли намекаетъ здѣсь св. Апостолъ?!

II.

Апостолъ убѣждаетъ, привлекаетъ и склоняетъ къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа.

3, 31—5, 21.

Объяснено, что спасеніе только въ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, и показано, что тогда какъ и язычникамъ и Іудеямъ оставалось только ожидать кары гнѣва Божія, Богъ по благости Своей явилъ особый путь ко спасенію въ вѣрѣ, омывающей грѣхи и привлекающей освятительную благодать, и что такимъ образомъ теперь все отъ вѣры: Богъ оправдываетъ *и обрѣзаніе отъ вѣры и необрѣзаніе вѣрою*. Доказавъ это, Апостолъ приступаетъ къ тому, чтобъ убѣдить въ ней и склонить къ принятію ея. Первый а) источникъ убѣжденія даетъ ему примѣръ Авраама въ совокупности съ свидѣтельствомъ Давида,—гл. 4; второй б) подаютъ сокровища вѣры,—5, 1—11; третій в) представленіе значенія домостроительства Христова въ исторіи человѣчества—5, 12—21.

а)

Примѣръ Авраама разсматриваетъ Апостолъ всесторонне, но преимущественно налегаетъ на ту сторону его жизни, гдѣ дѣйствовала вѣра; а свидѣтельство Давида кратко вводитъ въ свое разсужденіе объ Авраамѣ. Но на переходѣ къ сему разсмотрѣнію ставитъ онъ вѣроятное, вслѣдствіе предыдущихъ разсужденій, у Іудеевъ недоумѣніе: и такъ, ты разоряешь законъ?—Разсѣявая это

недоумѣніе, Апостолъ отвѣчаетъ: нѣтъ, не разоряю, но утверждаю. Я здѣсь излагаю словомъ то, что праотецъ нашъ Авраамъ показалъ дѣломъ.

Ст. 31. *Законъ ли убо разоряемъ вѣрою? Да не будетъ: но законъ утверждаемъ.*

Словомъ *законъ* здѣсь названо все ветхозавѣтное Писаніе, а не одни законоположительныя книги Пророка Моисея, предвареніемъ коихъ служитъ написанное въ книгѣ Бытія, а разъясненіемъ — все написанное послѣ Моисеевыхъ книгъ. Все ветхозавѣтное учрежденіе, изображенное въ сихъ книгахъ. представляетъ Апостолъ подъ видомъ зданія, и спрашиваетъ: разоряю ли я это зданіе закона тѣмъ, что учу вѣрѣ? *Законъ ли убо разоряемъ вѣрою?* — Вопросъ сей и самъ по себѣ. и тѣмъ паче съ отвѣтомъ: *да не будетъ,*—совершенно неожиданный. Ибо вся непосредственно предшествующая рѣчь,— ст. 20—30,—отнимаетъ у закона всю силу и объявляетъ его ненужнымъ уже. Какъ же говорить: не разоряемъ, и еще такъ рѣшительно: *да не будетъ*, и притомъ съ такимъ противоположнымъ утвержденіемъ: *но законъ утверждаемъ?*

И однакожъ это совершенно истинно. Апостолъ здѣсь не разъясняетъ этого подробно, предоставляя намъ самимъ дѣлать объяснительныя на это наведенія. Законъ имѣлъ двѣ стороны: внѣшнюю,—всѣ видимыя учрежденія, и внутреннюю,—то, къ чему онъ руководилъ, что предуказывалъ и что обѣтовалъ въ будущемъ. Это послѣднее составляло душу его, а то—тѣло. Внѣшнее закона точно разорено, а внутреннее высвобождено изъподъ внѣшняго, приведено въявь и поставлено предъ очами всѣхъ — пришествіемъ Господа, благовѣстіемъ и вѣрою въ Него. Отвлекая мысль отъ того разореннаго, и останавливая вниманіе на семъ явленномъ и поставленномъ прецъ очи всѣхъ, Апостолъ и могъ сказать: *не*

разоряемъ, но утверждаемъ. Тутъ тоже произошло, что бываетъ, когда прорастаетъ посѣянное сѣмя. На видъ оно портится и раскисаетъ, — тоже что разоряется; а между тѣмъ живая скрытая въ немъ сила, получивъ свободу, чрезъ это самое, даетъ сначала стебль, потомъ колосъ, а далѣе и зерно. Смотря на раскисшее зерно, всякій сказалъ бы: что же это, — природа разрушаетъ сѣмя? И повидимости такъ будто есть; по существу же дѣла надо сказать: нѣтъ, не разрушаетъ, а созидаетъ.

Вотъ частныя положенія, вытекающія изъ сего общаго! Учрежденія подзаконныя прообразовали Христа Господа со всѣмъ дѣломъ спасенія, Имъ совершеннымъ, а пророчества предописывали все это. Когда пришелъ Господь и, устроивъ спасеніе, всѣхъ призывать сталъ къ вѣрѣ чрезъ Апостольское благовѣстіе; то вѣра, такимъ образомъ получившая господство, исполняла то, что составляло содержаніе закона, или законъ утверждала. Второе,—законъ данъ для того, чтобъ его исполняли и, исполняя, содѣлывались праведными. Но какъ онъ не давалъ силъ, то, по немощи нашей, оставался неисполняемымъ, и цѣль его не достигалась. Только и плода отъ него было, что познаніе грѣха; но чрезъ это обременялась лишь совѣсть и разгоралось желаніе лучшаго устроенія пути къ праведности. И вотъ вѣра пришла, какъ дождь на землю жаждущую. Она омываетъ грѣхи въ крови Христовой и въ благодати даетъ силу всякому стать святымъ и непорочнымъ. Вѣра слѣдовательно даетъ то, что имѣлъ въ виду законъ, но что не было достигаемо при одномъ его руководствѣ, и такимъ образомъ она законъ утверждаетъ, —ставитъ его въ свой чинъ.

Такъ разсуждаютъ всѣ наши толковники. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „издавна и законъ и пророки предвозвѣщали о вѣрѣ. Посему, пріемля вѣру, утверждаемъ за-

конъ.“ Амвросіастъ дополняетъ сіе, приводя слова Господа: „и Самъ Господь сказалъ: *не пріидохъ разорити законъ или пророки, но исполнити* (Матѳ. 5, 17).“ Полнѣе изъясняетъ все св. Златоустъ: „доказываетъ здѣсь св. Павелъ, что вѣра не только не вредитъ закону, но и помогаетъ ему, равно какъ и законъ пролагаетъ путь вѣрѣ. Какъ законъ, предваряя вѣру, о ней свидѣтельствовалъ,—ибо Павелъ называетъ ее свидѣтельствуемою отъ закона и пророковъ;—такъ вѣра возстановила изне могающій законъ. Какъ же возстановила, спросишь?—Смотри, какая была цѣль закона, къ чему клонились всѣ его дѣйствія? Къ тому, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ. Законъ же не могъ достигнуть сего: *вси бо*, сказано, *согрѣшиша*. Когда же явилась вѣра, она успѣла въ томъ. Итакъ, вѣра возстановила желаніе закона и привела въ исполненіе то, для чего онъ трудился. Посему вѣра не уничтожила, а завершила законъ. Какъ Іудеевъ всего болѣе смущало то, что вѣра казалась противоборствующею закону, то Апостолъ, даже болѣе нежели сколько могъ желать Іудей, доказываетъ, что она не только не противоборствуетъ, но еще способствуетъ и содѣйствуетъ закону; а о семъ-то и желали особенно слышать Іудеи.“

Итакъ вѣра спасаетъ не тѣмъ однимъ, что омываетъ грѣхи кающихся кровію Христовой, но тѣмъ особенно, что, благодать привлекая, даетъ силу исполнить законъ. Неотложное условіе спасенія — исполненіе закона. Къ сему направлена вся новозавѣтная экономія. Принявъ благодатныя средства—стань и пребудь чистъ и непороченъ,—и спасешься, ибо въ царствіе Божіе не войдетъ ничто нечистое. Дверь въ него—чистота, не вмѣняемая, а существенная, чистота, чрезъ все естество человѣка проходящая, и тѣло и душу проникающая, и характеризующая.

4, 1. *Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти?*

Выраженную предъ симъ мысль о неразореніи закона вѣрою св. Павелъ объясняетъ и подтверждаетъ самымъ же закономъ, или ветхозавѣтными Писаніями. Не разоряемъ, говоритъ, законъ вѣрою, а утверждаемъ. ибо посмотри, какіе примѣры и какія свидѣтельства представляетъ законъ, или писанія подзаконныя? Вотъ тебѣ примѣръ Авраама, вотъ тебѣ свидѣтельство Давида (6—9)! Тотъ и другое всю силу въ оправданіи приписываютъ вѣрѣ. Слѣдовательно мы не идемъ противъ закона, а утверждаемъ тоже, что и онъ свидѣтельствуетъ.

Что убо речемъ?—Что, скажемъ напримѣръ, отецъ нашъ Авраамъ обрѣлъ по плоти? „Достаточно доказавъ, что для всѣхъ нужна вѣра, подтверждаетъ это еще примѣромъ Авраама, пользовавшагося у Іудеевъ большимъ уваженіемъ, и говоритъ, что и онъ, совершившій много великаго, оправдался не дѣлами, но вѣрою“ (Θеоф.). Спрашиваетъ Апостолъ, но вопросъ уже доказываетъ его мысль: ибо содержитъ въ себѣ и отвѣтъ. „Силу вѣры доказываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Апостолъ, излагая доводъ свой въ вопросахъ, какъ всегда обыкъ дѣлать для ясности и по увѣренности въ истинѣ словъ своихъ. Такъ поступалъ онъ выше, говоря: *кое убо преимущество Іудея?* и: *что убо? Преимѣемъ ли?* и еще: *гдѣ убо похвала? отгнася.*—Такъ и здѣсь говоритъ: *что убо речемъ*, и пр.“ (Св. Злат.). — Вопросъ этотъ наводилъ на всю исторію праотца Авраама, какъ взятъ онъ отъ дома своего, отъ рода своего и изъ земли своея, какъ пошелъ и пришелъ въ землю невѣдомую въ началѣ, какимъ здѣсь подвергался испытаніямъ, и какъ послѣ всего получилъ обѣтованіе о неисчетномъ потомствѣ и о Потомкѣ, отъ Котораго изойдетъ благословеніе на всѣ народы. Прошед-

шій мыслію всю эту исторію не могъ не видѣть, что и какъ обрѣлъ праотецъ Авраамъ.

Слово: *по плоти* св. Златоустъ, Экуменій, Геннадій и Фотій у Экуменія, Θеофилактъ соединяютъ съ отцемъ: отецъ нашъ по плоти.—Это сочетаніе всю мысль останавливаетъ на Авраамѣ, говоря какъ бы: смотри, что, сколько и какъ обрѣлъ родоначальникъ нашъ Авраамъ?—Подражай же ему. „Оказываетъ Апостолъ Аврааму особенное уваженіе, называя его праотцемъ, дабы обязать тѣмъ Іудеевъ во всемъ повиноваться ему“ (Св. Злат.),—„дабы обязать ихъ этимъ во всемъ подражать ему“ (Θеоф.). Восходитъ Апостолъ къ тому времени, когда весь человѣческій родъ стоялъ еще на одной линіи: закона писаннаго не было, и путь къ оправданію открытъ былъ для всѣхъ одинъ. Въ лицѣ Авраама сосредочивается и іудейство, и внѣ-іудейство, имѣвшія образоваться въ будущемъ. Указывая на него, Апостолъ хочетъ „къ родству съ нимъ открыть путь и язычникамъ“ (Св. Злат.), а вмѣстѣ и Іудеямъ внушить, можно ли ограничиваться однимъ происхожденіемъ отъ Авраама по плоти, когда въ лицѣ его это происхожденіе не имѣло никакого значенія?

Бл. Θеодоритъ слово *по плоти* сочетаваетъ съ *обрѣсти:* что отецъ нашъ Авраамъ обрѣлъ по плоти?—Подъ плотію можно разумѣть естество человѣческое, или дѣла, во плоти и плотію совершаемыя, обрѣзаніе, напримѣръ, жертвы и проч. Будетъ мысль: что Авраамъ отецъ нашъ обрѣлъ естественными силами своими? или: обрѣлъ ли что праотецъ нашъ дѣлами, по чиноположенію подзаконному совершаемыми видимо во плоти и плотію?—Ни на то, ни на другое отвѣтить утвердительно нельзя. На первое, потому, что у Авраама все было по благоволенію Божію, а не по его заслугамъ; на второе, потому, что никакого такого чиноположенія еще не существо-

вало, и обрѣзаніе у него служило печатію отличій, дарованныхъ ему прежде обрѣзанія.

И на такую еще мысль наводятъ слова Апостола.— Іудей, раждаясь на свѣтъ, что встрѣчалъ? Народъ Божій избранный, къ коему принадлежалъ по рожденію, а чрезъ восемь дней обрѣзаніе получая, содѣлывался наслѣдникомъ и всѣхъ преимуществъ Израиля. Ничего такого, родясь на свѣтъ, не встрѣтилъ Авраамъ; а между тѣмъ какъ возвеличенъ, — и какъ взысканъ милостями Божіими?— Слѣдовательно есть путь къ благоволенію Божію, помимо дѣлъ закона. Посмотрись же, что это такое?—чтобъ не сдѣлать ошибки, слишкомъ много приписывая важности симъ преимуществамъ?

Ст. 2. *Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога.*

Прежній вопросъ внушалъ: смотри на примѣръ Авраама. Слушавшій прошелъ мыслію всю жизнь Авраама. Апостолъ теперь говоритъ какъбы ему: ну, что видишь? Чѣмъ онъ отличился? Чѣмъ заслужилъ такую милость, что Самъ Богъ объявилъ его праведнымъ и всегда оказывалъ великое къ нему благоволеніе?—Дѣлами ли?—Нѣтъ. Были и у него дѣла славныя, святыя и праведныя. Смотри, какъ сдѣлалъ онъ раздѣлъ съ Лотомъ, какъ защитилъ обиженные города и ничѣмъ за то не хотѣлъ воспользоваться, какъ принималъ всякаго странника, какъ смиренно уступалъ всѣмъ, хотѣвшимъ обижать его. Но еслибъ только и было у него, что такія дѣла, то, несмотря на великую цѣну этихъ дѣлъ, онъ былъ бы только людьми прославленъ, яко праведный; а Богъ и не возрѣлъ бы на него, потому что при всѣхъ такихъ дѣлалъ возможно быть чуждымъ Бога, не къ Богу быть обращену сердцемъ, не для Него жить и не Ему единственно угождать. Богъ же всегда смотритъ на сердце и такъ относится къ человѣку, какъ человѣкъ лежитъ къ нему

сердцемъ. И такъ если Богъ такъ благоволилъ къ Аврааму, то надобно полагать, что это не за одни дѣла, а больше за устроеніе его сердца. А въ сердцѣ у него что было? Въ сердцѣ его жила безграничная вѣра.

Сл. 3. *Что бо писаніе глаголетъ? Вѣрова же Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду.*

Не потому онъ признанъ отъ Бога праведнымъ, что то и другое сдѣлалъ, а потому, что вѣровалъ Богу. Вѣра сія, проникая дѣла его, дѣлала ихъ угодными Богу; да она сама и рождала дѣла. Ибо смотри.—Повелѣваетъ ему Богъ оставить домъ отца, родъ свой и страну свою и идти въ землю, которую покажетъ ему. Онъ вѣруетъ и идетъ, не зная куда. Вѣра движетъ его и путь его углаждаетъ. Пришелъ въ землю обѣтованную. Богъ говоритъ ему: эту землю дамъ тебѣ и сѣмени твоему, которое будетъ многочисленно. Онъ вѣруетъ и ждетъ. Проходятъ годы, дѣтей нѣтъ, а онъ все вѣруетъ. Вотъ уже старость бездѣтная, а онъ все вѣруетъ, что отъ него будетъ потомство. И сія вѣра увѣнчалась наконецъ событіемъ. Далъ Богъ сына—опору надежды на потомство. Но только что онъ выросъ, какъ Богъ повелѣваетъ его принесть Себѣ въ жертву. Вѣруетъ Авраамъ, что такъ должно, и идетъ принесть въ жертву единороднаго своего, не теряя однакожъ увѣренности, что несмотря на то все же будетъ у него многочисленное потомство. Такъ у Авраама все вѣра и вѣра. Вѣра рождала и оживляла дѣла, сообщая и имъ и ему дѣйствующему особую цѣну предъ лицемъ Бога.

Св. Златоустъ говоритъ: „нимало не странно оправдываться вѣрою тому, кто не имѣетъ дѣлъ; но украшенному заслугами стать праведнымъ не по заслугамъ, а по вѣрѣ—сіе было удивительно, и особенно обнаруживало силу вѣры. Апостолъ вводитъ здѣсь въ состязаніе вѣру и дѣла, предметомъ же ихъ спора поставляетъ Авраама.

Аще, говоритъ, *Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога*. Двѣ есть похвалы: одна за дѣла, другая за вѣру. Апостолъ утверждаетъ, что за вѣру можно имѣть большую похвалу. И спасеніе чрезъ вѣру гораздо въ большей мѣрѣ имѣетъ все то, чѣмъ могло хвалиться и обнадеживать себя спасеніе посредствомъ дѣлъ. Хвалящійся дѣлами будетъ выставлять собственные труды; а кто вмѣняетъ себѣ въ честь, что вѣруетъ въ Бога, тотъ выставляетъ гораздо лучшій предлогъ къ похвалѣ; потому что славитъ и величаетъ Господа. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказалъ тѣмъ искреннюю любовь къ Богу и торжественно провозвѣстилъ силу Его; а сіе означаетъ самое благородное сердце, любомудрый образъ мыслей и высокій умъ. Не красть, не убивать есть дѣло самое обыкновенное: но повѣрить, что Богъ силенъ совершить невозможное, на сіе требуется великій духъ, крѣпко приверженный къ Богу,— это служитъ знакомъ истинной любви. Хотя исполняющій заповѣди чествуетъ тѣмъ Бога; но гораздо болѣе чествуетъ тотъ, кто умудряется вѣрою. Первый покоренъ Богу, а послѣдній пріобрѣлъ о Богѣ надлежащее понятіе, прославилъ и почтилъ Его болѣе, нежели сколько можно почтить дѣлами. Первая похвала принадлежитъ самому подвижнику (труждающемуся въ дѣлахъ); а послѣдняя прославляетъ Бога и всецѣло Ему принадлежитъ. Вѣрующій хвалится высокимъ своимъ представленіемъ о Богѣ, и это составляетъ его славу. Посему сказано, что онъ имѣетъ похвалу предъ Богомъ; впрочемъ не по сей одной, но и по другой причинѣ. Вѣрный хвалится не тѣмъ однимъ, что искренно возлюбилъ одного Бога, но и тѣмъ еще, что удостоился отъ Него великой чести и любви. Какъ онъ возлюбилъ Бога, имѣя о Немъ высокое понятіе, что показываетъ любовь; такъ

и Богъ возлюбилъ его, и когда человѣкъ былъ тысячекратно виновенъ предъ Богомъ, не только освободилъ его отъ наказанія, но даже содѣлалъ праведнымъ. Посему вѣрующій имѣетъ причину хвалиться, какъ удостоившійся великой любви."

Стт. 4. 5. *Дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати, но по долгу. А не дѣлающему, вѣрующему же во Оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду.*

Послѣ словъ: *вѣрова Авраамъ и вмѣнися ему въ правду*—можно бы прямо говорить, что говорится въ ст. 10-мъ: *како вмѣнися ему?* Но какъ это главный пунктъ его ученія, то онъ долѣе останавливается на немъ и желаетъ углубить его во вниманіи нашемъ. Онъ говоритъ какъбы: сами посудите,—коль скоро сказано: *вѣрова и вмѣнися*, значитъ вся сила въ вѣрѣ, а не въ дѣлахъ. Еслибъ было иначе, не было бы такъ сказано. Еслибъ вся сила была въ дѣлахъ, то и сказано было бы: то и то сдѣлалъ Авраамъ, а не—*вѣрова*. И затѣмъ не сказано было бы: *вмѣнися*, разумѣется, по милости, но—воздано, разумѣется, по правдѣ. Ибо дѣлающему не вмѣняется по милости, а воздается по долгу,—отдается по правдѣ мзда, какую заслужилъ. *Дѣлающему мзда не вмѣняется по благодати,* т.-е. о томъ, что ему воздается, не говорится, что оно присуждено ему по благодати, а говорится, что это ему есть мзда, и дается она не по благодати, а *по долгу*, потому что того требуетъ правда. Если объ Авраамѣ не сказано такъ, то значитъ, что у него не дѣла заправляли всѣмъ. Если сказано: *вѣрова и вмѣнися,* значитъ тутъ главное—вѣра. Сказать: вмѣняется вѣра въ правду, можно только тому, кто не дѣлаетъ, а вѣруетъ въ Оправдающаго нечестива. Слѣдовательно тутъ вся сила въ вѣрѣ.

Этимъ вполнѣ опредѣляется смыслъ настоящихъ текстовъ; но для полноты пониманія ихъ, надо поточнѣе

опредѣлить, что значитъ у Апостола дѣлающій и вѣрующій, – дѣланіе и вѣра. Что же суть дѣланіе и вѣра? Хотя Апостолъ дѣлающему противополагаетъ недѣлающаго, а недѣлающаго считаетъ однозначительнымъ съ вѣрующимъ; но по всему ходу рѣчи видно, что у него вѣрующій не означаетъ ничего недѣлающаго, но такого, который не только вѣруетъ, но живетъ въ духѣ вѣры. Ибо ниже (въ ст. 11 и 12) указавъ, что Авраамъ сталъ ради вѣры отцемъ и необрѣзанныхъ и обрѣзанныхъ, прилагаетъ объясненіе, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ не сущихъ только отъ обрѣзанія, но и ходящихъ въ стопахъ вѣры. Ходить въ стопахъ вѣры значитъ жить въ духѣ вѣры. Вѣрою слѣдовательно означается не одно мысленное признаніе чего-либо истиннымъ, но паче характеристика жизни. По противоположности теперь и подъ дѣланіемъ надлежитъ разумѣть не одни дѣла, но паче характеристику дѣлъ, духъ дѣланія, или духъ дѣятельной жизни Выходитъ, что у Апостола здѣсь противополагается одинъ духъ жизни другому.

Что же это за духи?

Возьмемъ опять слово—*вѣрующій*,—какія черты приписываетъ ему здѣсь Апостолъ? Онъ говоритъ: *вѣрующему во Оправдающаго*, ἐπὶ τὸν δικαιοῦντα. Вѣровать съ ἐπὶ значитъ утверждаться на комъ вѣрою, съ непоколебимою увѣренностію полагаться на кого, силою вѣры въ кого преисполняться такимъ же чувствомъ безопасности, какимъ исполненъ тотъ, кто стоитъ на гранитномъ утесѣ, среди бушующихъ вокругъ его волнъ. Вѣрующій посему будетъ тотъ, кто все должное дѣлаетъ, но увѣренность въ спасеніи и оправданіи основываетъ не на дѣлахъ, а на вѣрѣ въ Бога; вѣруетъ, что Тотъ, Кому онъ служитъ всею душею и всѣмъ сердцемъ, по благости Своей не допуститъ его погибнуть,—спасетъ и оправдаетъ.—Дѣлающій послѣ сего опредѣлится противоположеніемъ

его вѣрующему. Это будетъ тотъ, кто хотя и вѣруетъ, что есть Богъ, Творецъ, Промыслитель и Воздаятель, благоволящій къ служащимъ Ему; но опору увѣренности во спасеніи и оправданіи имѣетъ не въ благости и силѣ Бога спасающаго и оправдывающаго служащихъ Ему, а въ дѣлахъ, какія онъ успѣваетъ сдѣлать, служа Богу.—Здѣсь указываются только главныя характеристическія черты духа вѣрующаго и дѣлающаго. Вѣра въ первомъ не безъ дѣлъ, и дѣла во второмъ не безъ вѣры; различіе ихъ въ томъ, на чемъ они опираются упованіемъ спасенія. Вѣра на вѣрѣ, не нерадя о дѣлахъ, и дѣланіе на дѣлахъ, не оставляя вѣры.

Таковы они по существу; но на опытѣ они могутъ являться съ разными оттѣнками. Иной вѣрующій до того можетъ уклониться на сторону вѣры, что совсѣмъ пренебрежетъ дѣла; тогда останется вѣра безъ дѣлъ Равно иной дѣлающій можетъ до того втянуться въ дѣла, что забудетъ вѣру и ни во что ее вмѣнитъ; останутся дѣла безъ вѣры въ Бога. Это крайности въ проявленіяхъ вѣрующаго и дѣлающаго духа: вѣра съ дѣлами и дѣла съ вѣрою на одной сторонѣ; вѣра безъ дѣлъ и дѣла безъ вѣры—на другой. Между ними тотъ и другой духъ проявляется въ разныхъ видахъ, зависящихъ отъ степени приложенія дѣлъ къ вѣрѣ и вѣры къ дѣламъ. Нормальный духъ: вѣра при неослабномъ дѣланіи съ опорою на вѣрѣ. Всѣ другія проявленія жизни суть уклоненія отъ сей нормы и должны быть отвергаемы. Неослабное дѣланіе при вѣрѣ съ опорою на дѣлахъ могло бы имѣть мѣсто, еслибъ возможно было передѣлать все достодолжное. Но какъ этого нельзя, то, при всей благовидности, сей духъ чуждъ истины и вводитъ въ прелесть губящую, подставляя подъ главную часть зданія гнилую опору.

И такъ норма: вѣра при неослабномъ дѣланіи съ опорою на вѣрѣ. Что вѣра здѣсь не одна, а съ дѣлами

или съ твердою рѣшимостію на дѣла, это даютъ разумѣть и слова: *вѣрующему во Оправдающаго нечестива.* Нечестіе обнимаетъ всѣ нарушенія должныхъ отношеній къ Богу и всякой воли Его,—слѣдовательно и невѣріе. Потому нечестіе исключаетъ вѣру. Но слѣдовательно и наоборотъ—вѣра исключаетъ нечестіе. Вѣрующій перестаетъ быть нечестивымъ. И такъ когда св. Апостолъ говоритъ о вѣрующемъ *въ Оправдающаго нечестива*,—не другаго, а этого самого вѣрующаго,—то даетъ разумѣть, что сей вѣрующій пересталъ быть нечестивымъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увѣровалъ. Кого же именно разумѣетъ здѣсь Апостолъ?—Того, кто нечествовалъ. но принявъ вѣру, отвратился отъ нечестія и положилъ всегда уже послѣ сего благочествовать. Такого обратившагося Богъ принимаетъ съ милостивыми отеческими объятіями, какъ въ притчѣ о блудномъ изображается; ради вѣры его забываетъ прежнее его нечестіе, и эту вѣру принимаетъ вмѣсто всѣхъ дѣлъ праведныхъ, какія слѣдовало ему являть во все время своего нечестія: вѣра одна въ сей моментъ замѣняетъ всякую правду. Итакъ вѣра пресѣкаетъ все прошедшее нечестіе и покрываетъ его, дѣлаетъ его какъбы несущимъ, и чрезъ это привлекаетъ вмѣненіе правды. Но если она пресѣкаетъ нечестіе, то, значитъ, вѣрующій, по существу вѣры, съ момента пріятія вѣры перестаетъ не чествовать и начинаетъ благочествовать, т.-е. онъ становится правымъ въ сердцѣ.—Предполагаетъ ли однакожъ сіе совершенную безгрѣшность?—Нѣтъ; ибо есть инъ законъ во удѣхъ, увлекающій къ тому, чего и не хотимъ. Какъ же быть съ этимъ вторженіемъ неправды въ область правды?—И она покрывается тоюже вѣрою, какою покрывается все нечестіе до момента вѣры, ради покаянія и присущаго въ сердцѣ постояннаго желанія правды и нежеланія неправды.—Слѣдовательно если есть

предъ лицемъ Божіимъ праведные, то это суть одни вѣрующіе, которымъ Богъ ради вѣры вмѣняетъ праведность, когда вмѣстѣ съ вѣрою присуще въ сердцѣ отверженіе всякаго нечестія и неправды и желаніе всякой правды.

Такую силу однакожъ являетъ вѣра не по существу своему, а по благости Бога, благоволящаго сочетавать такія дѣйствія съ вѣрою. Это прямое дѣло благодати, а не должное воздаяніе. Дѣлу дается воздаяніе, какъ плата, и дается въ мѣру дѣла. Сдѣлалъ на рубль, возьми рубль. А вѣрѣ, хотя она сама есть возвышенный актъ духа, дается не воздаяніе за это дѣло, а оказывается милующая милость. Противъ дѣлъ стоитъ мзда и воздаяніе по долгу, а противъ вѣры помилованіе и вмѣненіе правды по благодати. Почему такъ? По духу дѣлающаго и вѣрующаго. Дѣлающій, хотя и вѣруетъ, но опирается весь на дѣлахъ. Почему за дѣла и воздается ему: возьми, что искалъ и что хотѣлъ заслужить, что заслужилъ, и въ какой мѣрѣ заслужилъ. Вѣрующій же, хотя и неослабно дѣлаетъ, но не опирается на дѣлахъ, а на одной милости; ему и дается не по мѣрѣ дѣлъ, а по мѣрѣ милости. Дѣламъ никакого значенія онъ не приписываетъ, нѣтъ ихъ у него ни въ памяти, ни въ надеждахъ. Онъ весь опирается на милость Того, въ Кого вѣруетъ, минуетъ правду Божію и вселяется въ область милости Божіей. Милость же Божія есть сокровищница дарованій по единой милости, и какъ она безпредѣльна, то и даетъ безъ всякихъ предѣловъ, не поколику кто заслужилъ, а поколику кто вмѣстить можетъ. Такъ вѣрѣ отвѣчаетъ дарованіе по благодати безъ всякаго соображенія съ дѣлами. Не потому такъ, что въ ней нѣтъ дѣлъ, ибо вѣра безъ дѣлъ не вѣра, но потому, что вѣра не опирается на дѣла, несмотря на то, что богата ими.

Подумать можно: что же это, или неправда у Бога?—Одинъ потѣетъ надъ дѣлами и получаетъ только въ мѣру дѣлъ, а другой повѣровалъ только, и получаетъ безъ мѣры?—Но увѣровать искренно нельзя безъ готовности на всѣ дѣла, и вѣровать или хранить вѣру нельзя безъ неослабнаго дѣланія въ духѣ вѣры. Вѣра завершаетъ—восполняетъ дѣла; почему есть выше ихъ. есть совершеннѣйшій актъ духа. Если же она выше, то справедливо и получаетъ больше.—„Дѣлающій, пишетъ бл. Θеофилактъ, получаетъ мзду, какъ даваемую ему за трудъ по долгу, а вѣрующій, хотя не дѣлаетъ (не опирается на дѣлахъ), однако представляетъ съ своей стороны вѣру,—вещь весьма значительную; потому что убѣдиться въ томъ, что Богъ и живущаго въ нечестіи можетъ не только освободить отъ наказанія, но и сдѣлать праведнымъ, есть дѣло высокой цѣны.“—Итакъ вѣрующаго нельзя считать не дѣлающимъ по одной значительности и высотѣ акта вѣры. Св. Златоустъ говоритъ: „вѣрующему не вмѣнялось бы, еслибъ ничего не было сдѣлано и съ его стороны.—И вѣрующій имѣетъ должникомъ Бога, и долгъ сей не маловаженъ, но значителенъ и высокой цѣны.“

Ст. 6. *Якоже и Давидъ глаголетъ блаженство человѣка, емуже вмѣняетъ Богъ правду, безъ дѣлъ закона.*

Глаголетъ блаженство,—говоритъ, что блаженъ тотъ человѣкъ, или называетъ блаженнымъ того человѣка, которому *вмѣняетъ Богъ правду*, котораго признаетъ праведнымъ и принимаетъ въ качествѣ праведнаго; *безъ дѣлъ закона*, несмотря на то, что онъ не имѣетъ и не представляетъ дѣлъ правды, и не только не имѣетъ такихъ дѣлъ, а напротивъ имѣетъ дѣла противоположныя тому,—грѣхи и беззаконія, какъ показываютъ самыя слова, приводимыя отъ лица св. Пророка Давида. Такова мысль; связываются же сіи слова чрезъ *якоже* съ

непосредственно предъидущимъ, а чрезъ это со всею рѣчью: *мыслимъ убо вѣрою оправдитися человѣку безъ дѣлъ закона,* и стоятъ въ параллели съ примѣромъ Авраама, какъ новое доказательство той истины. „Доказавъ сказанное примѣромъ Авраама, Апостолъ обращается къ Давиду, который подтверждаетъ туже мысль. Итакъ, что говоритъ Давидъ? Кого называетъ блаженнымъ? Того ли, кто хвалится дѣлами, или того, кто удостоился благодати, и получилъ прощеніе грѣховъ и даръ?—И Давидъ оправдившагося чрезъ вѣру называетъ блаженнымъ, говоря“ (Св. Злат.):

Стт. 7. 8. *Блажени, ихже отпустишася беззаконія, и ихже прикрышася грѣси. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Пс. 31, 1. 2).

Примѣръ праведнаго Авраама на ту особенно мысль упираетъ, что оправданіе совершается чрезъ вѣру, а свидѣтельство св. Давида—на ту, что оно дается безъ дѣлъ закона. Св. Пророкъ представляетъ грѣшника, пріемлемаго въ милость Божію, оправдываемаго и сподобляемаго блаженства Блаженствомъ означается то свѣтлое состояніе, котораго ищетъ всякъ человѣкъ, послѣдняя цѣль, верховное благо. Оно бываетъ отъ близости Божіей, или отъ сближенія съ Богомъ, когда Богъ пріемлетъ кого въ милость Свою и объемлетъ Своимъ благоволеніемъ, такъ что сія милость и сіе благоволеніе ощущается и сердцемъ того, кто пріемлется. Пресѣкаетъ такое сближеніе и препятствуетъ ему грѣхъ, и пока онъ есть въ комъ и на комъ, не возможно состояться такому сближенію. Все дѣло значитъ въ томъ, чтобъ загладить и устранить грѣхъ. А это какъ дѣлается?—Сокрушеннымъ покаяніемъ съ обѣтомъ не грѣшить, но не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры въ Оправдающаго. Въ чьей душѣ все сіе произойдетъ, тому Богъ милостиво прощаетъ всѣ грѣхи, принимаетъ его въ Свое бла-

говоленіе, сближается съ нимъ и даетъ ему носить ощущеніе сего сближенія. Чрезъ это вводится онъ въ состояніе блаженныхъ, ублажаемыхъ Пророкомъ.

Но скажетъ иной: у Пророка говорится только о прощеніи и прикрытіи грѣховъ: но ни о вѣрѣ, ни о покаяніи, ни объ обѣтѣ не грѣшить нѣтъ ни слова. — Надо опредѣлять мысль Пророка въ приводимыхъ словахъ по связи ихъ съ послѣдующимъ у него, и мысль Апостола, при приведеніи сихъ словъ, по связи ихъ со всею рѣчью Апостола. Прямо слова сіи говорятъ о томъ, что Богъ даетъ грѣшнику: отпущаетъ беззаконія, прощаетъ грѣхи, не вмѣняетъ ихъ. Но развѣ Богъ можетъ явить такую милость тому, кто не отвратился отъ грѣховъ, не возненадѣлъ ихъ, не возболѣзновалъ о нихъ, а напротивъ погруженъ въ грѣхъ и помышленіями и чувствами и желаніями? Нѣтъ; прощаетъ грѣхи тому, кто извергъ ихъ изъ сердца сокрушеніемъ и отвращеніемъ отъ нихъ. У Пророка и говорится о семъ тутъ же: *ниже есть во устѣхъ его лесть.* Тому Богъ прощаетъ грѣхи и не вмѣняетъ ихъ, у кого нѣтъ льсти во устахъ. Какъ же совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ грѣхи и отсутствіе льсти?— Такъ, что онъ, сознавая свои грѣхи, изъявляетъ предъ Богомъ раскаяніе въ нихъ, не прикрывая ихъ, и искреннее питаетъ желаніе не падать болѣе въ нихъ. Лесть,— δόλος,—есть грѣхолюбивое настроеніе сердца съ желаніемъ прикрывать его не только предъ людьми, но и предъ Богомъ. Когда нѣтъ его въ сердцѣ, надо полагать, есть противоположное тому искреннее добролюбіе съ отверженіемъ прошедшаго грѣхолюбія и сокрушеніемъ о томъ.

Такъ въ словахъ Пророка, говорящихъ только о прощеніи, естественно доразумѣвается мысль и о покаяніи съ искреннимъ нежеланіемъ грѣха. А вѣра въ Оправдающаго гдѣ? — А вѣра въ Оправдающаго въ теченіи

рѣчи св. Апостола, которая идетъ все о вѣрѣ, а наипаче — въ предшествующихъ словахъ, прямо выражающихъ сію истину.—Апостолъ внушаетъ: праведными праведники являются предъ Богомъ не ради дѣлъ, хотя они есть, а ради вѣры, какъ показываетъ примѣръ величайшаго изъ праведниковъ Авраама. А о грѣшникахъ и говорить нечего. Какія дѣла могутъ они представить, когда все грѣшили? — Нечего имъ представить, кромѣ сокрушенія и нежеланія грѣха, съ вѣрою въ безпредѣльную милость Оправдывающаго. Итакъ, не приходи никто предъ Бога, опираясь на дѣла. Иди съ одною вѣрою и получишь оправданіе.

Но какъ же это? Апостолъ словами Пророка Давида хотѣлъ доказать, что вѣра вмѣняется въ правду, а приводитъ такое мѣсто, которое говоритъ только объ отпущеніи беззаконій и невмѣненіи грѣха? Какъ будто „свидѣтельство не идетъ къ дѣлу“ (Св. Злат.).—Это недоумѣніе устраняется уже предъидущимъ объясненіемъ, что коль-скоро кому прощаются беззакоія и не вмѣняется грѣхъ, то въ этомъ милуемомъ должно предполагать присущими и всѣ условія прощенія,—нежеланіе болѣе грѣшить и вѣра въ Оправдывающаго. Съ другой стороны, такъ какъ два есть состоянія: одно—праведности и благоволенія Божія, другое — грѣшности и неблаговоленія Божія; то очевидно, что когда не вмѣняется кому грѣхъ, значитъ онъ не считается уже грѣшникомъ, состоящимъ подъ гнѣвомъ, а принимается въ благоволеніе въ качествѣ праведнаго. Невмѣненіе потому грѣха стоитъ на одной линіи со вмѣненіемъ правды, или то и другое совершается въ одинъ актъ милости милующаго и оправдывающаго Бога. Но, главное, надо поимѣть во вниманіи цѣль Апостола. Цѣль у него не ветхозавѣтное устроеніе разъяснять, а выяснять изъ ветхозавѣтнаго новозавѣтное. Когда проповѣдуя благовѣстіе Евангелія, Апостолы на-

чали принимать въ общеніе Божіе и язычниковъ, Іудеи укоряли ихъ: у васъ только все вѣра, да вѣра и никакихъ дѣлъ закона; вы и язычниковъ грѣшныхъ стали принимать, тогда какъ къ нимъ и прикасаться грѣшно. Апостолъ, предотвращая это, внушаетъ: что у насъ все вѣра, да вѣра, въ этомъ мы беремъ примѣръ съ Авраама, которому вѣра вмѣнена въ правду: а что грѣшниковъ принимаемъ въ общеніе Божіе, правоту этого предуказалъ Пророкъ Давидъ, ублажившій тѣхъ, коимъ прощены грѣхи. Мы принимаемъ грѣшниковъ, но напередъ разрѣшивъ всѣ ихъ грѣхи, по благодати милующаго Бога за вѣру въ Оправдающаго. А это такой порядокъ, который прославленъ Пророкомъ Давидомъ. Ублажая тѣхъ, коимъ не вмѣняетъ Богъ грѣха, онъ „явно ублажаетъ насъ и предвозвѣщаетъ дары благодати" (Θеод.).

Доказавъ такимъ образомъ изъ Ветхаго Завѣта, что праведно мы мыслимъ вѣрою оправдится человѣку безъ дѣлъ закона, наводитъ теперь силу сихъ доказательствъ на вѣрующихъ во Христа Господа; и для этого примѣръ праведнаго Авраама и свидѣтельство св. Давида сводитъ воедино, говоря:

Ст. 9. *Блаженство убо сіе на обрѣзаніе ли, или на необрѣзаніе? Глаголемъ бо, яко вмѣнися Аврааму вѣра въ правду.*

Кому это предрекаетъ св. Давидъ блаженство отъ помилованія и прощенія грѣховъ, — обрѣзанію, или и необрѣзанію, — однимъ обрѣзаннымъ Іудеямъ, или и необрѣзаннымъ язычникамъ? — Для рѣшенія этого, взойди повыше отъ св. Давида къ праведному Аврааму и смотри, какъ у него шло дѣло. — Мы (я, или всѣ Апостолы, или вообще христіане), основываясь на свидѣтельствѣ слова Божія, говоримъ, что праведному Аврааму вѣра вмѣнена въ правду. Теперь разсмотри, когда она вмѣнена ему въ правду, — до обрѣзанія, или послѣ обрѣзанія.

Ст. 10. *Како убо вмѣнися ему? во обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи? Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи.*

И что увидишь въ немъ, по примѣру того суди и о всѣхъ. Если вѣра вмѣнена ему въ правду послѣ обрѣзанія; то, значитъ, благодать такого вмѣненія правды, или по св. Давиду, блаженство невмѣненія грѣха, должны принадлежать только обрѣзаннымъ Іудеямъ; а если—до обрѣзанія, то все это должно простираться и на необрѣзанныхъ язычниковъ. Итакъ, что же видишь въ Авраамѣ? Когда вмѣнилась ему вѣра въ правду,—въ обрѣзаніи ли, или въ необрѣзаніи сущему? — *Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи.* Значитъ законъ благодати: вмѣненіе правды вѣрою и блаженство отпущенія грѣховъ,—долженъ простираться и на необрѣзанныхъ.—Такъ св. Павелъ „показалъ, что благодать сія предложена всѣмъ“ (Θеод.).

Но послѣ этого естественно спросить, для чего же обрѣзаніе? Если все отъ вѣры,—что же значитъ обрѣзаніе?—На это отвѣчаетъ св. Апостолъ:

Ст. 11. *И знаменіе пріятъ обрѣзанія, печать правды вѣры, яже въ необрѣзаніи.*

Обрѣзаніе есть внѣшній знакъ, показывающій, что тотъ, кто носитъ его, состоитъ подъ благоволеніемъ Божіимъ, а совсѣмъ не то, чѣмъ пріобрѣтается сіе благоволеніе. Чѣмъ пріобрѣтено такое благоволеніе, то состоялось въ сердцѣ прежде обрѣзанія, а обрѣзаніе пришло послѣ, чтобъ только служить знакомъ того. „Обрѣзаніе не есть правда, но свидѣтельство правды, печать и знаменіе вѣры, которую показалъ Авраамъ до обрѣзанія“ (Θеод.).

Такъ истолковываетъ Апостолъ теченіе событій въ жизни праведнаго Авраама,—того, что онъ сначала увѣровалъ и оправданъ за вѣру, а потомъ получилъ повелѣніе обрѣзаться. Но самое теченіе сихъ событій не есть случайность, а устроено Богомъ преднамѣренно, чтобъ въ лицѣ его представить пророчественный прообразъ

того, что имѣло быть, когда придетъ обѣтованное ему Сѣмя, о немъ-же благословятся всѣ языки. Послѣ праведнаго Авраама, оправданнаго вѣрою еще въ необрѣзаніи, а потомъ обрѣзаннаго, человѣчество пошло двумя линіями—обрѣзанныхъ Іудеевъ и необрѣзанныхъ язычниковъ. Когда пришелъ Обѣтованный Аврааму, въ Немъ снова совокупляются разъединенные прежде обрѣзанные и необрѣзанные. Законъ сего совокупленія тотъже, какой явленъ въ лицѣ Авраама,—вѣра въ Оправдающаго нечестива. Какъ это составляло духъ жизни праведнаго Авраама, то очевидно, что по духу онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, и обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ. Такъ это было устроено въ лицѣ его,—

— *яко быти ему отцу всѣхъ вѣрующихъ въ необрѣзаніи, во еже вмѣнитися и тѣмъ въ правду.*

Ст. 12. *И отцу обрѣзанія, не сущимъ точію отъ обрѣзанія но и ходящимъ въ стопахъ вѣры, яже (бѣ) въ необрѣзаніи отца нашего Авраама.*

Необрѣзанные имѣютъ отцемъ Авраама, когда вѣруютъ, потому что въ такомъ случаѣ и имъ вмѣняется вѣра въ правду, какъ вмѣнена Аврааму необрѣзанному. И обрѣзанные имѣютъ отцемъ Авраама не ради одного того, что отъ него происходятъ и обрѣзаніе принимаютъ, но ради вѣры, когда вѣруютъ и ходятъ въ стопахъ вѣры, какую явилъ Авраамъ, бывши еще необрѣзаннымъ. Такъ что обрѣзаніе, какъ дѣло пришлое, не имѣетъ никакого вліянія на оправданіе, всецѣло зависящее отъ вѣры.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Если кто, происходя отъ язычниковъ и не принявъ обрѣзанія, пойдетъ по слѣдамъ той вѣры патріарха, которую показалъ онъ до обрѣзанія; то не будетъ чуждъ родства съ нимъ. Богъ всяческихъ, провидя, какъ Богъ, что изъ язычниковъ и Іудеевъ соберетъ одинъ народъ, и что даруетъ имъ спа-

сеніе чрезъ вѣру, то и другое предъизобразилъ въ патріархѣ Авраамѣ. Ибо, показавъ, что онъ еще до обрѣзанія пріобрѣлъ правду отъ вѣры, и по обрѣзаніи жилъ, водясь не Моисеевымъ закономъ, но пребывая подъ руководствомъ вѣры, назвалъ его отцемъ языковъ, чтобъ, на него взирая, Іудеи и Еллины ревновали не одни объ обрѣзаніи, а другіе о необрѣзаніи, но тѣ и другіе о вѣрѣ. Ибо Божественное Писаніе нарекло правдою не обрѣзаніе и необрѣзаніе, но вѣру."

Св. Златоустъ проводитъ свои наведенія далѣе,—и все въ пользу необрѣзанныхъ (т.-е. нашу): „видишь ли, какъ Апостолъ доказалъ, что правильнѣе называть Іудеевъ принятыми изъ милости, нежели сказать, что находящіеся въ необрѣзаніи пріобщены къ Іудеямъ? Ежели Авраамъ оправдался и увѣнчанъ до обрѣзанія, а потомъ принялъ обрѣзаніе, и въ послѣдствіи взошли уже Іудеи; то слѣдуетъ, что Авраамъ первоначально есть отецъ необрѣзанныхъ, которые имѣютъ съ нимъ родство по вѣрѣ, а потомъ уже отецъ обрѣзанныхъ. Ибо онъ есть праотецъ двухъ поколеній. Видишь ли блистательность вѣры? Пока не было вѣры, патріархъ не оправдывался. Видишь ли, что необрѣзаніе ни мало не препятствуетъ? Авраамъ былъ необрѣзанъ, и сіе не помѣшало ему оправдаться. Слѣдовательно обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры, и не только позднѣе оно, но и гораздо ниже ея,—ниже, сколько знакъ ниже означаемой имъ вещи, сколько, напримѣръ, воинская одежда ниже воина. А для чего, спросишь, Аврааму нужна была печать?—Для того, чтобы стать общимъ отцемъ вѣрующихъ, какъ въ необрѣзаніи, такъ и въ обрѣзаніи, а не просто только обрѣзанныхъ,—*не сущихъ точію отъ обрѣзанія.* Ежели Авраамъ есть отецъ необрѣзанныхъ не потому, что самъ былъ необрѣзанъ, хотя оправдался въ необрѣзаніи, но потому, что необрѣзанные подражали ему въ вѣрѣ; то тѣмъ менѣе

будетъ онъ прародителемъ обрѣзанныхъ по одному обрѣзанію, безъ присовокупленія къ оному вѣры. Для того принялъ онъ обрѣзаніе, чтобъ необрѣзанные не изгнали обрѣзанныхъ, но тѣ и другіе имѣли своимъ отцемъ Авраама. Тогда возможешь имѣть праотцемъ Авраама, когда будешь ходить *по стопамъ вѣры* его, когда перестанешь упорствовать и усильно стоять за законъ. Если не пойдешь по стопамъ вѣры, то хотя и тысячу разъ будешь обрѣзанъ, не сдѣлаешься сыномъ Авраамовымъ. Для того Авраамъ принялъ обрѣзаніе, дабы, оставшись необрѣзаннымъ, не отвергнуть тебя. Не въ немъ ищи причины обрѣзанія; оно совершено надъ нимъ въ пособіе тебѣ, а не ему. Ты имѣлъ нужду въ тѣлесныхъ знаменіяхъ. Поелику ты не подражалъ душевной доблести и не могъ ея видѣть, то дано тебѣ чувственное обрѣзаніе, дабы ты, помышляя о семъ тѣлесномъ знакѣ, восходилъ постепенно къ душевному любомудрію, и со всѣмъ усердіемъ пріявъ обрѣзаніе, какъ знакъ самаго высокаго достоинства, научался подражать прародителю (въ означенномъ, т. е. въ вѣрѣ). Съ такимъ намѣреніемъ установлено Богомъ не одно обрѣзаніе, но и все прочее; я разумѣю жертвы, субботы и праздники. А что Аврамъ для тебя принялъ обрѣзаніе, можешь видѣть изъ послѣдующихъ словъ Апостола. Сказавъ, что Авраамъ принялъ знаменіе и печать, онъ присовокупляетъ и причину, говоря: *яко быти ему... отцу обрѣзанія*—для тѣхъ, которые примутъ и внутреннее обрѣзаніе (чрезъ вѣру); потому что, имѣя одно обрѣзаніе наружное, ничего чрезъ то не получишь. Обрѣзаніе тогда бываетъ знаменіемъ, когда видна въ тебѣ самая вещь, которой оно служитъ знаменіемъ, т.-е. когда видна въ тебѣ вѣра. А если не имѣешь вѣры, то и знаменіе не можетъ уже быть знаменіемъ. Ибо чего будетъ знаменіемъ, чего печатію, когда нѣтъ запечатлѣваемаго? Это значило бы, что ты по-

казываешь намъ кошелекъ, къ которому приложена печать, но въ которомъ нѣтъ ничего. Столько же смѣшно и обрѣзаніе, когда нѣтъ внутри вѣры. Ежели обрѣзаніе есть знаменіе праведности (отъ вѣры), а ты не имѣешь такой праведности, то знаменіе твое не въ знаменіе. Для того получилъ ты знаменіе, чтобъ искать вещи, которой у тебя знаменіе. А если найдешь вещь и безъ знаменія, то не нужно тебѣ знаменія. Обрѣзаніе возвѣщаетъ не только праведность, но именно праведность въ необрѣзаніи. Посему обрѣзаніе возвѣщаетъ одно то, что не нужно обрѣзанія."

Ст. 13. *Не закономъ бо обѣтованіе Аврааму, или сѣмени его, еже быти ему наслѣднику мірови, но правдою вѣры.*

Доселѣ св. Апостолъ дѣлалъ наведенія изъ словъ: *вѣрова Авраамъ и вмѣнися ему въ правду*, и изъ того обстоятельства, что обрѣзаніе пришло послѣ сего дѣла оправданія вѣрою, какъ печать его. Какъ это послѣднее привело къ тому преимуществу Авраама, что онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, и въ обрѣзаніи и въ необрѣзаніи сущихъ, а въ этомъ состояло существо обѣтованія, даннаго ему; то св. Павелъ естественно остановился вниманіемъ и на семъ обѣтованіи, направляя и его къ доказанію, что оправданіе можетъ состояваться только вѣрою. Авраамъ, говоритъ, принялъ обрѣзаніе, какъ печать правды вѣрою, чтобъ быть ему отцемъ всѣхъ вѣрующихъ; а это тоже, что обѣтованіе быть ему, или сѣмени его, наслѣднику мірови. Но возьми ты, какъбы прибавляетъ онъ, это обстоятельство и особо отъ предыдущаго, – и опять увидишь, что оправданіе возможно только вѣрою.

Дано было обѣтованіе Аврааму или сѣмени его, что будетъ онъ или оно наслѣдникомъ міру. Въ силу чего дано это обѣтованіе? Въ силу ли вѣрности Авраама за-

кону, или въ силу вѣры его? *Не закономъ обѣтованіе, а правдою вѣры.* Закона тогда еще не было. Обрѣзаніе, которое есть дверь въ подзаконность, хотя началось тогда, но ему предшествовала вѣра, и собою опредѣляла значеніе его. Обѣтованіе дано вѣрѣ, и обрѣзаніе, служа знаменіемъ вѣры, служитъ знаменіемъ обѣтованія. Но если обрѣзаніе сюда ничего не привнесло, чѣмъ паче законъ, бывшій гораздо послѣ обрѣзанія. Итакъ, обѣтованіе дано въ силу вѣры.

Въ чемъ существо обѣтованія?—*Еже быти ему наслѣднику мірови,* т.-е., что онъ или сѣмя его наслѣдуетъ міръ, иначе, что весь міръ будетъ свой ему. Само собою разумѣется, что это свойство не могло быть плотское, но духовное. Въ чемъ же оно? Это надо объяснять изъ словъ обѣтованія: *благословятся о тебѣ и сѣмени твоемъ вси языки.* Наслѣдіе міру тоже, что сіе благословеніе всѣхъ народовъ. Но самое сіе благословеніе что есть?—Если станемъ вниманіемъ о страну Авраама въ моментъ обѣтованія, сила его для насъ будетъ не такъ ясна: видно, что обѣщается нѣчто великое и свѣтлое, но что такое, не такъ ясно. Если же взглянемъ на то, какъ оно исполнилось, все будетъ ясно. Сѣмя Авраама—Христосъ Спаситель міра. Въ Немъ всѣ силы къ животу, благочестію и вѣчному блаженству. Разліяніе изъ Него сихъ силъ на міръ есть благословеніе о Немъ. Сочетаваются съ Нимъ народы и почерпаютъ изъ Него сіе благословеніе. Но сочетываясь съ Нимъ, они становятся свои Ему, а чрезъ Него свои и Аврааму, коего сѣмя по плоти есть Христосъ Господь. Вотъ что есть Авраамово наслѣдство міру, или благословеніе о Немъ народовъ. Но въ силу чего такъ все устрояется? Въ силу вѣры. Обѣтованіе дано вѣрѣ, и исполняется оно тоже дѣйствіемъ вѣры. Ибо сочетаваются съ Господомъ Спасителемъ и благословеніе отъ Него принима-

ютъ только вѣрою. Чрезъ нее, выходитъ, и сталъ Авраамъ отцемъ всѣхъ вѣрующихъ, благословителемъ народовъ и наслѣдникомъ міра. Такъ ясно для насъ, отселѣ смотрящихъ, обѣтованіе, данное Аврааму. Въ силу такихъ понятій яснымъ его представить имѣлъ въ виду и св. Павелъ. Онъ говорилъ какъбы: вѣрою Авраамъ удостоился великаго обѣтованія, вѣрою оно нынѣ и въ исполненіе приводится. Почему вамъ, Іудеи, не слѣдуетъ примѣшивать сюда своего закона.

Но Іудеи могли возражать: это ты такъ превратно представляешь дѣло; надлежитъ же понимать его такъ: обѣтованіе получилъ Авраамъ праотецъ нашъ точно за вѣру,—но потомъ пришелъ законъ, и исполненіе обѣтованія должно зависѣть отъ подзаконности. Въ кругъ обѣтованія Авраамова могутъ входить только тѣ, которые примутъ законъ и подчиняться ему.—На это отвѣчаетъ Апостолъ: о, нѣтъ! этимъ вы разоряете обѣтованіе.

Ст. 14. *Аще бо сущіи отъ закона, наслѣдницы, испразднися вѣра, и разорися обѣтованіе.*

Это можно понимать двояко: и въ отношеніи къ дарованію обѣтованія, и въ отношеніи къ исполненію его. Въ первомъ отношеніи такъ: дано обѣтованіе вѣрѣ; вѣра слѣдовательно такъ связана съ обѣтованіемъ, что коль скоро устранитъ кто вѣру, уничтожаетъ самое обѣтованіе. Если теперь по вашему вся сила въ законѣ; то вы устраняете вѣру, упраздняете силу ея и значеніе. Но упраздняя силу ея, вы тѣмъ самымъ разоряете обѣтованіе, которое послѣ сего останется безъ основы.

Во второмъ отношеніи такъ: дано обѣтованіе вѣрѣ; вѣрою должно быть условливаемо и исполненіе его. Существо обѣтованія состоитъ въ томъ, что чрезъ исшедшее изъ чреслъ Авраама Сѣмя разольется благословеніе на всѣ народы, имѣющіе увѣровать въ сіе Сѣмя. Условіе участія въ семъ благословеніи—вѣра. Она дѣла-

етъ наслѣдниками благъ, обѣтованныхъ Аврааму. Но если вы поставите условіемъ сего причастія благословенію вмѣсто вѣры—законъ, то вы пресѣчете возможность такого причастія благословенію. Ибо благословеніе есть плодъ благоволенія; гдѣ нѣтъ благоволенія, тамъ невозможно и благословеніе. Но законъ гнѣвъ содѣлываетъ и слѣдовательно отстраняетъ благословеніе: если отстраняетъ благословеніе, то разоряетъ обѣтованіе. Обѣтованіе при законѣ неисполнимо. Вотъ что выходитъ изъ вашей ревности по закону! Упраздняя вѣру, вы разоряете обѣтованіе.

Ст. 15. *Законъ бо гнѣвъ содѣлываетъ: идѣже бо нѣсть закона, (ту) ни преступленія.*

Гдѣ законъ, тамъ преступленіе: гдѣ преступленіе, тамъ гнѣвъ карающій; гдѣ карающій гнѣвъ, тамъ пресѣкается благословеніе; а пресѣченіемъ благословенія разоряется обѣтованіе. Слѣдовательно, устраняя вѣру и выставляя законъ, вы разоряете обѣтованіе. Если подзаконные—наслѣдники, *испразднися вѣра, разорися обѣтованіе.*

Такое умозаключеніе ясно и опредѣленно; но не совсѣмъ ясно, какъ законъ гнѣвъ содѣлываетъ, когда давая законъ, Богъ засвидѣтельствовалъ, что если народъ будетъ вѣренъ Ему, то пріиметъ благословеніе и будетъ наслаждаться обиліемъ благъ и временныхъ и вѣчныхъ. Св. Апостолъ, хотя и приложилъ въ основаніе сему положенію то, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ преступленія, или, что съ закономъ связано преступленіе, поводомъ ли только онъ къ нему служитъ или прямою его причиною, давая доразумѣть: а гдѣ преступленіе, тамъ гнѣвъ; но и это самое, что законъ подаетъ поводъ или ведетъ къ преступленію, не совсѣмъ понятно. Ибо, законъ данъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ должно дѣйствовать, чтобъ дѣйствовали праведно и слѣдовательно были чужды преступленія, а не съ тѣмъ, чтобъ вводить въ преступленіе.

Св. Павелъ рѣшаетъ возникающее при семъ недоумѣніе ниже, говоря, что не законъ тому причиною, а наша немощь. Законъ самъ въ себѣ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага; но я проданъ подъ грѣхъ, во мнѣ живетъ грѣхъ, увлекающій меня къ противозаконію. Вижу, чего требуетъ законъ, и порываюсь исполнить то, но приходитъ грѣховное возбужденіе и увлекаетъ меня къ преступленію закона. Итакъ законъ — плохой мнѣ помощникъ. Онъ только ярче изобличаетъ мою грѣшность и преступность. Не знай я закона, то хоть и грѣшилъ бы, но то были бы у меня грѣхи невѣдѣнія. А тутъ видишь и грѣшишь. И добро бы это разъ-два въ мѣсяцъ или недѣлю, а то каждый день и часъ: рѣдкое дѣло обходится безъ кривды. Выходитъ, что законъ только облѣпливаетъ тебя грѣхами, такъ что не знаешь, куда дѣваться отъ нихъ и какъ сбросить подавляющее бремя ихъ. Окаяненъ азъ: кто мя избавитъ?

Но какъ же быть? Такъ бы и быть, еслибъ Богъ навсегда оставилъ насъ съ однимъ закономъ. Глубже и глубже погрязалъ бы человѣкъ въ сознаніе своей грѣховности и, по причинѣ того, въ чувство подгнѣвности Божіей, — и только; а какъ поправить дѣло, способа къ этому не находилъ бы онъ въ законѣ.—Это сознаніе безвыходности своего положенія при одномъ законѣ и имѣетъ въ мысли Апостолъ внѣдрять всякій разъ, какъ разсуждаетъ объ отношеніи закона и вѣры. Тоже намѣреніе у него и здѣсь. Онъ говоритъ какъбы: останься только ты съ однимъ закономъ,—и будешь все въ грѣшности и подгнѣвности. Чрезъ это пресѣчешь благословеніе, не дашь возможности придти въ исполненіе надъ тобою обѣтованію Авраама, разоришь сіе обѣтованіе. Хочешь ли, чтобъ исполнилось надъ тобою обѣтованіе, данное Аврааму, прими вѣру. Вѣрѣ дано обѣтованіе; подъ условіемъ вѣры оно приводится и въ исполненіе. Вѣра

приноситъ прощеніе прегрѣшеній, бывающихъ въ отношеніи къ закону, даетъ силу на исполненіе закона, — и вводитъ такимъ образомъ въ праведность, на коей почиваетъ благословеніе: чѣмъ и исполняется обѣтованіе.

Ст. 16. *Сего ради отъ вѣры, да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени, не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы, иже есть отецъ всѣмъ намъ.*

Выше сказалъ и доказалъ, что кто утверждаетъ, будто *сущіи отъ закона* (ст. 14) *наслѣдники*, тотъ разоряетъ обѣтованіе. Теперь заключаетъ: если законъ не даетъ быть обѣтованію исполненнымъ, то необходимо обратиться къ вѣрѣ. *Сего ради отъ вѣры*,—т.-е. сущіе отъ вѣры наслѣдники.—Выводъ изъ предыдущаго положенія, что при законѣ невозможно исполнену быть обѣтованію, этимъ вполнѣ опредѣляется. Если, говоритъ, такъ, то само собою разумѣется, что только сущіе отъ вѣры—наслѣдники. Но св. Павелъ, желая глубже внѣдрить сіе, представляетъ еще, насколько несомнѣнно исполненіе обѣтованія при вѣрѣ. При законѣ и возможности сего исполненія не видится, а при вѣрѣ и малое сомнѣніе въ семъ исполненіи представляется недопустимымъ. При ней обѣтованіе извѣстно, т.-е. несомнѣнно вѣрно исполнится, какъ изречено.

Къ этому утвержденію доходитъ св. Павелъ чрезъ понятіе о благодати, которое неразлучно съ понятіемъ о вѣрѣ *Отъ вѣры, да по благодати.* Если отъ вѣры, то по благодати; а коль скоро по благодати, то нечего сомнѣваться въ исполненіи обѣтованія: оно вѣрно. Вѣра отверзаетъ сокровища благодати, а благодать чѣмъ можетъ быть препятствуема въ своемъ изліяніи, когда есть вѣра? Нечѣмъ быть ей препятствуемой. Слѣдовательно никакой при семъ не видится преграды исполненію обѣтованія. Когда условіемъ исполненія обѣтованія пола-

гается законъ или вѣрность ему, то тутъ сколько препонъ. Вся опора тутъ на усиліяхъ человѣка. Отъ человѣка же чего можно ожидать навѣрное? И усилій этихъ большею частію недостаетъ; но когда и есть, то и внутри и вовнѣ человѣкъ столько встрѣчаетъ неудобствъ къ исполненію дѣла законнаго, что едва ли можно найти и одно въ немъ дѣло достодолжно совершеннымъ во всю его жизнь. Какъ можетъ установиться при семъ увѣренность въ исполненіи обѣтованія—какая-нибудь, не только вѣрная и извѣстная? Когда же условіемъ этого исполненія ставится вѣра и по вѣрѣ благодать, то тутъ все зависитъ отъ благости благодѣющаго, который ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, а все дѣлаетъ по изволенію воли своей — благой и щедродательной. Ты только увѣруй и вѣрою прилѣпись къ Благодѣющему; и тотчасъ вступишь въ область, очерченную обѣтованіемъ. Вѣра въ Оправдающаго нечестива ничего не предъявляетъ для привлеченія милости, кромѣ вѣры въ самую милость, и тѣмъ самую милость понуждаетъ миловать. Сочетаваясь неразлучно съ самою милостію, становится каналомъ, преливающимъ милость. И такъ, если отъ вѣры, то по милости или благодати; а милости или благодати ничто помѣшать не можетъ, когда есть вѣра. Такой порядокъ учредилъ Богъ теченію вещей въ духовной нашей жизни, *во еже извѣстну быти обѣтованію.*

При этомъ обѣтованіе Божіе извѣстно и само по себѣ, какъ объяснено предъ симъ, и въ приложеніи къ людямъ; ибо при этомъ только оно можетъ простираться на всѣхъ людей, не только подзаконныхъ, но и не сущихъ подъ закономъ,—только бы и сущіе подъ закономъ и сущіе въ беззаконіи, оставя все свое прошедшее, увѣровали. *Во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени.* При этомъ обѣтованіе закрѣпляется за всѣмъ сѣменемъ. Сѣменемъ же надлежитъ называть при семъ не

сущее подъ закономъ естественное потомство Авраама, а всѣхъ, кои увѣруютъ. *Съмени не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы.* Вѣра всѣхъ объединяетъ, и изъ всѣхъ дѣлаетъ единое сѣмя или потомство Авраамово, дышащее единымъ съ Авраамомъ духомъ вѣры. Вслѣдствіе чего онъ и *есть отецъ всѣмъ намъ*, т.-е. всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ.

Ст. 17. *Якоже есть писано: яко отца многимъ языкомъ положихъ тя, прямо Богу, емуже вѣрова, животворящему мертвыя, и нарицающу не сущая яко сущая.*

Такъ и въ обѣтованіи сказано: такъ слѣдовательно и исполняется обѣтованіе быть Аврааму отцемъ многихъ языковъ. Смотрите, говоритъ какъбы Апостолъ, — вотъ онъ и есть отецъ многихъ языковъ, когда есть отецъ всѣмъ намъ—вѣрующимъ. Ибо видите ли, кто мы: и Римляне, и Греки, и варвары разныхъ наименованій. Св. Златоустъ говоритъ: „Сказавши: *всему съмени*, Апостолъ опредѣляетъ затѣмъ, какому сѣмени, и говоритъ: *сущему отъ вѣры;* чѣмъ показываетъ, какъ родство Авраама съ язычниками, такъ и то, что не имѣющіе такой вѣры, какую имѣлъ Авраамъ, не могутъ имъ хвалиться. Вотъ плодъ вѣры! Она скрѣпила родственный союзъ съ праведникомъ, и его самого содѣлала праотцемъ многочисленнѣйшаго потомства. Посему Апостолъ наименовалъ его не просто Авраамомъ, но отцемъ всѣмъ намъ вѣрующимъ, подтверждая слова сіи и особымъ свидѣтельствомъ: *якоже есть писано, яко отца многимъ языкомъ положихъ тя.* Видишь ли, что это предопредѣлено еще прежде?“ - Предопредѣленіе сіе изречено Аврааму Самимъ Богомъ: *Азъ есмь Богъ твой... и се завѣтъ Мой съ тобою, и будеши отецъ множества языковъ* (Быт. 17, 14).

Мѣсто это приведено Апостоломъ для того, чтобъ показать, что, именуя Авраама отцемъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не самъ придумалъ это наименованіе, а заимство-

валъ его изъ слова Божія. Затѣмъ продолжаетъ рѣчь, прерванную этими вводными словами: *прямо Богу*, т.-е. *иже есть отецъ всѣмъ намъ,—прямо Богу, емуже вѣрова.*

Прямо Богу—можетъ означать *или:* соотвѣтственно намѣренію Божію, по Божію предназначенію и опредѣленію, по планамъ Его промышленія (отчасти Фотій у Экумен.); *или:* предъ лицемъ Бога,— судя по тому, какъ Богъ судитъ о родствѣ. Богъ же судитъ о родствѣ по сходству убѣжденій, чувствъ и нрава, какъ и Спаситель показалъ, назвавъ для противившихся Ему Іудеевъ отцемъ діавола, а своими братьями—вѣрующихъ слову Его и хранящихъ его. По вашему судя, Авраамъ— отецъ только Іудеевъ, прочіе же языки — чужіе ему; а по Божескому суду не такъ, но всѣ вѣрующіе, подобно Аврааму, суть дѣти его. Или *прямо Богу*—подобно Богу. Св. Златоустъ говоритъ: „смыслъ сихъ словъ таковъ: какъ Богъ не есть Богъ частный, но Отецъ всѣхъ, такъ и Авраамъ. И еще: какъ Богъ есть Отецъ нашъ—не по естественному родству, а по союзу вѣры, такъ и Авраамъ, ибо послушаніе дѣлаетъ его отцемъ всѣмъ намъ. И какъ Іудеи не обращали вниманія на сіе родство, держась грубѣйшаго естественнаго, то Апостолъ чрезъ примѣненіе Авраама къ Богу, доказываетъ, что родство по вѣрѣ гораздо важнѣе. А за симъ вмѣстѣ открываетъ и то, что Аврааму дано сіе въ награду за вѣру. Ибо скажи мнѣ, что удивительнаго быть отцемъ тѣхъ, которые произошли отъ него? Это свойственно и всякому человѣку. Напротивъ то удивительно, что бывшіе его дѣтьми по природѣ, сдѣлались дѣтьми по дару Божію.“

Прямо Богу, емуже вѣрова. Объяснилъ св. Апостолъ, какъ свидѣтельство о вѣрѣ Авраама (ст. 1—12) и обѣтованіе, данное ему (съ 13 ст.), доказываютъ, что вся сила въ дѣлѣ оправданія предъ Богомъ принадлежитъ вѣрѣ. Теперь начинаетъ раскрывать существенныя черты

вѣры Авраама, чтобы въ ней указать, какова должна быть и наша вѣра. Главное здѣсь то, что праведный Авраамъ вѣровалъ, тогда какъ и въ себѣ и въ теченіи обстоятельствъ видѣлъ многое противное своей вѣрѣ, могшее колебать и совсѣмъ уничтожить ее,—вѣровалъ потому одному, что такъ сказалъ Богъ, не имѣя никакихъ сторонніхъ подкрѣпленій своей вѣрѣ. Слово обѣтованія было,—что отъ него произойдетъ многочисленное потомство; между тѣмъ самъ онъ и Сарра уже устарѣли. Несмотря однакожъ на это, Авраамъ ни мало не усомнился, что будетъ такъ, какъ сказалъ Богъ; и это тѣмъ дивнѣе, что по обѣтованіи не тотчасъ у Сарры былъ сынъ. Но годы текли, приближался конецъ жизни, а праведный Авраамъ не изнемогалъ вѣрою, что слово обѣтованія исполнится. Ибо вѣровалъ Богу—*животворящему мертвыя и нарицающему не сущая, яко сущая.*

Животворящему мертвыя. Сими словами усвояется Аврааму вѣра въ воскресеніе мертвыхъ (Св. Злат.). И она лежала у него въ основаніи вѣры обѣтованію о потомствѣ отъ него. Вѣровалъ онъ, что если Богъ силенъ оживотворить мертвыхъ, то какъ не вѣрить, что Онъ оживотворитъ омертвѣвшую плоть мою и Саррину? (Амвр.). Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Авраамъ повѣрилъ, что омертвѣвшую плоть, какова была его, можетъ Богъ не только оживить, но и сдѣлать плодоносною.“

Нарицающу не сущая, яко сущая. Слова сіи выражаютъ вѣру Авраама *или* во всевѣдѣніе Божіе, *или* въ Его всемогущество. Въ первомъ случаѣ мысль будетъ такая: Богъ и о не сущемъ еще говоритъ такъ, какъ о сущемъ. Будущее у Него предъ очами, какъ предъ очами у насъ настоящее. Почему,—вѣровалъ Авраамъ,—если Богъ говоритъ, что отъ меня будетъ потомство, то говоритъ потому, что оно есть предъ очами Его всевѣдѣнія. Если такъ, то не могу не вѣровать, что такъ будетъ въ

свое время. Во второмъ—мысль будетъ такая: всемогущество Божіе безпредѣльно. Что ни восхощетъ, все совершаетъ и приводитъ въ бытіе. И это не напряженіемъ силъ и трудомъ, а однимъ словомъ. Скажетъ, и все является къ бытію. „Сколько легко для насъ назвать по имени что-либо существующее, столько удобно, даже гораздо удобнѣе, для Бога привесть въ бытіе не существующее“ (Св. Злат.). Если такъ вѣровалъ Авраамъ, то какъ могу я сомнѣваться, что и изъ чреслъ моихъ Богъ изведетъ многочисленное потомство?

Ст. 18. *Иже паче упованія во упованіе вѣрова, во еже быти ему отцу многимъ языкомъ, по реченному: тако будетъ сѣмя твое.*

Вѣровалъ въ упованіе, т.-е. вѣровалъ въ исполненіе того, что обѣтовалъ Богъ, что оно несомнѣнно будетъ; а вѣровалъ *паче упованія*—значитъ, вѣровалъ, тогда какъ обстоятельства его были противъ того, не только не подкрѣпляли, а напротивъ разоряли упованіе. „Какъ сверхъ надежды повѣрилъ онъ съ надеждою? Сверхъ надежды человѣческой съ надеждою Божіею? Что было противорѣчащимъ другъ другу, то согласила вѣра“ (Св. Злат.).

Во что же повѣрилъ сверхъ упованія? Въ то, что будетъ отцемъ многихъ языковъ. Авраамъ, устарѣвши и не имѣя дѣтей, хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ своимъ Еліезера изъ Дамаска. Но Богъ явился ему и сказалъ: не онъ будетъ наслѣдникъ тебѣ, но отъ тебя самаго изыдетъ сѣмя и сѣмя многочисленное. Смотри, сколько звѣздъ на небѣ! Тако будетъ сѣмя твое (Быт. 15, 1—5). Авраамъ повѣрилъ,—и эта-то вѣра была паче упованія. „Не имѣлъ онъ надежды, чтобъ родилось отъ него съ Саррою что нибудь, но повѣрилъ Богу, что родится, возъимѣвъ упованіе паче упованія; ибо зналъ, что для Бога все возможно. Онъ повѣрилъ тому, что, по теченію дѣлъ въ мірѣ, казалось невозможнымъ. Ибо не по есте-

ству было, чтобъ въ старости такой глубокой могли они родить и дать начало такому многочисленному потомству, котораго и пересчитать нельзя. Потому и многоцѣнна вѣра, что вѣруетъ въ сбытіе того, что противно всему вѣдомому и видимому. На такой вѣрѣ почилъ Авраамъ, потому что Обѣтователь былъ Богъ, на Котораго полагаться подобаетъ болѣе, нежели сколько доступно то немощи человѣческой“ (Амвр.).

Ст. 19. *И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣдѣ сый, и мертвости ложесны Сарриныхъ.*

Не изнемогъ вѣрою, не допустилъ, чтобъ ослабѣла и немощною оказалась вѣра его. Было много такого, что могло поколебать, ослабить и развѣять вѣру его; но она была столько сильна, жива и могущественна, что и не почувствовала никакого подавляющаго вліянія отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ соприкосновенностей. Почему такъ? Потому что праведный Авраамъ, пріемля обѣтованіе изъ устъ Божіихъ, не на плоть свою умерщвленную и не на мертвость Саррину смотрѣлъ, а на неложное слово всемогущаго Бога. Еслибъ онъ посмотрѣлъ на увяденіе плоти, и припомнилъ бы еще притомъ, что до него и примѣра подобнаго никогда не было (Св. Злат.), то не дивно, что изнемогла бы вѣра его, подобно тому какъ изнемогла вѣра св. Петра, когда онъ вмѣсто Господа, повелѣвавшаго вѣтрами и моремъ, взглянулъ на бушевавшую бурю и воздымавшіяся волны. Но какъ онъ при семъ смотрѣлъ только на единаго Бога, могущаго и изъ камней воздвигать чадъ, то не изнемогъ вѣрою, несмотря на то, что самъ уже былъ почти столѣтенъ, а Сарра не только была престарѣла, но и безплодна.

Ст. 20. *Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но вожможе вѣрою, давъ славу Богови.*

Апостолъ входитъ внутрь души Авраама и изображаетъ,

что тамъ происходило, когда онъ слушалъ обѣтованіе Божіе. Видѣлъ, что обѣщается нѣчто невозможное для его плоти, но на это онъ не смотрѣлъ и не позволилъ себѣ входить въ распоряженія Божіи съ критикою ума: какъ такъ? Это противъ законовъ естества.—Εἰς τὴν ἐπαγγελίαν,—при обѣтованіи въ то время, какъ Богъ изрекалъ обѣтованіе,—οὐ διεκρίθη,—не сталъ раздумывать, не пустилъ въ ходъ критику ума, чтобъ додуматься до естественной возможности обѣтованія, и прежде увѣрованія найти разумныя основанія тому, чему долженъ былъ повѣрить,—τῇ ἀπιστίᾳ,—невѣрованіемъ, или встрѣтивъ обѣтованіе невѣрованіемъ, какъ велитъ разумъ, внушая: не сразу вѣрь. Ничего такого не было у Авраама; онъ сразу повѣрилъ, какъ только услышалъ слово обѣтованія. „Богъ ничѣмъ не подтвердилъ Аврааму Своего обѣтованія, не совершилъ притомъ никакого чуда; напротивъ оное заключалось въ однихъ только словахъ, а природа не обѣщала возможности исполненія. Впрочемъ Авраамъ не сталъ недоумѣвать, говоритъ Апостолъ. Замѣть же, не сказалъ онъ: не впалъ въ невѣріе, но не сталъ недоумѣвать; т.-е. не усумнился, не поколебался мыслію, несмотря на столько затрудненій. Изъ сего мы должны заключить, что ежели Богъ обѣщаетъ тысячи невозможностей, и слышащій обѣщаніе не пріемлетъ онаго, то слабость вѣры проистекаетъ не отъ свойства вещей, а отъ скудоумія пріемлющаго обѣтованіе“ (Св. Злат.).

Но возможе вѣрою,—ἐνδυναμώθη.—Будто борьба была: силенъ былъ напоръ волнъ, но не сокрушилъ утеса; крѣпко гнулъ бурный вѣтеръ древо вѣры, но оно устояло; стремительно нападалъ противоборецъ, но борецъ вышелъ побѣдителемъ. Св. Златоустъ говоритъ: „И вѣра требуетъ не маловажнаго труда. Іудеи унижали вѣру, какъ нѣчто легкое и нетрудное. Апостолъ же сіе опровергаетъ и доказываетъ, что не только преуспѣвающему въ цѣло-

мудріи или другой какой либо добродѣтели, но и являющему вѣру, потребно много силъ. Ибо какъ первый имѣетъ нужду въ мужествѣ, дабы отрѣвать отъ себя нецѣломудренные помыслы, такъ и вѣрующему нужна душа мощная, дабы отражать внушенія невѣрія."

„Чѣмъ же укрѣплялся Авраамъ?—Тѣмъ, отвѣтствуетъ Апостолъ, что все предоставилъ вѣрѣ, а не разуму: въ противномъ случаѣ и онъ бы палъ. А какъ преуспѣлъ въ самой вѣрѣ? *Давъ славу Богу*, говоритъ Апостолъ" (Св. Злат.). Дать славу Богу—значитъ воздать достодолжное Богу, соотвѣтственно понятіямъ, какія имѣются о безпредѣльныхъ Его совершенствахъ. Богъ истиненъ, всевѣдущъ, всеблагъ, всемогущъ. Возставивъ и содержа въ умѣ сей свѣтлый ликъ божественныхъ совершенствъ, составляющихъ славу Бога вышняго, Авраамъ возмогъ вѣрою, мощнымъ оказался въ ней. Итакъ, когда говорится объ Авраамѣ, что онъ воздалъ славу Богу, то симъ означается, что онъ „уразумѣлъ Его правду, Его безконечное могущество и, составивъ себѣ надлежащее понятіе о Богѣ, совершенно чрезъ то увѣрился въ обѣтованіяхъ Божіихъ" (Св. Злат.). „Не посредствомъ человѣческихъ умозаключеній увѣровалъ, но помышляя въ себѣ достойное славы Божіей" (Бл. Θеоф.). Отсюда св. Златоустъ выводитъ: „Итакъ, не быть пытливымъ—значитъ славить Бога; а быть пытливымъ—значитъ грѣшить противъ Бога. Пытливые, какъ оскорбители славы Божіей, навлекаютъ на себя крайнее наказаніе".

Ст. 21. *И извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити.*

Извѣстенъ бывъ—πληροφορηθείς, – нося или держа убѣжденіе, убѣжденъ будучи. Непоколебимое убѣжденіе есть существо вѣры. „Апостолъ сказалъ не просто: повѣривъ, но—*извѣстенъ бывъ*. Ибо таковы убѣжденія вѣры; они гораздо яснѣе и сильнѣе доказательствъ разума; никакія про-

тивныя умствованія не могутъ поколебать вѣру. Кто вѣритъ доказательствамъ разума, тотъ можетъ и переувѣриться; а кто утверждается на вѣрѣ, тотъ заградилъ уже слухъ свой для внушеній, могущихъ ослабить вѣру“ (Св. Злат.).

Убѣжденіе и на волосъ не раздвояемое, убѣжденіе, столь же твердое, какъ убѣждены мы въ своемъ существованіи—первая черта вѣры; вторая, неразлучная съ нею, есть увѣренность въ Богѣ *яко, еже обѣща, силенъ есть сотворити*. Не догматовъ пріятіе—вѣра, но то, что должно осѣсть въ глубь сердца, какъ экстрактъ и итогъ всѣхъ догматовъ—увѣренность въ Богѣ. Малое подобіе сего есть увѣренность друзей одного въ другомъ. Какъ здѣсь вѣрятъ другъ другу, какъ себѣ, и каждый увѣренъ въ вѣрности другаго и готовности его сдѣлать для него все не только по силамъ, но и сверхъ силы,—увѣренъ такъ же, какъ въ себѣ: такъ и вѣрующій Богу увѣренъ въ Немъ, и сею увѣренностью покоится въ лонѣ Его всемогущей любви. Такая вѣра есть возвышеннѣйшій актъ духа и есть плодъ любви, или пріискренняго, живаго общенія съ Богомъ и исчезновенія въ Немъ сердцемъ. „Вѣровать, говоритъ св. Златоустъ, свойственно душѣ возвышенной и великой; а невѣріе служитъ признакомъ души неразумной и низкой. Невѣріе показываетъ умъ слабый, мелкій, скудный. И если кто вздумаетъ ставить намъ въ порокъ нашу вѣру, то мы наоборотъ укоримъ его въ невѣріи, какъ человѣка скудоумнаго, малодушнаго, малосмысленнаго, слабаго. Посему, не обращая вниманія на невѣрующихъ, будемъ подражать патріарху въ вѣрѣ, чтобъ тѣмъ прославить Бога, какъ онъ воздалъ славу Ему.“

По причинѣ сей-то высоты вѣры и сказано: *вѣрова... и вмѣнися*.

Ст. 22. *Тѣмже и вмѣнися ему въ правду*.

Не даромъ *вмѣнися*. И вѣра—подвигъ,—и подвигъ большій, чѣмъ дѣла; ибо обнимаетъ все естество чело-

вѣка, тогда какъ дѣла, не теряя цѣны, могутъ ограничиваться одною дѣятельною стороной. Вслѣдствіе сего „все свойственное дѣламъ, какъ-то: имѣть похвалу у Бога, требовать усилій и трудовъ, также славить Бога, — въ большей степени принадлежитъ вѣрѣ“ (Св. Злат.). Вѣрѣ оправданіе дается какъ награда. „Такъ многоцѣнна предъ Богомъ вѣра; ибо вѣритъ наперекоръ своему знанію, не сомнѣваясь, что Богъ можетъ сдѣлать и то, что по теченію дѣлъ тварныхъ совершиться не можетъ. Почему справедливо таковому присуждается воздаяніе отъ Бога, такъ какъ онъ больше вѣритъ Богу, Творцу своему, чѣмъ сколько постигаетъ умомъ своимъ. Что вѣра вѣруетъ тому, что помірски кажется невѣроятнымъ, въ этомъ слава вѣрующаго; и чѣмъ невозможнѣе то, чему вѣруется, тѣмъ досточестнѣе вѣрующій. Такое вѣрованіе могло бы названо быть неразумнымъ, еслибъ вѣруемое почиталось исполнимымъ безъ Бога“ (Амвр.). „Будемъ и мы прославлять Бога вѣрою, дабы въ награду за то и Онъ насъ прославилъ. Ибо сказалъ: *Азъ прославляющихъ Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30)“ (Св. Злат.).

Ст. 23. *Не писано же бысть за того единаго точію, яко вмѣнися ему: но и за ны....*

Изобразивъ со всѣхъ сторонъ вѣру Авраама, дѣлаетъ приложеніе къ вѣрующимъ во Христа Господа. Не для одного Авраама написано, что вмѣнилась ему въ правду, чтобъ только возвѣстить о вѣрѣ его и прославить его въ потомствѣ, но и для насъ. Событіе съ нимъ — есть пророчественное предъизображеніе того, что имѣло быть съ нами, и что теперь исполняется. Св. Златоустъ говоритъ: „Послѣ многаго, сказаннаго въ похвалу Аврааму о его вѣрѣ, праведности и чести у Бога, слушатель могъ возразить: что намъ изъ этого? Авраамъ одинъ оправдался. Посему Апостолъ опять равняетъ насъ съ патріархомъ. Такова сила духовныхъ глаголовъ! О томъ,

кто, бывъ язычникомъ, недавно присоединился къ церкви и ничего еще добраго не сдѣлалъ самъ, Апостолъ подтвердилъ, что онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка не только въ сравненіи съ вѣрующимъ Іудеемъ, но и въ сравненіи съ патріархомъ и даже къ удивленію имѣетъ предъ нимъ превосходство. Таково наше благородство, что вѣра патріарха была только образомъ нашей. И Апостолъ не сказалъ: ежели ему вмѣнилось, то вѣроятно вмѣнится и намъ. Это значило бы доказывать чрезъ умозаключеніе (строить предположенія умственныя): а онъ говоритъ (рѣшительно и законоположительно), какъ предлагающій Божественный законъ, и слова свои обращаетъ въ изреченіе Писанія. Для чего и писано, говоритъ онъ, если не для того, чтобы научить насъ, что и мы такъ же оправдываемся? Мы повѣрили томуже Богу и тѣмъже Его обѣтованіямъ, хотя мы и не одно лицо съ Авраамомъ."

Ст. 24. *Но и за ны, имже хощетъ вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего изъ мертвыхъ.*

Сказавъ, что бывшее по вѣрѣ съ Авраамомъ было прообразомъ того, что по вѣрѣ дѣйствуется въ насъ, Апостолъ подтверждаетъ это сравненіемъ вѣръ того и нашей. Авраамъ во что увѣровалъ?—Въ то, что Богъ, воскрешающій мертвыхъ и нарицающій не сущая, яко сущая, силенъ оживотворить мертвенность плоти его и Сарры, и дать имъ живой плодъ. А мы во что вѣруемъ?—И мы вѣруемъ въ тогоже Бога, воскресившаго Господа нашего Іисуса Христа отъ мертвыхъ. Авраамъ что получилъ за вѣру свою?—Вѣрова, и вмѣнися ему въ правду. Какъ же можешь ты сомнѣваться, что и намъ вѣрующимъ вмѣняется вѣра наша въ правду? Богъ сказалъ такъ объ Авраамѣ, чтобъ въ лицѣ его предсказать, что хотѣлъ сдѣлать съ нами, и что теперь дѣлаетъ,—

именно: кто вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, воскрешеннаго изъ мертвыхъ, тому вмѣняется вѣра его въ правду. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Патріархъ, видя мертвость ложеснъ супруги своей, повѣрилъ, что Богу нетрудно исполнить обѣтованіе; и мы, слыша, что Іудеи называютъ нашего Владыку мертвымъ, вѣруемъ, что Онъ воскресъ. Посему и мы познаемъ плодъ вѣры,—и пріобрѣтемъ возвращаемую вѣрою правду. Ибо не напрасно написано, что Владыка Богъ сотворилъсъ патріархомъ Авраамомъ, но чтобы и мы, взирая на это, показали равную Аврааму вѣру. Словами: *воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего,* Апостолъ сказалъ о человѣчествѣ: ибо чѣмъ пострадалъ, тѣмъ и воскресъ; страданіе же свойственно плоти, а не безстрастному Божеству.“

Ст. 25. *Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше.*

Сказанное предъ симъ представляетъ одно внѣшнее подобіе наше съ Авраамомъ. Но есть и внутреннее у насъ съ нимъ сходство. Увѣровалъ онъ въ Могущаго оживить мертвость плоти его,—и мертвость сія ожила и дала плодъ. И мы мертвы грѣхами нашими; но сочетаваемся съ Господомъ вѣрою,—и мертвость наша исчезаетъ, а на мѣсто ея водворяется жизнь истинная. Какъ сіе совершается? Вѣруемъ въ распятаго Господа, грѣхи наши на крестѣ пригвоздившаго и ранами Своими рукописаніе беззаконій нашихъ разодравшаго,—и получаемъ отпущеніе грѣховъ. Вѣруемъ въ Воскресшаго въ свѣтлости и живоносности богочеловѣческой жизни,—и причащаемся жизни Его, просвѣтляющей грѣшную мрачность нашу свѣтлостію правды и святыни. То и другое совершается во святой купели, гдѣ омываются грѣхи и даруется жизнь правая по образу воскресшаго Господа, чтобы послѣ сего и намъ ходить во обновленной жизни. Сіе и выразилъ Апостолъ, сказавъ: *иже преданъ бысть*

за прегрѣшенія наша и воста за оправданіе наше.—Преданъ на страданія и смерть, чтобъ уплатить наши долги грѣховные; а воскресъ за оправданіе наше, „чтобы сдѣлать насъ праведными“ (Св. Злат.). Эта праведность или святость засѣменяется пріобщеніемъ жизни воскресшаго Господа, а раскрывается въ силѣ дѣятельностію, соотвѣтствующею такому обновленію жизни. Что въ лицѣ Господа совершилось, то повторяется духовно и въ насъ. И мы должны сами рѣшимостію воли предать себя на смерть грѣху, чтобы востать къ праведной и святой жизни. Все сіе совершается вѣрою, которая, возносясь къ Богу и дары отъ Него пріемля, приноситъ и возлагаетъ на насъ соотвѣтственныя обязательства, въ водруженіе въ насъ и проявленіе всякой правды.

б).

Сокровища вѣры.

Вторымъ источникомъ убѣжденія къ принятію вѣры для Св. Павла служатъ духовныя сокровища вѣры во Христа Господа. Склоненіе наше идетъ за сердцемъ. Сердце же влечется къ благу. Укажи въ чемъ либо благо, и сердце уже будетъ на сторонѣ того. А гдѣ сердце, тамъ и воля. Сіе и дѣлаетъ теперь Апостолъ Павелъ, живописуя духовныя сокровища вѣры, 5. 1—11.

Гл. 5, 1. *Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ.*

Предъ симъ свою рѣчь о праведномъ Авраамѣ Апостолъ свелъ на то, что не его ради одного сказано о немъ—*вмѣнися ему вѣра въ правду*, но и насъ ради, вѣрующихъ въ Господа, умершаго за прегрѣшенія наши и воскресшаго за оправданіе наше, т. е. что и намъ вмѣнится въ правду сія вѣра.—Но вотъ мы вѣруемъ; слѣдовательно намъ вмѣнена уже вѣра въ правду, и мы оп-

равданы. Слава безпредѣльному милосердію Божію. Оправданы! Ибо если оправданы, то миръ имѣемъ къ Богу чрезъ Господа Іисуса, и то грозное опредѣленіе: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ*, не можетъ уже пасть на насъ. Гнѣвъ Божій, достойно и праведно угрозившій намъ, миновалъ; мы въ милости Божіей, примирены съ Нимъ Господомъ.—Это первое благо приносимое въ сердце вѣрою. Грѣшникъ, пришедшій въ сознаніе своей грѣховности предъ Богомъ, видитъ мечъ правды надъ главою, готовый поразить его. Съ указанія на это и рѣчь свою о дивномъ образѣ спасенія въ Господѣ началъ Св. Павелъ, говоря: вотъ-вотъ гнѣвъ Божій готовъ поразить грѣшниковъ. И не миновать его ни тѣмъ, кои внѣ закона, ни тѣмъ, кои въ законѣ. Но се милосердый Богъ устроилъ образъ спасенія смертію Сына Своего—всемощный и всеобъемлющій! Кто укроется подъ сѣнь Его, укроется отъ гнѣва Божія. Тому прощаются грѣхи, и онъ пріемлется въ миръ Божій. Сего блага сподобились мы, вѣрующіе въ Господа умершаго и воскресшаго. Слава Тебѣ, Господи! Миръ имамы къ Богу!—Разсмотрѣніе дѣла оправданія кончено,—будто кончена какая побѣда. Теперь обозрѣваетъ Апостолъ, что дала сія побѣда. Дѣлая сіе, онъ съ одной стороны не увѣровавшихъ еще приглашаетъ подъ сѣнь вѣры, говоря какъ бы: бросимъ упорство, всѣ поспѣшимъ къ примиренію съ Богомъ вѣрою въ Господа Спасителя;—съ другой, увѣровавшихъ убѣждаетъ пребыть въ дарованномъ мирѣ, говоря какъ бы: будемъ же ревновать о томъ, чтобы пребыть въ семъ мирѣ, живя въ духѣ вѣры. Наши толковники всѣ преимущественно ударяютъ на послѣднее; но Св. Златоустъ и за нимъ Экуменій слегка указываютъ и на первое. Вотъ слова бл. Ѳеодорита: „Показавъ силу вѣры и раскрывъ дары благодати, Апостолъ обращаетъ рѣчь къ увѣща-

нію, убѣждая заботиться о дѣятельной добродѣтели. Хотя вѣра даровала намъ отпущеніе грѣховъ и банею пакибытія содѣлала непорочными и праведными, однакоже надлежитъ вамъ хранить установившійся миръ съ Богомъ. Ибо Единородный, вочеловѣчившись, примирилъ васъ, бывшихъ во враждѣ, съ Богомъ. Непріязненность сію произвелъ грѣхъ, а установившійся миръ хранитъ правда.“

Вотъ слова Св. Златоуста: „Что значитъ: *миръ имамы?* Нѣкоторые объясняютъ, что не должно возставать противъ благодати, упорно поддерживая законъ. Но мнѣ кажется, что Апостолъ даетъ намъ наставленіе, какъ должны мы вести себя. Поелику выше послѣ многихъ разсужденій о вѣрѣ и объ оправданіи посредствомъ дѣлъ, предпочелъ онъ вѣру, а иной могъ бы такое ученіе взять для себя въ поводъ къ безпечности; то говоритъ: *миръ имамы* (да имѣемъ), т.-е. не будемъ впредь грѣшить и возвращаться на прежнее; потому что сіе значило бы враждовать противъ Бога. Спросишь: какъ возможно дойти до того, чтобы больше не грѣшить? А я спрашиваю: какъ было возможно освободиться, искупленными быть отъ грѣховъ? Ежели мы, будучи столько виновны, отъ всѣхъ грѣховъ освобождены (искуплены) Христомъ, то тѣмъ легче съ Его помощію остаться намъ въ томъ положеніи, въ какое приведены Имъ. Иное дѣло получить миръ, котораго не было, и иное—сохранить уже дарованный; пріобрѣтать всегда труднѣе, нежели сохранять. Между тѣмъ труднѣйшее содѣлалось уже легкимъ и приведено въ исполненіе. Слѣдовательно безъ труда успѣемъ въ удобнѣйшемъ, если прилѣпимся къ Тому, Кто совершилъ для насъ труднѣйшее. Думаю также, что Апостолъ и на ту мысль наводитъ здѣсь, что не только успѣхъ въ семъ (храненіи мира) удобенъ, но и что самое дѣло храненія необходимо съ нашей стороны (нравственною необходимостію, обязательно). Ибо ежели Христосъ

примирилъ насъ, когда мы были врагами, то съ нашей стороны необходимо пребывать примиренными и тѣмъ воздать за Его благодѣянія; а иначе вышло бы, что Онъ примирилъ съ Отцемъ жестокосердыхъ и неблагодарныхъ."

Ст. 2. *Имже и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ, и хвалимся упованіемъ славы Божія.*

Приведеніе,—προσαγωγὴ,—означаетъ и доступъ. Но доступъ означаетъ только возможность свободнаго приступанія, а приведеніе—не только сію возможность, но и самое приступаніе. Кажется, послѣднее значеніе здѣсь умѣстнѣе. Господь Спаситель не только доступъ открылъ всѣмъ къ Богу, но беретъ всякаго какъбы за руку и приводитъ къ Нему. Здѣсь таже мысль, какая и въ словахъ самого Господа: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною.* Апостолъ указываетъ на себя и всѣхъ вѣрующихъ, объясняя, какъ сподобились они благодати спасенія. Всѣхъ привлекъ Господь, пославъ Апостоловъ съ проповѣдью и пособствуя имъ въ обращеніи къ вѣрѣ. Съ нашей стороны требуется только согласіе, выражаемое *вѣрою.* Господь, открывъ всѣмъ доступъ къ Богу, ко всякому чрезъ проповѣдь протягиваетъ Свою руку, чтобъ весть его къ Нему. Мы вѣрою влагаемъ свою руку въ Его руку и приводимся Имъ къ Богу.—*Во благодать сію,*—обнимаетъ все домостроительство въ Господѣ,—всѣ духовныя блага, даруемыя вѣрою: боговѣдѣніе, облагодатствованіе въ таинствахъ, силы на всякое добро, особый Божій покровъ, общеніе съ Богомъ и всѣми небесными силами.—*Въ нейже стоимъ,* указываетъ на то, что всякій испытывалъ. Благодать сія—не слова одни, а то, что уже имѣется. Всякій узналъ, чѣмъ былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь въ духѣ. Смотри, говоритъ, сколь сіе высоко, и прославляй даровавшаго то Госпо-

да.—*Стоимъ* указываетъ на то, что имѣется уже по благодати, а—*хвалимся упованіемъ славы Божія,*—указываетъ на блага, обѣтованныя въ будущемъ вѣкѣ. Все дѣло наше въ слѣдующемъ: увѣровалъ и принялъ благодатныя силы въ таинствахъ. Живи теперь съ помощію Божіею въ духѣ вѣры, и несомнѣнно причастникомъ будешь вѣчной славы Божіей въ будущемъ вѣкѣ. Несомнѣнно, почему и сказалъ: *хвалимся*; какъбы то, что обѣтовано и что чается, уже имѣлось самымъ дѣломъ. Въ семъ существо христіанскаго упованія!—Такова мысль сего текста. Приводимъ слова Св. Златоуста, который не мысль только указываетъ, но дѣлаетъ при семъ и разныя наведенія. „Итакъ, ежели Христосъ доставилъ намъ доступъ къ Богу, когда мы были отъ Него далеко, то тѣмъ скорѣе удержитъ, когда сдѣлались близкими. Но ты не оставляй безъ вниманія, что Апостолъ, когда говоритъ о благодѣяніяхъ Христовыхъ, всегда присовокупляетъ и то, что требуется съ нашей стороны. Но благодѣянія Христовы многочисленны и различны. Христосъ умеръ за насъ, примирилъ насъ, доставилъ намъ доступъ къ Богу, даровалъ неизреченную благодать; а мы съ своей стороны приносимъ одну вѣру. Посему Павелъ говоритъ: *вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ.* Какую благодать, скажи мнѣ? Благодать, по которой мы удостоились вѣдѣнія о Богѣ, освободились отъ заблужденія, познали истину и получили всѣ блага, даруемыя чрезъ крещеніе. Ибо Христосъ для того и привелъ насъ ко крещенію, чтобы мы получили дары сіи, т.-е., не одно отпущеніе грѣховъ, не одно примиреніе, но и безчисленныя почести. Даже и тѣмъ не ограничился Онъ, но обѣщалъ новыя несказанныя блага, превышающія разумъ. Посему Апостолъ означилъ тѣ и другіе дары, и словомъ *благодать*—изобразилъ дары настоящіе, которые мы получили; а въ словахъ: *и хвалимся упованіемъ*

славы Божіей, открылъ намъ всѣ будущіе дары.—Такова благодать Божія! Она не имѣетъ конца и предѣловъ, и,—что невозможно почеловѣчески,—она непрестанно простирается на будущее. У людей случается, что иной достигъ начальства, славы, владычества, но не сохраняетъ сего надолго, а вскорѣ теряетъ. И если не похищаетъ того человѣкъ, то придетъ смерть и непремѣнно похититъ. Не таковы дары Божіи! Ни человѣкъ, ни время, ни обстоятельства, ни самъ діаволъ, ни постигшая смерть, не могутъ исторгнуть у насъ оныхъ. Напротивъ, когда умремъ, будемъ обладать ими безъ всякой утраты; хотя будемъ пользоваться ими, но дары будутъ умножаться. И если ты не увѣренъ въ будущихъ благахъ, то увѣрься въ оныхъ по настоящимъ, которыя уже получилъ. И дабы ты зналъ, какое сердце долженъ имѣть вѣрующій, Апостолъ сказалъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божіей.* Ему надобно быть не только несомнѣнно увѣреннымъ въ дарованныхъ ему благахъ, но и будущія почитать, какъ бы уже дарованными. Ибо хвалиться можно тѣмъ, что уже имѣешь въ рукахъ. Поелику же надежда на будущія блага столь же тверда и несомнѣнна, какъ и надежда на дарованныя блага, то Апостолъ говоритъ, что мы хвалимся такъ же и надеждою на будущее. По сей увѣренности въ будущихъ благахъ Апостолъ назвалъ оныя *славою.* Если блага служатъ къ славѣ Божіей, то непремѣнно выполнятся, ежели не для насъ, то для Бога.“

Стт. З. 4. *Не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ: терпѣніе же искусство, искусство же упованіе.*

„И что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, что мы можемъ хвалиться будущими благами? Даже настоящія бѣдствія таковы, что служатъ къ нашей славѣ и мы можемъ ими превозноситься“ (Св. Злат.). Какъ будто Апостолъ слышалъ возраженіе: будущее, говоришь,

свѣтло. Пусть оно свѣтло, но настоящее очень скорбно: насъ лишаютъ имѣнія, чести, крова, насъ гонятъ, бьютъ и убиваютъ. Эти настоящія скорби не сильны ли колебать и совсѣмъ погашать упованіе будущей славы?— Нѣтъ, отвѣчаетъ Апостолъ,—и скорби эти туда же ведутъ,—къ укрѣпленію и возвышенію упованія. Почему мы и ими можемъ хвалиться, какъ и упованіемъ будущаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Итакъ разсуди, каковы будущія блага, когда величаемся и тѣмъ, что повидимому для насъ горестно. Таковъ даръ Божій; въ немъ нѣтъ ничего горестнаго! Въ дѣлахъ мірскихъ подвиги сопровождаются трудомъ, болѣзнями, утомленіемъ, а удовольствіемъ питаютъ одни вѣнцы и награды; напротивъ здѣсь самая борьба доставляетъ удовольствіе не меньше, чѣмъ и награда. И какъ во времена Апостольскія искушенія были многочисленны, а царства только надѣялись, напасти были подъ руками, а блага въ ожиданіи, и все сіе лишало бодрости слабѣйшихъ; то Павелъ, сказавъ, что должно хвалиться скорбями, указываетъ имъ награды, получаемыя еще прежде небесныхъ вѣнцевъ. Впрочемъ не сказалъ: вы должны хвалиться, но поощряя къ подраженію собственнымъ примѣромъ, говоритъ: мы хвалимся. Поелику же представлялось страннымъ и необыкновеннымъ, чтобы человѣкъ борющійся съ голодомъ, находящійся въ узахъ, терпящій пытки, оскорбленія, поношенія, долженъ былъ всѣмъ тѣмъ хвалиться; Апостолъ приводитъ на сіе доказательство и, что еще важнѣе, утверждаетъ, что настоящія скорби не только по причинѣ будущихъ благъ, но даже сами по себѣ достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себѣ суть благо.—Замѣть, какъ Павелъ даетъ рѣчи своей совершенно другой оборотъ неожиданный. Поелику скорби всего чаще заставляли христіанъ отрекаться отъ будущихъ благъ и ввергали въ отчаяніе, то онъ утверж-

даетъ, что чрезъ скорби надлежитъ болѣе увѣряться въ будущемъ, а не отчаяваться. — Скорби не только не истребляютъ сей надежды, но еще подкрѣпляютъ оную."

Въ доказательство сей истины Апостолъ могъ бы прямо сказать: *ибо многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 21). Слѣдовательно скорбь за вѣру и жизнь по вѣрѣ есть знакъ, что мы прямо идемъ къ царству славы. Спаситель уже и ублажаетъ таковыхъ: *блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. 5, 40). Почему скорбящіе въ этомъ смыслѣ суть какъбы обладающіе царствомъ небеснымъ, или славою Божіею, и смѣло могутъ хвалиться въ скорбяхъ. Но Св. Павелъ входитъ въ глубь души страждущаго за вѣру и изображаетъ цѣпь нравственно добрыхъ расположеній, какими она подъ скорбію восходитъ до непосрамляющаго упованія. *Вѣдяще,* говоритъ, *яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ.* Это первое звено съ сей цѣпи.

„Скорбь до полученія будущихъ благъ приноситъ уже важный плодъ—терпѣливость" (Св. Злат.). Скорбь даетъ поводъ и случай къ терпѣнію, и не только проявляетъ его, но даетъ ему стойкость и твердость, закаляетъ, дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть. Терпѣніе имѣетъ двѣ стороны: будучи обращено внутрь, оно есть постоянство въ добрѣ,—и въ семъ отношеніи не условливается ничѣмъ внѣшнимъ, а есть нераздѣльная и всегдашняя черта добраго настроенія. Будучи же обращено ко-внѣ, оно есть сносливость, перенесеніе всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ на добромъ пути, или при исполненіи созрѣвающихъ внутри добрыхъ начинаній. Эта черта терпѣнія не можетъ проявиться, если не будетъ скорбей. Не будь скорбей, не видна будетъ сносливость и слѣдовательно терпѣніе.—Но очевидно, что сія черта терпѣнія—сносливость неотложно предполагаетъ присущіе первой черты,—постоянства въ добрѣ, или вѣрности

тому внутреннему строю, который созидается въ сердцѣ подъ дѣйствіемъ вѣры, примиряющей душу съ Богомъ и дающей ей ощутить возсоединеніе съ Богомъ, Котораго она всегда жаждетъ и ищетъ. Существо сего строя есть слѣдующее: хоть умереть, но не отступать ни въ чемъ отъ познанія воли Божіей.

Второе звено сей цѣпи есть: *терпѣніе же искусство*,—дополни, содѣлываетъ.—Искусство, δοκιμή,—искусъ, испытаніе чего дѣломъ, вкушеніе. Когда кто посредствомъ вкушенія познаетъ качество пищи, то это есть δοκιμή—искусъ. Итакъ мысль Апостола такова: терпѣніе даетъ испытать или самымъ дѣломъ вкусить доброкачественность. Чего же? — Того, на что рѣшилась душа подъ вліяніемъ вѣры, а она рѣшилась неотступно жить въ духѣ вѣры. Слѣдовательно терпѣніе даетъ вкусить доброкачественность жизни по вѣрѣ, вкусить, какъ она сладостна, успокоительна, отрадна, блаженна, несмотря на внѣшнія притрудности и прискорбности. Какъ же оно даетъ это вкусить?—Такъ, что удерживаетъ вѣрующаго на пути, на который онъ вступилъ вѣрою. Не будь этого удержанія, а будь то, чтобъ вѣрующій при всякомъ натискѣ совнѣ соступалъ бы съ пути вѣры, — не имѣлъ бы онъ возможности испытать дѣломъ и вкусить, коль сладка и блаженна жизнь въ духѣ вѣры. Терпѣніе, удерживая его въ путяхъ вѣры, даетъ ему вкусить сіе, содѣлываетъ въ немъ искусство. Этотъ искусъ обнимаетъ какъ всю жизнь вообще, такъ и въ частности, всякую сторону ея и даже всякое дѣяніе въ духѣ вѣры,—доставляетъ то, что въ другомъ мѣстѣ Апостолъ опредѣлилъ имѣніемъ чувствъ, обученныхъ на всякое добро.

Искусство же упованіе, — дополни: содѣлываетъ. Это третье звено цѣпи.—Зная, что есть искусство, не удивимся, какъ оно содѣлываетъ упованіе. Ибо это означаетъ: опытное сердцемъ вкушеніе, коль сладостна и

успокоительна жизнь въ духѣ вѣры, возгрѣваетъ и укореняетъ упованіе. Какъ это?—Посредствомъ слѣдующаго наведенія, не умомъ, а сердцемъ совершаемаго: если здѣсь, при всей внѣшней прискорбности, жизнь эта доставляетъ такое успокоеніе и такую блаженную сладость, то тамъ все сіе будетъ въ неизреченно высшей степени. Ничто не можетъ поколебать меня въ сей надеждѣ. Богъ, давшій мнѣ вкусить эту сладость здѣсь. ужели лишитъ меня оной тамъ? Быть сего не можетъ. Какъ вѣрно то, что я испытываю, такъ несомнѣнна надежда моя.—Изъ такого разсмотрѣнія дѣла само-собою очевидно, что скорби чрезъ терпѣніе и искусство приводятъ къ несомнѣнной надеждѣ подъ слѣдующими двумя условіями: вѣрности вѣрѣ или доброй совѣсти, и увѣренности въ Богѣ. То и другое Св. Златоустъ выражаетъ такъ: „ничто не ведетъ столько къ благой надеждѣ, какъ добрая совѣсть. Ни одинъ человѣкъ, живущій честно, не теряетъ увѣренности въ будущее; а нерадивый, будучи угнетаемъ лукавою совѣстію, не желаетъ ни суда, ни воздаянія. Мы утверждаемся на надеждѣ, но не на надеждѣ на людей, которая часто разрушается и пристыждаетъ надѣявшагося, когда обнадеживший покровительствомъ или умираетъ, или хоть и живъ, но перемѣняетъ расположеніе. Не такова наша надежда; она тверда и непоколебима. Давшій намъ обѣтованія всегда живъ, а мы, имѣющіе воспользоваться оными, хотя умремъ, но воскреснемъ, такъ что мы нимало не будемъ посрамлены, какъ напрасно и безразсудно утѣшавшіе себя слабыми надеждами.“

Ст. 5. *Упованіе же не посрамитъ, яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ.*

Здѣсь Апостолъ дѣлаетъ выводъ изъ предыдущаго, говоря: *упованіе же не посрамитъ.* И этимъ возвращаетъ свою рѣчь опять къ тому, съ чего началъ. на-

мѣреваясь изображать цѣпь доводящихъ до упованія добрыхъ расположеній въ сердцѣ вѣрующаго: *хвалимся упованіемъ славы.—Хвалимся упованіемъ славы*, ибо оно не посрамитъ. И скорби, которыя терпимъ, не только не погашаютъ его, напротивъ усиливаютъ и возвышаютъ до несомнѣнной непоколебимости.

Изъ двухъ опоръ непосрамляющаго упованія,—доброй совѣсти и увѣренности въ Богѣ,—первая изображена предъ симъ полнѣе, на вторую же сдѣланъ только намекъ Теперь Апостолъ дополняетъ изображеніе сей послѣдней, говоря: *яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ*. Духъ Святый подается всякому вѣрующему. Привходя въ него, Онъ приноситъ съ Собою, возгрѣваетъ и даетъ ощутить сердцу его любовь Божію, любовь Бога къ намъ и любовь нашу къ Богу, изъ которыхъ та и другая держатъ упованіе на степени непосрамляющей увѣренности. Ощутившій теплоту любви Бога къ себѣ не можетъ допустить никакого сомнѣнія въ томъ, что Богъ, согрѣвающій его Своею любовію, сдѣлаетъ для него все, по Его же обѣтованію, ожидаемое отъ Него. Равно теплую любовь къ Богу питающій не можетъ допустить сомнѣнія, что любимый имъ Богъ откажетъ ему въ чемъ-либо. И это, еслибъ даже не было обѣтованій отъ лица Божія, тѣмъ паче при обѣтованіяхъ. Ибо такова природа любви, что не допускаетъ никакого колебанія увѣренности въ любимомъ и любящемъ относительно любимаго и любящаго. Такъ это бываетъ между людьми любящими себя взаимно. Не можетъ быть сіе иначе и въ тѣхъ, въ коихъ утверждается живое въ любви общеніе съ Богомъ.

Св. Златоустъ, а за нимъ и другіе наши толковники, подъ изліяніемъ любви Духомъ. даннымъ намъ, разумѣютъ показаніе Богомъ любви къ намъ чрезъ дарованіе намъ Св. Духа. Дарованіе Духа есть залогъ дарованія

и будущихъ благъ. Если Онъ Духа Своего далъ, можно ли сомнѣваться, что подастъ и прочія обѣтованныя блага?—„Въ будущихъ благахъ удостовѣряетъ Онъ благами уже дарованными. Могло имѣть мѣсто возраженіе: а если Богу не угодно будетъ оказать намъ такія благодѣянія? Ибо хотя всѣ знаемъ, что Онъ всемогущъ, вѣченъ и живъ: но откуда извѣстно, что Онъ желаетъ нашего блаженства?—Апостолъ отвѣтствуетъ: это видно изъ благъ, намъ уже данныхъ. Какія же это блага?—Любовь, которую Богъ доказалъ намъ. Спросишь еще: какимъ дѣйствіемъ доказалъ оную? Дарованіемъ Св. Духа.—Богъ даровалъ намъ самое величайшее благо,—даровалъ не небо, не землю, не море, но что драгоцѣннѣе всего этого. Какой же это даръ?—Духъ Святый. Еслибы Богу не угодно было даровать намъ величественныхъ вѣнцевъ послѣ нашихъ трудовъ, то не далъ бы такого блага еще не трудившимся. Теперь же горячность любви Его открывается изъ того, что не по немногу и не по частямъ даетъ намъ дары, но вдругъ излилъ весь источникъ благъ, и притомъ прежде нашихъ подвиговъ. Посему хотя ты и не очень достоинъ, не отчаевайся; ты имѣешь великаго ходатая—въ любви Самого Судіи. По сейто причинѣ и Апостолъ, говоря: *упованіе не посрамитъ*, имѣлъ въ основаніи не наши заслуги, но любовь Божію.“

Ст. 6. *Еще бо Христосъ сущимъ намъ немощнымъ, по времени за нечестивыхъ умре.*

Будто начался особый поворотъ мысли. Но, присмотрѣвшись, нельзя не увидѣть, что Апостолъ и здѣсь и далѣе (до ст. 11) занятъ все тѣмъже,—укрѣпленіемъ упованія славы. Мы оправданы, примирены, состоимъ въ благодати, но все это только начатки. Главное у насъ—упованіе славы, непоколебимое при всѣхъ непріятностяхъ по поводу вѣры нашей. Эту непоколебимость упованія и хочетъ наипаче утвердить въ сердцахъ св. Апо-

столъ. Уже онъ утверждалъ ее искусомъ или испытаніемъ, сколь благъ путь вѣры, и увѣренностію въ Богѣ, подаемою изліяніемъ любви въ сердца вѣрующихъ чрезъ Духа Святаго. Но какъ сіи оба подтвержденія держатся на внутреннемъ чувствѣ, свидѣтельство котораго не у всѣхъ бываетъ живо сознаваемо, то Апостолъ спѣшитъ утвердить непоколебимость упованія и другимъ еще способомъ, именно—изложеніемъ того, какъ мы оправданы.

Надо замѣтить, что Апостолъ не теряетъ изъ виду главной нити своего разсужденія, начатой указаніемъ: вотъ-вотъ гнѣвъ Божій на содержащихъ истину въ неправдѣ. Ведя эту нить, онъ дошелъ до увѣренія, что этотъ гнѣвъ отвращенъ смертію Сына Божія воплотившагося, и что мы, вѣрующіе, укрывшись подъ сѣнь Креста, не только не должны страшиться сего гнѣва, а напротивъ должны хвалиться упованіемъ славы. Подтвердивъ и это послѣднее указанными предъ симъ свидѣтельствами, онъ говоритъ какъбы теперь: еще ли страшитъ тебя кара гнѣва? Еще ли колеблешься въ упованіи славы? Разсмотри, какъ все было и самъ увидишь, какъ неосновательнъ твой страхъ и твое колебаніе въ упованіи. Мы были нечестивы, грѣшны, враги Богу, и Христосъ за насъ умеръ, чтобъ оправдать насъ и отвратить гнѣвъ Божій. Неужели же не видишь, что теперь, когда мы оправданы уже, тѣмъ паче спасемся Имъ отъ гнѣва? И опять, если смерть Его оправдала и примирила насъ, то не множае ли паче спасетъ насъ животъ Его?

Таковъ смыслъ и такова связь съ предыдущимъ этого небольшаго отдѣленія, ст. 6—11.—Не новое что предлагается, а таже истина о смерти и воскресеніи Господа во спасеніе указывается, какъ основа неложности упованія.

Еще бо сущимъ намъ немощнымъ..., когда были мы

еще немощны, разумѣется нравственно; потому что одолѣваемы были грѣхомъ и высвободиться отъ власти его силъ не имѣли: тоже, что вслѣдъ за симъ—*нечестивы* и еще ниже *грѣшны*.—Подъ *намъ* Апостолъ разумѣетъ весь родъ человѣческій. А что мы были немощны, грѣшны и нечестивы, это не требовало доказательствъ и поясненій послѣ того, что сказано въ первыхъ главахъ сего посланія о нравственномъ состояніи язычниковъ и Іудеевъ, составлявшихъ весь родъ нашъ. — „Слово: *по времени* значитъ въ приличное и предопредѣленное время; ибо Господь умеръ тогда, какъ пришло приличное время" (Θеоф.). Частица *бо*—ибо,—ставитъ сіе изреченіе въ связь съ предыдущимъ, изъясняя, въ чемъ состояло особенное показаніе любви, не могущей допустить упованія до посрамленія. Какъбы такъ: „помыслимъ о томъ, что, когда мы были еще беззаконны и одержимы болѣзнію нечестія, Владыка Христосъ пріялъ за насъ смерть,— и познаемъ изъ сего бездну человѣколюбія" (Θеод.). Это впрочемъ говорится въ придатокъ къ тому показанію любви, которое представляется дарованіемъ Духа. „Сказавъ, что любовь Божія оказывается излитою въ насъ чрезъ Духа, Котораго мы имѣемъ въ себѣ, какъ даръ отъ Бога, показываетъ еще и величіе этой любви— изъ того, что Христосъ умеръ за насъ немощныхъ, т.-е., грѣшниковъ (ибо грѣхъ есть немощь, а правда здравіе), и не только за грѣшниковъ, но, что еще хуже, за нечестивыхъ" (Θеоф.).

Ст. 7. *Едва бо за праведника кто умретъ; за благаго бо негли кто и дерзнетъ умрети.*

Сколь великая бездна человѣколюбія явлена тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ грѣшныхъ и нечестивыхъ, это объясняетъ Апостолъ тѣмъ, что бываетъ между нами. Между нами, говоритъ, бываетъ такъ, что и за праведника едва ли кто захочетъ умереть, а Христосъ умеръ за

грѣшниковъ. Дивись любви Божіей!—Слова: *за благаго бо* и проч.—представляютъ будто оговорку: я говорю—за праведника; ибо за благаго, можетъ-быть, и рѣшится кто умереть. За благаго, т.-е., благодѣтеля своего. Я не утверждаю, что изъ людей никто уже за другаго не умираетъ; бываетъ и между ними, что иной порывается умереть, напримѣръ, за своего благодѣтеля. Словомъ,—*негли*,—можетъ-быть, показываетъ, что и это бываетъ рѣдко. Праведный привлекаетъ уваженіе, благій или благодѣтель вызываетъ признательность, готовую на соотвѣтственныя жертвы. Меньше воздается праведному, потому что хотя онъ и вызываетъ уваженіе, но остается чуждъ намъ, стоитъ внѣ насъ, вдали. А благодѣтель въ живой состоитъ съ нами связи. Сердце за него стоитъ, и носитъ готовность сдѣлать все для него При всемъ томъ умереть за него согласится развѣ кто-кто, а за праведника едва ли и кто.—Суди теперь, коль велика любовь къ намъ Божія, когда Христосъ умеръ за насъ, не праведниковъ, а грѣшниковъ,—не благихъ, а враговъ?

Ст. 8. *Составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре.*

„Слова сіи значатъ: ежели не скоро кто согласится умереть и за добродѣтельнаго человѣка, то представь любовь Своего Господа, когда Его Самого видишь распинаемымъ не за добродѣтельныхъ, но за грѣшниковъ и враговъ“ (Св. Злат.). „Преизбытокъ любви Своей являетъ Богъ въ томъ, что смерть Христова совершилась не за праведныхъ, но за грѣшныхъ. Ибо нынѣ оправданы мы вѣрою въ Него; а когда подъялъ Онъ за насъ смерть, тогда обременяли еще насъ всякаго рода прегрѣшенія“ (бл. Ѳеод.).

Христосъ за насъ умеръ, а любовь чрезъ это являетъ къ намъ Богъ. Ибо Христосъ Господь есть едино съ Богомъ Отцемъ, и умеръ по волѣ Тріипостаснаго Бога.

Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Ін. 3, 16). Почему теперь *всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный* (Ін. 6, 40).

Ст. 9. *Много паче оправдани бывше нынѣ кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва.*

Остановись теперь мыслію на сей истинѣ, что Христосъ умеръ за насъ грѣшныхъ, и смотри, какое отсюда вытекаетъ для насъ утѣшеніе чрезъ подтвержденіе надежды нашей. Христосъ Господь умеръ за насъ грѣшныхъ, чтобъ мы могли вѣрою въ Него стяжевать себѣ оправданіе и избавленіе отъ гнѣва грядущаго, т.-е. праведнаго суда Божія и осужденія насъ на вѣчныя муки. Вотъ мы приступили къ Нему, омылись кровію Его. — оправдались и отвратили отъ себя праведный гнѣвъ Божій. Если, будучи грѣшными, мы сподобились сего, не тѣмъ ли паче должна быть крѣпка и непоколебима наша увѣренность въ томъ, что спасемся отъ гнѣва, когда мы нынѣ оправданы и стоимъ въ семъ оправданіи. Колебаніе въ семъ есть разореніе вѣры, невѣдѣніе цѣны крови Христовой и того, что чрезъ нее изливается на вѣрующаго. Когда Онъ умеръ по любви и смертію оправдалъ насъ, тѣмъ паче теперь спасетъ отъ гнѣва насъ, которыхъ уже оправдалъ. Даровалъ намъ большее—оправданіе: какъ не спасетъ отъ гнѣва? А спасеннымъ отъ гнѣва даруетъ и блага по великой любви Своей (Θеоф.). „Очевидно, что за злочестивыхъ и беззаконныхъ подъявъ такую позорную смерть, увѣровавшихъ въ Него освободитъ и отъ будущаго мученія. Ибо гнѣвомъ Апостолъ называетъ будущее мученіе“ (Θеод.).

Ст. 10. *Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся въ животѣ Его.*

„Въ словахъ сихъ съ перваго взгляда примѣчается тождесловіе (съ прежними), котораго однакоже нѣтъ“ (Св. Злат.). Выводъ и здѣсь и тамъ одинъ: *спасемся;* но сопоставленія, изъ которыхъ дѣлается выводъ, различаются. Одно и тоже дѣло милосердія Божія, спасающаго насъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, созерцается съ разныхъ сторонъ. Тамъ сопоставлялась преимущественно наша грѣшность съ смертію Единороднаго Сына Божія; а здѣсь сопоставляется оправданіе съ животомъ Его, т.-е., воскресеніемъ и сѣдѣніемъ одесную Отца. Умерши, Онъ оправдалъ насъ грѣшныхъ; чего не даруетъ Онъ, живъ будучи, т.-е., воскресши и сѣдя одесную Отца и имѣя всякую власть на небеси и на земли?—Бл. Θеофилактъ перифразируетъ это мѣсто такъ: „Повидимому говорится здѣсь тоже, но сопоставленія для вывода различны. Выше полагаетъ нашу грѣшность и потомъ, прилагая, что мы оправданы, чрезъ сопоставленіе такое заключаетъ: Кто оправдалъ насъ грѣшниковъ Своею смертію, тотъ тѣмъ паче спасетъ оправданныхъ. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять умозаключаетъ чрезъ сопоставленіе: когда мы примирены кровію и смертію Господа, то какъ теперь не спасемся въ Его жизни? Ибо Кто не пощадилъ Сына Своего, но далъ Его на смерть для нашего примиренія, Тотъ не тѣмъ ли паче теперь спасетъ насъ Его жизнію?“—Св. Златоустъ дѣлаетъ отсюда такія наведенія: „Итакъ, смотри! Апостолъ хочетъ, чтобъ Римляне увѣрились въ будущихъ благахъ. (И послѣ многихъ убѣжденій наипаче воодушевляетъ къ упованію смертію Сына Божія и воскресеніемъ). И то было бы уже весьма сильнымъ доказательствомъ, что Христосъ умеръ за насъ, нимало того не заслужившихъ. Когда же умершій оказывается подателемъ даровъ (ибо живъ бывъ сѣдитъ одесную Отца и увѣряетъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ), и да-

ровъ весьма великихъ, то такое благодѣяніе превосходитъ всякую мѣру и ведетъ къ вѣрѣ самаго безчувственнаго. Спасетъ насъ не иной Кто, а Тотъ, Кто насъ, бывшихъ еще грѣшниками, возлюбилъ до того, что Самъ Себя предалъ за насъ. Видишь ли, какъ сильно здѣсь Апостолъ убѣждаетъ насъ надѣяться на будущее? Доселѣ два было затрудненія къ нашему спасенію: то, что мы были грѣшники, и то, что надлежало спастися смертію Владыки. Но послѣднее, пока не совершилось, было невѣроятно и не могло иначе совершиться, какъ по безмѣрной любви. Нынѣ же совершено сіе на самомъ дѣлѣ, а потому и прочее стало гораздо легче. Мы содѣлались друзьями, и Господу умирать уже не нужно. Кто до того щадилъ враговъ, что не пощадилъ за нихъ Сына, Тотъ ужели не спасетъ содѣлавшихся друзьями, и когда нѣтъ уже нужды Ему предавать Сына? Иной не спасаетъ потому, что не хочетъ, а иной потому, что не можетъ, хотя бы и желалъ.— Ни того, ни другаго нельзя сказать о Богѣ, послѣ того, какъ Онъ отдалъ Сына. А что Богъ можетъ спасти, Апостолъ и это доказалъ тѣмъ, что Богъ оправдалъ насъ, бывшихъ грѣшниками. Итакъ, какое остается препятствіе получить намъ будущія блага? — Никакого.“

Ст. 11. *Не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Іисусѣ Христомъ, Имже нынѣ примиреніе пріяхомъ.*

Не точію, — не только получимъ то, о чемъ предъ симъ сказано,—*примирившеся спасемся*,—но получимъ то, хваляся при томъ о Богѣ, — ἀλλὰ καὶ καυχώμενοι. *Не точію*—указываетъ на то, что послѣ него имѣетъ быть сказано нѣчто большее и высшее. Въ настоящемъ отдѣленіи,—5, 1—11,—Апостолъ перечисляетъ сокровища вѣры. Указалъ уже на призваніе, оправданіе, примиреніе, изліяніе Духа и любви Духомъ, упованіе славы. Те-

перь говоритъ: не только все это есть часть наша, но при этомъ мы еще хвалимся о Богѣ. Хваленіе о Богѣ посему есть верхъ сокровищъ вѣры,—такое благо, выше котораго ничего и быть не можетъ. Что же значитъ хваленіе о Богѣ?

Объяснимъ это чрезъ сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ между нами, что разумѣется, когда иной хвалится кѣмъ-либо. Хваляся кѣмъ-либо, хвалимся близостію къ нему, тѣмъ, что вхожи къ нему, имъ любимы и увѣрены въ его крѣпкомъ благорасположеніи, готовомъ все для насъ сдѣлать и всѣмъ насъ снабдить. Обычно говоримъ въ такомъ случаѣ: у меня вотъ кто другъ и покровитель; никого и ничего не боюсь; я за нимъ, какъ за горою; стоитъ мнѣ слово сказать — и все будетъ. - Примѣнительно къ этому и хвалиться о Богѣ или Богомъ—значитъ хвалиться близостію къ Нему и тѣснымъ съ Нимъ общеніемъ,—тѣмъ, что Онъ нашъ и мы Его, Его любимъ и Имъ любимы и имѣемъ въ Немъ готоваго Заступника и Покровителя. И дѣйствительно это дается намъ о Христѣ Іисусѣ, и есть столь драгоцѣнно и возвышенно, что все прочее въ сравненіе съ симъ идти не можетъ. Оправданіе, примиреніе, наслѣдіе—великія и высокія блага; но не будь при нихъ такого Богообщенія, чтобы Богъ былъ нашъ и мы Божіи, они были бы безцвѣтны. Возмите провинившагося слугу, котораго господинъ простилъ и принялъ въ домъ. Это не можетъ не радовать помилованнаго; но если господинъ, простивъ его и принявъ въ домъ, опредѣлитъ жить ему на заднемъ дворѣ, а на глаза къ себѣ показываться не велитъ, то первая радость помилованія скоро у него поблекнетъ и замѣнится скорбію и тоскою. Могло быть и наше помилованіе такимъ же; Богъ могъ простить насъ и опредѣлить намъ вседовольную жизнь въ вѣчности, но при томъ постановить, чтобъ мы пребыли вдали отъ Него. Могъ Онъ такъ сдѣлать; ибо въ нашемъ спасеніи все зависитъ отъ

Него, а въ раздаяніи благъ кто можетъ наложить на Него законъ?—Но еслибъ такъ было, это было бы, конечно благо и благо великое; но оно не могло бы облаженствовать насъ во всей полнотѣ, еслибъ при семъ не соблаговолилъ Богъ и сблизиться съ нами такъ, чтобы мы были предъ очами Его, въ живомъ общеніи съ Нимъ. Почему, когда Богъ дѣйствительно такъ устроилъ наше спасеніе, то не можемъ мы не считать сей близости къ Богу верхомъ благъ, даруемыхъ намъ вѣрою, и хваляся всѣмъ, во благодати пріемлемымъ, наипаче не хвалиться о Богѣ или Богомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „ничто не служитъ столько къ славѣ и дерзновенію, какъ быть любимыми отъ Бога, и любить Его, насъ возлюбившаго. Сіе дѣлаетъ блистательными Ангеловъ, Начала и Силы. Сіе важнѣе самаго царства; а потому Апостолъ и предпочелъ сіе царству“.

Какъ сдѣлалось, что мы хвалимся о Богѣ,—близостію Его, пріискреннимъ съ Нимъ общеніемъ?—Чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, *Имже нынѣ примиреніе пріяхомъ*. Вѣрою и покаяніемъ, приступая къ Господу, получаемъ мы отпущеніе грѣховъ и примиреніе обрѣтаемъ. Но на этомъ не останавливается дѣло спасенія,—мы идемъ дальше и глубже: въ крещеніи облекаемся во Христа, въ Св. Причащеніи сподобляемся того, что Онъ въ насъ пребываетъ и мы въ Немъ,—содѣлываемся едино съ Господомъ. А Онъ едино есть съ Богомъ-Отцемъ. И произошла такимъ образомъ Богоблагодатная цѣпь единенія: мы едино съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Онъ едино съ Богомъ-Отцемъ, а чрезъ Него и мы. Сего ради и хвалимся теперь о Богѣ,—что Онъ нашъ и мы Его, и хвалимся чрезъ Господа нашего Іисуса Христа. Сіи слова Апостола приводятъ на память слова Самого Господа, въ коихъ Онъ изъясняетъ таинство нашего Богообщенія, моляся къ Богу Отцу: *да вси едино будутъ*,

якоже Ты, Отче, во мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ... Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: да будутъ едино, якоже и Мы едино есмы. Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино (Ін. 17, 21—23).

в).

Значеніе домостроительства Христова въ исторіи человѣчества.

5, 12—21.

Доселѣ,—ст. 1—11,—Апостолъ влекъ къ вѣрѣ волю и сердце, излагая дивныя сокровища вѣры. Теперь хочетъ плѣнить умъ, введши его въ созерцаніе того, что есть домостроительство Христово въ теченіи исторіи человѣчества. Разъяснилъ онъ, что всѣ мы подъ гнѣвомъ и всѣмъ бы погибать; но Богъ сжалился надъ нами и Сына Своего далъ во спасеніе наше. И вотъ мы, вѣрою прилѣпляясь ко Господу умершему за насъ и ради насъ воскресшему, получаемъ оправданіе, примиряемся съ Богомъ, дѣлаемся благодатію Духа святыми и непорочными и неложно есмы наслѣдники вѣчной славы у Бога. Рѣзкая черта проводится между тѣмъ, что было доселѣ и что начинается отселѣ пришествіемъ Сына Божія во плоти. Всѣ отъ Адама доселѣ во грѣхѣ раждались, подъ гнѣвомъ жили, какъ осужденники на смерть, и умирали безъ примиренія. А теперь всѣ вѣрующіе въ Господа раждаются въ жизнь святую, живутъ во благодати подъ благоволеніемъ Божіимъ и умираютъ, чтобъ вступить въ наслѣдіе вѣчной славы у Бога. Совсѣмъ новый родъ начался отъ Христа Іисуса Господа, по духовному устроенію, совсѣмъ отличный отъ того, какой идетъ отъ Адама. И Онъ есть родоначальникъ, какъ Адамъ; но родъ отъ

Адама раждался на грѣхъ и смерть, а родъ отъ Христа Господа раждается на святость и животъ вѣчный. Такова главная мысль второй половины сей главы. Апостолъ входитъ съ домостроительствомъ спасенія въ теченіе исторіи человѣчества и опредѣляетъ, что здѣсь есть Господь воплотившійся, умершій и воскресшій, и что производятъ въ средѣ людей вѣра въ Него и благодать отъ Него,—и опредѣляетъ чрезъ сопоставленіе Его, яко новаго Адама, съ Адамомъ ветхимъ и чрезъ показаніе, что отъ того перваго исходило и что исходитъ отъ сего втораго. Дѣлаетъ же онъ сіе для того, чтобъ введеніемъ въ умы вѣрующихъ такого всеобъемлющаго созерцанія осѣнить, оживить и оградить отъ всякихъ колебаній возбужденныя предъ симъ чувства, вытекающія изъ воспріятія плодовъ вѣры,—указаніемъ, какъ устроенный для насъ образъ спасенія плѣнителенъ и для созерцаній разума.

Ст. 12. *Сего ради якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша.*

Сего ради. Чего это ради?—Ради всего сказаннаго доселѣ съ 1, 17. Сообрази заразъ все сказанное, и вотъ что увидишь,—увидишь, что какъ *однимъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде* и проч.—„Искуснѣйшіе врачи, говоритъ св. Златоустъ, всегда стараются извѣдать корень болѣзней, доходятъ до самаго источника зла; такъ дѣлаетъ и бл. Павелъ. Выше сказалъ, что мы оправданы, и доказалъ сіе примѣромъ патріарха, ниспосланіемъ Духа, смертію Христовою; потому что Христосъ и не умеръ бы, еслибы не хотѣлъ оправдать насъ. Теперь тотъже предметъ беретъ съ противной стороны и доказанное имъ подтверждаетъ уже другими доводами, а именно: разсматриваетъ, что такое смерть и грѣхъ, изслѣдываетъ, какъ, какимъ образомъ и откуда смерть взошла въ міръ

и возобладала. А какъ взошла и возобладала смерть?— Чрезъ грѣхъ одного.“

Смерть съ грѣхомъ была сочетана первоначально опредѣленіемъ Божіимъ. Давъ заповѣдь, Богъ сказалъ: какъ только согрѣшите, нарушивъ заповѣдь сію, такъ умрете, или подпадете закону смерти. Они согрѣшили и подпали закону смерти. Послѣ сего и дѣти ихъ, раждавшіеся въ то время, какъ они состояли подъ осужденіемъ смертнымъ, раждались подлежащими томуже закону смерти. И вошла такимъ образомъ смерть въ міръ по причинѣ перваго грѣха прародителей. Бл. Θеодоритъ излагаетъ сіе такъ: „Владыка Богъ, создавъ Адама и почтивъ его разумомъ, для упражненія разумной силы далъ одну заповѣдь. Ибо одаренному разумомъ, имѣющему способность различать доброе и противоположное тому, и не возможно было жить безъ закона. Онъ, обольстившись, преступилъ данную заповѣдь, а Законодатель въ самомъ началѣ къ заповѣди присоединилъ и угрозу наказаніемъ. Посему, когда Адамъ, находясь уже подъ смертнымъ приговоромъ, въ такомъ состояніи родилъ Каина, Сиѳа и другихъ,—то всѣ, какъ происшедшіе отъ осужденнаго на смерть, имѣли естество смертное. Божественный Апостолъ и сказуетъ теперь, что когда Адамъ согрѣшилъ и по причинѣ грѣха содѣлался смертнымъ, то и другое простерлось на весь родъ. Ибо *во вся человѣки вниде смерть*, потому что всѣ согрѣшили“.

Частица: *и тако*—въ словахъ: *и тако смерть во вся человѣки вниде*, не есть сравнительная,—*такъ и*, отвѣтственная выше стоящей частицѣ: *якоже*,—какъ,—въ словахъ: *якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде;* а есть слѣдственная, указывающая на выводъ изъ двухъ предыдущихъ положеній: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ вниде, и грѣхомъ смерть*. Въ слѣдствіе такого сочетанія смерти со грѣхомъ *смерть во вся человѣки вниде*: ибо въ одномъ

всѣ согрѣшили. Перевесть надо: и такимъ образомъ, а не: такъ и. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же: *такъ и*, которая требуется частицею—*якоже?*—И сія частица и соотвѣтственная ей мысль опущены и должны быть доразумѣваемы такъ: какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть и такимъ образомъ смерть вошла во вся человѣки, потому что въ немъ одномъ всѣ согрѣшили: такъ (доразумѣть надобно) однимъ человѣкомъ входитъ теперь въ міръ оправданіе (праведность и святость), и оправданіемъ животъ, и такимъ образомъ животъ входитъ во вся человѣки, потому что въ немъ единомъ всѣ оправдались и стали праведны. Такъ перифразируютъ сіе мѣсто наши толковники. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „показываетъ Апостолъ, что грѣхъ и смерть вошли въ міръ чрезъ одного человѣка, Адама, и опять однимъ же человѣкомъ, Христомъ, устранены“.—Экуменій наводитъ: „разнообразно доказавъ изъ Писанія, что мы всѣ оправдываемся смертію Сына Божія, теперь доказываетъ это и отъ благословнаго (соображеніями разума). И благословно, говоритъ, было, чтобы мы всѣ содѣлавшіеся грѣшниками и насмертниками чрезъ единаго человѣка, и спаслись чрезъ единаго же человѣка, бывъ оправданы въ немъ и отбывъ въ немъ оброкъ смерти“.—Тотъже Экуменій приводитъ мнѣніе бл. Фотія, въ коемъ излагается и причина, почему св. Павелъ не высказалъ второй половины сравненія. Бл. Фотій пишетъ: „и возможно это и благословно и послѣдовательно (т.-е. спасеніе въ единомъ Господѣ). Откуда же это видно?—Изъ противнаго, говоритъ. Ибо извѣстно, что чрезъ одного человѣка и грѣхъ вошелъ въ міръ и самая смерть. Если теперь чрезъ одного человѣка произошло такое зло, то возможно и послѣдовательно чрезъ одного же человѣка, Господа нашего Іисуса Христа, устранену быть этому привведенному злу и даровану быть высшему благу.—А что Апо-

столъ, предложивъ то, что произошло отъ Адама, пропустилъ совершенное для насъ Христомъ, то это сдѣлалъ онъ, давая доразумѣть сіе всякому самому по противоположности. Ибо какъ только сказалъ онъ предыдущее (что произошло отъ Адама), никакого уже нѣтъ труда додумать и послѣдующее (что—отъ Христа). Почему и поставилъ только одну предыдущую мысль, яко естественно привлекающую и мысль послѣдущую. Ибо онѣ одна другую вызываютъ. Такъ-то Апостолъ, чрезъ предыдущее предуказавъ послѣдующее, не выразилъ словомъ сего послѣдняго, а предоставилъ додумать намъ самимъ".

„Что значитъ: *въ немже вси согрѣшиша?* То, что всѣ согрѣшили въ Адамѣ. Какъ скоро онъ палъ, то чрезъ него содѣлались смертными и не ѣвшіе отъ запрещеннаго древа, какъ будто они и сами пали, потому что онъ палъ" (Θеоф.; тоже хотя короче и у Св. Злат.). „*Въ немже*, т.-е., во Адамѣ, или чрезъ того единаго человѣка, Адама" (Экум.).

Иные толковники другія мысли соединяютъ съ симъ выраженіемъ, основываясь на томъ, что по-гречески стоитъ не *въ немже*, ἐν ᾧ,—но ἐφ' ᾧ,—что слѣдуетъ перевести: поколику, такъ какъ. Но мысль и при этомъ будетъ таже, т.-е., что согрѣшили въ немъ. И напрасно думаютъ отнять у сего мѣста силу доказательства первороднаго грѣха, говоря, что точный переводъ сего мѣста долженъ быть таковъ: такъ какъ всѣ согрѣшили. А при этомъ не необходимо будетъ видѣть здѣсь мысль, что согрѣшили въ немъ: ибо можно еще всѣмъ согрѣшать по примѣру его, по поводу его.—То правда, что если взять эти слова: поелику всѣ согрѣшили, внѣ связи, то они могутъ не давать той мысли, что всѣ согрѣшили въ немъ; но если брать въ связи и съ предыдущимъ и съ послѣдующимъ, то и при этомъ переводѣ (поелику всѣ согрѣшили) необходимо дополнять переводъ словомъ:

въ немъ, чтобъ выдержать вполнѣ мысль Апостола. Онъ говоритъ: грѣхъ чрезъ одного вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, и такимъ образомъ смерть во всѣхъ вошла. Грѣхъ отворяетъ врата смерти. Если она вошла во всѣхъ, то во всѣхъ предшествовалъ ей грѣхъ. Но во всѣхъ грѣхъ предшествовать смерти не могъ иначе, какъ тѣмъ, что всѣ согрѣшили въ томъ, чрезъ кого грѣхъ вошелъ, т.-е., въ первомъ человѣкѣ, Адамѣ. Такимъ образомъ читая: смерть вошла во всѣхъ людей, потому что всѣ согрѣшили,—не можемъ иначе понимать сіе послѣднее, какъ—согрѣшили въ немъ.

Но хотя это—*въ немъ*—само-собою должно было приходить на умъ, по ходу рѣчи, тѣмъ не менѣе однакожъ св. Апостолъ остановился на семъ и слѣдующіе два стиха употребилъ на укрѣпленіе сей мысли въ умѣ читающихъ, чтобъ они, читая: всѣ согрѣшили... и не могли иное разумѣть, какъ—согрѣшили въ немъ. Такъ важно это: въ немъ!

Для подтвержденія сего Апостолъ не вступаетъ въ глубокія разсужденія, а только наглядно представляетъ ходъ смерти. Всѣ умирали, говоритъ, послѣ Адама, но не грѣшили подобно ему. Хотя и грѣшили они, но не грѣшили подобно ему, потому что не имѣли закона; а гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ преступленія, тамъ грѣхъ не вмѣняется. Если не вмѣняется, то не влечетъ и наказанія, т.-е. смерти. Если такъ, то откуда же смерть умиравшихъ послѣ Адама?—Ни откуда, какъ отъ грѣха самого Адама; ни откуда, какъ изъ того бѣдственнаго событія, что во Адамѣ уже всѣ согрѣшили. Такова мысль Апостола въ 13 и 14 стт. Онъ не доказываетъ углубленно, а лишь наглядно представляетъ дѣло.

Стт. 13. 14. *До закона бо грѣхъ бѣ въ мірѣ: грѣхъ же не вмѣняшеся не сущу закону. Но царствова смертъ отъ Адама даже до Моусея и надъ несогрѣшившими по подобію прѣступленія Адамова, иже есть образъ будущаго.*

Вотъ перифразъ этого мѣста, сдѣланный бл. Θеофилактомъ, согласно со всѣми нашими толковниками!—„Апостолъ хочетъ доказать, что и не ѣвшіе отъ запрещеннаго древа и не согрѣшившіе подобно Адаму, по причинѣ грѣха его также сочтены согрѣшившими и умерли. Доказываетъ же это такъ: грѣхъ царствовалъ до изданія закона, т. е., и прежде закона. Какой же это былъ грѣхъ? Грѣхъ ли отъ преступленія закона? Но какъ могъ быть такой грѣхъ, когда не было закона? Грѣхъ тогда вмѣняется, когда есть законъ, и люди прѐступающіе законъ, по необходимости называются грѣшащими.—Но *смерть царствова даже до Моисея,* т.-е. до изданія закона. Значитъ былъ грѣхъ, чрезъ который смерть царствовала: еслибы не было какого-либо грѣха, который утверждалъ бы смерть, она не царствовала бы. Поелику же доказано, что грѣха отъ преступленія закона еще не было, то остается, что то былъ грѣхъ Адамовъ, чрезъ который смерть царствовала и надъ тѣми, которые не согрѣшили непосредственно (ибо не получившіе закона и не преступившіе его не называются согрѣшившими), но согрѣшили въ подобіи преступленія Адама и сдѣлались причастны паденію его, какъ праотца, который есть образъ Христа. Ибо какъ древній Адамъ сдѣлалъ всѣхъ повинными въ его паденіи, хотя они не пали (какъ онъ), такъ и Христосъ оправдалъ всѣхъ, хотя они не сдѣлали ничего, за что слѣдовало бы оправдать ихъ. Вотъ почему онъ есть *образъ будущаго*, т. е. Христа.“

Такъ все ясно, хотя нельзя отрицать, что и послѣ сего могутъ возникать недоумѣнія при чтеніи сего мѣста. Для устраненія ихъ надо поимѣть въ мысли, что у Апостола не было въ намѣреніи представить вседовлѣтельное доказательство того, что во Адамѣ всѣ согрѣшили, а только указать на нѣкоторыя очевидности,

которыя могли наводить на сію истину. И онъ указалъ ихъ, какъ изъясняетъ бл. Θеофилактъ.

Но какъ можно говорить, что грѣхъ не вмѣнялся до закона?—Каину вмѣненъ, вмѣненъ допотопнымъ, вмѣненъ столпоздателямъ, Содомлянамъ, Египтянамъ;—и всѣ они понесли соотвѣтственныя кары Божіи.—На это вотъ что!—Апостолъ разумѣетъ такое вмѣненіе, по которому бы за грѣхъ присуждалась смерть и смерть общая всѣмъ. Ибо онъ ищетъ источника смерти людей послѣ Адама, и, какъ смерть у него выше поставлена слѣдствіемъ грѣха, ищетъ такого грѣха, который былъ бы причиною смерти всѣхъ по опредѣленію Божію. Но такого грѣха не было; были грѣхи, но грѣха въ такомъ значеніи не было. Не было грѣшащихъ по подобію преступленія Адамова. Люди грѣшили, будучи уже насмертниками, осужденными на смерть. И на смерть нѣкоторые осуждались, какъ допотопные, Содомляне, Египтяне; но это было не первоначальное, не источное присужденіе смерти, а только ускореніе срока смерти, уже присужденной всѣмъ.

Какъ еще—*не сущу закону*, когда и до закона Моисеева былъ законъ,—законъ совѣсти, Ноевъ законъ, законъ обрѣзанія?—Но Апостолъ требуетъ какъбы: укажи мнѣ такой законъ, при коемъ Богъ самъ лично сказалъ бы: дѣлайте такъ и такъ; если не будете дѣлать, станете умирать. Но такого закона не было, какъ извѣстно. Были законы, но съ другими угрозами, а не съ такою. Были и смерти присуждаемы за грѣхи, какъ потопомъ при Ноѣ, огнемъ въ Содомѣ и подобное. Но это не за нарушеніе какого-либо закона, даннаго съ угрозою смерти за нарушеніе его, а за беззаконіе вообще, возросшее до такой степени, что беззаконники сдѣлались недостойными жизни. Это было приложеніе къ дѣлу судоопредѣленія, на основаніи законовъ, данныхъ прежде.

безъ угрозы смертію. Смерть не въ началѣ съ этими дѣлами сочетана, а послѣ присуждена беззаконникамъ свободнымъ опредѣленіемъ правды Божіей.

Но зачѣмъ у Апостола имѣется во вниманіи только періодъ отъ Адама до Моусея, какъ будто послѣ закона Моусеева иные пошли порядки суда Божія, и смерть можно объяснять какъ слѣдствіе нарушенія его?—Можно предположить, что Апостолъ дѣлаетъ это условно. Откуда смерть? Отъ грѣха. Отъ какого же грѣха, когда напримѣръ до Моусея и никакого не было торжественнаго законодательства, а не только съ угрозою общей смерти, какъ при Адамѣ? Пусть бы говорилъ кто, что смерть пришла за нарушеніе закона, даннаго чрезъ Моусея; но откуда до Моусея смерть? Не откуда ей быть, какъ отъ грѣха Адамова. При семъ у Апостола совсѣмъ не было въ намѣреніи опредѣлять, что, какъ и почему было послѣ Моусея. Для его цѣли достаточно было остановиться на этомъ періодѣ до-Моусеевомъ, чтобъ указать: видишь смерть; а откуда она, когда не было закона?—Отъ Адамова грѣха. Св. Златоустъ и говоритъ вообще: „ежели смерть имѣла свой корень въ грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было закона, не вмѣнялся; то почему возобладала смерть надъ жившими до закона? Изъ сего видно, что не сей грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой, именно грѣхъ преступленія Адамова былъ причиною общаго поврежденія. Чѣмъ же это доказывается?—Тѣмъ, что умерли всѣ жившіе до закона.“

Адамъ именуется образомъ будущаго, т.-е. Іисуса Христа — въ какомъ отношеніи? — Въ такомъ: „какъ Адамъ для своихъ потомковъ, хотя они и не ѣли древеснаго плода, содѣлался причиною смерти, введенной въ міръ Адамовымъ яденіемъ, такъ и Христосъ для вѣрующихъ въ Него, хотя они и не имѣли праведныхъ дѣлъ, содѣлался виновникомъ праведности, которую даровалъ

всѣмъ намъ чрезъ крестъ. Апостолъ, какъ выше, такъ и ниже поддерживаетъ эту мысль и многократно повторяетъ оную; останавливается же особенно на сей мысли для того, чтобы на возраженія Іудея: какимъ образомъ родъ человѣческій спасенъ заслугами одного Христа?— могъ и ты возразить ему: какимъ образомъ весь родъ человѣческій осужденъ за преслушаніе одного Адама?— тѣмъ болѣе, что нѣтъ и сравненія между грѣхомъ и благодатію; а напротивъ—безконечное разстояніе между однимъ и другою. Когда уже свойство дѣла, могущество совершившаго оное, и самое приличіе,—такъ какъ для Бога приличнѣе спасать, нежели наказывать,—все показываетъ, что превосходство и побѣда на сторонѣ Христовой; скажи мнѣ, какой предлогъ имѣешь ты къ невѣрію? Такъ Апостолъ доказываетъ, что въ дѣлѣ спасенія нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ“ (Св. Злат.).

Послѣднія слова св. Златоуста выясняютъ смыслъ и значеніе послѣдующихъ стиховъ — 15 — 17, въ коихъ Апостолъ сказываетъ, что даръ не яко прегрѣшеніе. Они не представляютъ самостоятельныхъ положеній, а содержатъ придаточныя и пояснительныя мысли для усиленія высказаннаго предъ симъ положенія, что какъ однимъ грѣхъ и смерть, такъ однимъ же правда и животъ. Доказавъ такое положеніе, можно было прямо излагать полнѣе содержаніе его въ видѣ вывода, какъ это дѣлается въ 18 и 19 ст. Но какъ цѣль Апостола въ этомъ отдѣленіи (12—19) углубить убѣжденіе въ возможности спасенія всѣхъ чрезъ одного, чтобъ отстранить всякія колебанія ума въ признаніи сей истины, то доказавъ предъ симъ, что какъ грѣхъ и смерть чрезъ одного, такъ нѣтъ основанія сомнѣваться, что и правда и животъ чрезъ одного же, т.-е., что несомнѣнность перваго положенія сильна удостовѣрить въ несомнѣнности втораго,— онъ теперь выставляетъ, что для здравомыслящаго по-

слѣднее положеніе должно имѣть большую достовѣрность и должно быть принимаемо съ большимъ убѣжденіемъ въ истинѣ его. Почему такъ? Потому, что не *якоже прегрѣшеніе, тако и даръ*. Если грѣхъ подвергъ всѣхъ осужденію и смерти чрезъ одного, то тѣмъ паче благодать и даръ чрезъ одного же сильны всѣхъ оправдать и спасти. Это преизбыточество благъ во благодати предъ обиліемъ золъ отъ грѣха св. Павелъ разнообразно разъясняетъ въ 15—17 стихахъ; и хотя нѣкоторые въ нихъ термины и соотношенія понятій затруднительно уразумѣть, эта однакожъ главная мысль ясна.

Ст. 15. *Но не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ. Аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова.*

Отъ Христа Господа ты долженъ ожидать гораздо болѣе добра, нежели сколько произошло зла отъ Адама. Если послѣднее признаешь ты истиннымъ, то какъ можешь сомнѣваться въ первомъ? „Ежели столько силенъ былъ грѣхъ, и притомъ грѣхъ одного человѣка, то ужели не произведетъ сильнѣйшаго дѣйствія благодать,—благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Сіе гораздо сообразнѣе съ разумомъ, нежели первое. Повидимому не совсѣмъ справедливо, чтобы одинъ былъ наказываемъ за другаго; но чтобы одинъ былъ спасенъ чрезъ другаго, это гораздо приличнѣе и сообразнѣе съ разумомъ. Если же первое подтверждается опытомъ,—тѣмъ паче должно быть возможно послѣднее“ (Св. Злат.). „Христосъ доставилъ пользу не въ такой лишь мѣрѣ, въ какой причинилъ вредъ Адамъ. Если грѣхъ столько былъ силенъ, что всѣдствіе паденія одного осуждены всѣ потомки его, хотя они не пали (подобно ему); то гораздо большее и обильнѣйшее дѣйствіе произведетъ на многихъ благодать. Даръ Божій не можетъ быть

равномѣренъ осужденію чрезъ одного согрѣшившаго“ (бл. Θеоф.).

Основанія, на которыхъ должно утверждаться убѣжденіе, что благодать и даръ паче прегрѣшенія. надо видѣть выраженными въ условныхъ положеніяхъ 15—17 стиховъ; но какія они, это трудно уловить въ словахъ св. Павла и выразить удобопонятно. не отступая отъ сихъ словъ. Св. Златоустъ. какъ видѣли выше, указываетъ такія сему основанія: „свойство дѣла. могущество совершившаго и самое приличіе“.—И можетъ-быть онъ видѣлъ первое выраженнымъ въ 15-мъ, второе въ 16-мъ, третье въ 17-мъ стихахъ. Свойство дѣла: тамъ грѣхъ,—пагубныя слѣдствія его присуждаются правосудіемъ Божескимъ и конечно въ мѣрѣ и въ полномъ соотвѣтствіи грѣху, пагубность грѣха ограничивается мѣрою грѣха; а здѣсь—благодать,—благодати и дару нѣтъ мѣры, мѣра ихъ — благость Дающаго, и когда Онъ безпредѣленъ естествомъ, естественно безпредѣльна благость. Могущество совершившаго: тамъ человѣкъ, здѣсь Богочеловѣкъ, Богъ въ человѣческомъ естествѣ. дѣло Котораго—оправданіе не можетъ не преизобиловать паче дѣла человѣка—грѣха; благодатное возстановленіе падшаго, по самому естеству Возстановителя, не могло не поднять возстановляемаго выше, нежели какъ онъ стоялъ до паденія, не могло не ввесть его въ наслажденіе обильнѣйшими благами сравнительно съ прежними.—Приличіе—не даетъ особой мысли, а совмѣщаетъ оба предыдущія основанія въ видѣ заключительнаго положенія.

Итакъ, будемъ видѣть первое основаніе выраженнымъ въ 15-мъ стихѣ: *аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова.* Тамъ грѣхъ, здѣсь благодать. Если у грѣха достало зловредности, чтобъ подвергнуть смерти многихъ: не мно-

жае ли паче съ преизбыткомъ на многихъ достанетъ благъ, въ благодати совмѣщаемыхъ? Слова — *мнози, во многихъ*,—стоятъ вмѣсто—*всѣ* и *во всѣхъ*. *Преизлиществова* указываетъ на явленную уже благодать и данный даръ, означая, что они съ преизбыткомъ содержатъ блага, въ смыслѣ: преизбыточественна есть.—Бл. Θеодоритъ пишетъ: „въ наказаніи Владыка Богъ сохранилъ законъ справедливости, и когда Адамъ согрѣшилъ и преданъ былъ смерти, послѣдовалъ за нимъ весь родъ; тѣмъ конечно справедливѣе сохраниться правдѣ въ Божіемъ человѣколюбіи и всѣмъ людямъ содѣлаться причастными воскресенію Владыки Христа.... Щедрота благодати превосходитъ уставъ правды".

Ст. 16. *И не якоже единѣмъ согрѣшшимъ дарованіе: грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе: даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе.*

Мѣсто сіе очень затруднительно: и перевесть его трудно, а уловить движущуюся въ немъ мысль еще труднѣе. Слова: *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ*—наводятъ на мысль, что св. Павелъ, объяснивъ предъ симъ преизлишество благодати предъ грѣхомъ изъ понятій о благодати и грѣхѣ, теперь тоже самое намѣревается объяснить изъ понятій—о лицѣ согрѣшившемъ и о лицѣ дарующемъ оправданіе. Онъ какъбы говоритъ: смотри на того, кто согрѣшилъ и ввелъ грѣхъ и смерть, и на Того, Кто вводитъ оправданіе и животъ, и увидишь преизлишество благодати надъ грѣхомъ. Дарованіе, исходящее отъ сего послѣдняго, никакъ нельзя ставить въ сравненіе со вредомъ, вошедшимъ чрезъ перваго. Почему такое именно заключеніе слѣдуетъ вывесть изъ понятій о дѣйствующихъ здѣсь лицахъ, Апостолъ не раскрываетъ. Можно предположительно нагадать: потому такъ, что вводитель грѣха и смерти былъ человѣкъ, а истребитель ихъ есть Богъ въ человѣческомъ естествѣ, — сила же Бога и въ

человѣческомъ естествѣ простирается на всѣ вѣка и всѣ дѣла сихъ вѣковъ. Нагаданіе такого предположенія не будетъ натяжкою; напротивъ, его будто требуютъ послѣдующія слова св. Апостола.

Праотецъ нашъ согрѣшилъ. Этого одного грѣха достаточно было къ тому, чтобы всѣхъ насъ подвергнуть осужденію, подобно тому, какъ бываетъ у насъ, что когда родоначальникъ потеряетъ дворянство, то всѣ потомъ отъ него происходящіе уже не будутъ дворянами.—Но мы, происходящіе отъ перваго согрѣшившаго, не потому только несемъ осужденіе, что тотъ одинъ согрѣшилъ, яко родоначальникъ нашъ, но и потому, что сами стали грѣшить и надѣлали множество грѣховъ. Почему для того, чтобы снять съ насъ осужденіе, надо не только грѣхъ единаго праотца нашего загладить, но и грѣхи всѣхъ насъ,—отъ Адама до конца вѣковъ. Если теперь благодать, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ явленная, совершаетъ сіе послѣднее, то не очевидно ли, что дарованіе отъ единаго Избавителя не якоже лишеніе чрезъ единаго согрѣшившаго? Но откуда такая сила во Христѣ Іисусѣ? Оттуда, дополнимъ отъ себя, что Онъ не человѣкъ только, но Богочеловѣкъ. Такая мысль видится въ словахъ: *грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе*. Св. Златоустъ говоритъ послѣ сихъ словъ: „Что сіе значитъ?—То, что одинъ грѣхъ могъ навлечь смерть и осужденіе; а благодать изгладила не только сей единый грѣхъ, но и другіе грѣхи, за нимъ послѣдовавшіе. Дабы употребленіемъ сравнительныхъ частицъ—*какъ* и *такъ*,—не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мѣра,—и дабы ты, слыша объ Адамѣ, не заключилъ, что изглажденъ только грѣхъ, сообщенный людямъ отъ Адама,—Апостолъ говоритъ, что изглаждены многія преступленія. Изъ чего сіе видно? Изъ того, что послѣ безчисленныхъ грѣховъ,

слѣдовавшихъ за грѣхомъ, учиненнымъ въ раю, все кончилось оправданіемъ".

Еслибы Господь Іисусъ Христосъ подавалъ только снятіе осужденія за грѣхи, и тогда слѣдовало бы, что *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ—дарованіе*. Не тѣмъ ли паче слѣдуетъ такое заключеніе, когда извѣстно, что даръ отъ Господа Іисуса Христа не ограничивается однимъ снятіемъ осужденія, но сообщаетъ и самую праведность. *Даръ отъ многихъ прегрѣшеній*—не въ обезвиненіе только, но и *въ оправданіе* или въ праведность. Откуда же такая сила въ Іисусѣ Христѣ? Оттуда, опять дополнимъ отъ себя, что Онъ есть не человѣкъ только, но Богъ въ человѣческомъ естествѣ, а въ Богѣ источникъ всѣхъ благъ, достаточный на всѣхъ людей и на всѣ вѣка. Св. Златоустъ говоритъ: „Сперва (въ предыдущемъ 15-мъ ст.) сказалъ Апостолъ, что если грѣхъ одного умертвилъ всѣхъ, тѣмъ паче можетъ спасти благодать одного. Потомъ (въ этомъ 16-мъ ст.) обнаружилъ такую мысль, что благодатію истребленъ не одинъ первородный грѣхъ но и всѣ прочіе грѣхи; даже не только истреблены грѣхи, но и дарована намъ праведность; и Христосъ не только исправилъ все то, что повреждено Адамомъ, но все сіе возстановилъ въ большей мѣрѣ и въ высшей степени".

Ст. 17. *Аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ, множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще, въ жизни воцарятся единѣмъ Іисусъ Христомъ.*

Эти слова подтверждаютъ сказанное выше, поясняя вмѣстѣ, какъ совершается, что отъ одного люди принимаютъ лишенія, а отъ другаго избытки дарованій. Какъ же? Чрезъ общеніе съ тѣмъ и другимъ. Тамъ естественно, происходя отъ одного человѣка, наслѣдуютъ отъ него грѣхъ, а чрезъ грѣхъ и смерть, такъ что смерть является царствующею въ родѣ нашемъ чрезъ одного. Здѣсь вѣ-

рою сочетаваясь съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и пріемля отъ Него новую жизнь чрезъ таинственное возрожденіе, пріемлютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сокровища благодатей, въ Немъ сокрытыя, такъ что не жизнь только въ нихъ является царствующею, но они сами облекаются въ царственное состояніе въ жизни: жизнь всѣхъ преисполняетъ чрезъ единаго Господа Іисуса Христа, потому что Онъ, яко Богъ, есть источникъ жизни и всякихъ благъ податель. Преизбытокъ благодатей въ Немъ, бывъ пріемлемъ вѣрующими, не только всѣ лишенія, отъ перваго согрѣшившаго къ намъ перешедшія, отъемлетъ, но исполняетъ вмѣсто того всякими благами. Это само собою слѣдуетъ изъ того, что доказано предъ симъ, именно, что *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ дарованіе*. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Что вооружило смерть противъ всѣхъ людей? То, что одинъ изъ нихъ вкусилъ отъ древа. Ежели смерть пріобрѣла такую силу чрезъ преступленіе единаго, то, какъ скоро найдутся люди, которые получили благодать и праведность, несравненно превосходящія оный грѣхъ, могутъ ли они оставаться повинными смерти? Посему не сказалъ здѣсь Апостолъ: благодать, но: *избытокъ благодати*. Благодатныхъ даровъ сообщено намъ не столько, чтобы истребить только грѣхъ, но гораздо больше. Мы освобождены отъ наказанія, совлеклись всѣхъ злыхъ дѣлъ, возрождены свыше, воскресли по погребеніи ветхаго человѣка, искуплены, освящены, введены въ усыновленіе, оправданы, стали братьями Единороднаго, содѣлались Его снаслѣдниками, совокупились съ Нимъ въ одно тѣло, содѣлались Его членами, соединились съ Нимъ, какъ тѣло съ главою. Все сіе Павелъ наименовалъ избыткомъ благодати, доказывая тѣмъ, что мы получили не только врачевство, исцѣляющее рану нашу, но здравіе, красоту, честь, славу и такія достоинства, которыя гораздо выше нашей природы.

Каждый изъ сихъ даровъ могъ бы самъ по себѣ истребить смерть; когда же всѣ они стекаются вмѣстѣ, тогда смерть истребляется съ корнемъ, тогда не можетъ уже появиться ни слѣда, ни тѣни ея.—Представь, что заимодавцу задолжалъ кто-нибудь десятью оволами, и онъ повергаетъ въ темницу не только самого должника, но даже жену его, дѣтей и слугъ; но приходитъ другой и не только вноситъ тѣ десять оволовъ, но еще даритъ десять тысячъ талантовъ золота, ведетъ узника въ царскій дворецъ, сажаетъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, осыпаетъ его почестями и отличіями. Точно такъ случилось съ нами! Христосъ заплатилъ гораздо больше, нежели чѣмъ мы были должны; Его уплата въ сравненіи съ долгомъ тоже, что безмѣрное море въ сравненіи съ малою каплею.—И такъ не сомнѣвайся, человѣкъ, видя такое богатство благъ; не любопытствуй знать, какъ потушена искра смерти и грѣха, когда на нее пролито цѣлое море благодатныхъ даровъ. Сіе самое разумѣлъ Павелъ, сказавъ, что пріявшіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни.“

Ст. 18. *Тѣмже убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни.* Ст. 19. *Якоже бо ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози, сице и послушаніемъ единаго праведни будутъ мнози.*

Тѣмже убо—указываетъ, что слѣдующія за симъ два текста суть выводъ изъ предыдущаго разсужденія. Онъ говоритъ какъбы: итакъ видите теперь, или—итакъ доказано. Онъ и прежде уже доказалъ, что Богъ спасаетъ насъ нынѣ смертію единаго Сына Своего воплотившагося. Потомъ вознамѣрился приблизить сію истину къ убѣжденію, противопоставивъ сіе дѣло благодати Единаго тому, что произвелъ грѣхъ одного Адама, и говоря какъ бы: грѣхъ одного причинилъ всѣмъ пагубу, какъ можетъ

кто-либо сомнѣваться, что чрезъ Одного же устрояется и спасеніе?—Это выразилъ онъ въ ст. 12-мъ и д., гдѣ сказалъ: чрезъ одного грѣхъ и смерть, чрезъ одного правда и животъ; потому что какъ въ первомъ всѣ согрѣшили, такъ во второмъ всѣ стали правы и праведны. Объяснивъ затѣмъ, что послѣднее гораздо болѣе имѣетъ силы и достовѣрности въ ст. 15—17, онъ сводитъ теперь все разсужденіе опять къ томуже, что сказалъ въ ст. 12-мъ. именно, что какъ отъ одного грѣхъ и смерть, такъ отъ одного правда и животъ; потому что какъ въ первомъ всѣ согрѣшили, такъ во второмъ всѣ стали правы. Положеніе содержится въ ст. 18-мъ, а основаніе его въ ст. 19-мъ.

Положеніе выражено такъ: какъ прегрѣшеніемъ одного во всѣхъ людей вошло осужденіе,--разумѣется осужденіе на смерть,—такъ оправданіемъ одного во всѣхъ людей вошло оправданіе къ жизни. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Взирая на Адама, говоритъ Апостолъ, не сомнѣвайтесь въ сказанномъ мною (т.-е. что Богъ спасаетъ всѣхъ во единомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ). Ибо если то истинно, какъ и дѣйствительно истинно, что когда преступилъ Адамъ заповѣдь, весь родъ пріялъ на себя смертный приговоръ, то явно, что правда Спасителева всѣмъ человѣкамъ устрояетъ жизнь.“—Апостолъ сказалъ: *вниде оправданіе жизни*, давая разумѣть, что спасительныя силы благодати уже вошли въ человѣчество, восприняты имъ и начали свое возстановительное дѣйствіе. А что сказалъ: *во вся человѣки вниде*, когда начало только входить, то этимъ выразилъ онъ съ одной стороны несомнѣнность дѣйствія благодати, созерцая его въ единомъ обзорѣ, съ другой—вседовлѣтельность благодати, которая все объемлетъ—и настоящее, и прошедшее и будущее. Не сомнѣвайся, что вошла уже благодать сія, и спѣши лишь воспользоваться ею, чтобъ уничтожить пагубныя слѣдствія перваго грѣха.

Основаніе, почему такъ сдѣлалось, что и тамъ пагуба, и здѣсь спасеніе — все отъ одного,—то, что какъ тамъ чрезъ ослушаніе одного всѣ стали грѣшны, такъ и здѣсь чрезъ послушаніе одного всѣ стали праведны. *Многи* употребилъ Апостолъ вмѣсто *всѣ*. Св. Апостолъ не разъясняетъ, какъ чрезъ ослушаніе или грѣхъ одного стали всѣ грѣшны, но это доказывалъ опытъ; ибо послѣ Адама дѣйствительно и грѣшили всѣ, и грѣшными всѣ были почитаемы. Къ грѣху Адама прилагали свои и бывали сугубо грѣшны предъ Богомъ. Не объясняетъ онъ и того, какъ чрезъ послушаніе одного могутъ быть праведны всѣ; но въ примѣрѣ перваго даетъ разумѣть возможность послѣдняго. Почему говоритъ: *будутъ праведны...*, съ греч. состоятся праведными. Уже начали быть праведными; подожди, станутъ такими и всѣ. А что начали, это очевидно было для всѣхъ. Всѣмъ отпускаемы были грѣхи по вѣрѣ въ Господа и всѣмъ по тойже вѣрѣ была сообщаема благодать Св. Духа, научавшая ихъ дѣламъ всякой правды и дѣлавшая ихъ сильными къ совершенію ихъ: всѣ вѣровавшіе самымъ дѣломъ были праведны и святы и предъ всѣми являлись таковыми. Этимъ путемъ и всѣ люди могли сдѣлаться праведными. Они еще не сдѣлались, но Апостолъ созерцаетъ уже ихъ таковыми въ единомъ всеправедномъ и всесвятомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, какъ въ сѣмени можно узрѣвать все дерево многовѣтвенное и многоплодное.

Ст. 20. *Законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе: идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать.*

Въ слѣдъ за предыдущими словами (ст. 18. 19) надо читать стихъ 21-й, въ коемъ выражается промыслительная Божія цѣль въ такомъ устроеніи нашего спасенія яо Господѣ; а этотъ—20-й стихъ есть вносный. Можно было обойтись и безъ него; но сказавши, что пагубныя

слѣдствія преступленія Адамова всѣ отъяты благодатію единаго Господа Іисуса Христа. Апостолъ будто услышалъ отъ кого вопросъ: да что же законъ? и мимоходомъ отвѣтилъ на него. „Кто-нибудь, вѣроятно, могъ усомниться и возразить: что же дѣлалъ въ теченіи столькихъ лѣтъ законъ, если оправдалъ насъ одинъ Христосъ?“ (Θеоф.). Сущность отвѣта такова: законъ прившелъ, чтобъ ускорить пришествіе благодати, ибо законъ размножилъ грѣхи, а грѣхи преумноженные привлекли преизобильную благодать. *Законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе.* „Частица: *да* означаетъ здѣсь не причину, но, по образу рѣчи, свойственному сему Апостолу, указываетъ на послѣдствіе“ (Θеод. и Θеоф.). Можно читать: законъ пришелъ и умножились прегрѣшенія (Экум.). „Законъ, говоритъ, не только не принесъ никакой пользы (т.-е. такой, чтобъ послѣ него не требовалось другое спасительное средство) и не оказалъ никакого пособія, но еще съ появленіемъ его усилилась болѣзнь; впрочемъ не самый законъ былъ причиною сего, а только такъ открылось на опытѣ. Ибо законъ данъ не для умноженія грѣха, а для уменьшенія и истребленія онаго. А если вышло противное, то не по свойству закона, а по нерадѣнію принявшихъ законъ“ (Св. Злат.). „Или такъ сказалъ онъ въ укоръ Іудеямъ, потому что къ нимъ обращаетъ рѣчь, а они слишкомъ высоко думали о законѣ. Итакъ, вразумляя ихъ, онъ внушаетъ имъ здѣсь, что напрасно они такъ много превозносятся закономъ. Ибо судя по вашимъ дѣламъ, надо сказать, что законъ привзошелъ, чтобъ умножить прегрѣшенія. Сказалъ же такъ по тому поводу, что помянулъ о пагубѣ во Адамѣ и избавленіи отъ нея во Христѣ. Такъ, чтобы кто не приписалъ чего въ семъ отношеніи закону, онъ говоритъ: законъ не на это данъ; отъемлетъ славу у закона, чтобы всю ее восписать Христу“ (Экум.).

Апостолъ сказалъ: *привниде* законъ, чтобъ означить, что онъ есть нѣчто придаточное, на время установленное, въ дѣлѣ устроенія нашего спасенія,—„что былъ онъ временною потребностію, а не главною и важнѣйшею“ (Св. Злат.). „Концемъ обѣтованія, даннаго патріарху, былъ Христосъ. Ибо сказано ему: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. 22, 18). Но въ срединѣ между Авраамомъ и Христомъ *привниде законъ*. Хотя сообщалъ онъ болѣе точное познаніе, что грѣхъ есть зло, однакоже не имѣлъ силы прекращать грѣхъ, а напротивъ того, до крайности умножилъ его; потому что, чѣмъ больше заповѣдей, тѣмъ больше стало преступленій“ (Θеод.). Тутъ сдѣлано тоже, что дѣлаютъ иные лекаря: даютъ прежде такое лекарство, которое полнѣе обнаруживаетъ болѣзнь, выгоняетъ ее наружу, и потомъ уже уничтожаютъ ее Болѣзнь грѣховная при законѣ высыпала наружу, и стало явно всѣмъ, въ какой силѣ обладаетъ нами грѣхъ. Но это самое и привлекло благодать: или ускорило явленіе ея, или указало предопредѣленный моментъ къ явленію ея. „Не бойся (что умножился грѣхъ); все сіе послужило къ явленію большей благодати“ (Св. Злат.).

Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать.—Идѣже—коль скоро, когда. Когда такимъ образомъ умножился грѣхъ, *преизбыточествова*,—явилась въ преизбыточествѣ, или преизбыточественною, благодать. Она всегда была присуща и покрывала родъ нашъ, но теперь излилась въ преизбыткѣ, или въ предопредѣленной полнотѣ. Нечего было болѣе ждать; надлежало стереть главу змія, какъ обѣтовано „Тогда какъ чрезъ законъ умножился грѣхъ, чрезъ Христа благодать Божія явилась преизобильно, не только освободивъ насъ отъ грѣховъ, но и оправдавъ и содѣлавъ небесными и усыновивъ Богу. Поэтому не сказалъ—избыточествова, но—

преизбыточествова, показывая этимъ большое изобиліе ея“ (Θеоф.). Не теперь только присуждена она быть такою; она по существу своему такова и отъ вѣка предназначена быть такою. Теперь только она явлена дѣломъ и какъ сама по себѣ преизобильна, то преизобильною и зрится.

Ст. 21. *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ.*

Тутъ выражена сущность устроенія нашего спасенія. Царствовалъ грѣхъ, а чрезъ грѣхъ смерть; теперь воцаряется и отселѣ начнетъ царствовать благодать, которая, уничтожая грѣхъ и дѣлая праведными, сокрушаетъ въ корнѣ смерть и отверзаетъ врата въ жизнь вѣчную. Все же сіе Господомъ Іисусомъ Христомъ для насъ устроено и въ насъ совершается. Вѣрою прилѣпляющійся къ Господу становится единъ духъ съ Господомъ, чистъ, непороченъ, святъ, и воспріемлетъ чрезъ то сѣмя вѣчной жизни. которой и сподобится въ опредѣленное время силою воскресенія Христова.—Св. Златоустъ говоритъ: „Въ сихъ словахъ Апостолъ представляетъ грѣхъ царемъ, а смерть воиномъ, который у него въ службѣ и имъ вооруженъ. А ежели смерть вооружена грѣхомъ, то явно, что праведность, сообщаемая благодатію и уничтожающая грѣхъ, не только обезоруживаетъ смерть, но и разоряетъ и низвергаетъ все царство грѣха, поколику праведность сильнѣе грѣха, потому что произошла не отъ человѣка, но отъ Бога и благодати, и ведетъ жизнь нашу къ совершеннѣйшему и безконечному благу. Да и самая жизнь не будетъ имѣть предѣловъ, дабы ты изъ сего яснѣе позналъ могущество благодати. Все это пріобрѣлъ намъ заслугами Своими Христосъ. Посему, имѣя праведность, не сомнѣвайся о жизни. Ибо праведность выше жизни,—она есть матерь жизни.“

Итакъ, вотъ куда должна быть обращена вся наша забота,—чтобы быть намъ святыми и непорочными предъ Богомъ. За это и возьмись всякъ со всѣмъ усердіемъ, пользуясь всѣми благодатными средствами, какія подаетъ намъ богоучрежденная экономія нашего спасенія. Будешь таковъ, несомнѣнно войдешь въ животъ вѣчный. Ревнованіе о святости въ надеждѣ вѣчно блаженной жизни—се есть единое на потребу.

III

Вѣра въ Господа налагаетъ на вѣрующихъ обязательство—быть святыми.

Гл. 6—7, 6.

Выше изобразилъ Апостолъ, что спасеніе устрояется для насъ благодатію, и что призывая къ сему спасенію, Богъ ни на что прошедшее не смотритъ, ни на обрѣзаніе, ни на необрѣзаніе, ни на праведность, ни на грѣшность; потому что и призваніе ко спасенію, какъ и устроеніе спасенія есть дѣло благости Божіей. Но хотя до призванія Богъ не смотритъ, грѣшенъ ли кто, или праведенъ;—не такъ однакожъ относится Онъ къ сему по призваніи. Здѣсь законъ неотложный: призванъ, пришелъ, облеченъ благодатію,—будь же святъ и непороченъ. На то и благодать, чтобъ царствовать въ принявшихъ ее, но царствовать правдою.

Это обязательство къ правдѣ и святости въ призванныхъ къ вѣрѣ и разъясняетъ Апостолъ въ настоящей главѣ. Сначала а) узаконяетъ сіе обязательство, выводя его изъ благодатнаго таинственнаго нашего сочетанія со Христомъ Господомъ, 6, 1—10,—потомъ б) предлагаетъ способы, какъ устоять въ сей святости и какъ

проявлять ее, 6, 11—14; съ приложеніемъ и в) побужденій къ тому,—6, 15—23;—и наконецъ г) отклоняетъ отъ употребленія средствъ, какія предлагалъ къ тому законъ,—7, 1 - 6.

а)

Гл. 6, 1. *Что убо речемъ: пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ.*

Этотъ вопросъ и отвѣтъ на него помѣстилъ здѣсь Апостолъ въ качествѣ перехода къ изложенію обязательства христіанъ быть святыми. Поводомъ къ нему послужило предшествовавшее слово: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Θеод.). Сказавши это, Апостолъ возбудилъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, какъ враги его всюду распространяютъ о немъ клевету, будто онъ учитъ: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая* (Рим. 3, 8). „Эту клевету онъ и выставляетъ здѣсь, только не отъ ихъ лица, а будто вопросъ, къ которому приводитъ теченіе рѣчи“ (Экум.). Дѣлаетъ же такъ, чтобъ изострить вниманіе къ тому, что намѣренъ говорить: ибо считалъ—послѣ таинства искупленія — главнѣйшимъ предметомъ своего ученія—разъясненіе обязанности христіанъ предъ Богомъ—быть святыми и непорочными. Чѣмъ кто былъ до призванія, до того нѣтъ дѣла; но коль скоро призванъ, будь святъ. потому что и призванъ къ святости и снаряженъ всѣмъ нужнымъ къ достиженію ея. Въ такой связи поставляетъ эти стихи Св. Златоустъ. Онъ говоритъ, что Апостолъ обращается къ нравственности, т.-е. къ внушенію быть святыми; но чтобъ не показаться обременительнымъ и несноснымъ, дѣлаетъ видъ, будто обращается къ сему не намѣренно, а будучи вынужденъ суемудріемъ немощныхъ умовъ. „Онъ доказалъ, что благодать достаточна къ уврачеванію тяжкихъ грѣховъ; но неразумные могли слова сіи счесть поблажкою ко грѣху.

Они стали бы разсуждать: ежели благодать открывается въ большей мѣрѣ, когда нами учинены тягчайшіе грѣхи, то не перестанемъ грѣшить, дабы обильнѣе являлась благодать. Замѣть же, какъ Апостолъ отклоняетъ отъ такого разсужденія и мнѣнія. Сначала опровергаетъ возраженіе простымъ отрицаніемъ, сказавъ: *да не будетъ*, какъ обыкновенно выражаются о чемъ-либо по общему признанію крайне нелѣпомъ. А потомъ приводитъ неопровергаемое доказательство.—Какое же?“

Ст. 2. *Иже бо умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ (како еще жити будемъ въ немъ)?*

„Что значитъ—*умрохомъ?*—То, что увѣровавъ и просвѣтившись (крестившись), стали мы мертвы для грѣха. Что же значитъ стать мертвымъ для грѣха? Ни въ чемъ болѣе не слушаться грѣха. Хотя крещеніе совершило уже сіе однажды навсегда, т.-е., умертвило насъ грѣху; впрочемъ мы обязаны непрестанно употреблять все свое раченіе, чтобы оставаться въ томъже состояніи, и чтобы ни приказывалъ намъ грѣхъ, не только не повиноваться ему, но даже не трогаться съ мѣста, подобно мертвецу“ (Св. Злат.).

Умрохомъ — мы. Кто это мы? — Мы всѣ христіане. Умертвіе разумѣется не физическое, а нравственное, состоящее въ отверженіи всякаго грѣха и возненавидѣніи его. Ибо какъ приступаютъ къ Господу? Каясь и крестясь, какъ указалъ Св Петръ въ день Пятьдесятницы вопрошавшимъ: *что убо сотворимъ? Покайтеся, и да крестится кійждо въ васъ*, отвѣтилъ онъ (Дѣян. 2, 38). А каяться что значитъ?—Говорить въ сердцѣ своемъ: согрѣшилъ не буду. Это *не буду* и есть смерть грѣху. Крещеніе же что придаетъ? —Закрѣпляетъ благодатію сіе рѣшеніе воли и даетъ силу устоять въ семъ рѣшеніи. Крещенный, въ чувствѣ силы о Господѣ, съ смертельною ненавистію относится ко всякому виду грѣха.

Въ этомъ существо нравственной смерти грѣху. Коль же скоро кто начинаетъ допускать симпатію къ чему-либо грѣшному, то въ какой мѣрѣ онъ допускаетъ сіе, въ такой оживаетъ въ немъ грѣхъ, или онъ грѣху. Подавленіе такихъ симпатій есть пребываніе въ умертвіи грѣху. „Отсюда узнаемъ, пишетъ Θеофилактъ, что чрезъ крещеніе всякій вѣрующій дѣйствительно умираетъ для грѣха, но, по нерадѣнію своему, самъ воскрешаетъ себя и тотчасъ оживаетъ для него, лишь только соединяется съ нимъ; напротивъ старательный всегда сохраняетъ въ себѣ эту мертвенность и чтобы ни внушалъ ему грѣхъ, не повинуется ему, какъ мертвый.“

Ст. 3. *Или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся?*

„Какъ предыдущія слова были не совершенно ясны, то объясняетъ тоже самое въ другой разъ, и въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ“ (Св. Злат.). Сказалъ: *умрохомъ грѣху*. Когда и какъ?—Въ крещеніи, говоритъ. „Раскрываетъ, какъ умерли мы для грѣха, и говоритъ: чрезъ крещеніе“ (Θеоф.). Когда окрестились во Христа, тогда и умерли грѣху. Ибо окрестившись во Христа, мы въ смерть Его окрестились. Очевидно, что крещеніе въ смерть Христову есть умертвіе грѣху. Какъ же это такъ?—Это объясняетъ значеніе и сила смерти Христовой. Умерши на крестѣ, Господь Спаситель грѣхи наши вознесъ на крестъ и сталъ очищеніемъ о грѣсѣхъ нашихъ. Въ крестной смерти Господа - очистительная сила грѣховъ. Кто крестится, — погружается,—въ смерть Христову, тотъ погружается въ очистительную силу грѣха. Сія сила въ самомъ дѣйствіи погруженія снѣдаетъ всякій грѣхъ, такъ что и слѣда его не остается. Здѣсь бываетъ тоже, какъ еслибы кто приготовилъ такой химическій составъ, который, когда погрузятъ въ него какое нечистое бѣлье или платье, тотчасъ растворялъ и снѣдалъ

бы всякую нечистоту: только погрузи въ него,—и всякая нечистота будетъ снѣдена. Такъ и смерть Христова, какъ очистительная сила грѣха, снѣдаетъ всякій грѣхъ, какъ только кто погружается въ сію смерть крещеніемъ. Въ крещенномъ и слѣда грѣха не остается: онъ умеръ ему.

Но надо при семъ имѣть въ мысли, что въ семъ умертвіи грѣху чрезъ крещеніе ничего не бываетъ механически, а все совершается съ участіемъ нравственно свободныхъ рѣшимостей самого человѣка. Существо умертвія грѣху всегда одно: это есть отвращеніе отъ грѣха, смертельное возненавидѣніе его. Гдѣ же оно въ крещеніи?—Тутъ же, въ духѣ крещаемаго. Ибо что дѣлаетъ крещаемый предъ погруженіемъ въ купель? Отрицается сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его; а это тоже, что отвращается отъ грѣха и возненавидѣваетъ его. Когда затѣмъ, въ семъ духѣ отвращенія и ненависти ко грѣху, погружается онъ въ купель, тогда благодать Божія, низшедши внутрь, закрѣпляетъ сіи расположенія и рѣшенія воли и даетъ имъ силу живую и дѣйственную. Крещенному всѣ прежніе грѣхи прощаются, а отъ будущихъ охранять его будетъ сія низшедшая въ него въ крещеніи сила. Онъ и есть воистинну мертвъ грѣху. И все сіе производитъ очистительная сила грѣха, сущая въ смерти Христовой, погруженіе въ которую совершается чрезъ погруженіе въ купель. Св. Златоустъ говоритъ: „Чѣмъ для Христа былъ крестъ и гробъ, тѣмъ для насъ стало крещеніе, хотя въ другомъ отношеніи. Ибо Христосъ умеръ и погребенъ плотію; а въ насъ умеръ и погребенъ грѣхъ. То и другое есть смерть, какъ во Христѣ, такъ и въ насъ есть смерть истинная. Но хотя грѣхъ и истинно въ насъ умираетъ чрезъ крещеніе; однакожъ надобно, чтобъ и сами мы содѣйствовали къ умерщвленію его.“ — Это содѣйствіе совершается возненавидѣніемъ грѣха, воспріемлемымъ до кре-

щенія, запечатлѣваемымъ въ крещеніи и хранимымъ съ помощію благодати по крещеніи. Крещеніе не освобождаетъ насъ отъ самоохраненія отъ грѣха, напротивъ обязываетъ къ нему. Отъ чего грѣшатъ по крещеніи? Отъ того, что, возложивъ все на силу крещенія, сами и перстомъ не хотятъ двинуть въ противленіи грѣху, и самоохотно склоняются на него, сначала мыслями, потомъ сочувствіями, далѣе желаніями, а наконецъ и паденіями. Чрезъ это грѣхъ оживаетъ, и опять начинаетъ жить, бывши такъ дѣйственно умерщвленъ въ крещеніи. Какъ истинно то, что, погружаясь въ смерть Христову въ крещеніи, мы умираемъ грѣху, такъ непреложно и то, что сіе умертвіе грѣху есть возненавидѣніе грѣха, которое надлежитъ намъ возгрѣвать въ себѣ самоохотно, при всей облекающей насъ силѣ благодати Христовой.

Ст. 4. *Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ.*

Убо—указываетъ на выводъ изъ предыдущаго. Что же выводитъ Апостолъ?—Итакъ, говоритъ, мы спогреблись въ смерть Христову, чтобъ жить новою жизнію. Но прямо ли это выходитъ изъ предыдущаго?—Тамъ говорилось, что крестясь, мы крестились въ смерть Христову, что означаетъ: умерли грѣху. Прямой выводъ отсюда былъ бы такой: итакъ мы спогреблись въ смерть Христову, чтобы быть мертвыми грѣху. И это прямо соотвѣтствовало бы самоотвѣтному вопросу: *како еще будемъ жити въ немъ?* А онъ говоритъ: спогреблись, чтобы жить новою жизнію.—Зачѣмъ онъ такъ сказалъ? Затѣмъ, что это есть другое выраженіе одной и тойже мысли: ибо жить новою жизнію, значитъ жить жизнію противоположною прежней: и если прежняя была грѣховная, такая, въ коей мы жили грѣху,—то эта новая должна быть жизнію такою, въ коей не слѣдуетъ намъ

жить грѣху, или слѣдуетъ быть мертвыми ему. Или затѣмъ,—чтобы указать вторую половину дѣйствія св. крещенія; ибо въ немъ мы не умираемъ только, но и оживаемъ, или воскресаемъ. Умираемъ для грѣха, а воскресаемъ для правды и святости. И по существу нравственно-духовной смерти такъ должно быть. Когда душа умираетъ чему, то не сама умираетъ: ибо есть присноживуща, а только отвращается отъ того, чему умираетъ, и смертельною возненавидѣваетъ то ненавистію. Но ненависть и отвращеніе всегда такъ строятся въ душѣ, что отвращаясь отъ одного, она не въ пустоту обращается, а къ чему-либо противоположному тому, чего отвращается. По сему закону, возненавидѣвая грѣхъ и отвращаясь отъ него, она въ тоже время обращается къ правдѣ и святости, и возлюбляетъ ихъ. Это возлюбленіе правды и святости и есть новая жизнь. — Совершается сіе обновленіе жизни въ томъже св. крещеніи, въ коемъ умираетъ и грѣхъ. Совершается же не механически, а по внутреннимъ произвольнымъ измѣненіямъ или рѣшеніямъ; совершается такъ въ крещеніи потому, что напередъ крещаемый возлюбляетъ такъ жить. Почему предъ погруженіемъ въ купель мы, отрекшись отъ сатаны и дѣлъ его, сочетаваемся Христу Господу, чтобъ Ему посвящать всю жизнь. Это расположеніе въ купели благодатію Божіею запечатлѣвается и силу принимаетъ быть дѣйственнымъ. Выходя съ нимъ изъ купели, крещенный является такимъ образомъ совсѣмъ новымъ, обновленнымъ въ нравственно-духовной своей жизни, —воскресаетъ. Подобно тому, какъ Христосъ Господь умеръ и воскресъ, и крещеный, погружаясь въ купель, умираетъ, а выходя изъ купели, воскресаетъ: умираетъ грѣху и воскресаетъ для правды, для новой и обновленной жизни. Вотъ объ этомъ таинственномъ и вмѣстѣ свободно-охотномъ измѣненіи и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ св. Павелъ: спогреблись.., чтобъ ходить въ обновленной жизни.

Спогребохомся крещеніемъ въ смерть—тоже самое означаетъ, что выше—*въ смерть Его крестихомся*. Употребилъ же Апостолъ такое слово, чтобъ выразить ближайшее подобіе погруженія въ купель смерти Христовой,—и не подобіе только, но и существенное причастіе очистительной и оживительной силѣ сей смерти. *Спогребохомся*—какъбы мы вмѣстѣ со Христомъ на крестъ возносимы и во гробъ полагаемы бываемъ, въ дѣйствіи крещенія. Такъ подлинно сила смерти Христовой переходитъ на насъ въ крещеніи, какъбы наша смерть здѣсь была тоже, что смерть Его, или неразлучна и сочетанна съ нею.

Когда Апостолъ говоритъ, что Господь Іисусъ *Христосъ воскресъ славою Отчею* (διὰ), то симъ означаетъ, что Онъ воскресъ „собственнымъ Божествомъ; ибо сіяніе славы Отчей есть Сынъ“ (Θеоф.). „Славою Отчею Апостолъ называетъ Божество Христово“ (Θеод.). Но по теченію рѣчи, видѣть надо у Апостола намѣреніе сказать здѣсь не то, чрезъ что, или какою силою воскресъ, а скорѣе то, въ какомъ состояніи воскресъ, чтобъ потомъ съ симъ состояніемъ сравнить то состояніе, въ какомъ должны держать себя христіане по выходѣ изъ купели крещенія, т.-е., что Христосъ воскресъ въ свѣтлости и славѣ Божества. Какъ Христосъ Господь по воскресеніи явился въ такой свѣтлости, такъ намъ, по выходѣ изъ купели, надлежитъ ходить въ новой, свѣтлой, чистой и непорочной жизни.

Не должно пропускать безъ вниманія словъ: *ходити начнемъ*. Обновленіе жизни совершено во святомъ крещеніи,—благодатно-таинственно и свободно-охотно. Вышедшему изъ купели что предлежитъ?—Начать съ сей минуты ходить въ этой обновленной жизни. Жизнь есть обнаруженіе въ видимыхъ дѣлахъ того, что создалось внутри. Тамъ создались въ моментъ крещенія умертвіе

грѣху и оживленіе правдѣ и святости. Если умертвіе грѣху есть смертельная къ нему ненависть, то оживленіе правдѣ есть положительное возлюбленіе ея. Ходить слѣд. въ обновленной жизни будетъ—ходить при ненависти къ грѣху въ любви къ правдѣ и святости. И это есть цѣль всей жизни пріявшаго св. крещеніе христіанина.

Ст. 5. *Аще бо сообразни (снасаждени) быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ.*

Доказываетъ, что правильно сказалъ предъ симъ, сказавъ: спогребохомся.., чтобъ ходить въ обновленной жизни. Ибо, говоритъ, ставъ сообразными смерти Его, мы должны быть сообразными и воскресенію Его. Но если первое совершается чрезъ умертвіе грѣху, то второе должно совершаться чрезъ новую жизнь въ святости и правдѣ; а это и есть ходить въ обновленной жизни, подобясь Христу Господу, воскресшему изъ мертвыхъ въ свѣтлости и славѣ.

Сообразни, — σύμφυτοι,—снасаждены срощены, какъ прививокъ съ деревомъ. Больше и больше углубляетъ мысль о нашемъ причастіи смерти Христовой въ крещеніи: *въ смерть крестихомся.. спогребохомся... снасаждени.*—Хочетъ сказать: мы срощены со Христомъ Господомъ; почему все, что въ Немъ, должно быть и нашимъ достояніемъ. Онъ умеръ и воскресъ. Не можетъ же случиться, чтобы мы причастились только смерти Его и на томъ остановились, не ставъ причастными и воскресенія Его. Нѣтъ; если мы причастны смерти Его, то необходимо уже намъ быть причастными и воскресенію Его. И чтобы не осталось никакого въ этомъ сомнѣнія, употребилъ слово: срощены. Ибо гдѣ дерево, тамъ же непремѣнно и прививокъ его.

Что значитъ снасажденіе смерти Христовой? — Умертвіе грѣху, благодатно-таинственно совершившееся въ

купели крещенія, и долженствующее быть хранимымъ по крещеніи свободнымъ нашимъ произволеніемъ и собственнымъ нашимъ раченіемъ. Св. Златоустъ говоритъ: „два умерщвленія разумѣетъ здѣсь Апостолъ. Одно совершается Христомъ въ крещеніи, а другое обязаны совершить мы сами своею рачительностію послѣ крещенія Что въ крещеніи погребены прежніе наши грѣхи, это есть Христовъ даръ; а чтобы послѣ крещенія пребыть мертвыми для грѣха, сіе должно быть дѣломъ собственнаго нашего раченія, хотя и въ семъ подвигѣ всего болѣе помогаетъ намъ Богъ. Ибо крещеніе имѣетъ силу не только загладить прежнія согрѣшенія, но и ограждаетъ отъ будущихъ. Какъ для заглажденія прежнихъ грѣховъ ты съ своей стороны употребилъ вѣру; такъ, чтобы не осквернитьсѧ грѣхами по крещеніи, яви перемѣну въ расположеніи.“

Почему Апостолъ не сказалъ: *смерти* снасаждены, но—*подобію смерти?*—Св. Златоустъ отвѣчаетъ на это такъ: „ибо въ тебѣ не самая сущность умерла, а умеръ грѣховный человѣкъ.“ И еще: „поелику мы погребены въ водѣ, а Христосъ въ землѣ, нашъ погребенъ грѣхъ, а Его тѣло; то Апостолъ не сказалъ: снасаждени быхомъ смерти, но—*подобію смерти*. Хотя то и другое есть смерть, впрочемъ не одно и тоже умерщвлено ею.“

Какъ разумѣть: *то и воскресенія будемъ*, т.-е. будемъ снасаждены и подобію воскресенія?—По ходу рѣчи такъже должно бы сіе разумѣть, какъ и снасажденіе подобію смерти, т.-е., о нравственно-духовномъ воскресеніи для святости и правды. И въ такомъ случаѣ слову: *будемъ*, надо будетъ дать значеніе увѣщанія: да будемъ, будемъ же, — или должны быть и явиться снасажденными и воскресенію. *То... будемъ*, по гречески ἀλλὰ καὶ... ἐσόμεθα ... Можетъ быть позволительно перевесть и: будемъ же. Судя по сему Апостолъ предлагаетъ здѣсь

увѣщаніе, или налагаетъ на насъ обязательство, по крещеніи жизнію своею подобиться свѣтлости воскресшаго Господа.—т.-е. внушаетъ тоже, что предъ симъ: *да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ.* У нашихъ толковниковъ оправданіе сей мысли можно находить только въ общемъ ихъ опредѣленіи содержанія сего стиха,—т.-е. что Апостолъ говоритъ здѣсь о томъ, какъ должны мы жить по крещеніи,—именно бѣгая грѣха и ревнуя о правдѣ. Прямо же они видятъ въ сихъ словахъ указаніе на будущее воскресеніе, которому предначатіе полагается въ возрожденіи (которое есть воскресеніе въ духѣ) чрезъ крещеніе. Такого пониманія нельзя укорять; потому что грамматическій строй рѣчи сего стиха именно этого требуетъ. Соглашаясь съ этимъ, мы можемъ предложить только вопросъ: чего ради Апостолъ помянулъ о будущемъ воскресеніи, когда рѣчь идетъ все о нравственномъ измѣненіи на лучшее?—Того ради, чтобъ въ свѣтлости воскресенія указать побужденіе къ свѣтлости и чистотѣ жизни здѣсь по крещеніи. Онъ говоритъ какъбы: умерли мы со Христомъ въ крещеніи; несомнѣнно и воскреснемъ съ Нимъ. Смотри же, соблюди себя чистымъ по крещеніи, чтобъ воскреснуть во славѣ и къ славѣ, а не къ посрамленію. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „мы будемъ общниками и воскресенія, наслѣдуемъ жизнь вѣчную, какъ показавшіе воскресеніе, состоящее въ добрыхъ дѣлахъ.“—Можно сюда перенести слова св. Златоуста изъ-подъ предыдущаго стиха: „Апостолъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы, въ ожиданіи будущаго воскресенія, воскресли инымъ образомъ, именно, чтобы мы въ настоящей жизни, измѣнивъ прежніе нравы, стали слѣдовать новымъ правиламъ. Ибо когда блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, сребролюбецъ нищелюбивымъ, жестокосердый кроткимъ; тогда еще здѣсь въ человѣкѣ совершается

воскресеніе, служащее началомъ будущаго. Въ какомъ же смыслѣ называется сіе воскресеніемъ? Въ такомъ, что грѣхъ умерщвленъ, а праведность воскресла; ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и Ангельская.“

Какъ же лучше понимать,—по первому или второму указанію?—Какъ кому угодно. То только не слѣдуетъ упускать изъ вида, что намѣреніе у Апостола въ сей рѣчи—расположить вѣрующихъ жить свято и непорочно по крещеніи.

Ст. 6. *Сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ греху.*

Сіе вѣдяще — показываетъ, что Апостолъ намѣренъ предложить истину такую, которая будетъ служить удостовѣреніемъ въ истинѣ того, что предъ симъ сказано (Св. Злат.). Если ты убѣжденъ въ послѣдующемъ, не можешь сомнѣваться и въ предыдущемъ. Почему можно положить, что слова: *сіе вѣдяще, яко*—значатъ тоже что: потому что, ибо.

Ветхій нашъ человѣкъ: „не естество, а лукавое расположеніе духа“ (Θеод.), или „порчность“ (Θеоф.). „Ветхій, т.-е. устарѣвшій во грѣхахъ. Ветхій человѣкъ тоже самое, что устарѣвшая во грѣхахъ жизнь наша. Человѣкомъ же онъ называетъ ее, въ показаніе, что симъ означается многовѣковый и нераздѣлимый съ человѣкомъ навыкъ грѣховный. Прежде пришествія Господня и устроенія нашего въ Немъ спасенія, люди такъ были поглощаемы грѣхомъ, что, по тогдашнимъ порядкамъ, безъ любосластной жизни и непотребныхъ дѣлъ, и человѣкъ не человѣкъ. Эту-то жизнь, ради того, что сплетались съ нею, срастворялись и сросленною съ собою имѣли, называетъ онъ человѣкомъ, яко такую которую мы любили какъ себя, или даже болѣе чѣмъ себя“ (Фотій и Экум.).

Съ Нимъ распятся,—„сближаетъ крещеніе и крестъ“ (Св. Злат.), и даетъ разумѣть, что ветхій человѣкъ „подобно тѣлу Христову погребенъ въ крещеніи“ (Θеоф.)—въ томъ смыслѣ, что „лукавое наше расположеніе умерщвлено въ крещеніи“ (Θеод.). Лукавое расположеніе, отметнутое предъ крещеніемъ самоохотно, свободнымъ произволеніемъ и рѣшеніемъ воли, и замѣненное добрымъ расположеніемъ, благодатію крещенія совсѣмъ обезсиливается и уступаетъ свое господство новому доброму расположенію. Это есть прямой смыслъ распятія въ крещеніи ветхаго человѣка.

Да упразднится тѣло грѣховное. „Подъ тѣломъ грѣховнымъ разумѣетъ Апостолъ не сіе наше тѣло, но всѣ наши пороки. Какъ именемъ ветхаго человѣка означаетъ вообще все, что есть въ человѣкѣ злаго; такъ тѣломъ ветхаго человѣка именуетъ опять злое, слагающееся изъ разныхъ видовъ порока“ (Св. Злат.). Подобно сему въ обычной нынѣ рѣчи говорится: корпусъ (тѣло) воинскій—совокупность воиновъ; корпусъ (тѣло) дипломатическій—совокупность дипломатовъ. Упраздненіе означаетъ дѣланіе недѣятельнымъ (Θеод.). *Да упразднится тѣло грѣховное*—будетъ тоже что: да содѣлаются недѣятельными въ насъ всѣ виды порока или грѣха, или да престанутъ дѣйствовать,-- да замрутъ. Не сказалъ: распятся ветхій человѣкъ, и упразднися тѣло грѣховное, но: *да упразднится*, показывая, что въ этомъ послѣднемъ должно принимать участіе и свободное раченіе наше,—чѣмъ указывается на трудъ и подвигъ надъ пресѣченіемъ дѣйственности пороковъ, грѣховъ, страстей.

Но какъже это,—ветхій человѣкъ уже распятъ, т.-е., лукавое расположеніе уже умерщвлено, а между тѣмъ предлежитъ еще упразднять тѣло грѣховное, или разные виды порока? -- На это скажемъ: грѣхъ, какъ и добродѣтель, является въ трехъ видахъ: грѣхъ, какъ дѣло,

и обнимаетъ всю совокупность грѣшныхъ дѣлъ; грѣхъ, какъ склонность, и обнимаетъ всѣ виды грѣшныхъ наклонностей, страстей, пороковъ; грѣхъ, какъ грѣхолюбіе вообще, означаетъ коренную падкость человѣка на грѣхъ вообще. Грѣхъ въ послѣднемъ значеніи есть собственно ветхій человѣкъ. Онъ умираетъ и распинается въ крещеніи; потому что въ немъ мы воспринимаемъ смертельную ненависть ко грѣху и любовь къ правдѣ и добру;—а это и есть смерть грѣхолюбія, т.-е. распятіе ветхаго человѣка. Но тогда какъ воспринято такое доброе расположеніе, настроеніе, рѣшеніе, частные виды грѣшности и лукавства—страсти остаются еще, и ихъ надо побѣждать и доводить до бездѣйствія, или упразднять, особыми противъ нихъ направленными трудами и подвигами. Труды и подвиги, не позволяя имъ дѣйствовать, истощаютъ ихъ, изможданотъ, замариваютъ; онѣ и дѣлаются недѣйственными. Поднимать эти подвиги противъ страстей нѣтъ нравственной возможности, пока въ сердцѣ качествуетъ грѣхолюбіе, или ветхій человѣкъ. Почему Апостолъ и сказалъ,—что для того, чтобъ упразднилось тѣло грѣховное, или истреблены были пороки и страсти, распятъ прежде ветхій человѣкъ,—восприняты возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе добра. Это измѣненіе на добро, благодатію Божіею укрѣпленное въ крещеніи, является мощнымъ къ побѣжденію страстей и упраздненію ихъ.

Прибавимъ къ сему, что поелику страсти преимущественное сѣдалище имѣютъ въ тѣлѣ нашемъ, то упраздненіе ихъ будетъ тоже, что изгнаніе ихъ изъ тѣла. Тѣло, пока пребываетъ сѣдалищемъ страстей, есть страстное тѣло или тѣло грѣховное; а когда перестанетъ быть такимъ сѣдалищемъ, становится нестрастнымъ и негрѣховнымъ. *Да упразднится тѣло грѣховное*—можно потому такъ перифразировать: да изгонятся изъ тѣла всѣ стра-

сти, и оно станетъ чистымъ и непорочнымъ, совсѣмъ другимъ противъ прежняго, вмѣсто грѣховнаго безгрѣховнымъ, вмѣсто страстнаго безстрастнымъ.—Можно и къ этому еще прибавить: да содѣлается оно достойнымъ пресвѣтлаго воскресенія къ вѣчной славѣ и блаженству.

Яко ктому не работати намъ грѣху. Этимъ означается и *способъ*, какимъ упраздняется тѣло грѣховное, или истребляются страсти,—и *слѣдствіе* сего упраздненія. Хочешь, чтобъ упразднилось тѣло грѣховное, или страсти,—не работай грѣху, т.-е. всякой разъ, какъ представится случай ко грѣху, или помыслы на него зародятся, не подчиняйся сему,—прогоняй помыслъ, удаляйся отъ поводовъ. Не поддашься грѣху, не сдѣлаешь—его не, дашь пищи страсти. Она останется голодною на этотъ разъ. Не поддавайся грѣху въ другой, третій, и во всякой разъ; страсть совсѣмъ останется безъ пищи и замретъ съ голоду,—упразднится. Такъ дѣлай съ другою, третьею и всѣми страстями; и всѣ они замрутъ и упразднятся.

Итакъ не позволяй себѣ поблажать никакому грѣху, или не дѣлай никакого грѣшнаго дѣла, и тѣло грѣховное страсти—испразднится. Такъ неработаніе грѣху есть *способъ* упраздненія тѣла грѣховнаго, или страстей; но оно же есть и *слѣдствіе* сего послѣдняго. Только тамъ оно было дѣломъ самопринужденія, а здѣсь установившимся состояніемъ. Когда упразднено тѣло грѣховное, страсти погашены и задушены; тогда и позыва на грѣхъ никакого нѣтъ, никакой задержки въ добрѣ уже не бываетъ человѣку, свободно шествуетъ онъ въ добрыхъ начинаніяхъ своихъ, ничто противное тому не вяжетъ его и не тянетъ къ себѣ въ работу. Это состояніе есть состояніе безстрастности,—пресвѣтлое и многожеланное. И кажется св. Апостоль, говоря: *яко ктому не работати намъ грѣху*, желалъ показать по-

слѣднюю мету, до коей доводитъ подаемый намъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ образъ спасенія. Такова цѣль! Воспріими же смѣло и вѣру и всѣ обязательства вѣры. Есть изъ чего поревновать о семъ и потрудиться.

Ст. 7. *Умерый бо свободися отъ грѣха.*

Сказанное предъ симъ подтверждаетъ примѣромъ: какъ мертвый никакого не являетъ движенія. такъ умершій грѣху въ купели крещенія не долженъ допускать никакого дѣянія грѣховнаго. Только,—что у мертваго является по физической необходимости, то у умершаго грѣху должно быть проявляемо свободнымъ рѣшеніемъ воли и раченіемъ. *Свободися,*—δεδικαίωται, оправдался. развязался судебнымъ порядкомъ. Оправданному судья говоритъ: ты свободенъ, ничто тебя не вяжетъ. Такъ до крещенія мы держимы бываемъ въ узахъ грѣха, какъ рабы; по крещеніи же являемся свободными отъ сихъ узъ, потому что выходимъ изъ купели съ возненавидѣніемъ грѣха и возлюбленіемъ правды. А такое расположеніе означаетъ, что грѣхъ не имѣетъ уже для насъ ничего связующаго, нудящаго, порабощающаго: мы свободны стали отъ его надъ нами власти. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе сказано о цѣломъ человѣкѣ. Какъ умершій свободенъ отъ возможности грѣшить уже тѣмъ самымъ, что лежитъ мертвъ“ (Θеодоритъ: „ибо кто когда-либо видѣлъ, чтобы мертвый или осквернилъ чужое ложе, или обагрилъ руки убійствомъ, или совершилъ что-либо иное несовмѣстное?“): такъ и вышедшій изъ купели крещенія. Ибо какъ скоро однажды тамъ умеръ, долженъ навсегда оставаться мертвымъ для грѣха. Итакъ, если ты умеръ въ крещеніи, оставайся мертвымъ; потому что всякой умершій не можетъ уже грѣшить. А если ты грѣшишь, то уничтожаешь тѣмъ даръ Божій.

Ст. 8. *Аще же умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ.*

Сказанное здѣсь сходно съ тѣмъ, что сказано въ пятомъ стихѣ. Тамъ казалось сообразнѣе съ ходомъ рѣчи понимать воскресеніе о воскресеніи, или возрожденіи духовномъ; также кажется и здѣсь не неумѣстно разумѣть подъ жизнію со Христомъ Господомъ жизнь новую въ духѣ Его и благодатію Его. Но тамъ всѣ наши толковники отнесли рѣчь Апостола къ будущему славному воскресенію, а здѣсь одинъ изъ нихъ, бл. Θеофилактъ, видитъ указаніе на духовное воскресеніе или оживленіе къ новой жизни по Богу. Онъ пишетъ: „Выше сказалъ Апостолъ, что мы всегда должны оставаться мертвыми для грѣха, а теперь разсуждаетъ о воскресеніи къ новой жизни по Богу, которую мы всегда должны имѣть. Если мы чрезъ крещеніе умерли со Христомъ, то вѣруемъ, что всегда будемъ имѣть присущимъ намъ воскресеніе, состоящее въ новой жизни; ибо и Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, живетъ всегда, уже не умретъ.“ Соглашаясь съ симъ толкованіемъ, слово: *вѣруемъ* будемъ принимать, какъ: да вѣруемъ,—видѣть въ немъ увѣщаніе, совѣтъ и внушеніе (Экум.). Въ словахъ же: *яко и живи будемъ съ Нимъ*—будемъ видѣть или обязательство, или обнадеженіе. Въ словахъ бл. Θеофилакта содержится первое (всегда должны имѣть новую жизнь), но проглядываетъ и второе (вѣруемъ, что всегда будемъ имѣть присущимъ воскресеніе). Если мы умерли со Христомъ, воспріявъ ненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, то да вѣруемъ, да держимъ то убѣжденіе, что намъ должно уже все послѣдующее время жить съ Нимъ воскресшимъ, ходя въ обновленной жизни, по свѣтлости и чистотѣ соотвѣтствующей свѣтлости воскресшаго Господа. Такъ выразится обязательство; обнадеженіе же такъ: если мы умерли со Христомъ, да вѣруемъ, что возможемъ прочее съ Нимъ и жить, жить въ угожденіе Ему, ходя во святой волѣ Его непорочно,—и жить такъ потому, что сочетаны съ

Нимъ, жить силою Его, отъ Него въ насъ изливающеюся. Что и такую мысль можно здѣсь разумѣть, оправдываетъ образъ выраженія: да вѣруемъ, что и жить будемъ съ Нимъ,—да питаемъ надежду, что, сообщившись со смертію Его, не чужды будемъ и силы воскресенія Его, или твердости и постоянства обновленной Имъ въ насъ жизни духовной, по причинѣ непрестающаго общенія нашего съ Нимъ, воскресшимъ и уже не умирающимъ. Поводомъ къ такому обнадеживанію можно почесть предшествовавшее внушеніе—быть всегда мертвыми грѣху, не работать ему, послѣ того какъ ветхій человѣкъ въ насъ распятъ въ крещеніи, силою смерти Христовой. Сознавъ свое къ тому обязательство, всякой можетъ восколебаться недоумѣніемъ: да какъ я возмогу это сдѣлать, когда чувствую прираженія грѣха, когда корпусъ страстей еще не упраздненъ во мнѣ?—Апостолъ, упреждая сіе, говоритъ какъбы: не безпокойся: имѣешь въ себѣ силу воскресшаго Господа и ею все побѣдишь, не поддашься грѣху, не умрешь имъ, а живъ пребудешь, съ Господомъ и силою Господа ходя всегда въ обновленной жизни. Надежду сію утверждай въ себѣ тѣмъ, что Христосъ, воскресши, уже не умираетъ и смерть овладѣть Имъ уже не можетъ. Какъ Онъ не можетъ умереть, такъ и ты, сочетанный съ Нимъ, не умрешь грѣхомъ; какъ Имъ смерть овладѣть не можетъ, такъ не овладѣетъ тобою грѣхъ, потому что съ тобою Христосъ.

Ст 9. *Вѣдяще, яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ.*

Вотъ основаніе обязательства къ безгрѣшности и обнадеженія устоять въ ней!—Воскресшій Христосъ уже не умираетъ; и ты не долженъ допускать себя до того, чтобъ умереть грѣхомъ. Надъ Христомъ воскресшимъ смерть не имѣетъ власти; вѣрь и надѣйся, что и надъ

тобою грѣхъ не возобладаетъ, когда ты облеченъ силою не подлежащаго смерти Христа Господа. Будь только вѣренъ тому, что воспринялъ въ крещеніи,—храни возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды. Еслибъ одинъ ты оставался, то конечно не надежна была бы твоя новая жизнь, и твоя безопасность отъ грѣха: но когда ты со Христомъ, то будь благонадеженъ, съ Нимъ ты силенъ столько, сколько Онъ силенъ. Ибо все, что въ Немъ есть, есть и твое по благости и человѣколюбію Его. Первое,—внушеніе,—видитъ въ сихъ словахъ бл. Θеодоритъ, который пишетъ: „Апостолъ въ сихъ словахъ достаточно показалъ, что хочетъ вѣрующихъ отвратить отъ грѣха.“ А второе,—обнадеженіе, само собою приходитъ на умъ, при мысли съ одной стороны о силѣ обязательства не грѣшить, а съ другой—о силѣ нашихъ страстей.

Ст. 10. *Еже бо умре, грѣху умре единою: а еже живетъ, Богови живетъ.*

Къ кому относитъ сіи слова?—Относятъ обыкновенно къ Господу Спасителю, какъ причину на предыдущее: *ктому не умираетъ. Грѣху умре* — понимаютъ: грѣха ради, или грѣхъ ради нашихъ; ибо умереть грѣху, какъ мы обязуемся умереть, Онъ не могъ, не имѣя грѣха. *Единою*—однажды навсегда; какъ и въ посланіи къ Евреямъ говорится, что явившись *во отметаніи грѣха, единою принесеся* (Евр. 9, 26—28). Отсюда дѣлается такое наведеніе: смотри же, какъ Христосъ однажды умеръ и въ другой не станетъ умирать; такъ и ты, умерши въ крещеніи грѣху, держись въ безгрѣшности и не попусти себѣ умереть вторично, чрезъ паденіе въ грѣхи. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *грѣху?* То, что Самъ по Себѣ не былъ повиненъ смерти, а умеръ за нашъ грѣхъ. Для того и умеръ, чтобы истребить грѣхъ, подрѣзать ему жилы, отнять у него всю силу. Примѣчаешь ли, сколько устрашилъ Апостолъ? Ежели Христосъ не уми-

раетъ въ другой разъ, то нѣтъ и втораго крещенія; а если нѣтъ втораго крещенія, бойся поползнуться въ грѣхъ."

Богови живетъ, т.-е. живетъ божественною силой; ибо Онъ всегда живетъ въ силѣ Бога и Отца" (Θеоф.); или „живетъ яко Богъ, непрестанно, безъ пресѣченія" (Экум.); или „живетъ вѣчно, такъ какъ смерть не имѣетъ уже надъ Нимъ власти" (Св. Злат.). Можно и такъ: Богови живетъ,—во славу Его, устрояя благодатное царство. основаніе коему положено въ смерти Его. и на устроеніе коего по воскресеніи воспріялъ Онъ власть на небеси и на земли. Отсюда наведеніе: и ты, ожившіи въ крещеніи новою жизнію, живи Богови, Ему посвящая всѣ помышленія, начинанія и дѣла твои, и на волосъ не позволяя себѣ склоняться на что-либо противное Ему.

Но приходитъ на мысль, не удобнѣе ли будетъ отнести слова сіи къ намъ крещаемымъ, и въ крещеніи умирающимъ и воскресающимъ,—умирающимъ грѣху и воскресающимъ къ жизни для Бога и по Богу. Рѣчь у. Апостола идетъ все объ обязательствѣ крещенныхъ быть мертвыми грѣху и жить въ обновленной жизни. О смерти и .воскресеніи Господа говорится только того ради, чтобъ показать, что силою ихъ совершаются въ крещеніи и наша нравственно-духовная смерть, и наше нравственно-духовное воскресеніе для новой жизни; а для уясненія этого достаточно, что сказано уже предъ симъ. Буква текста не даетъ прямаго указанія, къ кому относить сіи слова. Нашъ славянскій переводъ и выдерживаетъ это неуказаніе въ неопредѣленности выраженія, какъ этого требуетъ и греческій текстъ. Тотъ и другой гласитъ: ибо что умерло, грѣху умерло - заразъ, однажды навсегда, а что живетъ, Богу живетъ. Въ такомъ выраженіи слова сіи очень можно относить къ намъ крещеннымъ. Въ крещеніи одно въ насъ умерло, другое ожило: умеръ грѣхъ, или мы умерли грѣху; а ожила жизнь для

Бога и по Богу, или мы ожили для такой жизни. Сила рѣчи не въ умертвіи и оживленіи, а въ *единою*,—въ томъ, что то и другое совершилось однажды навсегда; однажды навсегда умерли мы грѣху, чтобъ всегда жить потомъ Богу. Симъ указывается на то рѣшительное возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, съ какимъ крещаемый входитъ въ купель, и какое запечатлѣвается тамъ въ немъ благодатію Божіей. Намѣреніе же у Апостола и есть то, чтобъ доказать вѣрующимъ и крещеннымъ необходимость всегда удерживать въ силѣ сіи рѣшенія и по нимъ вести жизнь свою. Выставляя впрочемъ такую мысль, не настаиваемъ на ея большей передъ прежнею умѣстности, а предъявляемъ ее, какъ возможную.

б)

Новую жизнь влила въ насъ благодать крещенія и таинственнаго съ Господомъ соединенія. Что мы отъ себя привнести должны для храненія ея и соблюденія святости? Первое- помышляй, что ты мертвъ.

Ст. 11. *Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Такожде. Если въ предыдущемъ стихѣ понимать рѣчь о Господѣ Спасителѣ, то будетъ: какъ Христосъ Господь, такъ и вы. А если понимать рѣчь о насъ крещаемыхъ, то будетъ: таковъ законъ для всѣхъ крещаемыхъ, что въ нихъ совершаются умертвіе грѣху и оживленіе для Бога, совершаются и благодатно и самоохотнымъ рѣшеніемъ. Какъ всѣ крещенные,— такъ и вы.

Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствіе одно: *помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови.* Что значитъ быть мертвыми грѣху и живыми Богу, и сколько это обязательно для крещеныхъ, это достаточно объяс-

нено выше. Теперь вопросъ: какъ исполнить сіе обязательство?—*Помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови.* Сила рѣчи въ—*помышляйте себе.* Положите въ умѣ своемъ и въ сердцѣ своемъ, такъ сложитесь во внутреннихъ рѣшеніяхъ, что вы уже мертвы для грѣха и живы только для Бога; потому какъ на первое не допускайте никакого движенія, такъ на второе устремляйте все свое раченіе Какъ еслибы кто дошелъ до убѣжденія, что онъ мертвъ тѣлесно, то что бы ни происходило около него, онъ не обращалъ бы на то вниманія, и къ чему бы его ни приглашали окружающіе, у него на все былъ бы одинъ отвѣтъ: я уже мертвъ, нѣтъ мнѣ ни до чего дѣла: такъ, говоритъ, будьте вы въ отношеніи къ грѣху; не только движенія къ нему, но и вниманія не имѣйте; его для васъ нѣтъ, и васъ для него. Съ другой стороны, какъ машина какая заведенная, напримѣръ часы, только и дѣлаютъ, что время показываютъ; такъ и вы только и дѣлайте, о томъ только и раченіе имѣйте, какъ бы жить по Богу и Ему угодить. Только, что машина дѣлаетъ непроизвольно, то вы дѣлайте произвольно, съ такимъ только самоохотнымъ самопринужденіемъ, или съ сознаніемъ такой же нравственной необходимости дѣйствованія такъ, а не иначе, какія имѣютъ мѣсто въ машинѣ безъ воли ея.

О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, — или ради Христа Іисуса,—ради того, что таковыя условія спасенія въ Немъ, такъ устроено Имъ и въ Немъ спасеніе наше, что сему иначе быть нельзя, и что мы, сочетаваясь съ Нимъ вѣрою и благодатію чрезъ св. таинства, не можемъ иначе быть въ Немъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, какъ являясь мертвыми грѣху и живыми только для Бога. Кто не таковъ, тотъ не Христовъ. Или—*о Христѣ Іисусѣ* - силою Христа Іисуса. Будь благонадеженъ, что дѣйствительно пребудешь таковымъ; ибо съ тобою Христосъ

Господь, Который и будетъ совершать въ тебѣ сіе, если ты пребудешь преданнымъ Ему. Съ другой стороны, какъ ни высоко—быть мертвымъ грѣху и живымъ Богови, не возносись и не думай о себѣ высоко, ибо не ты совершилъ и совершаешь сіе, а Христосъ Господь, съ Коимъ ты сочетался, къ сочетанію съ Коимъ однакоже ты призванъ по благости Его, и введенъ въ сіе сочетаніе благодатію Его, и пребываешь въ семъ сочетаніи помощію Его и Его осѣненіемъ ради одного того, что ты предаешь себя самоохотно Его въ тебѣ вседѣйствію.

Ст. 12. *Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвенномъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотехъ его.*

Второй отъ насъ пріемъ въ храненіи святости есть не дозволять грѣху царствовать въ насъ. А это какъ? Не слушаясь похотѣній грѣховныхъ. Мы умерли грѣху однажды навсегда; но произволеніемъ,—тѣмъ, что восприняли смертельное возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды. Сѣдалище этого рѣшенія въ духѣ, въ коемъ благодать Божія, пришедши съ благовѣстіемъ, возбудила страхъ Божій, а чрезъ него совѣсть, кои оба, давъ ощутить горечь грѣшной жизни и сладость жизни святой и богоугодной, породили въ духѣ рѣшеніе отъ первой отвратиться, а ко второй прилѣпиться. Но между тѣмъ какъ это совершилось въ духѣ, душа и тѣло остаются еще на сторонѣ грѣха. Долговременнымъ пребываніемъ въ грѣхѣ въ нихъ образовался навыкъ дѣйствовать лишь по грѣховному; дѣйствовать же по святому они не умѣютъ, и не только не умѣютъ, но и питаютъ старое сочувствіе къ грѣховному. Оттого, когда духъ, воспріявъ новыя рѣшенія, начинаетъ заводить и новые порядки жизни, соотвѣтственно тѣмъ рѣшеніямъ, то всегда встрѣчаетъ сопротивленіе тому въ душѣ и тѣлѣ, и по непривычкѣ ихъ дѣйствовать въ этомъ родѣ и по несочувствію къ нему. Не знаютъ вкуса въ

сей новой жизни и не тянутся къ ней, напротивъ тянутся къ противоположному,—къ тому, чѣмъ всегда услаждались прежде. Духъ требуетъ помышлять доброе, а голова,—умъ съ памятію и воображеніемъ,—вся набита представленіями грѣховными; почему не только не помышляетъ доброе, а тѣснитъ въ сознаніе свое недоброе. Духъ требуетъ начинаній благихъ, съ самоотверженіемъ, а воля,—желанія, планы, цѣли, средства,—наклонена къ самоугодію и подсѣкаетъ все доброе саможалѣніемъ. Духъ требуетъ чувствъ благихъ, а сердце не отзывается на доброе и, не умѣя найти въ немъ вкуса, относится холодно ко всему, чего прежде не вкушало. Духъ требуетъ бодрствованія, труда, воздержанія, чистоты, уединенія, а тѣло хочетъ спать, всеутѣшничать, пространно питаться, похотствовать и всюду бывать для услажденія чувствъ своихъ. А тутъ полчище страстей, поселившихся среди отправленій тѣла и способностей души, съ своими выступаетъ противленіями и требованіями И все это не страдательно только пребываетъ въ насъ, т.-е. противясь только добру, но и дѣятельно,—влеча и побуждая на грѣхъ. Духу предлежитъ такимъ образомъ преобразовать душу и тѣло чрезъ борьбу съ противленіями ихъ себѣ и чрезъ препобѣжденіе противныхъ ему ихъ стремленій и похотѣній. Если назовемъ эти противленія и похотѣнія живущимъ въ насъ грѣхомъ, то духу предлежитъ борьба съ симъ грѣхомъ. Самъ онъ умеръ грѣху, но душа и тѣло еще живутъ ему; надо и ихъ сдѣлать мертвыми ему. Какъ это?—Противленіемъ имъ въ томъ, чего они хотятъ,—и понужденіемъ на то, чего не хотятъ. Хотятъ они грѣховнаго; не слушай ихъ, и не только не слушай, но и понуждай дѣлать противное ихъ хотѣнію.—Объ этомъ и говоритъ теперь Апостолъ. О понужденіи на добро говоритъ въ слѣдующемъ стихѣ, а о противленіи грѣховному говоритъ въ настоящемъ.

Да не царствуетъ грѣхъ. Прежде царствовалъ, и чего ни хотѣлъ, въ слѣдъ того, какъ ведомый, велся человѣкъ. Теперь другой царь возсѣлъ на тронъ внутри насъ и царству грѣха положилъ конецъ. По старой привычкѣ онъ можетъ предъявлять и предъявляетъ свои требованія, но всякій разъ получаетъ отказъ отъ возненавидѣвшаго его духа.—Зачѣмъ же предписаніе, когда все это строится само собою?—Строится не по какой-либо естественной необходимости, но въ силу свободнаго рѣшенія духа, благодатію Божіею осѣненнаго и укрѣпленнаго. Свободное же рѣшеніе на одно въ настоящій моментъ предполагаетъ возможность рѣшенія на противоположное ему въ слѣдующій. Оно можетъ быть сильно, какъ законъ правды, по силѣ поддерживающихъ его побужденій, но не восходитъ въ естественную неизмѣнность. Апостолъ и предостерегаетъ, говоря какъбы: смотри, берегись; какъ рѣшилъ, такъ и стой; грѣхъ опять подойдетъ съ требованіями, чтобы завладѣть тобою; не попускай ему этого, не давай ему опять царствовать въ тебѣ.

Въ мертвенномъ вашемъ тѣлѣ. О тѣлѣ только помянулъ, умолчавъ о душѣ, потому что преимущественное сѣдалище грѣха и страстей есть тѣло, такъ что за грѣховными влеченіями тѣла душевныхъ будто и не видно. „Грѣхъ преимущественно дѣйствуетъ въ тѣлѣ и чрезъ тѣло“ (Экум.). И общее мнѣніе такъ привыкло судить, что коль скоро выдается въ комъ плотская грѣховность, о душевной помина не бываетъ, хотя обычно она заправляетъ всѣмъ. И потому, можетъ быть, такъ сдѣлалъ Апостолъ, что съ тѣломъ, привыкшимъ грѣшить, труднѣе совладѣть. Кто преодолѣетъ тѣло въ грѣховныхъ его понужденіяхъ, тотъ справится и съ душею. Да и по нераздѣльности ихъ такъ бываетъ, что тѣлу не откажешь, не отказавъ душѣ. Потому можно думать, что словомъ—*мертвенное тѣло,* Апостолъ означилъ во-

обще всѣ сѣдалища, въ которыхъ витаетъ еще въ насъ грѣхъ, породившій смерть.

Во еже послушати его. Грѣхъ не вяжетъ необходимо, а только предлагаетъ себя. Сами мы склоняемся на его предложенія и грѣшимъ. Это склоненіе есть самоохотное послушаніе ему. Сдѣлай то и то, внушаетъ грѣхъ. Мы можемъ послушать его, и не послушать. Когда слушаемъ, грѣшимъ; но это дѣлается не по необходимости какой, а по нашему произволу. Такимъ образомъ все дѣло въ томъ, чтобъ не слушать грѣха. Пусть вопитъ съ своими требованіями, пусть влечетъ; ты не слушай, и тѣмъ не дашь ему царствовать въ тебѣ.

Въ похотехъ его, т.-е. тѣла. Другіе читаютъ: во еже послушати похотей его. Но мысль одна и таже. Искушеніе на грѣхъ является въ видѣ похотѣнія. Бываютъ представленія грѣшныхъ предметовъ и дѣлъ безъ всякаго имъ сочувствія. Бываютъ представленія ихъ съ сочувствіемъ, безъ похотѣнія ихъ. Влеченіе ко грѣху начинается съ появленіемъ похотѣнія предметовъ и дѣлъ грѣховныхъ. И это есть искушеніе. Апостолъ прямо указываетъ на похотѣніе, потому что тутъ собственно предлежитъ опасность согрѣшить и вслѣдствіе грѣха, дѣломъ совершеннаго, опять подпасть власти его, или пустить его царствовать въ себѣ. Не слушай грѣха, противясь похотѣніямъ его и подавляя ихъ,—и тѣмъ не дашь грѣху царствовать въ тебѣ.

Св. Златоустъ говоритъ на сей стихъ: „Не сказалъ Апостолъ: да не живетъ, или—да не дѣйствуетъ плоть; но — да не царствуетъ грѣхъ. Христосъ пришелъ не упразднить природу, но исправить волю. Сверхъ того Апостолъ хочетъ показать, что мы удерживаемся во власти пороковъ не насильно и принужденно, а по собственному произволу; посему не сказалъ: да не тиранствуетъ (не насильствуетъ), что означало бы принужденность,

но—*да не царствуетъ*. Ибо нелѣпо было бы руководимымъ въ небесное царствіе имѣть царемъ грѣхъ, и призваннымъ царствовать съ Христомъ желать быть плѣнниками грѣха. Точно также, какъ еслибы кто, сложивъ съ головы діадему, захотѣлъ раболѣпствовать сумасшедшей, нищей, одѣтой въ рубище женщинѣ.—А какимъ образомъ, по разумѣнію Апостола, царствуетъ грѣхъ? Не собственною силою, но по твоей безпечности. Посему сказавъ: *да не царствуетъ*, объясняетъ самый образъ сего царствованія, присовокупивъ слѣдующія слова: *во еже послушати его въ похотехъ его*. Нѣтъ чести уступать тѣлу власть и все прочее, но напротивъ крайнее рабство и верхъ безчестія.“ Поясняя сіе, бл. Θеофилактъ прибавляетъ: „Какимъ образомъ царствуетъ грѣхъ? Если повинуемся ему въ похотяхъ тѣлесныхъ, такъ что не тѣло причиняетъ вредъ по естеству своему, но повиновеніе грѣху. Замѣть благодать Христову: Адамъ согрѣшилъ, хотя имѣлъ тѣло не смертное, а мы побѣждаемъ грѣхъ въ смертномъ тѣлѣ.“

Ст. 13. *Ниже представляйте уды ваша оружія неправды греху: но представляйте себе Богови яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уды ваша оружія правды Богови.*

Третій съ нашей стороны пріемъ къ храненію святости и отрѣванію грѣха есть не давать членовъ своихъ въ орудія грѣху. Грѣхъ, когда царитъ, въ сердцѣ засѣдаетъ. Оттуда онъ овладѣваетъ и всѣми силами души и всѣми членами тѣла; вслѣдствіе чего все, что есть въ человѣкѣ, становится орудіемъ его. Когда же благодатію Божіею оживаетъ духъ и въ сознаніи созидаются святыя рѣшенія жить въ добрѣ на богоугожденіе; тогда грѣхъ, изгнанный такимъ образомъ изъ сердца, теряетъ свою опредѣляющую власть, но, по старой памяти, не прекращаетъ покушеній опять привлечь его къ себѣ и члены опять обратить въ орудія себѣ. Апостолъ говоритъ: ког-

да это случится и грѣхъ опять повлечетъ глазъ на смотрѣніе страстное, руки на хищеніе, ноги на содѣланіе зла,—не отдавайте ему членовъ на такое позорное для васъ употребленіе. *Ниже представляйте*, говоритъ, показывая, что это дѣло свободы. Никакъ нельзя ссылаться на силу грѣховныхъ влеченій. Какъ ни будь они сильны, рѣшеніе воли всегда можетъ пересилить ихъ. Которые не ѣдятъ по два, по три дня и болѣе, развѣ не чувствуютъ голода? Чувствуютъ, но преодолѣваютъ его. И которые ночи проводятъ въ бдѣніи, развѣ не испытываютъ припадковъ дремоты? Испытываютъ, но прогоняютъ сонъ. Такъ и всѣ прочія влеченія можно пресѣкать и преодолѣвать.

Не представляйте членовъ своихъ въ оружія неправды. Когда грѣшимъ, неправду дѣлаемъ или себѣ или другимъ, и болѣе себѣ (Св. Злат.). Грѣхъ, когда влечетъ, прикрывается очень привлекательною одеждою и выставляетъ себя правою стороною, внушая, что неудовлетвореніе ему есть насиліе природѣ. А это есть ложь и неправда. Когда грѣхъ совершаютъ, дѣлаютъ себѣ насиліе, а не тогда, когда ему отказываютъ. Не разобравъ этого, вдаемся въ обманъ и грѣшимъ, неправду себѣ дѣлая, думая однакожъ воздавать естеству правое. Которые уразумѣли это, строго содержатъ тѣло, и тѣмъ добро ему дѣлаютъ, а не насиліе и неправду.

Св. Златоустъ говоритъ: „тѣло служитъ средствомъ и къ пороку и къ добродѣтели, подобно какъ орудіе. Сіе послѣднее пригодно и на худое и на доброе, смотря по тому, у кого въ употребленіи. Такъ однимъ и тѣмъже оружіемъ дѣйствуютъ и воинъ, подвизающійся за отечество, и разбойникъ, вооружающійся противъ гражданъ. Слѣдовательно невиновно никакое оружіе, а виновенъ тотъ, кто употребляетъ оное во зло. Тоже самое надлежитъ сказать о плоти,—не по собственной природѣ, а по

расположенію души она бываетъ тѣмъ и другимъ. Когда ты съ жадностію смотришь на чужую красоту, глазъ дѣлается оружіемъ неправды не по собственному своему дѣйствію, но по лукавству управляющаго имъ помысла; потому что дѣло глаза смотрѣть, а не смотрѣть лукаво. Обуздай помыслъ, и глазъ сдѣлается орудіемъ правды. Тоже должно сказать объ языкѣ, о рукахъ и о прочихъ членахъ. И Апостолъ весьма хорошо наименовалъ грѣхъ неправдою. Кто грѣшитъ, тотъ несправедливо поступаетъ, или въ разсужденіи себя самого, или въ разсужденіи ближняго, но гораздо болѣе въ разсужденіи себя, чѣмъ въ разсужденіи ближняго."

Но представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ.

„Отведши отъ порока, ведетъ къ добродѣтели" (Св. Злат.). Тамъ показалъ, какими быть и что дѣлать не слѣдуетъ крещенымъ; теперь же научаетъ, какими слѣдуетъ имъ быть и что слѣдуетъ дѣлать. Слѣдуетъ быть свѣтлыми и чистыми, какими естественно быть воскресшимъ изъ мертвыхъ. Въ этомъ указаніи и образецъ и побужденіе.

Образецъ: вообрази, каковы воскресшіе изъ мертвыхъ, и себя старайся таковымъ держать. Если это трудно вообразить, смотри на Господа воскресшаго, какъ Онъ свѣтлъ, какъ чистъ, какъ отъ всего отрѣшенъ. Будь и ты таковъ. *Побужденіе*: вышедши изъ купели, вы духовно воскресли изъ мертвыхъ, явились въ обновленной жизни. Таковыми содѣлала васъ Божія благодать. Воздайте же Богу то, что Онъ содѣлалъ въ васъ,—представляйте себя Ему всегда живыми изъ мертвыхъ, ходящими въ обновленной жизни. „Приведите себѣ на мысль, говоритъ св. Златоустъ, что были вы прежде, и что стали теперь? Что же вы были? Мертвецы, и притомъ погибшіе такою погибелью, отъ которой не было возможности избавиться:

ибо никто не въ состояніи былъ помочь вамъ. И какими же вы стали изъ сихъ мертвецовъ? Безсмертно-живыми. Чрезъ кого? Чрезъ всемогущаго Бога. Итакъ долгъ требуетъ подчиниться Ему съ такимъ усердіемъ, какое свойственно содѣлавшимся изъ мертвыхъ живыми.“

Представляйте себя таковыми *Богови*. Сама чистота и свѣтлость обновленной жизни привлекательна; но вы таковыми представляйте себя не по одной сей привлекательности святой жизни, но паче потому, что это есть долгъ вашъ предъ Богомъ. Живите чисто и непорочно, принося чрезъ то Богу жертву благодаренія и Ему благоугодить ревнуя, забывъ о всемъ другомъ. И потому сказалъ здѣсь Апостолъ: *Богови*, чтобъ противопоставленіемъ Его грѣху сдѣлать непререкаемымъ налагаемое обязательство. Ибо стоитъ только представить себѣ, что есть Богъ и что грѣхъ, чтобъ со всею ревностію предать себя на служеніе первому съ отвращеніемъ отъ послѣдняго. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, какую силу увѣщанію своему придаетъ симъ словомъ Апостолъ: тамъ наименовалъ грѣхъ, а здѣсь именуетъ Бога. Ибо для того указываетъ на такое различіе между царствующими, чтобы лишить всякаго извиненія воина, который оставилъ Бога и пожелалъ подчиниться царству грѣха.“

И уды ваша оружія правды Богови.

Выше сказалъ, чтобъ не отдавали членовъ своихъ въ оружія неправды, а теперь внушаетъ отдать ихъ въ оружія правды. Тѣмъ и другимъ могутъ быть члены, смотря потому, куда склоняется произволеніе. „И тѣло не есть что-либо худое, но есть созданіе Бога благаго, потому что, если хорошо для добра управляется душею, можетъ служить Богу. Посему наклонность произволенія къ худшему—какъбы оружія грѣху доставляетъ въ членахъ, и обратно расположеніе воли къ доброму уготовляетъ члены на служеніе божественнымъ законамъ.

Языкъ цѣломудреннаго пѣвца произноситъ подобающее Богу всяческихъ пѣснопѣніе, а языкъ упившагося и сумазброднаго съ неистовствомъ издаетъ нестройные звуки хулы. Такъ и глазъ усматриваетъ цѣломудренное и непотребное, жестокое и человѣколюбивое. Такъ и рука и убиваетъ, и милуетъ; и словомъ сказать, всѣ члены тѣла бываютъ и орудіями правды, если хочетъ того умъ, и орудіями грѣха, когда возлюбитъ онъ владычество грѣха“ (бл. Θеод.).

Когда духъ оживаетъ благодатію Божіею, тогда беретъ во власть свою и душу и тѣло, и всѣ силы и отправленія заставляетъ работать Богу Коему предалъ самъ себя. Работаніе Богу есть коренной законъ правды, въ естествѣ написанный и Евангеліемъ возобновляемый. Это есть хожденіе въ волѣ Божіей, въ заповѣдяхъ Господнихъ объявленной. Заповѣди есть на всякой членъ тѣла, на всякое дѣйствіе души. Навяжи эти заповѣди на всякую часть свою и пріучи ихъ не иначе дѣйствовать, какъ по симъ заповѣдямъ. Тогда заповѣдь, наложенная совнѣ, чрезъ навыкъ войдетъ внутрь и станетъ заправляющею силою соотвѣтственной себѣ части. И станешь тогда сосудомъ преисполненнымъ правды,—ходячею правдою. И все придетъ въ тебѣ въ гармонію, одно къ одному подладится, какъ подлаживаются струны на инструментѣ. Только играй и услаждайся,—и Бога услаждай со святыми Его Ангелами. Вотъ чего хочетъ Апостолъ, внушая сдѣлать уды свои оружіями правды!

Но это блаженное состояніе достигается не вдругъ. Доселѣ члены служили оружіями грѣху; надо отнять ихъ у грѣха и отдать правдѣ,—чего нельзя сдѣлать безъ брани. Она и начинается тотчасъ по принятіи рѣшенія работать всѣмъ существомъ Богу,—и благодатію Божіею благоспѣется. Св. Златоустъ при семъ словѣ и приглашаетъ прямо къ брани. „Говоря объ оружіи, Апостолъ

даетъ знать, что наступила тяжкая брань. Посему намъ нужны—крѣпкое вооруженіе, духъ мужественный и хорошо знающій то, что потребно для браней такого рода, а всего нужнѣе вождь. Но сей Вождь уже съ нами; Онъ всегда готовъ споборать намъ и никогда непобѣдимъ и намъ приготовилъ крѣпкое оружіе. Отъ насъ требуется только произволеніе употреблять оное, какъ должно, т.-е. повинуясь Вождю, дѣйствовать оружіемъ за отечество.“

Ст. 14. *Грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію.*

Да не обладаетъ,—по-гречески—οὐ κυριεύσει—не будетъ обладать,—разумѣется.—теперь, послѣ крещенія, по принятіи благодати. Прежде онъ обладалъ вами, и что ни внушалъ, все то вы тотчасъ дѣлали, идя въ слѣдъ его какъ связанные; а теперь власть его пресѣчена воспринятою вами благодатію, дѣйствіемъ коей вы умерли грѣху, т.-е. стали смертельно ненавидѣть его. Теперь появившись съ своими искушеніями, онъ не сочувствіе раздражаетъ, а возбуждаетъ отвращеніе къ себѣ, въ которомъ благодать помогаетъ и пребыть, не уступая ни въ чемъ грѣху. Итакъ не бойтесь, грѣхъ не одолѣетъ васъ; „ибо не одно естество ведетъ борьбу, но имѣетъ содѣйствующую благодать Духа. *Нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію.* Прежде благодати законъ училъ только, что должно дѣлать, а не подавалъ никакой помощи пріемлющимъ законъ. А благодать съ законоположеніемъ даетъ и пособіе. Посему-то законоположеніе благодати совершеннѣе закона, потому что своею помощію уничтожаетъ трудность“ (бл. Θеод.). „Тѣло наше до пришествія Христова было подручно грѣху. Въ слѣдъ за паденіемъ покрылъ оное многочисленный рой страстей, и оно содѣлалось крайне неспособнымъ идти путемъ добродѣтели. Не было еще ни

вспомоществующаго Духа, ни крещенія, могущаго умерщвлять (грѣху). Подобно необузданному коню, оно бѣжало и часто совращалось съ надлежащаго пути; потому что законъ, хотя предписывалъ что дѣлать и чего не дѣлать, впрочемъ кромѣ словесныхъ обѣщаній не оказывалъ ни малѣйшаго пособія подвижникамъ. По пришествіи же Христовомъ борьба сдѣлалась легче. Давать заповѣди свойственно не одному закону, но и благодати, которая прощаетъ прежнее и укрѣпляетъ для будущаго" (Св. Злат.). Но такое преимущество состоянію подблагодатному присвояется не механически какъ, а чрезъ укрѣпленіе нравственно-свободныхъ рѣшеній воли. Грѣхъ притупляетъ чувство къ добру, отъемля сладость его. Грѣшащій знаетъ одну сладость отъ грѣха, сладости же отъ добра не знаетъ. Отъ того, когда грѣховное влеченіе возбуждается, возбуждается и сласть грѣха, склоняющая волю. Волѣ въ этомъ случаѣ не на чемъ опереться, чтобъ предпочесть грѣху добро и, оставя первый, склониться на второе, потому что нѣтъ чувства сладости добра. Это чувство подаетъ благодать въ первый актъ обращенія отъ грѣха къ добродѣтели. Въ этотъ первый актъ даетъ она сердцу вкусить сладость добра всѣмъ чувствомъ, и это вкушеніе потомъ служитъ основою рѣшеній воли — отвергнуть грѣхъ и предпріять добро всякій разъ, какъ возгарается внутри борьба грѣха съ добромъ. Такое настроеніе принадлежитъ крещенымъ по существу облагодатствованія. До крещенія въ сердцѣ живетъ грѣхъ, а благодать дѣйствуетъ совнѣ, призывая на добро; а по крещеніи благодать обитать начинаетъ въ сердцѣ, а грѣхъ дѣйствуетъ совнѣ, искушая. Смотри у Діадоха въ Добротолюбіи 80-я глава и далѣе. Какъ городомъ владѣетъ тотъ, кто сидитъ въ крѣпости,—такъ по крещеніи власть владѣтельская надъ нами принадлежитъ благодати съ добролюбі-

емъ, а не грѣху: послѣдній уже не обладаетъ, а только порывается снова завладѣть.

в).

Ст. 15. *Что убо? Согрѣшимъ ли, зане нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію? Да не будетъ.*

Возвращается Апостолъ къ вопросу, въ началѣ главы предложенному: *пребудемъ ли во грѣсѣ?* Тамъ онъ предложенъ былъ для рѣшенія, а здѣсь для вывода, слѣдующаго изъ рѣшенія его. Онъ какъбы говоритъ: итакъ, что же выходитъ изъ всего предложеннаго мною разсужденія? Грѣшить намъ? Дана намъ свобода грѣшить, потому что мы подъ благодатію, а не подъ закономъ? *Да не будетъ*, никакъ,—сами видите, что не слѣдуетъ такъ дѣлать, а напротивъ, слѣдуетъ пребывать во всякой правдѣ и святости по тому самому, что мы подъ благодатію; ибо обѣтъ дали, скрѣпили его твердою рѣшимостію и благодать спомоществующую получили. Намѣреніе же у Апостола при сихъ словахъ—привесть въ напряженіе принятое въ принятіи вѣры и благодати рѣшеніе—быть вѣрными Господу рабами, которое выразили словами: отрицаюсь сатаны,—сочетаваюсь Христу. Ибо предъ симъ сказалъ, что грѣхъ нами уже не обладаетъ, не имѣетъ надъ нами тиранской власти, потому что благодать освободила насъ отъ сего. Изъ этихъ словъ могъ иной вывесть: такъ мнѣ нечего заботиться, благодать все сдѣлаетъ за меня, нечего мнѣ остерегаться, предусматривать, напрягать силы въ борьбѣ. Все само собою будетъ течь благопріятно; мнѣ можно жить спустя рукава.—То правда, что благодать все совершаетъ и готова всегда со своею помощію, но она всегда дѣйствуетъ въ связи и согласіи со склоненіями воли человѣка. Приходитъ на помощь трудящемуся, когда у него недостаетъ силъ на совершеніе какого-либо дѣла. Потому

въ жизни благодать благодатію, а свободныя рѣшенія свободными рѣшеніями. Ни благодать безъ этихъ рѣшеній, ни эти рѣшенія безъ благодати ничего не дѣлаютъ; они дѣйствуютъ совмѣстно. Такъ ты не разслабляйся, услышавъ, что благодати ради грѣхъ уже не владѣетъ тобою, а береги принятое въ началѣ напряженіе—противостоять грѣху. Не владѣетъ грѣхъ, когда ты противишься ему, и благодать ради твоего противленія помогаетъ тебѣ. Но опусти руки, предайся нерадѣнію, послабь возненавидѣніе грѣха, — грѣхъ подойдетъ, прельститъ, увлечетъ и снова завладѣетъ тобою; потому что благодать не станетъ за тебя дѣлать дѣло, когда ты опустишь руки. Когда ты бросишь дѣло противленія грѣху, благодать отъ тебя прочь отступитъ и ты останешься одинъ; а оставшись одинъ, не совладѣешь съ грѣхомъ и падешь. Чтобъ не случилось такого разслабленія, Апостолъ и предостерегаетъ: что же? грѣшить ли? оставить всякую заботу остерегаться грѣха, смежить глаза, опустить руки? Нѣтъ,—говоритъ,—будь всегда на стражѣ и во всеоружіи.

Такое внушеніе видитъ въ сихъ словахъ св. Златоустъ: „успокоивъ слушателя предыдущими словами (что грѣхъ уже не обладаетъ), Апостолъ ограждаетъ его совѣтомъ, который предлагаетъ въ видѣ возраженія.“— Экуменій яснѣе излагаетъ туже мысль: „чтобы слушатель не сдѣлался нерадивымъ и безпечнымъ, услышавъ, что грѣхъ уже имъ не обладаетъ ради ограждающей его благодати, Апостолъ подкрѣпляетъ его, говоря какъбы: если мы не подклонимъ себя подъ грѣхъ, то не будемъ плѣнены имъ.“

Но какъ напряженія воли зависятъ отъ силы окружающихъ его побужденій, то св. Апостолъ, сказавъ вообще: *да не будетъ*—не разслабляйтесь,—воодушевляетъ на противленіе грѣху, представляя пагубныя слѣдствія

поблажки ему и великія блага отъ вѣрности однажды принятому рѣшенію жить свято по волѣ Божіей. Это съ одной стороны рабство и смерть, а съ другой—свобода и животъ. Сіе разнообразно изъясняетъ Апостолъ до конца главы.

Ст. 16. *Не вѣсте ли, яко емуже представляете себе рабы въ послушаніе, раби есте, егоже послушаете, или грѣха въ смерть, или послушанія въ правду?*

Кому или чему вы вседушно предаетесь съ готовностію слушаться, тому вы становитесь рабами. Если предаетесь грѣху, вы дѣлаетесь рабами грѣха; если предаетесь правдѣ, вы дѣлаетесь рабами правды. Можно бы подумать: такъ все равно,—и тамъ рабство, и тутъ рабство. Но кромѣ того, что рабство правдѣ есть истинная свобода, а рабство грѣху есть настоящее рабство, тягчайшее и срамнѣйшее, посмотри на слѣдствія: кто работаетъ грѣху, тотъ въ смерти, а кто работаетъ правдѣ, тотъ въ животѣ. Грѣхъ убиваетъ всѣ силы души и истощаетъ жизнь тѣла; а правда вводитъ въ истинную жизнь, въ которой разцвѣтаютъ и душа и тѣло. Послѣ словъ: *грѣха въ смерть*, ожидалось бы: или правды въ животъ; а онъ сказалъ: *послушанія въ правду*. Послушаніе, по противоположности преслушанію, стоитъ здѣсь вмѣсто вѣрности волѣ Божіей и святымъ Его заповѣдямъ. Грѣху противопоставляетъ онъ вообще доброе настроеніе сердца, рѣшившагося все посвящать Богу и быть Ему во всемъ преданнѣйшимъ. Такое настроеніе приводитъ въ правду, въ праведное состояніе, въ то состояніе, въ которомъ надлежитъ быть человѣку по естеству; а это и есть состояніе истинно-живущаго. Въ правду — тоже что — въ жизнь истинную.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „не говорю уже, разсуждаетъ Апостолъ, о геенѣ и о тяжкомъ будущемъ наказаніи; но воображаю только вашъ стыдъ, когда станете рабами, рабами по своей волѣ, рабами грѣха, и за

такую цѣну, чтобы снова умереть. Ежели до крещенія грѣхъ произвелъ тѣлесную смерть, и рана требовала такого врачеванія, чтобы Владыка всяческихъ принялъ смерть и тѣмъ разрушилъ зло; то чего не произведетъ грѣхъ, овладѣвши тобою, когда послѣ толикаго дара и свободы снова и добровольно подклонишься подъ его иго? Итакъ, не устремляйся въ сію бездну, не предавайся добровольно грѣху. На войнѣ и поневолѣ иногда воину надобно бываетъ сдаться; но здѣсь никто не возьметъ тебя въ плѣнъ, ежели не сдѣлаешься самъ переметчикомъ. Послѣ сихъ убѣжденій отъ стыда, Апостолъ дѣйствуетъ страхомъ воздаяній и поставляетъ на видъ возмездія, ожидающія каждаго, праведность и смерть, смерть не тѣлесную, но гораздо ужаснѣйшую. Ибо если Христосъ уже не умираетъ, кто разрушитъ смерть сію? — Никто. Слѣдовательно должно будетъ вѣчно терпѣть наказаніе и мучиться. Ибо не будетъ уже и чувственной смерти, которая бы, подобно какъ въ здѣшней жизни, дала покой тѣлу и разлучила его съ душею. Ибо *послѣдній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26); слѣдовательно наказаніе будетъ безсмертно. Но не то ожидаетъ покорныхъ Богу. Ихъ наградою будетъ праведность и блага изъ нея произрастающія.“

Ст. 17. *Благодаримъ убо Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія.*

А какъ худо быть рабомъ грѣху, и какъ благо слушаться правды, - это вы теперь знаете по своему опыту. Держитесь же лучшаго!—Отъ общаго положенія переходитъ къ частному случаю,—къ тому, что было съ тѣми, къ кому пишетъ. Такъ со всѣми бываетъ, что они или рабы грѣха въ смерть, или рабы правды въ животъ. Не тому и другой — вмѣстѣ, но или тому, или другой: то правда одолѣетъ грѣхъ, то грѣхъ правду, смотря по тому,

куда склоняется сердце и на что направляется рѣшеніе ваше. Такъ было и съ вами: были вы рабы грѣха, но услышавъ Евангеліе, возлюбили его ученіе и предались вседушно всему, чего оно требуетъ. Это величайшее для васъ благо, съ которымъ никакое другое сравниться не можетъ, и благо сіе даровалъ вамъ Богъ. Онъ довелъ до васъ благовѣстіе и сдѣлалъ то, что, услышавъ его, вы предались ему вседушно. Вы не можете не сознавать въ семъ великаго Божія благодѣянія, сознаю его и я. Воззовемъ же: благодареніе Богу!

Но цѣль у Апостола не благодареніе возбудить, а чрезъ возбужденіе благодаренія расположить дорожить тѣмъ благомъ, полученіе котораго возбуждаетъ благодарность. Благо такъ велико, что нельзя удержаться, чтобъ не благодарить за него Подателя. Но если оно такъ велико, то и беречь его нужно съ величайшею бдительностію. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ исхитившій плѣнника изъ рукъ лютаго мучителя, совѣтуетъ ему не возвращаться къ сему мучителю, напоминая объ ужасномъ его мучительствѣ; такъ и Павелъ съ великою силой изображаетъ претерпѣнныя бѣдствія (отъ грѣха), начиная благодареніемъ Богу. Потребна была не человѣческая сила, говоритъ онъ, чтобы освободить насъ отъ всѣхъ золъ; но благодареніе Богу, Который восхотѣлъ и возмогъ избавить насъ!—И прекрасно сказалъ Апостолъ: *послушасте отъ сердца*. Не по принужденію, не по насилію, но добровольно, по собственному расположенію отстали вы отъ грѣха. Въ семъ заключается какъ похвала, такъ вмѣстѣ и упрекъ. Ежели вы пришли добровольно, безъ всякаго принужденія, то будете ли имѣть какое извиненіе и оправданіе, когда возвратитесь на прежнее? А дабы ты зналъ, что все сіе зависѣло не отъ ихъ только расположенія, но и отъ Божіей благодати, Апостолъ, сказавъ: *послушасте отъ сердца*, присовокупилъ: *въ оньже и предастеся образъ ученія*.

Послушаніе отъ сердца показываетъ свободную волю; а слово: *предастеся*—предполагаетъ помощь Божію. Какой же образъ ученія? Жить благочинно и благоустроенно."

Ст. 18. *Свобождшеся же отъ грѣха, поработистеся правдѣ.*

Были вы рабами грѣха, но послушали Евангелія и предались вседушно правдѣ, имъ возвѣщаемой и требуемой. Что изъ этого вышло? То, что, когда было вами совершено все, необходимое для вступленія въ чинъ жизни, требуемой новымъ ученіемъ, которому вы предались, то этимъ самымъ дѣйствіемъ вы сбросили прежнее иго рабства грѣху и сами себя поработили правдѣ. Жить въ правдѣ, поэтому, есть существенное ваше дѣло и ваше благо; это должно составлять духъ жизни вашей, съ момента вступленія въ новый завѣтъ благодати. Вотъ истина о Христѣ Іисусѣ: *отложити вамъ по первому житію ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ.... и облещися въ новаго созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Она научаетъ насъ, *да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. 2, 12). Вслѣдствіе сего на насъ лежитъ неотложный долгъ—о томъ только помышлять и ревновать, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8).

Вотъ что значатъ слова Апостола: *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ!* „Онъ указываетъ здѣсь на два дара Божіи,—на освобожденіе отъ грѣха и на порабощеніе правдѣ, которое лучше всякой свободы. Богъ поступилъ подобно человѣку, который беретъ къ себѣ сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, дабы не

только освободить его отъ плѣна, но замѣнить ему собою попечительнаго отца и вывесть его въ люди. Такъ, говорю, и Богъ поступилъ съ нами,—не только освободилъ насъ отъ прежнихъ золъ, но ввелъ въ ангельскую жизнь и уравнялъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, отдавъ насъ подъ защиту праведности, убивъ древнее зло, умертвивъ ветхаго человѣка и руководствуя насъ къ безсмертной жизни“ (Св. Злат.).

Ст. 19. *Человѣческо глаголю за немощь плоти вашея. Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоть и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.*

Слова: *человѣческо глаголю за немощь плоти вашея,* можно относить и къ предыдущему и къ послѣдующему. Въ первомъ случаѣ мысль будетъ такая: говорю—*поработистеся правдѣ,* по причинѣ немощи плоти вашей. Не слѣдуетъ, по настоящему, и поминать при семъ о какомъ-либо рабствѣ; потому что, предаваясь новому ученію съ рѣшимостію жить по его указаніямъ, вы вступили въ область свободы,—въ свободу чадъ Божіихъ. Но какъ немощь плоти вашей такова, что вы не можете исполнять всего внушаемаго новымъ закономъ безъ того, чтобъ не испытывать сопротивленія плоти, не бороться съ собою во злѣ и не принуждать себя на добро, то и новая жизнь, по сей немощи плоти вашей, представляется чѣмъ-то, похожимъ на рабство, будто идущій путемъ ея иго какое несетъ. Такъ разумѣетъ бл. Фотій у Экуменія. „*Человѣческо глаголю,* говоритъ, *поработистеся*; ибо, по настоящему, жить праведно не есть рабство, но истинная свобода и счастіе. Такъ что же ты называешь это рабствомъ, когда оно не есть рабство? По немощи плоти вашей, говоритъ, такъ называю. То-есть, поелику мудрованіе плоти въ началѣ обычно противится заповѣдямъ правды, тяготится ими и скучаетъ,

то, имѣя въ виду такую немощь плоти вашей, я назвалъ праведную жизнь рабствомъ, по обыкновенію человѣческому. Ибо мы обыкновенно, когда надъ чѣмъ скучаемъ или дѣлаемъ что съ самопринужденіемъ, прилагаемъ къ тому имя рабства и невольничества. Въ этомъ смыслѣ и Апостолъ Павелъ сказалъ: *человѣческо глаголю: поработистеся правдѣ.*“

Если относить сіи слова къ послѣдующему, то они будутъ указывать на мѣру порабощенія правдѣ, равную мѣрѣ порабощенія грѣху. Какъ вы поработали грѣху, такъ поработайте правдѣ. Это говорю я по немощи плоти вашей. Можно ли ставить на одну линію грѣхъ и правду? И справедливо ли, потому, то только требовать, чтобы вы правдѣ работали лишь столько, сколько прежде работали грѣху? Но по причинѣ немощи вашей плоти, я ограничиваю требованіе новой жизни лишь такою мѣрою. Надо бы потребовать несравненно болѣе, но сдѣлайте хоть это. Такъ разумѣетъ св. Златоустъ, тотъже Фотій и всѣ другіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Выше Апостолъ требовалъ большей строгости въ поведеніи, повелѣвалъ имъ стать мертвыми для міра, умереть пороку и пребывать непоколебимымъ противъ стремленія грѣховъ. Но такія требованія казались великими и тяжелыми, даже превосходящими человѣческую природу. Посему желая доказать, что не требуетъ ничего чрезмѣрнаго, что требуетъ менѣе, нежели надлежало бы отъ человѣка, пользующагося даромъ благодати, и что заповѣдь его весьма соразмѣрна съ человѣческими силами и легка, говоритъ: *человѣческо глаголю.* Сіе тоже значитъ, еслибы сказалъ: говорю по человѣческому разсужденію, примѣняясь къ обыкновеннымъ человѣческимъ дѣламъ. Ибо словомъ,—*человѣческо,*—выражаетъ соразмѣрность требованія съ силами. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *искушеніе васъ не постиже, точію человѣческое* (1 Кор.

10, 13), т.-е. соразмѣрное съ силами и малое. Сколь ни велика разность между властелинами (грѣхомъ и правдою), Апостолъ требуетъ, чтобы служили и правдѣ въ одинаковой мѣрѣ, какъ служили грѣху. Хотя надлежало гораздо болѣе поработиться правдѣ и тѣмъ болѣе, чѣмъ владычество ея обширнѣе и лучше владычества грѣха, впрочемъ не требую, говоритъ Апостолъ, большаго порабощенія по вашей немощи. И не сказалъ: по немощи вашего произволенія или усердія; но, дабы не очень огорчить словомъ, говоритъ: *по немощи вашей плоти.*— Кто будетъ такъ жалокъ и бѣденъ, чтобы не согласился служить Христу съ такимъ же раченіемъ, съ какимъ служилъ грѣху и діаволу?“

Якоже представисте уды ваша рабы.—Представлять уды свои рабами кому значитъ отдавать ихъ ему въ орудія его дѣйствованія. Въ человѣкѣ всѣмъ правитъ его собственное самодѣятельное лицо. Отъ этого лица исходятъ замыслы и повелѣнія, исполняемыя разными членами души и тѣла, опять по повелѣнію тогоже лица. Сознаніе и самодѣятельность составляютъ лицо и суть исходища нашей жизни и дѣяній. Но эти свойства составляютъ только форму жизни и дѣяній, духъ же ихъ зависитъ отъ того направленія и настроенія, которыя принимаетъ лицо человѣка сознательно и самодѣятельно. Этихъ направленій два: жизнь по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, и жизнь въ нечистотѣ и беззаконіи. Направленія эти образуются отъ возлюбленія въ первомъ случаѣ Бога и правды Его, а во второмъ—грѣха съ его нечистотами и беззаконіями. Ибо когда образуется въ лицѣ возлюбленіе чего-либо, тогда оно сознаніемъ и самодѣятельностію переходитъ на сторону возлюбляемаго, ему предается и по нему все въ себѣ и внѣ себя устрояетъ; а это и есть направленіе жизни и дѣяній. Такимъ образомъ возлюбленное становится источникомъ и

исходищемъ сознательной самодѣятельности. Самъ по себѣ и сознательно все дѣлаетъ человѣкъ, но въ угоду тому, что возлюбилъ и что по сей его любви завладѣло всѣмъ имъ. Это угождаемое есть властелинъ его; но какъ самъ онъ есть властелинъ всѣхъ членовъ своихъ, то чрезъ него становится властелиномъ ихъ и угождаемое возлюбленное. Въ моментъ возлюбленія самъ себя предалъ онъ возлюбляемому, а вмѣстѣ съ собою и всѣ члены свои, такъ что съ этого времени и самъ онъ и всѣ члены его становятся исполнителями и орудіями того, что возлюблено: если возлюбленъ грѣхъ—орудіями грѣха, если возлюблена правда—орудіями правды. Предъ симъ сказалъ Апостолъ, что научаемые имъ чрезъ сіе посланіе были рабами грѣха, а потомъ, услышавъ Евангеліе, вседушно предались ученію его съ твердою рѣшимостію во всемъ ему единому слѣдовать. Это тоже, что: вы прежде любили грѣхъ, а теперь возлюбили правду, отвратившись отъ грѣха. Итакъ, говоритъ, исполните теперь то, чего требуетъ любовь: отдайте себя и всѣ члены свои правдѣ, какъ прежде то и другое было предано у васъ грѣху. По устроенію душевному это иначе и не можетъ быть. Апостолъ излагаетъ законъ естества души.

Рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе. Слова: *нечистота и беззаконіе* можно не различать; ибо нечистота нравственная есть уже беззаконіе, и обратно всякое беззаконіе есть нравственная нечистота. Но можно и различать, относя къ нечистотѣ всѣ виды сластолюбія, наипаче плотскаго, а къ беззаконію—всѣ другіе виды грѣховъ предъ Богомъ и людьми, и, можетъ быть, наипаче неправды, обиды, зависти и всякаго рода злодѣянія въ отношеніи къ ближнимъ. Но что значитъ: *въ беззаконіе?*—Въ умноженіе беззаконія (Экум., Θеоф.). Грѣхъ ко грѣху прилагая, умножали вы беззаконіе. Всякой

членъ вашъ, служа грѣху, приносилъ грѣхъ, какъ вѣтвь дерева приноситъ плодъ; и вы были многовѣтвистое дерево, богатое плодами грѣха.—Но можно, въ противоположность нижеслѣдующему указанію: *во святыню*,—разумѣть подъ *въ беззаконіе*—обезаконеніе всего естества человѣка. Когда грѣхъ на грѣхъ прилагается, то беззаконіе все болѣе и болѣе проникаетъ внутрь: сначала внутрь того члена, коимъ творится, а потомъ членъ за членомъ проникнувши, проникаетъ и все естество человѣка, и онъ весь становится пропитаннымъ беззаконіемъ. Если беззаконіе, какъ уклоненіе отъ закона, лежащаго въ естествѣ, назовемъ уклоненіемъ отъ естества; то пропитаніе естества беззаконіемъ будетъ совершенное уклоненіе наше отъ естества нашего, обезображеніе, извращеніе и омраченіе его. Если беззаконіе возведемъ къ источнику его сатанѣ, то обезаконеніе естества нашего будетъ осатаненіе его.

Значеніе слова—*во святыню* опредѣляется само-собою по противоположности сказанному предъ симъ о—*въ беззаконіе. Во святыню* будетъ—въ умноженіе святости. Одно святое дѣло прилагая къ другому, умножаютъ святость. Каждый членъ, повинуясь правдѣ, приноситъ, какъ плодъ, святое дѣло; и человѣкъ въ этомъ случаѣ становится многовѣтвистымъ деревомъ, приносящимъ обильные плоды святости. Слѣдствіемъ этого должно быть освященіе всего естества. Всякой членъ, творя святое дѣло, проникается освящающею его силою его, а постоянствомъ въ дѣланіи святыхъ дѣлъ и весь преисполняется святостію. Когда такимъ образомъ и другіе члены одинъ за другимъ преисполнятся святостію, преисполнится ею и весь человѣкъ; и все естество его станетъ свято, чисто и свѣтло. Извнутрь возлюбленіе правды, совнѣ дѣла правды совсѣмъ изгоняютъ грѣхъ, и человѣкъ весь становится святымъ. Если назовемъ правдою

дѣйствованіе и стояніе по закону естества, то освященіе правдою естества нашего будетъ возведеніе его въ его естественный чинъ, въ то состояніе, въ коемъ ему надлежитъ быть по первоначальному его назначенію. Если возведемъ правду къ источнику—Богу, то освященіе правдою будетъ обоженіе.

Какой дивный плодъ, —а между тѣмъ какъ просто онъ достается?!—Возлюби правду и возненавидь беззаконіе, а затѣмъ, не жалѣя себя, понуждай всякой членъ души и тѣла исполнять лишь велѣнія правды. Какое несложное требованіе?! То правда, что если собрать все, что въ словѣ Божіемъ возлагается на каждый членъ нашего естества, то мы получимъ большое количество заповѣдей Божіихъ, обязательныхъ для насъ; но и то правда, что въ каждый моментъ одно только можетъ лежать на насъ дѣло, и нерѣдко на одномъ только членѣ нашемъ. Слѣдовательно выраженное Апостоломъ несложное требованіе, и есть таково во всякой моментъ нашей жизни. Внимай только себѣ и держи воспринятую любовь къ правдѣ, какъ направительный компасъ,—и никогда не будешь смущаемъ сложностію дѣлъ и подавляемъ численностію и тяготою ихъ, особенно если при этомъ не будешь сводить очей ума съ того дивнаго плода, какой вкусишь наконецъ отъ постоянства въ такомъ родѣ дѣйствованія.—Этотъ плодъ, предуказанный уже въ настоящихъ словахъ, въ слѣдъ за симъ полнѣе живописуетъ Апостолъ, для привлеченія желающихъ на путь къ стяжанію его, и на воодушевленіе къ постоянству шествованія по нему.

Стт. 20. 21. *Егда бо раби бѣсте грѣха, свободни бѣсте отъ правды. Кій убо тогда имѣсте плодъ? О нижже нынѣ стыдитеся: кончина бо онѣхъ смерть.*

Чтобъ воодушевить къ исполненію предложеннаго внушенія, Апостолъ выставляетъ плоды того и другаго рода

жизни, жизни въ рабствѣ грѣху и жизни въ правдѣ. Вы, говоритъ, когда работали грѣху, грѣхомъ однимъ и жили, правда не входила въ ваши намѣренія и планы; вы ей дали отпускную и никакихъ относительно ея не сознавали обязательствъ; „исполняли велѣнія одного грѣха, не принимали законовъ правды" (Θеод.). „Когда вы жили, предавшись пороку, нечестію и всякому злу, тогда находились въ такомъ повиновеніи грѣху, что вовсе не дѣлали ничего добраго. Таково значеніе словъ: *свободни бѣсте отъ правды*,—т-е. вы не подчиняли себя правдѣ, но совершенно ея чуждались. Вы не раздѣляли своихъ услугъ такъ, чтобы иногда работать правдѣ, а иногда грѣху; но каждый изъ васъ всего себя предавалъ пороку" (Св. Злат.).

Какъ испытатель естества, желая знать дѣйствіе какой-либо стихіи на наше тѣло, освобождаетъ ее отъ всякаго смѣшенія съ другими стихіями, чтобъ оказываемое ею дѣйствіе могло быть приписано исключительно ей одной—и чрезъ то безошибочно опредѣлены ея польза и вредъ: такъ и св. Павелъ, выведши своихъ слушателей изъ-подъ всякаго сторонняго вліянія и поставивъ подъ одно исключительно дѣйствіе грѣха, спрашиваетъ: оглянитесь назадъ и посмотрите, какой имѣли вы плодъ, когда работали грѣху?—Сами видите, какой. Такой, что стыдно и воспоминать о немъ: сами теперь стыдитесь того, что дѣлали и чѣмъ были вы тогда. *О нихже нынѣ стыдитеся.* Грѣхъ—срамъ для человѣка. Какъ для царской дщери, еслибъ она предалась постыднымъ дѣламъ, было бы срамно это такъ, что и описать того нельзя; такъ для души, созданной по образу Божію и естествомъ обязанной подобиться Создавшему ее, неописанно срамно предаваться грѣху и безобразить въ немъ. Но грѣшащій, пока грѣшитъ, не сознаетъ вполнѣ срамоты грѣха, нерѣдко даже величается имъ; когда же выйдетъ изъ

грѣха и оглянется назадъ, не можетъ не покрываться стыдомъ лице его. Почему Апостолъ не говоритъ: стыдились тогда, но: теперь стыдитесь. „Таково было рабство грѣху, что одно воспоминаніе объ ономъ заставляетъ васъ нынѣ стыдиться. А ежели воспоминаніе пристыждаетъ, тѣмъ паче самое дѣло постыдно. Слѣдовательно нынѣ получили вы двоякую пользу: освободились отъ стыда и узнали, въ какомъ были состояніи, равно какъ тогда терпѣли двоякій вредъ: дѣлали постыдныя дѣла и не знали, что оныя постыдны,—что еще хуже перваго. Впрочемъ, несмотря на вредъ, вы оставались въ рабствѣ“ (Св. Злат.).

Кончина бо онѣхъ смерть. Не довольно того, что грѣхъ стыдомъ покрываетъ лице человѣка, лучшей и совершеннѣйшей твари Божіей, низводя его въ состояніе, дѣлающее его худшимъ самой послѣдней твари; не довольно этого,—онъ подвергаетъ его смерти: конецъ жизни во грѣхѣ смерть,—смерть духовная (Экум.), за которою неминуемо слѣдуетъ и смерть вѣчная по смерти тѣлесной (Θеод.). Можно думать, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь не одну тѣлесную смерть, но всестороннюю, и тѣлесную и духовную и вѣчную. Какъ только входитъ грѣхъ и начинаетъ тиранствовать въ человѣкѣ, начинаетъ дѣйствовать въ немъ и смерть. Грѣхъ разлагаетъ и разрушаетъ естество наше: разлагаетъ тѣло, производя въ немъ борьбу жизненныхъ стихій, возмущая естественный ходъ тѣлесныхъ отправленій и разстроивая ихъ гармонію чрезъ чрезмѣрное возбужденіе одного какого-либо и чрезъ подавленіе другаго,—слѣдствіемъ чего бываютъ болѣзни и всегда преждевременная смерть; разлагаетъ и душу, вооружая одну ея способность противъ другой, разъединяя ихъ, и тѣмъ лишая душу свойственной ей жизненности, которая условливается согласнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ. Если не исправится душа, то она и въ вѣчность пере-

ходитъ съ этою разлагающею и разрушающею силою грѣха, вслѣдствіе чего вѣчнымъ наслѣдіемъ ея будетъ непрестанное томленіе и умираніе со всѣми ужасами смерти, раздирающими сердце. Все это привелъ на память Апостолъ, сказавъ, что кончина грѣховной жизни смерть.

Какое въ этомъ сильное побужденіе—не поддаваться болѣе рабству грѣха для тѣхъ, которые сами на себѣ испытали пагубное состояніе, въ какое ввергаетъ грѣхъ, и только что освободились отъ него!—Но Апостолъ не ограничивается этимъ, а прилагаетъ изображеніе блаженнаго состоянія, въ какое поставляетъ вѣрующаго христіанина порабощеніе правдѣ.

Ст. 22. *Нынѣ же свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню: кончину же животъ вѣчный.*

Нынѣ же, — вышедши изъ того пагубнаго состоянія грѣховнаго, отвергши грѣхъ и возненавидѣвъ его, возлюбивъ правду и Бога—источникъ правды, и предавшись вседушно сему новому роду жизни, какъ рабы предаются господамъ,—*нынѣ имате плодъ вашъ во святыню.* Грѣхъ осрамлялъ, унижалъ и извращалъ естество ваше, а правда, или паче Богъ, приведшій васъ къ правдѣ и держащій въ ней, освящаетъ естество ваше, приводитъ его въ святое, чистое и неповрежденное состояніе. Вы стали на путь къ сему свѣтлому состоянію, и если пребудете вѣрны принятому рѣшенію—ненавидѣть всегда и во всемъ грѣхъ и любить единую правду, или, что тоже, будете постоянно всѣми членами души и тѣла рабствовать правдѣ, какъ прежде рабствовали грѣху; то непремѣнно достигнете его. Если до конца жизни сохраните себя въ семъ спасительномъ настроеніи, то святыми и чистыми перейдете и въ другую жизнь и начнете тамъ наслаждаться неизсякаемымъ блаженствомъ. Кончина святой жизни о Христѣ Іисусѣ — животъ вѣчный, всеблаженный.

Что такъ будетъ, судите по тому, что получили уже: святыню имѣете. Она —залогъ и предначинаніе вѣчнаго блаженства. Имѣя сіе въ мысли, можете ли вы ослабѣвать въ ненависти ко грѣху и въ возлюбленіи правды?

Св. Златоустъ говоритъ: „плодомъ перваго состоянія есть стыдъ; а плодомъ нынѣшняго — святость. Но гдѣ святыня, тамъ много упованія. Концемъ прежняго есть смерть, а концемъ нынѣшняго — жизнь вѣчная. Примѣчаешь ли, что̀ Апостолъ на одно указываетъ, какъ на данное, а на другое, какъ на ожидаемое? Но по данному удостовѣряемся въ ожидаемомъ, по святости—въ жизни (вѣчно-блаженной). И дабы не могъ ты сказать, что все есть только ожидаемое, Апостолъ доказываетъ, что ты и здѣсь пожалъ уже плоды. Вопервыхъ ты освободился отъ порока и отъ тѣхъ худыхъ дѣлъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ тебя въ стыдъ; вовторыхъ поработился правдѣ; въ третьихъ получилъ святость; въ четвертыхъ улучилъ жизнь, и жизнь не временную, а вѣчную. Но при всемъ томъ, говоритъ Апостолъ, служите Богу хотя въ тойже мѣрѣ, въ какой служили грѣху. Несмотря на то, что новый Властелинъ превосходнѣе, и велика разность, какъ въ самомъ служеніи, такъ и въ наградахъ, за которыя служите, я ничего больше отъ васъ не требую.“

Выше сказалъ Апостолъ: *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ;* а здѣсь говоритъ: *свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови,*—чѣмъ показалъ, что порабощеніе правдѣ есть порабощеніе Богу, какъ и выше сего внушалъ, когда говорилъ, что надо члены свои отдать *въ оружіе правды Богови* (ст. 13). Такъ научаетъ насъ Апостолъ, что не должно останавливаться на одной правдѣ, а чрезъ нее простираться къ Богу, какъ послѣдней цѣли. Есть мудрователи, которые думаютъ построить добрую нравственность безъ Бога и вѣры въ Него. Слѣ-

дуй совѣсти—вотъ и все.—То правда, что должно слѣдовать совѣсти, но почему? Потому что она волю Божію открываетъ намъ. На совѣсть въ самомъ твореніи возложилъ Богъ, чтобъ она стояла за святую волю Его. Почему видимъ, что какъ только совѣсть сознаетъ, что то и то есть законъ правды Божіей, покоя не даетъ человѣку, пока не заставитъ его дѣйствовать по сему закону. Таково устроеніе совѣсти. Но и въ дѣйствованіи своемъ она всегда состоитъ въ зависимости отъ того, каковъ человѣкъ въ отношеніи къ Богу. Кто помнитъ Бога и страхъ Божій имѣетъ, у того совѣсть бываетъ сильна, а кто забываетъ Бога и теряетъ страхъ Божій, у того совѣсть немощна. Такъ въ естествѣ нашемъ совѣсть сочетана съ Богомъ, что безъ Бога сама она мало гожа къ дѣлу, для котораго имѣется въ насъ. Какъ же на ней одной основать добрую нравственность?

Есть другіе мудрователи, которые все свое нравоученіе совмѣщаютъ въ слѣдующемъ краткомъ положеніи: вѣруй въ Бога и слѣдуй совѣсти. Страхъ Божій съ совѣстію суть мощные производители доброй нравственности. И это—совершенная правда; иначе доброй нравственности и состояться нельзя. Но какъ оживить страхъ Божій, какъ совѣсть возвесть до яснаго и полнаго познанія воли Божіей, и какъ, по сознаніи сего, облечь волю силою неуклонно исполнять внушенія совѣсти?—Этого мудрователи не опредѣляютъ и сами-по себѣ опредѣлить не могутъ. Все это указываетъ намъ христіанское откровеніе, и не только указываетъ, но и возводитъ въ состояніе страха Божія, вѣдѣнія святой воли Его и обладанія силою слѣдовать ей. Первое призваніе Евангельское открывается возбужденіемъ страха Божія и оживленіемъ совѣсти, которыя раждаютъ возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, приводящія къ рѣшимости отвращаться отъ перваго и прилѣпляться къ послѣдней. Когда

затѣмъ сіе рѣшеніе запечатлѣвается въ крещеніи и пріемлетъ на себя благодать Божію; тогда лицо, выходящее изъ купели, есть уже мощный ревнитель добрыхъ дѣлъ, готовый скорѣе умереть, чѣмъ нарушить въ чемъ-либо святую волю Божію. Вотъ это и есть порабощеніе Богови, коего плодъ святыня, о коемъ говоритъ здѣсь св. Павелъ. Говоря—*Богови*, онъ разумѣлъ принятіе всего устроенія Богомъ нашего спасенія въ Іисусѣ Христѣ, какъ въ слѣдъ за симъ и выражаетъ, говоря о дарованіи Божіемъ за правду, что оно будетъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Ст. 23. *Оброцы бо грѣха, смерть: даровиние же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Оброцы грѣха—тоже, что выше плодъ грѣха, или кончина его и воздаяніе за него. Выраженіе такое употребилъ Апостолъ ради того, что прежде грѣхъ изображалъ въ видѣ царя. Грѣшники потому похожи на воинство грѣха-царя. Какъ воины живутъ на царскомъ коштѣ или жалованіи, который называется оброкомъ, то и у грѣха-царя есть свой оброкъ его воинамъ. Какой же? Смерть. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „поелику грѣхъ древле царствовалъ и орудіями его Апостолъ назвалъ худо управляемые члены, то справедливо и награду за грѣхъ назвалъ оброкомъ. А такъ именовать обычно выдаваемое воину на его содержаніе. Ибо и въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки когда?* (1 Кор. 9, 7).“ Созывая къ себѣ воиновъ—грѣшниковъ, онъ не объявляетъ: идите ко мнѣ, воинствуйте подъ моимъ знаменіемъ и получите за это отъ меня смерть. Но разными обольстительными именами и призраками прикрываетъ и себя и слѣдствія отъ себя; такъ что бросающійся къ нему думаетъ, что будетъ утопать въ морѣ блаженства. И эта лесть грѣховная столь велика, что, и видя послѣ каждаго грѣха, что такая надежда лжива, грѣшники не

перестаютъ надѣяться, что получатъ это блаженство. Только успѣвшій выдти изъ этого омута грѣховнаго узрѣваетъ, что оброкъ грѣха—смерть, смерть и душевная, и тѣлесная, и вѣчная.

Дарованіе же Божіе, животъ вѣчный. Противоположный грѣху царь есть правда. или Богъ правды. У Него свои воины—дѣлатели правды. Ожидалось бы, что Апостолъ скажетъ: оброкъ правды, или оброкъ Божій за правду; а онъ сказалъ: *дарованіе же Божіе.* Почему такъ? Потому что хотя жизнь вѣчная будетъ удѣломъ тѣхъ, кои воинствовали подъ знаменемъ правды и трудились въ дѣланіи ея; но воздаяніе за нее не будетъ въ мѣру нашей правды, а въ мѣру безпредѣльной благости Божіей. Почему приличнѣе назвать его дарованіемъ, а не наградою за правду, хотя оно будетъ дано подъ условіемъ правды. Да и самое устроеніе вѣчно-блаженной жизни, равно какъ и способы къ достиженію ея суть дары благости Божіей. Тутъ все есть дарованіе Божіе. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „здѣсь, сказалъ, не награда, но дарованіе, потому что вѣчная жизнь—Божій даръ. Еслибы кто преуспѣлъ въ самой высокой правдѣ, то вѣчныя блага не уравновѣшиваются временными трудами.“— Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ, что смерть есть воздаяніе за грѣхъ, Апостолъ не соблюлъ подобнаго порядка, когда сталъ говорить о жизни вѣчной, и не сказалъ: она есть награда за ваши заслуги, но дарованіе Божіе, давая тѣмъ разумѣть, что мы освободились не сами собою, и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, напротивъ все сіе есть дѣло благости. И изъ сего видно преимущество благодати; она не только освободила насъ и улучшила нашъ жребій, но все сіе совершила безъ нашихъ усилій и трудовъ. Она не только освободила, но даровала гораздо болѣе,—даровала чрезъ Сына.“

О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Животъ вѣчный есть вѣнецъ устроенія нашего спасенія въ Господѣ Христѣ. Но самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій воплотившійся, есть намъ даръ благости и любви Бога всеблагаго. Который такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего единороднаго далъ есть за насъ. Почему и животъ вѣчный есть намъ дарованіе Божіе о Немъ же, дарованномъ прежде. Путь въ животъ вѣчный былъ закрытъ, дверь въ него заключена. Прошелъ симъ путемъ и отворилъ входъ первый—Господь Іисусъ Христосъ, прошедшій путемъ новымъ и живымъ и вошедшій во внутренняя за завѣсу. Въ слѣдъ за Нимъ уже идутъ туда и всѣ увѣровавшіе въ Него и вѣрными пребывшіе законамъ вѣры, какъ Самъ Онъ обѣтовалъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ.

г).

Изложивъ все сказанное, Апостолъ будто слышитъ рѣчь Іудея, къ нему обращенную: вотъ-вотъ,—ты на нашей сторонѣ. Вѣдь и законъ одной только правды и святости требуетъ. Зачѣмъ же намъ отставать отъ него?! Св. Павелъ отвѣчаетъ: „оставьте вы, братіе, законъ; онъ уже умеръ для васъ, и вы свободны отъ него, какъ свободна жена отъ обязанностей къ умершему мужу;—и всю заботу обратите на то, чтобы быть вѣрными новому завѣту, какъ обязана жена, по смерти перваго мужа вступившая въ новый бракъ, быть вѣрною новому мужу. Разъясняя это, Апостолъ и отъ закона отклоняетъ и обязательства вѣрующихъ ко святости не ослабляетъ.

7, 1. *Или не разумѣете, братіе: вѣдущымъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ?*

Оборотъ рѣчи: или не разумѣете,—указываетъ на прямую связь нижеслѣдующаго съ предыдущимъ. Прежде раз-

суждалось, что вѣрующіе не должны уже болѣе поддаваться грѣху, а жить свято и непорочно, поддерживая свою на то рѣшимость сознаніемъ пагубныхъ слѣдствій грѣха и великихъ благъ отъ святости и правды. Потому надо полагать, что и послѣдующая рѣчь (7, 1—6) у св. Апостола направляется къ тому. Хотя онъ начинаетъ потомъ говорить о престатіи закона и прекращеніи обязательствъ къ нему, но говоритъ съ тѣмъ, чтобъ поставить на видъ, что, развязавшись съ закономъ, мы не получили свободы беззаконновать, но вступили въ новыя обязательства, обязались жить новою жизнію по заповѣдямъ Евангелія *яко работати намъ Богови во обновленіи жизни* (ст. 6). Цѣль у Апостола не та, чтобъ доказать престатіе закона: онъ беретъ эту истину уже какъ доказанную,—и только дѣлаетъ изъ нея нужный ему выводъ. Дѣлаетъ это онъ сравненіемъ обязательства къ закону съ обязательствами жены къ мужу. Пока мужъ живъ, жена обязана жить съ нимъ; а когда мужъ умретъ, она свободна выдти за другаго и жить съ нимъ; но вышедши за другаго, она связуется равными прежнимъ обязательствами къ новому мужу. Тоже теперь имѣется и у вѣрующихъ. Они умерли закону и законъ умеръ имъ: всѣ обязательства между ними прекращены. Но освободившись отъ закона, они предаются иному, воскресшему изъ мертвыхъ Господу Іисусу Христу. Почему и обязаны жить для одного Его, въ духѣ Его и въ волѣ Его. Это таже истина, что и въ предыдущей главѣ—объ обязательствахъ вѣры: *помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (6, 11). Что вмѣсто грѣха здѣсь стоитъ законъ, это потому, что жить подъ закономъ у Апостола есть жить во плоти съ сознаніемъ требованій закона безъ силы исполнять ихъ, т.-е. тоже, что жить во грѣхѣ. Къ этому впрочемъ онъ тотчасъ и переходитъ и въ этой главѣ.

Слова: *братіе, и—вѣдущимъ бо законъ глаголю,*—пріятныя слова для тѣхъ, къ кому пишетъ, въ которыхъ однакожъ кромѣ привѣтливости сокрытъ намекъ и на то, что имъ нельзя не согласиться на выводъ, который въ слѣдъ за симъ имѣетъ Апостолъ въ мысли предложить имъ. Ибо названный знающимъ какое-либо положеніе и принявшій это названіе постыдится не согласиться на прямой изъ него выводъ.

Законъ обладаетъ, властвуетъ, господствуетъ, имѣетъ обязательную силу;—*надъ человѣкомъ*,—„не сказалъ: надъ мужемъ, или женою, но надъ человѣкомъ; такъ какъ сіе имя принадлежитъ обоимъ“ (Св. Злат.). *Во елико время живетъ*,—кто?—Человѣкъ или законъ? Изъ этихъ словъ не видно; а въ нижеслѣдующей рѣчи выражается и та мысль, что законъ умеръ, и та, что человѣкъ умеръ закону. Слѣдовательно и здѣсь доразумѣвать можно и то и другое: пока живетъ законъ или человѣкъ. Есть основаніе предполагать, что Апостолъ и намѣревался вести двоякую параллель съ двоякимъ выводомъ: законъ ли умеръ, человѣкъ ли умеръ, взаимныя между ними обязательства прекращены. Но остановился на одной сторонѣ, потому что изъ этого ближе и скорѣе выходилъ нужный ему выводъ: *во еже быти иному*. Св. Златоустъ говоритъ: „Хотя повидимому говоритъ объ одномъ; впрочемъ два довода приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго. Первый доводъ заключается въ томъ, что жена по смерти мужа не подлежитъ закону замужества, и ей невозбранено стать женою другаго. Второй же доводъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ не одинъ мужъ, но и жена умерла, и потому пользуется двоякою свободой. Ибо если смертію мужа освободилась она отъ власти, то несравненно болѣе стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождаетъ ее отъ власти, тѣмъ паче она свободна,

когда стекаются оба обстоятельства". Чтобъ понятнѣе была рѣчь св. Златоуста, надо имѣть въ мысли, что мужемъ именуется здѣсь законъ, а женою—вѣрующіе. Мужъ—законъ умеръ; потому что съ пришествіемъ Христа Господа пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Жена—вѣрующіе - умерла, когда спогребласъ Господу крещеніемъ въ смерть. И стала она двояко свободна отъ закона: тамъ,—ибо мужа на стало; здѣсь,—ибо сама умерла, но въ умертвіи почерпнула новую жизнь, отличную отъ прежней, вслѣдствіе чего, развязавшись съ прежними обязательствами, свободно вступила въ новыя,—*во еже быти иному.*

Стт. 2. 3. *Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ: аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужескаго. Тѣмже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному: аще ли же умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣицѣ, бывшей мужу иному.*

Это постановленіе закона объ отношеніи жены къ мужу ясно само по себѣ и не требуетъ особыхъ замѣчаній. Но что оно должно означать въ примѣненіи? Поелику мужъ представляетъ здѣсь законъ, а жена тѣхъ, кто связанъ закономъ, то приточное выраженіе апостолово будетъ выражать: пока законъ живъ, т.-е. стоитъ въ силѣ, дотолѣ люди, состоящіе подъ закономъ, обязаны повиноваться ему и жить по его предписаніямъ; когда же умретъ законъ, т.-е. престанетъ и потеряетъ свою силу, тогда состоящіе подъ нимъ сдѣлаются свободными отъ обязательствъ его, отъ повиновенія ему и слѣдованія предписаніямъ его. Почему, если состоящіе подъ закономъ отступятъ отъ него и подчинятся другимъ правиламъ, пока законъ живъ и имѣетъ силу; то они виновны предъ закономъ и должны подлежать карамъ его, подобно женѣ отдающейся иному при живомъ мужѣ. А если они

предадутъ себя инымъ правиламъ, по смерти закона, престатіи его и прекращеніи силы его; то они не могутъ считаемы быть виновными предъ закономъ и подлежать карамъ его: они по престатіи закона свободны подчиняться чему хотятъ, не дѣлаясь подобными женѣ прелюбодѣйцѣ. Прилагая сіе къ вѣрующимъ, оставившимъ законъ и предавшимся Господу Іисусу Христу чрезъ увѣрованіе въ Него и подчиненіе новымъ правиламъ жизни въ духѣ Его, слѣдовало сказать: такъ и вы, братіе, должны были повиноваться закону, пока онъ стоялъ и имѣлъ силу. Когда же онъ престалъ и потерялъ силу, то вы стали свободны отъ него и никакія его обязательства не вяжутъ васъ. Еслибы вы отстали отъ него, пока онъ былъ въ силѣ, то явились бы преступниками предъ нимъ и справедливо подлежали бы наказанію. Но какъ вы это сдѣлали послѣ того, какъ престалъ законъ и потерялъ свою силу, то, отставъ отъ него, вы не сдѣлали ничего преступнаго; ибо были свободны подчиниться вѣрѣ, которою вы замѣнили законъ. Такъ надлежало бы сказать. Но Апостолъ говоритъ иначе, и представляетъ умершимъ не мужа – не законъ, а жену, т.-е. увѣровавшихъ (Св. Злат.).

Ст. 4. *Тѣмже, братіе моя, и вы умросте закону тѣломъ Христовымъ, во еже быти вамъ иному, воставшему изъ мертвыхъ, да плодъ принесемъ Богови.*

Для чего такъ сдѣлалъ св. Павелъ? Св. Златоустъ говоритъ: „для того, дабы не оскорбить своимъ словомъ Іудеевъ“. Хоть увѣровавшіе отказались отъ закона, но все еще не могли не питать къ нему уваженія. Апостолъ и не сказалъ прямо: законъ умеръ или престалъ; но ограничился намекомъ на то, равносильнымъ однакожъ умолчанному слову. Ибо какъ не видѣть, что Апостолъ даетъ здѣсь знать, что законъ уже умеръ? (Св. Злат.). Тоже объясненіе предлагаетъ и бл. Ѳеодоритъ: „Апосто-

лу въ соотвѣтственность съ примѣромъ слѣдовало сказать: законъ умеръ, т.-е., пересталъ имѣть силу; но онъ, снисходя къ немощи Іудеевъ, потому что весьма уважали законъ, и чтобы не дать повода къ осужденію закона еретикамъ, нападавшимъ на ветхій завѣтъ, не сказалъ, что законъ престалъ, но говоритъ: мы умерли закону въ спасительномъ крещеніи".

Можно допустить, что св. Павелъ имѣлъ въ мысли здѣсь сдѣлать приложеніе и изъ пресѣченія закона, именно: такъ для васъ теперь законъ умеръ—пересталъ и сдѣлалъ васъ свободными; но не сдѣлалъ этого, предоставивъ дополнить то самимъ читающимъ, по очевидности дѣла, а только остановилъ вниманіе на приложеніи изъ сего случая—освобожденія отъ обязательствъ, когда жена умираетъ,—такъ какъ это давало ему болѣе удобства къ выводу той истины, которую хотѣлъ онъ внушить ученикамъ своимъ. Не то важно было для него, чѣмъ сталъ преставшій, а то, чѣмъ должны быть умершіе для него вѣрующіе,—именно: *во еже быти иному*. Это и спѣшитъ онъ выставить.

Ктому же въ постановленіи закона говорится о смерти естественной, а въ примѣненіи рѣчь о смерти нравственной. Эта же послѣдняя есть пресѣченіе взаимныхъ отношеній; потому всегда есть обоюдная. Кто умираетъ чему, для того умираетъ и то, чему онъ умираетъ. Потому въ словѣ: вы умерли закону,—содержится и другое: законъ для васъ умеръ. Взаимныя отношенія между вами прекращены; вы свободны отъ закона. „И самъ законъ умеръ и мы умерли, и власть закона надъ нами вдвойнѣ уничтожена" (Св. Злат.).

Что то и другое хотѣлъ совмѣстить Апостолъ въ одномъ выраженіи, можно наводить изъ того, какъ онъ представляетъ вѣрующихъ умершими закону. *Умросте*, говоритъ, *закону тѣломъ Христовымъ*,—т. е., пришествіе-

емъ Сына Божія во плоти и крестною Его смертію (Св. Злат.). А силою сей смерти и законъ пресѣченъ и всѣ вѣрующіе умираютъ всему прежнему во святомъ крещеніи. Весь законъ былъ тѣнь, падавшая отъ имѣвшаго придти во плоти Господа и умереть крестною смертію. Законъ—сѣнь, тѣло же—Христосъ. Когда тѣло предъ лицемъ, кто обращаетъ вниманіе на тѣнь? Она уже не занимаетъ и всѣ ее забываютъ. Такъ и по пришествіи Господа законъ уже не нуженъ; сила его престала и пресѣчена, именно смертію Господа. Но силою сей же смерти умираютъ и вѣрующіе въ крещеніи, въ коемъ спогребаются Господу. Если умираютъ, то всѣ прежнія ихъ отношенія пресѣкаются. Пресѣкаются, слѣдовательно, и отношенія къ закону: они умираютъ и ему. И выходитъ изъ словъ Апостола, что вѣрующіе умираютъ закону тѣмъже, чѣмъ умеръ, или престалъ для нихъ законъ. И законъ умираетъ, когда они умираютъ ему тѣломъ Христовымъ. И такъ выраженіе Апостола, только по видимости, подаетъ мысль, будто оно не отвѣчаетъ теченію рѣчи; въ существѣ же дѣла онъ выражаетъ то, что и ожидается.

Словами: *умросте закону тѣломъ Христовымъ*, примѣненіе къ приведенному выше постановленію закона кончено. Апостолъ спѣшитъ въ слѣдъ за тѣмъ къ выводу изъ сего: *во еже быти вамъ иному, воставшему изъ мертвыхъ.—Во еже быти* такъ сочетано съ *умросте*, что то и другое представляется совершившимся въ одномъ актѣ. Умерли, чтобъ быть иному; или, потому и умерли, что отдались иному. Въ крещеніи это дѣлается гласно: сочетался ли еси Христу?—Сочетахся. Очевидно, здѣсь совершается новый бракъ: душа сочетавается со Христомъ Господомъ,—свободно, самоохотно, но такъ рѣшительно, какъ смерть.

Слова: *воставшему изъ мертвыхъ* показываютъ, что

слова: *тѣломъ Христовымъ* должно разумѣть „о смерти Владыки“ (Св. Злат.). Прибавилъ же ихъ Апостолъ, чтобъ привесть на память сказанное выше: *да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы въ обновленіи жизни ходити начнемъ* (6, 4); что и выразилъ онъ здѣсь же, только другими словами: *да плодъ принесемъ Богови.* Развязались мы съ закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одно и тоже время сочетались со Христомъ Господомъ. Отъ одного брака перешли къ другому; отъ однихъ обязательствъ къ другимъ. Но зачѣмъ же было и переходить, когда этотъ переходъ не на вольную волю, а на новыя обязательства,—изъ подчиненія къ подчиненію, изъ работы въ работу? За тѣмъ, что въ новомъ союзѣ мы будемъ плодъ приносить Богови. Прежній союзъ не дѣлалъ насъ плодоносными: подчиняться ему мы подчинялись, а плода не приносили, были безплодны для Бога. Теперь же, сочетавшись съ Воставшимъ изъ мертвыхъ, мы получили въ Немъ силу плодъ приносить Богови. Слово это очень сильно, и требовало подтвержденія: какъ такъ законъ безплоденъ?

Ст. 5. *Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти.*

Теперь мы получили возможность—приносить плодъ Богови; прежде же что было? Прежде мы приносили плодъ смерти. Отъ чего такъ? Отъ того, что тогда страсти грѣховныя властвовали надъ нами, и заставляя насъ дѣлать беззаконныя дѣла, умерщвляли насъ чрезъ грѣхъ. Вотъ что было, когда мы были подъ закономъ!—Такова мысль настоящаго текста. При семъ раждаются вопросы, требующіе отвѣта:

1) Чего ради Апостолъ не сказалъ: когда мы были подъ закономъ, а говоритъ: *егда бо бѣхомъ во плоти?* Подается мысль, что быть во плоти, по Апостолу, есть

тоже, что быть подъ закономъ. Эта мысль подтверждается и нижеслѣдующимъ стихомъ: *нынѣ же упразднихомся отъ закона*, т.-е., перестали быть во плоти.—Въ какомъ же смыслѣ пребываніе подъ закономъ можно назвать бытіемъ во плоти?—Можно—въ томъ, что подзаконное служеніе было по преимуществу плотское,—тѣлесное, вещественное, приводившее къ плотской чистотѣ, не очищая и не исправляя души и сердца. Такъ разумѣетъ бл. Θеодоритъ: „*егда бѣхомъ во плоти*, т.-е., когда вели жизнь подзаконную; ибо плотію именовалъ Апостолъ законоположенія, данныя плоти о пищѣ, о питіи, о проказѣ, и тому подобныя.“ Но далѣе, по тому самому, что законъ, какъ вещественное и тѣлесное служеніе, приводитъ только къ плотской чистотѣ, не исправляя сердца и слѣдовательно предоставляя тамъ господствовать грѣху и страстямъ,—пребываніе подъ закономъ равнозначительно пребыванію въ плотской жизни, въ похотной и самоугодной жизни. Такъ разумѣетъ Св. Златоустъ: „*во плоти*, т.-е, въ худыхъ дѣлахъ, въ плотской жизни: ибо не то хочетъ сказать, что доселѣ были мы во плоти, а теперь стали безплотными.“—То или другое значеніе принять, мысль слова одна и таже. Апостолъ хотѣлъ выразить духъ и силу закона, и характеръ подзаконной жизни; почему и сказалъ: *во плоти*, вмѣсто—подъ закономъ. Св. Златоустъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ такъ, чтобъ не подать какого-либо повода еретикамъ, не право судившимъ о законѣ.

2) Что значатъ слова: *страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху?*.... Какъ страсти грѣховныя закономъ?—Возбуждаются, покровительствуются, силу получаютъ?!! Ужели законъ располагалъ къ страстямъ, или потворствовалъ имъ?—Напротивъ онъ ихъ осуждалъ, запрещая даже и пожеланія непотребныя. Какъ же страсти грѣховныя закономъ?

Страсти грѣховныя не закономъ въ насъ вселены. Богъ создалъ естество наше чистымъ отъ страстей. Но когда отпали мы отъ Бога, и остановясь на себѣ, вмѣсто Бога себя стали любить и себѣ всячески угождать; тогда въ сей самости воспріяли мы и всѣ страсти, которыя въ ней коренятся и изъ ней разражданются. Законъ же пришелъ послѣ, и не для того, чтобъ потворствовать страстямъ, а чтобъ обуздывать ихъ: ибо содержалъ предписанія, прямо противоположныя страстямъ, говоря, напримѣръ: не убій, или не укради, или не прелюбы сотвори, и даже не пожелай жены, которая не есть твоя жена. Какъ же страсти грѣховныя закономъ? Апостолъ сказалъ только—закономъ, оставивъ намъ самимъ доразумѣть: что же закономъ?—Порождены не закономъ; потворствуются не закономъ. Что же—*закономъ?* Обнаруживаются, познаются, обличаются Такъ всѣ наши св. толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „*Законъ* исправлялъ должность строгаго обличителя и обнаруживалъ грѣхи. Посему Апостолъ не сказалъ: *страсти грѣховныя,* бывшія подъ закономъ; но говоритъ: *яже закономъ,* т.-е. закономъ обнаруженныя, или познанныя.“ Бл. Θеодоритъ пишетъ: „законъ не побуждалъ ко грѣху, но осуждалъ во грѣхѣ; грѣхъ же худо пользовался тѣмъ, что было добро.“

При такомъ пониманіи, слова: *страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ,*—можно иначе такъ пересказать: страсти грѣховныя, закономъ обнаруживанныя и познаванныя, или несмотря на то, что были обнаруживаемы, обличаемы и познаваемы закономъ, — дѣйствовали во удахъ нашихъ. Страсти представляются какими-то господами, съ которыми не было никакой управы. Какъ корчи или спазмы бываютъ отъ того, что какая-то сторонняя сила входитъ въ члены наши и крутитъ ихъ по своему; такъ страсти дѣйствуютъ во удахъ нашихъ, когда возбуждаются самоуправно. Гдѣ же сво-

бода и самодѣятельность? Тутъ же,—свободно человѣкъ предавалъ себя страстямъ и самъ напряженно дѣйствовалъ въ угоду имъ. Неужели же не видѣлъ человѣкъ зла отъ страстей? И что же совѣсть?—И совѣсть, усиленная и подкрѣпленная закономъ, возставала противъ страстей и самъ человѣкъ видѣлъ разрушительное ихъ дѣйствіе,—и все же самоохотно предавалъ себя страстямъ и давалъ имъ власть самоуправно дѣйствовать во удахъ своихъ. Въ страстяхъ качествуетъ сласть грѣховная, а падшій принялъ за начало самоугодіе, которое всегда заодно со сластію грѣховною. Почему, какъ только подымется какая страсть, съ присущею ей сластію, самоугодіе тотчасъ становится на ея сторону, увлекая и сознаніе, и свободу, и самодѣятельность, прежде чѣмъ совѣсть успѣетъ подать отрезвляющій голосъ. Когда же произойдетъ такимъ образомъ сочетаніе лица человѣча со страстію, прежде голоса совѣсти, то послѣ, что ни говори совѣсть, человѣкъ на проломъ идетъ дѣйствовать по страсти. Это и изображаетъ Апостолъ, говоря: *страсти грѣховныя.... дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ,* какъ господа какіе или тираны. Ѳеодоритъ пишетъ: „не члены наши производили грѣхъ, но въ членахъ нашихъ наклонность души къ худшему давала свободу дѣйственности грѣха. И живя подъ закономъ (или несмотря на силу закона), подвергались мы сильнѣйшимъ прираженіямъ грѣха, потому что законъ показывалъ, что должно дѣлать, но чтобы сдѣлать это, не подавалъ къ тому помощи.“—И св. Златоустъ полнѣе говоритъ: „Апостолъ не обличаетъ и плоти, не сказалъ: страсти, которыя производимы были членами, но: *яже дѣйствоваху* въ членахъ нашихъ. Симъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть иное начало порочности, именно: не управляемые члены, а управляющіе помыслы. Душа была какъбы музыкантъ, а тѣлесная природа—гусли; они издавали такой звукъ, какой застав-

лялъ издавать музыкантъ. Посему нестройную игру должно ставить въ вину не гуслямъ, а игроку."

Что же было слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ?—То, что мы своею жизнію и дѣлами своими только плодъ творили смерти, такъ что могло казаться, будто и цѣль такого порядка (преднамѣренная) была та, чтобъ намъ творить плодъ смерти: *во еже плодъ творити смерти.* Но это только по выраженію такъ выходитъ, мысль же у Апостола—показать лишь, что было слѣдствіемъ владычества надъ нами страстей. Иначе можно такъ пересказать: и такимъ образомъ мы только плодъ творили смерти. Это въ противоположность сказанному въ предыдущемъ стихѣ, что мы сочетались съ Господомъ Спасителемъ, чтобъ плодъ приносить Богу. Онъ какъбы отвѣчаетъ на вопросъ: съ Господомъ сочетались, чтобъ плодъ приносить Богови, а прежде что было? Прежде, говоритъ, страсти грѣховныя дѣйствовали во удахъ нашихъ, несмотря на обличеніе и запрещеніе закона, и мы только и дѣлали, что плодъ творили смерти.

Выраженіе—*плодъ творити смерти*—значитъ дѣлать такія дѣла, которыя только мертвили, а не живили. Разумѣется мертвеніе нравственное, которое прямо вытекало изъ качествовавшаго внутри человѣка разлада, по причинѣ господства страстей. Законъ обличалъ страсти, совѣсть согласовалась съ симъ обличеніемъ и подавала голосъ свой словамъ закона, и человѣкъ убѣждался словомъ закона и голосомъ совѣсти; но всякій разъ, какъ поднималась страсть, онъ наперекоръ закону и совѣсти, сознательно и самоохотно предавался страсти. Симъ онъ нещадно билъ и убивалъ себя нравственно. Всякій грѣхъ, какъ дѣло въ угоду страсти, противъ совѣсти, есть убійственный ударъ духу нашему. Ударъ за ударомъ,—и конечная смерть, т.-е. такое состояніе, когда добрыя возбужденія уже не поднимаются изъ сердца.

Ст. 6. *Нынѣ же упразднихомся отъ закона, умерше, имже держими бѣхомъ, яко работати намъ (Богови) во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене.*

Нынѣ же,—по совершеніи благодатнаго домостроительства спасенія, по вступленіи нашемъ въ него, и по сочетаніи со Христомъ Спасителемъ. Въ 5-мъ и 6-мъ стихахъ объясняетъ Апостолъ, какъ сдѣлалось, что сочетавшись съ Господомъ, мы получили возможность плодъ приносить Богови. Въ 5-мъ объяснилъ, что было въ насъ прежде сего сочетанія,—что тогда страсти дѣйствовали, несмотря на обличеніе ихъ закономъ и только мертвенность въ насъ распложали. Въ 6-мъ показываетъ, что сталось съ нами по таковомъ сочетаніи, и вслѣдствіе его,—*нынѣ*. *Нынѣ* указываетъ не на одно устроеніе спасенія въ Господѣ, а болѣе на полученіе его каждымъ. Апостолъ ссылается на опытъ, говоря какъбы: смотри, что въ тебѣ, и суди. Ибо спасительная благодать всегда присуща въ истинно вѣрующихъ и съ плодами своими.

Упразднихомся отъ закона,—κατηργήθημεν—упразднены, раздѣлались, развязались. Мысль такая: не имѣемъ болѣе нужды въ законѣ. Законъ данъ былъ, чтобъ обуздывать страсти строгостію предписаній и страхомъ наказаній временныхъ и вѣчныхъ. Это и успѣвалъ онъ дѣлать, но самыхъ страстей не отнималъ; онѣ и при немъ оставались въ сердцѣ и влекли къ беззаконному. Сущіе подъ закономъ похожи на дитя. Дитя протягиваетъ руки къ тому. что вредно; мать бьетъ его по рукамъ,—и оно прячетъ руки; но все посматриваетъ на то, куда протягивало руки, и еслибы не мать, бьющая по рукамъ, непремѣнно схватило бы то вредное,—что и дѣлаетъ, какъ только увидитъ, что нѣтъ матери. Такъ и подзаконные, влекомы будучи страстьми, тянулись къ противозаконному. Законъ страхомъ суда обуздывалъ эти покушенія,—и пока память о семъ была жива, подзаконные удержи-

вались отъ противозаконныхъ дѣлъ, не переставая однакожъ сочувствовать имъ и желать ихъ. Но коль скоро память сія отходила, тотчасъ слѣдовали противозаконныя дѣла. Таковъ общій характеръ подзаконной жизни. *Нынѣ же*, говоритъ Апостолъ, совсѣмъ другое: намъ не нуженъ уже такой стражъ и обуздатель,—мы упразднены и освобождены отъ него. Почему же? Потому что нѣтъ уже въ насъ того, для обузданія чего онъ былъ къ намъ приставленъ,—въ насъ качествуетъ новое начало жизни—истинной, духовной.

Умерше, имже держими бѣхомъ, умерши тому, чѣмъ были мы держимы.—Чѣмъ же были мы держимы? Самостію, или самоугодіемъ, которое, сочетавшись со властію, присущею порожденнымъ отъ него страстямъ грѣховнымъ, держало насъ въ узахъ своихъ, не давая возникать высшимъ стремленіямъ, а возникавшія подавляя. Благодать Божія, по вѣрѣ въ Господа, чрезъ таинства вселяющаяся въ истинныхъ христіанъ, возбужденіемъ полнаго самоотверженія умерщвляетъ самость, а дарованіемъ живаго ощущенія высшихъ благъ отбиваетъ власть грѣховную, и такимъ образомъ избавляетъ насъ отъ того, чѣмъ бываемъ держимы до пріятія благодати. Тутъ мы умираемъ тому, чѣмъ были держимы, и то, что насъ держало, умираетъ въ насъ.

Но это только одна сторона: *умерше*. Въ вещественной природѣ смерть есть отрицаніе жизни: живое престаетъ жить. Въ духовной жизни умираніе не есть престаніе жизни, а порожденіе новыхъ началъ жизни, отметающихъ прежнія. Самоотверженіе убиваетъ самость или самоугодіе; что же послѣ того? Ничего? Нѣтъ, не ничего. Отвергшійся себя, или пресѣкшій въ себѣ самоугодіе, не въ пустоту какую поступаетъ, но въ тоже время, какъ отвергается себя, привергается къ Богу, и въ тоже время, какъ убиваетъ въ себѣ самоугодіе, возрожденнымъ въ

себѣ чувствуетъ ревнованіе о богоугожденіи; равнымъ образомъ, когда подсѣкается сласть грѣховная, сущая въ страстяхъ, въ тоже время пораждается ощущеніе сладости высшихъ духовныхъ благъ, такой сладости, съ которою никакая сласть грѣховная въ сравненіе идти не можетъ. И даже потому отходитъ первое, что привходитъ послѣднее. Все сіе производитъ божественная благодать, возраждающая къ новой жизни.

Такимъ образомъ вѣрующіе въ Господа, умерши тому, что держало, бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ оживлены противоположными тому началами духовными: вмѣсто самоугодія ревнованіемъ о богоугожденіи, вмѣсто сласти грѣховной—неизреченною сладостію духовною, заглушающею сласть грѣха. Присутствіе этихъ началъ дѣлаетъ то, что вѣрующіе уже не себѣ живутъ, а Богу, находя въ томъ радость и сладость. Это и выражаетъ Апостолъ, говоря: *во еже работати намъ Богови во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене.—Обновленіемъ* духа называетъ онъ именно присутствіе въ насъ этихъ новыхъ, благодатію Божіею образуемыхъ и дѣйствующихъ въ насъ началъ духовной жизни, *а ветхостію письмене* - предписанія закона того не дѣлать, другаго не касаться. Теперь, говоритъ, мы такъ настроены, что можемъ работать Богу по возбужденіямъ, извнутрь обновленнаго духа исходящимъ, а не по указаніямъ совнѣ. Эти послѣднія нужны были прежде, а теперь уже они излишни,—*упразднихомся отъ закона* тѣмъ самымъ, что сами по себѣ и хочемъ, и можемъ творить все, требуемое закономъ. Апостолъ назвалъ это *работаніемъ Богу*: ибо во Христѣ Іисусѣ отъ Бога все исходитъ и къ Богу все возвращается, поколику Имъ все и дѣйствуется.

Замѣтимъ, что несправедливо многіе толковники слова: *имже держими бѣхомъ*, относятъ къ закону и въ переводахъ своихъ дѣлаютъ перестановки, перепутывающія

апостольскія слова и тѣмъ паче понятія. Наши толковники подъ именемъ державшаго насъ разумѣютъ не законъ, а грѣхъ. Приводимъ слова св. Златоуста: „но какъ же *упразднихомся?* Такъ, что ветхій человѣкъ, одержимый грѣхомъ, умеръ и погребенъ. Сіе выразилъ Апостолъ, сказавъ: *умерше, имже держими бѣхомъ.* Симъ какъбы сказалъ онъ: та привязь, на которой насъ держали, предана тлѣнію и распалась; такъ что держащему, т.-е. грѣху, нечего стало держать.“ Такъ Ѳеофилактъ, Экуменій и другіе.

IV.

Благотворность вѣры въ Господа Іисуса Христа.

7, 7—8, 39.

Чтобъ впечатлительнѣе было представленіе благотворности вѣры Христовой, св. Павелъ напередъ изображаетъ силу нашего поврежденія въ паденіи, или силу живущаго въ насъ грѣха. Поводъ къ сему онъ взялъ изъ предшествовавшаго показанія безсилія закона. Это показаніе вызывало вопросъ: такъ, по твоему, законъ грѣхъ? Ты такъ говоришь о законѣ, что будто вся грѣшность отъ него. Не будь его, грѣха было бы меньше, или бы совсѣмъ не было. Онъ пришелъ и расплодилъ только грѣхи.—Отвѣчая на это, Апостолъ не отрицаетъ, что такимъ слѣдствіемъ сопровождалось введеніе закона; но вину этого полагаетъ не въ законѣ, а въ живущемъ въ насъ грѣхѣ, 7, 7—13. Затѣмъ излагаетъ, что это за живущій въ насъ грѣхъ, какъ дѣйствуетъ и въ чемъ обнаруживается, 7, 14—25. То и другое печатлѣетъ во вниманіи безотрадную картину нашего нравственнаго растлѣнія, сильную у всякаго вызвать жалобу: бѣдные мы! какъ же намъ быть? Противъ этого Апостолъ ставитъ другую картину отраднѣйшую, представляющую пресвѣтлое состояніе облагодатствованныхъ по вѣрѣ въ

Господа, въ коемъ сила на грѣхъ замѣняется противоположною силою на добро,—свѣтлое состояніе, приготовляющее еще болѣе свѣтлую жизнь въ будущемъ вѣкѣ,—гл. 8. Такъ что все это отдѣленіе можно озаглавить: а) изображеніе силы нашего поврежденія въ паденіи или силы живущаго въ насъ грѣха,—7, 7—25 и б) картина свѣтлаго состоянія возстановляемыхъ отъ паденія благотворнымъ дѣйствіемъ вѣры Христовой,—гл. 8.

а).

Изображеніе нравственнаго растлѣнія человѣческаго.

7, 7—25.

аа) Не законъ размножилъ грѣхи, но живущій въ насъ грѣхъ,—7, 7—13.

бб) Что это за живущій въ насъ грѣхъ и какъ онъ дѣйствуетъ,—7, 14—25.

аа).

Ст. 7. *Что убо речемъ? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ: но грѣха не знахъ точію закономъ: похоти же не вѣдѣхъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши.*

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Апостолъ въ сказанномъ выше употребилъ много такихъ выраженій, которыя желающимъ хулить законъ послужили бы поводомъ къ осужденію закона, еслибы онъ не сдѣлалъ предлагаемаго здѣсь рѣшенія вопросовъ. Сказано было: *законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе* (5, 20), и: *законъ гнѣвъ содѣлываетъ* (4, 15), и: *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ* (3, 20), и тому подобное. Представивъ по сему поводу возраженіе: *законъ ли грѣхъ?* Апостолъ отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отрицаніемъ: *да не будетъ.*—Св. Златоустъ, приведши тѣже мѣста и кромѣ ихъ еще слѣдующія: *страсти грѣховныя, яже зако-*

номъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, и еще: *идѣже нѣсть закона, ту ни преступленія* (4, 15), присовокупляетъ: „какъ все сіе сказано по видимому въ обвиненіе закона, Апостолъ, дабы истребить такое подозрѣніе, вводитъ возраженіе и говоритъ: *что убо, законъ ли грѣхъ? Да не будетъ.* Отрицаетъ прямо, дабы расположить къ себѣ слушателя и исправить соблазняющагося. Ибо онъ, услышавъ уже и удостовѣрившись въ образѣ мыслей Апостола, вмѣстѣ съ нами будетъ изслѣдовать то, что представляется труднымъ, и не будетъ подозрѣвать говорящаго. Посему-то Апостолъ, предложивъ напередъ возраженіе, присовокупилъ и свой образъ мыслей, и не сказалъ: что мнѣ рещи? но: *что убо речемъ?* Такъ какъбы подавались совѣты и мнѣнія при собраніи всей церкви, такъ какъбы возраженіе сдѣлано не Апостоломъ, но само собою вытекало изъ сказаннаго выше и изъ сущности дѣла. Никто не станетъ спорить, говоритъ Апостолъ, *что письмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). (Это приводится какъ равновѣсное предыдущему: *во еже работати Богови во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене*). Сіе такъ ясно, что не остается и мѣста возраженію. А когда нѣтъ въ томъ сомнѣнія: что должны мы сказать о законѣ? То ли, что онъ есть грѣхъ? Да не будетъ.“ —*Да не будетъ,*—никакъ нельзя думать, что законъ грѣхъ, т.-е. что онъ учитъ, поблажаетъ производить грѣхъ (Экум.). Послѣ такого отвѣта однакожъ, все еще оставалось неяснымъ, — что же значатъ высказанныя прежде слова. „Итакъ, разрѣши недоумѣніе“ (Св. Злат.). И Апостолъ рѣшаетъ это недоумѣніе въ слѣдующемъ отдѣленіи,—7, 7—13, содержаніе котораго можно выразить такъ: все сказанное дѣйствительно сопровождало законъ; но не законъ тому вина, а живущій въ насъ грѣхъ. Начало же такому рѣшенію полагаетъ словами, тотчасъ за рѣшительнымъ: *да не будетъ,* слѣдующими: *но грѣха не*

знахъ точію закономъ, похоти же не вѣдѣхъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши.

Эти слова подаютъ разныя мысли или разные оттѣнки одинаковой мысли, судя по тому, какъ ихъ сочетавать съ предыдущимъ: *да не будетъ.* Можно сочетавать ихъ такъ: *да не будетъ*,—не только законъ не грѣхъ, но я и не зналъ бы, что такое грѣхъ и похоть, еслибы не научилъ меня распознаватъ ихъ законъ. Законъ разъяснилъ мнѣ, что когда надо дѣлать и чего не дѣлать; я и знаю, какое доброе дѣло, и какое недоброе—грѣшное. И не только разъяснилъ все это, но приложилъ и наказаніе за неисполненіе, чтобъ я не подумалъ когда, что можно и не исполнить предписаннаго. Такимъ образомъ законъ есть добру учитель, а не грѣху. Такъ понималъ бл. Ѳеодорить: „законъ не только не есть учитель грѣха,—*да не будетъ*,—но совершенно напротивъ: онъ—обвинитель грѣха; потому что и не зналъ бы я, что худо, еслибы не научилъ меня онъ“. „Не сказалъ Апостолъ: *грѣха не творилъ, точію закономъ*, но—*не знахъ*; такъ что законъ—виновникъ не творенія грѣха, а распознаванія его, какъ педагогъ, не позволяя по невѣдѣнію ниспадать на степень безсловесныхъ“ (Фотій у Экум.).

При такомъ пониманіи слова сіи усиливаютъ: *да не будетъ.* Но можно съ ними соединять и такія мысли, при которыхъ они будутъ ослаблять сіе отрицаніе. Можно такъ: законъ не виновникъ и не учитель грѣха, но увеличитель и усилитель моей грѣшности. Онъ раскрылъ мнѣ все, что грѣшно, а силъ не грѣшить не далъ. Я теперь и знаю, что грѣшно, и все-таки грѣшу; и эти согрѣшенія мои стали при законѣ тяжелѣе, чѣмъ были прежде безъ закона. Я и безъ него грѣшилъ бы, но о многомъ не зналъ бы, что оно грѣшно; а теперь знаю и грѣшу, грѣхи мои стали сознательными и потому виновнѣйшими. Но въ этомъ не похуленіе закона, а похвала: ибо, раскры-

вая предъ очами моими тяготу моей виновности, онъ усиливалъ страхъ наказанія и тѣмъ заставлялъ остерегаться грѣха. Такъ понимаютъ Экуменій: „не то я говорю, что законъ виновникъ грѣха, но то, что онъ для меня виновникъ познанія грѣха или сознанія грѣшности, чѣмъ подвергъ меня тягчайшему наказанію, какъ согрѣшающаго въ вѣдѣніи“,—и Амвросіастъ: „законъ не грѣхъ, но указатель грѣха. Онъ показалъ, что и сокровеннѣйшіе грѣхи суть грѣхи и не могутъ пройти ненаказанными предъ Богомъ. Но узнавши это, человѣкъ долженъ былъ сознавать себя болѣе виновнымъ и отвѣтнымъ, и судя по сему не могъ, повидимому, быть благодаренъ закону. Ибо кто станетъ благоволительно относиться къ тому, кто грозитъ тягчайшимъ наказаніемъ?... Однакожъ законъ и въ семъ отношеніи благъ и правъ: ибо указывать належащую бѣду есть доброе дѣло.“

Можно еще и такъ: законъ не учитъ грѣху и не потворствуетъ ему; но тѣмъ, что запрещаетъ грѣхъ, наводитъ на грѣхъ. Многаго я и думать не думалъ дѣлать; но когда законъ указалъ мнѣ всѣ беззаконныя дѣла, то о нѣкоторыхъ изъ нихъ, о коихъ я прежде и не думалъ, сталъ думать, подумавши пожелалъ ихъ, пожелавши склонился на нихъ, склонившись, сталъ грѣшить. Если и не наводилъ онъ на что-либо грѣшное—невѣдомое, то усиливалъ похотѣніе грѣшнаго вѣдомаго по какому-то живущему во мнѣ противленію закону. Такимъ образомъ законъ послужилъ мнѣ поводомъ ко грѣху. Но виновенъ въ этомъ не законъ, а я самъ. Законъ представлялъ себя мнѣ не поводомъ ко грѣху, а отводомъ отъ него. А я самъ для себя изъ закона устроилъ поводъ ко грѣху. Такъ св. Златоустъ: „видишь ли, какъ Апостолъ нечувствительнымъ образомъ даетъ разумѣть, что законъ не только обличаетъ грѣхъ, но и нѣкоторымъ образомъ подаетъ поводъ къ оному? Впрочемъ виною сего поставля-

етъ онъ не законъ, а неразуміе людей.“—Тоже говоритъ и Экуменій: „намекаетъ Апостолъ, что законъ есть нѣчто подготовляющее, служащее поводомъ ко грѣху, не по своей однакожъ природѣ, но по злонравію людей.“

Какое ни взять изъ этихъ пониманій, всякое обезвиняетъ законъ и подтверждаетъ—*да не будетъ*. Но ближе всѣхъ первое; не далеко и третье, будучи въ согласіи съ послѣдующею рѣчью. Второе же есть не прямое, а выводное.

Но въ какомъ смыслѣ говорится: *грѣха не знахъ,—похоти не вѣдѣхъ*? Ибо въ дѣйствительности и грѣхъ былъ знаемъ и похоть вѣдома. Въ томъ смыслѣ, что послѣ обнародованія закона все сіе стало вѣдомо яснѣе, опредѣленнѣе и подробнѣе; а до закона, хоть и было вѣдомо, но смутно, неопредѣленно и неполно. Отъ чего многое казалось позволительнымъ и покрывалось снисхожденіемъ и оправданіемъ почти всеобщимъ. А теперь такъ смотрѣть уже ни на какія дѣла не приходится. „О чемъ я и не подозрѣвалъ, что оно не позволительно у Бога, о томъ знаю теперь, что оно грѣхъ“(Амвр.).—Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „слова: *не вѣдахъ, не знахъ*—не показываютъ здѣсь совершеннаго невѣдѣнія, но ими выражается, что въ законѣ получилъ я вѣдѣніе болѣе точное, нежели каково естественное мое различеніе (добра и зла).“ Св. Златоустъ туже мысль выражаетъ полнѣе: „Еслибы человѣкъ не зналъ похоти, пока не получилъ закона, отъ чего бы случиться потопу? За что бы сожигать Содомъ? Такъ въ какомъ же смыслѣ говоритъ такъ Апостолъ о похоти? Въ томъ, что хотя и до закона жившіе знали, что грѣшатъ, но узнали то обстоятельнѣе, когда объявленъ законъ, а потому съ сего времени стали подлежать большему осужденію. Ибо иное дѣло имѣть обличителемъ природу, и иное сверхъ природы и законъ, который даетъ на все ясныя предписа-

нія".—Бл. Θеофилактъ особый нѣкій оттѣнокъ указываетъ въ тойже мысли, имѣя въ виду болѣе дѣятельную сторону, именно: я испытывалъ и прежде грѣховныя и похотныя влеченія, но не въ такой силѣ; когда же пришелъ законъ, онѣ до того разсвирѣпѣли, что удержи не было,—дали онѣ мнѣ себя знать. „Знали, говоритъ, и тогда, что грѣхъ и похоть—зло: но тогда пожеланіе не было такъ усиленно."

Подъ словомъ—*грѣхъ*, можно разумѣть грѣхъ опредѣленный, а подъ словомъ *похоть*—вообще грѣховное влеченіе ко всему запрещенному. Но можно и наоборотъ, грѣхъ понимать, какъ грѣховное влеченіе вообще, а похоть, какъ опредѣленное похотѣніе чего-либо недолжнаго, такъ какъ въ законѣ, гдѣ говорится: *не пожелай*, опредѣленно указывается, чего не слѣдуетъ желать (Исх. 20, 16. 17). Въ слѣдующемъ стихѣ они такъ стоятъ, что очевидно грѣхъ считается источникомъ похоти; между тѣмъ какъ въ настоящемъ кажется скорѣе похоть ставится источникомъ грѣха. Потому можно не настаивать на одномъ какомъ-либо значеніи здѣсь сихъ словъ.

Апостолъ говоритъ въ своемъ лицѣ: я не зналъ, я не вѣдалъ. Но очевидно говоритъ не о себѣ одномъ. Ибо далѣе, продолжая рѣчь все въ своемъ лицѣ, говоритъ онъ: *живяхъ кромѣ закона иногда*, чего прямо о себѣ не могъ онъ сказать. Безъ закона писаннаго жилъ нѣкогда не онъ, а родъ человѣческій; почему надо полагать, что хотя онъ говоритъ здѣсь въ своемъ лицѣ, но не отъ своего лица: „онъ тутъ ведетъ общее всего человѣчества дѣло" (Амвр.). „Подъ собою разумѣетъ человѣка вообще" (Экум.). Это замѣчаніе здѣсь не столь нужно, сколько нужнымъ окажется оно послѣ, при толкованіи отдѣленія, начинающагося съ 14-го стиха.

Ст. 8. *Вину же пріемъ грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть: безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть.*

Законъ не грѣхъ, не производитель и не учитель грѣху; напротивъ, онъ то и научилъ меня распознавать опредѣленно, что есть грѣхъ запрещенный. Но какъ же сдѣлалось, что размножились грѣхи, когда привзошелъ законъ? — Такъ, что живущій во мнѣ грѣхъ, услышавъ заповѣдь, одно повелѣвающую, другое запрещающую, противъ всякой заповѣди началъ во мнѣ возжигать противоположную ей похоть и ввергать въ грѣхи,—грѣхи и размножились по поводу заповѣдей. Живущій во мнѣ грѣхъ лежитъ будто мертвый, пока не слышитъ закона, противнаго себѣ; но какъ только заслышитъ, пробуждается и начинаетъ лютовать, разжигать похоти. Онъ похожъ на ядовитаго змія, или кровожаднаго звѣря, которые смирно лежатъ въ своей норѣ или берлогѣ, будто нѣтъ ихъ, пока не почуютъ, что кто-либо вступилъ въ ихъ область; но какъ только почуютъ сіе, тотчасъ поднимаются со всею свирѣпостію и нападаютъ на нарушителя ихъ покоя.

Грѣхъ здѣсь у Апостола есть живущій въ насъ грѣхъ, или законъ самоугодія, овладѣвшій падшею природою нашею, по которому неотложнымъ имѣется дѣлать одно угодное себѣ, несмотря ни на что, противящееся тому и внутри и внѣ, сколько бы оно уважительно ни было. Это самоугодіе, по обширности своей области, молчитъ, будто не зная на что обратиться, будто сыто будучи; но какъ услышитъ запрещеніе чего-либо сладкаго ему, тотчасъ устремляется на защиту его, не желая съ нимъ разстаться. Такой законъ самоугодія замѣченъ даже язычниками, которые говорили, что мы обычно тянемся къ запрещенному, и горимъ еще большимъ желаніемъ къ тому, въ чемъ получаемъ отказъ. Самоугодіе лежитъ въ основѣ, въ глуби грѣховности. Оно раждаетъ похоти, то ту, то другую, то третью, судя по тому, какую встрѣтитъ заповѣдь, запрещающую что-либо. Похотей не

слишкомъ много; это—страсти. Но дѣлъ, удовлетворяющихъ всякую похоть, или страсть, много. Апостолъ говоритъ о похотяхъ и страстяхъ, какъ источникахъ дѣлъ. Всякая же похоть или страсть, или всѣ въ совокупности похоти и страсти исходятъ у него изъ живущаго въ насъ грѣха. Вотъ гдѣ корень того, что грѣхи размножаются, несмотря на заповѣди или даже по поводу самыхъ заповѣдей.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ пытается всѣмъ этимъ доказать, что законъ не подлежитъ обвиненію. Поелику сказалъ, что съ изданіемъ закона умножились грѣхи, то, чтобъ не подумалъ иной, будтобы законъ тому причиною, по необходимости показываетъ способъ, какимъ дѣйствовалъ грѣхъ, именно, что онъ, изданіе закона обративъ въ поводъ къ борьбѣ, преоборолъ немощный помыслъ.“ Ѳеофилактъ поясняетъ: „не сказалъ: законъ *содѣла похоть*, но *грѣхъ;* склонность къ удовольствію (самоугодіе) и стремленіе къ худшему самое ученіе закона употребили во зло.“—Но подробнѣе излагаетъ все производство грѣшности, при законѣ, св. Златоустъ:

„Видишь ли, какъ снялъ вину съ закона? Грѣхъ, говоритъ Апостолъ, а не законъ увеличилъ похоть; и вышло противное тому, чего желалъ законъ. Сіе доказываетъ слабость, а не злокачественность закона. Когда питаемъ къ чему-либо вожделѣніе, и намъ воспрещаютъ то, тогда огонь вожделѣнія возгарается сильнѣе. Но сіе происходитъ не отъ закона; онъ запрещалъ съ тѣмъ, чтобы отвесть отъ вожделѣнія. Грѣхъ же, т.-е., твоя безпечность, твоя злая воля, самое добро употребили во зло. А въ худомъ употребленіи лекарства виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать оную. Хотя вышло противное, но виновенъ въ томъ не законъ,

а мы. Несправедливо было бы винить того, кто больному горячкою, который радъ непрестанно пить холодное, не даетъ много пить, и тѣмъ усиливаетъ въ немъ столь пагубное для него вожделѣніе. Дѣло лекаря только запретить; а воздерживаться долженъ самъ больной. Что изъ того, ежели грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ закона? Худому человѣку и доброе приказаніе служитъ часто поводомъ сдѣлаться порочнѣе. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнувъ въ сребролюбіе и содѣлавъ татемъ принадлежащаго нищимъ. Но не ввѣренный ему денежный ящикъ былъ причиною погибели, а худое расположеніе воли.—Не дивись, что Павелъ, говоря о законѣ, употребилъ весьма сильныя выраженія. Онъ ограничивается самонужнѣйшимъ; сколько не допускаетъ, чтобы слова его послужили поводомъ разумѣть дѣло иначе, столько заботится исправить уже разумѣющихъ неправо. Посему принимай здѣсь въ разсмотрѣніе не голыя слова, но вникни въ причину, которая заставила Апостола такъ говорить, представь себѣ неистовство Іудеевъ и непреодолимое ихъ упорство, которое старался преодолѣть онъ. Когда же повидимому много говоритъ противъ закона, не законъ винитъ, а низлагаетъ только упорство Іудеевъ. Ежели же въ вину закону поставить, что грѣхъ посредствомъ его получилъ поводъ, то найдешь, что сіе же самое случилось и въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо и въ Новомъ Завѣтѣ есть тысячи законовъ, которые касаются многихъ, даже важнѣйшихъ предметовъ. И всякій видитъ, что тоже самое бываетъ и здѣсь не только въ разсужденіи похоти, но и вообще въ разсужденіи всякаго порока. *Аще не бых пришелъ и глаголахъ имъ*, говоритъ Христосъ, *грѣха не быша имѣли* (Ін. 15, 22). Слѣдовательно грѣхъ и здѣсь нашелъ для себя поводъ и большее наказаніе. Такъ же и Павелъ, разсуждая о благодати, говоритъ: *колико мните горшія сподобится муки*,

иже Сына Божія поправый? (Евр 10, 29). Слѣдовательно большее благодѣяніе послужило къ тягчайшей казни. Подобно и объ язычникахъ говоритъ Апостолъ, что они содѣлались безотвѣтными; потому что, будучи одарены разумомъ и имѣя возможность чрезъ изученіе красотъ творенія возвыситься умомъ до Творца, не воспользовались какъ должно Божіею премудростію. Видишь, что добрыя дѣйствія (Божіи благодѣянія) для порочныхъ всегда служили случаемъ быть болѣе наказанными. Но, конечно, не будемъ за сіе винить Божіихъ благодѣяній; напротивъ, при всемъ этомъ еще болѣе станемъ имъ удивляться; осудимъ же тѣхъ, которые самое добро обратили во зло. Точно такъ же поступимъ и въ разсужденіи закона. Замѣть, что Апостолъ сказалъ не просто: *содѣла во мнѣ похоть*, но *всяку похоть*, разумѣя чрезъ то чрезмѣрность похоти. Спросишь: какая же польза въ законѣ, ежели страсть имъ усилена? Никакой, напротивъ еще большій вредъ.—Такъ вышло; но не законъ въ томъ виновенъ, а виновна безпечность принявшихъ законъ. Ибо похоть произведена грѣхомъ, и хотя посредствомъ закона, но тогда какъ законъ заботился не о томъ, а о противномъ. Слѣдовательно грѣхъ сталъ гораздо сильнѣе закона. Но и сіе должно поставить опять въ вину не закону, а людской неблагодарности.“

Что значитъ: *безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть*? Не говоритъ: *бѣ*, но *есть;* слѣдовательно выражаетъ общее положеніе. Всегда, говоритъ, такъ бываетъ, что, пока не издается законъ, грѣхъ мертвъ есть. Но что означаетъ сія мертвость? То, что грѣхъ до закона не сознается грѣхомъ. Грѣшатъ, но не знаютъ, что грѣшатъ, и бываютъ покойны. А когда законъ ясно скажетъ, что то и то - грѣхъ, тогда грѣхъ видится, какъбы изъ сокровенности какой выступаетъ наружу. Но поелику у Апостола впереди стоитъ та мысль, что грѣхъ въ насъ

живущій по поводу закона содѣлалъ всякую похоть и слѣдовательно какъбы пробужденъ былъ закономъ; то подъ—*мертвъ*, не лучше ли разумѣть—недѣйственъ, какъбы спящъ и недвижимъ. У нашихъ толковниковъ встрѣчается то и другое пониманіе.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Пока нѣтъ закона, показывающаго то, что должно дѣлать, и запрещающаго то, чего не должно дѣлать, грѣхъ не имѣетъ мѣста.“ Продолжаетъ сію рѣчь бл. Θеофилактъ: „то-есть, не почитается существующимъ (не сознается). Когда же есть законъ, предписывающій должное, то грѣхъ живетъ, т.-е., существуетъ и представляется грѣхомъ тѣмъ, которые преступаютъ законъ, грѣшатъ сознательно.“ Таже мысль и у Амвросіаста: „грѣхъ мертвымъ назвалъ Апостолъ, поелику думалось, что, такъ какъ онъ (до закона) не вмѣняемъ былъ у Бога, то у людей былъ мертвъ въ томъ смыслѣ, что имъ грѣшилось будто ненаказанно. Въ дѣйствительности грѣхъ не былъ подъ спудомъ сокрытъ, но не зналось, что Богъ имѣетъ судить за него,—такъ что, когда по изданіи закона стало явно, грѣхъ будто ожилъ. Онъ и прежде жилъ, но по безпечности людей почитался мертвымъ, будучи на дѣлѣ живымъ. Они думали, что онъ не вмѣнялся, тогда какъ вмѣнялся. То-есть, онъ живой почитался мертвымъ.“—Экуменій же подъ мертвостію разумѣетъ недѣйственность. „Грѣхъ мертвъ, т.-е., недѣйственъ. Хоть и прежде закона онъ дѣйствовалъ, но не съ такою силою. Многіе грѣхи, говоритъ, казалось, спали или замерли. Многаго я не зналъ, и дѣлая беззаконное въ невѣдѣніи, не такъ тяжко грѣшилъ. И грѣхъ тогда не такъ яростно нападалъ на меня. А когда пришелъ законъ, онъ озлился на меня.“

Ст. 9. *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда. Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ.*

Живяхъ, по соотношенію съ послѣдующимъ, значитъ

здѣсь: живъ былъ; а *заповѣдь*, по соотношенію съ предыдущимъ, означаетъ законъ. Пока, говоритъ, не было закона, грѣхъ былъ мертвъ, а я былъ живъ; но когда пришелъ законъ, грѣхъ ожилъ и сталъ жить, а я умеръ. Что значитъ мертвость грѣха безъ закона, указано словами св. отцевъ выше, т.-е. или несознаваніе и не столь ясное сознаваніе грѣха, или недѣйственность его. Соотвѣтственно сему—*живяхъ*, при такомъ, по причинѣ отсутствія закона, состояніи грѣха, будетъ значить: живъ я былъ безъ закона, потому что безъ него не сознавалъ грѣха и не такъ ясно сознавалъ его, или потому что тогда грѣхъ спалъ во мнѣ, пребывалъ недѣйственнымъ. Въ противоположность сему ожитіе грѣха по изданіи закона будетъ—сознаваніе его яснѣйшее или приведеніе его въ дѣйственность раздраженіе его; а умертвіе человѣка или души будетъ—грѣшеніе съ сознаніемъ грѣха, или подлежаніе всему зловредному дѣйствію грѣха. Жизнь души—въ сознаніи правости своего дѣйствованія предъ Богомъ, предъ людьми и предъ собою. Когда образомъ жизни изгоняется такое сознаніе, жизнь души—не жизнь, а томленіе. Совѣсть вступаетъ съ свои права и начинаетъ точить душу, какъ червь точитъ дерево или моль платье. Пока закона не было, совѣсть была покойна; ибо не сознавала беззаконности дѣлъ. Но когда законъ раскрылъ всю область беззаконности, совѣсть не могла быть покойною и молчать; ибо природа ея въ томъ, чтобъ стоять за законъ Божій. Она и подняла голосъ и начала томить человѣка. Какъ онъ и при законѣ все оставался при томъже образѣ дѣйствованія,—грѣшномъ, то при немъ сталъ состоять подъ непрестаннымъ томленіемъ совѣсти, былъ будто разлагающійся и умирающій, по причинѣ этого разлада внутри. Грѣшеніе при сознаніи грѣха есть тоже для души, что пронзаніе сердца мечемъ. Душа въ

актѣ грѣха замираетъ. Но какъ она по природѣ не смертна, то опять отходитъ, будто оживаетъ, хотя уже не такою, какою была прежде. Новый сознательный грѣхъ снова поражаетъ ее, и она снова оживаетъ, но уже еще болѣе слабожизненною. Такъ жизнь истинная при сознательномъ грѣшеніи въ ней истощается, а наконецъ и совсѣмъ замираетъ. Она живетъ, ибо не смертна; но жизнь эта уже не жизнь. Такое слѣдствіе ускоряется еще тѣмъ, что грѣхъ, при появленіи противоположной ему заповѣди, приходитъ въ напряженіе, будто лице готовое постоять за себя. Ибо, приводя грѣхъ въ напряженіе, законъ не даетъ однакожъ силъ противостоять ему. И такимъ образомъ будто нарочно предаетъ человѣка въ руки грѣха. Такъ *пришедшей заповѣди* грѣхъ оживаетъ, а душа умираетъ, если вмѣстѣ съ заповѣдію не давать ей и силъ противостоять грѣху.

Экуменій пишетъ: „какъ ожилъ грѣхъ? Чрезъ законъ. Какимъ же это образомъ? Такимъ, что когда данъ былъ законъ, то грѣхъ болѣе раздражился къ нападеніямъ на человѣка и яростнѣе устремился всячески искушать его. Будто догадывался онъ, что если человѣкъ будетъ исполнять заповѣди закона, то получитъ вѣнцы, и потому болѣе озлился на него. Съ другой стороны и я, говоритъ Апостолъ въ лицѣ человѣка вообще, познавъ изъ закона грѣхъ, и однакожъ не переставая грѣшить, сталъ грѣшить болѣе тяжкими грѣхами, яко въ вѣдѣніи дѣлающій то, чего должно убѣгать, и такимъ образомъ болѣе вонзалъ въ себя грѣхъ и укоренялъ его въ себѣ, силу ему большую чрезъ сознательное грѣшеніе подавая, и его слабымъ бывшаго и будто замершимъ оживляя и воспламеняя. А онъ, ожившіи, умертвилъ меня; тогда какъ прежде ожитія его я жилъ паче. Такимъ образомъ грѣхъ, по изданіи закона, двумя способами ожилъ: вопервыхъ тѣмъ, что онъ чрезъ то возбудился и раздражился къ

сильнѣйшимъ нападкамъ; вовторыхъ тѣмъ, что мы, при гласномъ законѣ, грѣша сознательно, углубляли его въ себѣ и доставляли ему силу съ большею дерзостію нападать на насъ. Такъ онъ ожилъ, а я умеръ. Сказавъ: *оживе*, Апостолъ показалъ, что грѣхъ былъ, только безмолвствовалъ, притаившись будто. Законъ же, пришедши, открылъ его, обнаружилъ, съ благодѣтельною для насъ цѣлію,—чтобъ, познавъ его, убѣгали его. Не получено такое благо отъ него по тому обстоятельству, что познавшіе чрезъ него грѣхъ не стали убѣгать его.“

Надо при семъ имѣть въ вниманіи, что Апостолъ излагаетъ здѣсь исторію, что было вслѣдствіе закона, или что человѣкъ сдѣлалъ изъ закона, не касаясь благодѣтельныхъ намѣреній Божіихъ въ дарованіи закона. И эту именно сторону раскрываетъ съ тѣмъ, чтобъ заставить подзаконныхъ броситься въ объятія Евангелія, освятительныя дѣйствія котораго были такъ очевидны для всѣхъ. Несправедливо было бы, еслибы кто сталъ наводить изъ сихъ словъ, что Апостолъ хулитъ законъ безусловно. Св. Златоустъ говоритъ: „Хотя, повидимому, клонится сіе къ обвиненію закона; впрочемъ кто тщательно изслѣдуетъ, тотъ увидитъ въ семъ похвалу закону; потому что онъ не произвелъ грѣха, дотолѣ не бывшаго, а только обнаружилъ скрытый (или менѣе извѣстный). Сіе-то и похвально для закона. Если до закона грѣшили, не чувствуя грѣха; то послѣ закона хотя не получили другаго плода, по крайней мѣрѣ обстоятельно узнали, что грѣшатъ. А это не малый уже способъ освобожденія отъ порока. Если же люди не освобождались отъ порока, законъ, употреблявшій всѣ мѣры, чтобы отклонить отъ онаго, не подлежитъ за то отвѣтственности, а вся вина падаетъ на собственную волю людей, повредившуюся сверхъ всякаго ожиданія.“ Тутъ тоже сдѣлалось, что бываетъ нерѣдко при леченіи болѣзней, какъ

замѣчаетъ бл. Θеофилактъ: „Представь, что кто-нибудь боленъ, и не сознаетъ, что онъ боленъ, потомъ приходитъ врачъ и открываетъ ему, что онъ боленъ, и что ему надобно воздерживаться отъ такой-то пищи, какъ усиливающей болѣзнь: больной не послушался и умеръ.“ Очевидно, не врачъ виноватъ, а больной.

Ст. 10. *Азъ же умрохъ: и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть.*

Вотъ что вышло, по причинѣ грѣха, живущаго въ насъ! Заповѣдь дана была въ *животъ,* чтобъ болѣе живить насъ и преисполнять истинною жизнію: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Рим. 10, 5); но какъ поблажая грѣху, мы не стали ее исполнять, то, грѣша при ней сознательно, мы тѣмъ подавляли, заглушали и убивали въ себѣ истинную, свойственную намъ, жизнь. И живоносная *заповѣдь обрѣтеся ми въ смерть.— Обрѣтеся*—выражаетъ нечаянность такого явленія. Имѣлось въ виду одно, а вышло другое, совсѣмъ противоположное. „Для сего собственно сказалъ Апостолъ: *обрѣтеся,* желая показать, что иная была цѣль закона, иное же произошло, по причинѣ грѣха (т.-е. самоугодія)“ (Θеод.). „Не сказалъ: сдѣлалась смертію, или породила смерть; но *обрѣтеся въ смерть*, объясняя тѣмъ необычайность и странность такой несообразности, въ которой виновны единственно сами люди. Если хочешь знать цѣль закона, онъ велъ къ жизни, для чего и данъ; если же произошла изъ того смерть, виновны въ семъ принявшіе заповѣдь, а не самая заповѣдь, которая ведетъ къ жизни“ (Св. Злат.). „Апостолъ все приводитъ въ защищеніе закона и заповѣди, обличаетъ же лукавство грѣха. Ибо говоритъ: заповѣдь подательница жизни; но обращеніе къ худшему породило смерть“ (Θеод.).

Не пропусти кто безъ вниманія слово Апостола: *заповѣдь, яже въ животъ.* Хоть Апостолъ очевидно разсуж-

даетъ о законѣ ветхозавѣтномъ, но этимъ выраженіемъ обознаетъ и силу заповѣди вообще. Существо заповѣди — вводить въ животъ и источать изъ себя животъ тѣмъ, кои живутъ по ней. Заповѣдь есть выраженіе воли Божіей о томъ, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать. И все сущее живетъ по волѣ Божіей: въ твореніи вложены во все законы воли Божіей; въ промышленіи они хранятся тоюже волею Божіею, и все направляется къ послѣднему концу сею же волею. Заповѣдь всюду царитъ. Вступающій въ путь заповѣдей вступаетъ въ согласіе со всѣмъ сущимъ—и съ міромъ умнымъ Ангельскимъ, и съ міромъ вещественнымъ, и первѣе съ самымъ Божествомъ. — погружается въ потокъ всеобщей жизни, движимой и производимой всеоживляющею волею Божіею. Вотъ почему и сказалъ Апостолъ: *яже въ животъ* Природа заповѣди такова, чтобъ давать вкушать жизни. Евангеліе и все домостроительство спасенія тѣмъ и живоносно, что даетъ вѣрующему возможность пребывать въ томъ чинѣ жизни, какой требуется заповѣдію. Къ сему и слово Божіе, къ сему и благодать. И Апостолъ будто тѣнь какую наводитъ на законъ и заповѣдь не за тѣмъ, чтобъ отвращеніе къ нимъ возбудить, но чтобъ побудить устремиться ко Христу вѣрою (Экум.), и получивъ отъ Него оправданіе и освященіе, сдѣлаться способнымъ жить по заповѣди, или по волѣ Божіей, или даже не иначе жить, какъ такимъ образомъ.

Ст. 11. *Грѣхъ бо вину пріемъ заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя.*

Объясняетъ, какимъ образомъ *заповѣдь, яже въ животъ, обрѣтеся въ смерть.* Грѣхъ, говоритъ, взявъ исходною точкой заповѣдь, прельстилъ меня и, ввергши въ дѣла, противныя заповѣди, умертвилъ меня. Грѣхъ здѣсь— коренная наша грѣховность, сущность которой самоугодіе: я самъ, я такъ хочу, мнѣ такъ нравится и пріятно,—

никакихъ другихъ уваженій знать не хочу. Заповѣдь подчиняетъ волѣ Божіей, а грѣхъ себѣ угождать научаетъ въ противность волѣ Божіей. Заповѣдь, подчиняя волѣ Божіей, вводитъ въ потокъ жизни всеобщей; а грѣхъ, выводя изъ подчиненія волѣ Божіей, въ пользу самоугодія исторгаетъ изъ сего потока и ввергаетъ въ область чуждую жизни,—мертвую и мертвящую.

Какъ грѣхъ успѣваетъ въ этомъ? Чрезъ прельщеніе. Ухитряется онъ представлять дѣла, противныя заповѣди въ такомъ свѣтѣ, что человѣку кажется, что гораздо лучше, будто даже разумнѣе, поступить противъ заповѣди, нежели какъ по заповѣди. Напримѣръ: обидѣлъ кто. Заповѣдь повелѣваетъ: прости. Но подходитъ грѣхъ и внушаетъ: будешь прощать, тебя затопчутъ, съ грязью смѣшаютъ, — и жить нельзя будетъ. Лучше постой за себя; докажи, что тебя нельзя трогать ненаказанно. И тутъ ничего не будетъ худаго. Законъ справедливости того требуетъ.—Кажется человѣку, по такимъ резонамъ, что лучше не прощать — и не прощаетъ. На дѣлѣ же лучше простить; а не простить только кажется лучше, но не есть. Вотъ и прельстился человѣкъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ бываетъ и во всякомъ дѣлѣ, противномъ заповѣди. Грѣхъ ухитряется такъ представить дѣло, что лучше кажется поступить противъ заповѣди, и прельщаетъ. Онъ вообще противъ заповѣди не возстаетъ, не споритъ, что заповѣди должно исполнять. Но во всякомъ частномъ дѣйствіи непремѣнно подстрянетъ и постарается отвратить отъ требуемаго заповѣдію, все туже употребляя уловку,—представляя, что въ этомъ случаѣ лучше сдѣлать не по заповѣди. И выходитъ, что человѣкъ, и зная, что должно жить по заповѣдямъ, и будучи убѣжденъ въ томъ, и даже имѣя въ мысли такъ именно дѣйствовать, дѣйствуетъ противно заповѣдямъ. Такова прелесть грѣха! Въ каждомъ грѣхѣ повторяется тоже, что было съ пра-

родителями. Тамъ врагъ лично представилъ, что лучше поступить противъ заповѣди, а у насъ, вмѣсто него, то же производитъ засѣянное имъ сѣмя грѣха, хотя и то вѣрно, что и онъ не бываетъ при этомъ празденъ (Θеод., Экум. и Амвр.).

Въ настоящемъ текстѣ Апостолъ тоже говоритъ, что сказалъ выше: *вину пріемъ грѣхъ заповѣдію содѣла во мнѣ всяку похоть.* Здѣсь объясняется только, какъ онъ содѣлалъ сію похоть, и что было вслѣдствіе того. Прельстилъ,—и породилъ похоть противнаго заповѣди; похоть зачеревши, родила грѣхъ; грѣхъ же содѣланъ, родилъ смерть (Іак. 1, 15) (Экуменій).

Ст. 12. *Тѣмже убо законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага.*

Тѣмже убо — означаетъ, что послѣдующая рѣчь есть выводъ изъ предыдущаго: изъ всего сказаннаго выходитъ, или: вы сами видите. А если положить, что Апостолъ имѣетъ при семъ въ виду оправданіе себя, то рѣчь сію можно дополнить такъ: такъ я не осуждаю закона и не хулю его, напротивъ утверждаю, что онъ святъ, и проч.

Законъ святъ и заповѣдь свята. Законъ и заповѣдь одно и тоже означаютъ—ветхозавѣтное домостроительство. Но иные различаютъ ихъ, и притомъ въ разномъ смыслѣ. Бл. Θеодоритъ говоритъ, что подъ закономъ разумѣется законъ Моисеевъ, а подъ заповѣдію заповѣдь, данная въ раю. Св. Златоустъ приводитъ толкованія нѣкоторыхъ, будто законъ означаетъ законъ естественный, а заповѣдь — заповѣдь райскую, и признавъ ихъ неправыми, теченіемъ рѣчи твердо доказываетъ, что здѣсь разумѣется одинъ и тотъже законъ Моисеевъ. Бл. Θеофилактъ, симъ же образомъ понимая рѣчь, полагаетъ только, что Апостолъ здѣсь „различаетъ законъ отъ заповѣди, какъ общее отъ частнаго: ибо въ законѣ одно

составляетъ догматы, а другое заповѣди. И догматы закона святы, и заповѣди касательно дѣятельности святы и праведны и добры.“

Заповѣдь свята и праведна и блага. Таково все ветхозавѣтное устроеніе! Свято, яко отъ святаго Бога исшедшее. учившее святости и руководившее къ ней; праведно, яко праведнымъ Богомъ законоположенное, все праведно установившее, и праведно соединявшее съ вѣрностію Ему—благобытіе, а съ невѣрностію—злостраданіе; благо, яко благимъ Богомъ возложенное на пріявшихъ оное, не для отягощенія, а для благоустроенія жизни здѣсь, и блаженства по смерти. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Божественный Апостолъ назвалъ заповѣдь *святою*, какъ научившую должному; *праведною*, какъ праведно произнесшую приговоръ на преступниковъ; *благою*, какъ уготовляющую жизнь хранящимъ ее.“ Экуменій такъ опредѣляетъ сіи черты: „*святъ* законъ, потому что сохранялъ отъ нечистоты соблюдавшихъ его; *праведенъ*, — потому что исполнявшихъ его награждалъ дарами, а на преступавшихъ налагалъ наказанія; *благъ*, — потому что не въ удовольствіе себѣ и не по гнѣву наказывалъ злостраданіями преступавшихъ его, а для спасенія, блага и исправленія ихъ, и еще потому, что за малыя исправности вознаграждалъ многимъ, а согрѣшавшихъ вразумлялъ и наказывалъ не въ мѣру преступленій.“ Бл. Θеофилактъ прилагаетъ: „Здѣсь Апостолъ весьма явно заградилъ уста Маркіонитовъ, Манихеевъ, Симоніанъ и всѣхъ охуждавшихъ Ветхій Завѣтъ. Изъ сихъ словъ явно, что законъ и заповѣдь суть законоположенія благаго и праведнаго Бога,—а не какъ эти еретики богохульствовали, будто законъ происходитъ отъ злаго бога.“

Ст. 13. *Благое ли убо бысть мнѣ смерть? Да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ благимъ ми, содѣвая смерть: да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію.*

Это ли доброе,—законъ святой, и праведный, и благій,—*бысть мнѣ смерть*, былъ для меня смертоносенъ, смерть мнѣ принесъ и причинилъ?—*Да не будетъ*,—никакъ нельзя такъ думать,—ни я такъ не полагаю, и никому не слѣдуетъ допускать такой мысли. Ни по намѣренію Законодателя, ни по существу закона нельзя сему быть, нельзя сего ожидать, нельзя и умствовать такъ. Не законъ смертоносенъ, но грѣхъ, живущій въ насъ. Онъ научаетъ нарушать законъ, данный во благо намъ, и такимъ образомъ причиняетъ смерть. Грѣхъ сей столько золъ, что даже то, что благо, превращаетъ въ зло намъ; подобно тому, какъ испорченный желудокъ и здоровую пищу обращаетъ въ усиленіе болѣзни. Эту его зловредность обнаружилъ законъ, который, между прочимъ, и данъ былъ съ тою цѣлью, чтобъ вызвать наружу кроющееся въ насъ зло грѣха, поставляя его въ такія обстоятельства, что онъ явно благимъ содѣвалъ смерть. Апостолъ возбуждаетъ ненависть ко грѣху, указывая въ немъ такого злостнаго намъ врага. Въ иныхъ мѣстахъ такой образъ выраженія: *да явится*, указываетъ на слѣдствіе; такъ что, по сему образу, здѣсь выходило бы: и явилось, что грѣхъ и проч. Но здѣсь такое выраженіе указываетъ на цѣль. Законъ и данъ былъ съ тою цѣлію, чтобъ явилось, что грѣхъ и благое превращаетъ въ зло; подобно тому, какъ иногда лекаря даютъ лекарства, чтобъ скрытая внутри болѣзнь высыпала наружу. „Законъ и успѣлъ въ этомъ не мало, показавъ, какое зло есть грѣхъ, обнаруживъ и изобразивъ всю ядовисть онаго“ (Св. Злат.). „Закономъ и заповѣдію показывается мнѣ грѣхъ, показывается, т.-е., что онъ худъ и золъ. Какъ же?—*Благимъ ми содѣвая смерть*. По плоду узнаю дерево; видя смерть, начинаю ненавидѣть матерь смерти. А учитель мнѣ въ этомъ—законъ“ (Θеод.).

Подъ грѣхомъ здѣсь разумѣется „безпечная воля, стрем-

леніе къ худшему и развращеніе сердца,—въ чемъ заключается причина всѣхъ золъ“ (Св. Злат.),—„склонная къ удовольствіямъ воля и стремленіе ко грѣху“ (Θеоф.),—„наклонность нашего произволенія къ худшему“ (Θеод.). Существо его—въ самоугодіи наперекоръ всему.

Да будетъ попремногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію. Второе благое слѣдствіе закона. Тамъ—обличеніе зловредности грѣха, а здѣсь—указаніе его крайней грѣшности. Грѣхъ и всегда грѣшенъ, какъ творимый съ сознаніемъ грѣшности его, съ презорствомъ къ явной волѣ законоположника—Бога. „И природа указуетъ намъ грѣхъ“ (Θеод.); но при ней одной можно какимъ-либо кривотолкованіемъ помирить его съ правдою; когда же законъ явно указываетъ должное, а грѣхъ, несмотря на то, беретъ силу, тогда грѣшеніе не бываетъ съ спокойною совѣстію, а прямо идетъ противъ нея. Грѣшеніе такое крайне грѣшно и предъ Богомъ и предъ совѣстію. „Сіе же: *да будетъ*, сказано съ опущеніемъ; подразумѣвается: *да будетъ* явно,—т.-е., да сдѣлается явнымъ вслѣдствіе заповѣди, что попремногу грѣшенъ, или лукавъ грѣхъ“ (Θеод., такъ и Θеоф., Экум. и Фотій у него). Можетъ-быть здѣсь можно подъ грѣхомъ разумѣть всю совокупность дѣйствительныхъ грѣховъ, которые стали грѣшнѣе при законѣ, тогда какъ въ предыдущемъ выраженіи разумѣется живущій въ насъ грѣхъ, производящій дѣйствительные грѣхи.

Св. Златоустъ наводитъ при семъ, что „Апостолъ усиливаетъ изображеніе грѣха, дабы показать преизбытокъ Христовой благодати и научить, отъ какого зла избавленъ ею человѣческій родъ, послѣ того, какъ всѣ врачебныя пособія усиливали болѣзнь, и всѣ средства остановить зло, увеличивали оное.“ И нѣсколько ниже: „симъ Апостолъ доказываетъ и превосходство благодати, превосходство, а не противоположность. Не смотри на то,

что принявшіе законъ сдѣлались хуже; но прими во вниманіе, что законъ не только не хотѣлъ усилить зла, но напротивъ старался пресѣчь зло, до него бывшее. А если и не въ состояніи былъ совершить то, увѣнчай за расположеніе. Но тѣмъ съ глубочайшею преданностію повергнись предъ Христовымъ всемогуществомъ; потому что Христосъ столь разнообразное и непреоборимое зло (грѣхъ) исторгъ съ корнемъ и истребилъ."

Обезвинивъ такимъ образомъ законъ и всю вину сложивъ на живущій въ насъ грѣхъ, Апостолъ приступаетъ теперь къ изображенію, что это за грѣхъ, и какъ онъ въ насъ дѣйствуетъ.

бб).

Ст. 14. *Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ.*

„Апостолъ сказалъ выше, что зло увеличилось, что грѣхъ, будучи сдерживаемъ заповѣдію, больше усилился, и на дѣлѣ вышло противное тому, чего домогался законъ, и симъ привелъ онъ слушателя въ большое недоумѣніе. Посему, освободивъ сперва законъ отъ худаго подозрѣнія (будто онъ—вина грѣха), объясняетъ потомъ причину, отъ чего такъ случилось" (Св Злат.). И это уже указано, именно, что такъ случилось отъ грѣха. Намекнуто и на то, какъ грѣхъ ухитряется успѣвать въ этомъ,—именно, чрезъ прельщеніе,—прельщаетъ, и увлекаетъ на противное закону. Теперь глубже входитъ онъ въ разсмотрѣніе того, что происходитъ въ насъ, при встрѣчѣ закона и грѣха.

Чтобъ удобнѣе было понять рѣчь Апостола, надо имѣть въ мысли, что онъ и здѣсь, какъ прежде, говоря о себѣ, говоритъ въ лицѣ падшаго человѣка, не пріявшаго благодати, возстановляющей отъ паденія, возчувствовавшаго однакожъ потребность возстать и возжелавшаго того.

Напрасно полагаютъ, что Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ и въ своемъ лицѣ о всякомъ облагодатствованномъ. Ибо къ облагодатствованному никакъ не могутъ относиться слова: *еже не хощу злое, сіе содѣваю,* и: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (—19. 20). Грѣхъ, хотя и ему даетъ себя знать, но не имѣетъ надъ нимъ опредѣляющей къ дѣлу и насилующей власти, какъ выше уже сказалъ Апостолъ: *грѣхъ вами не обладаетъ:* ибо вы *подъ благодатію* (—6, 14); и какъ говоритъ св. Іоаннъ: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ* (1 Ін. 3, 9). Напрасно также въ основаніе своего мнѣнія, будто рѣчь Апостола можетъ идти только къ облагодатствованному, выставляютъ то, что въ необлагодатствованномъ не бываетъ такого раздвоенія внутренняго, какое здѣсь у Апостола изображается: *соуслаждаюся закону Божію... вижду же инъ законъ.* У падшаго безъ благодати мирно царитъ грѣхъ: и мысли и чувства и желанія—все у него сложилось съ грѣхомъ, и разлада съ нимъ не бываетъ. Ибо падшій и грѣшащій, какъ ни портитъ свою природу, но не превращаетъ ее въ злую. Добрыя начала остаются въ ней, и бываетъ, что возвышаютъ сильно свой голосъ съ требованіемъ удовлетворенія. Вотъ и раздвоеніе! Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ и имѣетъ въ виду этого, возчувствовавшаго такое въ себѣ раздвоеніе, сознавшаго необходимость перейдти на добрую сторону отъ грѣха и возжелавшаго перейдти, но силъ къ тому въ себѣ ненаходящаго. Очевиднѣйшій примѣръ того имѣемъ въ борющихся съ пьянствомъ, или блудною страстію, или картежничествомъ. Какъ идетъ ко всѣмъ имъ слово Апостола: *еже не хощу злое, сіе творю!*

Наши всѣ толковники разумѣютъ здѣсь изображеніе состоянія человѣка до закона и подъ закономъ, т.-е., не пріявшаго благодати, чтобы возбудить желаніе сей бла-

годати и привлечь къ вѣрѣ Евангельской,—единой подательницѣ ея.

Вѣмъ бо. Вотъ причина почему законъ данъ на одно, а вышло совсѣмъ другое! Потому что *законъ духовенъ, азъ же плотянъ.*

Законъ духовенъ. „Снова увѣнчиваетъ законъ похвалою. Ибо что досточестнѣе сего наименованія?“ (Θеод.). „Симъ какъбы сказалъ Апостолъ: всякій знаетъ и согласится, что законъ духовенъ; а потому и невозможно, чтобы онъ былъ причиною грѣха,—чтобъ на немъ лежала вина произшедшихъ золъ. И замѣть, что онъ не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но и хвалитъ безъ мѣры“ (Св. Злат.).

Духовенъ же законъ потому, что отъ Духа изшелъ и ведетъ къ духовному. „Онъ написанъ Духомъ Божіимъ; сей благодати пріобщившись, бл. Моисей написалъ законъ“ (Θеод.). „Есть даръ Святаго Духа, и Имъ продиктованъ“ (Экум.).—„Наименовавъ его духовнымъ, Апостолъ даетъ знать, что онъ есть наставникъ добродѣтели и врагъ порока. Быть духовнымъ, значитъ отводить отъ всякаго грѣха. Это и дѣлалъ законъ, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, совѣтуя все то, что добродѣтельно“ (Св. Злат.). „Онъ (законъ) желаетъ духовнаго и требуетъ того, что душеполезно“ (Экум.).

Хотя подзаконное домостроительство по Апостолу было по преимуществу видимое и служеніе въ немъ было наипаче тѣлесное, ведшее къ плотской лишь чистотѣ (Евр. 9, 13) и къ оправданіямъ плоти (——10), но не затѣмъ, чтобъ состоящіе подъ нимъ останавливались на одномъ этомъ видимомъ и тѣлесномъ, а отъ него переходили къ невидимому и духовному. Очо было руководствомъ отъ внѣшняго къ внутреннему: тѣмъ, что всякое предписаніе, опредѣлявшее видимый образъ дѣйствованія, дано отъ лица Божія, оно чрезъ все видимое пе-

чатлѣло въ умѣ Бога, а тѣмъ, что все видимое въ немъ было учреждено съ особымъ духовнымъ значеніемъ, вводило въ сіе духовное. Отъ того служащіе въ немъ, хотя *служили образу и стѣни* (Евр. 8, 5), не были лишены возможности прозрѣвать за сію завѣсу и видѣть сокрываемое тамъ. Это надлежитъ сказать о самомъ внѣшнемъ устройствѣ подзаконныхъ порядковъ: о духовности же нравственно религіозныхъ положеній и говорить нечего. Послѣднія-то въ настоящемъ мѣстѣ и имѣетъ въ виду Апостолъ; онъ говоритъ, что законъ требовалъ духовнаго, т.-е. того, чтобы къ Богу устремляться, съ Нимъ пребывать умомъ и сердцемъ, Ему всячески угождать, исполняя по совѣсти святую волю Его, и услаждаться только тѣмъ, что божественно. Таковъ законъ, а я плотянъ.

Плотянъ не естествомъ, а внутреннимъ настроеніемъ, т.-е. ищу только того, что плоть услаждаетъ, или устрояетъ мое лишь земное благобытіе. Естественныя начала духовной жизни не истреблены, но обезсилены и заглушены, и когда-когда прорываются,—такъ что въ общемъ преобладаетъ плотяность.

Плотяность здѣсь не означаетъ одну плотскую, чувственную жизнь, а выражаетъ вообще нехорошее состояніе падшаго грѣшника. Въ посланіи къ Коринѳянамъ тоже самое называлъ Апостолъ *душевностію* (1 Кор. 2, 14). Но можно и различать душевность отъ плотяности, какъ два вида или двѣ стороны однородной жизни, подъ плотяностію разумѣя чувственную жизнь, въ плотоугодіяхъ проходящую, а подъ душевностію—жизнь проходящую въ устроеніи исключительно земнаго благобытія чрезъ удовлетвореніе лишь душевныхъ потребностей, естественныхъ и добытыхъ произвольнымъ навыкомъ, никогда однакожъ не остающихся въ своемъ чинѣ, но непремѣнно возмущаемыхъ и извращаемыхъ страстями,—

такъ что ее справедливо назвать жизнію, въ угодіи душевнымъ страстямъ проходящую, хотя движущуюся въ порядкахъ, опредѣляемыхъ естественными потребностями.

Вѣдать надлежитъ, что человѣкъ не тѣло только и душа, но тѣло—душа—духъ.—Что тѣло, ясно само-собою. Что духъ?—Духъ—всѣ тѣ проявленія внутренней нашей жизни, которыя устремляютъ человѣка отъ земнаго къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному, отъ тварнаго къ божественному. Онъ есть та сила, которую вдунулъ Богъ въ лицо человѣка при сотвореніи его, и въ которой собственно лежитъ образъ и подобіе Божіе. Какъ такая, она устремляетъ человѣка къ Богу и довольна бываетъ только тогда, когда человѣкъ въ Богѣ живетъ и въ живомъ съ Нимъ состоитъ союзѣ. Осязательнѣе она открывается въ насъ страхомъ Божіимъ, дѣйствіями совѣсти, и тѣмъ, что не даетъ намъ удовольствоваться ничѣмъ тварнымъ. Всѣ сіи внутреннѣйшія движенія въ насъ, когда бываютъ въ силѣ, отрѣшаютъ отъ всего земнаго и заставляютъ не внимать никакимъ условіямъ земнаго быта. Они общи всему человѣчеству и присущи и у самыхъ дикихъ, какъ и у образованныхъ.

Что душа?—Что остается затѣмъ между тѣломъ и духомъ, принадлежитъ душѣ и составляетъ ея жизнь. Сюда относятся всѣ роды знаній и всякая научность; всѣ роды искусствъ, всякая художественность и всякое мастерство; всѣ роды практической жизни, семейная и общественная жизнь со всѣми способами ихъ устроенія и поддержанія. На все это въ душу вложены потребности, и на удовлетвореніе ихъ дарованы силы съ предуказаніемъ въ нихъ и способа удовлетворенія.

Само собою ясно, что жизнь тѣлесная ниже душевной, душевная ниже духовной. Слѣдовательно душевную жизнь должно подчинять духовной, а тѣлесную—той и другой. Норма жизни человѣка жить въ духѣ и духомъ

одуховлять и душу и тѣло. Таково первоначальное его устройство, такимъ вышелъ изъ рукъ Творца человѣкъ, и такимъ былъ въ раю до паденія. Жить въ духѣ есть жить въ Богѣ. Живущій такъ отъ Бога пріемлетъ силу управляться съ душею и тѣломъ и подчинять ихъ духу. Въ паденіи человѣкъ возсталъ противъ Бога,—истинно возсталъ. Грѣхъ прародителей по виду не большой, но по духу своему очень тяжекъ. Повѣривъ злому внушенію врага, будто Богъ за тѣмъ запретилъ имъ вкушать отъ древа, чтобъ и они не сдѣлались богами, они въ этомъ самомъ повѣрованіи извратили въ себѣ существеннѣйшее о Богѣ вѣдѣніе: ибо подумали, что Богъ завидуетъ имъ и потому отстраняетъ ихъ отъ принадлежащаго имъ, тогда какъ Богъ по существу Своему есть независтный, преизливающій источникъ благъ. Воспринявъ такую злую мысль, они рѣшили устроить свое благобытіе сами, наперекоръ волѣ Божіей. Нарушеніе заповѣди не было бы возможно, еслибы внутри у нихъ не произнеслось рѣшеніе: такъ мы сами себя устроимъ и станемъ тѣмъ, чѣмъ достоитъ намъ быть. Это рѣшеніе произвело полный переворотъ внутри человѣка. Рванувшись такъ отъ Бога, онъ духомъ своимъ отвратился отъ Бога; вслѣдствіе чего духъ его потерялъ силу властвовать надъ душею и тѣломъ и человѣкъ неизбѣжно подпалъ многообразнѣйшимъ требованіямъ души и тѣла, и сталъ душевно-тѣлесенъ, т.-е. господствующею у него стала жизнь душевная, обращенная на устроеніе временнаго быта, и тѣлесная, движущаяся въ угодіяхъ плоти; духовная же, хотя не уничтожена, но потеряла свое первое - властное мѣсто и стала въ подчиненіе тѣмъ двумъ.

Потребностей души и тѣла много, и много способовъ удовлетворять ихъ. Поелику естественный управитель ихъ духъ потерялъ власть, то среди ихъ произошли большіе безпорядки: каждая потребность мѣру потеряла,

а всѣ потеряли законъ взаимнаго отношенія и соподчиненія и при всякой возможности стремятся занять преобладающее мѣсто и подчинить себѣ всѣ другіе. И это уже большое зло; но оно безмѣрно увеличилось отъ того, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ произнесъ внутри рѣшеніе: такъ я самъ устроюсь, низпалъ въ самость, и въ этой самости воспринялъ сѣмя злыхъ страстей, исходящихъ изъ сей самости и не коренящихся въ естествѣ. Онѣ проникли всю душевно-тѣлесность, пропитали ее ядомъ своимъ и зло отъ потери мѣры потребностей и порядка взаимнаго ихъ отношенія увеличили до чрезмѣрности. Состояніе падшаго можно опредѣлить: самостная страстная душевно-тѣлесность. Духъ ея—самоугодіе наперекоръ всему. Вотъ это самое и есть то, что св. Павелъ назвалъ плотяностію, и что есть живущій въ насъ грѣхъ, распложающій въ жизни нашей всякую законопреступность и всякаго рода грѣхи.

Такимъ остается всякій человѣкъ до пріятія имъ благодати, хоть и подъ закономъ кто состоитъ. Законъ, говоритъ Апостолъ, духовенъ, — онъ требуетъ, чтобы я жилъ въ духѣ; но у меня преобладаетъ душевно-тѣлесное самоугодіе; отъ чего и при законѣ я только грѣшу. Потребности души и тѣла — негрѣшны; но когда тѣлу удовлетворяютъ во вредъ душѣ, а душѣ и тѣлу наперекоръ духу, тогда грѣшатъ. И грѣхъ паче при семъ грѣшенъ, когда дѣйствуютъ такъ не собственно для удовлетворенія потребностей, а чрезъ удовлетвореніе имъ питаютъ страсти. Но въ такомъ именно положеніи и состоитъ непріявшій благодати. Его и разумѣетъ Апостолъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ выводитъ на среду человѣка до благодати, волнуемаго страстями. Ибо *плотянымъ* называетъ не улучившаго еще духовной помощи.“ „Плотянъ есть человѣкъ, говоритъ Экуменій, не поколику человѣкъ, но поколику преданъ есть страстямъ и

творитъ плоти угодія.“ — Бл. Θеофилактъ и источникъ сего указываетъ: „*плотянъ есть*—значитъ: все естество человѣческое, какъ до изданія закона, такъ и во время закона наполнено было множествомъ страстей: ибо вслѣдствіе преступленія Адамова мы не только сдѣлались смертными, но природа наша получила страсти, продалась грѣху, и стала рабою, такъ что и головы не могла поднять.“ Полнѣе сіе изображено у св. Златоуста: „Въ слѣдъ за смертію, толпою нахлынули страсти. Какъ скоро тѣло учинилось смертнымъ, по необходимости допустило въ себѣ и похоть, и гнѣвъ, и болѣзнь и все прочее; а посему много нужно любомудрія, чтобы при наводненіи страстей разсудокъ не погрязъ въ глубину грѣха.“

Проданъ подъ грѣхъ. Хотя и не хотя грѣшу, какъ проданный рабъ исполняетъ волю господина своего. Примѣнительно къ вышеизложенному будетъ: живу въ душевно-тѣлесномъ самоугодіи и страстяхъ наперекоръ духу, или внушеніямъ страха Божія и требованіямъ совѣсти. *Проданъ*—наводитъ на мысль, будто не имѣетъ свободы не грѣшить и грѣшитъ будто по необходимости. Но этимъ выражается лишь сила грѣха, на дѣлѣ же бываетъ такъ, что грѣшащій въ угоду самости и страстямъ всегда дѣлаетъ это свободно, самоохотно рѣшается на такія дѣла. Припомнимъ, что сказано подъ 11-мъ стихомъ, о томъ, какъ прельщаетъ грѣхъ. Грѣхъ никогда не возстаетъ противъ закона вообще, а только въ каждомъ частномъ случаѣ представляетъ дѣло такъ, что человѣкъ считаетъ болѣе пригоднымъ поступить противъ закона, нежели по закону,—и грѣшитъ. Ученый не молится или мало молится, потому что ему некогда нынѣ: завтра помолится. Такъ всякій разъ. И не молится, зная и утверждая, что должно молиться. Такъ всякаго рода неправыя дѣйствія. Они совершаются самоохотно. Но когда посмот-

рѣть на нихъ въ сложности, то печатлѣется мысль, что человѣкъ, какъ проданный рабъ, работаетъ грѣху. Это однакожъ не значитъ, что онъ не можетъ не грѣшить, а только—что сильно охочъ на грѣхи, такъ что на требованія правды и не смотритъ.

Проданъ — въ грѣхопаденіи прародителей; но потомъ въ жизни самъ себя продастъ грѣху всякій разъ. Бл. Θеодоритъ указаніе на это видитъ въ словахъ пророка Исаіи: *се грѣхами вашими продастеся* (50, 1), и слова Апостола толкуетъ такъ: „продался я грѣху и самъ себя продалъ ему.“

Ст. 15. *Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю.*

Еже бо содѣваю, не разумѣю. Не знать что дѣлаю. понять не могу, какъ это я дѣлаю все, что дѣлаю. Или общее: не знать, что во мнѣ дѣлается. Св. Златоустъ говоритъ, что Апостолъ не то хочетъ сказать, что—грѣшу въ невѣдѣніи: ибо никто никогда не грѣшилъ въ невѣдѣніи. Еслибъ люди грѣшили въ невѣдѣніи, то не за что было бы ихъ наказывать. Что же значитъ: не *разумѣю?* Пребываю во мракѣ, увлекаюсь, самъ не знаю, какъ даюся въ обманъ. И сами мы обыкновенно говоримъ: не знаю какъ такой-то человѣкъ пришелъ и увлекъ меня; хотя вовсе не думаемъ извиняться незнаніемъ, а выражаемъ только, что тутъ былъ нѣкоторый обманъ, умыселъ, омраченіе. — Бл. Θеодоритъ ограничиваетъ такъ же это неразумѣніе однимъ моментомъ, или дѣйствіемъ грѣшенія. „Побѣждаемый, говоритъ, сластолюбіемъ, а также упивающійся страстію гнѣва не имѣетъ яснаго вѣдѣнія о грѣхѣ, но, по прекращеніи дѣйствія страсти, начинаетъ ощущать зло.“—Сосложеніе съ грѣхомъ въ актѣ грѣшенія и разумомъ одобряется, а послѣ онъ ясно видитъ, что не слѣдовало такъ дѣлать, и озираясь назадъ, въ недоумѣніи спрашиваетъ: какъ же это такъ?—„Прельщаюсь и

совосхищаемъ бываю на грѣхъ,—бываю окрадаемъ, воровски увлекаемъ, и понять не умѣю, какъ сіе стражду“ (Экум.).

Не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣваю. Хочу одного, а творю другое; что ненавижу, то дѣлаю. Хотѣніе и ненавидѣніе означаютъ общее убѣжденіе и помышленіе, а что дѣлается не то, что желаемо, но то, что ненавидимо, это относится къ каждому частному дѣйствію, и не то означаетъ, что дѣлается противъ воли и съ ненавистію, а то, что въ моментъ дѣйствія желаемое вообще становится нежелаемымъ и ненавидимое любимымъ. Ибо всякій грѣхъ дѣлается съ желаніемъ и любовію. До рѣшенія на дѣло бываетъ желаніе инаго и ненавидѣніе предлежащаго; но подходитъ сласть самоугодія и—все измѣняется. Бываетъ борьба, но потомъ все улегается, и нехотимое прежде творится всѣмъ лицемъ человѣка со всею охотою. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „словами: чего не хочу и что ненавижу, выражается не необходимость, а немощь, потому что не какою-либо необходимостію и не какимъ-либо насиліемъ принужденные, согрѣшаемъ, дѣлаемъ то самое, чѣмъ гнушаемся, какъ беззаконнымъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Изъ сего видно, что словами: *не еже хощу*, Апостолъ не уничтожаетъ свободнаго произволенія, и не означаетъ какой-либо-неотвратимой необходимости. Ибо ежели грѣшимъ непроизвольно, а по принужденію, то не видно причины, за что люди доселѣ были наказываемы. Но какъ словомъ: *не разумѣю* Апостолъ выразилъ не незнаніе, а то, что сказано нами выше; такъ присовокупивъ — *не еже хощу,* выразилъ не необходимость, а то, что не одобряетъ сдѣланнаго (и прежде и послѣ дѣла вообще). А еслибы не такую имѣлъ мысль, то къ словамъ—*не еже хощу, сіе творю,* почему бы не присовокупить ему: дѣлаю то, къ чему вынужденъ необходимостію. Но Апостолъ не сказалъ сего, а замѣнилъ то словами: *еже не*

навижу, дабы ты разумѣлъ, что онъ и словами, *не еже хощу,* не уничтожилъ свободы."

Какъ въ какой-либо семьѣ глава семейства держитъ намѣренія, по его убѣжденію полезныя, но когда надо дѣйствовать, собираются семьяне и уговариваютъ его дѣлать противное тому: онъ соглашается, и дѣлаетъ. Послѣ, хоть и видитъ, что не слѣдовало соглашаться, но ужъ сдѣланнаго не передѣлаешь. Это однакожъ не исправляетъ его; но когда приходится дѣйствовать въ томъже смыслѣ, семьяне опять сбиваютъ его сдѣлать по ихнему. Такъ и всегда дѣлаетъ онъ *не еже хощетъ.* Тоже самое происходитъ и внутри насъ. Всякій желаетъ добраго и ненавидитъ злое; но приходитъ сласть самоугодія, отуманиваетъ очи ума, извращаетъ расположеніе сердца,—и желаемое доброе не желается, а ненавидимое злое является привлекательнымъ; отъ чего не то творится, а это содѣвается.

Ст. 16. *Аще ли, еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ, яко добръ.*

Говоря выше: творю не то, что хощу, и содѣваю, что ненавижу, хоть говорилъ отвлеченно, не опредѣляя,—чего же именно хочетъ и что ненавидитъ, но по ходу рѣчи видно, что онъ хочетъ законнаго, а ненавидитъ беззаконное. Если вставимъ эти термины въ рѣчь, получимъ: творю не законное, которое хочу, но содѣваю беззаконное, которое ненавижу. Но если такъ, то очевидно, что я *хвалю законъ, яко добръ,*—и въ убѣжденіи ума и въ чувствѣ сердца одобряю законъ,—держу, что законъ благъ для меня, на благо мнѣ данъ и къ благу меня приведетъ, если буду слѣдовать ему. И въ падшемъ грѣшникѣ страхъ Божій цѣлъ, цѣла и совѣсть, указывающая достодолжное. Отъ того нравственно-религіозныя положенія — истинныя — имѣются у всѣхъ народовъ. У пріявшихъ же откровеніе, или писанный законъ, они и

полнѣе и опредѣленнѣе. Такъ всѣ хвалятъ законъ, яко добръ, и желаютъ законнаго дѣйствованія; но когда приходится дѣйствовать самымъ дѣломъ, возстаетъ душевно-тѣлесное самоугодіе, сбиваетъ ихъ съ пути и они дѣлаютъ не то, что одобряютъ и что хвалятъ въ обыкновенномъ состояніи. Надобно впрочемъ дополнить рѣчь Апостола, и въ словахъ его видѣть такое теченіе мыслей: если я говорю о себѣ, что дѣлаю не то, что хочу, значитъ сознаю, что не слѣдовало мнѣ такъ дѣлать, какъ дѣлаю; а если это сознаю, значитъ одобряю противоположное сему дѣйствованію, т.-е. одобряю законъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Видишь ли между прочимъ, что разумъ не поврежденъ, но дѣйствительно сохраняетъ свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то, предаваясь оному, ненавидитъ оный. А сіе и служило всегда самою лучшею похвалою закона, какъ естественнаго, такъ и письменнаго. Что законъ добръ, разсуждаетъ Апостолъ, сіе видно изъ того, что я обвиняю самъ себя; хотя и не повинуюсь закону, но ненавижу и сдѣланное мною.“

Ст. 17. *Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ.*

Нынѣ же—не время означаетъ, а есть заключительная частица, какъ и мы часто употребляемъ въ томъже значеніи: *теперь*. Можно перефразировать такъ: теперь видите, теперь выходитъ, или просто выходитъ. Одобряю законъ, хочу законнаго и ненавижу беззаконное, а дѣлаю все противное сему. Выходитъ, что не я это дѣлаю. Я тутъ не дѣйствующій, а дѣйствуемый. Кто-то другой завладѣлъ мною, беретъ меня, какъ связаннаго, и ведетъ, куда хочетъ, и я плетусь въ слѣдъ его. Кто же это такой? Живущій во мнѣ грѣхъ.—Грѣхъ олицетворяется по силѣ влеченія его, а человѣкъ обезличивается по причинѣ слабости его ко грѣху и падкости на него. Апостолъ будто слагаетъ вину съ человѣка,

какъ выше съ закона. Но на дѣлѣ бываетъ такъ, что человѣкъ всегда самоохотно соглашается на грѣхъ. Не соглашайся онъ на грѣхъ, грѣха не было бы. И мы часто въ рѣчахъ своихъ говоримъ: что будешь дѣлать? Никакъ не управлюся съ собою,—какъ будто по необходимости какой дѣлаемъ, что дѣлаемъ, между тѣмъ какъ знаемъ, что все то дѣлаемъ самоохотно. Такъ и слово Апостола не утверждаетъ невольности грѣха и не отвергаетъ самоохотности его. Обыкновенно бываетъ такъ, что до грѣха не хочетъ человѣкъ грѣха и по грѣхѣ не одобряетъ его, а когда грѣшитъ, и хочетъ грѣха и считаетъ сдѣланіе грѣшнаго дѣла лучшимъ, нежели несдѣланіе.—Кажется, будто кто сторонній пришелъ, взялъ его руки и ноги, и самую душу съ ея мыслями, чувствами и желаніями, и сдѣлалъ грѣхъ. На дѣлѣ же—грѣховное возбужденіе точно находитъ, но грѣшитъ человѣкъ самъ, всѣмъ лицемъ своимъ, и не иначе, какъ по самоохотномъ согласіи на грѣхъ. Можно только недоумѣвать, что за тайна въ грѣхѣ? Но обезвинять человѣка нельзя.

Повторимъ сказанное прежде. Человѣкъ—духъ-душа-тѣло. Норма его жизни—жизнь въ духѣ подъ дѣйствіемъ страха Божія и совѣсти съ подчиненіемъ ему души и тѣла и одухотвореніемъ ихъ. Когда въ паденіи рванулся человѣкъ отъ Бога и порѣшилъ самъ собою устроять свое благобытіе, то въ семъ актѣ воспріялъ, какъ новое начало жизни, самость и самоугодіе. Поелику, далѣе, духъ по природѣ своей отрѣшенъ и характеръ его жизни есть самопожреніе Богу; то самость не могла находить въ немъ пищи самоугодію и обратилась къ душѣ и тѣлу, которыя движутся обычно по побужденіямъ пріятнаго и полезнаго. Душа и тѣло имѣютъ множество потребностей, изъ коихъ каждая распложаетъ множество желаній, по множеству предметовъ, гожихъ къ ихъ удовлетворенію. Каждая потребность представляетъ особый

видъ самоугодія, а предметы, удовлетворяющіе ихъ, даютъ пищу самоугодію. Низпадши въ эту область, человѣкъ вступилъ въ нѣкую нестройную многогласную толпу, гдѣ всякій предлагаетъ ему свое, пріятное ему и угодное. Какъ онъ въ началѣ паденія, вкусивъ сласти самоугодія, самъ возвелъ сію страсть въ опредѣляющее его дѣятельность начало; то, вращаясь въ средѣ означенной толпы, какъ только почуетъ предлагаемое ему пріятное, тотчасъ падаетъ на него, подкупаемъ будучи такъ первоначально воспринятою сластію самоугодія.—Такъ какъ при такомъ образѣ дѣйствованія не смотрится на то, право или неправо дѣлаемое, а лишь на то, сладко ли оно; то тутъ въ самомъ корнѣ лежитъ грѣшность. Все дѣлаемое по началу самоугодія грѣшно, хотя не все такое, по роду дѣлъ, противно правдѣ. Неправда здѣсь та, что требованія духа, которыя принадлежатъ къ существеннымъ потребностямъ человѣческаго естества, не имѣются совсѣмъ во вниманіи. Вообще они не оспариваются, ибо присущи сознанію; но въ дѣйствованіи не берутся въ расчетъ, потому что не даютъ пищи сласти самоугодія, а требуютъ самопожренія. Такимъ образомъ человѣкъ падшій былъ бы грѣшенъ и тогда, какъ по виду дѣлалъ бы то, что естественно душѣ и тѣлу,—удовлетворялъ ихъ потребность. Но въ дѣйствительности, жизнь его болѣе не права, чѣмъ этимъ однимъ. Не права она при семъ еще тѣмъ, что мѣру удовлетворенія потребностей опредѣляетъ сластію, а не какимъ-либо высшимъ мѣриломъ, отъ того всегда впадаетъ въ безмѣрность, — и тѣмъ, что соотношеніе потребностей, какой больше и нужнѣе удовлетворять, равно какъ и выборъ предметовъ для сего удовлетворенія тоже опредѣляетъ не изъ высшаго какого начала, а опять тоюже сластію,—отъ чего является безпорядочность, неблаготворно дѣйствующая на человѣка, разрушающая себя

саму. И это уже все много увеличиваетъ грѣшность. Но тутъ еще не все. Духъ падшаго самость: я самъ. Изъ сей самости народились страсти, прямо изъ самости исходящія и ни на чемъ естественномъ не опирающіяся, каковы—гордыня, зависть, ненависть, злость, скупость, тщеславіе и подобныя. Самость, ищущая самоугодія и могущая находить его только въ душѣ и тѣлѣ, и въ нихъ нисшедшая, вошла туда со всѣмъ полчищемъ страстей. Тамъ уже и безъ того возможно было множество неправдъ (въ несоблюденіи мѣры удовлетворенія потребностей и взаимныхъ ихъ отношеній, равно какъ и въ выборѣ предметовъ для ихъ удовлетворенія); но по причинѣ подлитія въ нихъ сего яда страстей неправда превзошла всякую мѣру;—подъ вліяніемъ ихъ все тамъ извратилось и удовлетвореніе потребностей обратилось на удовлетвореніе страстей,—приняло противоестественное направленіе, разрушительное и для самаго дѣйствующаго и для другихъ.

Все сіе въ совокупности есть живущій въ насъ грѣхъ. Прикрывается онъ естественными потребностями души и тѣла, приходитъ въ движеніе сластію самоугодія, направляется страстями. Можно его описать такъ: самостная, страстная и сластолюбивая душевно-тѣлесная самоугодливость. Исчадій его много, но всѣ они обычно молчатъ и очень похожи на шайку разбойниковъ, кроющихся въ засадѣ. Какъ эти разбойники въ засадѣ, или звѣри въ норѣ, они скрыты гдѣ-то въ насъ, и будто нѣтъ ихъ. Поелику духъ человѣка все же и въ падшемъ живъ и составляетъ норму человѣческой жизни, то обычно человѣкъ стоитъ на сторонѣ духа, т.-е. признаетъ законность его требованій и не чуждъ желанія дѣйствовать по нимъ,—*хвалитъ законъ, яко добръ*. Но какъ только доходитъ до самаго дѣйствованія по духу, то, поелику онъ противоложенъ грѣху во всѣхъ прописанныхъ его проявленіяхъ, исчадіе грѣха, противъ котораго должно

направиться предлежащее дѣло, тотчасъ возстаетъ,—съ нимъ поднимается и все сродное съ нимъ и коренное, сласти ищущее, самоугодіе Происходитъ споръ и борьба: духъ предлагаетъ свои резоны, а грѣхъ съ исчадіями своими выставляетъ свои прелести. Поелику требованія духа отрѣшенны, и если обѣщаютъ благо, то тоже духовное, отрѣшенное, а грѣхъ даетъ сласть осязательную, прямо въ дѣйствіи противномъ требованію духа; то человѣкъ, первоначально избравшій сласть въ начало, опредѣляющее на дѣла, склоняется на сторону дѣйствія, дающаго сласть, и учиняетъ грѣхъ. Послѣ грѣха онъ опять внимаетъ духу и осуждаетъ свое дѣйствованіе. Но когда снова приступитъ къ какому дѣлу, по требованію духа, снова уступаетъ грѣху, напередъ подкупленный сластію грѣховною. Такъ дѣйствуетъ всякій грѣшникъ, пока грѣшникъ есть. Въ немъ исполняется то, что сказалъ Апостолъ: хвалю законъ, яко добръ; но живущій во мнѣ грѣхъ прельщаетъ меня и увлекаетъ къ дѣламъ противозаконнымъ, и я грѣшу. Экуменій спрашиваетъ: какъже грѣхъ ухитряется это дѣлать? И отвѣчаетъ: „сласть предлагаетъ онъ мнѣ въ предлежащемъ дѣлѣ, и такимъ образомъ прельщаетъ меня не оставаться вѣрнымъ тому, что я сознавалъ правымъ и чего хотѣлъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ, что Апостолъ, говоря такъ, „грѣхомъ называетъ рабство ума (духа) и владычество страстей; умъ (духъ) не самъ содѣваетъ, потому что ненавидитъ дѣлаемое, но при этомъ дѣйствуетъ владычество страстей.“

Ст. 18. *Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе: еже бо хотѣти прележитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.*

Вѣмъ бо--знаю по опыту, опытами собственной моей жизни удостовѣрился я, что *не живетъ во мнѣ*, т.-е. *во плоти моей доброе.* Не живетъ доброе: что же живетъ? Недоброе. Такъ и тянетъ подумать, что мысль у Апо-

стола такая: опытно знаю, что во мнѣ живетъ что-то недоброе. Ибо вообще сказать, что ничего уже добраго нѣтъ, несообразно съ ученіемъ Апостола. И вслѣдъ за симъ говоритъ онъ: *еже хотѣти доброе прилежитъ ми;* а это есть доброе. Или—не живетъ во мнѣ доброе въ томъ смыслѣ. что не есть оно опредѣляющее начало (Экуменій). Власть дѣйственная перешла въ другія руки, а доброе ограничивается одними желаніями. Впрочемъ Апостолъ достаточно пояснилъ, въ какой нашей сторонѣ не живетъ доброе, прибавивъ: *во плоти моей.* Не въ естествѣ человѣческомъ не живетъ доброе, ибо оно, какъ твореніе Божіе, добро, но *во плоти,* какимъ словомъ обыкновенно Апостолъ означаетъ то недоброе, что образовалось въ насъ вслѣдствіе паденія и витаетъ тутъ же въ промежуткахъ естества. Въ настоящемъ посланіи онъ называетъ это плотяностію, а въ посланіи къ Коринѳянамъ душевластію. Соединивъ то и другое. получимъ душевно-плотяность, какъ выраженіе порчи падшаго. Душа и плоть, какъ твари Божіи, добры; но вслѣдствіе паденія стали сѣдалищемъ всего недобраго. Вселилась въ нихъ самость со страстями, и всѣ ихъ силы и потребности обращаетъ на самоугодіе. И образовался тутъ среди естества особый нѣкій корпусъ самостный, страстный, самоугодливый. И въ семъ-то корпусѣ—пришломъ—не живетъ доброе.

Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Вотъ почему, говоритъ, знаю, что живетъ во мнѣ что-то недоброе, или, что не живетъ въ самостномъ и сластолюбивомъ, образовавшемся во мнѣ по паденіи корпусѣ, доброе,—потому что не удается мнѣ дѣлать доброе: желать его желаю, а какъ до дѣла дойдетъ,—нѣтъ. *Не обрѣтаю,*—опять на опытъ указываетъ; желанія добрыя въ себѣ вижу, а чтобъ дѣла шли по симъ желаніямъ, не вижу, не нахожу. Какъ это бываетъ,

объяснено подъ предыдущимъ стихомъ: доброе предлежащее дѣло желаемо, но имъ возбуждается противоположная ему страсть, прельщаетъ, и дѣло желаемое не дѣлается. „Желаю, но не дѣлаю, по причинѣ совосхищенія меня грѣхомъ: онъ совосхищаетъ меня, такъ что я не дѣлаю того, что одобряю", пишетъ Экуменій. „Сказавъ: *не обрѣтаю*, Апостолъ разумѣетъ не невѣдѣніе или сомнѣніе, а нападеніе, и козни грѣха", говоритъ св. Златоустъ. Это все дѣлаетъ „преобладаніе страстей",—поясняетъ Θеодоритъ. „Слагаетъ вину и съ существа души, и съ существа плоти, и все приписываетъ порочной волѣ, воздѣйствію грѣха", прибавляетъ Θеофилактъ. „И нравится законное, и желаніе есть сдѣлать его, но чтобъ исполнить его, недостаетъ власти и силы. Такъ стѣсненъ (падшій) властію грѣха, что не можетъ тещи, куда хочетъ, и не силенъ противорѣчить ему: онъ сталъ господиномъ у него. Ктому же и навыкъ грѣховный тяготитъ человѣка и онъ легче падаетъ на грѣхъ, чѣмъ умѣетъ слѣдовать добру. Хотя и желаетъ дѣлать доброе, но навыкъ тотъ не даетъ ему сдѣлать его. И врагъ злу помощникъ бываетъ." Такъ толкуетъ Амвросіастъ.

Ст. 19. *Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю.*

Доказываетъ опытомъ же, почему содѣяти *доброе не обрѣтаетъ*,—потому что вмѣсто добраго—желаемаго содѣваю недоброе—не желаемое. 19-й и 20-й стихи суть повтореніе стиховъ 15-го и 17-го, но съ особымъ оттѣнкомъ. Тамъ доказывалась преданность грѣху, а здѣсь объясняется необрѣтеніе въ себѣ дѣланія добра. Тамъ причина, здѣсь слѣдствіе. Объясненіе того, почему *еже не хощу, злое содѣваю*, можно заимствовать оттуда, прибавивъ: потому что я проданъ подъ грѣхъ. Слово—*содѣваю* указываетъ на всякій частный случай. Вообще хощу добраго, одобряю его и имѣю въ мысли дѣлать; но

въ частныхъ случаяхъ подходитъ грѣхъ—сластолюбивое самоугодіе,—прельщаетъ меня и увлекаетъ, и я содѣваю не то, что хочу обычно. Такъ *еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.* „Указываетъ здѣсь Апостолъ на прельщеніе и увлеченіе грѣхомъ. Желаю, говоритъ, дѣлать доброе, желаю не дѣлать худаго; но нападаетъ похоть, плѣняетъ и склоняетъ презрѣть признаваемое добрымъ и желаемое, и сдѣлать то, что она внушаетъ“ (Экум.).

Ст. 20. *Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю: уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ.*

Совсѣмъ будто слагаетъ съ себя вину. Не я, говоритъ, это дѣлаю, а живущій во мнѣ грѣхъ,—этотъ господинъ, коему я проданъ. Но что за личность этотъ господинъ? Это—лице, душу котораго составляетъ сластолюбивое самоугодіе, а тѣло—всѣ страсти, со всѣми привычками, питающими ихъ; душа же и тѣло со своими силами и отправленіями суть только орудія его. Если такъ, то какъ же тутъ обезвинять себя?—Апостолъ и не обезвиняетъ. И рѣчь у него не о томъ. Онъ только изображаетъ здѣсь бѣдственное положеніе падшаго, чтобъ побудить его взыскать дѣйственной помощи, а о виновности онъ разсуждалъ въ началѣ посланія. Самоугодничаетъ кто?—Самъ же грѣшащій. Сластію грѣха кто увлекается? Онъ же и самоохотно. Почему? Потому что самъ первоначально возлюбилъ ее и воспріялъ въ начало своей жизни. Въ этотъ моментъ онъ продалъ себя сему господину,—онъ и помыкаетъ имъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Все зависитъ единственно отъ худаго произволенія. Душа, тѣло и произволеніе въ сущности не одно и тоже, но первыя суть творенія Божіи, а послѣднее есть движеніе, раждающееся въ насъ самихъ, которое мы направляемъ куда хотимъ. Воля сама въ себѣ есть природная способность, данная отъ Бога; но воля, направленная къ извѣстной цѣли, есть нѣчто наше собственное,

дѣйствіе нашего расположенія.“ Бл. Θеофилактъ со словъ же св. Златоуста прибавляетъ: „грѣхъ, живущій въ насъ, есть порочная и грѣховная воля; въ ней и коренится мучительство грѣха, увлекающее умъ чрезъ удовольствіе.“ Тоже пишетъ и Амвросіастъ: „*не азъ.*., *но живый во мнѣ грѣхъ*,—тѣснимый и влекомый грѣхомъ, не свою, но его творю волю. Но неужели человѣкъ свободенъ отъ вины, когда Апостолъ называетъ его будто невольно грѣшащимъ? Никакъ; ибо грѣхъ плѣняетъ его по его собственной порочности и оплошности. Поелику онъ чрезъ согласіе на грѣхъ самъ себя отдаетъ въ рабство грѣху, то грѣхъ по праву завладѣваетъ имъ. Онъ прежде склоняетъ произволеніе человѣка, а потомъ уже властвуетъ надъ нимъ, какъ надъ плѣнникомъ. Это излагаетъ Апостолъ для того, чтобъ возвеличить благодать Божію, показывая, отъ какого зла избавляетъ она человѣка, или какое бѣдственное состояніе наслѣдуетъ онъ отъ Адама, и какого блага сподобляется во Христѣ.“

Ст. 21. *Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ.*

Если принять здѣсь *законъ* въ смыслѣ закона писаннаго, то и синтаксическій строй рѣчи окажется затруднительнымъ, и мысль текста неясною, такъ что для опредѣленія ея потребуется доразумѣть и вставлять цѣлыя предложенія. Потому лучше подъ закономъ разумѣть законъ жизни, во мнѣ дѣйствующій, или всегдашній порядокъ происходящихъ во мнѣ явленій, какъ дѣлаетъ русскій переводъ. Экуменій приводилъ разные перифразы, какіе употребляемы были толковниками для уясненія сего мѣста, при пониманіи закона, яко закона писаннаго, и прибавляетъ наконецъ: „можно и такъ, ближе къ реченіямъ принять: нахожу, что, когда хочу я дѣлать доброе по закону, то мнѣ злое предлежитъ.“ Но никакой нужды нѣтъ относить слово *законъ*, къ—*доброе*, чтобъ сказать: *доброе* по закону;

потому что доброе само въ себѣ содержитъ мысль, что оно есть по закону писанному или неписанному. Потому, лучше оставить сіе слово на своемъ мѣстѣ, соединяя съ нимъ понятіе закона вообще, какъ однажды навсегда установленнаго порядка теченія явленій. Выйдетъ: такъ я нахожу въ себѣ такой законъ,—такой законъ совершающихся или происходящихъ внутрь меня явленій,—что, когда хочу творить доброе, то въ тоже время предлежитъ, или предлагается мнѣ—παράκειται—злое. Этимъ не особое что указывается, но что всѣ знаютъ по опыту. Тутъ начало соблазна на грѣхъ. Противъ всякаго добра есть въ насъ противоположное худо. Когда замышляетъ человѣкъ дѣлать добро, прямо ли отъ себя, или по поводамъ внѣшнимъ, тотчасъ выникаетъ извнутрь же—противоположное зло и себя предлагаетъ вниманію вмѣсто добра. Оно еще не нудитъ, а только предлагаетъ себя. Просятъ помощи: хочу подѣлиться. Но является своекорыстіе и говоритъ: себѣ нужно, для себя побереги,—и откажи. Такъ при всякомъ добромъ дѣлѣ. Не надо упускать изъ вниманія выраженіе: *хотящу ми творити доброе.* Злое, живущее въ насъ, молчитъ, будто его нѣтъ. Но какъ только задумаемъ сдѣлать что доброе, или подвинемся на него, оно откуда возьмется и начнетъ поперечить и вязать руки и ноги, мысли и желанія. Что же дальше?—Происходитъ споръ: доброе къ себѣ влечетъ, злое къ себѣ.

Ст. 22. *Соуслаждаюся бо закону Божію, по внутреннему человѣку.*

Внутренній человѣкъ—духъ, проявленія жизни котораго составляютъ страхъ Божій, требованіе совѣсти и недовольство ничѣмъ тварнымъ. Онъ цѣлъ и въ падшемъ, и въ самомъ большомъ грѣшникѣ даетъ о себѣ знать,—и всегда стоитъ на сторонѣ богоугоднаго, законнаго и добраго, сему сочувствуетъ, симъ соуслаждается. И никого нѣтъ, кто бы не испытывалъ сего. Въ обычномъ состояніи—спокойномъ—человѣкъ стоитъ на этой сторонѣ,—

и разсуждаетъ, и чувствуетъ хорошо. Посмотрите на того, о комъ говоримъ: онъ нынѣ въ добромъ духѣ,—совсѣмъ святой, но потомъ откуда что возьмется, и не узнать его.

Ст. 23. *Вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ.*

Когда только замышлялъ я доброе, злое лишь предлагало себя; когда же появилось во мнѣ сочувствіе добру и соуслажденіе имъ, злое мое воздвигло противочувствіе тому и противоуслажденіе. Борьба растетъ. Злое противодѣйствуетъ по мѣрѣ дѣйствія добра, противовоюетъ закону ума. Умъ здѣсь тоже, что внутренній человѣкъ,—духъ. Вышеозначенныя дѣйствія духа св. Антоній великій, Василій великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, и другіе называютъ умомъ. Св. Исаакъ Сиріанинъ—иногда умомъ, иногда духомъ. Законъ ума или духа составляютъ требованія страха Божія и совѣсти, содержащей естественный законъ и пріемлющей въ себя законъ писанный. По дѣйствію страха Божія, совѣсть всякое, законнымъ сознаваемое, дѣйствіе пріемлетъ на свою опеку и стоитъ за него. Слѣдствіемъ этого и есть соуслажденіе закону Божію по внутреннему человѣку. Но когда сіе происходитъ, злое наше возстаетъ противъ сего закона ума и начинаетъ противовоевать ему, возбуждая противоположныя ему сочувствія и соуслажденія. Это, говоритъ Апостолъ въ лицѣ падшаго, я вижу въ себѣ,—*вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ.* Не законъ удовъ видитъ, но законъ во удѣхъ, какъ нѣчто пришлое. Естественный, природный удамъ законъ не инъ отъ закона ума и не противовоюетъ ему; противовоюетъ законъ во удѣхъ, появившійся помимо естества, пришлый. Въ слѣдующихъ за симъ словахъ Апостолъ назвалъ его закономъ грѣховнымъ. Сей законъ точно привзошелъ въ естество и уды сталъ обращать въ орудія себѣ,—и есть потому

инъ законъ во удѣхъ—при законахъ удовъ. Можно это переложить такъ: вижу грѣхъ, дѣйствующій въ членахъ моихъ и противовоюющій закону ума. Св. Златоустъ говоритъ: „закономъ противовоюющимъ Апостолъ опять назвалъ здѣсь грѣхъ не по достоинству, а по чрезмѣрному послушанію покорствующихъ ему. Какъ мамону называетъ господиномъ и чрево богомъ не по собственному ихъ достоинству, а по великому раболѣпству подчиненныхъ; такъ и здѣсь назвалъ грѣхъ закономъ, потому что люди служатъ ему и боятся покинуть оный столько же, сколько принявшіе законъ страшатся не исполнить законъ.“ — Сами люди возвели его въ законъ себѣ.

Какое же слѣдствіе такого противувоеванія?—Плѣненіе грѣхомъ: *плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ*. Какъ происходитъ перевѣсъ на эту сторону, Апостолъ не сказываетъ, а свидѣтельствуетъ только, что такъ бываетъ. Но какъ же такъ бываетъ?—И тамъ законъ и здѣсь законъ,—и тамъ желаніе и здѣсь предложеніе, будто даже меньше,—и тамъ соуслажденіе и здѣсь противоуслажденіе. Все поравну. Отъ чего же перевѣсъ на эту злую сторону, а не на ту добрую?— Выше поминалъ Апостолъ, что такъ бываетъ потому, что грѣхъ *прельщаетъ* (— —11). Чѣмъ прельщаетъ? Сластію грѣховною. Эта сласть грѣховная доразумѣвается здѣсь въ словѣ: *противовоюющъ закону ума*. Ибо если это противовоеваніе вызвано соуслажденіемъ закону, то оно не иначе могло явиться, какъ въ видѣ противоуслажденія беззаконному. Но такое соуслажденіе беззаконному какъ только появляется, тотчасъ и влечетъ уже на свою сторону. Въ самомъ актѣ появленія своего, оно заслоняетъ собою соуслажденіе закону и занимаетъ сердце вмѣсто его; сердце и переходитъ на его сторону. Грѣхъ подкупаетъ произволеніе сластію, и оно преклоняется къ нему. Подкупаетъ же потому, что оно первоначально,—въ паденіи,—поддалось

на такой подкупъ. Грѣхъ и пользуется этою первою ошибкою, какъ контрактомъ: это для него стало будто правомъ, и для падшихъ закономъ. Подъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ, можно разумѣть именно эту сласть грѣха, обѣщающую попитать наше самоугодіе. Хоть эта сласть всегда оказывается призрачною, тотчасъ,—въ самомъ дѣйствіи грѣха,—исчезающею; но всякій разъ, какъ только появляется, опять увлекаетъ. Въ этомъ—плѣненіе. Св. Апостолъ Іаковъ возникающія несогласія между людьми производитъ *отъ сластей, воюющихъ во удѣхъ* (4, 1). Если и онѣ—отъ сластей, тогда какъ сами въ себѣ содержатъ нѣкую горечь; то конечно, по сему Апостолу, этотъ же источникъ и всѣхъ другихъ грѣховъ.

Раждается вопросъ: неужели же такой ходъ дѣлъ въ насъ запечатлѣнъ неизбѣжною необходимостію, такъ что коль скоро поднялась сласть грѣховная, неизбѣжно слѣдуетъ грѣхъ?—Никакой необходимости нѣтъ; а такъ бываетъ по нашей слабости и испорченности. Это стало закономъ, какъ сказалъ св. Златоустъ, потому что мы сами возвели то въ законъ для себя,—или лучше всякій разъ возводимъ въ законъ. Сласть грѣховную можно предупредить и не допустить до сердца, или въ сердце до такой степени, чтобъ она вытѣснила соуслажденіе закону ума. Можно и послѣ того, какъ сласть сія захватитъ сердце, опять ее выгнать и возставить соуслажденіе добромъ, хоть это довольно трудно. Но горе наше въ томъ, что не хотимъ, по причинѣ властвующаго въ насъ самоугодія и сластолюбія, не хотимъ побороться съ собою и боль себѣ причинить отказомъ. Грѣхъ этою слабостію нашею и беретъ въ насъ силу. Скажутъ: но какъ же,—вѣдь законъ ума тутъ же и сознается?—Грѣхъ не отвергаетъ сего закона и не требуетъ отмѣны его; но влечетъ согрѣшить только въ этотъ разъ. И чело-

вѣкъ грѣшащій грѣшитъ только въ этотъ разъ, а послѣ загадываетъ ужь всегда дѣлать по закону. Теперь же извиняетъ себя тѣмъ, что сласть взяла: что будешь дѣлать?—Этими двумя моментами: сластію и тѣмъ, что не навсегда отвергается законъ, грѣхъ всегда беретъ верхъ и увлекаетъ на грѣшныя дѣла,—всегда плѣняетъ.

Ст. 24. *Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*

Изображенное Апостоломъ состояніе падшаго вызываетъ жалость. Горько такое положеніе: бѣдный я человѣкъ! Но какъ у всякаго, какъбы онъ ни бѣдствовалъ, живо сродное естеству нашему желаніе благобытія; то вмѣстѣ съ чувствомъ бѣдственности положенія раждается и желаніе избавленія отъ него. Но кто избавитъ? У самого силъ нѣтъ: это дознано опытами всей жизни. Кто же избавитъ? Воззваніе сіе дышетъ надеждою избавленія. Еслибы не было такой надежды, то предлежало бы не взывать объ избавленіи, высматривая избавителя, но порѣшать съ жизнію: что и жить, когда такъ?—Тѣломъ смерти названо тѣло не потому только, что оно смертно, но потому особенно, что вмѣстѣ со смертностію приняло въ себя полчище страстей, какъ сказалъ Св. Златоустъ выше,—которыя, вводя въ грѣхъ, причиняютъ нравственную смерть (——11). Тѣло есть тѣло смерти, потому что стало сѣдалищемъ грѣха, убивающаго душу. Экуменій перелагаетъ жалобу сію такъ: „кто избавитъ меня отъ плотскихъ дѣлъ, душевную мнѣ причиняющихъ смерть? Или кто избавитъ меня отъ плѣненія похотьми живущими въ тѣлѣ, кои суть смерть мнѣ?“

Если Апостолъ всю предыдущую рѣчь велъ отъ лица человѣчества, то можно спросить: возчувствовало ли человѣчество бѣдность своего положенія? Возчувствовавъ, питало ли надежду избавленія? Допуская же надежду избавленія, взыскало ли его? И если взыскало,

гдѣ и отъ кого? — Отвѣтъ на это даетъ обнаруженное къ пришествію Христа Спасителя чаяніе языковъ, провозвѣстителями котораго были болѣе внимательные къ себѣ и болѣе возвышенные мудрецы. Они выражали подобныя апостольскому воздыханія о бѣдственности нравственнаго состоянія человѣка, и исповѣдали, что дѣйственная помощь избавленія можетъ придти только съ неба,—если самъ Богъ придетъ и избавитъ.

Что чаяли неопредѣленно всѣ, то исполнилось опредѣленно,—и Апостолъ отъ лица всѣхъ возсылаетъ благодареніе Богу, устроившему уже избавленіе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

Ст. 25. *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ. Тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному.*

Тамъ: кто избавитъ?—А здѣсь: слава Богу! избавленъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Какъ дѣйствуетъ сіе избавленіе, указано въ 6-й и изображается въ 8-й главѣ. Здѣсь же выставляется только общее положеніе, чтобъ разсѣять мракъ скорби, навѣянный предыдущею бесѣдою.—Св. Златоустъ оба эти,—и сѣтованіе—кто избавитъ? и успокоеніе Христомъ Господомъ—изображаетъ такъ: „Видишь ли мучительство зла, какъ оно побѣждаетъ умъ, даже находящій удовольствіе въ законѣ? Никто не можетъ сказать о себѣ, разсуждаетъ Апостолъ: грѣхъ дѣлаетъ меня своимъ плѣнникомъ, потому что ненавижу законъ и отвращаюсь онаго. Напротивъ я нахожу въ немъ удовольствіе, хвалю его, прибѣгаю къ нему; но онъ не силенъ спасти даже и прибѣгающихъ къ нему. А Христосъ спасъ и убѣгающихъ отъ Него. Видишь ли, сколь велико превосходство благодати? Но Апостолъ не сказалъ сего ясно, а только возстенавъ и проливъ горькія слезы подобно человѣку лишенному помощника, самою отчаянностію своего положенія доказываетъ силу

Христову и говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Законъ оказался безсильнымъ, совѣсть немощною, хотя я хвалилъ доброе, даже не только хвалилъ, но и боролся со зломъ. Ибо Апостолъ, назвавъ грѣхъ противовоюющимъ, далъ разумѣть, что и самъ вооружался противъ грѣха. — Итакъ откуда же будемъ надѣяться на спасеніе? *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ, Господемъ нашимъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ ввелъ необходимость явленія благодати (и самое ея явленіе)? — И не говоря уже о спасеніи, какъ о такомъ дѣлѣ, которое, по доказанному выше (въ первыхъ главахъ посланія), всѣми признано, переходитъ къ важнѣйшему и доказываетъ, что мы не только освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время сдѣлались несподручными грѣху. Но сказалъ сіе (8, 1) не прежде, какъ упомянувъ еще разъ о прежнемъ состояніи: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному.*“

Самъ азъ—тотъже самый я. Говоритъ опять въ лицѣ человѣка падшаго, а не отъ своего лица, — Апостола, облагодатствованнаго, и еще преимущественнымъ образомъ. Въ короткихъ словахъ совмѣщаетъ вышесказанное доселѣ, какъбы такъ: такъ запомните, вотъ въ какомъ состояніи находится падшій, — умомъ работаетъ онъ закону Божію, а плотію—закону грѣховному. Изрекши благодареніе устроившему избавленіе Богу и намѣреваясь изложить подробно, какъ оно дѣйствуетъ въ каждомъ, приводитъ на память, въ какомъ всякій по естеству,—состоя внѣ благодати,—находится положеніи, чтобъ, показавъ потомъ, какъ избавленіе примѣнено къ сему состоянію, яснѣе дать понять и премудрость образа избавленія и полноту явленной въ немъ благодати, и выраженное имъ благодареніе сдѣлать общимъ чувствомъ и расположить дорожить столь драгимъ избавленіемъ. —

Можетъ быть и такая не чужда Апостола мысль въ изреченіи сихъ словъ: стоитъ избавить, ибо божеская сила въ плѣну у грѣха, — и можно избавить, ибо не все испорчено, умъ или духъ цѣлъ.

Умомъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному—тоже самое, что выше: соуслаждаюсь закону по внутреннему человѣку, но бываю плѣняемъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ, и грѣшу. Умъ или духъ и въ падшемъ цѣлъ. Онъ одобряетъ одно богоугодное, святое и праведное, услаждается тѣмъ и желаетъ того. Въ этомъ выражается его работа закону Божію, т.-е., только одними желаніями и стремленіями. Ибо на дѣлѣ всегда оказывается противное тому. Причина сего въ томъ, что въ дѣйствованіи одолѣваетъ законъ грѣховный, сущій во удѣхъ, или во плоти. Покоряюсь ему, ему работаю, членами тѣла исполняя его велѣнія. Но кончивъ это, опять перехожу на сторону духа и имъ работаю закону Божію, хотя опять однимъ соуслажденіемъ и желаніемъ. Очевидно, что естество человѣческое въ такомъ видѣ есть жаждуще избавленія и вопіюще о немъ, самымъ симъ положеніемъ оно выражаетъ, что жаждетъ его и вопіетъ о немъ. Божія ли благодать оставитъ тварь свою—образъ свой въ такомъ положеніи?!—И не оставила.

Апостолъ говоритъ: и умомъ,—духомъ,—я работаю, и плотію я же работаю. Надо замѣтить, что человѣкъ—духъ-душа-тѣло,—и притомъ въ правомъ и неправомъ ихъ состояніи. Лице же человѣка, себя сознающее и свободно дѣйствующее, одно и тоже. Когда сознаніе и свобода на сторонѣ духа, человѣкъ духовенъ; когда—на сторонѣ души, онъ душевенъ; когда на сторонѣ плоти, онъ плотянъ. Грѣхъ завладѣлъ душею и тѣломъ и всѣми силами ихъ, потребностями и отправленіями, извратилъ ихъ, такъ что когда человѣкъ состоитъ подъ грѣхомъ, онѣ дѣйствуютъ не по естеству. Духъ же остался непри-

частнымъ сему поврежденію: онъ всегда свое твердитъ. Совѣсть томитъ грѣшника и страхомъ Божіимъ поражаетъ. Человѣкъ грѣшникъ можетъ уши вниманія своего заткнуть и не слушать сего гласа; но онъ всегда готовъ и не остается бездѣйственъ. На этой несокрушимости духа основывается возможность избавленія. Не будь ея, не къ чему было бы рукъ приложить.

Говоря: *плотію работаю закону грѣховному*, не устраняетъ той истины, что вмѣстѣ съ плотію и душа работаетъ тому же закону: ибо много есть страстей собственно душевныхъ. Можно переложить такъ: душевно-плотяностію, испорченною и поврежденною грѣхомъ, работаю закону грѣховному,—т.-е., все грѣшу и грѣшу. Грѣхъ низводитъ сознаніе въ эту область страстной душевно-плотяности, вяжетъ мою свободу и заставляетъ грѣшить. Но духъ во мнѣ же, и какъ только пройдетъ туманъ грѣха, подаетъ свой голосъ. Я перехожу на его сторону: ибо не могу устоять противъ правоты его требованій. Перехожу и соуслаждаюсь имъ, и желаю того, что онъ внушаетъ. Пусть опять повторяю тоже, погружаюсь въ страстную душевно-плотяность на грѣховное; но и опять перехожу къ духу, и желаю духовнаго.

Надо полагать, что Апостолъ изображаетъ падшаго въ лучшемъ его состояніи, т.-е. въ томъ, когда духу внимаютъ. Ибо бываетъ, что въ иныхъ онъ совсѣмъ забитъ,—и въ человѣкѣ не видно ничего духовнаго.

б)

Изображеніе свѣтлаго состоянія христіанъ подъ благотворнымъ дѣйствіемъ вѣры Христовой.

Гл. 8.

Изобразивъ безотрадную картину нравственнаго нашего поврежденія, Апостолъ противополагаетъ ей пресвѣт-

лую картину нравственнаго совершенства, стяжаваемаго христіаниномъ во Христѣ Іисусѣ благодатію Святаго Духа. До благодати, говоритъ, люди работаютъ закону грѣховному; но благодать, пришедши, возстановляетъ силу духа, и христіанинъ уже не по плоти мудрствуетъ и живетъ, а по духу. Въ этомъ аа) сущность возстановленія падшаго естества нашего,—8, 1—10. Но здѣсь только полагается начало нашему возстановленію; бб) въ полной славѣ оно явится по воскресеніи, когда вступимъ въ обѣтованное наслѣдіе, яко сыны Божіи,—8, 10—18. Славы сей причастною содѣлается тогда вв) и вся тварь, теперь о томъ воздыхающая,—18—22. Заключаетъ сію картину св. Павелъ указаніемъ гг), коль прочны основанія упованія нашего въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—23—39.

аа)

Ст. 1. *Ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу.*

Убо—указываетъ на выводъ слѣдствія. Откуда же и изъ чего?—Изъ 24-го и 25-го стиховъ. Спросивъ: *кто мя избавитъ?* и отвѣтивъ: *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ,*—Апостолъ сказалъ все, обозначилъ всѣ блага, получаемыя вѣрующими въ новозавѣтномъ благодатномъ домостроительствѣ спасенія,—и главное: грѣхи прощены и дана благодать Святаго Духа, коею противостоя грѣху, можемъ не по плоти жить, а по духу. Мы уже не рабы грѣха,—избавлены отъ ига его и лести. Все это привелъ онъ на умъ однимъ словомъ: *благодарю* и прочее. Теперь итогъ изъ того подводитъ: итакъ намъ нѣтъ осужденія, потому что мы не по плоти ходимъ, а по духу.

Но почему же сказалъ: *ни едино осужденіе*, когда ожидалось бы: никакого рабства и работности грѣху, какъ

тотчасъ вслѣдъ за симъ и говорится: *законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго* (——2)? Затѣмъ, чтобъ напомнить, что грѣхъ, какъ бы онъ ни былъ совершаемъ, всегда влечетъ праведное осужденіе. Изъ предложенныхъ предъ симъ объясненій, что такое живущій въ насъ грѣхъ и какъ дѣйствуетъ, иные могли выводить себѣ самооправданіе во грѣхѣ: что будешь дѣлать? грѣхъ одолѣваетъ, не совладаешь съ нимъ. На дѣлѣ же бываетъ такъ, что грѣхъ хоть и обольщаетъ и влечетъ, но грѣшное дѣло всегда дѣлается самоохотно. Слѣдовательно и осужденію подлежитъ, отъ котораго не избавишься такою пустою оговоркой. Кто виноватъ? Зачѣмъ склоняешься и увлекаешься сластію грѣха? Этой стороны не касался Апостолъ: онъ излагалъ только дѣло нашей грѣшности, какъ оно есть. А что всякая грѣшность подсудна, объ этомъ онъ толковалъ въ первыхъ главахъ, предпославъ имъ такой законъ правды Божіей: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ.* Вотъ этотъ законъ онъ и теперь напоминаетъ, наводя на мысли: грѣшатъ, хотя покоряясь дѣйствію живущаго въ нихъ грѣха, но все же подлежатъ суду; а мы вѣрующіе—слава Богу! не подлежимъ сему суду и осужденію, потому что избавлены отъ закона грѣховнаго, дѣйствующаго во плоти,—не по плоти живемъ, но по духу.

До пришествія Христова было, говоритъ, такъ, а по пришествіи Его стало иначе. Но не для всѣхъ, какъбы по какому закону необходимости, а только для *сущихъ во Христѣ Іисусѣ*, которые прилѣпляются къ Нему вѣрою и любовію, пріемлютъ святое крещеніе, возраждающее къ новой жизни, и благодать Святаго Духа, дающую силу жить по закону сей новой жизни. Приступающіе къ Господу оставляютъ все грѣховное (сатану и дѣла его) и, раскаяваясь въ немъ, полагаютъ твердое

рѣшеніе жить прочее свято, блюдя сочетаніе со Христомъ. За сіе рѣшеніе пріемлютъ благодать и облекаются силою. воистину жить свято въ сочетаніи со Христомъ. Таковы *сущіе о Христѣ Іисусѣ*. Почему они суть *не по плоти ходящіе, но по духу*. Апостолъ ни заповѣди здѣсь не предписываетъ, ни объ условіи не напоминаетъ, а излагаетъ лишь дѣло жизни во Христѣ Іисусѣ, какъ оно есть, какъ прежде изображалъ дѣло жизни во грѣхѣ, какъ оно есть. Сущіе во Христѣ Іисусѣ, поколику таковы, не по плоти ходятъ, но по духу: такъ что коль скоро кто не по духу ходитъ, то онъ уже не во Христѣ Іисусѣ есть. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Нынѣ, если не хотимъ сами, не преодолѣваютъ насъ страсти; потому что пріяли мы благодать Духа Божія.“

Ст 2. *Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти.*

Сказалъ, что пребывая во Христѣ Іисусѣ не по плоти ходимъ, но по духу, почему не подлежимъ осужденію, такъ какъ не грѣшимъ,—теперь входитъ глубже внутрь и объясняетъ, какъ сдѣлалось, что мы стали не по плоти ходить, а по духу, и потому не грѣшить. Какъ же?—Привзошелъ новый духъ и освободилъ меня отъ закона грѣховнаго,—я и не грѣшу. Теперь Апостолъ говоритъ въ лицѣ христіанина, обновленнаго во Христѣ Іисусѣ, какъ прежде говорилъ въ лицѣ человѣка падшаго.

Подлежать закону грѣховному есть тоже, что ходить по плоти и грѣшить, какъ видно изъ предыдущей главы. Игу сего закона подпалъ человѣкъ вслѣдствіе паденія или отпаденія отъ Бога. Припомнить надобно, что произошло вслѣдствіе того. Человѣкъ—духъ-душа-тѣло. Духъ жить въ Богѣ предназначенъ, душа—устроять земной бытъ подъ руководствомъ духа, тѣло—производить и блюсти видимую стихійную жизнь на землѣ подъ вѣдѣніемъ обоихъ. Когда отторгся человѣкъ отъ Бога и порѣшилъ *самъ*

устроять свое благобытіе, то низпалъ *въ самость*, душа коей всякое самоугодіе. Какъ духъ его не представлялъ къ тому никакихъ способовъ, по причинѣ отрѣшенной природы своей; то онъ обратился весь въ область душевной и тѣлесной жизни, гдѣ самоугодію представлялось пространное питаніе,—и сталъ душевно-плотянъ. Душевно-плотяность уже сама по себѣ была для человѣка грѣхомъ противъ своей природы: ибо ему слѣдовало жить въ духѣ, одухотворяя и душу, и тѣло. Но бѣда этимъ не ограничилась Изъ самости породилось множество страстей, которыя вмѣстѣ съ нею вторглись въ душевно-тѣлесную область, извратили естественныя силы, потребности и отправленія души и тѣла, и сверхъ того внесли многое, чему нѣтъ никакой опоры въ естествѣ. Душевно-плотяность человѣка падшаго стала страстною. Итакъ падшій человѣкъ самостенъ, вслѣдствіе того самоугодливъ, и самоугодливость свою питаетъ страстною душевно-плотяностію. Въ этомъ—его сласть, самая крѣпкая цѣпь, держащая его въ сихъ узахъ паденія. Въ совокупности все сіе есть законъ грѣховный, сущій во удѣхъ нашихъ. Для того, чтобъ освободить отъ сего закона, надо разрушить означенныя узы—сласть, самоугодіе, самость.

Какъ же это возможно?—Въ насъ есть отрѣшенная сила—духъ, вдохнутый Богомъ въ лице человѣка, Бога ищущій, и только жизнію въ Богѣ могущій обрѣтать покой. Въ самомъ актѣ созданія его,—или издунутія,—онъ поставленъ въ общеніе съ Богомъ; но отторгшійся отъ Бога падшій человѣкъ отторгъ и его отъ Бога. Природа его однакожъ осталась неизмѣнною,—и онъ непрестанно напоминалъ падшему, погрязшему въ душевно-плотяность,—остращенную, — о своихъ потребностяхъ и требовалъ имъ удовлетворенія. Человѣкъ не отвергалъ сихъ требованій и въ спокойномъ состояніи полагалъ дѣлать угодное духу. Но когда надлежало приступать къ дѣлу, изъ

души или изъ тѣла поднималась страсть, льстила сластію и завладѣвала произволеніемъ человѣка. Вслѣдствіе того духу въ предлежащемъ дѣлѣ отказывалось, а удовлетворялась страстная душевно-плотяность, по причинѣ обѣщаемой сласти въ попитаніи самоугодія самостнаго. Какъ симъ образомъ поступаемо было при всякомъ дѣлѣ, то такой образъ дѣйствованія справедливо называть закономъ грѣховной жизни, державшимъ человѣка въ узахъ паденія. Падшій и самъ сознавалъ тяготу сихъ узъ и воздыхалъ о свободѣ, но освободиться силъ въ себѣ не находилъ: сласть грѣховная всегда его подманывала и подстрекала на грѣхъ.

Причина такой немощи въ томъ, что въ падшемъ духъ потерялъ опредѣляющую силу: она перешла отъ него въ страстную душевно-тѣлесность. По первоначальному своему устройству, человѣкъ долженъ бы жить въ духѣ, и имъ опредѣляемъ быть въ своей дѣятельности,—полной, т.-е. и душевной и тѣлесной, и все силою его одухотворять въ себѣ. Но сила духа держать человѣка въ такомъ чинѣ зависѣла отъ живаго общенія его съ Богомъ. Когда же общеніе сіе прервано было паденіемъ, изсякла и сила духа: онъ уже не властенъ былъ опредѣлять человѣка,—опредѣлять его начали низшія части естества, и притомъ остращенныя,—въ чемъ узы закона грѣховнаго. Очевидно теперь, что для освобожденія отъ сего закона, надлежитъ возставить силу духа и возвратить ему отнятую у него власть. Сіе и совершаетъ домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—духъ жизни о Христѣ Іисусѣ.—И совершаетъ такъ.

Благодать Святаго Духа нисходитъ на человѣка и, оживляя его духъ, возстановляетъ его въ естественныхъ правахъ его. Съ сего момента у человѣка падшаго начинается новая, или возстановляется первоначальная жизнь, въ которой власть опредѣляющая на дѣла переходитъ въ

руки духа, отнята будучи у страстной душевно-тѣлесности,—и жизнь человѣка получаетъ характеръ жизни духовной, отрѣшенной отъ самости самоугодливой и сластолюбивой. Это—общее показаніе перемѣны, происходящей въ человѣкѣ, дѣлающемся христіаниномъ. Подробности при семъ бываютъ такія.

Стихіи духа суть страхъ Божій, совѣсть и жажда Бога, обнаруживающаяся недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ. Въ падшемъ состояніи всѣ онѣ проявляются, но бываютъ слабы и не внемлются. Благодать Божія, чрезъ благовѣстіе Евангелія, входя внутрь, пробуждаетъ страхъ Божій; страхъ Божій оживляетъ совѣсть; тотъ и другая отрезвляютъ и отрѣшаютъ. Сквозь сознаніе и произволеніе проходитъ убѣжденіе: все суета, между тѣмъ изъза этого погибнешь. Съ сего момента начинается живая забота о спасеніи, которое есть едино на потребу. Идетъ работа внутри, благодати Божіей содѣйствующей и направляющей. Страхъ Божій грозитъ судомъ, совѣсть мучитъ за дѣла по душевно-тѣлесной страстности. Приходитъ рѣшеніе все измѣнить, по указанію Евангелія, которое обѣщаетъ миръ съ Богомъ чрезъ крестную смерть Господа и покой совѣсти ради рѣшимости жить прочее по ея внушеніямъ, или по заповѣдямъ, принятымъ ею въ законъ, или обновившимъ законъ въ ней написанный,—обѣщая въ семъ спомоществовать благодатію Святаго Духа. Сіе рѣшеніе измѣняетъ всю прежнюю жизнь: вмѣсто самости поставляетъ самоотверженіе, вмѣсто самоугодія—богоугожденіе, вмѣсто сласти—готовность на всѣ прискорбности и даже смерть, въ надеждѣ вѣчнаго упокоенія. Когда такое рѣшеніе образуется и укрѣпится подъ дѣйствіемъ вѣры и благодати (совнѣ еще дѣйствующей и обращающей), человѣкъ бываетъ готовъ къ принятію благодати внутрь, чрезъ богоучрежденныя таинства, по распоряженію приставниковъ благодатнаго дома Божія и его со-

кровищъ. Пріемлетъ таинства и преисполняется благодатію, которая въ первый моментъ вселенія даетъ человѣку ощутить всю сладость жизни по Богу, предъ которою всѣ испытанныя сласти ничто. Благодать сія дѣлаетъ человѣка мощнымъ на жизнь по Богу. Возставляя его духъ, она вводитъ его въ живое общеніе съ Богомъ, въ которое вступивъ, начинаетъ онъ жить въ Богѣ, неотступно предстоя Ему внутрь себя сознаніемъ, и всю свою дѣятельность, во всѣхъ малѣйшихъ ея проявленіяхъ,—слова, дѣла, помышленія,—направляя на угодное Ему, не только не внемля самостному и сластолюбивому самоугодію, но и вооружась намѣренно противъ него, удовольстіе находя въ дѣйствіяхъ самоотверженія и самоозлобленія, по внушеніямъ благодати, его руководящей и укрѣпляющей. Очевидно, что прежній законъ грѣховный спалъ съ человѣка; въ дѣйствіе вступилъ новый законъ жизни, который и есть законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ.

Страсти и теперь приступаютъ; но какъ для нихъ нѣтъ болѣе внутри прежнихъ опоръ, по устраненіи самости и самоугодія, то онѣ никакой уже опредѣляющей силы, какою обладали прежде, не имѣютъ, и прогоняются однимъ презрѣніемъ и невниманіемъ Покушается увлекать, нѣкако прокрадываясь, и сласть грѣховная; но она и мгновенія не можетъ постоять предъ воспоминаніемъ о той пренебесной сладости, которую даетъ ощутить благодать въ моментъ вселенія своего внутрь, и предъ помышленіемъ о неизреченномъ будущемъ упокоеніи, или, въ случаѣ уступки, о страшныхъ вѣчныхъ мукахъ.

Законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ можемъ опредѣлить такъ: самоотверженная жизнь духомъ въ Богѣ, начинающая качествовать въ человѣкѣ, ко Христу Господу прилѣпившемся вѣрою и облагодатствованномъ и—дающая властное направленіе его душевной и тѣлесной

дѣятельности, обращая и ее всю на богоугожденіе, прежнее же самостное самоугодіе въ страстной душевно-тѣлесности попирая и презирая, — въ чемъ и состоитъ освобожденіе отъ закона грѣховнаго.

Съ освобожденіемъ отъ закона грѣховнаго соединяетъ Апостолъ освобожденіе и отъ смерти. Ибо какъ въ началѣ подпаденіе подъ иго грѣха причинило смерть, такъ теперь разрушеніе грѣховнаго ига должно приносить разрушеніе владычества смерти. И по пріятіи благодати умираютъ; но значеніе смерти теперь уже не то. Она есть переходъ къ блаженному безсмертію, а не къ нестерпимымъ мукамъ, въ коихъ бываетъ непрестанное умираніе безъ смерти. Сѣмя блаженнаго безсмертія полагается вмѣстѣ съ зарожденіемъ духовной жизни благодатію Святаго Духа. Почему вмѣстѣ съ помянутіемъ о началѣ сей жизни Апостолъ помянулъ и о пресѣченіи того безсмертнаго умиранія.

Все сіе производитъ благодать Духа Святаго, но внутри ничто не происходитъ механически. Духъ Божій претворяетъ внутренній нашъ строй, но не одною творческою властію и силою, а слѣдуя за сознательными и свободными рѣшеніями самого человѣка и соображаясь съ ними. При всемъ томъ однакоже — все отъ Духа: ибо самъ человѣкъ ничего не могъ бы произвесть въ себѣ, сколько бы ни напрягался. Наши толковники всѣ подъ закономъ духа жизни разумѣютъ Духа Святаго съ благодатію Его, освящающею насъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „Какъ закономъ грѣховнымъ назвалъ Апостолъ грѣхъ, такъ закономъ духа жизни нарекъ животворящаго Духа. Благодать Его, говоритъ онъ, чрезъ вѣру во Христа даровала тебѣ сугубую свободу, ибо не только сокрушила владычество грѣха, но и прекратила мучительство смерти.“

Св. Златоустъ пространнѣе излагаетъ силу настоящаго текста. Онъ говоритъ: „Подъ именемъ закона духа раз-

умѣетъ здѣсь Апостолъ Духа: ибо какъ грѣхъ назвалъ грѣховнымъ закономъ, такъ и Духа называетъ закономъ духа. Но Моисеевъ законъ наименовалъ также духовнымъ, сказавъ: *вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть.* Итакъ какое же различіе? Великое и безмѣрное. Тотъ есть духовный законъ; а сей законъ Духа. Чѣмъ же отличается одинъ отъ другаго? Тѣмъ, что одинъ данъ только Духомъ, а другой пріявшимъ оный обильно преподалъ Духа. Посему Апостолъ наименовалъ его также закономъ жизни, въ отличіе отъ закона грѣховнаго, а не отъ закона Моисеева... Подъ закономъ грѣховнымъ разумѣется законъ, противовоюющій закону ума. Сію-то тяжкую брань прекратила благодать Духа, умерщвляющая грѣхъ, дѣлающая борьбу легкою для насъ, и сперва вѣнчающая, а потомъ подъ сильнымъ прикрытіемъ изводящая на подвигъ.—И какъ въ другихъ случаяхъ, Апостолъ, отъ Сына переходя къ Духу, а отъ Духа къ Отцу и къ Сыну, все совершенное для насъ приписываетъ Святой Троицѣ: такъ поступаетъ и здѣсь. Послѣ словъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* показалъ, что Отецъ совершаетъ сіе чрезъ Сына. Потомъ опять приписываетъ сіе Святому Духу вмѣстѣ съ Сыномъ; ибо говоритъ: *законъ духа жизни* во Христѣ Іисусѣ освободилъ. Потомъ снова приписываетъ Отцу и Сыну.“

Ст. 3. *Немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти.*

Указалъ Апостолъ, что новый духъ жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ насъ отъ закона грѣховнаго. Сила показанія сего въ словѣ: о *Христѣ Іисусѣ*, какъ въ первомъ стихѣ: *ни едино намъ осужденіе* тоже *сущимъ о Христѣ Іисусѣ*. Теперь объясняетъ онъ, что иначе сему состояться не было бы возможности, какъ о Христѣ Іисусѣ. Послалъ Богъ Сына Своего въ подобіи плоти

грѣха, и Онъ осудилъ грѣхъ, или законъ грѣховный, отнялъ у него прежнюю власть и силу и освободилъ насъ отъ него. То не подлежитъ сомнѣнію и доказательствъ особыхъ не требуетъ, что мы должны, живя въ духѣ, ходить по волѣ Божіей, начертанной въ совѣсти и Имъ самимъ лично объявленной. Но чрезъ паденіе привзошелъ иной законъ во уды наши и давалъ другое направленіе нашей жизни и дѣламъ. Въ помощь совѣсти данъ былъ законъ; но онъ не поправилъ дѣла: законъ грѣховный еще злѣе сталъ дѣйствовать. Очевидна нужда въ новомъ домостроительствѣ, и Богъ благоволилъ даровать намъ его въ Сынѣ Своемъ, Который, воплотившись осудилъ,—истребилъ грѣхъ въ Своей плоти, и законоположилъ, чтобъ и мы, прилѣпляясь къ Нему вѣрою и въ таинствахъ содѣлываясь едино съ Нимъ, становились причастными силы Его, поправшей грѣхъ, и сею силою попирали его въ себѣ; въ чемъ и состоитъ свобода отъ закона грѣховнаго. Такимъ образомъ получаемъ мы возможность жить не по плоти, а по духу, ходить въ волѣ Божіей, въ вѣрности требованіямъ совѣсти и закону, и быть праведными предъ Богомъ,—и первоначальное наше назначеніе исполняется.

Таковъ смыслъ настоящихъ стиховъ, въ связи ихъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи. Но самый текстъ требуетъ особыхъ поясненій.

Немощное закона—не имѣетъ соотвѣтствующаго глагола, который требуется дополнить своею мыслію. Думается, что самымъ пригожимъ дополненіемъ будетъ: восполнено. Чего не силенъ былъ сдѣлать законъ, то восполнено особымъ Божіимъ домостроительствомъ, — тѣмъ, что Богъ послалъ для сего Сына Своего. Законъ самъ по себѣ святъ, и указывалъ вѣрный путь къ святости и праведности. Но въ человѣкѣ, которому онъ указывалъ сей путь, властвовала плоть—самостная сласто-

любивая страстность, и не давала ему идти симъ путемъ. Законъ же только указывалъ должное и запрещалъ недолжное, запрещалъ и самую эту страстность (—не похощеши), но силъ къ побѣжденію послѣдней не давалъ. Въ этомъ и состояла его немощность. То хорошо и благодѣтельно, что онъ разъяснялъ дѣло; но какъ дальше этого онъ не шелъ, то плоть, или страстность, оставаясь въ своей силѣ въ человѣкѣ, не давала ему слѣдовать указаніямъ закона, и законъ не достигалъ своей цѣли; не достигалась при немъ и первоначальная цѣль человѣка—быть святымъ и непорочнымъ предъ Богомъ. Сіе и означаетъ: *въ немже немощствоваше плотію,*—διὰ τῆς σαρκός, — по причинѣ плоти, — или по причинѣ крайне плотскаго мудрованія (Св. Злат.),—страстной и самолюбивой самоугодливости, сего живущаго во плоти нашей, во удѣхъ естества нашего, закона грѣховнаго.—*Въ немже*—ἐν ᾧ, можно выразить и такъ: *немощное закона,*—поколику т.-е. онъ *немоществовалъ плотію*; но лучше такъ: немощное закона,—то, въ чемъ онъ немоществовалъ по причинѣ плоти, восполнено посланіемъ Сына Божія, Который, пришедши, эту самую плоть осудилъ, отнялъ у ней силу надъ нами.

Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха. Поелику законъ не приводилъ къ святости и праведности, а онѣ составляютъ первоначальное назначеніе человѣка,—то, безъ чего человѣкъ—не человѣкъ; то безпредѣльная благость Божія устроила иной дивный способъ къ освященію и оправданію человѣка,—тотъ, чтобъ Единородный Сынъ Божій воплотился и, побѣдивъ грѣхъ, далъ человѣку возможность неподдаваться власти его и быть святымъ.—Сынъ Божій посланъ въ *подобіи плоти грѣха.* Предъ симъ сказавъ, что законъ *немоществовалъ плотію*, „плотію назвалъ не самое существо (плоти), а мудрованіе чрезъ мѣру плотское, чѣмъ освобождаетъ отъ вины

тѣло“ (Св. Злат.). Теперь плотію называетъ самое естество плоти, безъ привтекшаго въ нее мудрованія плотскаго или закона грѣховнаго. У людей плоть обычно была грѣховная, а у Господа Іисуса непричастная сему неестественному прибавленію. Она была у Него, какъ естественная плоть всѣхъ людей, за исключеніемъ неестественной грѣховности. Почему и сказано: *въ подобіи плоти грѣха*. Еслибъ сказалъ только: *въ подобіи плоти*, то выходило бы, что Онь пришелъ не въ настоящей нашей плоти, а въ кажущейся. Еслибъ сказалъ: *въ плоти грѣха*. то сдѣлалъ бы и Господа воплотившагося причастнымъ грѣху. Но сказавъ: *въ подобіи плоти грѣха*, даетъ разумѣть, что Онъ пришелъ въ настоящей нашей плоти, только безъ грѣха. въ ней живущаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Ежели сказано, что Богъ послалъ Сына *въ подобіи плоти*, то не заключай изъ сего, что плоть Христова была инакова. Но поелику плоть человѣческая названа *плотію грѣха*, то прибавлено слово: *подобіе*. Ибо Христосъ имѣлъ не грѣховную плоть, но хотя подобную нашей грѣховной, впрочемъ безгрѣшную и по природѣ одинаковую съ нами.“ — Прибавимъ и слова бл. Θеодорита: „Не сказалъ Апостолъ: въ подобіи плоти, но *въ подобіи плоти грѣха*. Ибо Сынъ Божій пріялъ на Себя естество человѣческое, но не пріялъ грѣха человѣческаго. Посему-то воспріятое назвалъ Апостолъ не подобіемъ плоти, *но подобіемъ плоти грѣха*. Ибо Христосъ, имѣя одно и тоже съ нами естество, не имѣлъ одного и тогоже направленія воли.“

И о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти. Слово: *и о грѣсѣ*— можно относить и къ—*посла*—такъ: *послалъ Богъ Сына своего въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ*,—περὶ ἁμαρτίας— по причинѣ грѣха,—грѣха тиранствующаго надъ людьми,—соединяя съ симъ мысль такую: для заглажденія грѣха жертвою своей плоти, какъ дѣлаетъ русскій пере-

водъ, или для изглажденія грѣха силою своею, сначала въ своей плоти, а потомъ чрезъ живое общеніе и во всѣхъ людяхъ вѣрующихъ,—или не соединяя опредѣленной мысли, по какой именно причинѣ, а держа въ умѣ вообще,—по причинѣ грѣха, указаніе же самой причины видя въ: *осуди грѣхъ*.—Можно относить сіе слово и къ *осуди: осуди грѣхъ о грѣсѣ*,—показалъ, что грѣшенъ грѣхъ,—тѣмъ, что явилъ плоть безгрѣшную. По причинѣ повсюдной грѣшности могли думать. что грѣхъ неизбѣженъ,—такъ плоть устроена, что нельзя не грѣшить; слѣдовательно грѣхъ безгрѣшенъ. Господь, явивъ плоть безгрѣшную, показалъ, что грѣхъ не отъ природы плоти, а отъ худаго произволенія, и потому грѣшенъ,—подлежитъ суду и осужденію,—„показалъ несправедливость и грѣшность грѣха“ (Θеоф.). И осудилъ его,—не простымъ приговоромъ осудительнымъ, ибо это дѣлалъ и законъ, а такъ, какъ иной правитель схватываетъ злодѣя, осуждаетъ его и ссылаетъ на каторгу, или предаетъ смерти,—осудилъ, побѣдивъ его и сдѣлавъ насъ побѣдителями его, такъ что мы можемъ презирать его, какъ ничтожнаго задору, и попирать его.

Наши толковники не обращаютъ вниманія на строй рѣчи, а болѣе разсуждаютъ вообще о цѣли и силѣ посланія Сына Божія,—что Онъ посланъ побѣдить грѣхъ, отнять у него всякую силу, чтобъ и насъ сдѣлать побѣдителями его.

Только бл. Θеофилактъ между прочимъ замѣчаетъ: „Выраженіе: *и о грѣсѣ* можно разумѣть и проще,—такъ: Отецъ послалъ Сына Своего *о грѣсѣ*, т.-е. преодолѣть грѣхи.“ И Экуменій приводитъ, какъ иной нѣкто представляетъ возможную здѣсь разстановку словъ: „Можно двоякую здѣсь принимать разстановку словъ, можно отдѣлить—*и о грѣсѣ* отъ—*осуди*, чтобъ было такъ: посла Богъ Сына въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ, т.-е.

по причинѣ грѣха, чтобъ изъять его и освободить насъ отъ него. Какъ изъять?—Осудивъ его,—не простымъ судомъ, а побѣдивъ и плѣнивъ. Можно и соединять ихъ, чтобъ было такъ: *и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти*,—осудилъ его, что онъ попремногу грѣшенъ, какъ благимъ содѣлавшій зло, о чемъ и выше говорилъ Апостолъ, наводя, что грѣхъ попремногу грѣшенъ. Какъ осудилъ? Во плоти, т.-е. плотію Своею. Сіе и дивно, что плотію нѣкогда повинною грѣху Онъ осудилъ грѣхъ. Какъ? Сохранивъ ее безгрѣшною. Побѣдивъ такимъ образомъ грѣхъ плотію Своею. Онъ и казнилъ его. Ибо казнь грѣху есть изъятіе его".

Но какое бы сочетаніе словъ ни принять, видно, что главная мысль Апостола здѣсь о цѣли и значеніи посланія Сына Божія во плоти, именно,—чтобъ побѣдить, казнить и изъять грѣхъ, и насъ сдѣлать побѣдителями и казнителями его. Ибо какъ Сынъ Божій пришелъ восполнить недостававшее закону, а закону недоставало того, чтобъ побѣждать грѣхъ въ насъ, или дѣлать насъ побѣдителями его; то въ словахъ опредѣляющихъ цѣль посланія Сына Божія и должно намъ видѣть восполненіе этого именно недостававшаго закону,—т.-е., побѣжденіе грѣха и сдѣланіе насъ побѣдителями его. Такой именно смыслъ должно видѣть въ словахъ: *осуди грѣхъ во плоти*,—осудилъ во плоти своей грѣхъ, отнялъ у него силу, и насъ сдѣлалъ побѣдителями его. Слову: осудить - и въ обычной рѣчи придается подобное сему значеніе, ибо говоря: осудили злодѣя, разумѣемъ не произнесеніе только осудительнаго приговора, но и отъятіе у злодѣя возможности злодѣйствовать, лишеніемъ свободы, или смертію. Тоже и здѣсь: осужденъ грѣхъ,—связанъ и лишенъ необузданной свободы тиранствовать надъ нами. Совершилъ сіе Сынъ Божій воплотившійся двояко: тѣмъ, что, предавъ на смерть безгрѣшную плоть Свою за грѣхи

міра, далъ намъ возможность получать прощеніе содѣянныхъ нами грѣховъ; и тѣмъ, что явилъ въ Себѣ безгрѣшную плоть и, учредивъ таинства для общенія съ Собою, далъ намъ возможность получать отъ Него грѣхопобѣдную силу, чтобъ не дѣлать другихъ грѣховъ. То и другое имѣетъ въ Немъ сокровищницу. Мы же дѣлаемся причастными сего сокровища, прилѣпляясь къ Господу вседушно. Первое указывается здѣсь, а второе въ слѣдующихъ за симъ словахъ.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Сказуетъ здѣсь Апостолъ, что поелику законъ не могъ выполнить собственнаго своего назначенія, по немощи пріемлющихъ законъ, такъ какъ имѣли они естество смертное и страстное; то Единородное Божіе Слово, вочеловѣчившись, человѣческою плотію сокрушило грѣхъ, исполнивъ всякую правду; не пріявъ же позора грѣха (т.-е. бывъ безгрѣшно), и подобно грѣшнику претерпѣвъ смерть грѣшниковъ, обличило неправду грѣха, такъ какъ предало на смерть неподлежащее смерти тѣло. Но оно-то само и сокрушило и грѣхъ и смерть. Ибо Слово Божіе, какъ неподлежащее смерти, потому что грѣха не сотворило, но пріявшее оную по несправедливому приговору грѣха, содѣлалось, какъ *въ мертвыхъ свободь* (Пс. 87, 6), искупленіемъ справедливо содержимыхъ подъ державою смерти.“— Здѣсь указывается преимущественно грѣхооправдательная сила пришествія Сына Божія во плоти. Св. же Златоустъ изображаетъ болѣе грѣхопобѣдную силу сего пришествія. Онъ говоритъ: „Представь, что царскій сынъ, увидѣвъ на рынкѣ, что бьютъ низкаго состоянія и безпріютную женщину, называетъ себя ея сыномъ и тѣмъ освобождаетъ ее изъ рукъ обидчиковъ. Тоже самое учинилъ Сынъ Божій; Онъ, исповѣдавъ Себя Сыномъ человѣческимъ, явился на помощь плоти и осудилъ грѣхъ. И грѣхъ не осмѣлился уже бить ее; или, лучше сказать,

хотя поразилъ смертельнымъ ударомъ впрочемъ, что всего удивительнѣе, не пораженная плоть, но поразившій грѣхъ подвергся осужденію и погибъ. Еслибы побѣда совершилась не во плоти, сіе было бы менѣе удивительно. Но удивительно то, что Христосъ, бывъ во плоти, воздвигъ трофей, и та самая плоть, которую грѣхъ низлагалъ тысячекратно, одержала надъ нимъ побѣду блистательную. Вотъ сколько въ семъ необыкновеннаго! Первое то, что грѣхъ не побѣдилъ плоти; второе, что самъ онъ побѣжденъ и побѣжденъ плотію; третье, что плоть не только побѣдила, но и наказала. Христосъ тѣмъ, что не согрѣшилъ, явился непобѣдимымъ; а тѣмъ, что умеръ, побѣдилъ, и осудилъ грѣхъ, сдѣлавъ для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Симъ уничтожилъ Онъ силу грѣха, и уничтожилъ смерть, введенную въ міръ грѣхомъ. Видишь ли, сколько одержано побѣдъ?! Плоть не преодолѣна грѣхомъ, самый грѣхъ побѣжденъ и осужденъ, и не просто осужденъ, но какъ согрѣшившій.“

Ст. 4. *Да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу.*

Все сказанное совершилъ Господь во плоти Своей, въ Своемъ лицѣ. „Ты спросишь: есть ли какая для меня польза изъ того, что сіе совершилось во плоти Христовой? — Для тебя именно и есть“ (Св. Злат.). Что же именно? То, что мы теперь не по плоти ходимъ, но по духу, „не хотимъ жить плотски, но духовно“ (Экум.). Апостолъ не объясняетъ, какъ совершилось въ насъ такое измѣненіе; потому что писалъ къ христіанамъ, носившимъ въ себѣ такое измѣненіе и знавшимъ, какъ оно совершилось. Грѣхоправдательная и грѣхопобѣдная сила отъ Христа Господа переходитъ во всякаго вѣрующаго, облекающагося во Христа во святомъ крещеніи и даръ Духа Святаго пріемлющаго въ муропомазаніи. Почему онъ и

начинаетъ тотчасъ вслѣдъ за симъ ходить не по плоти, а по духу. Но совершается сіе не механически, а вслѣдствіе свободныхъ измѣненій во внутреннѣйшемъ настроеніи человѣка. Припомнимъ сказанное подъ вторымъ стихомъ сей главы. Падшій сталъ самостенъ, самоугодливъ, сластолюбивъ. Страстная самоугодливость, качествовавшая въ душевно-тѣлесности, и двигавшаяся сластолюбіемъ, была источникомъ безъисходной грѣшности, закономъ грѣховнымъ, дѣйствовавшимъ во удѣхъ нашихъ, или тою плотяностію, о коей пишетъ здѣсь св. Павелъ. Но приходитъ благодать Божія во Христѣ Іисусѣ и возстановляетъ духъ человѣка въ правахъ его, образуетъ въ немъ самоотверженную ревность благоугождать Богу исполненіемъ святой воли Его, съ готовностію ради сего даже на смерть. На сіе настроеніе, происходящее въ началѣ только какъбы мысленно, благодать Божія, дѣйствовавшая доселѣ совнѣ, нисходитъ въ таинствахъ внутрь, и, вселяясь въ духѣ, то, что предъ симъ только преднамѣревалось, дѣлаетъ всуществленными стихіями и отправленіями внутренней жизни человѣка. Онъ и начинаетъ отселѣ жить духомъ въ Богѣ, благоугождая Ему, всячески и самоотверженно принося Ему въ жертву свою душевнотѣлесность, съ подавленіемъ всякой страстной самоугодливости,—начинаетъ, иначе сказать, ходить не по плоти, а по духу.—„Не по плоти ходить, а по духу, пишетъ Амвросіастъ, значитъ служить Богу умомъ, который есть духъ, не соглашаясь съ грѣхомъ (самоугодіемъ), который чрезъ плоть сѣетъ въ душѣ похоти.“

Какой плодъ такого хожденія не по плоти, но по духу?—Тотъ, что *оправданіе закона исполняется въ насъ*. т.-е. только въ насъ вѣрующихъ, а не въ комъ другомъ: ибо только мы получаемъ силу на то, и настроеніе пригодное къ тому въ себѣ образуемъ. Живущій по духу ревнуетъ благоугождать Богу; благоугодное Богу выра-

жено въ законѣ Его,—и въ законѣ совѣсти, и въ законѣ писанномъ, уяснившемъ и подтвердившемъ тотъ законъ, и слившемся съ нимъ. Живущій по духу такимъ образомъ ревнуетъ исполнять законъ, и какъ пріявшій силу на то, дѣйствительно исполняетъ его. Какъ таковы только вѣрующіе въ Господа, то они только и бываютъ вѣрными исполнителями закона,—иначе сказать: то въ нихъ только и исполняется оправданіе закона.—*Оправданіе закона* есть или праведность требуемая закономъ, или намѣреніе закона и цѣль его. Будетъ: то, что имѣлъ въ виду законъ, для чего онъ данъ,—а данъ онъ для того, чтобъ дѣлать насъ праведными и святыми,—исполняется въ насъ - вѣрующихъ,—и только въ насъ. А почему въ насъ только? Потому что въ насъ только отъемлется то, по причинѣ чего немоществовалъ законъ, отъемлется законъ грѣховный, живущій во плоти, и начинаетъ дѣйствовать законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, иначе: потому, что только мы можемъ жить и живемъ не по плоти, а по духу.

Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ *оправданіе?* Конецъ, цѣль, успѣхъ. Чего же законъ домогался и что иногда производилъ? Чтобы человѣкъ былъ безгрѣшнымъ. Сіе-то самое совершено для насъ нынѣ Христомъ. Его было дѣло противоборствовать и побѣждать, а наше—пользоваться побѣдою. Итакъ мы не будемъ уже грѣшить, не будемъ, если не разслабнемъ и не упадемъ въ духѣ. Посему Апостолъ присовокупилъ: *въ насъ не по плоти ходящихъ.* А дабы слыша, что Христосъ избавилъ тебя отъ брани (единоборства) со грѣхомъ, и что чрезъ осужденіе грѣха во плоти исполняется въ тебѣ оправданіе закона, ты не пренебрегъ нужнымъ пріуготовленіемъ (настроеніемъ, готовностію), Апостолъ, какъ выше сказавъ—*ни едино осужденіе,* присовокупилъ: *не по плоти ходящимъ;* такъ и здѣсь тоже самое прибавилъ къ сло-

вамъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ*. Или правильнѣе сказать, здѣсь прибавлено нѣчто еще гораздо большее. Сказавъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ*, присовокупилъ: *но по духу*, давая тѣмъ разумѣть, что должно не только воздерживаться отъ зла, но и украшаться добромъ. Христово дѣло дать тебѣ вѣнецъ, а твое—сохранить на себѣ оный. Христосъ совершилъ для тебя то, въ чемъ состояло оправданіе закона, именно, чтобы ты не подлежалъ клятвѣ. Итакъ не утрать сего дара, но береги прекрасное сіе сокровище. Симъ Апостолъ внушаетъ тебѣ, что для нашего спасенія недостаточно крещенія, если послѣ онаго не покажемъ жизни достойной сего дара. Слѣдовательно и сіе сказано опять въ защищеніе закона. Ибо и по увѣрованіи во Христа надобно все дѣлать и выполнять, дабы оправданіе закона, исполненное Христомъ, въ насъ дѣйствовало, а не оставалось безъ силы."

Опять само собою печатлѣется въ мысли наведеніе, что жизнь святая и праведная есть существенная норма жизни человѣка, достойнаго сего имени. Она была первоначальнымъ назначеніемъ человѣка въ созданіи; она была цѣлію всѣхъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ до закона; ее имѣлъ въ виду законъ; для нея и все новозавѣтное домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Существенное же условіе къ тому, чтобъ она и на дѣлѣ—въ дѣйствительности являлась, есть жизнь не по плоти, а по духу, т.-е. возстановленіе первоначальнаго строя человѣческаго естества—того, чтобъ человѣкъ духомъ жилъ въ Богѣ и силою его властно правилъ душею и тѣломъ,—строя, дѣйствительно возстановленнаго во Христѣ Іисусѣ благодатію Святаго Духа.

Ст. 5. *Сущіи бо по плоти, плотская мудрствуютъ: а иже по духу, духовная.*

Объясняетъ, почему оправданіе закона исполняется

только въ ходящихъ не по плоти, а по духу. Иначе нельзя, говоритъ: ибо ходящіе по плоти, или, что тоже, сущіе по плоти, только плотская мудрствуютъ,—имъ не до закона, заботы нѣтъ о законѣ. Только ходящіе по духу, или, что тоже, сущіе по духу, духовная мудрствуютъ, о томъ заботятся, что сообразно съ требованіями духа, или съ закономъ; ибо законъ духовенъ. Таковъ ужь строй плотскихъ и духовныхъ, что у тѣхъ душа не лежитъ къ законному; а эти о томъ только и помышляютъ, чтобъ все было законно, сообразно съ волею Божіею и богоугодно. Почему только эти и могутъ исполнять оправданіе закона,—цѣль закона, чтобъ мы были святы.

Сущіи по плоти—не то, что—носящіе плоть, а живущіе въ плотоугодіи, плоти угодія творящіе въ похоти (Рим. 13, 14). Не о естествѣ плоти рѣчь, а о настроеніи человѣка плотскомъ. „Сіе не клонится къ обвиненію плоти, говоритъ Св. Златоустъ. Доколѣ она соблюдаетъ собственный свой чинъ, не бываетъ ничего несообразнаго. Когда же дадимъ волю плоти и она, преступивъ положенные для ней предѣлы, возстанетъ на душу; тогда все губитъ и портитъ не по собственной своей природѣ, но по причинѣ неумѣренности и происходящаго отъ оной безпорядка.“

Сущіи по плоти— однакожъ выраженіе очень сильное. Оно указываетъ на такое погруженіе въ плотяность, что будто кромѣ плоти ничего уже и не было въ человѣкѣ. Мы человѣческимъ окомъ своимъ мало усматриваемъ таковыхъ: ибо какъ ни будь кто преданъ плоти, все у него и душа выказывается дѣйствующею, а иногда и духъ—естественный человѣку. Но око Божіе не всѣхъ ли падшихъ видитъ такими: ибо таковъ законъ паденія, что низпадшій изъ духа не останавливается уже и въ душѣ, а низвергается на самое дно—въ плоть. Плотяность и

является заправляющимъ началомъ даже и у тѣхъ, кои живутъ душею (—научники, искусники, дѣльцы). Она—фонъ, а прочее все—разныя фигуры, рисуемыя на семъ фонѣ.

Мудрованіе здѣсь означаетъ не одни помышленія или образъ мыслей, а весь строй внутренній,—и мысли, и заботы, и планы, и сочувствія, и дѣла, и даже сны и мечтанія,—движущее, заправляющее и все устрояющее начало. „Плотскимъ, говоритъ, предавшіеся похотямъ, объ нихъ только всю заботу и попеченіе имѣютъ“ (Экум.). „Предавшіеся неумѣренному рабству плоти всегда заботятся только о плотскомъ“ (Θеоф.). „То только имъ и сладко, что плоть услаждаетъ“ (Амвр.).

Сущіи по духу—это тѣ, кои духомъ въ Богѣ живутъ, о божескомъ помышляютъ, божескаго желаютъ, божескимъ утѣшаются, движимы будучи страхомъ Божіимъ и руководимы внушеніями совѣсти, просвѣщенной заповѣдями,—все по дѣйствію благодати Святаго Духа въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Быть по духу есть норма жизни человѣка по созданію его. Но по паденіи онъ не сталъ уже быть по духу, хотя духъ въ немъже былъ: ибо въ немъ онъ былъ, но силы опредѣляющей не имѣлъ; голосъ подавалъ, но его не слушали. Таковы и всѣ не возставшіе еще отъ паденія. Начинаетъ быть по духу человѣкъ только по принятіи благодати,—возрожденный. Тутъ духъ вступаетъ въ свой чинъ, беретъ силу и заправляетъ всѣмъ въ человѣкѣ, собою опредѣляетъ норму его жизни. У такого о томъ только и забота, неотходно быть въ Богѣ духомъ, и все направлять только на угодное Ему. „Кто всецѣло покорился Духу, тѣ и мыслятъ, и дѣлаютъ все духовное“ (Θеоф.). Душевная жизнь и тѣлесная не подавляются и не заглушаются. но, бывъ вставлены въ естественные свои предѣлы, туда же направляются, на угодное Богу, и чрезъ то одухотворяются,

одухотворяется и вся внѣшняя жизнь человѣка, во всѣхъ ея отношеніяхъ. Такъ сущіе по духу не забываютъ плотскаго, а только одухотворяютъ его; а сущіе по плоти забываютъ о духовномъ,—или можетъ быть, можно сказать, что и они не забываютъ, только оплотеняютъ.

Ст. 6. *Мудрованіе бо плотское, смерть есть: а мудрованіе духовное, животъ и миръ.*

Бо—ибо; —опять причина. Цѣпь причинъ вяжетъ здѣсь св. Павелъ: ибо и слѣдующій стихъ начинается причинною частицею: *зане.*—На что же причина выставляется въ настоящемъ стихѣ? На то, полагаю, что ближайшимъ образомъ предшествуетъ, именно: *а иже по духу* (мудрствуютъ), *духовная;* показывается, почему они такъ дѣлаютъ: по сознанію, что только въ духовномъ мудрованіи—жизнь, а въ плотскомъ смерть. И опытъ это подтверждаетъ: ибо ничто столько не укрѣпляетъ жизни по духу, какъ сознаніе, ощущеніе и вкушеніе нравственно-религіознаго благобытія въ такомъ порядкѣ жизни, и воспоминаніе о томъ, какого безотраднаго въ сердцѣ томленія источникомъ служитъ жизнь по плоти.—И по теоріи такъ должно быть; ибо сущій по духу и духовное мудрованіе держащій живетъ духомъ въ Богѣ, и силою Его укрѣпляясь, дѣйствія души и тѣла и всѣхъ своихъ отношеній направляетъ къ благоугожденію Богу. Чрезъ это состоя въ живомъ союзѣ съ источникомъ всякой жизни, преисполняется истинною жизнію, которая, настраивая на единое всѣ проявленія собственной его жизни, и внутренней и внѣшней, вноситъ въ нее гармонію и миръ, прекраснѣе, сладостнѣе, и восхитительнѣе чего человѣкъ и вообразить на землѣ себѣ не можетъ. Напротивъ мудрованіе плотское, — жизнь въ отдаленіи отъ Бога и съ забвеніемъ о Немъ, жизнь сластолюбивой самоугодливости, движимой и волнуемой страстями, — тѣмъ, что держитъ въ дали отъ источ-

ника жизни, дѣлаетъ естество человѣческое скуднымъ, истощающимся, изсыхающимъ; а тѣмъ, что въ противность природному строю естества человѣческаго даетъ преобладаніе плоти и душѣ надъ духомъ, вводитъ разладъ въ сіе естество, разлагающій и разъѣдающій его. То и другое отзывается томленіемъ, похожимъ на агонію умирающаго.—Боясь этого, испытаннаго уже мертвящаго дѣйствія плотскаго мудрованія, вступившій въ мудрованіе духовное всеусиленно держится въ немъ, тѣмъ усерднѣе, что ощущаетъ и вкушаетъ источаемыя имъ жизнь и миръ.

Ст. 7. *Зане мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ.*

Зане,—διότι,—чрезъ то, что,—тѣмъ, что.—Сказалъ, что мудрованіе плотское—смерть, а мудрованіе духовное—животъ. Теперь поясняетъ, чрезъ что и чѣмъ первое производитъ смерть, давая доразумѣть, что противоположнымъ тому второе производитъ животъ. Чѣмъ же первое производитъ смерть? Тѣмъ, что оно по существу своему есть вражда на Бога. Жизнь—въ дружелюбномъ, живомъ сочетаніи съ Богомъ; а плотское мудрованіе, родившееся вслѣдствіе отторженія отъ Бога, не только чуждо сего союза, но не терпитъ его и отвращается отъ него, потому что онъ подсѣкаетъ его въ корнѣ. Почему естественно оно приноситъ смерть и даже есть смерть.

Мудрованіе плотское, какъ ужь не разъ говорилось, означаетъ общій строй падшаго, по коему онъ всю заботу обращаетъ на устроеніе земнаго благобытія, полагая его въ удовлетвореніи душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей, испорченныхъ и извращенныхъ страстьми. Этимъ оно занято день и ночь и это только устроять оно умѣетъ, не помышляя о томъ, что выше земли, и что—за предѣлами земной жизни. Къ Богу и вещамъ божественнымъ у него душа не лежитъ. Это души нележаніе къ

божескому есть крайній, легчайшій предѣлъ враждованія на Бога. Крайній тягчайшій предѣлъ есть дѣятельное съ яростію возстаніе противъ божескихъ порядковъ, сопровождаемое богохульствомъ и рвеніемъ отвлекать отъ Бога и другихъ. Средину составляетъ тотъ образъ обнаруженія плотскаго мудрованія, по которому оно не возстаетъ гласно противъ божескаго и будто мирно съ нимъ; но какъ только приходитъ въ столкновеніе съ нимъ, всегда понуждаетъ дѣлать въ противность ему. И это-то послѣднее выставляетъ здѣсь Апостолъ въ видѣ непокоренія закону Божію, какъ наиболѣе распространенное и повсюдное, и какъ такое, въ коемъ первая степень заключается уже, а ко второй пролагается дорога.

Мудрованіе плотское выражаетъ свою вражду на Бога непокореніемъ закону Божію. Обычно оно молчитъ, будто его нѣтъ: но какъ только предлежитъ исполнить законъ, оно ухитряется такъ представить дѣло, что бѣдный человѣкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ въ угоду ему противъ закона Божія. Такъ всякій разъ, слѣдовательно всегда, такъ что непокореніе закону Божію есть отличительная жизненная черта мудрованія плотскаго. Почему далѣе и прибавилъ Апостолъ: *ниже бо можетъ*. Мудрованіе плотское, пока оно таково, и не можетъ покориться закону Божію; ибо какъ бы только оно покорилось, такъ и перестало бы быть мудрованіемъ плотскимъ. Человѣкъ можетъ держать и плотское, и духовное мудрованіе, ни тѣмъ ни другимъ не связанъ, можетъ переходить отъ одного къ другому. Онъ, пока преданъ мудрованію плотскому, не можетъ покориться закону Божію; но какъ не связанъ онъ мудрованіемъ плотскимъ, а можетъ и отстать отъ него, то объ немъ нельзя вообще сказать, что онъ закону Божію не можетъ покориться: можетъ, когда захочетъ, когда самъ вооружится противъ мудрованія плотскаго и прогонитъ его.

Св. Златоустъ пространно излагаетъ эту сторону, или этотъ видъ неможенія. „Не смущайся, слыша: *ниже бо можетъ*. Сіе затрудненіе отвратить еще удобно. Подъ именемъ плотскаго мудрованія Апостолъ разумѣетъ здѣсь разумъ оземленѣвшій, пристрастный къ житейскому и худымъ дѣламъ. О немъ говоритъ Апостолъ, что не можетъ покоряться Богу, а не вообще о человѣкѣ. Иначе самъ Павелъ какъ учинился бы столь великимъ? Какъ спасся бы разбойникъ? Какъ спасся бы Манассія? Какъ спаслись бы Ниневитяне? Какъ возсталъ бы Давидъ по своемъ паденіи? Какъ пришелъ бы въ себя Петръ, отрекшійся отъ Христа? Какъ могъ бы блудникъ быть принятъ въ стадо Христово? Какъ возвратили бы себѣ прежнее блаженство Галаты, утратившіе благодать? Итакъ Апостолъ не то говоритъ, что худому невозможно стать добрымъ, но то, что худое, пока худо, не можетъ покоряться Богу, а если перемѣнится, то станетъ добрымъ и удобно покорится Богу. Онъ не сказалъ, что человѣкъ не можетъ покоряться Богу, но говоритъ, что худой человѣкъ не можетъ дѣлать поступковъ добрыхъ, блудникъ, напримѣръ, отличаться цѣломудріемъ. Такъ и когда Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѳ. 7, 18); то не отрицаетъ симъ возможности перейти отъ порока къ добродѣтели, а разумѣетъ только, что, предаваясь пороку, нельзя приносить добрыхъ плодовъ. Не сказалъ, что худое древо не можетъ стать добрымъ, а говоритъ, что пребывая худымъ, не можетъ оно приносить добрыхъ плодовъ.—Итакъ Апостолъ называетъ плотскимъ мудрованіемъ порокъ, а духовнымъ мудрованіемъ данную благодать и дѣла одобряемыя благимъ произволеніемъ, и разсуждаетъ здѣсь вовсе не о существѣ и природѣ, а о добродѣтели и порокѣ. Чего не могъ ты, говоритъ, сдѣлать прежде, то можешь нынѣ,—можешь ходить прямо и не спотыкаясь, если получишь

помощь отъ Духа. Ибо мало еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу; потому что для нашего спасенія нужно не только уклоняться отъ зла, но и дѣлать добро. *Сего же достигаемъ, когда душу предаемъ духу, а плоть убѣдимъ пребывать на своей чредѣ.* Ибо чрезъ сіе и ее сдѣлаемъ духовною, равно, какъ предаваясь безпечности, содѣлаемъ душу плотскою. Поелику даръ сообщенъ не по естественной необходимости, но врученъ свободному произволенію, то отъ тебя уже зависитъ стать тѣмъ или другимъ. Христосъ совершилъ все, что отъ Него зависѣло; грѣхъ не противовоюетъ закону ума нашего и не плѣняетъ насъ какъ прежде, напротивъ все сіе миновалось и кончилось: страсти усмирены, приведены въ страхъ и трепетъ благодатію Духа. Если же ты самъ угашаешь свѣтъ, сталкиваешь возницу, изгоняешь кормчаго, то самъ себя вини въ обуреваніи. Но что добродѣтель содѣлалась нынѣ болѣе удобоисполнима, а потому и любомудровъ больше, можешь видѣть сіе, сличивъ, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій прежде, и въ какомъ находится нынѣ, когда возсіяла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможнымъ, какъ-то: дѣвство, презрѣніе смерти и другихъ многочисленныхъ страданій, то нынѣ исполняется повсюду въ мірѣ. Не только у насъ, но и у Скиѳовъ, у Ѳракіянъ, у Индовъ, у Персовъ и у другихъ варварскихъ народовъ есть лики дѣвъ, сонмы мучениковъ, общины монаховъ,—вездѣ неподражаемый постъ, обиліе нищеты.— Итакъ видя истину событій, взывающую громогласнѣе трубы, не предавайся нѣгѣ, не утрачивай толикой благодати. Безпечному, и по принятіи вѣры, невозможно спастись. Подвиги сдѣлалися легче, дабы ты подвижникъ побѣждалъ, не дремалъ, и величія благодати не обращалъ для себя въ предлогъ къ нерадѣнію, погрузившись опять въ тину грѣховъ.“

Ст. 8. *Сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ.* *Же* — частица противоположительная, съ непосредственно предъидущимъ не вяжется. Поставляя въ связь настоящій текстъ съ предыдущимъ, надо бы употребить частицу: такимъ образомъ, или—посему. Если не употребилъ ихъ св. Павелъ, значитъ, не ставилъ сего стиха въ связи съ предыдущимъ. Съ чѣмъ же онъ состоитъ въ связи?—Съ 4-мъ стихомъ. Сказавъ, что оправданіе закона, цѣль его—дѣлать насъ святыми и богоугодными, исполняется въ насъ не по плоти ходящихъ, но по духу, св. Павелъ, въ стихахъ 5, 6 и 7-мъ выставляетъ характеристическія черты хожденія по духу и плоти, связывая ихъ, какъ цѣпь причинъ, частицами: *бо, бо, зане.* Всѣ они въ совокупности, слѣдовательно, суть поясненія сказаннаго въ 4-мъ стихѣ и представляютъ рядъ вставочныхъ положеній. Кончивъ поясненіе, св. Апостолъ возвращается къ прерванной рѣчи. Устроеніе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ затѣмъ совершено, чтобы оправданіе закона—то, чтобы мы дѣлались святыми и богоугодными, исполнилось въ насъ. Оно исполняется въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу. А въ тѣхъ, кои по плоти ходятъ, оно не можетъ быть исполняемо, потому что такіе Богу угодить не могутъ. *Сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ.* Такова связь сего текста; мысль же его ясна сама собою. *Сущіи во плоти,* тоже что *сущіи по плоти,* т.-е. живущіе въ страстномъ и сластолюбивомъ самоугодіи. Угодить Богу не могутъ они, потому что не хотятъ исполнять волю Божію и законъ Божій,—что одно дѣлаетъ человѣка угоднымъ Богу, не лежитъ у нихъ къ тому душа, нѣтъ у нихъ къ тому вкуса, нѣтъ помышленій о томъ и желаній.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „Итакъ что же? Ужели, скажутъ, отсѣчь намъ тѣло, выдти изъ плоти, чтобы угодить Богу? Ужели, ведя насъ къ добродѣтели,

велитъ (Апостолъ) намъ быть самоубійцами?—Нѣтъ.—Подъ именемъ плоти Павелъ и здѣсь разумѣетъ не тѣло, не сущность тѣла, а плотскую и мірскую жизнь, провождаемую въ забавахъ и роскоши, которая цѣлаго человѣка дѣлаетъ плотію. Какъ окрыленные духомъ самое тѣло дѣлаютъ духовнымъ, такъ удаляющіеся духа, служащіе чреву и удовольствіямъ, самую душу дѣлаютъ плотію, не измѣняя ея сущности, но губя ея благородство. Такой образъ выраженія часто встрѣчается и въ Ветхомъ Завѣтѣ; и тамъ именемъ плоти означается грубая и нечистая жизнь, преданная грубымъ утѣхамъ. Такъ и Ною сказано: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Хотя самъ Ной обложенъ былъ плотію; но быть обложену плотію не составляло вины, такъ какъ сіе было естественно; преступно же любить плотскую жизнь.“—Такъ и здѣсь—„Апостолъ не повелѣваетъ, чтобы мы стали внѣ тѣла, но чтобы освободились отъ плотскаго мудрованія“ (Θеод.). Потому что „имѣющіе мудрованіе плотское, не могутъ угодить Богу, пока остаются такими“ (Θеоф.).

Ст. 9. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егова.*

Выше, въ 3-мъ стихѣ, сказавъ, что Сынъ Божій воплотившись, осудилъ грѣхъ, т. е. побѣдилъ и насъ сдѣлалъ побѣдителями его, вслѣдъ затѣмъ тотчасъ привелъ, что мы не по плоти уже ходимъ, но по духу, и силу имѣемъ исполнять оправданіе закона. А какимъ образомъ сдѣлалось то, что грѣхопобѣдная сила отъ Христа Господа перешла къ намъ и сдѣлала насъ такими сильными, объ этомъ намекнулъ только предъ тѣмъ въ ст. 2,—въ словѣ о законѣ духа жизни, освободившемъ насъ отъ закона грѣховнаго. Теперь же этотъ именно пунктъ выставляетъ яснѣе, говоря: вы не въ плоти, а въ духѣ,

потому что Духъ Божій живетъ въ васъ. Духъ Божій, низшедшій въ васъ въ таинствахъ, извлекъ вашъ духъ изъ узъ плотяности,—страстной, душевно-тѣлесной самоугодливости,—и поставилъ на своемъ мѣстѣ, во главу, заправляющую всѣмъ, во всѣхъ проявленіяхъ вашей жизни, и своею силою, ради вашего Ему себяпреданія, держа его въ семъ чинѣ, дѣлаетъ, что вы уже не во плоти, но въ духѣ, и слѣдовательно всегда творите только духовное, святое, Богу угодное, и стоите потому на пути спасительномъ, несомнѣнно ведущемъ въ вѣчному блаженству въ Богѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ. Этотъ послѣдній выводъ самъ собою уже приходитъ на умъ послѣ того, что предъ симъ сказалъ Апостолъ о существенныхъ чертахъ жизни по духу и плоти. Думается, что въ словахъ: *вы не во плоти, но въ духѣ*,—духъ означаетъ естественную часть естества человѣческаго, вдунутый Богомъ, при сотвореніи, духъ и чрезъ паденіе подпавшій тиранству плоти. А въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *понеже Духъ Божій живетъ въ васъ*, подъ Духомъ разумѣется Духъ Святый, благодатный, возраждающій и новую жизнь внутри устрояющій. Онъ, нисходя на духъ человѣка и сочетаваясь съ нимъ, дѣлаетъ его сильнымъ противостоять плоти и дѣйствовать, какъ свойственно ему, по его природѣ. Прекрасно излагаетъ сіе св. Златоустъ.

„Иное добро, иное зло, иное ни добро, ни зло. *Такъ душа или плоть есть нѣчто среднее* и можетъ стать какъ тѣмъ, такъ и другимъ; *а духъ всегда благъ*, и никогда не дѣлается чѣмъ-либо инымъ. Итакъ если душу и тѣло отдашь лучшему, то и самъ будешь принадлежать къ той же сторонѣ; если отдашь худшему, то будешь участвовать въ гибели, изъ того происходящей, не по природѣ души или плоти, но по расположенію, имѣющему власть избирать то и другое. А что дѣйствительно таковъ смыслъ апостольскихъ словъ, и оными не осуждается плоть (яко

плоть), сіе увидимъ, обратясь къ томуже опять выраженію и разобравъ оное точнѣе. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ,* говоритъ Павелъ. Какъ это? Ужели они были не во плоти, но безтѣлесны?—Возможно ли это?—Примѣчаешь ли, что онъ разумѣетъ плотскую жизнь?—Для чего же не сказалъ: вы не во грѣхѣ живете?—Дабы ты вразумился, что Христосъ не только угасилъ мучительство грѣха, но плоть содѣлалъ легчайшею и болѣе духовною, не чрезъ измѣненіе природы, но болѣе чрезъ окрыленіе ея. Какъ желѣзо, отъ продолжительнаго соприкосновенія къ нему огня, само дѣлается огнемъ, сохраняя собственную природу: такъ у вѣрныхъ, имѣющихъ Духа, самая плоть перераждается въ туже дѣятельность, становясь совершенно духовною, во всемъ распинаемая и окрыляемая вмѣстѣ съ душою. Таково было тѣло Павла. Посему оно презирало всѣ пріятности и удовольствія, увеселялось голодомъ, побоями, узами, и терпя сіе, не скорбѣло. Сіе ясно выразилъ Павелъ, назвавъ это мгновеннымъ и *легкимъ страданіемъ* (2 Кор. 4, 17). Такъ обучилъ онъ плоть идти наравнѣ съ духомъ.“

Понеже Духъ Божій живетъ въ васъ.—Понеже, по-гречески стоитъ εἴπερ, если. Но это *если* не сомнѣніе выражаетъ, а несомнѣнное утвержденіе, и стоитъ вмѣсто ἐπειδήπερ—поелику. Славянскій текстъ въ точности передаетъ мысль Апостольскую.—„Слово—*аще*—εἴπερ, свидѣтельствуетъ св. Златоустъ, Апостолъ часто употребляетъ не для означенія сомнѣнія, но при полной увѣренности, вмѣсто ἐπειδήπερ—понеже,—какъ напримѣръ говоря: *аще праведно у Бога воздати скорбъ оскорбляющимъ васъ* (2 Сол. 1, 6).“

Духъ Божій живетъ въ васъ. Съ какою рѣшительностію утверждаетъ сіе Апостолъ о вѣрующихъ Римлянахъ, должнымъ чиномъ вступившихъ въ сонмъ вѣрующихъ! *Духъ Божій живетъ въ васъ,* удостовѣрялъ онъ и Ко-

ринѳянъ (1 Кор. 3, 16), прибавляя: *вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16), *храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа* (1 Кор. 6, 19). Тоже напоминалъ онъ и Галатамъ, говоря, что Богъ *послалъ въ сердца ихъ Духа Сына своего* (Гал. 4, 6). И Ефесянамъ говорилъ, что они, *вѣровавше, знаменаны Духомъ обѣтованія Святымъ* (Еф. 1, 13), котораго и заповѣдуетъ имъ *не оскорблять* (—4, 30). Тоже утверждалъ онъ и въ другихъ посланіяхъ, и не онъ одинъ, но и всѣ другіе Апостолы, и самъ Господь и Спаситель. И все это съ такою рѣшительностію, что кто не имѣетъ Духа Святаго въ себѣ, тотъ и не христіанинъ, и если кто христіанинъ, то потому только и христіанинъ, что помазанъ Духомъ Святымъ. И въ царство небесное пріемлется только тотъ, кто приступаетъ къ вратамъ его, имѣя на челѣ своемъ и на всемъ существѣ своемъ печать дара Духа Святаго. Это—билетъ на входъ, почему и названо обрученіемъ наслѣдія (Еф. 1, 14).

Послѣ сего само собою ясно, почему далѣе у Апостола прибавлено: *аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Егова*, — т.-е. тотъ не Христовъ, тотъ и не христіанинъ. „Непричастный сей благодати не имѣетъ никакого общенія со Христомъ“ (Ѳеод.). И справедливо. Ибо Духъ есть печать. Посему кто не имѣетъ печати, тотъ не принадлежитъ Господу, назнаменуемому этою печатію (Ѳеоф.). Слыша сіе, кто удержится, чтобъ не подвигнуться желаніемъ—имѣть Духа Святаго?—Но ты имѣешь. Всякій, съ вѣрою пріемлющій божественныя таинства крещенія и муропомазанія, имѣетъ въ себѣ Духа. Слѣдовательно и ты. Скажешь: я оскорбилъ Духа Святаго грѣхами своими,—и Онъ отошелъ отъ меня. Но ты приносилъ покаяніе, и причащался тѣла и крови Христа Господа,—и божественный благодатный порядокъ въ тебѣ возстановленъ. Слѣдовательно ты имѣешь

Духа, ты Христовъ. Какъ утѣшительны сіи истины!— Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть не прискорбно, что христіанина надобно удостовѣрять, что онъ Христовъ, и имѣетъ Духа Святаго. И однакоже это бываетъ необходимо, не для пробужденія высокоумія, а для возбужденія вниманія къ себѣ самому, какъ носителю жилищу и храму Духа, и для утвержденія въ порядкахъ жизни, показывающихъ, сколь дорожатъ симъ сокровищемъ.— При всемъ томъ впрочемъ не неумѣстенъ вопросъ: почему же, по какимъ признакамъ уразумѣть, что во мнѣ воистину есть Духъ Святый?—Апостолъ отвѣчаетъ на сіе:

Ст. 10. *Аще же Христосъ въ васъ, плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.*

Ожидалось бы, что Апостолъ скажетъ: если же Духъ Святый въ васъ, а онъ говоритъ: *аще же Христосъ въ васъ*. „Говоря сіе, Апостолъ не называетъ Духа Христомъ, — ни мало! — но даетъ разумѣть, что имѣющій Духа не только называется Христовымъ, но даже имѣетъ въ себѣ самого Христа. Ибо невозможно, чтобы не было Христа тамъ, гдѣ есть Духъ. Гдѣ одно изъ лицъ Троицы, тамъ и вся Троица. Такъ Она сама въ себѣ нераздѣлима и тѣснѣйшимъ образомъ соединена!“ (Св. Злат.). Крещающіеся облекаются во Христа; но какъ Христосъ, крестясь, принялъ нисшедшаго Духа, такъ и крещающіеся во имя Его пріемлютъ въ слѣдъ затѣмъ Духа въ муропомазаніи и имѣютъ и Христа и Духа. Почему сказать ли: *аще же Христосъ въ васъ*, или: аще же Духъ въ васъ,—будетъ однозначительно. Присутствіе Духа даетъ разумѣть и присутствіе Христа, а присутствіе Христа — присутствіе Духа. И не это только, но и присутствіе Отца, какъ удостовѣрилъ Христосъ—Сынъ Божій (Ін. 14, 23). Сколь великое носитъ въ себѣ христіанинъ таинство!

„Что же будетъ, спросишь ты, если Христосъ въ насъ?—*Плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.* Видишь, сколько золъ не имѣть въ себѣ Духа Святаго: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Ему покоряясь Его законамъ, быть Христовымъ и имѣть Его въ себѣ обитающимъ! Смотри также, сколько благъ имѣть въ себѣ Духа: дѣйствительно быть Христовымъ, имѣть въ себѣ самого Христа, состязаться съ Ангелами! Ибо возымѣть плоть мертвою для грѣха, значитъ начать жить вѣчною жизнію, еще здѣсь на землѣ носить въ себѣ залогъ воскресенія и удобность идти стезею добродѣтели.—Апостолъ сказалъ не просто: *плоть мертва*, но присовокупилъ: *грѣха ради*, для грѣха, дабы разумѣлъ ты, что умерщвляется порокъ, а не естество тѣла. Не о семъ говоритъ Апостолъ; напротивъ хочетъ, чтобы тѣло было мертво, оставаясь живымъ. Когда тѣла наши для плотскихъ воздѣйствій ничѣмъ не разнятся отъ лежащихъ въ могилѣ; это есть признакъ, что имѣемъ въ себѣ Сына, что въ насъ пребываетъ Духъ“ (Св. Злат.).

Какъ предъ свѣтомъ не можетъ устоять тьма, такъ предъ Христомъ Господомъ и Духомъ Его плотское, страстное, грѣховное. Но какъ бытіе солнца не отнимаетъ бытія тьмы; такъ и присутствіе въ насъ Сына и Духа не отнимаетъ бытія въ насъ чего-либо грѣховнаго и страстнаго, а только отнимаетъ силу его. Страстное и грѣховное, какъ только случай, тотчасъ выступаетъ и предлагаетъ себя сознанію и произволенію. Если сознаніе обратитъ на то вниманіе и займется тѣмъ, то туда же можетъ уклониться и произволеніе. Но если сознаніе и произволеніе въ этотъ моментъ перейдутъ на сторону духа и обратятся ко Христу Господу и Духу Его; то все плотское и страстное тотчасъ исчезаетъ, какъ дымъ отъ дуновенія вѣтра. Это и значитъ—плоть мертва, безсильна.—Таковъ всеобщій законъ жизни истинныхъ

христіанъ. Но есть степени. Когда кто неисходно пребываетъ сознаніемъ и произволеніемъ на сторонѣ духа въ живомъ осязаемомъ общеніи со Христомъ Господомъ въ Духѣ Его; то въ ту пору плотское и страстное и показаться не можетъ, какъ предъ солнцемъ—тьма и предъ пламенемъ—холодъ. Тутъ плоть совсѣмъ мертва—недвижима. Эту степень и разумѣетъ въ настоящемъ мѣстѣ св. Павелъ. Св. Макарій Египетскій нерѣдко живописуетъ сію степень. А общій порядокъ духовной жизни лучше всѣхъ описанъ у преподобнаго Исихія. Сущность его наставленій въ слѣдующемъ: когда возстаетъ плоть и страсть, отворотись отъ нихъ невниманіемъ, презрѣніемъ, непріязнію, и обратись молитвенно ко Христу Господу, въ тебѣ сущему, — и плотское и страстное тотчасъ отойдетъ.

Духъ же живетъ правды ради. По-гречески стоитъ: не—*живетъ*, а—жизнь: духъ же — жизнь правды ради. Духъ здѣсь разумѣется человѣческій, котораго природа есть—жизнь въ Богѣ вниманіемъ и произволеніемъ съ преданностію Ему и усерднымъ угожденіемъ чрезъ строгое исполненіе воли Его, или Его заповѣдей: въ чемъ и состоитъ правда. Жизнь правды ради есть природа духа; такъ что сказать: тогда духъ—жизнь правды ради, есть тоже, что сказать: тогда духъ нашъ становится тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ быть ему по естеству—жизнію правды ради, возстановляется въ своемъ чинѣ. Если приложимъ къ сему ту мысль, что страстное и грѣховное въ тѣлѣ и душѣ есть пришлое и прибавочное къ естеству, а оно дѣлается мертвымъ въ томъ, въ комъ Христосъ съ Духомъ Своимъ: то очевидно будетъ, какъ въ сихъ немногихъ словахъ Апостолъ изобразилъ состояніе лица, въ коемъ падшее естество человѣческое возстановлено отъ паденія въ свой естественный чинъ по духу, душѣ и тѣлу.

Такимъ образомъ здѣсь можно видѣть сводъ всей рѣчи о возстановленіи падшаго. Изобразивъ въ седьмой главѣ плачевное состояніе падшаго подъ тиранствомъ живущаго въ немъ грѣха, Апостолъ пришелъ къ вопросу: *кто мя избавитъ?* Отвѣтомъ: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ*, исповѣдалъ, что уже избавленъ и указалъ, кѣмъ избавленъ. Изъяснивъ весь ходъ избавленія въ первыхъ стихахъ восьмой главы, въ настоящемъ стихѣ ея заключаетъ: вотъ наконецъ какая устанавливается жизнь въ человѣкѣ: *плоть мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.* Это и есть въ твореніи предназначенное устроеніе человѣческой жизни.

Но исчерпывается ли этимъ вся возстановительная во Христѣ Іисусѣ сила? Нѣтъ. Ибо и человѣкъ еще оставленъ подъ видимостію тлѣнія, и природа вся работаетъ еще суетѣ. Полное возстановленіе требуетъ устраненія и сихъ неблаговидностей. И онѣ точно устранятся въ свое время, — къ указанію чего и приступаетъ теперь св. Павелъ. Предъ симъ онъ объяснилъ *образъ возстановленія;* а теперь хочетъ изобразить *пространство сего возстановленія*—въ самомъ человѣкѣ и въ природѣ видимой.

бб).

Ст. 11. *Аще ли же Духъ Воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ.*

Тутъ отвѣтъ на слѣдующее: палъ человѣкъ духовно и подпалъ смерти; но теперь онъ возстановленъ духовно: зачѣмъ же смерть?—Зачѣмъ смерть оставлена, Апостолъ не разъясняетъ, а удостовѣряетъ только, что и смерть будетъ упразднена, говоря какъбы: не безпокойтесь! оживотворены будутъ и мертвыя тѣла ваши, силою тогоже

Духа, Который живетъ уже въ васъ, по примѣру и въ силу воскресшаго Христа Господа, Который тоже въ васъ. Кто воскресилъ Господа Іисуса, Тотъ воскреситъ и ваши тѣлеса, послѣ смерти; а что дѣйствительно такъ будетъ, берите удостовѣреніе изъ воскресенія Христова и изъ дарованія вамъ Духа Святаго. О связи дара Духа съ будущимъ воскресеніемъ говорится здѣсь ясно, а о связи съ нимъ воскресенія Христова только намекается тѣмъ, что поминается о немъ. Въ другихъ же мѣстахъ посланій своихъ Апостолъ и это, какъ и первое, излагаетъ ясно, такъ что, по нему, въ самомъ воскресеніи Христовомъ мы уже воскрешены (Еф. 2, 6). Христосъ Господь—начатокъ воскресшихъ. Поелику вѣрующіе облекаются во Христа и такъ съ Нимъ сочетаваются, какъ прививокъ съ деревомъ; то и имъ необходимо быть воскрешенными; ибо нельзя членамъ оставаться въ области смерти, когда глава пребываетъ въ свѣтлости воскресенія. Но всему свое время: *кійждо въ своемъ чину: начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи въ пришествіе Его (т.-е. воскреснутъ)* (1 Кор. 15, 23).—Связь дара Духа Святаго съ нашимъ воскресеніемъ Апостолъ всюду выражаетъ тѣмъ, что называетъ Его обрученіемъ наслѣдія нашего—наслѣдія царства со Христомъ воскресшимъ, слѣдовательно послѣ того, какъ и воскрешены будемъ (Еф. 1, 14). Благодать Духа Святаго—сѣмя воскресенія, которое непремѣнно прозябнетъ, разцвѣтетъ и плодъ принесетъ въ свое время. Надобно замѣтить, что слово Апостола: *оживотворитъ.... Духомъ*—по-гречески иные читаютъ: διὰ τοῦ πνεύματος, чрезъ Духа, Духомъ, а иные: διὰ τὸ πνεῦμα,—для Духа, ради Духа. Мысль та и другая пріемлема. Наши святые толковники въ изъяснительныхъ рѣчахъ своихъ употребляютъ то и другое выраженіе, но больше послѣднее. Спорить нечего: ибо дѣло всеобщаго воскресенія есть общее Пресвятыя Троицы,—Бога Единаго—Отца

чрезъ Сына во Святомъ Духѣ, или Отца чрезъ Духа въ Сынѣ.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Апостолъ ободрилъ упованіемъ будущаго и въ достаточной мѣрѣ придалъ ревности для настоящихъ подвиговъ. Ибо говоритъ: въ скоромъ времени тѣлеса ваши будутъ безсмертны и сдѣлаются недоступными тревожащимъ васъ страстямъ. А сіе совершитъ самъ Богъ всяческихъ, нынѣ щедро дающій вамъ залогъ Духа. Представилъ же имъ Апостолъ въ поручительство воскресенія воскресеніе Христово.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ начинаетъ говорить о воскресеніи потому, что надежда воскресенія особенно поощряетъ слушателя и укрѣпляетъ его примѣромъ Христовымъ. Не страшися, говоритъ, что ты обложенъ смертнымъ тѣломъ. Имѣй въ себѣ Духа, и тѣло несомнѣнно воскреснетъ.—Что же это? Развѣ не воскреснутъ тѣла, не имѣющія Духа? А какъже всѣ должны предстать судищу Христову? Достовѣрно ли ужь ученіе о геенѣ? Если не имѣющіе Духа не воскреснутъ, то нѣтъ и геенны. Итакъ что же значитъ сказанное Апостоломъ? — Хотя всѣ воскреснутъ, но не всѣ въ жизнь, а одни въ наказаніе, другіе же въ жизнь. Посему не сказалъ: *воскреситъ*, но *оживотворитъ*, что означаетъ больше, нежели воскресеніе, и даровано однимъ праведнымъ. Показывая же причину сей чести, присовокупилъ: *живущимъ Духомъ Его въ васъ*. Посему ежели утратишь благодать Духа въ сей жизни и умрешь, не соблюдши ея въ цѣлости; то безъ сомнѣнія погибнешь, хотя и воскреснешь. Какъ, видя въ тебѣ блестящимъ Духъ свой, Христосъ не восхощетъ предать тебя наказанію: такъ, видя въ тебѣ Его угасшимъ, не согласится ввести тебя въ брачный чертогъ, какъ юродивыхъ дѣвъ. Итакъ не давай тѣлу жить нынѣ, дабы оно жило тогда. Пусть оно умретъ, дабы не умирать. Доколѣ пребываетъ живымъ, до-

толѣ не живетъ; а когда умретъ, будетъ жить. Тоже будетъ и при общемъ воскресеніи. Тѣло сперва должно умереть и быть погребено, а потомъ стать безсмертнымъ. Тоже совершилось и въ крещеніи. Сперва человѣкъ распятъ и погребенъ, а потомъ воскресъ. Тоже было и съ Господнимъ тѣломъ. И оно было распято и погребено, а потомъ воскресло. Поступимъ и мы также. Будемъ непрестанно умерщвлять тѣло въ дѣлахъ его. Говорю же сіе не о сущности тѣла,—совершенно не о томъ, а о наклонностяхъ къ порочнымъ дѣламъ. Ибо (даже и здѣсь на землѣ) не терпѣть въ себѣ ничего человѣческаго, не служить удовольствіямъ—составляетъ жизнь, даже единственную жизнь."

Ст. 12. *Тѣмже убо, братіе, должни есмы не плоти, еже по плоти жити.*

Должны есмы,—ὀφειλέται ἐσμέν,—должники есмы не плоти, или мы не должники плоти, чтобъ жить по плоти,—по плотскому мудрованію, по началамъ самоугодливой, сластолюбивой и страстной самости. Простерши возстановительную силу во Христѣ Іисусѣ на всю вѣчность, Апостолъ останавливаетъ вниманіе на семъ пунктѣ, и опредѣляетъ условія, подъ которыми сіе дѣло благоволенія Божія къ роду нашему можетъ быть для каждаго изъ насъ истиннымъ благомъ, блаженною жизнію сопровождающимся. Ясно сіе выраженіе въ слѣдующемъ стихѣ: жизнь по духу съ умерщвленіемъ плотскихъ дѣлъ есть условіе блаженной жизни по воскресеніи. А здѣсь показывается, что сего требуетъ и прямо законъ установившейся въ насъ жизни. Мы, говоритъ, должники не плоти, чтобъ жить по плоти. Чьи же должники?—Того, Кто установилъ въ насъ строй новой жизни,—Христа Господа, сущаго въ насъ, Духа Божія, живущаго въ насъ, Который есть источникъ того духа жизни о Христѣ Іисусѣ, Который освободилъ насъ отъ закона грѣхов-

наго и смерти. „Ибо отъ Владыки Христа улучивъ спасеніе и пріявъ благодать Духа, Ему обязаны мы воздавать долгъ служенія“ (Θеод.). „Послѣ толикой благодати мы должны жить по волѣ Божіей, а никакъ не по плоти, т. е. не во грѣхахъ, не въ поблажкахъ похотямъ плотскимъ“ (Экум.)

Св. Златоустъ говоритъ: „Показавъ, какая награда духовной жизни, именно, что ею вселяется въ насъ Христосъ, оживотворяются мертвенныя тѣла, окрыляемся къ небу, стезя добродѣтели дѣлается удобнѣйшею, — Апостолъ естественно потомъ присовокупляетъ увѣщаніе, и говоритъ: итакъ мы не должны жить по плоти. Впрочемъ не такъ онъ выражается, а гораздо разительнѣе и сильнѣе, говоря, что мы должники духу; ибо сіе разумѣлъ подъ словами: *должни есмы не плоти.* И вездѣ подтверждаетъ онъ тоже, доказывая, что все совершенное для насъ Богомъ, совершено не по долгу, а по единой благодати; напротивъ все, что мы послѣ сего дѣлаемъ для Бога, есть не даръ, а долгъ. Сіе даетъ разумѣть, когда говоритъ: *цѣною куплени есте, не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. 7, 23). Тоже самое показываетъ, когда пишетъ: *нѣсте свои* (1 Кор. 6, 19). О томъ-же самомъ поминаетъ еще и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *Христосъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (1 Кор. 5, 14. 15).— Тоже подтверждаетъ и здѣсь словами: *должни есмы не плоти,*—дабы ты опять не понялъ сего о существѣ плоти,—не остановился онъ на томъ, а присовокупилъ: *еже по плоти жити.* Многое обязаны мы дѣлать и для плоти, питать ее, грѣть, покоить, лечить отъ болѣзней, одѣвать и оказывать ей множество другихъ услугъ. Итакъ, дабы не подумать тебѣ, что Апостолъ запрещаетъ таковое служеніе плоти, сказавъ: *должни есмы не плоти*, поясняетъ это, говоря: *еже по плоти жити.* Запрещаю, говоритъ онъ,

имѣть такое попеченіе о плоти, которое доводитъ до грѣха; между тѣмъ желаю, чтобы ты заботился о ней. Сію мысль обнаружилъ и въ послѣдствіи, когда сказавъ: *плоти угодія не творите*,—не остановился на семъ, но присовокупилъ: *въ похоти* (Рим. 13, 14). Томуже и здѣсь учитъ, говоря: пусть и плоть будетъ предметомъ попеченія, потому что мы обязаны ей тѣмъ; но не должны жить по плоти, т.-е. не должны дѣлать ее госпожею своей жизни. Надобно, чтобъ она шла позади, а не впереди; чтобъ она не распоряжалась нашею жизнію, а принимала законъ духа.—Итакъ, опредѣливъ сіе и подтвердивъ, что мы обязаны Духу, потомъ, показывая какими благодѣяніями Ему обязаны, Апостолъ говоритъ не о прошедшемъ, но о будущемъ, въ чемъ и должны мы особенно дивиться его благоразумію. Хотя и прежнихъ благодѣяній было достаточно; впрочемъ не выставляетъ ихъ теперь и не говоритъ о неизреченныхъ оныхъ милостяхъ, а указываетъ на будущія. Ибо многихъ, обыкновенно, трогаетъ не столько оказанное уже благодѣяніе, сколько ожидаемое будущее.“

Ст. 13. *Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.*

Жить по плоти есть жить въ самоугодіи и по страстямъ. Если, говоритъ, станете такъ жить, то умрете. По теченію рѣчи здѣсь разумѣется смерть вѣчная. Но той смерти предшествуетъ смерть временная въ душѣ. Поелику Апостолъ писалъ къ ожившимъ въ духѣ благодатію Божіею, что надо напередъ потерять, чтобъ сдѣлаться повинными смерти; то, устрашая послѣднею, Апостолъ конечно имѣлъ въ мысли и первую. Какъ сѣмя тлѣнія, такъ и сѣмя вѣчной смерти кроется въ страстяхъ и самоугодіи. Онѣ вносятъ и въ душу и въ тѣло разъѣдающій ядъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Намѣре-

ваясь говорить о будущихъ благодѣяніяхъ, Апостолъ сперва устрашаетъ скорбными и худыми послѣдствіями плотской (страстной) жизни, и говоритъ такъ: *аще бо по плоти живете, имате умрети,* разумѣя здѣсь безсмертную смерть, т. е. казнь и мученіе въ геенѣ. Если же тщательно разсмотрѣть это,—живущій по плоти мертвъ даже и въ здѣшней жизни."—Бл. Ѳеофилактъ то и другое совмѣщаетъ въ краткомъ выраженіи: „смертію называетъ здѣсь не одну безсмертную казнь, но именуетъ смертію и жизнь, проводимую на землѣ въ злыхъ дѣлахъ."

Аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.

Духъ – жизнь въ Богѣ съ ревнованіемъ о благоугожденіи Ему вѣрностію Его заповѣдямъ, и съ отчужденіемъ отъ земнаго. Духъ вдунутъ въ наше естество и всегда требуетъ такой жизни. Но паденіемъ онъ подавленъ и сила у него отнята. Приходящая по вѣрѣ въ Господа благодать, сочетаваясь съ духомъ симъ, возстановляетъ его въ правахъ и даетъ ему силу заправлять всею сознательною и свободною жизнію человѣка, направляя ее по своей природѣ къ Богу. Кто сподобился сего, тотъ духомъ симъ, облагодатствованнымъ, умерщвляетъ *дѣянія плотская,*—не внѣшнія только, но и внутреннія,—дѣйствія и движенія вообще страстнаго и сластолюбиваго самоугодія. Такъ есть; но какъ это не превращается въ законъ естества, а держится произволеніемъ, то Апостолъ и говоритъ: *аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете,*—почитая это дѣломъ произволенія, за склоненіями котораго слѣдуетъ благодать, всегда готовая спомоществовать и снабжать духъ нашъ умерщвляющею страсти силою.

Умерщвляете, говоритъ, давая разумѣть, что сіе дѣло не совершается однажды навсегда. Однажды навсегда оно полагается только въ рѣшимости – никогда, ни въ

большомъ, ни въ маломъ, не поблажать страстямъ самоугодія, но не уничтожаетъ возможности проявляться движеніямъ сихъ послѣднихъ. Апостолъ и говоритъ: всякій разъ какъ появятся сіи движенія похотныя, страстныя, плотскія,—*умерщвляйте* ихъ, прогоняя и пресѣкая. Ибо пресѣченіе ихъ и есть умерщвленіе ихъ: появились,—и нѣтъ ихъ, когда прогнаны и пресѣчены. Опять появились, — опять гони, и не будетъ ихъ. Такъ во всю жизнь свою *умерщвляйте*, говоритъ, *дѣянія плотскія*. „Умерщвляются, когда престаютъ: ибо ихъ уже и нѣтъ. коль скоро престаютъ“ (Амвр.). Впереди, со словъ преподобнаго Исихія, уже указываемо было, какъ сіе совершается. Какъ только покажется страстное движеніе или помыслъ, оттолкни его непріязнію и затѣмъ обратись молитвенно къ Господу Іисусу Христу,—и то страстное, которое безпокоитъ, тотчасъ отойдетъ. Сіе и есть духомъ умерщвленіе плотскихъ дѣяній. „Такія дѣянія (плотскія) умерщвляются только Духомъ. Какъ скоро явится Духъ, всѣ волненія утихнутъ, всѣ страсти усмирятся,—и ничто не будетъ возставать противъ насъ.—Благодѣяніе Духа состоитъ не только въ томъ, что Онъ отпускаетъ намъ прежніе грѣхи, но и въ томъ, что дѣлаетъ насъ и впредь непобѣдимыми отъ грѣха и удостоиваетъ безсмертной жизни“ (Св. Злат.).

Если такъ, говоритъ, будетъ у васъ идти дѣло, то *живи будете*,——разумѣя жизнь вѣчную; потому что такая жизнь въ духѣ, *дѣянія плотская* всегда умерщвляющая, есть сѣмя вѣчно блаженной жизни. Сія жизнь тамъ раскрывается только въ силѣ и свѣтлости своей, зарождается же она еще здѣсь, когда благодать Духа Божія возставляетъ духъ нашъ и даетъ человѣку силу жить не по плоти, а по духу. Зародившись, она и зрѣетъ, и въ мѣрѣ зрѣлости своей туда переходитъ. Тутъ она не видна, закрыта, то нестроеніями внѣшней жизни, то

борьбами внутренними: но все зрѣетъ подъ прикрытіемъ сей невидимости. А тамъ и возсіяетъ въ свѣтлости своей. Сіе и есть—*живи будете*, если здѣсь живете духомъ и духомъ дѣянія плотская умерщвляете.

Ст. 14. *Елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи.*

Высказавъ наставленіе — жить не по плоти, а по духу,—ст. 12. 13,—какъ условіе къ воскресенію для блаженства,—ст. 11, Апостолъ теперь углубляетъ убѣжденіе, что если такъ будетъ, то они несомнѣнно будутъ наслѣдниками царства. Ибо, говоритъ, если будете жить по духу, то это будетъ значить, что вы Духомъ Божіимъ водитесь; но которые Духомъ Божіимъ водятся, тѣ суть сыны Божіи; если же сыны, то и наслѣдники. Такова мысль Апостола въ 14—17 стихахъ. Сказавъ: *сыны*, ст. 14, могъ бы онъ прямо заключить: *аще сыны, то и наслѣдники*,—ст. 17. Но онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить убѣжденіе въ сыновствѣ, кромѣ указанія на таинственное рожденіе отъ Бога и пріятія Духа въ таинствахъ крещенія и муропомазанія, еще и свидѣтельствомъ внутреннѣйшаго чувства, удостовѣряющаго, *яко чада Божіи есмы.*

Почему водящіеся Духомъ Божіимъ водятся Имъ? Потому что рождены отъ Него и, бывъ отъ Него рождены, пріяли Его въ себя. Очевидно такимъ образомъ, что водящіеся Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи. Не во внѣшнемъ состоятъ они отношеніи къ Богу, а во внутреннѣйшемъ, живомъ. Но это совершается въ таинствахъ благодатію Божіею; дѣло же жизни должно состоять въ продолженіи начатаго въ нихъ. А это какъ спѣться можетъ? Такъ, чтобы рожденные отъ Духа и водимы были Духомъ. Настоящіе сыны Божіи и суть тѣ, которые водимы бываютъ Духомъ Божіимъ. Апостолъ свелъ все дѣло къ опыту, къ свидѣтельству жизни.

Такъ нужно было ему, чтобъ, обусловивъ наслѣдіе сыновствомъ, а сыновство водительствомъ Духа, воспламенить возжелавшихъ наслѣдія вѣчнаго ревностію ходить по духу. Ибо ходящіе по духу и суть водимые Духомъ. Ты рожденъ отъ Духа, ты принялъ Духа въ таинствахъ: но этого мало: надо тебѣ быть водиму Духомъ, или водиться Духомъ,—жить по Духу. *Водятся*, значитъ, водимы бываютъ и сами себя водятъ. Духъ Божій влагаетъ руководительныя мысли, чувства и движенія, а вѣрующій соглашается на нихъ, принимаетъ ихъ въ руководство, и ими водится. Благодатное водительство дивнымъ образомъ сочетаваетъ силу Духа съ произволеніемъ человѣка.

Св. Златоустъ говоритъ: „говоря такъ, Апостолъ выражаетъ желаніе, чтобы Духъ Божій былъ господиномъ надъ нашею жизнію, какъ кормчій надъ кораблемъ, или возница надъ парою коней. Не на одно тѣло, но и на душу Апостолъ налагаетъ такую узду Самой душѣ не даетъ полномочія, напротивъ власть ея подчинилъ силѣ духа. Дабы обнадеженные даромъ крещенія не пренебрегали впредь благоустроеніемъ своей жизни, говоритъ: хотя ты и принялъ крещеніе, однакожъ, если послѣ онаго не будешь водиться Духомъ, то утратишь дарованное тебѣ достоинство и право усыновленія. Посему не сказалъ: всѣ пріявшіе Духа—сыны, но—всѣ водимые Духомъ Божіимъ. Сіе значитъ, что которые такъ ведутъ себя въ продолженіи цѣлой жизни, что водятся Духомъ, сіи суть *сынове Божіи*.—А какъ сіе достоинство дано было и Іудеямъ, ибо сказано: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 6); и еще: *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. 1, 2); и еще: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22); а также самъ Павелъ говоритъ: *ихже всыновленіе* (Рим. 9, 4); посему и объясняетъ онъ разность, какая находится между тою и другою честію. Хотя наименованія тѣже, говоритъ онъ, но вещи инаковы.“

Ст. 15. *Не пріясте бо духа работы паки въ боязнь: но пріясте духа сыноположенія, о немже вопіемъ,— Авва Отче.*

Доказываетъ, что сыновство не есть нѣчто внѣшно усвояемое, а такое, что составляетъ существенное содержаніе всего строя жизни о Христѣ Іисусѣ. Какъ водительство Духа не внѣшно, а идетъ извнутрь, ибо Духъ Божій сочетался съ духомъ нашимъ и изъ него дѣйствуетъ: такъ и сыновство, исходя изъ всего строя духовной жизни, отражается въ чувствѣ и сознаніи и составляетъ духъ жизни о Христѣ Іисусѣ. Чтобъ это яснѣе было, Апостолъ сравниваетъ духъ жизни Евангельской съ духомъ жизни подзаконной. *Не пріясте,* говоритъ, *духа работы паки въ боязнь,* какъ было подъ закономъ. Такъ говоритъ онъ только для сравненія: ибо тамъ никакого духа не принимали, но таковъ былъ духъ закона, что онъ страхомъ удерживалъ въ покорности себѣ, и бывшіе подъ нимъ покорствовали ему, какъ рабы, невольники, такъ что духъ жизни ихъ, навѣванный на нихъ всѣмъ существомъ закона, былъ духъ работы изъ страха. Духъ Евангельской жизни не таковъ: здѣсь служатъ Богу духомъ не какъ рабы, а какъ сыны въ дому, разумѣя всѣ планы домувладыки—Отца своего, входя въ нихъ, сочувствуя имъ, желая ихъ и любя. Разность духовъ и изъ этого уже очевидно велика, но она еще больше изъ того, что Евангельскій духъ сыновства не однимъ содержаніемъ Евангелія навѣвается, какъ духъ рабства ветхозавѣтнаго—содержаніемъ закона, но, что гораздо важнѣе, созидается во глубинѣ нашего духа Духомъ Святымъ, пріемлемымъ нами о Христѣ Іисусѣ. Нося сего Духа, дерзаемъ вопіять къ Богу, безпредѣльно великому и необъятному умомъ: Авва, Отче! Отче нашъ!— какъ научилъ насъ все сіе устроившій для насъ Сынъ Божій единородный и Богъ.

Пространно изъясняетъ сіи оба духа св. Златоустъ. „Минуя противоположное рабству, т.-е. духъ свободы, Апостолъ выставилъ гораздо важнѣйшее—духъ усыновленія, чрезъ который сообщается и духъ свободы.—говоря: *но пріясте духа сыноположенія.* Понятно, что значитъ духъ усыновленія; но что такое духъ рабства, сіе непонятно, а потому необходимо нужно объяснить. Сказанное Апостоломъ не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Ибо народу іудейскому не дано было Духа. Итакъ о чемъ же говоритъ здѣсь Павелъ?—Духомъ рабства назвалъ онъ письмена. Почему же ветхозавѣтныя письмена были письменами рабства?—Разсмотри весь бытъ Іудеевъ, тогда и сіе сдѣлается яснымъ. У нихъ и наказанія шли въ слѣдъ за дѣлами, и награды не отлагались вдаль, а были выдаваемы въ точной мѣрѣ, какъ поденный паекъ слугамъ; повсюду взорамъ ихъ живо представлялись ужасы, строго соблюдались тѣлесныя омовенія, осторожность въ поступкахъ. Не такъ дѣлается у насъ; мы очищаемъ помыслъ и совѣсть. Христосъ не говоритъ только: не убивай, но и—не гнѣвайся; или только: не прелюбодѣйствуй, но и: не смотри нечистымъ окомъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы не изъ страха настоящей казни, а изъ любви къ Нему снискали навыкъ въ добродѣтели и успѣвали во всемъ прочемъ. Намъ Богъ не обѣщаетъ земли текущей медомъ и молокомъ, но дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Единороднаго, и всѣми мѣрами старается отклонить насъ отъ настоящихъ благъ и обѣщаетъ преимущественно даровать такія, какія приличны содѣлавшимся сынами Божіими. У насъ ничего нѣтъ чувственнаго, ничего тѣлеснаго, но все духовно. Іудеи хотя назывались сынами, но какъ рабы; а мы, какъ сдѣлавшіеся свободными, получили усыновленіе и ждемъ себѣ неба. Съ Іудеями Богъ бесѣдовалъ чрезъ другихъ, а съ нами Самъ лично. Іудеи все дѣлали будучи къ тому

побуждаемы страхомъ наказанія; а духовные все дѣлаютъ по внутреннему расположенію и любви, что и доказываютъ, преуспѣвая сверхъ предписаннаго въ заповѣдяхъ. Іудеи, какъ наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христіане угождаютъ Отцу. Тѣ, будучи облагодѣтельствованы, богохульствовали; а мы, бѣдствуя, благодаримъ. Хотя грѣшники и нынѣ не остаются безъ наказанія, но и въ семъ большая разность. Іудеевъ священники побивали камнями, жгли, увѣчили, а насъ обращаютъ иначе; для насъ довольно отлученія отъ Отчей трапезы, удаленія ея на нѣкоторое число дней отъ нашего взора. Для Іудеевъ усыновленіе было титломъ только на словахъ; для насъ оно сопровождается дѣйствительностію, очищеніемъ посредствомъ крещенія, дарованіемъ Духа и ниспосланіемъ прочихъ благъ.—Апостолъ, все сіе обозначивъ словами: духъ страха и сыноположенія, приводитъ новый доводъ въ подтвержденіе, что мы имѣемъ духа усыновленія. Какой же именно?—*О немже вопіемъ: Авва, Отче!* Сколь силенъ сей доводъ, знаютъ о семъ просвѣщенные; ибо сіе слово есть первое, какое предписано имъ произносить въ таинственной молитвѣ. А какъ, спросишь, развѣ Іудеи не называли Бога Отцемъ? Не слышишь ли, что говоритъ Моисей: *Бога рождшаго тя оставилъ еси?* (Втор. 32, 18). Не слышишь ли, какъ Малахія укоряетъ и говоритъ, что Богъ одинъ создалъ насъ и есть Отецъ всѣмъ намъ? (—2, 10). Но хотя приведены будутъ сіи и другія многія мѣста Писанія; впрочемъ нигдѣ не найдемъ, чтобы Іудеи называли симъ именемъ Бога, и молились Ему, какъ Отцу. У насъ же и священнослужителямъ, и мірянамъ, и начальникамъ, и подчиненнымъ, всѣмъ велѣно такъ молиться. Первое слово, произносимое по чудесномъ ономъ рожденіи, совершающемся по новому и необычайному уставу, есть: *Отче*! Притомъ, если Іудеи называли когда Бога Отцемъ,

то отъ своего ума; а живущіе по благодати именуютъ Его такъ, будучи движимы силою Духа. Какъ есть духъ мудрости, посредствомъ котораго немудрые стали мудрыми, и обнаружили то въ ученіи; какъ есть и духъ силы, посредствомъ котораго немощные воскрешали мертвыхъ и изгоняли бѣсовъ; какъ есть также духъ дара исцѣленій, духъ пророчества, духъ языковъ: такъ есть и духъ усыновленія. И какъ о духѣ пророчества знаемъ, что имѣющій его предсказываетъ будущее, и говоритъ то не отъ своего ума, но будучи движимъ благодатію: такъ тоже должно сказать и о духѣ усыновленія, что пріявшій его именуетъ Бога Отцемъ, будучи движимъ къ тому Духомъ. Апостолъ, желая показать, что мы сыны по рожденію, употребилъ и еврейское слово; не сказалъ только, — Отче, но — *Авва Отче*! ибо такъ преимущественно называютъ Отца подлинныя его дѣти."

Относительно сего послѣдняго прибавленія бл. Θеодоритъ замѣчаетъ: „Апостолъ прибавилъ: *Авва,* показывая дерзновеніе призывающихъ. Малыя дѣти, пользуясь большею предъ отцемъ свободою, такъ какъ разсудокъ ихъ еще несовершенъ, чаще употребляютъ слово сіе въ обращеніи къ отцамъ. Такъ и мы, по неизреченному Его человѣколюбію и по безмѣрной благости, какъ повелѣно, Отцемъ называемъ Творца всяческихъ; но не знаемъ, сколько разности между Имъ и нами, и себя самихъ не разумѣя въ точности, объ Его же естествѣ и совершенно не имѣя познанія."

Къ сему Амвросіастъ такой прилагаетъ урокъ. „Благодатію Божіею бывъ освобождены отъ страха, пріяли мы Духа сыноположенія; чтобъ, смотря на то, чѣмъ были и что по дару Божію получили, съ крайнимъ тщаніемъ благоустроияли мы жизнь свою, дабы имя Бога Отца не терпѣло въ насъ оскорбленія, и мы, ставъ неблагодарными, опять не подверглись тому, отъ чего избавлены.

Такую получили мы благодать, что дерзаемъ взывать: *Авва, Отче!* Это самое и должно побуждать насъ блюстись, да не, получивъ такое дерзновеніе, впадемъ въ безразсудство недолжной жизни; ибо если будемъ несходную такому взыванію: *Авва Отче'* являть жизнь,—то оскорбленіе Богу будемъ причинять всякій разъ, какъ назовемъ Его Отцемъ своимъ Ибо того ради Онъ по благости Своей позволилъ намъ то, что выше нашего естества, чтобы мы дѣлами своими заслуживали то, чего недостойны по существу своему."

Въ этомъ изреченіи отвѣтъ на то: какъже такъ—Духа сыноположенія пріяли мы, а не чувствуемъ, что мы сыны?—Не имѣемъ жизни сыновней,—духъ сыновства и отошелъ. Ибо если не бываетъ сего несчастія; то внутри глубоко живетъ удостовѣреніе, что мы чада Божіи, какъ говоритъ сейчасъ Апостолъ:

Ст. 16. *Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія.*

Спослушествуетъ,—συμμαρτυρεῖ.—сосвидѣтельствуетъ. Свидѣтельствуетъ нашъ духъ, что мы чада Божіи, и сосвидѣтельствуетъ ему Духъ Святый. Два свидѣтеля, при коихъ станетъ всякій глаголъ (2 Кор. 13, 1), слѣдовательно и глаголъ о чадствѣ нашемъ Богу. Духъ нашъ и по естеству можетъ свидѣтельствовать о семъ, какъ услышали нѣкоторые изъ мудрецовъ и на основаніи того утверждали, что мы — родъ Божій (Дѣян. 17, 28). Но это свидѣтельство въ падшемъ глухо и почти неслышно за шумомъ, внутри насъ дѣющимся. Но когда возстановляется духъ нашъ благодатію Божіею, тогда свидѣтельство его дѣлается яснымъ и ясно слышится. Хотя оно—даръ благодати, какъ даръ благодати и самое возстановленіе духа нашего въ правахъ и силѣ его; но поелику благодать пріискренне сочетавается съ духомъ нашимъ и становится едино съ нимъ, то все благодатное чрезъ нашъ духъ

дѣйствуется,—имъ пріемлемо будучи отъ Духа Божія, имъ же возвѣщается во внутреннемъ мірѣ нашемъ. Почему предъ симъ и сказалъ Апостолъ: *о немже вопіемъ: Авва, Отче*! Духъ благодати даетъ нашему духу силу и дерзновеніе такъ вопіять, но вопіемъ мы. Сему-то гласу, изъ глубины духа нашего исходящему, сосвидѣтельствуетъ самый Духъ. Какъ? Вѣроятно особымъ нѣкіимъ свидѣтельствомъ, не изъ глубины духа нашего исходящимъ. но хотя въ духѣ. однакожъ совнѣ слышимымъ и въ немъ отражающимся, отъ Духа же Божія идущимъ. Если мы за свидѣтельство духа нашего примемъ дѣтское чувство къ Богу, состоящее въ простотѣ несомнѣннаго довѣрія Богу и преданія себя Ему, яко не могущему оставить насъ ни въ чемъ; то за свидѣтельство Духа можно принять удостовѣреніе, что такое отношеніе къ Богу истинно, необманчиво и самому Богу угодно (Экум.).

Но можно сіе мѣсто понимать не какъ новое удостовѣреніе въ чадствѣ Богу, а какъ выводъ изъ предыдущаго, такъ: пріяли мы духа сыноположенія; такимъ образомъ самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы чада Божіи. Духу нашему — будетъ — нашему чувству, нашему сознанію, вслѣдствіе чего и вопіемъ: *Авва, Отче*! Св. Златоустъ говоритъ: „мнѣ даетъ силы, говоритъ Апостолъ, не только слово (Авва, Отче!), но и причина, порождающая слово. Ибо произношу оное по внушенію Духа; что еще яснѣе выразилъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче*! (Гал. 4, 6).— Что значитъ: Духъ спослушествуетъ духови?—Утѣшитель, говоритъ Апостолъ, свидѣтельствуетъ о сообщенномъ намъ дарованіи. Ибо слово сіе есть не только голосъ дарованія, но и голосъ Утѣшителя, подавшаго даръ. Самъ Онъ посредствомъ дарованія научилъ насъ выговаривать слово сіе. А когда свидѣтельствуетъ Духъ,

остается ли мѣсто недоумѣнію? Еслибы обѣщалъ то человѣкъ, или Ангелъ, Архангелъ, или другая какая сила, иные были бы въ правѣ усомниться; но когда Высочайшее существо и даруетъ сіе и свидѣтельствуетъ о семъ тѣмъ словомъ. какъ велѣно произносить въ молитвѣ, тогда можетъ ли кто сомнѣваться въ достоинствѣ? Если царь кого-нибудь жалуетъ и при всѣхъ объявляетъ чинъ его, никто изъ подданныхъ не осмѣлится тому противорѣчить.“

Но оба эти пониманія не противорѣчатъ другъ другу. Что въ первомъ говорится раздѣльно, то во второмъ утверждается въ совокупности. Важнѣе для насъ остановиться вниманіемъ на томъ, сколь таинственно сіе свидѣтельство. Блаженны христіане, къ которымъ пиша Апостолъ утверждалъ, что они имѣютъ такое свидѣтельство. Оно было для нихъ осязательно ясно. Въ наше время оно порождаетъ только изумленіе. Догматически мы не можемъ не полагать, что такъ должно быть, но опытнымъ въ томъ удостовѣреніемъ кто изъ насъ похвалится?—Одолѣлъ насъ духъ міра. И движенія Духа Божія мало внятны намъ. Но это не колеблетъ той истины, что вѣрные Духу Божію, дѣйствительно, носятъ въ себѣ сіе свидѣтельство Духа, или постоянно слышатъ его. Кто же вѣренъ Духу? Кто водится Духомъ.—Опять таинственно. Вотъ понятнѣе: кто духомъ живя въ Богѣ, ревнуетъ всячески благоугождать Богу исполненіемъ воли Его, выраженной въ заповѣдяхъ,—кто таковъ, тотъ непремѣнно доходитъ до чувства чадства Богу и слышитъ въ себѣ свидѣтельство о томъ Духа. Это—верхъ роста,—конецъ пути. Но удостовѣряютъ, что и въ самомъ началѣ дается ощутить сіе.—О такой практической сторонѣ сего свидѣтельства пишетъ Амвросіастъ: „Когда мы дѣйствуемъ добрѣ и когда Духъ Святый ради сего пребываетъ въ насъ; тогда гласу тому и духу нашему,

взывающему въ молитвѣ: *Авва Отче,* сей Духъ Божій, пока пребываетъ въ насъ, даетъ свидѣтельство, что мы не неразумно говоримъ: *Авва Отче.* Ибо достойную гласа сего жизнь изъявляемъ, такъ какъ то и есть вѣрное свидѣтельство о чадахъ (что они чада), когда чрезъ Духа видится въ нихъ отчій знакъ (отчій нравъ и духъ жизни).“

Ст. 17. *Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу: понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.*

Доказалъ, что чада. Отсюда само собою уже слѣдуетъ, что и наслѣдники. Дѣти у отца—наслѣдники. Но у людей дѣти становятся наслѣдниками по смерти отца, а у Бога не такъ: Его чада дѣлаются наслѣдниками послѣ своей смерти. Похоже на то, какъ еслибы какой отецъ, котораго дѣти самовольно разбѣжались по чужимъ странамъ, отдѣлилъ каждому его часть и постановилъ: какъ только кто раскается и воротится ко мнѣ, такъ вступитъ въ обладаніе своей части. Такъ и люди отбѣгли отъ Отца своего небеснаго и странствуютъ на сей землѣ. Милостивый Отецъ небесный постановилъ, что если кто раскается и возвратится къ Нему, Отцу своему, то получитъ свою часть, а во свидѣтельство, что такъ будетъ, даетъ обращающимся Духа Святаго Своего, полученіе котораго означаетъ, что и чадство таковымъ опять возвращается и наслѣдіе за ними утверждается, которое и получатъ, какъ только перейдутъ чрезъ смерть изъ чужой страны въ родную,—только бы снова не отвращались до того отъ Отца своего, милующаго ихъ. „Наслѣдіе у Бога не какъ у людей бываетъ, пишетъ Амвросіастъ. У Него оно есть даръ отца дѣтямъ повинующимся, такъ что живой дѣлается наслѣдникомъ живаго, не по случаю смерти отца, а по своему чину—сына. Это изобразилъ Господь въ притчѣ о блуд-

номъ сынѣ, введенномъ, по благости отца, въ наслажденіе всѣми благами сыновства, ради одного возвращенія къ отцу.—И Апостолъ, чтобъ сдѣлать насъ готовыми повиноваться Отцу небесному, убѣждаетъ къ тому такою же надеждою,—что будемъ за то наслѣдниками Божіими, сонаслѣдниками же Христовыми; чтобъ по величію чаемой награды, тѣмъ большее показывали мы усердіе къ дѣламъ Божіимъ, отодвигая назадъ всякую заботу о мірскомъ."

Зачѣмъ прибавлено: *снаслѣдницы же Христу?* Для точнѣйшаго опредѣленія мѣры наслѣдія и полнѣйшаго удостовѣренія въ несомнѣнности полученія его. Сокровища Божіи необъятны. Не всѣхъ ихъ можно быть наслѣдникомъ, а части, но какой? Можно полагать: и большой, и малой—какъ благоволитъ Раздающій наслѣдіе. Такъ какъ такая неопредѣленность могла бы омрачать свѣтлость и отраду упованія; то Апостолъ опредѣлилъ и родъ и мѣру наслѣдія, сказавъ, что мы сонаслѣдники Христу. „Поелику нерѣдко и слуга получаетъ нѣкоторую часть отъ господина, впрочемъ не дѣлается чрезъ то соучастникомъ сына; то Апостолъ прибавилъ: *снаслѣдницы же Христу*, чтобъ обнаружить несказанное человѣколюбіе" (Θеод.). Этимъ онъ „возвышаетъ цѣну наслѣдія, удостовѣряя, что мы будемъ находиться близко къ Господу нашему и Спасителю" (Экум.). „Что значитъ быть *снаслѣдниками Христу*, сему научаетъ насъ Апостолъ Іоаннъ, говоря: *егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ін. 3, 2)" (Амвр.). Этимъ же прибавленіемъ возвышается и несомнѣнность полученія наслѣдія. Ибо то уже несомнѣнно, что Христосъ Господь пребываетъ одесную Бога Отца во славѣ. Если вѣрующіе становятся едино съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, облекаются въ Него, прививаются къ Нему, какъ вѣтви къ дереву; то нельзя уже сомнѣваться, что гдѣ Онъ, тамъ и они будутъ, какъ

и самъ Онъ божескими устами Своими удостовѣрилъ. Напоминая о семъ, Апостолъ говоритъ какъбы: такъ не сомнѣвайтесь; вы всеконечно наслѣдники.

Замѣтимъ: Отецъ дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Сына, ради живущаго въ насъ Духа. Все въ христіанствѣ возводится къ живоначальной Троицѣ, да будетъ все отъ Отца въ Сынѣ чрезъ Святаго Духа. или чрезъ Сына во Святомъ Духѣ.

вв).

Указалъ Апостолъ одну часть пространства возстановительной силы Христовой, — имѣющей открыться въ воскресеніи вѣрующихъ для блаженной жизни, которая есть несомнѣнное ихъ наслѣдіе. Приступаетъ теперь къ объясненію другой—возстановленію всей твари въ ея предопредѣленный чинъ, съ коего она была сдвинута паденіемъ человѣка,—царя своего и главы. На переходѣ же къ тому останавливаетъ вниманіе на прискорбномъ внѣшнемъ положеніи христіанъ, которое, съ одной стороны, являя христіанъ и въ семъ отношеніи подобными Христу, подтверждаетъ несомнѣнность наслѣдія, съ другой—наводитъ на мысль, что и вся тварь, находящаяся въ подобномъ же положеніи прискорбномъ, не лишена надежды—быть нѣкогда въ положеніи лучшемъ и отраднѣйшемъ.

Понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.

Понеже,—по-гречески—εἴπερ, собственно—если, но въ томъ же значеніи, какъ и въ 9-мъ стихѣ: поелику, понеже. И иначе переводить не слѣдуетъ. Поставивъ: если,—извратимъ смыслъ текста. Что же хочетъ сказать Апостолъ? Онъ будто слышитъ возраженіе: говоришь, что мы Божіи наслѣдники, а посмотри, каковы мы? Скорбнѣе насъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Утѣшая ихъ, Апостолъ отвѣчаетъ: это не должно колебать нашу надежду наслѣ-

дія, а болѣе утверждать. Мы не просто страждемъ, а страждемъ за Христа и со Христомъ. И Христосъ страдалъ, но теперь во славѣ. Какъ Онъ по страданіи вошелъ въ славу, такъ войдемъ и мы. Затѣмъ и страждемъ съ Нимъ, чтобъ съ Нимъ прославиться. Ничего здѣсь не получаемъ, чтобъ все получить тамъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Не безъ намѣренія присовокупилъ сіе Апостолъ, но въ утѣшеніе получающимъ сіе посланіе (а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ); ибо они подвергались приражеміямъ искушеній всякаго рода, терпѣли поруганія, мученія, заключенія и тысячи разныхъ смертей. Посему-то слагаетъ утѣшительное слово, ободряя будущимъ, и увѣщевая мужественно приносить настоящее."

Но какъ во всѣ времена, такъ и въ началѣ не всѣ христіане бывали внѣшно страждущими; спострадателями же Христу были и эти всѣ. Какъ?—Чрезъ распинаніе себя со страстьми и похотьми. Эту мысль прилагаетъ здѣсь Амвросіастъ: „Что значитъ страдать вмѣстѣ со Христомъ? Страдать со Христомъ значитъ переносить благодушно гоненія въ надеждѣ будущихъ благъ, и плоть свою умерщвлять со страстьми и похотьми, презирая притомъ утѣхи и помпу міра. Когда все сіе умретъ въ человѣкѣ, тогда распинается міру вѣрующій въ жизнь будущаго вѣка, въ коемъ чаетъ онъ быть сонаслѣдникомъ Христу."

Ст. 18. *Непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ.*

Непщую, λογίζομαι,—держу въ умѣ и говорю языкомъ, т.-е. вполнѣ убѣжденъ. Апостолъ ставитъ себя въ положеніе страждущаго ради Христа, и сказываетъ, что воодушевляетъ его въ терпѣніи,—именно то, что всѣ эти страданія, какого бы рода они ни были, суть ничто въ сравненіи съ славою, которая за то окружитъ насъ, явится и возсіяетъ въ насъ. Держу такъ на сердцѣ,—и эти

страданія мнѣ—ничего. „Вѣнцы превосходнѣе подвиговъ, воздаянія несравнимы съ трудами, трудъ малъ, ожидаемая же польза велика; такъ что сіе ожидаемое Апостолъ назвалъ не наградою (равною труду), но славою“ — (Θеод.).

Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ не новую какую мысль предлагаетъ, а поясняетъ сказанное предъ симъ. Сказалъ: страждемъ со Христомъ, съ Нимъ и прославимся. Теперь прилагаетъ: и какъ прославимся? Такъ, что при одной мысли о той славѣ, всѣ эти страданія являются ничтожными. Но нельзя отвергнуть, что, поелику страданія были повсюдны и немалы, то онъ имѣлъ въ мысли и воодушевить тѣмъ страждущихъ. Пусть страждемъ; но подъ симъ не-краснымъ покровомъ кроется слава, которая въ свое время и откроется. Нынѣ не является сія слава вовнѣ, потому что состояніе нынѣшняго вѣка не можетъ вмѣстить сіянія этой славы. Чтобы она явилась въ своей силѣ, надо преобразить весь міръ,—все нынѣшнее состояніе тварей.

Св. Златоустъ всесторонне и пространно излагаетъ мысли, какія подаетъ настоящій текстъ. „Въ предыдущихъ стихахъ Апостолъ требуетъ духовнаго исправленія нравовъ; ибо говоритъ: вы должны жить не по плоти, т.-е. должны удаляться похоти, гнѣва, сребролюбія, тщеславія, зависти. А теперь, когда уже привелъ на память вѣрующему всю великость дара и въ настоящемъ, и въ будущемъ, когда вознесъ и возвысилъ его надеждами, сблизилъ его со Христомъ, объявилъ сонаслѣдникомъ Единороднаго,—теперь требуетъ, чтобы онъ смѣло и надежно шелъ на бѣдствія. Ибо не одно и тоже значитъ преодолѣвать собственныя страсти и переносить внѣшнія искушенія, побои, голодъ, переселенія, узы, оковы, веденіе на казнь. Для послѣдняго надобно имѣть въ душѣ болѣе благородства и бодрости. Замѣть же, какъ Апо-

столъ вмѣстѣ низлагаетъ и ободряетъ помышленія подвижниковъ. Показавъ, что награды выше трудовъ, побуждаетъ къ большимъ трудамъ и не попускаетъ высоко о себѣ думать, какъ побуждаемыхъ воздаяніемъ вѣнцовъ. Въ другомъ мѣстѣ, обращая рѣчь къ людямъ, болѣе успѣвшимъ въ любомудріи, онъ говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. 4, 17). Но здѣсь не признаетъ страданій легкими, а утѣшаетъ въ нихъ воздаяніемъ будущихъ благъ, говоря: *непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене.* И не сказалъ: ничего не стоятъ въ сравненіи съ будущимъ покоемъ, но, что гораздо сильнѣе, въ сравненіи съ будущею славою. Гдѣ покой, тамъ не всегда еще слава; а гдѣ слава, тамъ конечно и покой. Потомъ, сказавъ, что слава есть будущая, доказываетъ, что она уже началась. Ибо не сказалъ: въ сравненіи съ тою, которая будетъ, но— которая откроется. Слѣдовательно и теперь она есть но что скрыта, что яснѣе выразилъ въ другомъ стихѣ, сказавъ: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 2, 3). Надѣйся получить эту славу; она готова уже и ожидаетъ твоихъ трудовъ. Тебя огорчаетъ то, что это еще впереди; но сіе-то самое и должно радовать тебя. Ибо тамъ уготована слава величайшая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояніе. Не безъ намѣренія сказалъ Апостолъ: *страсти нынѣшняго времене;* симъ хочетъ онъ показать, что будущая слава превосходитъ настоящую, не только качествомъ, но и количествомъ. Нынѣшнія страданія, каковы бы они ни были, прекращаются съ настоящею жизнію; а будущія блага простираются въ безконечные вѣки. И поелику Апостолъ не могъ подробно исчислить и изобразить ихъ словомъ, то наименовалъ славою, такъ какъ слава для насъ кажется всего важнѣе, славу почитаемъ верхомъ и нача-

ломъ всѣхъ благъ. Апостолъ употребляетъ и другой способъ для возбужденія слушателей, усиливаетъ рѣчь указаніемъ на твореніе, предполагая въ слѣдующихъ словахъ двѣ цѣли: внушить презрѣніе къ настоящему и желаніе будущаго. Кромѣ же сего имѣетъ и третью цѣль, которую правильнѣе назвать первою, именно показать, сколь много Богъ печется о человѣческомъ родѣ и въ какой чести у Него естество наше. Сверхъ же того, симъ же ученіемъ, какъ паутину и дѣтскія игрушки, разрушаетъ всѣ толки философовъ, составленные ими о мірѣ семъ (ибо онъ будетъ инъ). Но для большей ясности выслушаемъ собственныя Апостольскія слова."

Ст. 19. *Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ.*

„Слова сіи, продолжаетъ св. Златоустъ, имѣютъ такой смыслъ: самая тварь сильно мучится, ожидая съ заботливостію тѣхъ благъ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Ибо чаяніе есть самое заботливое ожиданіе. А дабы рѣчь была выразительнѣе, Апостолъ олицетворяетъ весь міръ сей. Такъ дѣлаютъ Пророки,—у нихъ рѣки рукоплещутъ, холмы скачутъ, горы прыгаютъ; но поэтому не должны мы считать ихъ одушевленными и приписывать имъ сколько-нибудь смысла, напротивъ должны заключать о изобиліи будущихъ благъ, простирающихся и на самыя безчувственныя твари. Тоже самое нерѣдко дѣлаютъ Пророки при изображеніи чего-либо печальнаго,—тогда виноградникъ у нихъ плачетъ, вино, горы и своды въ храмахъ воютъ, чѣмъ и выражаютъ они чрезмѣрность золъ. Такъ Апостолъ,подражая Пророкамъ, олицетворяетъ здѣсь твореніе и говоритъ, что оно воздыхаетъ и мучится, не потому, чтобы дѣйствительно слышалъ вздохи земли или неба, но дабы выразить изобиліе будущихъ благъ и желаніе освободиться отъ настоящихъ золъ."

Приступаетъ Апостолъ къ указанію участія и всей твари въ возстановленіи падшаго человѣка, имѣющемъ

во славѣ открыться въ будущемъ вѣкѣ. Возстановленіе уже дѣйствуетъ, но внутри; въ будущемъ же вѣкѣ явится и во внѣ. Нынѣ оно не открывается въ своей свѣтлости, потому что та свѣтлость невмѣстима для нынѣшняго состоянія вещей. Но тогда нынѣшнее состояніе тварей измѣнится и будетъ примѣнено къ свѣтлому состоянію возстановленнаго и обновленнаго человѣческаго естества. Тварь и ждетъ этого откровенія во славѣ чадъ Божіихъ обновленныхъ и возстановленныхъ, потому что съ этимъ соединено ея собственное возстановленіе и обновленіе. Не просто чаетъ сего откровенія, чтобъ посмотрѣть только, но потому что и сама будетъ въ той славѣ участницею.

Симъ изображается и величіе будущаго прославленія со Христомъ; ибо показывается, что оно такъ велико и блестяще, что вся тварь рвется къ нему. „Не видите ли, говоритъ какъбы Апостолъ, небо, землю, море, воздухъ, солнце, луну, всю видимую тварь, и сверхъ сего и невидимыхъ тварей, Ангеловъ, Архангеловъ, Силы, Власти, Господства? Все это ожидаетъ нашего явленія въ совершенствѣ и славѣ“ (Θеод.). Изображается и участіе всей твари въ семъ прославленіи чрезъ участіе и ея въ возстановительной силѣ Христовой. Экуменій пишетъ: „Сама тварь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашей будущей славы. Почему?—Потому что, бывъ создана нетлѣнною, по причинѣ грѣховъ человѣческихъ сдѣлалась тлѣнною; ибо и мы изъ нетлѣнныхъ сдѣлались тлѣнными. И такъ тварь желаетъ, чтобы люди опять вступили въ свое нетлѣніе, дабы и она могла получить свое нетлѣніе. Ибо когда человѣкъ, чрезъ котораго она сдѣлалась тлѣнною, получитъ нетлѣніе, тогда и она вмѣстѣ съ нимъ получитъ свойственное ей нетлѣніе.“ Приходитъ при семъ на мысль, что какъ слава чадъ Божіихъ откроется тогда, а созидается еще нынѣ, такъ и тварь явится тогда во славѣ, которая созидается въ ней невидимо еще нынѣ.

Будущее славное состояніе всей твари и видимой промыслительными дѣйствіями всемогущества Божія созидается незримо и нынѣ, а тогда откроется и зримо будетъ.

Стт. 20. 21. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы тлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.*

Продолжаетъ олицетвореніе твари, открывая, на какомъ основаніи тварь чаетъ быть соучастницею въ славѣ чадъ Божіихъ. На томъ основаніи, что такъ первоначально, вслѣдъ за паденіемъ человѣка, положено—побыть ей въ этой некрасной видимости только до времени Создана она не такою, какъ теперь видится, но понижена и облечена въ эту траурную одежду, въ примѣненіе ея состоянія къ состоянію падшаго. И какъ сему падшему дана надежда возстановленія; то въ этомъ дарованіи падшему надежды возстановленія заключается постановленіе, что когда совершится то возстановленіе, снимется и съ твари ея печальная одежда, избавится и она отъ работы суетѣ и тлѣнію.

Подчиненіемъ суетѣ и работою тлѣнію означается нынѣшнее несвѣтлое состояніе твари видимой. Подчиненіе суетѣ можетъ быть и то значитъ, что она стала служить множеству пришлыхъ потребностей человѣка, между которыми много ненужныхъ, пустыхъ, суетныхъ, страстныхъ, грѣховныхъ. Но прямѣе суета есть непрочность бывающаго, тоже что работа тлѣнію.—Амвросіастъ пишетъ: „Что значитъ: *суетѣ повинуся,* если не то, что все, раждаемое ею, непрочно и непостоянно? Она работаетъ, чтобъ производить плоды тлѣнные. Тлѣніе и есть суета. Ибо все пораждаемое въ мірѣ нетвердо, измѣнчиво и чрезъ то суетно. Суетно потому, что не можетъ удерживать состоянія своего: въ ней все течетъ, измѣняетъ образъ свой и мятется. Это же разумѣлъ и Соломонъ, когда сказалъ, что все суета. Все въ ней слагает-

ся и разлагается, не постоитъ,—хотя очевидно, подъ сею текучестію скрывается нѣчто постоянное, неизмѣнное, лучшее. Прозрѣвая въ то сокровенное лучшее, Апостолъ то лучшее считаетъ существеннымъ, а видимость твари неприглядную—случайною: *повинуся,* говоритъ, *неволею.*

Неволею; но она и не имѣетъ воли. Все въ ней есть и бываетъ по волѣ Создавшаго. Это означаетъ, что, по планамъ Божіимъ, твари не слѣдовало быть въ такомъ состояніи. Вседержитель понужденъ былъ поставить ее въ сіе состояніе паденіемъ главы ея—человѣка. Поелику привзошло сіе послѣднее; то Онъ нашелъ необходимымъ подчинить и тварь, созданную для человѣка, тому же, чему подпалъ человѣкъ произволеніемъ. Но какъ?—Такъ ли, что, провидя паденіе человѣка, Онъ и создалъ тварь такъ, какъ прилично быть ей при падшей главѣ, — съ тѣмъ однакоже, чтобъ, когда возстановленъ будетъ падшій, приподнять ее въ мѣру его возстановленнаго состоянія; или она создана была въ лучшемъ состояніи, въ какомъ былъ и первозданный, а потомъ низведена въ худшее, когда палъ человѣкъ, съ тѣмъ, что и опять возстановлена будетъ въ лучшемъ видѣ, когда возстановится глава ея? Св. Апостолъ не рѣшаетъ этого. Онъ смотритъ на то, что есть, и предрекаетъ, что будетъ, не поднимая завѣсы, скрывающей отъ насъ первоначаліе твари. Такъ поступаютъ и наши толковники; и только мимоходомъ выражаются такъ, что ихъ мысль подходитъ будто—то къ первому, то ко второму.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „научаетъ здѣсь Апостолъ, что вся видимая тварь получила въ удѣлъ естество смертное, потому что Творецъ всяческихъ провидѣлъ преступленіе Адама и тотъ смертный приговоръ, который будетъ на него произнесенъ.—И было бы неприлично и несправедливо—тому, что для него создано, получить въ удѣлъ нетлѣніе, а ему самому, ради кого все это созда-

но, быть тлѣннымъ и смертнымъ. Но когда онъ чрезъ воскресеніе пріиметъ безсмертіе, тогда и созданное для него получитъ также въ удѣлъ нетлѣніе. Посему сказуетъ Апостолъ, что видимая тварь ожидаетъ сего переворота; потому что она содѣлалась измѣняемою не волею, но изъ любви къ опредѣленію Создавшаго. Видя же попеченіе о насъ, надѣется сего переворота.“

На упованіи,—внѣ олицетворенія, означаетъ, что таковъ первоначально былъ планъ у Бога, чтобы тварь до времени только пребыла въ такомъ плачевномъ состояніи, пока и люди пробудутъ въ немъ же, а когда они вступятъ въ предопредѣленную имъ славу, тогда и она облечется въ свѣтлую одежду нетлѣнія. Апостолъ строго держитъ соотвѣтствіе въ состояніяхъ человѣка и видимой твари. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *суетѣ тварь повинуся?* Сдѣлалась тлѣнною. Для чего же и отъ чего? Отъ тебя, человѣкъ. Поелику ты получилъ смертное и подверженное страданіямъ тѣло, то и земля подверглась проклятію, произрастила тернія и волчцы. А что и небо, состарѣвшись, будетъ наконецъ имѣть лучшій жребій, послушай, какъ говоритъ о семъ Пророкъ: *въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ и яко одежду свіеши я, и измѣнятся* (Пс. 101, 26. 27). Видишь ли, какъ тварь, послуживъ суетѣ, освободится отъ тлѣнія? Онъ говоритъ: *яко одежду свіети я, и измѣнятся.* Тоже самое говоритъ и Павелъ въ послѣдствіи; а теперь разсуждаетъ о работѣ (твари тлѣнію) и показываетъ, отъ чего она произошла, и причиною почитаетъ насъ самихъ. И такъ чтоже? Ужели тварь, терпя сіе за другаго, терпитъ обиду? Ни мало. Она для меня и существуетъ. А если существуетъ для меня, то какая для ней обида, когда терпитъ сіе для моего исправленія? А иначе къ неодушев-

ленному и безчувственному нельзя даже приложить понятія о справедливомъ и несправедливомъ (т.-е. иначе, какъ поставляя тварь въ служебное отношеніе къ человѣку). Но Апостолъ не входитъ въ такія разсужденія, а спѣшитъ выставить другую мысль. Что ты говоришь, разсуждаетъ онъ, будто тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала тлѣнною? Ей не сдѣлано симъ никакой обиды; потому что чрезъ тебя же она и опять будетъ нетлѣнною. Сіе значитъ: *на упованіи.*“

Яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.

„Что значитъ: *сама?* Не ты одинъ, но что гораздо тебя ниже, что не имѣетъ ни смысла, ни чувства, и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ. То есть, не будетъ уже тлѣнною, но сдѣлается соотвѣтственною благообразію тѣла твоего. Какъ тварь учинилась тлѣнною, когда тѣло твое стало тлѣннымъ; такъ, когда тѣло твое возстанетъ нетлѣннымъ, и тварь послѣдуетъ за нимъ и содѣлается соотвѣтственною ему. Сіе самое выражаетъ Апостолъ. присовокупляя: *въ свободу славы чадъ Божіихъ*, т.-е., посредствомъ свободы. Какъ кормилица, воспитавшая царскаго сына, когда взойдетъ онъ на отеческій престолъ, имѣетъ свою долю въ царственныхъ его благахъ; такъ и тварь, по словамъ Апостола. Примѣчаешь ли, какъ человѣкъ вездѣ впереди, и что все для него дѣлается?—Видишь ли также, какъ Апостолъ утѣшаетъ подвижника, и доказываетъ неизреченное Божіе человѣколюбіе? Что сѣтуешь въ искушеніяхъ, говоритъ онъ? Ты терпишь самъ за себя, а тварь за тебя терпитъ. И не только утѣшаетъ, но и доказываетъ достовѣрность сказаннаго имъ. Если надѣется тварь, которая для тебя стала тѣмъ, что она теперь; тѣмъ болѣе надѣйся ты, чрезъ кого тварь будетъ наслаждаться всѣми оными благами. И у людей есть обыкновеніе одѣвать слугъ въ

богатое платье для чести сына, когда ему надо показаться въ свѣтѣ прилично. Такъ и Богъ облечетъ тварь нетлѣніемъ *въ свободу славы чадъ Божіихъ.*“

Въ свободу — отъ тлѣнія, т.-е., совлечется тлѣнія и облечется въ нетлѣніе соотвѣтственно славѣ чадъ Божіихъ. Если чада сіи, по Апостолу, облекутся въ нѣкое духовное тѣло; то не будетъ ли и вся тварь состоять изъ тончайшихъ стихій,—подобно разнообразному сочетанію радужныхъ цвѣтовъ?!

Ст. 22. *Вѣмы бо, яко вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ.*

Вѣмы бо. Это слово наводитъ на мысль, что въ рѣчи Апостола болѣе нежели олицетвореніе. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ предположить общее всей твари сокровенное сѣтованіе о печальномъ ея вмѣстѣ съ нами положеніи?—Животныя имѣютъ смыслъ и чувство, въ растеніяхъ явны слѣды чувства и влеченій: что мѣшаетъ предположить темное нѣкое чутье и въ процессахъ кристаллизаціи и химическаго сродства? А за этимъ останется уже кое-что, въ чемъ не видится будто никакого чутья, стихіи и силы. Но и надъ ними слѣдуетъ предположить нѣчто господствующее, распоряжающееся, заправляющее. Если допустимъ въ семъ послѣднемъ нѣкое чутье, то будемъ видѣть уже всю въ совокупности тварь нѣкако чувствующею. Въ семъ ея чувствѣ и можемъ предположить отраженіе общаго неблаговиднаго ея состоянія. Апостолъ его-то и видѣлъ и указалъ. *Вся тварь*, говоритъ, *совоздыхаетъ*, и подтверждаетъ это своимъ Апостольскимъ, богопросвѣщеннымъ умомъ: *вѣмы* мы, умъ Христовъ имѣющіе. *Совоздыхаетъ*—или сама въ себѣ въ своей совокупности, или съ нами: ибо *съ нами* нѣтъ въ греческомъ. Но это несущественно; существенно то, что воздыхаетъ. *Соболѣзнуетъ*—сильнѣе: ибо выражаетъ болѣзни рожденія. Подается мысль, что будущее свѣтлое

состояніе твари уже зачато и зрѣетъ въ глубинѣ твари, какъ плодъ во чревѣ матери, и готовится къ проявленію. Аналогію сему видимъ въ происхожденіи существъ на землѣ. Самыя хорошія изъ нихъ зачинаются и зрѣютъ въ невзрачныхъ положеніяхъ, и во всей свойственной имъ красотѣ являются уже по выходѣ на свѣтъ Божій. Что съ каждою тварью, то и со всею совокупностію ихъ. Подъ невзрачнымъ теперешнимъ положеніемъ твари зрѣетъ ея лучшее,—и въ свое время явится, какъ плодъ изъ чрева. Сіе предчувствуя, воздыхаетъ тварь, томясь желаніемъ, чтобы это совершилось поскорѣе. Ибо тогда, какъ ее ожидаетъ такое свѣтлое,—она все еще должна работать суетѣ и тлѣнію.

„Воздыхаетъ тварь, пишетъ Амвросіастъ, по причинѣ непрестанной работы, подъ которою состоитъ. Ибо всѣ элементы съ томленіемъ ведутъ работы свои. И солнце и луна не безъ труда пробѣгаютъ положенныя имъ пространства, и духъ животныхъ не безъ стенаній исполняетъ свои службы: ибо видимъ, какъ неохотно идутъ они на трудъ. Все это ожидаетъ покоя, чтобы избавиться отъ рабскаго служенія. Еслибы это было служеніе къ угожденію Богу направленное, конечно, тварь радовалась бы тому, а не болѣзновала; но какъ это есть работа тлѣнію, коей она подверглась по нашей винѣ; то и болѣзнуетъ. Ибо видитъ, что каждодневно гибнутъ работы ея, каждодневно восходитъ и заходитъ трудъ ея. Итакъ праведно она болѣзнуетъ, когда работа ея не къ вѣчности идетъ, а къ истлѣнію. Но, сколько дается уразумѣть, она безпокоится вмѣстѣ и о нашемъ спасеніи, зная, что она скорѣе доспѣетъ къ своему освобожденію, если мы скорѣе познаемъ Творца своего. Зная сіе, потщимся со всѣмъ усердіемъ и ревностію показать себя достойными (своего предъ Богомъ званія), не о себѣ только самихъ заботясь, но имѣя въ виду и тварь, ко-

торая день и ночь воздыхаетъ, изъ-за насъ терпя напраслину.“

Замѣтить надо, что когда пристращаемся мы къ твари, то пристращаемся къ ея видимости, по причинѣ коей она воздыхаетъ. Выходитъ, что неразумная тварь воздыхаетъ о томъ, къ чему мы, — разумные, — неразумно льнемъ. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „видишь ли, какъ Апостолъ стыдитъ слушателя, говоря какъбы такъ: не будь хуже твари, не прилѣпляйся къ настоящему. Тебѣ не только не должно прилѣпляться къ нему, но еще воздыхать, что твое преселеніе отсюда замедляется. Ежели и тварь такъ поступаетъ, тѣмъ болѣе сіе прилично тебѣ, одаренному разумомъ“.

гг).

Ст. 23. *Не точію же, но и сами начатокъ Духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему.*

Когда говорилось о возстановленіи нашего естества во славѣ чрезъ воскресеніе; то, приступая къ указанію на возстановленіе и всей твари, Апостолъ теченіемъ рѣчи говорилъ: не только мы будемъ возстановлены и избавлены отъ тлѣнія, но и вся тварь. Но теперь, когда говоритъ о воздыханіи твари о семъ избавленіи, рѣчь должна идти обратно тому не только тварь воздыхаетъ о семъ,—тварь не имѣющая никакихъ еще видимыхъ и осязательныхъ задатковъ того; но и мы, имѣющіе начатокъ Духа, какъ залогъ будущаго обновленія, и мы воздыхаемъ о томъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ тлѣнія и вступить въ полную свѣтлость сыновства Богу въ нетлѣнномъ тѣлѣ. Исходя изъ сего нашего воздыханія объ уповаемомъ избавленіи, Апостолъ начинаетъ говорить объ упованіи, изъясняя свойства его и твердыя

основанія его непоколебимости. Основанія сіи суть: α) начатки Духа,—23—27); β) предвѣчное опредѣленіе о спасаемыхъ,—28—30; γ) цѣна воплощеннаго домостроительства,—31—34. Всѣ сіи основанія держатся δ) на неотпадающей любви, 35—39.

α).

Первое основаніе христіанскаго упованія суть начатки Духа, на коихъ останавливаетъ Апостолъ вниманіе въ настоящемъ текстѣ, какъ на томъ, изъ чего зародилось и чѣмъ держится упованіе полнаго избавленія. Начатки Духа,—это оставленіе грѣховъ, сила противостоянія грѣху, миръ совѣсти, сыновнее дерзновеніе къ Богу, и во многихъ особые дары Св. Духа. Все сіе есть доброе ручательство, что дѣло избавленія уже началось,—началось и дѣется, и даетъ предвкусить, что будетъ въ концѣ. Но сіе предвкушеніе и раждаетъ воздыханіе, чтобы чаемое поскорѣе стало дѣломъ. Чего же именно чая воздыхаемъ? *Всыновленія чающе.* Но мы уже пріяли духа всыновленія,—чего же еще тутъ чаять? Свѣтлости состоянія; соотвѣтствующаго сыновству. И въ насъ не все еще въ порядкѣ, и совнѣ большія нападенія, и тѣло тлѣнно. Вотъ и воздыхаемъ о томъ, чтобы все сіе миновалось, прешли всѣ тѣсноты и опасности и тѣло воскресло, чтобы явились мы сынами во всей свѣтлости сыновства.

Св. Златоустъ говоритъ: „Воздыхаемъ и мы, какъ предвкусившіе уже будущихъ благъ. Дарованнаго уже намъ достаточно, чтобы возбудить самаго каменнаго человѣка, чтобы отвлечь его отъ настоящаго и окрылить къ будущему, какъ великостію дарованнаго, такъ и тѣмъ, что сіи высокіе и многочисленные дары суть только начатокъ. Ежели начатокъ таковъ, что чрезъ него осво-

бождаемся отъ грѣховъ, пріобрѣтаемъ праведность и освященіе, а Апостолы изгоняли бѣсовъ своею тѣнію, и одеждами воскрешали мертвыхъ; то представь, каковы всѣ будущія блага. И ежели воздыхаетъ тварь, которая лишена разума и дара слова, которая о всемъ этомъ не имѣетъ никакого познанія; тѣмъ болѣе должны воздыхать мы. Но дабы еретики не имѣли повода думать, что Апостолъ охуждаетъ настоящее, онъ говоритъ далѣе: мы воздыхаемъ не въ охужденіе всего настоящаго, но отъ желанія большаго. Это самое выразилъ онъ словами: *всыновленіе чающе.* Что ты говоришь, Павелъ? Для чего обращаешься взадъ и впередъ, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь сіе благо къ предметамъ надежды, и пишешь, что намъ должно еще получить оное? Сіе поправляетъ Апостолъ, прибавивъ слова: *избавленія тѣлу нашему*, т.-е. совершенной славы. Теперь участь наша до послѣдняго нашего издыханія сокрыта еще втайнѣ. А когда переселимся отселѣ съ доброю надеждою, тогда даръ сдѣлается неотъемлемымъ, очевиднѣйшимъ и большимъ, тогда не будетъ страха, чтобы грѣхъ и смерть отняли что-нибудь изъ онаго. Тогда только благодать содѣлается непремѣнною, когда самое тѣло освободится отъ смерти и безчисленныхъ страданій. Слово—*избавленіе* значитъ не простой выкупъ, но такой, послѣ котораго уже не возвратимся въ прежній плѣнъ. А дабы не впасть тебѣ въ недоумѣніе, когда непрестанно слышишь о славѣ, и не имѣешь о ней яснаго понятія, Апостолъ въ подробности раскрываетъ будущія блага, измѣняетъ твое тѣло, а сообразно съ онымъ и всю тварь. Сіе яснѣе выразилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 21). И въ другомъ посланіи, говоря: *егда же смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написан-*

ное: пожерта бысть смерть побѣдою (1 Кор. 15, 54). А въ доказательство того, что съ разрушеніемъ тѣла и все житейское терпитъ измѣненіе въ своемъ состояніи, Апостолъ написалъ въ другомъ мѣстѣ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31).

Амвросіастъ останавливаетъ особое вниманіе на томъ, почему мы воздыхаемъ: „послѣ твари Апостолъ прибавляетъ, что и мы воздыхаемъ, чтобы избавиться отсюда, бывъ предназначены для жизни блаженной: ибо міръ сей для христіанъ есть море. Какъ море, воздымаясь противными вѣтрами, нападаетъ на плывущихъ и подвергаетъ ихъ опасности: такъ и вѣкъ сей коварствомъ непріязненныхъ движеній возмущаетъ умы вѣрующихъ; и это съ такимъ разнообразіемъ дѣлаетъ врагъ, что не знаешь, отъ чего прежде избавляться. Ибо если власть перестаетъ быть противъ насъ, онъ возбуждаетъ частныя лица; если и эти покойны, чрезъ домочадцевъ возжигаетъ пожаръ; если и это не подаетъ ему руки, между родными посѣваетъ раздоръ, злокозньствомъ своимъ: такъ чтобы, съ четырехъ угловъ будучи поражаемъ домъ, въ какой-либо части далъ разсѣлину. По сему-то христіанамъ вседушно надо желать поскорѣе убѣжать отсюда. Примѣромъ въ семъ да будетъ имъ Симеонъ, который, зная съ какимъ коварствомъ ведется здѣсь противная война, молился отпустить его съ миромъ (Луки 2, 29). Объ этомъ же и всѣ мы молимся, когда говоримъ: *да пріидетъ царствіе Божіе* (Мѳ. 6, 10). Апостолъ, яко мужъ божественный, добрыя о насъ имѣетъ помышленія, говоря, что мы воздыхаемъ объ избавленіи отсюда, какъ воздыхалъ Симеонъ; но я вижу, что мы очень обдержимы угѣхами міра.“

Фотій у Экуменія разсуждаетъ: „*Всыновленія чающе.* Какого? Что же,—развѣ не приняли уже его мы чрезъ святое крещеніе? И не самъ ли ты незадолго предъ

симъ сказалъ, что мы приняли духа сыноположенія? Да, говоритъ. Какого же еще всыновленія намъ чаятъ? Явнаго, говоритъ, для всѣхъ, сопровождаемаго и избавленіемъ тѣла (отъ тлѣнія).—Что же это—другое будетъ отъ сказаннаго? Никакъ нѣтъ; тоже самое, только въ совершенствѣ проявленное, всѣми видимое и познаваемое. Ибо тогда, по воскресеніи тѣла и пріятіи нетлѣнія, будетъ полное наслажденіе обѣтованными благами, наслѣдіе царства небеснаго и вступленіе во всѣ преимущества сыновства. И нынѣ, съ надеждою получить все сіе, мы пріяли сыноположеніе."

Ст. 24. *Упованіемъ бо спасохомся. Упованіе же видимое, нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ.*

Приводитъ причину, почему, получивъ начатокъ, сѣтуемъ. Потому, что не все еще получили. Получили часть, какъ вѣрный задатокъ, а окончательное, совершенное, еще чается, хоть несомнѣнно знаемъ, что и оно уже принадлежитъ намъ; но какъ оно крайне хорошо, то не можемъ не болѣзновать, томясь желаніемъ поскорѣе получить его, какъ въ другомъ мѣстѣ о себѣ говорилъ Апостолъ, что горитъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла и быть со Христомъ (Филип. 1, 23). *Упованіемъ,* говоритъ, *спасохомся.* Это не то значитъ, что мы еще не спасены. Нѣтъ; мы спасены: *спасохомся.* Умри кто сейчасъ, получитъ все принадлежащее спасенію. Но пока живемъ здѣсь, мы не все держимъ въ рукахъ, что принадлежитъ спасеннымъ. Воспріятіе спасенія въ совершенствѣ есть предметъ упованія нашего. *Не у явися, что будемъ,* говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Ін. 3, 2). Итакъ упованіемъ спасены мы. Упованіе же по природѣ своей таково, что не держитъ въ своихъ рукахъ, предъ очами своими не имѣетъ то, что уповаетъ. Еслибы такъ было, тогда упованію не было бы мѣста. Кто держитъ что въ рукахъ предъ глазами, тому пристало ли уповать

сего видимаго и держимаго. Такъ и мы уповаемъ, потому что еще не все имѣемъ въ рукахъ предъ глазами. Многое ужь получили,— получили отпущеніе грѣховъ, силу побѣждать грѣхъ и очищаться отъ страстей, сыновнее дерзновеніе предъ Богомъ, сподобляемся особенныхъ Божіихъ всеублажающихъ присѣщеній и даровъ. Но это еще не все. Окончательное явится въ свѣтлости воскресенія и соцарствованіи со Христомъ. Сего-то лучшаго упованіемъ ждемъ.

Но почему такъ устроено и обстановлено дѣло нашего спасенія? Это по свойствамъ немощной природы нашей. Дай все въ руки, мы тотчасъ все размотаемъ. А когда часть дана, и сказано: если будешь вѣренъ, то получишь лучшее, столь лучшее, что и вообразить того не можешь; то это держитъ насъ въ должномъ строѣ и въ напряженномъ исканіи и исполненіи условій, подъ которыя поставлено полученіе того лучшаго. Этимъ дается случай показать вѣру и вѣрность, чтобы имѣющее получено быть, было нѣкоторымъ образомъ и заслужено. Св. Златоустъ говоритъ: „не должно искать здѣсь всего, но надѣяться. То одно и приносимъ въ даръ Богу, что вѣримъ Ему, когда обѣщаетъ будущія блага. Это есть единственный путь ко спасенію. Если потеряемъ сей путь, потеряемъ все принесенное нами въ даръ Богу. Спрашиваю тебя, говоритъ Апостолъ: не виновенъ ли ты въ безчисленныхъ худыхъ дѣлахъ? Не погибшій ли ты человѣкъ? Не произнесенъ ли тебѣ приговоръ? Не тщетными ли показались всѣ покушенія спасти тебя? Итакъ, что же спасло тебя? Одна надежда на Бога, одна вѣра въ обѣщанное и дарованное Богомъ: ты ничего большаго и не могъ принесть въ даръ Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Поелику она доставила тебѣ уже столько благъ; то очевидно не обманетъ тебя и впередъ. Если, найдя тебя мертвымъ, погибшимъ, плѣн-

никомъ, врагомъ, она сдѣлала тебя другомъ, сыномъ, свободнымъ, праведнымъ, сонаслѣдникомъ, доставила тебѣ блага, какихъ никто никогда не ожидалъ; то послѣ такой щедрости и благосклонности ужели оставитъ тебя впослѣдствіи? Итакъ не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра. Чрезъ сіе спасся ты въ началѣ,— это есть единственное вѣно, принесенное тобою жениху. Посему соблюдай оное и храни. Если будешь всего искать здѣсь, то погубишь свою заслугу, чрезъ которую ты прославился."

Ст. 25. *Аще ли єгоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ.*

Тутъ къ концу приведено показаніе, почему воздыхаемъ и мы. Получили, сказалъ, начатокъ, а совершеннаго, цѣлаго еще не получили: его чаемъ, надѣемся, а не видимъ еще, не держимъ въ рукахъ. Съ такимъ чаяніемъ неизбѣжно соединено пожданіе, а съ пожданіемъ терпѣніе. Такимъ образомъ естественно, что мы сего чаемаго, надѣемаго, невидимаго еще съ терпѣніемъ ждемъ. А терпѣніе, какъ ни облегчаетъ его несомнѣнность надежды, все же есть нѣчто тяготящее. Вотъ почему и воздыхаемъ, хотя начатокъ имѣемъ, хотя не имѣемъ ни малаго сомнѣнія въ полученіи.

Но объясняя такъ наше настоящее положеніе, св. Павелъ не одно это объясненіе имѣлъ въ виду, а болѣе хотѣлъ внушить, что если дѣло такъ есть, если неизбѣжно намъ ждать и ожидая терпѣть, то и терпите благодушествуя, въ несомнѣнномъ чаяніи лучшаго и совершеннѣйшаго, что бы ни случилось съ вами по внѣшнему быту вашему. Съ терпѣніемъ ждать въ надеждѣ,— это должно быть характеристическою, существенною нашею чертою. Св. Златоустъ говоритъ: „если всего будешь искать здѣсь, къ чему тогда и надежда? Надежда и есть твердая увѣренность въ будущемъ. Большаго ли

требуетъ отъ тебя Богъ, послѣ того, какъ самъ Онъ даровалъ тебѣ всѣ Свои блага? Онъ требуетъ отъ тебя одного только — надежды, требуетъ для того, чтобы и ты самъ сколько нибудь содѣйствовалъ своему спасенію. Богъ вѣнчаетъ надѣющагося, какъ слѣдовало бы увѣнчать того, кто трудится, бѣдствуетъ, переноситъ безчисленныя напасти.“ Но если онъ не тотчасъ переходитъ туда, гдѣ вѣнчается надежда, а остается здѣсь среди испытаній самой надежды, то цѣна его надежды, посредствомъ испытанія ея терпѣніемъ, становится несравненно выше. „Когда слышишь о терпѣніи, то подразумѣвай мысль о подвигахъ и усиленныхъ трудахъ. Ибо христіанинъ долженъ терпѣть, ожидая не видимаго, а чаемаго вѣрою“ (Θеоф.). Чтобы удержать надежду въ силѣ, надо пребывать вѣрнымъ Тому, Кто обѣтованіями возродилъ и питаетъ надежду, а это требуетъ труда, пота и подвиговъ и въ себѣ и во внѣшнемъ.

Ст. 26. *Сице же и Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ: о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.*

Сице же—ὡσαύτως — не сравненіе здѣсь означаетъ, а соединеніе,— *также и*. Св. Златоустъ и текстъ прочиталъ такъ: *сице же и Духъ*. — *Немощи*, по ходу рѣчи, разумѣются не нравственныя, а тѣ, коими искушается терпѣніе. Мы, сказалъ онъ, получили задатокъ, пріявъ Духа, а окончательную полную получку ожидаемъ пріять въ будущемъ; о чемъ и воздыхаемъ, — воздыхаемъ и потому, что оно очень свѣтло, и особенно потому, что, бывъ предназначены къ такому пресвѣтлому состоянію, въ настоящее время мы крайне стѣснены и уничижены. Но какъ ни тяжело такое положеніе, мы, опираясь на задатокъ, ждемъ съ терпѣніемъ полной получки, нисколько не сомнѣваясь, что вѣрно получимъ ее. Такимъ образомъ

упованіе, — чаяніе и ожиданіе лучшаго и совершеннѣйшаго составляетъ отличительную черту въ христіанскомъ настроеніи духа.

Дошедши до сего, св. Апостолъ останавливаетъ теперь вниманіе на семъ упованіи и воодушевляетъ къ нему, выставляя прочнѣйшія ему основы. Полученіе дара Духа Святаго есть уже прочное основаніе упованія, даже источникъ и всѣхъ другихъ основаній; но оно есть нѣкоторымъ образомъ умозаключительное. Основываясь на немъ, мы ждемъ съ полною увѣренностію и благодушно терпимъ всѣ непріятности. Но это мы такъ себѣ располагаемъ: что же Духъ? Также и Духъ способствуетъ намъ въ семъ дѣлѣ претерпѣванія немощей или непріятностей, насъ облежащихъ,—и тѣмъ, что утѣшаетъ сердце и сладостями духовными отбиваетъ горечь внѣшнихъ непріятностей, и тѣмъ, что научаетъ насъ, какъ достойно Бога молиться Богу.

Духъ способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ. Мы, получивъ Духа, посредствомъ благопомышленій о Божіихъ порядкахъ воодушевляемъ себя на терпѣніе; но и самъ Духъ есть въ насъ не какъ безучастный вкладъ въ сокровищницѣ естества нашего, а какъ всеоживляющая сила, производящая не помышленія только упованельныя, но упованельное благонастроеніе. *Способствуетъ*,—συναντιλαμβάνεται — заступается за насъ вмѣстѣ съ кѣмъ-то. Съ кѣмъ же? Съ нами. Когда мы благопомышленіями своими стараемся воодушевлять себя на упованельное терпѣніе; тогда подходитъ къ намъ на помощь Духъ Божій и влагаетъ въ сердце самое благодушное терпѣніе въ упованіи. „Хотя терпѣніе твое собственно дѣло, говоритъ св. Златоустъ; однакоже тебѣ дается Духъ, дабы поощрить тебя къ надеждѣ, а чрезъ нее облегчить и труды твои.“ Прибавимъ къ сему слова Экуменія: „не думай, что подавленъ будешь тяжестью терпѣнія. Духъ

не попуститъ тебя быть имъ подавлену, но будетъ тебѣ въ семъ дѣлѣ помощникомъ. Сами же мы немощны и безъ помощи Духа не можемъ справить и самаго терпѣнія.“ Но Апостолъ говоритъ болѣе сего,—говоритъ не о имѣющей придти помощи отъ Духа, а уже о присущей, какъ-бы такъ: смотри, какъ Духъ способствуетъ тебѣ,—и не унывай. Самое то, что терпишь и благодушествуешь въ немощахъ, свидѣтельствуетъ, что Духъ помогаетъ тебѣ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Упомянувъ о терпѣніи, ободряетъ слушателя и говоритъ, что и Духъ подкрѣпляетъ насъ. Поэтому, не изнемогая въ надеждѣ и терпѣніи, ты приносишь только надежду и терпѣніе, а помогаетъ тебѣ Духъ.“

Это первое заступленіе отъ Духа, что Онъ утѣшеніе вливаетъ въ сердце при непріятностяхъ и тѣмъ сообщаетъ терпѣнію крѣпость и благодушіе. А второе есть то, что Онъ научаетъ насъ, какъ должно молиться въ семъ случаѣ, и самую молитву влагаетъ въ сердце. Въ непріятностяхъ, скорбяхъ и бѣдахъ обыкновенно обращаемся къ Богу съ молитвою; но при этомъ рѣдко попадаемъ на слѣдъ Божій и молимся больше о томъ, что намъ желательно, не имѣя увѣренности, что то и спасительно для насъ. Духъ же Божій, находя въ молитвѣ и наводя молитву, внушаетъ именно о томъ молиться, что есть самое благопотребное. Это благопотребное или опредѣленно Имъ печатлѣется въ мысли, или сводится въ общее настроеніе Богопреданности. Ты все вѣдаешь, Господи, и какъ вѣдаешь, устрой благопотребное мнѣ! И сія-то есть настоящая духодвижная молитва, которую всѣ святые молитвенники поставляютъ на самой верхней ступени молитвеннаго къ Богу восхожденія.

О чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы. Иной проситъ здоровья, а оно не поведетъ его къ добру. Иной молится—избавить отъ бѣдности, а она для него полезна. Иной проситъ ума, а онъ для него—пагуба. Даже

и изъ духовныхъ потребностей не всѣхъ удовлетвореніе спасительно въ томъ смыслѣ, какъ мы то понимаемъ и о томъ просимъ. Св. Златоустъ говоритъ: „сими словами Апостолъ сколько обнаруживаетъ великій о насъ промыслъ Духа, столько же научаетъ Римлянъ не считать полезнымъ всего того, что такимъ представляется по человѣческому сужденію. Поелику христіанамъ того времени, которыхъ били, изгоняли, заставляли терпѣть безчисленныя напасти, естественно было желать покоя, считать его полезнымъ для себя и испрашивать у Бога таковой благодати; то Павелъ говоритъ: не считайте для себя дѣйствительно полезнымъ, что вамъ такимъ кажется. Мы имѣемъ нужду въ Божіей помощи и для того, чтобы знать для себя полезное. Столько человѣкъ слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ! Посему Апостолъ сказалъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* А дабы ученикъ не стыдился невѣдѣнія, открылъ, что сами учители находятся въ невѣдѣніи. Ибо не сказалъ: вы не вѣсте, но—*не вѣмы.* Но что сказалъ онъ сіе не изъ скромности, обнаруживалъ то въ другихъ обстоятельствахъ. Хотя непрестанно просилъ Бога въ молитвахъ своихъ о томъ, чтобы видѣться ему съ Римлянами, однакожъ сіе исполнилось не вдругъ по его прошенію. Также о жалѣ, данномъ ему во плоти, т.-е. о бѣдствіяхъ молился неоднократно, и вовсе не получилъ просимаго. Такъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ не получили желаемаго Моисей, просившій видѣть Палестину, Іеремія, молившійся за Іудеевъ, Авраамъ, ходатайствовавшій за Содомлянъ.“ Продолжимъ сіе словами бл. Θеодорита: „Не просите, говоритъ Апостолъ, избавленія отъ скорбей; ибо не знаете, что полезно, какъ знаетъ сіе Правитель Богъ. Предайте себя самихъ Держащему кормило вселенной; ибо Онъ, если и не будете просить, а только воздыхаете, по дѣйствію живущей въ васъ благодати, премудро управитъ

касающееся до васъ. и доставитъ, что будетъ для васъ полезно."

Но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.

Ходатайствуетъ—ὑπερεντυγχάνει,—что значитъ—говорить за кого предъ сильными и говорить крайне сильною рѣчью, не престающею, пока не получитъ просимаго. Такъ говоритъ, *ходатайствуетъ* за насъ предъ Богомъ Духъ Святый, данный намъ. Когда говоритъ: *ходатайствуетъ*, явно указываетъ на то, что было обще всѣмъ и всѣмъ извѣстно. Какое блаженное было оное время! Но что означаетъ это ходатайство? Сами, говоритъ, не умѣемъ молиться, а Духъ за насъ молится,—Духъ въ насъ сущій. Какъ же это бываетъ? Духъ молится, а мы и не знаемъ того,—или молится Духъ, проводя молитву свою чрезъ наше сознаніе и чувство? Нельзя, чтобы не зналъ человѣкъ молитвы своей. Онъ только знаетъ, что она не его, хотя въ немъ есть; она сложилась помимо его, но онъ вѣдаетъ ее, и вѣдаетъ откуда она. Духъ Божій влагаетъ въ сердце молитву истинную, а человѣкъ, воспріявшій ее, возноситъ ее къ Богу, въ томъ смыслѣ и въ той силѣ, какъ она вложена. Онъ есть при семъ дѣемый, а не дѣйствующій. Въ слѣдующемъ стихѣ говорится, что Испытующій сердца вѣдаетъ сію молитву,—вѣдаетъ, потому что видитъ ее въ сердцѣ. или какъ она исходитъ изъ сердца; въ сердце же очевидно влагаетъ ее Духъ, т.-е. Онъ дѣйствуетъ при семъ не помимо сознанія и чувства. Въ первенствующей Церкви, въ собраніяхъ, находилъ на иного духъ молитвенный. Онъ вставалъ и просилъ позволенія изречь сію молитву и, получивъ позволеніе, изрекалъ ее. Значитъ онъ сознавалъ ее, чувствовалъ ее сложившеюся въ сердцѣ и въ употребленіи ея имѣлъ свою долю свободы.

Понятнѣе будетъ сіе, если примѣнимъ то къ чему-либо,

бывающему въ наше время. Въ наше время тоже самое бываетъ въ молитвѣ находящей. Обычно молимся мы по молитвенникамъ, или своимъ словомъ. Бываютъ при семъ и чувства молитвенныя и воздыханія; но мы сами самодѣятельно ихъ возбуждаемъ въ себѣ. И это есть молитва. Но бываетъ, что влеченіе къ молитвѣ само находитъ и заставляетъ молиться и не даетъ покоя, пока молитва не изольется вся. Это или тоже есть, о чемъ говоритъ Апостолъ, или нѣчто похожее на то. Содержаніе такихъ молитвъ рѣдко бываетъ опредѣляемо какимъ-либо предметомъ; но всегда почти она дышетъ преданіемъ себя въ волю Божію, ввѣреніемъ себя водительству Бога, лучше насъ знающаго благопотребное для насъ, и для внутренняго и для внѣшняго нашего, и сильнѣе насъ желающаго того для насъ, и готоваго все то дать и устроить намъ, лишь бы только мы не упирали ногами. Всѣ молитвы. отъ св. отцевъ намъ преданныя, суть такого же происхожденія, суть духодвижныя и потому доселѣ такъ дѣйственны.

Св. Златоустъ говоритъ: „эти слова, самъ *Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*,—не ясны, потому что чудеса, которыя были тогда многочисленны, нынѣ прекратились. Посему нужно сказать вамъ о тогдашнемъ состояніи; чрезъ сіе объясняется и сказанное Апостоломъ. Каково же было тогдашнее состояніе? Всякому, кто принималъ тогда крещеніе, Богъ сообщалъ какое-нибудь дарованіе, которое вообще называлось духомъ. Одинъ имѣлъ даръ пророчества и предсказывалъ будущее; другой—даръ мудрости и училъ народъ; иной даръ врачеванія и исцѣлялъ больныхъ; другой даръ силы и воскрешалъ мертвыхъ; иной—даръ языковъ и говорилъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ же всѣхъ сихъ даровъ былъ также и даръ молитвы (надо полагать, общій всѣмъ). Кто имѣлъ сей даръ (у кого онъ приходилъ въ движеніе), тотъ молился за весь народъ. Такъ

какъ не зная многаго полезнаго для насъ, мы просимъ безполезнаго; то въ первенствующей Церкви даръ молитвы находилъ на кого-либо одного, который одинъ за всѣхъ просилъ общеполезнаго для всей Церкви и научалъ другихъ молиться. Итакъ Апостолъ называетъ здѣсь духомъ, какъ самый даръ, такъ и душу, которая получаетъ его, ходатайствуетъ предъ Богомъ и воздыхаетъ. Ибо удостоившійся такой благодати вставалъ въ собраніи, и съ великимъ сокрушеніемъ, съ самыми внутренними воздыханіями припадая къ Богу просилъ того, что полезно для всѣхъ. Сіе-то разумѣя, Павелъ говоритъ: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными.*“

Почему такія воздыханія названы *неизглаголанными?* Или по особенной силѣ ихъ, необычной въ простыхъ молитвословіяхъ, или потому, что они невѣдомо какъ зараждаются, или потому, что при семъ изрекается молитва, которой самъ собою человѣкъ никогда не изглаголалъ бы. Амвросіастъ пишетъ: „здѣсь говорится, что Духъ Господень ходатайствуетъ о насъ не обычными человѣческими изреченіями, но по свойству естества Своего. Ибо когда Сущее изъ Бога глаголетъ къ Богу, то Ему необходимо такъ глаголать, какъ глаголетъ Тотъ, изъ Кого Оно есть. Такъ обычно и у насъ, что съ своимъ гражданиномъ никто не говоритъ инымъ языкомъ. Преизливаетъ же себя данный намъ Духъ въ молитвахъ нашихъ. чтобы покрыть своимъ движеніемъ нашу неискусность и непредусмотрительность, и испросить намъ у Бога то, что намъ полезно.“

Можетъ и та мысль въ словѣ: *неизглаголанными*,—что воздыханій сихъ, Духомъ внушаемыхъ, нельзя вполнѣ изложить человѣческимъ словомъ: сердце чувствуетъ ихъ, а мысль обнять то и языкъ выразить не въ состояніи. Эта мысль и съ опытомъ согласна и подтверждается слѣдующими словами: *Испытуяй же сердца вѣсть, что есть*

мудрованіе Духа,—какъбы такъ: ты не безпокойся и не смущайся тѣмъ, что языкъ твой не можетъ изглаголать во всей силѣ вложенную въ сердце твое молитву. Богъ знаетъ, что у тебя въ сердцѣ, и знаетъ, чего хочетъ Духъ, вложившій то въ твое сердце, и не нуждается для сего въ ясности и выразительности твоей рѣчи.

Ст. 27. *Испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу приповѣдуетъ (ходатайствуетъ) о святыхъ.*

Повторимъ и еще сказанное. Духъ за насъ молится; а Богъ вѣдаетъ сіе мудрованіе Духа, яко испытующій сердца. Слѣдовательно сіе мудрованіе или сія молитва идетъ къ Богу не помимо человѣка, а сначала отражается въ сердцѣ его и чрезъ него восходитъ къ Богу. И еще: сія молитва, Духомъ вложенная, бывъ принята и чувствуема сердцемъ, можетъ быть не объята мыслію и не выражена, какъ слѣдуетъ, языкомъ, но это не мѣшаетъ ея дѣйственности: ибо Богъ видитъ, что на сердцѣ у молящагося симъ образомъ, и какая мысль у Духа, вложившаго молитву.

Яко по Богу приповѣдуетъ о святыхъ. — *Приповѣдуетъ*—тоже что ходатайствуетъ. *О святыхъ*, т.-е. о вѣрующихъ, которые и вѣру хранятъ и живутъ по вѣрѣ, благодатію Св. Духа. Но что значитъ: *по Богу?* Сообразно съ планами и намѣреніями Божіими, какъ отнοсительно всей Церкви, такъ и относительно всякаго вѣрующаго. Сіи планы и намѣренія Духъ Божій, яко Богъ, вѣдаетъ: ибо у Него съ Богомъ Отцемъ едино вѣдѣніе. Вѣдая сіе, Духъ Святый сообразно съ симъ и молится о насъ, или слагаетъ для насъ молитвы и влагаетъ ихъ въ сердце наше. И Богъ напередъ ихъ вѣдаетъ, по единству вѣдѣнія въ Богѣ тріипостасномъ.

Амвросіастъ пишетъ: „Богу извѣстна молитва всѣхъ духовъ, потому что отъ Него ничего нѣтъ сокрытаго;

тѣмъ паче вѣдома ему молитва Духа Святаго, Который одного съ Нимъ естества, и когда ходатайствуетъ о насъ, то говоритъ не чрезъ сотрясеніе воздуха, и не какъ Ангелы или другія твари, но какъ свойственно Его Божеству. Такъ молится Онъ Богу въ насъ и проситъ того одного, о чемъ знаетъ, что оно угодно Богу и намъ полезно".

Можетъ быть—*вѣсть* означаетъ здѣсь не голое вѣдѣніе, а вмѣстѣ и благоволительное вниманіе, какъ въ первомъ псалмѣ: *вѣсть Господь путь праведныхъ*. Поелику такая молитва по Богу есть, и совершенно согласна съ намѣреніями Божіими; то она благоволительно внемлется и пріемлется и привлекаетъ скорое исполненіе. Наша собственная молитва не всегда попадаетъ на слѣдъ Божій; отъ того молимся, но не якоже подобаетъ, и не видимъ исполненія молитвъ. Молится како слѣдуетъ тотъ, кто молится не о томъ только, что угодно Богу вообще, но о томъ, что угодно Богу въ сей разъ, въ сихъ обстоятельствахъ. Поелику мы не можемъ сказать, что знаемъ сіе опредѣленно, то лучшая для насъ молитва есть: *буди воля твоя, Господи, на насъ, якоже уповахомъ на Тя*!

β).

Ст. 28. *Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое, сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ.*

Любящіе Бога суть вѣрующіе, которые, бывъ облагодатствованы, неуклонно ходятъ въ заповѣдяхъ Божіихъ, Богу предавъ себя всецѣло. На такую любовь и преданность Богу Богъ отвѣтствуетъ тѣмъ, что все случающееся съ ними, даже самое прискорбное обращаетъ имъ во благо. Удостовѣряя въ семъ, Апостолъ завершаетъ утвержденіе въ сердцѣ вѣрующихъ уповательнаго расположенія, которое, какъ сказалъ онъ выше, составляетъ

отличительную черту истинныхъ христіанъ. *Терпѣніемъ*, сказалъ, *ждемъ*. Это терпѣніе уже и потому требуетъ поддержки, что не скоро получается чаемое — пресвѣтлое и преблаженное; но нужда такой поддержки премного увеличивается отъ того, что внѣшнее положеніе сихъ ждущихъ крайне прискорбно. Апостолъ и выставляетъ теперь сіи поддержки упованія. Первая, говоритъ, есть самый Духъ, задатокъ уповаемаго. Ибо Онъ, посѣщая сердце, вливаетъ въ него сладкія утѣшенія, отбивающія горечь внѣшнихъ скорбей, а научая, какъ должно молиться, располагаетъ предать себя всецѣло Богу. Богъ же, видя, какъ они всецѣло Ему себя предаютъ и тѣмъ свидѣтельствуютъ великую къ Нему любовь, устрояетъ ихъ жизнь такъ, что все встрѣчающееся съ ними обращается имъ во благо, благо духовное, т.-е. въ очищеніе сердца, въ укрѣпленіе добраго нрава, въ случаѣ самопожертвованія Господа ради, высоко цѣнимые правдою Божіею и уготовляющіе неоцѣненное воздаяніе. Какъ естественно отсюда заключеніе: итакъ не смущайтесь, встрѣчая скорби, и не ослабляйте уповательнаго настроенія вашего!

Св. Златоустъ, указавъ, что настоящее мѣсто, какъ предшествующая рѣчь, направляется Апостоломъ къ бѣдствующимъ, чтобы, одушевивъ ихъ упованіемъ, укрѣпить въ терпѣніи, присовокупляетъ: „послѣ же всего того присовокупляетъ и теперь сказанное, употребляетъ доводъ, достаточный къ тому, чтобы ободрить ихъ. *Вѣмы*, говоритъ, *яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое*. Когда говоритъ: *вся*, разумѣетъ и то, что намъ кажется прискорбнымъ. Скорбь ли, нищета ли, узы ли, голодъ ли, смерть ли, другое ли что постигнетъ тебя, Богъ силенъ измѣнить все сіе въ противоположное. Его неизреченной силѣ свойственно дѣлать для насъ легкимъ и обращать намъ въ пособіе то, что кажется тягостнымъ. Посему Апостолъ не сказалъ, что любящимъ Бога не

приключается бѣдъ, но говоритъ, что имъ все содѣйствуетъ ко благу; т.-е. Богъ самыя бѣдствія употребляетъ для прославленія бѣдствующихъ. А сіе гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить до бѣды, или отвратить бѣду, когда она случилась. Такъ сдѣлалъ Богъ и въ пещи Вавилонской; не воспрепятствовалъ ввергнуть святыхъ отроковъ въ пещь, и когда они ввержены, не угасилъ пламени, но давъ ему горѣть, чрезъ пламень содѣлалъ сихъ отроковъ болѣе, чѣмъ достойными удивленія. И на Апостолахъ показалъ Богъ разныя подобныя чудеса. Ежели люди, навыкнувшіе любомудрію, могутъ изъ вещей дѣлать употребленіе, противное ихъ свойству, живя въ бѣдности, казаться достаточнѣе богатыхъ и самое безчестіе обращать для себя въ честь; то кольми паче Богъ на любящихъ Его покажетъ не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Для насъ одно только нужно,—любить Его искренно, а все прочее послѣдуетъ само собою. Какъ для любящихъ Бога и то, что повидимому вредно, обращается въ пользу; такъ не любящимъ Его вредитъ и полезное. Іудеямъ все служило во вредъ, и явленіе чудесъ, и правота догматовъ, и высота ученія. За одно они называли Христа Господа бѣсную-щимся, за другое богоотступникомъ, за чудеса покушались убить Его. Напротивъ разбойникъ, распятый, пригвожденный, поносимый, претерпѣвающій безчисленныя страданія не только не понесъ вреда, но еще извлекъ изъ того величайшую пользу. Видишь ли, какъ *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое?*“

Сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ. Сею второю половиною настоящаго стиха Апостолъ начинаетъ новое основаніе твердости упованія,—то, что всѣ истинно вѣрующіе и по вѣрѣ живущіе и въ благодатномъ чинѣ содержащіеся суть избранники Божіи: ибо за нихъ, яко таковыхъ, Богъ; а если Богъ за нихъ, кто на нихъ?

Въ отношеніи же къ предыдущему слова сіи могутъ быть приняты, какъ причина. Почему все споспѣшествуетъ во благое любящимъ, и почему такъ дѣйствуетъ въ нихъ Духъ, утѣшая и укрѣпляя ихъ? Потому что они не кое-какъ, не случайно какъ попали въ сей чинъ жизни. Все, въ порядкѣ благодатномъ совершающееся, совершается по предначертанному отъ вѣка, и есть потому дѣло Божіе, которое разстроить не можетъ ничто человѣческое.

Сущимъ по предизвѣдѣнію званнымъ. Наши толковники силу рѣчи здѣсь полагаютъ не въ предъувѣдѣніи, а въ званіи. За всѣхъ привожу слова Экуменія: „поелику могло показаться невѣроятнымъ, какъ такъ злое превращается въ благое, то Апостолъ, приложивъ къ сему званіе Божіе, придалъ вѣры сказанному. Это, говоритъ, бываетъ не со всякимъ, а только со званными отъ Бога.“

По предизвѣдѣнію — κατὰ πρόθεσιν, — по предложенію воли, по изволенію. По чьему изволенію, по чьей воли предложенію? Званныхъ или Звавшаго? Наши восточные толковники—всѣ разумѣютъ волю и произволеніе званныхъ. Св. Златоустъ: „говоритъ Апостолъ объ изволеніи, дабы не все приписать званію, потому что въ такомъ случаѣ стали бы спорить и язычники и Іудеи. Ибо если достаточно одного званія, то почему не всѣ спаслися? Потому, говоритъ, что спасеніе званныхъ совершено не однимъ призваніемъ, но и произволеніемъ. При званіе не было что-либо принудительное и насильственное. Всѣ были призваны, но не всѣ повиновались.“ Бл. Ѳеодоритъ: „Съ великою точностію (чтобы точнѣе опредѣлить мысль свою) Апостолъ къ *званію* присоединилъ *произволеніе*. Ибо не просто всѣхъ призываетъ Богъ, но имѣющихъ твердое изволеніе. Посему въ Коринѳѣ сказалъ Апостолу: *глаголи и да не умолкнеши, зане людіе суть Ми мнози во градѣ семъ* (Дѣян. 18, 9. 10); а въ

Мисіи не далъ ему говорить слово *). Въ Асіи же, сперва не дозволилъ, а потомъ позволилъ сдѣлать сіе. Посему и въ Іерусалимѣ сказалъ ему: *потщися скоро изыти* отсюда, *зане не пріимутъ свидѣтельства твоего* (Дѣян. 22, 18).“ Экуменій: „τοῖς κατὰ πρόθεσιν,—тѣмъ, кои по своему расположенію и произволенію сподобились званія. Показываетъ Апостолъ, что хотя всѣ званы, но не всѣ послушались. Почему и помощь (благодатную) встрѣчаютъ только тѣ, которые по собственному произволенію (изъ зовомыхъ) сдѣлались званными.“ Бл. Θеофилактъ: „званнымъ (разумѣется—изъ зовомаго) становится человѣкъ κατὰ πρόθεσιν, т.-е. по собственному произволенію. Ибо одного званія недостаточно, а нужно еще произволеніе.“

По-латыни это слово переведено — secundum proposium,—и Амвросіастъ толкуетъ сіе такъ: „secundum propositum зовомы бываютъ тѣ, о которыхъ Богъ предвидѣлъ, что по увѣрованіи они будутъ благоугодны Ему, такъ что они прежде чѣмъ увѣровали, уже вѣдомы были.“ Такимъ образомъ здѣсь предложеніе воли разумѣется не однихъ званныхъ, но вмѣстѣ Звавшаго. Мысль же соединяется съ симъ такая: по преднамѣренію, по предначертанію. Изъ званныхъ, какъ говоритъ Господь и дѣло показываетъ, не всѣ оказываются избранными. Столь значительная особенность въ сихъ послѣднихъ, оказывающаяся по призваніи ихъ, вѣроятно имѣетъ мѣсто и въ самомъ призваніи, гдѣ полагается ей если не причина, то прочное основаніе и здравое сѣмя, ради того, что при семъ произволеніе зовомаго вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ воздѣйствія Зовущаго. Св. Златоустъ говоритъ:

---

*) Ибо позванъ въ Македонію (Дѣян. 16, 9). Въ это же время и въ Асіи возбраненo было говорить (——6). Но послѣ при переходѣ изъ Ефеса вторично въ Македонію и обратно оттуда, и въ этихъ странахъ проповѣдь шла невозбранно (2 Кор. 2, 12; Дѣян 20, 6).

„благо сіе начинается со времени призванія.“ Можно потому допустить, что въ отношеніи къ избраннымъ и самое произволеніе совершается особеннымъ нѣкіимъ образомъ. Хотя особенность сію опредѣлить никто не можетъ, кромѣ можетъ быть званныхъ и Зовущаго, или вѣрнѣе одного Зовущаго. Но все же она не исключаетъ произволенія зовомыхъ, а только предполагаетъ полнѣйшее соотвѣтствіе сего произволенія преднамѣренію и силѣ Зовущаго. Дивны пути Твои, Господи!

Чье же произволеніе здѣсь надо разумѣть—званныхъ или Звавшаго? И то и другое надо разумѣть, потому что въ призваніи они совмѣщаются. Званные зовомы бываютъ по изволенію Божію; но изъ зовомыхъ дѣлаются они званными или призванными по своему произволенію, когда самоохотно послушаются призыванія и пойдутъ въ слѣдъ его.

Ст. 29. *Ихже бо предѣгувѣдѣ, тѣхъ и предѣуставі сообразныхъ быти образу Сына своего, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ.*

Въ 29 и 30 стихахъ Апостолъ изображаетъ промыслительныя предначертанія и дѣйствія Божіи относительно спасаемыхъ. Въ 29 стихѣ предначертаніе,—предувѣдѣніе и предуставленіе; а въ 30-мъ—дѣйствія во исполненіе того предначертанія,—призваніе, оправданіе, прославленіе.

Предопредѣленіе есть непостижимое дѣйствіе предвѣчнаго Бога; но оно явно требуется гармоніею Божескихъ свойствъ и совершенствъ. *Разумна отъ вѣка суть Богови вся дѣла Его* (Дѣян. 15, 18). *Вѣси же вся вѣсть Богъ* (1 Ін. 3, 20), то Онъ вѣдаетъ и начало и продолженіе и конецъ всего сущаго и бывающаго,—вѣдаетъ и послѣднее свое опредѣленіе участи каждаго, какъ и всего человѣческаго рода,—вѣдаетъ, кого коснется Его послѣднее: *пріидите*, и кого коснется: *отыдите*. А какъ

вѣдаетъ, такъ и опредѣляетъ тому быть. Но какъ вѣдая напередъ Онъ предвѣдаетъ, такъ и опредѣляя напередъ предопредѣляетъ. И поелику вѣдѣніе или предвѣдѣніе Божіе отнюдь истинно и вѣрно, то и опредѣленіе Его неизмѣнно. Но касаясь свободныхъ тварей, оно не сѣсняетъ ихъ свободы и не дѣлаетъ ихъ невольными исполнителями своихъ опредѣленій. Свободныя дѣйствія Богъ предвидитъ, какъ свободныя, видитъ все теченіе свободнаго лица и общій итогъ всѣхъ его дѣяній. И видя то, опредѣляетъ, какъ бы то было уже совершившимся. Ибо не просто предопредѣляетъ, но предопредѣляетъ предувѣдавъ (Θеод.). Мы опредѣляемъ человѣка, что хорошъ или худъ, видя дѣла его, предъ нами имъ надѣланныя. И Богъ предопредѣляетъ по дѣламъ же,—но дѣламъ предвидѣннымъ, такъ какъ бы они уже были сдѣланы. Не дѣйствія свободныхъ лицъ суть слѣдствіе предъопредѣленія, а само предопредѣленіе—слѣдствіе свободныхъ дѣлъ.

Такъ предувѣдалъ Богъ и всѣхъ, которые истинно увѣруютъ въ Господа, внявъ призванію чрезъ благовѣстіе Евангелія, и послѣдуютъ за Нимъ вѣрнымъ исполненіемъ заповѣдей Его, и освятившись благодатію станутъ святы. И въ силу сего предвѣдѣнія предопредѣлилъ имъ быть такими и соотвѣтственную тому воспріять часть въ вѣчности. Предопредѣленіе Божіе обнимаетъ и временное и вѣчное. Апостолъ указываетъ, къ чему предопредѣлены предувѣдѣнные, именно—къ тому, чтобъ имъ *сообразнымъ быти образу Сына Его.* Но сіе сообразіе пріемлется и усвояется здѣсь, а завершается въ вѣчности. Здѣсь вѣрующіе и рѣшающіеся послѣдовать Господу облекаются во Христа Сына Божія воплощеннаго въ св. таинствѣ крещенія, и пріявъ даръ Духа Святаго въ муропомазаніи, преобразуются потомъ во всемъ своемъ естествѣ, взаимодѣйствіемъ свободы и благодати, въ

образъ Христа Господа. Облаченіе во Христа въ крещеніи полагаетъ норму для будущаго преображенія, какъ бы сѣмя, изъ котораго потомъ развивается новый человѣкъ—Христоподобный. Но все сіе здѣсь сокрыто, въявь же пріидетъ въ будущемъ. Въ полной силѣ явятся подобными Христу Господу истинные христіане, когда Онъ пріидетъ, теперь же еще не у явися, что они будутъ (1 Ін. 3, 2). „Видишь ли высоту чести,—взываетъ св. Златоустъ? Чѣмъ былъ Единородный по естеству, тѣмъ они стали по благодати.“ „Ибо и сами сдѣлались сынами Божіими“ (Θеоф.). Такъ перстные дѣлаются такими же, *яковъ Небесный* (1 Кор. 15, 49). (Кириллъ у Экум.).

Слову—*образъ*—въ словахъ: *сообразныхъ быти образу Сына Его*, можно не доискиваться особаго значенія, видя въ немъ одно усиленіе преобразованія вѣрующихъ во Христа, или полнѣйшее ихъ съ Нимъ сообразіе; но бл. Θеодоритъ усматриваетъ здѣсь такой оттѣнокъ мысли: „какъ вѣрующіе сообразны образу Сына Божія, сіе Апостолъ яснѣе изложилъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. Ибо сказавъ: *житіе наше на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа Іисуса Христа*, присовокупилъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 20. 21). А тѣло наше, конечно, сообразно будетъ не Божеству Его, но тѣлу славы Его.“

Яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ. Указывая на родство съ Господомъ Спасителемъ, слова сіи окрыляютъ надежду, утверждая нѣкую необходимость полученія чаемаго. Гдѣ Сынъ Божій воплотившійся, Спаситель нашъ тамъ необходимо быть и тѣмъ, кои содѣлались сообразными Ему. Онъ одесную Бога: тамъ окрестъ Его, подъ Нимъ, яко главою,—или братомъ первороднымъ, соберутся и всѣ сообразные Ему, братія Его. Не

затѣмъ Онъ воплотился и возставилъ въ Себѣ естество человѣческое, чтобы оставаться единичнымъ, но чтобы собрать къ Себѣ всѣхъ, въ коихъ возстановится сіе естество, по образу Его и силою Его. Онъ—начатокъ, первородный; за Нимъ и всѣ вѣрующіе, перерождающіеся по образу Его. „Первородный Онъ между многими братіями по домостроительству; ибо по Божеству Онъ есть Единородный. Онъ, воспріявъ плоть, соединилъ ее всю и всецѣло со всѣмъ естествомъ Своимъ; сталъ начаткомъ нашимъ, освятивъ въ Себѣ осужденное наше естество, и потому достойно есть первородный, а мы именуемся братіями Его“ (Θеоф.). „Первороденъ Онъ въ рожденіи безъ грѣха; первороденъ – изъ мертвыхъ; первороденъ, по побѣдѣ надъ смертью, возшедши на небеса. Итакъ Онъ первороднымъ намъ братомъ именуется, яко благоволившій родитися человѣкомъ; но въ тоже время Онъ есть и Господь нашъ, яко Богъ“ (Амвр.). „Апостолу показалось недостаточнымъ сказать: *сообразныхъ*; но онъ присовокупилъ еще: *яко быти Ему первородну*. И тѣмъ не ограничиваясь, послѣ сихъ словъ прибавляетъ еще: *во многихъ братіяхъ*. Всячески хочетъ показать явное родство. Впрочемъ все сіе должно разумѣть о Сынѣ Божіемъ относительно къ Его воплощенію, потому что по Божеству Онъ есть Единородный. Видишь ли, сколько сообщено намъ благодатныхъ даровъ? Итакъ не сомнѣвайся въ будущихъ дарахъ“ (Св. Злат.).

Сими двумя дѣйствіями--предвѣдѣніемъ и предопредѣленіемъ, сходящимися воедино, исчерпывается предвѣчное предначертаніе Божіе о спасаемыхъ. Теперь Апостолъ укажетъ, какъ приводится самимъ же Богомъ сіе предначертаніе въ исполненіе.

Ст. 30. *А ихже предустави, тѣхъ и призва: а ихже призва, сихъ и оправда: а ихже оправда, сихъ и прослави.*

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Въ комъ предузналъ твердое

расположеніе, тѣхъ изначала *предуставиі*, а предуставивъ *призва*; потомъ призвавъ, *оправда* крещеніемъ; оправдавъ же, *прослави*, наименовавъ сынами и даровавъ имъ благодать Всесвятаго Духа.“ Предуставленъ былъ первоначально образъ спасенія всѣхъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Который и совершилъ его и учредилъ всю экономію спасенія. Учредивъ все сіе, Онъ послалъ св. Апостоловъ звать ко спасенію желающихъ спасенія. Сіе изображаетъ Премудрый такъ: *Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь: закла своя жертвенная, и растворі въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу* (Прит. 9, 1—3). Тоже живописуетъ Спаситель въ притчѣ о брачномъ обѣдѣ, устроенномъ царемъ для сына своего. Приготовивъ все, онъ послалъ рабовъ звать на бракъ: *рцыте: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки* (Матѳ. 22, 4). *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари* (Мр. 16, 15). Апостолы пошли и звали,—всѣхъ звали. Но какъ же говорится: *ихже предустави, тѣхъ и призва?* Предуставленные тоже, что избранные, а изъ званныхъ не всѣ избранные, сказалъ Господь и дѣло показало. Зовутся всѣ; но изъ званныхъ не всѣ послѣдуютъ званію,—не всѣ дѣлаются призванными. Призваннымъ слѣдуетъ назвать того, который уже принялъ Евангеліе и увѣровалъ. Но и въ этомъ числѣ не всѣ избранные, не всѣ предопредѣленные къ сообразію съ Сыномъ въ правѣ и въ славѣ. Ибо многіе не остаются вѣрными званію, и—или въ вѣрѣ погрѣшаютъ, или въ жизни храмлютъ на обѣ плесни. А избранные и предуставленные пребываютъ вѣрными до конца. Какъ же Апостолъ говоритъ, что которыхъ предуставилъ Богъ, тѣхъ и призвалъ?—Мы теперь всѣ призванные; ибо находимся въ церкви Божіей, въ домѣ Бога нашего. Но

кто изъ насъ, смотря на грѣхи свои, можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ состоитъ въ числѣ предуставленныхъ избранниковъ? Слѣдовательно надобно различать между призванными и призванными. Одни изъ нихъ суть предопредѣленные ко спасенію и славѣ, а другіе не предъопредѣленные. И если сіе необходимо различать, необходимо положить различіе между призваніемъ и призваніемъ. Избранные и предуставленные особеннымъ образомъ проходятъ актъ призванія, хотя слово призванія всѣхъ оглашаетъ одинаково. Начавшись здѣсь, сіе различіе избранниковъ продолжается потомъ и во всѣхъ послѣдующихъ актахъ на пути спасенія, или къ Богу приближенія, и доводитъ ихъ до блаженнаго конца. Въ чемъ именно сія разность, опредѣлить нельзя; но не въ одной благодати, сопровождающей слово призванія, а и въ настроеніи и удобопріемлемости призываемыхъ, кои суть дѣло ихъ произволенія. Амвросіастъ пишетъ: „Призвать значитъ задумавшему вѣровать помочь увѣровать или побудить къ вѣрѣ того, о комъ предувѣдано, что онъ послушаетъ. Эти предувѣдѣнные пребываютъ вѣрными до конца и состоятъ подъ Божіимъ благоволеніемъ. О прочихъ же, коихъ не предувѣдѣлъ Богъ, нѣтъ Ему заботы, потому что Онъ не предувѣдѣлъ ихъ, что пребудутъ угодными Ему до конца. Пусть они и вѣруютъ и пріемлются на время въ сонмъ избранныхъ, такъ какъ кажутся добрыми, а справедливость требуетъ воздавать каждому свое: но не пребываютъ до конца, и не внидутъ въ славу, какъ видимъ на Іудѣ, Саулѣ и другихъ.“ Когда призываются избранники, идутъ и сіи вмѣстѣ съ ними и все получаютъ что и тѣ; но побудутъ много или немного въ оградѣ сей, и уходятъ, какъ тѣ, которые ходили въ слѣдъ Господа, но послѣ того, какъ Онъ предложилъ ученіе о причащеніи, оставили Его и не ходили уже болѣе съ Нимъ (Ін. 6, 71).

Очень смутительно видѣть себя въ числѣ званныхъ, и думать: ну-ка я случайно попалъ въ число званныхъ и совсѣмъ не принадлежу къ званнымъ предуставленнымъ? Доходить до сего всего удобнѣе намъ, раждающимся среди званныхъ, и когда приходимъ въ самосознаніе, видящимъ себя уже призванными. Потому ли призваны мы, что предуставлены? Отвѣтъ на это такой: если ты вѣренъ званію Христову; то знай, что тебѣ нѣтъ основанія исключать себя изъ числа предуставленныхъ. Пребудь вѣренъ и благословляй Бога, призвавшаго тебя къ сообразію съ Сыномъ Его помимо тебя. Если пребудешь такъ до конца, то не сомнѣвайся, что и тамъ срѣтитъ тебя безпредѣльная милость Божія. Если и падешь, не падай въ отчаяніе, а спѣши покаяніемъ опять стать въ чинъ, изъ коего испалъ, подобно Петру. Если и многократно падешь, вставай, вѣруя, что, вставши, ты опять вступаешь въ сонмъ призванныхъ по предуставленію. Только нераскаянные грѣшники и ожесточенные невѣры могутъ быть исключены изъ сего сонма; но и то не рѣшительно. Разбойникъ уже на крестѣ, въ послѣднія минуты жизни, былъ схваченъ и взятъ Сыномъ Божіимъ въ рай. Мы не можемъ сказать, что не состоимъ въ числѣ предуставленныхъ, но не можемъ сказать и противнаго тому. Но поелику путь къ тому всѣмъ открытъ, и всѣмъ возвѣщается и мы призваны идти по нему; то и будемъ идти въ увѣренности, что если дойдемъ до конца, то вступимъ и туда, что стоитъ въ концѣ семъ. Предуставилъ Богъ, какъ предвидѣлъ. Тоже и въ отношеніи къ намъ. Богъ предвидѣлъ, чего возжелаемъ мы и къ чему будемъ стремиться, и соотвѣтственно тому положилъ опредѣленіе о насъ. Слѣдовательно все дѣло въ нашемъ настроеніи. Блюди доброе настроеніе, и попадешь въ избранники предуставленные. О царствѣ Божіемъ Господь сказалъ, что неустанные ревнители, себя не жалѣющіе и на вся-

кое добро нудящіеся, восхищаютъ его,—ἁρπάζουσι,—будто насильно изъ рукъ Божіихъ вырываютъ. Напряги усиліе и ревнованіе, и завоюешь себѣ избраніе. Впрочемъ сіе-то и означаетъ, что ты изъ предуставленныхъ избранниковъ: ибо неизбранникъ не станетъ ревновать.

А ихже призва, сихъ и оправда. Призваніе завершается отъ лица Божія возвѣщеніемъ Евангелія съ великою благодатною силою, сопровождающею сіе слово, а со стороны человѣка принятіемъ благовѣстія, увѣрованіемъ въ него искреннимъ и полною готовностію жить по указаніямъ его. Когда совершится сіе въ духѣ человѣка, тогда облекается онъ отъ лица Божія въ оправданіе. Оправданіе сіе состоитъ въ прощеніи всѣхъ прежнихъ неправдъ и въ уготовленіи или снаряженіи человѣка на всякую правду послѣ сего, чрезъ сообщеніе ему благодати Всесвятаго Духа, возраждающей, просвѣщающей и укрѣпляющей. Совершается сіе въ св. крещеніи. Св. Златоустъ говоритъ: „оправдалъ банею возрожденія.“ Θеофилактъ: „*оправда,* освободивъ отъ грѣховъ и содѣлавъ праведными чрезъ баню возрожденія.“ Апостолъ пишетъ призваннымъ уже и оправданнымъ, носившимъ въ себѣ оправдательную силу о Христѣ Іисусѣ и чувствовавшимъ ее. Носится она и чувствуется и нынѣ всѣми, право шествующими въ слѣдъ Господа.

А ихже оправда, сихъ и прослави. Какъ *прослави,* когда христіанъ всюду презирали и гнали? Настоящее было не славно, а будущее, хотя и чрезъ мѣру славное, еще не пришло. Какъ же *прослави?* Внутреннимъ прославленіемъ, въ коемъ основа и для будущаго. Внутреннее прославленіе не то значитъ, чтобы внутри все изрекало славу оправданнымъ, а то, что чрезъ оправданіе внутри созидается преславное состояніе, дивное для Ангеловъ, благоволимое Богомъ. Благодать Духа ради всецѣлой покорности ихъ ея водительству проникаетъ

ихъ во всѣхъ частяхъ и силахъ и дѣлаетъ ихъ такими, какими быть они предопредѣлены, т.-е. сообразными образу Сына Божія воплотившагося, сынами Богу по благодати. Не славно ли сіе? И что другое можетъ сравниться съ сею славою? Св. Златоустъ говоритъ: „*прослави* благодатію, усыновленіемъ.“ Тоже и Θеофилактъ: „удостоивъ ихъ усыновленія и давъ имъ прочіе дары.“

Апостолъ пишетъ, что Богъ предувѣдѣлъ и предопредѣлилъ, затѣмъ—призвалъ, оправдалъ, прославилъ. Все—Богъ; а мы-то что-жь? Если все Богъ, то намъ не сложить ли уже рукъ? На кого захочетъ Онъ такъ дѣйствовать, того ужь непремѣнно доведетъ до блаженнаго конца. А когда не захочетъ, сколько хочешь бейся, ничего не выйдетъ. Но кто начинаетъ биться и бьется, тотъ-то и есть желаемый Богомъ. Когда говорится, что Богъ и призываетъ и оправдываетъ, это не значитъ, чтобъ призываемымъ и оправдываемымъ это ничего не стоило. Богъ влечетъ, они изъявляютъ желаніе послѣдовать и рѣшаются на то,—и текутъ, борясь съ предлежащими противностями и при помощи Божіей преодолѣвая ихъ. Теченіе сіе напряженно и путь сей есть кровный путь. Онъ совершается при взаимодѣйствіи благодатной силы Божіей и произволенія человѣческаго. Апостолъ изображаетъ въ семъ дѣлѣ только одну сторону—Божеское вседѣйствіе для того, чтобы потомъ вывесть: если такъ, чего намъ бояться? Ибо и рѣчь о семъ началъ съ цѣлію выставить твердыя *основанія* упованія. А это требовало останавливаться *вниманіемъ* преимущественно на томъ, что идетъ отъ Бога въ устроеніе нашего спасенія. Что отъ насъ, *это* всякій самъ уже дополнитъ при семъ. Но какъ *иной* можетъ мысль о нашемъ участіи обратить въ недоумѣніе и застрять на немъ; то нѣкоторые изъ нашихъ толковниковъ приходятъ таковымъ на помощь.

Какъ начало всего вседѣйствія Божія, здѣсь изображаемаго, есть предвѣдѣніе, ибо предувѣдѣвъ предустави, и потомъ сихъ предувѣдѣнныхъ и предуставленныхъ—*призва, оправда и прослави;* то бл. Θеодоритъ на немъ останавливается, чтобы сказать, что оно,—а слѣдовательно и всѣ послѣдующія дѣйствія Божіи,—не отнимаетъ свободы у предувѣдѣнныхъ. Онъ пишетъ: „Никто да не утверждаетъ, что причина сего (призванія, оправданія, прославленія)—предвѣдѣніе; потому что не предвѣдѣніе сдѣлало ихъ такими, но Богъ издалече предусмотрѣлъ будущее, какъ Богъ. Ибо если я, смотря на рьянаго коня, который закусилъ удила и сбросилъ съ себя сѣдока, скажу, что онъ, приближась къ стремнинѣ, бросится въ нее, и потомъ по слову моему исполнится это; то не я ввергнулъ коня въ пропасть; предсказалъ же, что это будетъ, воспользовавшись, какъ признакомъ, отчаяннымъ бѣшенствомъ коня. Богъ же всяческихъ издалека все предвидитъ, какъ Богъ; а не доводитъ до необходимости, одного преуспѣвать въ добродѣтели, другаго же дѣлать зло. Ибо еслибы самъ принуждалъ къ тому и другому; то несправедливо было бы одного провозглашать побѣдителемъ, а другому опредѣлять наказаніе. А если Богъ справедливъ, какъ и дѣйствительно справедливъ, то побуждаетъ къ доброму и запрещаетъ противное тому, хвалитъ дѣлателей добра и наказываетъ по волѣ своей возлюбившихъ порокъ.“

Экуменій приводитъ слова св. Кирилла (не видно, какого), въ которыхъ онъ утверждаетъ, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Божіихъ надо доразумѣвать сказанное предъ симъ: *сущимъ*—κατὰ πρόθεσιν,—по произволенію ихъ,—*званнымъ*. Именно *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави,*—τοὺς κατὰ πρόθεσιν — соотвѣтственно произволенію ихъ. *Ихже предустави, тѣхъ и призва,*—τοὺς κατὰ προθεσιν,—не связывая ихъ произволенія. *Ихже призва, сихъ и*

оправда, τοὺς κατὰ πρόθεσιν,—не безъ участія ихъ произволенія. *Ихже оправда, сихъ и прослави*,—опять *сущимъ* κατὰ πρόθεσιν *званнымъ*,—сообразно съ направленіемъ ихъ произволенія. Доразумѣвать сіе надобно, чтобы не пришелъ кто къ неумѣстному заключенію, будто Богъ однихъ создалъ для добра, а другихъ для зла. А если доразумѣвать это—κατὰ πρόθεσιν,—по произволенію; то во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ будетъ очевидно участіе и собственнаго произволенія вѣрующихъ, и Богъ будетъ созерцаемъ чуждымъ всякаго лицепріятія.“

γ).

Ст. 31. *Что убо речемъ къ симъ? Аще Богъ по насъ, кто на ны?*

Указавъ Божіи о спасаемыхъ предначертанія и дѣйствія, дѣлаетъ изъ того выводъ, направляя его къ утвержденію упованія, о чемъ и ведетъ теперь рѣчь. Онъ какъбы такъ говоритъ: изъ всего сказаннаго видно, что Богъ съ нами и за насъ стоитъ. А если *Богъ по насъ, кто на ны?* Если относить сіе къ будущимъ уповаемымъ благамъ, то будетъ: кто силенъ вырвать у насъ изъ рукъ сіе уповаемое, когда Богъ по насъ? А если относить къ настоящему положенію скорбному при богатствѣ внутреннемъ; то будетъ: кто силенъ этими внѣшними прискорбностями причинить намъ зло, умалить или разстроить дарованное намъ внутри, и чрезъ то лишить насъ уповаемаго? Фотій у Экуменія пишетъ: „*Что убо речемъ къ симъ?* Къ чему это? Къ тому, что предопредѣлилъ, призвалъ, оправдалъ и прославилъ,—смотря на это обиліе благодѣяній, что речемъ? Даже словъ благодарственныхъ не имѣемъ достаточно къ возблагодаренію, а не только дѣлъ къ воздаянію. Столь неизреченна благодать Его къ намъ! Затѣмъ, какъбы насытившись сихъ благъ, говоритъ: *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* давая разумѣть, что—

никто. Но откуда видно, что Богъ по насъ? Изъ того всякій умъ изумленіемъ поражающаго блага, что Онъ и Сына Своего не пощадилъ за насъ. Итакъ, если Богъ по насъ, то явно, что Онъ все обратитъ въ полезное для насъ, и кажущееся прискорбнымъ сдѣлаетъ причиною радости, какъ для Апостоловъ и мучениковъ скорби, гоненія и смерти обратилъ въ предметъ, заслуживающій вѣнцы и награды и отверзающій дверь въ царство небесное. Такимъ образомъ, если только мы сами въ чемъ не преткнемся, никто не силенъ противъ насъ."

Св. Златоустъ пространнѣе изображаетъ, сколько основъ для упованія подаетъ Апостолъ въ семъ краткомъ изреченіи. „Апостолъ какъбы такъ говоритъ: не упоминай мнѣ о напастяхъ и козняхъ, встрѣчающихъ тебя всюду. Пусть нѣкоторые не вѣрятъ будущему, но они ничего не могутъ сказать противъ благъ уже дарованныхъ, какъ-то давней къ тебѣ Божіей любви, оправданія, славы. Но кто же не противъ насъ, спросишь ты? Противъ насъ цѣлая вселенная, и мучители, и народы, и сродники, и сограждане. Впрочемъ всѣ тѣ, которые противъ насъ, такъ далеки отъ возможности вредить намъ, что невольно дѣлаются для насъ причиною вѣнцевъ, ходатаями безчисленныхъ благъ. Такъ Божія премудрость обращаетъ всѣ козни въ наше спасеніе и славу. Видишь, какимъ образомъ противъ насъ никто? И Іова сдѣлало знаменитымъ то, что противъ него вооружался діаволъ. Діаволъ воздвигъ противъ него друзей, жену, раны, домашнихъ, безчисленныя другія ухищренія; однакоже ничто не было противъ него. Поелику за него былъ Богъ, то все, повидимому, возставшее противъ него за него было. Тоже случилось и съ Апостолами. — Іудеи, язычники, лжебратія, правители, народы, голодъ, нищета — безчисленныя бѣдствія возстали противъ нихъ; но ничто не было противъ нихъ. Ибо все сіе содѣлало ихъ осо-

бенно знаменитыми, славными и достойными похвалы предъ Богомъ и предъ людьми. Такъ и вѣрующему, строго исполняющему законъ Божій, не можетъ никакого зла сдѣлать ни человѣкъ, ни демонъ, ни другой кто. Лишишь ли его имущества, тѣмъ соплетешь ему награду. Отзовешься ли о немъ худо, своимъ злорѣчіемъ содѣлаешь его блистательнѣе предъ Богомъ. Доведешь ли его до голода, тѣмъ большая для него слава и большее воздаяніе. Предашь ли даже смерти, что всего ужаснѣе, тѣмъ соплетешь ему вѣнецъ мученическій. — Что можетъ сравниться съ жизнію человѣка, противъ котораго ничто не можетъ стоять, которому повидимому самые злоумышленники не менѣе приносятъ пользы, какъ и самые благодѣтели? Посему Апостолъ и говоритъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* Потомъ, не довольствуясь этими словами, выставляетъ и здѣсь тотъ величайшій признакъ Божіей къ намъ любви, къ которому всегда Онъ обращается, — я говорю о смерти Сына. Богъ не только оправдалъ, говоритъ Павелъ, прославилъ, содѣлалъ насъ подобными образу Его, но не пощадилъ для тебя и Сына. Посему и продолжаетъ:“

Ст. 32. *Иже убо Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?*

Въ отношеніи къ предыдущему слова сіи можно поставить такъ: Богъ далъ уже намъ такіе дары великіе— оправданіе, прославленіе въ духѣ,—и обѣщалъ еще больше. Если Богъ такъ благодѣйствуетъ для насъ, то не колеблись упованіемъ, что не только полученнаго никто не отъиметъ у насъ, но и обѣтованнаго не лишитъ. Такимъ образомъ, исходя изъ мысли о такой благопопечительности о тебѣ Божіей, ты не долженъ сомнѣваться ни въ чемъ этомъ. Но если тебѣ это основаніе кажется отвлеченнымъ, то посмотри на то, какъ Онъ даровалъ намъ

полученные нами дары. Чтобъ даровать ихъ намъ, Онъ Сына Своего не пощадилъ. Если Сына Своего не пощадилъ, выше и больше чего уже невозможно сдѣлать для насъ; то можешь ли колебаться, что Онъ дастъ и обѣтованное, когда оно не можетъ превышать сего? Большее далъ, меньшаго ли не дастъ?—Или такъ: много даровалъ, большее обѣтовалъ; но еслибы и еще и еще что оказалось потребнымъ и желательнымъ, не сомнѣвайся, что и то все даруетъ, когда Сына Своего не пощадилъ для насъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ говоритъ усиленно и съ великимъ жаромъ, дабы выразить любовь Божію. Оставитъ ли насъ Богъ, когда не пощадилъ для насъ Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его? Вообрази же, какова благость—не пощадить Своего Сына, но предать, предать за ничтожныхъ, неблагодарныхъ, враговъ, богохульниковъ!—*Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* Слова сіи значатъ: ежели Богъ даровалъ намъ Сына Своего, и не только даровалъ, но предалъ на убіеніе; то пріявъ въ даръ самого Владыку, что еще сомнѣваемся во всемъ прочемъ? Имѣя Господа, можно ли питать сомнѣніе въ разсужденіи полученія прочихъ даровъ? Кто даровалъ врагамъ (когда мы были враги) важнѣйшее, тотъ ужели не даруетъ друзьямъ (когда мы стали други) менѣе важнаго?“—Фотій у Экуменія касается нѣкоторыхъ и другихъ оттѣнковъ апостольскаго убѣжденія. „Приложилъ Апостолъ: *иже убо Сына своего не пощадѣ*—и прочее для того, чтобы показать неизреченное Божіе о насъ попеченіе, и для того, чтобы примѣромъ симъ расположить къ благодушному терпѣнію, когда случится пострадать что скорбное отъ другихъ, или даже—что больше сего,—чтобы воодушевить и окрылить на страданія. Ибо если Сынъ ради тебя столько пострадалъ, то тебѣ сколько надлежитъ пострадать ради Его? И если Онъ, пострадавъ такъ, никакого не понесъ ущер-

ба въ Отчей славѣ и Божествѣ; не малодушествуй и ты, будто крайне умаленный и окраденный, когда страждешь. Всеконечно ты сподобишься получить обѣтованное, и послѣ страданій, и послѣ смерти. Почему и прибавлено: *како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* — желая удостовѣрить, что обѣтованное дарованіе никакимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть отмѣнено. *Съ Нимъ вся намъ дарствуетъ*, говоритъ. Скажешь можетъ быть: какъ бы Онъ не забылъ про насъ? Но въ такомъ случаѣ Онъ забылъ бы и о Сынѣ Своемъ. Ибо Онъ съ Нимъ вся намъ даровать обѣщаетъ; такъ что всеконечно и неотложно мы получимъ обѣтованное.“

Ст. 33. *Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй.*

Уже всего сказаннаго достаточно было къ утвержденію упованія до непоколебимости; но будто опасаясь, какъбы не прокрались какія-либо помышленія къ поколебанію его, Апостолъ дѣлаетъ изъ сказаннаго нѣкоторыя наведенія, направленныя къ отраженію всего, могущаго напасть и колебать упованіе. И какъ прежде онъ утверждалъ упованіе, то щедродательностію и могуществомъ Божіимъ, то величіемъ домостроительства спасенія во Христѣ Іисусѣ; то и наведенія къ отраженію нападковъ на упованіе заимствуетъ изъ сихъ же источниковъ.

Вы, говоритъ онъ, получили великіе дары и еще большіе получите. Не сомнѣвайтесь, что такъ и будетъ, потому что все сіе устрояетъ Богъ. Но иному могло придти на мысль бывающее между людьми, что когда кому сильное лице дастъ что и пообѣщаетъ большее,—подкрадываются къ нему недоброжелатели получившаго даръ и, наговаривая на него всякую всячину, дѣлаютъ то, что даровавшій не только отмѣняетъ свое обѣщаніе даровать большее, но и дарованное имъ умаляетъ, или со-

всѣмъ отнимаетъ. Предполагая, что кому-либо могла придти мысль о такой случайности и въ области вѣры, Апостолъ обличаетъ ея неумѣстность, или обличеніемъ такой неумѣстности отвращаетъ даже возможность порожденія той мысли. Не безпокойтесь, какъбы говоритъ онъ; противъ васъ никто не посмѣетъ подать голоса (поемлетъ—ἐγκαλέσει). Вы Божіи избранники. Если между людьми бываетъ такъ, что когда изберутъ или опредѣлятъ что эксперты въ томъ родѣ; то никто уже не смѣетъ говорить противъ: противъ Божія ли избранія возможно ожидать противорѣчія? Но Богъ не только васъ избралъ, но и оправдалъ,—оправдалъ, не объявивъ только васъ помилованными, но сдѣлавъ существенно праведными: такъ что хотя бы и нашлись охотники подать голосъ противъ васъ, имъ не къ чему было бы придраться: вы праведны по благодати Божіей. Почему никакого нѣтъ повода колебаться вамъ въ упованіи, что и полученное будетъ сохранено въ васъ и обѣтованное на основаніи того не будетъ отнято у васъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „И смотри, какъ Апостолъ заграждаетъ уста, указывая на достоинство избраннаго! Не сказалъ,—кто будетъ обвинять рабовъ Божіихъ, но—избранныхъ Божіихъ. Избраніе есть знаменіе добродѣтели (достоинства избираемаго). Ежели занимающійся объѣзживаніемъ молодыхъ коней признаетъ ихъ способными къ бѣгу, никто не посмѣетъ опорочить его выбора, напротивъ смѣшенъ будетъ всякій, кто станетъ пересужать его. Тѣмъ смѣшнѣе, которые обвиняютъ, когда самъ Богъ избираетъ души.—*Богъ оправдаяй.* Апостолъ не сказалъ: Богъ отпускаетъ грѣхи, но, что гораздо важнѣе, Богъ оправдываетъ. Осуждающій такого, заслуживаетъ ли какое вниманіе? Итакъ не должно бояться ни искушеній, потому что за насъ Богъ, Который и доказалъ то Своими дѣлами,—ни іудейскаго пустословія,

потому что Богъ избралъ и оправдалъ насъ, а что еще удивительнѣе, оправдалъ смертію Сына."

Амвросіастъ пишетъ: „Что никакъ не можетъ быть взято назадъ Божіе о насъ предвѣдѣніе и опредѣленіе, это очевидно. Ибо кто же есть, кто могъ бы не одобрить то, что одобрилъ Богъ, когда никого нѣтъ равнаго Богу? Итакъ другаго никого нѣтъ, кто бы могъ не одобрить одобреннаго Богомъ: развѣ самъ Богъ не осудитъ ли можетъ быть насъ? Но и Онъ какъ станетъ осуждать то, что оправдалъ?"

Ст. 34. *Кто осуждаяй? Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ.*

Будто отвѣтъ на такую рѣчь: пусть некому со стороны навлечь на насъ нареканіе, а грѣхи-то? Не осудятъ ли насъ грѣхи наши? Экуменій пишетъ: „*осуждаяй*—подаетъ мысль, что рѣчь относится ко грѣхамъ." И грѣхи можно разумѣть или прошедшіе, которые, и по разрѣшеніи отъ нихъ, приходя на мысль, могутъ смущать упованіе, или паче—имѣющіе быть по принятіи оправданія: ибо кто безъ грѣха? Апостолъ отвѣчаетъ: какіе бы на комъ ни лежали грѣхи, не смущайтесь, только дѣйствуйте по тому правилу, какое законополагаетъ для очищенія отъ нихъ домостроительство нашего спасенія. Прежніе грѣхи омыты въ крещеніи; новые грѣхи, въ какіе впадете по немощи, будутъ прощены въ покаяніи. Ибо за грѣхи принесена жертва безпредѣльная; за нихъ умеръ Христосъ и, воскресши и вознесшись на небеса, сѣдитъ одесную Отца, чтобы ходатайствовать за согрѣшающихъ, которые прибѣгаютъ къ Нему со слезами покаянія. Грѣхи почитайте какъбы не сущими, и не колеблите ими упованія: только не ожесточайте сердца и спѣшите къ Господу съ покаяніемъ. Сія рѣчь Апостола схожа съ словами Іоанна Богослова: *Аще речемъ, яко грѣха не*

имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ. Аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды. И далѣе: *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете: и аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника* (1 Ін. 1, 8—9; 2, 1).

Христосъ умерый. Экуменій понимаетъ, что Апостолъ это говоритъ вопросительно, какъбы такъ: кто осуждаетъ? Христосъ ли умершій за грѣхи наши и возставшій за оправданіе наше, сѣдящій одесную Отца и ходатайствующій о насъ? выражая тѣмъ рѣшительную невозможность осужденія отъ лица Христа Господа, такъ что и возраженіе противъ сего не допускается.

Христосъ Господь умеръ за насъ, воскресъ, вознесся на небеса и сѣдя одесную Отца ходатайствуетъ о насъ. Какъ ходатайствуетъ? Самымъ присущіемъ Своимъ одесную Отца въ естествѣ человѣческомъ, носящемъ слѣды страданій и ранъ, которыя безъ словъ ходатайствуютъ о насъ непрестанно. Но Апостолъ выражаетъ болѣе,— ибо говоритъ: ἐντυγχάνει, бесѣдуетъ къ Богу ходатайственно о насъ. Этимъ всѣмъ выражается чрезмѣрная любовь къ намъ Христа Господа, всѣмъ желаніемъ желающаго спасти всѣхъ и каждаго изъ насъ. Если такова забота о насъ Господа, какъ не воодушевиться упованіемъ, что спасени будемъ, и царства небеснаго сподобимся?

„Чего ищешь выше сего? За насъ умеръ Владыка Христосъ и, воскреснувъ, совозсѣдаетъ со Отцемъ; даже и симъ не прекратилъ промышленія о насъ, но указуя на воспринятый отъ насъ начатокъ и показывая Отцу чистоту онаго, чрезъ него проситъ спасенія намъ“ (Θеод.).

„Кто насъ осудитъ, когда самъ Богъ вѣнчаетъ, когда Христосъ за насъ закалается. а по закланіи за насъ ходатайствуетъ? Явившись въ собственномъ своемъ достоин-

ствѣ (по воскресеніи и вознесеніи), Онъ не прекратилъ Своего о насъ промышленія, но ходатайствуетъ о насъ и сохраняетъ къ намъ туже самую любовь. Для Него мало было умереть за насъ, но, что особенно доказываетъ величайшую любовь, не только совершаетъ все, что отъ Него зависѣло, но умоляетъ о томъ Другаго. Это одно Апостолъ хотѣлъ показать словомъ—*ходатайствуетъ;* Онъ бесѣдуетъ человѣколюбиво и снисходительно, дабы показать любовь. А ежели Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными, ежели Христосъ умеръ и ходатайствуетъ о насъ, ежели Отецъ не пощадилъ за тебя Сына Своего, избралъ тебя и оправдалъ; то чего ты боишься? Что трепещешь, наслаждаясь такою любовію, такимъ попеченіемъ о тебѣ?“ (Св. Злат.).

Наши толковники считали нужнымъ прилагать при семъ объясненіе, въ какомъ смыслѣ здѣсь должно разумѣть ходатайство? Ходатайствуетъ, говорятъ, яко Искупитель и Спаситель нашъ по домостроительству спасенія въ вочеловѣченіи, а не яко Богъ Сынъ. Потому ходатайство сіе не означаетъ умаленія Божества Бога—Сына. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Сіе сказалъ Апостолъ о Немъ по человѣчеству. Ибо яко Богъ, не проситъ, но подаетъ. Если же еретики скажутъ, что Сынъ дѣлаетъ сіе по Божеству, то и симъ не умалятъ Его славы. Представимъ двухъ равночестныхъ царей, имѣющихъ одну и туже власть и обоихъ оскорбитъ какой-нибудь правитель области, или военачальникъ, но одинъ изъ нихъ, принявъ прежде просьбу оскорбившаго, проситъ о примиреніи съ нимъ своего соучастника въ царской власти; ужели это умаляетъ достоинство просящаго? Ни мало. Но здѣсь нельзя сказать и этого; потому что угодное Сыну, угодно и Отцу; у обоихъ одно хотѣніе. Посему у Апостола, вознамѣрившагося показать преизбытокъ попечительности, слово принимаетъ украшенный образъ рѣчи.“

Св. Златоустъ говоритъ: „Сперва сказалъ Апостолъ, что Христосъ *есть одесную Бога,* а потомъ присовокупилъ, что Онъ *ходатайствуетъ о насъ;* чѣмъ и доказалъ равночестіе и равенство, такъ что ходатайство надобно уже представлять себѣ слѣдствіемъ не меньшаго достоинства, но одной любви. Ибо когда самъ Онъ есть жизнь, источникъ всѣхъ благъ, равносиленъ Отцу, воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ, и все прочее дѣлаетъ; нужно ли Ему ходатайствовать для оказанія намъ помощи? Кто лишенныхъ надежды и осужденныхъ освободилъ отъ осужденія собственною властію, содѣлалъ праведными и сынами, Кто возводитъ ихъ на высочайшую степень чести, приводитъ въ исполненіе то, чего и ожидать было не возможно; тому, по совершеніи всего этого, по возведеніи естества нашего на царскій престолъ, нужно ли было ходатайствовать о томъ, что легче? Примѣчаешь ли, какъ все служитъ доказательствомъ, что словомъ *ходатайствуетъ* Апостолъ старался выразить не что иное, какъ горячность и силу любви Его къ намъ. И самъ Отецъ представляется умоляющимъ людей о примиреніи съ Нимъ: *о Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. 5, 20). И однакоже мы, когда говорится, что Богъ умоляетъ и что люди бываютъ отъ имени Христова посланниками къ людямъ, не представляемъ подъ симъ ничего унизительнаго для ихъ достоинства, а напротивъ изъ такихъ выраженій заключаемъ только о чрезвычайности любви. Такъ поступимъ и здѣсь.“

Экуменій приводитъ изъясненія сего ходатайства св. Кирилломъ и Фотіемъ. Св. Кириллъ говоритъ: „*ходатайствуетъ*—говорится въ отношеніи къ человѣчеству Христа Господа: ибо онъ Архіерей, какъ говорится: *Ты іерей во вѣкъ* (Евр. 7, 17. 22).“ Фотій пишетъ: „Господняго онаго гласа смыслъ здѣсь показываетъ и разъясняетъ Апостолъ, того гласа, который вознесъ Господь къ Отцу въ образѣ

молитвы: *Отче! Святи ихъ во истину Твою;* и: *молю, да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (Іоан. 17, 17. 15), и подобное. Ибо тогда изреченная молитва такую имѣетъ силу, что она всегда дѣйственна, и всегда замѣняетъ мѣсто устнаго ходатайства.“

Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „нѣкоторые понимали слова: *ходатайствуетъ о насъ*—такъ: поелику Онъ носилъ тѣло, и не сложилъ его (какъ пустословятъ манихеи), то это самое и есть предстательство и заступленіе ко Отцу: ибо, взирая на это, Отецъ воспоминаетъ о любви къ людямъ, по которой Сынъ Его понесъ тѣло, и такимъ образомъ склоняется къ милосердію и милости.“

б).

Ст. 35. *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія: скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? якоже есть писано.*

Рѣчь получаетъ новый оборотъ. Какъ поставить ее въ отношеніи къ предыдущей? Кажется такъ: изобразилъ Апостолъ основанія упованія нашего крѣпкія, кои всѣ исходятъ отъ чрезмѣрной къ намъ любви Божіей. Но какъ при всей силѣ основанія сіи прочны въ отношеніи къ каждому не безусловно, а подъ условіемъ его вѣрности къ Богу, то на это теперь и обращаетъ вниманіе св. Павелъ. Онъ говоритъ какъбы такъ: такою любовію Богъ объемлетъ насъ; не сомнѣвайтесь же, что и полученнаго не потеряете, и обѣщаннаго не лишитесь. Могло бы быть поколеблено такое упованіе наше, еслибы мы оказались невѣрными, неблагодарными и не любящими Бога. Но этого и быть не должно. Ибо *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* Кто приметъ въ чувство любовь Божію къ себѣ, тотъ не можетъ не возгорѣться любовію къ Богу. И затѣмъ пусть весь міръ возстанетъ на

него за сію любовь,—ужь онъ ни за что не отстанетъ отъ любви Божіей. А не отстанетъ отъ любви,—и въ упованіи своемъ ослабѣть, или поколебаться не можетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ, показавъ, сколь много промышляетъ о насъ Богъ, со всею свободою продолжаетъ рѣчь свою и говоритъ, что и вы должны столько же любить Бога; но, какъбы приведенный въ восторгъ симъ неизреченнымъ Промысломъ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?*“

Въ отвѣтъ на это онъ говоритъ: могли бы отлучить насъ отъ любве Божіей скорби и тѣсноты. Но имъ ли отлучить? Онѣ не должны имѣть на насъ такого дѣйствія (ст. 35–37). И затѣмъ прилагаетъ: и я увѣренъ, что онѣ и не возмогутъ возъимѣть такого на насъ разрушающаго дѣйствія (38–39). Ничего не можетъ быть воодушевительнѣе къ перенесенію скорбей и тѣснотъ любве ради Божія! Какъ въ обычномъ нашемъ быту бываетъ, что когда кто скажетъ другому: я увѣренъ, что ты того и того не сдѣлаешь, то этимъ дружескимъ или начальственнымъ словомъ налагаетъ на него обязательство несокрушимое къ тому, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать того: такъ поступилъ здѣсь и св. Павелъ.

Итакъ вопервыхъ Апостолъ указываетъ, что могло бы разлучить отъ любве Божія, но не возможетъ. И указываетъ только скорби и тѣсноты. Но онѣ ли однѣ могутъ это дѣлать? Развѣ прелести міра не сильны къ томуже? Даже не болѣе ли онѣ отводятъ отъ Бога и вѣрности Ему? И если не болѣе, то всегда могутъ быть выставлены на ряду съ скорбями и тѣснотами, какъ отвлекатели отъ любви Божіей. Почему же Апостолъ умолчалъ объ нихъ? Потому что кто устоитъ противъ натиска скорбей и тѣснотъ, на того прелести міра никакого уже вліянія возъимѣть не могутъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Дивись мудрости блаженнаго

Павла! Не упомянулъ о томъ, что ежедневно уловляетъ насъ въ плѣнъ,—о любви къ деньгамъ, о страсти къ славѣ, о мучительствѣ гнѣва; но перечисляетъ то, что гораздо сего мучительнѣе, дѣлаетъ насиліе самой природѣ, и часто противъ воли нашей потрясаетъ твердость ума.—онъ говоритъ о скорбяхъ и тѣснотахъ." А можетъ быть и потому не помянулъ Апостолъ о прелестяхъ, что тогда если и отклоняемъ кто бывалъ отъ любве Божія, то лишь скорбями, а никакъ не прелестями. Такъ много было скорбей и онѣ такъ были повсюдны, что прелести и на умъ никому не приходили.

Скорбь ли или тѣснота. Будто оглавленіе всего непріязненнаго любителямъ Бога о Христѣ Іисусѣ: *скорбь* болѣе съ внутренней стороны, — какъ непріязнь отражается въ сердцѣ; а *тѣснота* болѣе со внѣшней, относительно тѣла и внѣшняго положенія. —*Гоненіе*,—и въ семействѣ и въ обществѣ возстаютъ и не хотятъ терпѣть, чтобы между ними жилъ такой; и или прямо выгоняютъ или притѣсненіями и непріязнями самого заставляютъ убѣжать. И убѣгаетъ,—не рѣдко ни съ чѣмъ, и въ чемъ былъ; слѣдствіемъ чего неизбѣжнымъ бываетъ *гладъ и нагота*—кормиться нечѣмъ, одѣться не во что. Но это еще не все: гонители не успокоиваются изгнаніемъ и лишеніемъ всего,—ищутъ побить и убить; отъ этого *бѣда* неотступно виситъ надъ головою,—того и гляди схватятъ, измучатъ и убьютъ. Такъ всюду почти бывало въ частной жизни. Но иногда къ гонителямъ частнымъ присоединялось и правительство, —и брало *мечъ* въ руки, будто на пораженіе враговъ, на обезглавленіе любителей Божіихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „каждое слово заключаетъ въ себѣ безчисленныя полчища искушеній. Когда Апостолъ говоритъ (напримѣръ) о скорби, разумѣетъ и темницы, и узы, и доносы, и изгнанія, и всѣ прочія бѣдствія; однимъ словомъ обтекаетъ безбрежное море

напастей, и, короче сказать, въ одномъ реченіи открываетъ предъ нами всѣ человѣческія злоключенія. И несмотря на то, онъ отваживается на всѣ сіи бѣдствія. Апостолъ употребляетъ образъ рѣчи вопросительный, какъбы нимало не сомнѣваясь, что кто такъ любимъ и находится подъ такимъ промышленіемъ, того ничто не можетъ отлучить отъ любви (къ Благодѣтелю).“

Якоже есть писано. Мѣсто писанія изъ псалма (43, 23) приводитъ Апостолъ въ подтвержденіе будто только бѣдственности любителей Божіихъ; но если взять слова тѣ въ связи съ содержаніемъ псалма, то ими подтверждается и непоколебимость любви любящихъ Бога. Псаломъ изображаетъ крайнее бѣдствіе, постигшее народъ Божій, всего вѣроятнѣе плѣнъ и разсѣяніе, со всѣми сопровождавшими его прискорбностями. Но замѣчаетъ, что, несмотря на то, что все сіе постигло насъ, *мы не забыхомъ Тебе и не неправдовахомъ въ завѣтѣ Твоемъ, и не отступи вспять сердце наше* (—18—19). Такимъ образомъ очевидно, что если мы *умерщвляемся весь день*, то не за что другое, *а Тебе ради* (—ст. 23). Видя въ этомъ предъизображеніе положенія первыхъ христіанъ и ихъ водителей, Апостолъ привелъ сіе мѣсто, давая разумѣть: если тѣ такъ вѣрными Богу пребыли несмотря на тѣсноты, мы ли не пребудемъ? И *препобѣждаемъ* (—ст. 37). Наша вѣрность любви Божіей уже предъизображена. Мы исполняемъ лишь предначертанное. Или: какъ можно намъ отступить отъ предначертаннаго,—того, что за столько вѣковъ предъизображено относительно насъ?

Ст. 36. *Яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день: вмѣнихомся, яко овцы заколенія.*

Такъ написано. Слѣдовательно „намъ опредѣлено терпѣть зло отъ всякаго“ (Св. Злат.). Это, конечно, само по себѣ тяжело; но поелику такъ бываетъ съ нами *Тебе ради*, Господи, то все это переносимъ мы охотно, раду-

ясь, что за имя Твое подъемлемъ безчестіе. „При столь многочисленныхъ и великихъ бѣдствіяхъ, среди сихъ необычайно плачевныхъ событій для насъ служитъ достаточнымъ утѣшеніемъ самая причина подвиговъ, или, правильнѣе сказать, не только достаточнымъ, но даже изобильнымъ; ибо мы терпимъ сіе не для людей, не для чего-либо житейскаго, но для Царя всяческихъ“ (Св. Злат.).

Умерщвляемы есмы весь день—всякій день, или цѣлый день,—поминутно, непрестанно насъ умерщвляютъ. Умереть можно только однажды; но какъ опасность смерти висѣла надъ главою ихъ поминутно, и они радостно готовы были на смерть; то, очевидно, они поминутно въ сердцѣ приносили Богу жертву смерти, и это принимаемо было какъ дѣйствительная жертва смерти. „Поелику имъ, какъ людямъ, нельзя претерпѣть безчисленныхъ смертей, то доказываетъ, что отъ сего награды нисколько не уменьшатся. Хотя по естественному жребію человѣку можно умереть только однажды; но если захотимъ, Богъ даровалъ намъ возможность ежедневно умирать произволеніемъ. А изъ сего видно. что по преселеніи отселѣ столько будемъ имѣть вѣнцевъ, сколько проживемъ здѣсь дней, или даже число вѣнцевъ будетъ и больше: ибо въ одинъ день можно умереть и однажды, и дважды, и многократно. Кто готовъ на сіе, тотъ всегда получаетъ совершенную награду. Сіе разумѣлъ и Пророкъ, сказавъ: *весь день*. Апостолъ же привелъ его слова для большаго возбужденія слушателей. Ежели ветхозавѣтные, говоритъ онъ, которые имѣли наградою трудовъ своихъ землю и то, что преходитъ съ настоящею жизнію, столько презирали настоящую жизнь, искушенія и бѣдствія; то какое извиненіе будемъ имѣть мы, которые имѣемъ наградою небо, горнее царство, неизреченныя блага, если ослабѣемъ духомъ и не достигнемъ даже той мѣры, какой до-

стигали ветхозавѣтные? Хотя Апостолъ не сказалъ сего прямо, довольствуясь однимъ свидѣтельствомъ; но далъ ясно разумѣть совѣстямъ слушателей“ (Св. Злат.).

Вмѣнихомся яко овцы заколенія. Овцы заколенія сами себя защитить не могутъ, а другимъ и на мысль не приходитъ заступиться за нихъ. Всѣ думаютъ, что такъ имъ и должно и что въ этомъ для нихъ большая честь. Примѣняя это къ себѣ, Апостолъ говоритъ какъбы: мы это видимъ и знаемъ, и величаемся тѣмъ,—не только не противимся, но и сами охотно предаемъ себя на закланіе. „Доказываетъ, что тѣла ихъ суть жертва,—но что они не страшатся и не смущаются, потому что мздовоздаятель имъ—самъ Богъ. Видишь ли мужество и кротость? Какъ овцы не противятся, когда ихъ закалаютъ; такъ и мы, говоритъ Павелъ. Но поелику человѣческій разумъ и послѣ столькихъ примѣровъ по своей немощи могъ страшиться множества искушеній; то смотри, какъ Апостолъ снова возставляетъ, возвышаетъ и восторгаетъ слушателя, говоря:“ (Св. Злат.).

Ст. 37. *Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны.*

Слова псалма привелъ Апостолъ вмѣсто того, чтобы своимъ словомъ изображать скорбное тогдашнее состояніе – Апостоловъ и христіанъ. Теперь прилагаетъ отъ себя: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ.* Ничто изъ этого не колеблетъ нашей вѣры и преданности Господу: *препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны.* Сила побѣдительная исходитъ отъ любви къ Господу. Онъ насъ столько возлюбилъ! Его любовь къ намъ возжгла въ насъ любовь къ Нему. Горя любовію къ Нему, мы пребываемъ Ему вѣрными несмотря на столько смертей, грозящихъ намъ. Ибо *крѣпка, яко смерть, любы* (Пѣснь пѣс. 8, 6). Мы уже отдали себя на смерть за Него однажды навсегда; потому эти предсмертныя только скорби для насъ ничего

не значатъ.—ихъ мы легко препобѣждаемъ. Отдали мы себя на смерть за Него: „ибо разсуждаемъ, что всего несообразнѣе Владыкѣ Христу принять за грѣшниковъ смерть, а намъ не со всею радостію терпѣть за Него закланіе“ (Θеод.). Отсюда и силу беремъ препобѣждать всякія искушенія. „То и удивительно, что мы не только побѣждаемъ, но побѣждаемъ тѣмъ самымъ, посредствомъ чего строятъ намъ козни; и не просто побѣждаемъ, но препобѣждаемъ, т.-е. со всею легкостію, безъ трудовъ и пота. Повсюду возцвигаемъ памятники побѣдъ надъ врагами, не только когда дѣйствительно терпимъ но даже когда имѣемъ одно готовое расположеніе. И весьма справедливо. потому что Богъ намъ споборствуетъ. Итакъ, не теряй вѣры, что мы, будучи подвергаемы побоямъ, одолѣваемъ біющихъ, будучи изгоняемы, держимъ въ своей власти гонителей и, умирая, поражаемъ живыхъ. Ежели примешь во вниманіе Божію силу и любовь, то увидишь, что нѣтъ никакого препятствія совершаться симъ чудеснымъ и необыкновеннымъ дѣйствіямъ, и возсіять величайшей побѣдѣ Апостолы не только побѣждали, но и удивляли своими побѣдами; всякій могъ видѣть, что у нихъ была брань не съ (одними) коварными людьми, но (паче) съ оною неодолимою силою. Смотри, какъ Іудеи, окруживъ ихъ, недоумѣваютъ и говорятъ: *что сотворимъ человѣкома сима?* (Дѣян. 4, 16). То и удивительно, что имѣвшіе ихъ въ своей власти, требовавшіе у нихъ отчета. имѣвшіе право вязать ихъ и убивать мечемъ, находятся *въ* затрудненіи, и опасаются быть побѣжденными отъ тѣхъ, кого надѣялись побѣдить. Ни мучитель, ни исполнитель казни, ни полчища бѣсовъ, ни самъ діаволъ не могли побѣдить ихъ; напротивъ, всѣ сами побѣждены совершенно, и видятъ козни свои обращающимися въ ихъ пользу. Посему и сказалъ Павелъ: *препобѣждаемъ*. Это былъ новый образъ побѣды—одолѣвать тѣмъ, чѣмъ враги думали одолѣть,

и никогда не быть одолѣваемымъ,—выходить на ратоборство, какъбы имѣя уже въ своей волѣ торжество побѣды!“ (Св. Злат.).

Не такъ ли лучше понять рѣчь Апостола со словъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* до конца, — что здѣсь онъ говоритъ собственно объ Апостолахъ? Прежде, предлагая основанія упованія, онъ имѣлъ въ мысли и Апостоловъ, и всѣхъ вѣрующихъ; а теперь, когда надлежало говорить объ условіи непреложности обѣтованій со стороны вѣрующихъ, именно о ихъ къ Богу вѣрности и любви, Онъ вмѣсто убѣжденія къ тому, предлагаетъ примѣръ Апостоловъ, живописуя ихъ твердость восторженною рѣчью: *Кто ны разлучитъ?* И свидѣтельство псалма къ нимъ же болѣе идетъ, равно какъ и это: *препобѣждаемъ.*

Стт. 38. 39. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тваръ кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Спрашивалъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* Теперь отвѣчаетъ: *извѣстихся,* что-ничто и никто не можетъ насъ разлучить отъ любви сей. *Извѣстихся,*—πέπεισμαι,—я убѣдился, убѣжденъ. Извѣщеніе бываетъ свыше, но здѣсь говорится о свойственныхъ человѣку, яко человѣку, убѣжденіяхъ. Изъ всего, что мнѣ даровано, что было со мною, какія искушенія испыталъ, и какія избавленія видѣлъ, я вынесъ убѣжденіе, что ни меня, ни подобныхъ мнѣ, ничто не можетъ отлучить отъ любве Божія, т.-е. погасить въ насъ любовь къ Богу и уклонить къ исканію чего-либо другаго, кромѣ угоднаго Богу. Выставляетъ свое убѣжденіе; но сознавая, что онъ не одинъ таковъ, общую всѣхъ, подобно ему воодушевленныхъ любовію къ Богу, изъявляетъ непоколебимую вѣрность, чтобы и всѣхъ христіанъ во всѣ времена вооду-

шевлять къ такой же любви и такой же увѣренности. Я увѣренъ, что кто вкуситъ однажды истинную любовь къ Богу, того ничто уже отъ нея оторвать не можетъ, тотъ не промѣняетъ ея ни на что и не позволитъ себѣ прильнуть сердцемъ къ чему-либо другому, кромѣ Бога. Этимъ завершаетъ Апостолъ указаніе основъ упованія со стороны человѣка—въ вѣрности Богу непоколебимой, любовной. Онъ не предписаніе даетъ, а изъявляетъ свою воодушевленную ревность; а воодушевленіе, обычно, увлекаетъ всѣхъ, видящихъ воодушевленнаго.

Что касается до перечисленія того, что могло бы отвлечь отъ любви Божіей, то имъ Апостолъ имѣлъ въ виду выразить одну только мысль, что никто и ничто не можетъ отвлечь отъ Бога возлюбившаго Его,—ничто изъ того, что есть и воображаемо быть можетъ кромѣ Бога. Почему можно и не останавливаться особымъ вниманіемъ на указываемыхъ имъ предметахъ. Наши толковники и не стараются опредѣлять ихъ съ точностью, а только общую представляютъ картину всего. Такъ бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Противъ любви Божіей положивъ на вѣсы всю тварь въ совокупности, и къ видимому присоединивъ мысленное, ко благамъ настоящимъ приложивъ ожидаемыя и даже угрожающія наказанія (ибо глубиною, какъ думаю, называетъ геенну, а высотою царство), а сверхъ сего вѣчную жизнь и вѣчную смерть, и усматривая, что все это еще недостаточно, Апостолъ ищетъ, что еще приложить бы иное; не видя же другую такую, и многократно взятую тварь представляетъ въ словѣ и видитъ, что это все не равняется любви Божіей. Не соглашусь я, говоритъ какъбы, и царство небесное, и все видимое и мыслимое, и еще тоже самое, вдвое и втрое взятое, имѣть безъ любви (или вмѣсто любви) къ Богу. Если же кто предложитъ мнѣ настоящія и будущія скорби, временную и вѣчную смерть и вѣковѣчное мученіе въ

геенне; то, при любви къ Богу, охотно со всею готовностію предпочту это всему блестящему, великому и превосходящему всякое слово, если только при этомъ послѣднемъ лишенъ буду любви.“

Такъ св. Златоустъ говоритъ: „Высоки слова сіи: но мы не постигаемъ оныхъ, потому что не имѣемъ такой любви. Смыслъ же словъ его такой. Къ чему говорить о настоящихъ бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ сею жизнію? Если мнѣ укажутъ на будущія состоянія и силы; и то для меня мало въ сравненіи съ Христовою любовію. Еслибы кто сталъ угрожать мнѣ будущею нескончаемою смертію, чтобы отлучить меня отъ Христа, или обѣщалъ мнѣ за сіе безконечную жизнь, я не согласился бы. Укажешь ли мнѣ на Ангеловъ, на всѣ горнія силы, на все существующее, на все будущее; въ сравненіи съ любовію Христовою все для меня мало, все, что на землѣ, что на небѣ, что подъ землею, что превыше небесъ. Но какъбы и сего недостаточно было къ изображенію сильной любви, обладающей Апостоломъ, онъ представляетъ нѣчто другое равное прежнему, и говоритъ: *ни ина кая тварь*. Сіе значитъ: еслибы другая была такая же тварь, какъ видимая, такъ и постигаемая умомъ, и тогда ничто не отвлекло бы меня отъ сей любви. Выразился же такъ Апостолъ не потому, чтобы Ангелы или другія небесныя силы дѣйствительно стали отвлекать его отъ Христа, но желая единственно представить въ высшей степени ту приверженность, какую имѣлъ онъ ко Христу. Онъ любилъ Христа не ради принадлежащаго Христу; напротивъ, все Христово любилъ ради самаго Христа, къ Нему одному устремлялъ взоръ свой, но одного страшился— отпасть отъ сей любви. Отпасть отъ любви Христовой для него было ужаснѣе самой геенны, равно какъ пребывать въ любви вожделѣннѣе царства.“

КОНСПЕКТЪ КНИГИ.

Стран.

Введеніе . . . . . 3— 20

ПЕРВЫЯ ВОСЕМЬ ГЛАВЪ ПОСЛАНІЯ.

Предисловіе.

а) Надпись и привѣтствіе,—1, 1—7 . . . . . 23— 46
б) Начало посланія,—1, 8—17 . . . . . 46— 80

Вѣроучительная часть.

I. Помимо вѣры въ Господа нѣтъ спасенія . . . . . 81— 82

а) Положенъ судъ на содержащихъ истину въ неправдѣ,—ст. 18. 82 —87
б) Но въ этомъ виновны,—
аа) какъ язычники,—1, 19—2, 1—16. Ибо 87
α) обличаются въ нечестіи,—19—23 . . . . . 88—103
β) обличаются въ неправдѣ,—24—32.—Такъ какъ . . 103
αα) предались чувственности,—24—27. . . . . 103—116
ββ) а отсюда—и неправдѣ, 28—31 . . . . . 116—126
γ) и во всемъ этомъ виновны безотвѣтно—2, 1—16 . . . 126 - 162
бб) такъ и іудеи—2, 17—3, 20 162
α) Они знаютъ волю Божію,—2, 17—20 . . . . . 163—170
β) а живутъ противно ей,— — 21—24 . . . . . 170—175
γ) оттого—они хуже язычниковъ—25—29. . . . . 175—184
δ) Что же лишше Іудею?—3, 1—8. По отвѣтѣ— . . . 184—203
ε) убо безотвѣтны и Іудеи,—3, 9—20 . . . . . 203—220
в) и некуда дѣваться отъ суда всѣмъ· одно спасеніе въ Господѣ,—3, 21—30 . . . . . 220—245

II. Апостолъ убѣждаетъ, привлекаетъ и склоняетъ къ вѣрѣ—3, 31—5, 21 245

а) примѣромъ Авраама,—гл. 4, ... 245—286
б) сокровищами вѣры—5, 1—11 . . . . . 286—306
в) значеніемъ домостроительства въ исторіи человѣчества—5, 12—21. . . . . 306—328

	Стран.
III. Вѣра налагаетъ обязательство — быть святыми, — 6—7, 6	328
а) Апл. узаконяетъ сіе обязательство,—6, 1—10	329—348
б) Какъ устоять и чѣмъ проявлять ее—6, 11—14.	348—361
в) Побужденія къ тому,—15—23	361—380
г) Не примѣшивать іудейства—7, 1—6	380—395
IV. Благотворность вѣры,—гдѣ прежде	395—396
а) Злотворность живущаго въ насъ грѣха—7—25	396
аа) Не законъ размножилъ грѣхи, а живущій грѣхъ 7—13. .	396—417
бб) Что это за живущій въ насъ грѣхъ?—14—25	417—445
б) Затѣмъ обновленіе естества благодатію . . . , . . .	445—446
аа) Сущность его,—8, 1 10	446—480
бб) Полное явленіе въ будущемъ вѣкѣ—11—18	480—499
вв) Когда причастною ему станетъ и вся тварь 18—22 . . .	499—511
гг) Какъ прочны надежды сіи,—23—39. Основаніе имъ:	
α) начатки Духа,—23—27	512—526
β) предвѣчное опредѣленіе—28—30	526—541
γ) цѣна воплощ. домостроительства, 31—34	541—551
δ) глав. неотпадающая любовь,—35—39	551—560

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
40	8 св.	муничанія	умничанія
74	1 —	вѣрующихъ	въ вѣрующихъ
80	15 —	ни	не
123	5 —	θεοζυλεις	θεοζυγεις
138	12 —	въ оправданіи	въ оправданіе
155	2 —	творитъ	творить
157	11 сн.	свидѣтельствующей	сосвидѣтельствующей
165	6 св.	любишь говорить	любишь, говоритъ,
200	2 сн.	мрачнымъ	безславнымъ
208	13 св.	*то*	то
221	12 св.	только	только то
270	16 —	подчиняться	подчинятся
278	8 —	такъ	такъ,
280	6 —	при обѣтованіи	при обѣтованіи, и
283	10 сн.	что	что вѣра
287	6 св.	угрозившій	угрожавшій
342	14 —	не сдѣлаешь—его не, дашь	не сдѣлаешь его,—не дашь
—	13 сн.	тѣло грѣховное страсти-- испразднится	тѣло грѣховное—страсти— испразднится
352	14 св.	правды	природы
433	17 —	душевластію	душевностію
519	11 —	себѣ	себя
526	16 —	како	какъ

